

ТВОРЕНИЯ СВЯТОГО ОТЦА НАШЕГО ИОАННА ЗЛАТОУСТА АРХИЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКОГО

Том XI

Книга 2

ТОЛКОВАНИЕ НА 1-е ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

(Эти беседы произнесены святителем в Константинополе в 399 г.)

БЕСЕДА 1 на 1 Фес. 1:3. О необходимости бодрствования. - При каких условиях молитвы бывают полезными.

БЕСЕДА 2 на 1Фес. 1:8-10. Об Александре Македонском. - Подвиг проповедника. - Признаки истинного друга. - Пример христианской дружбы.

БЕСЕДА 3 на 1Фес. 2:9-12. Обязанность учителя. - Не должно смущаться искушениями. - Заговоры и повязки с целью врачевания больных. - О гадателях. - Не следует заботиться о деньгах.

БЕСЕДА 4 на 1Фес. 3:5-8. Попечительность ап. Павла об учениках. - Всякий грех - нечистота и всякая добродетель - чистота. Целомудрие Иосифа. - Не нужно помнить об обидах.

БЕСЕДА 5 на 1Фес. 4:1-3. Чистота в браке. - Не нужно юношам медлить со вступлением в брак. - Осторожность Златоуста при рассуждении о нескромных предметах.

БЕСЕДА 6 на 1Фес. 4:9-10. Не следует скорбеть об умерших. - Причина такой скорби - неверие.

БЕСЕДА 7 на 1Фес. 4:13. Доказательства воскресения. - Переселение душ у греков.

БЕСЕДА 8 на 1Фес. 4:15-17. Обстоятельства будущего воскресения. - Вечные награды и наказания. - Состояние страны на месте Содомы и Гоморры. Доказательства существования геенны.

БЕСЕДА 9 на 1Фес. 5:1-2. Кончина мира неизвестна для пользы живущих. - Всякий грех есть душевное опьянение. - Изнеженность ведет к гибели.

БЕСЕДА 10 на 1Фес. 5:12-13. Полезный способ мести - платить добром за зло. - Против любостыжателей и хищников.

БЕСЕДА 11 на 1Фес. 5:19-21. Средство избежать злоречия. - История одной рабыни. - Особые приемы нищих с целью добыть пропитание. - Призыв к милосердию.

ТОЛКОВАНИЕ НА 2-е ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

(Беседы эти произнесены святителем в Константинополе в 400 г.)

БЕСЕДА 1. Введение. - Мнение о том, что воскресение мертвых уже было. - Признаки пришествия антихриста. - Человеческие дела подобны сну.

БЕСЕДА 2 на 2 Сол. 1:1-2. Любовь должна распространяться на всех. - Не следует радоваться наказанию наших врагов. - Какую силу имеет страх наказания. - Полезно беседовать о геенне. - Ап. Павел из любви ко Христу ни во что вменял геенские мучения. - Богатство не есть добро, и бедность не есть зло.

БЕСЕДА 3 на 2 Сол. 1:9-10. О прославлении в будущей жизни. - Об антихристе. - Нужно читать Свящ. Писание.

БЕСЕДА 4 на 2 Сол. 2:6-9. Нерон, как прообраз антихриста. - Почему Бог допустил пришествие антихриста. - Церковное предание должно быть признаваемо достоверным - Златоуст о своем епископском звании. - Его смирение.

БЕСЕДА 5 на 2 Сол. 3:3-5. Как нужно подавать милостыню. - Пример жизни - лучший учитель.

ТОЛКОВАНИЕ НА 1-е ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

(Беседы эти произнесены святителем, вероятно, в Антиохии около 397 года.)

ВВЕДЕНИЕ. Почему ап. Павел писал только к Титу и Тимофею.

БЕСЕДА 1 на 1 Тим. 1:1-2. Величие апостольского звания. - Где вера, там не нужно исследования. - Против верования в рок и судьбу.

БЕСЕДА 2 на 1 Тим. 1:5-7. Откуда произошли ереси. - Как нужно пользоваться законом. - Истинная слава. - Истинное удовольствие.

БЕСЕДА 3 на 1 Тим. 1:12-14. Смирennemудрие ап. Павла. - О воздаянии добром за зло.

БЕСЕДА 4 на 1 Тим. 1:15-16. Смирennemудрие ап. Павла. - Как нужно прославлять Бога.

БЕСЕДА 5 на 1 Тим. 1:18-19. Каких следует избирать священников. - Против тех, которые недостойно или однажды только в год приступают к причащению св. таин.

БЕСЕДА 6 на 1 Тим. 2:1-4. Христианин должен быть выше всех. - Великое зло - проклинать ближнего. - Следует молиться за врагов.

БЕСЕДА 7 на 1 Тим. 2:2-4. Три вида войны. - Увещание к милостыне. - Ничтожество денег.

БЕСЕДА 8 на 1 Тим. 2:8-10. Где нужно молиться. - О приличном убранстве. - Об одеждах девственниц.

БЕСЕДА 9 на 1 Тим. 2:11-15. Женщинам не подобает говорить в церкви. - Как нужно воспитывать детей.

БЕСЕДА 10 на 1 Тим. 3:1-4. Об епископстве. - Каков должен быть епископ. - О добрых примерах.- Почему язычники не принимают веры.

БЕСЕДА 11 на 1 Тим. 3:8-10. Обязанности диаконов. - Как нужно пользоваться деньгами.

БЕСЕДА 12 на 1 Тим. 4:1-5. Еретики, постоянно заблуждаясь, впадают в погибель. - Манихеи, энкратиты, маркиониты. - Когда идоложертвенное бывает нечисто.- Против корыстолюбцев.

БЕСЕДА 13 на 1 Тим. 4:11-14. Обязанности епископа. - Против стремления к наслаждениям.

БЕСЕДА 14 на 1 Тим. 5:8. Обязанность заботиться о родных.- О вдовицах. - Описание жизни монахов.

БЕСЕДА 15 на 1 Тим. 5:11-15. Праздность научает всякому злу. - Изменчивость и скоротечность земной жизни.

БЕСЕДА 16 на 1 Тим. 5:21-23. Нравственные наставления.

БЕСЕДА 17 на 1 Тим. 6:3-7. Обязанности учителя. - Гордость порождается невежеством. - Сребролюбие - корень зла.

БЕСЕДА 18 на 1 Тим. 6:13-16. Нужно придерживаться не человеческих мудрований, но веры. - Человеческие дела скоротечны.

ТОЛКОВАНИЕ НА 2-е ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

(Беседы эти произнесены святителем, вероятно, в Антиохии около 397 года.)

БЕСЕДА 1 на 2 Тим. 1:1-2. Побуждение и время написания. - Похвала Тимофею. - Человеку невозможно прожить без скорбей. - О милостыни.

БЕСЕДА 2 на 2 Тим. 1:8-10. О делах божественных нельзя судить по соображениям человеческим. - Достоинство евхаристической жертвы зависит не от приносящего ее человека. - В евхаристии - истинное тело Христово.

БЕСЕДА 3 на 2 Тим. 1:13-18. Нужно бояться суда Божия.

БЕСЕДА 4 на 2 Тим. 2:1-7. Воздаяние за учительство. - На земли нет ни истинной славы, ни истинных благ. - Сравните Павла с Нероном.

БЕСЕДА 5 на 2 Тим. 2:11-14. Угрызения совести возмущают наш покой. - Страх суда, - Иногда и в настоящей жизни Бог карает нечестивых.

БЕСЕДА 6 на 2 Тим. 2:20-21. Рабу Божию следует уклоняться от состязаний. - Кто уловлен диаволом хотя бы отчасти, тот находится в его власти всецело. - Увещание к милостыни.

БЕСЕДА 7 на 2 Тим. 3:1-7. Развращение в последние дни. - О дружбе Ионафана с Давидом. - Наставление вдовицам.

БЕСЕДА 8 на 2 Тим. 3:1-4. Свойства человека неблагодарного. - Неизбежность скорбей и печали для благочестивых. - Почему в настоящей жизни Бог иногда наказывает порочных, иногда не наказывает.

БЕСЕДА 9 на 2 Тим. 3:16-17. Труды и подвиги ап. Павла.

БЕСЕДА 10 на 2 Тим. 4:9-13. Почему не все апостолы исцеляли от болезней. - Как можно привлечь благодать Духа. - Богатство Божие.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ТИТУ

(Беседы эти произнесены святителем в Антиохии между 393 и 397 годами.)

БЕСЕДА 1 на Тит. 1:1-4. Время написания послания. - Каково бывает познание истины по вере. - Нужно проповедовать с дерзновением. - Обязанности и трудности епископского служения.

БЕСЕДА 2 на Тит. 1:5-6. Труды апостолов. - Долг пастыря. - Павел сделал больше, чем Платон. - Пренебрежение славой и честью трудно для человека. - Не нужно искать почестей в здешней жизни.

БЕСЕДА 3 на Тит. 1:12-14. Объяснение слов Павла и его ссылки на языческих писателей. - Почему волхвы направляемы были звездой. - Способы обличения и исправления. - О чистом и нечистом. - Грех есть нечистота, которой нужно избегать.

БЕСЕДА 4 на Тит. 2:2-5. Недостатки старости. - Согласие супругов - великое благо. - Свойства доброго слуги. - Иосиф в Египте. - Добрые нравы привлекательны.

БЕСЕДА 5 на Тит. 2:11-14. Действенность благодати Божией. - В чем состоят мирские похоти. - Вред корыстолюбия. - Против говорящих, будто Сын меньше Отца. - Нужно воздерживаться от укоризн. - История Андрогоя.

БЕСЕДА 6 на Тит. 3:8-11. Нужно избегать споров с еретиками. - Нужно заботливо отыскивать бедных. - Подающий милостыню приобретает более, чем принимающий ее. - Тесный путь. - Богатство есть терние. - Нужно терпеливо переносить скорби. - История двух мучеников.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИМОНУ

(Беседы эти произнесены святителем в Антиохии между 393 и 397 годами.)

Предисловие.

БЕСЕДА 1 на Филим. 1-3. О милосердии и сострадании. - Некоторые обращают больше внимание на людей, нежели на Бога.

БЕСЕДА 2 на Филим. 4-6. Господа не должны быть слишком взыскательными к слугам. - Побуждение к любви мы должны находить для себя в любви Христовой.

БЕСЕДА 3 на Филим. 17-19. Молитва бывает великим благом тогда, когда мы совершаем дела, достойные ее. - Если Бог требует отчета и наказывает, то это не значит, что Он не есть благ.

ТОЛКОВАНИЕ НА 1-е ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

БЕСЕДА 1

"Павел и Силуан и Тимофей - церкви Фессалоникской в Боге Отце и Господе Иисусе Христе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших, непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего Иисуса Христа пред Богом и Отцем нашим" (1Сол.1:1–3).

1. Почему (апостол), когда писал послание к Ефессянам[1], хотя имел при себе Тимофея, не упомянул о нем вместе с собою, несмотря на то, что он был известен им и пользовался их уважением ("его верность вам известна", – говорит, – "потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании" (Фил. 2:22) – и еще: "Ибо я не имею никого равно усердного, кто бы столь искренно заботился о вас". (Филип. 2:20), а здесь ставит его наряду с собою? Мне кажется, потому, что он имел намерение немедленно послать его (Тимофея); поэтому излишним было писать от лица того, кто вскоре должен был получить самое послание для отнесения: "Итак я надеюсь", – говорит, "послать его тотчас же" (Филип.2:23). А теперь не то: (Тимофей) недавно возвратился от фессалоникийцев, – следовательно, прилично было и ему писать: "теперь же", – говорит, – "когда пришел к нам от вас Тимофей" (1Сол. 3:6). Но почему он ставит Силуана прежде его (Тимофея), хотя сам свидетельствует о бесчисленных достохвальных свойствах его и предпочитает его всем? Вероятно, (Тимофей), по своему глубокому смирению, сам хотел того и просил об этом Павла; когда видел в своем учителе столь великое смиренномудрие, что он ставит наряду с собою ученика, то тем более мог пожелать явить в себе подобное свойство. Итак, говорит (апостол): "Павел и Силуан и Тимофей - церкви Фессалоникской". Здесь он ничего не ставит пред своим именем, ни – апостол, ни – раб. Не выставляет своего достоинства, мне кажется, потому, что они (фессалоникийцы) были новооглашенные, еще не узнали его коротко; может быть даже, только еще начиналась проповедь его к ним. "Церкви", – говорит, – "Фессалоникской". Прекрасно сказано. Так как, вероятно, общество (солунян) было немногочисленно и еще неустроено, то названием Церкви он утешает их. Там, где Церковь существовала давно и состав ее был значителен, он не употребляет этого слова. Между тем он дает это название (фессалоникийцам) потому, что слово Церковь обыкновенно имеет значение множества и собрания людей, уже тесно с собою соединившихся. "В Боге", – говорит – "Отце и Господе Иисусе Христе". Церкви фессалоникской, говорит, которая есть "В Боге". Вот опять слово Бог пред именами Отца и Сына. "В Боге" же говорит потому, что много было церквей и иудейских, и эллинских. Велико и ни с чем несравнимо достоинство Церкви, если она "в Боге". О, если бы и эта Церковь могла быть так названа! Но я боюсь, чтобы она не сделалась недостойной этого названия. Если кто раб греха, то о нем нельзя сказать что он "в Боге". "Благодать вам и мир". Видишь ли, что послание начинается прямо похвалами? "Всегда благодарим Бога за всех вас, вспоминая о вас в молитвах наших". Благодарением за них

Бога (апостол) свидетельствует о великом их преуспевании, когда не только хвалит их, но и благодарит Бога, как совершителя всего их преуспевания. Но вместе с тем он научает их и смирению, как бы говоря, что все это есть дело силы Божией. Итак, он говорит о благодарении по причине их добрых дел, а о воспоминании их в молитвах – по своей любви к ним. Потом, желая показать, что он вспоминает о них не только в молитвах, но и помимо молитвы, говорит, подобно как и во многих других местах: "непрестанно памятуя ваше дело веры и труд любви и терпение упования на Господа нашего

Иисуса Христа пред Богом и Отцом нашим". Что значит **"постоянно помня"**? Или то, что памятуя пред Богом и Отцом, или – памятуя труд любви, сущий пред Богом и Отцом нашим. Не сказал просто: **"непрестанно памятуя (дело веры)"**, но – **"ваше"**. И опять, чтобы ты не подумал, что самое это: **"ваше"** сказано без цели, прибавил – **"пред Богом и Отцом нашим"**. Так как никто из людей не прославлял их подвигов, никто не воздавал им награды, то он и присовокупил это, как бы говоря: дерзайте – вы подвизаетесь пред Богом. Что же такое – **"дело веры"**? Это значит: ничто не поколебало вашего постоянства. Вот что есть дело веры! Если веруешь, все терпи; а если не терпишь, то и не веруешь. Разве не таковы (данные нам) обетования, что они могут склонить верующего к перенесению тысячи смертей? Нам обещаны небесное царство, бессмертие, вечная жизнь. Итак, кто верует, тот все перенесет, потому что вера показывается делами. Справедливо поэтому так сказал (апостол), желая выразить: вы не только показали веру, но оправдали ее делами, постоянством, усердием. **"И труд любви"**. Что за труд кое-как любить? Нет никакого. Но любить в собственном смысле – труд великий. В самом деле, когда восстают бесчисленные искушения, чтобы отвлечь нас от любви, между тем мы твердо противостояем всему, – не труд ли это, скажи мне? А чего не потерпели (фессалоникийцы), чтобы не изменить любви? Не приступили ли враги проповеди к принявшему в дом свой Павла, и, не нашедши (апостола), не повлекли ли самого Иасона к городским начальникам (Деян.17: 5 – 6)? Малый ли это труд, скажи мне, перенести такую бурю, такие искушения, когда семена проповеди еще не успели укорениться? И требовали от него удостоверения. И когда, говорится, было дано удостоверение, он отослал Павла (Деян.17:9). Малый ли это подвиг, – скажи мне? Не подвергал ли он даже себя самого опасности для него (апостола)? Вот это и называет (апостол) трудом любви, – до такой степени простиралась преданность (к нему фессалоникийцев).

2. Заметь при том: прежде он говорит об их подвигах, а потом уже о своих, чтобы не показалось, что он превозносится и что не полюбил их прежде обнаружения их любви. **"И терпение"**, говорит, – потому что упомянутое преследование было не однократное, но непрерывное, и гонители враждовали не только против учителя, Павла, но и против научаемых. Если они были так враждебны к тем, кто творил чудеса, к людям, внушавшим благоговение, то как, ты думаешь, смотрели они на тех, кто жил вместе с ними, принадлежал к их обществу и вдруг потом отделился от них. Именно на это и указывает (апостол), говоря: **"сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее"** (1Сол. 2: 14). И **"упования"**, – продолжает далее, – **"на Господа нашего Иисуса Христа, пред Богом и Отцом нашим"**. Справедливо сказал он так. Все это произошло от веры и упования, так что в случившемся выразилось не только мужество их, но и то, что они с полным убеждением уверовали в обетованные награды. А Бог попустил немедленно быть гонениям на них для того, чтобы кто не сказал, что проповедь Христова утвердилась случайно, или чрез обман, – чтобы обнаружилась теплота их веры, и явно было, что не убеждение человеческое, но сила Божия дала такую крепость душам верующих, что они готовы были перенести даже тысячу смертей; а этого не могло бы быть, если бы проповедь вскоре же не укоренилась глубоко и не сделалась непоколебимою. **"Зная избрание ваше, возлюбленные Богом братия; потому что наше благовествование у вас было не в слове только, но и в силе и во Святом Духе, и со многим удостоверением, как вы [сами] знаете, каковы были мы для вас между вами"** (ст. 4 и 5). Что такое говорит он: **"знаете, каковы были мы для вас между вами"**. Здесь он и своих касается подвигов, но прикровенно; главным же образом хочет их похвалить. Смысл его слов такой: мы знаем, что вы принадлежите к числу благородных и великих, к числу избранных; поэтому-то и мы терпим все ради вас; слова: **"каковы были мы для вас"** и означают то, что мы с великим усердием и великим мужеством готовы были положить за вас и души свои, и однакоже за это благодарность не нам, а вам; так как вы избранные. Потому он и в другом месте говорит: **"Посему я все терплю ради"**

избранных" (2 Тим.2:10). Подлинно, **за** возлюбленных Божиих чего бы кто не согласился потерпеть? И, упоминая о себе, он говорит как бы так: если вы и возлюбленные и избранные, то нам и должно терпеть все. Таким образом служили ободрением для них не только похвала, но и напоминание о том, что и сами (апостолы) являли мужество соответствующее их ревности. Далее говорит: **"И вы сделались подражателями нам и Господу, приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго"** (ст.6). Смотри, какая похвала! Ученики вдруг сделались учителями. Они не только вняли учению, но и достигли высоты одинаковой с Павлом. Но это ничто в сравнении с тем, что следует далее. **В** самом деле, посмотри, куда возводит их, говоря: **"сделались подражателями Господу"**. Каким же образом? **"Приняв слово при многих скорбях с радостью Духа Святаго"**. Не просто –при скорбях, но –при многих. И это можно видеть в Деяниях Апостольских, – какое гонение воздвигли против них. Встревожили, говорится там, всех градоначальников, и весь город подвигли против них (Деян.17:8). Не довольно было сказать: вы скорбели и среди бедствий не переставали веровать; но: вы веровали с великой радостью. Так поступили и апостолы: **"радуясь"**, – говорится о них, – **"что за имя Господа Иисуса удостоились принять бесчестие"** (Деян.5:41). Это именно и удивительно. Если уже и то не мало, чтобы переносить скорби как-нибудь, то переносить их с радостью свойственно тем, кто выше человеческой природы, кто имеет тело как бы бесстрастное. Чем же они соделались **"подражателями Господу"**? Тем, что и Он сам претерпевал великие страдания и не предавался скорби, но радовался. Он для того и пришел добровольно, для того и истощил Себя за нас, чтобы претерпеть заплывание, заушение и распятие; и претерпевая все это, так радовался, что говорил Отцу своему: **"прославь Меня"** (Ин.17:5). **"С радостью"**, – говорит, – **"Духа Святаго"**. Чтобы кто не сказал: как ты говоришь о скорби и вместе о радости, – как та и другая могут быть совместны?– он прибавил: **"с радостью Духа Святаго"**. Скорбь в них, как в телесных, а радость, как в духовных. Как же это? Обстоятельства скорбны, а то, что они производят, не таково, так как Дух не попускает этого. Оттого можно не радоваться среди страдания, когда кто страдает за грехи, но можно и веселиться среди бичевания, когда кто страдает за Христа.

3. Такова-то радость Духа! Вместо кажущихся печалей Дух Божий производит радость. Вас, говорит, огорчали и преследовали; но Дух не оставлял вас и тогда, и как три отрока орошаемы были в огне, так и вы в скорбях. Но как там орошение было действием не естества огня, но Духа прохлаждающего, так и здесь не естество скорби производит радость, но страдание за Христа и Дух, орошающий и чрез пещь искушений приводящий к прохладе и покою. Не просто говорит: **"с радостью"**, но: **"великою"**, так как это именно означают слова: **"Духа Святаго"**. **"Так что вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии"** (ст.7). Хотя он приходил к ним проповедовать позже, нежели к другим, но говорит: вы так просияли, что сделались учителями принявших веру прежде вас. И это – апостольское достоинство. В самом деле он не сказал: так что стали образцом для имеющих уверовать, но – стали образцом уже верующим, то есть, вы, вступив с самого начала в борьбу, научили этим, как должно веровать в Бога. **"И в Ахаии"**, говорит, то есть, в Элладе. Видишь ли, как много значит усердие? При усердии, не нужно ни времени, ни промедления, ни отлагательства; достаточно только приняться за дело, и все будет приведено в исполнение. Оттого-то и они, приняв проповедь после других, сделались учителями принявших ее прежде. Итак, пусть никто не отчаивается, хотя бы, и много потратив времени, ничего не сделал. И в короткое время он имеет возможность сделать столько, сколько не сделал бы во всю прежнюю жизнь. Если неверовавший прежде так просиял в самом начале, то тем более (могут достигнуть этого) уже уверовавшие.

Впрочем, имея это в мысли, – что в короткое время можно вознаградить все, – пусть никто не остается беспечным. Будущее неизвестно, и день Господень, как тать, внезапно застигнет нас спящих. Если же мы не будем спать, то он не застигнет нас, как тать, и не представит (на суд) неприготовленными. Если мы будем бодрствовать и трезвиться, то он придет к нам не как тать, а как царский вестник, призывающий нас к уготованным для нас благам. Если же будем спать, то он предстанет как тать. Итак, пусть никто не спит, пусть никто не будет ленивым в добродетели; а это и есть сон. Ужели не знаете, как небезопасно наше имущество, когда мы спим, – как легко бывает тогда делать покушения на него? Когда бодрствуем, тогда нам нет надобности в особенных предосторожностях. Напротив, когда спим, то и при всех предосторожностях часто погибаем. Есть и двери, и запоры, и стражи, и караульные; между тем вор успевает войти. Но к чему я говорю это? К тому, что если мы будем бодрствовать, то не будем нуждаться в помощи других, а если будем спать, то помощь других не принесет нам никакой пользы, но и при ней можем погибнуть. Хорошо уповать на молитву святых, но – тогда, когда мы и сами трудимся. Для чего же нужна мне, скажет кто-нибудь, молитва других, когда я сам буду деятелен и таким образом не доведу себя до нужды в ней? И я не желаю вам того; но если судить здраво, то мы всегда испытываем эту нужду. Павел не говорил: что мне за нужда в молитве других? Хотя молившиеся за него не были достойнее его, и даже не были равны ему; а ты говоришь: какая мне нужда в молитве других? Петр не говорил: что мне за нужда в молитве? – молитва, сказано, **"церковь прилежно молилась о нем Богу"** (Деян.12:5); а ты говоришь: зачем мне нужна молитва других? Затем тебе нужна, что ты считаешь ее для себя ненужною. Хотя бы ты был равен Павлу, ты имеешь нужду в молитве. Не возносись, чтобы не унизиться. Но, как я уже сказал, только тогда приносят нам пользу молитвы за нас, когда мы и сами трудимся. Послушай, что говорить Павел. **"Ибо знаю", – говорит, – " что это послужит мне во спасение по вашей молитве и содействием Духа Иисуса Христа"** (Флп.1:19), – и еще: **" при содействии и вашей молитвы за нас, дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас "** (2 Кор.1:11). А ты говоришь: какая мне нужда в молитве? Конечно, если мы сами будем беспечны, никто не в состоянии будет помочь нам своими молитвами. Какую пользу принес Иудеям Иеремия? Не троекратно ли он приступал к Богу и не троекратно ли слышал: **"Не возноси за них молитвы и прошения, и не ходатайствуй предо Мною, ибо Я не услышу тебя"** (Иер.7:16)? Какую пользу оказал Саулу Самуил? Не до последнего ли дня он плакал о нем, а не просто молился только? Какую пользу принес он израильтянам? Не говорил ли он: **"и я также не допущу себе греха пред Господом, чтобы перестать молиться за вас"** (1Цар.12:23)? И не погибли ли они все? Итак, скажут, молитвы не приносят никакой пользы? Приносят, и большую, но – когда и мы делаем что-нибудь; молитвы (других) содействуют и помогают, а содействовать кто -либо и помогать может только тому, кто уже сам действует; если же сам останешься в бездействии, то не получишь большой пользы.

4. Действительно, если бы молитвы (других), при бездействии с нашей стороны, имели силу вводить нас в царствие, то почему не все эллины – христиане? Не за весь ли мир мы молимся? Не делал ли того же и Павел? Не молимся ли мы, чтобы все обратились к спасению? Почему же, скажи, нечестивые не делаются благочестивыми? Не оттого ли, очевидно, что они ничего не хотят привнести со своей стороны? Итак, молитвы (других) доставляют великую пользу, когда и сами мы привносим к ним то, что требуется от нас. Хочешь ли знать, как бывали полезны молитвы? Вспомни о Корнилии (Деян.10:4), о Тавифе (Деян.9:36). Послушай также, что говорил Иаков Лавану: **"Если бы не был со мною Бог отца моего, Бог Авраама и страх Исаака, ты бы теперь отпустил меня ни с чем"** (Быт.31:42). Послушай еще, что говорит Сам Бог: **"Я буду охранять город сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего"** (4Цар.19:34). Но когда это? При Езекии, который был праведен. Между тем если бы молитвы имели силу и для

великих нечестивцев, то почему, и во время нашествия Навуходоносора, Бог не сказал того же, а предал город? Потому, что тогда более усилилось нечестие. Опять, тот же самый Самуил молился об израильтянах, и имел успех. Но когда? Когда и сами они благоугождали пред Богом, тогда Бог прогонял врагов их. Какая же мне нужда, скажет кто-нибудь, в молитве другого, когда я живу богоугодно? Никогда не говори этого, человек! Есть нужда, и нужда во многих молитвах. Послушай, что говорит Бог о друзьях Иова. Он "помолится", – говорит, – "за вас", и отпустится вам согрешение (Иов42:8), потому что, хотя они и согрешили, но не велик был их грех. А этот же самый праведник, спасший тогда молитвою друзей своих, во время иудейского царства не мог спасти иудеев от гибели. И чтобы тебе это понятно было, послушай, что говорит Бог чрез пророка: **"и если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов, не спасли бы ни сыновей, ни дочерей"** (Иез.14:14–18), потому что превозмогло нечестие. И опять: **"хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил"** (Иер.15:1). И заметь, как это говорится двум пророкам, потому что оба они предстательствовали за иудеев, но не имели успеха. Так как Иезекииль говорил: **"о, Господи Боже! неужели Ты погубишь весь остаток Израиля?"** (Иез.9: 8), то Бог, давая знать, что делает это праведно, и не по небрежению к Нему не принимает его ходатайства за них, указывает ему на их грехи, как бы говоря: и эти уже грехи достаточно могут уверить тебя, что Я не по небрежению к тебе не принимаю твоего предстательства, но по множеству их грехов, – при всем том прибавляет и эти слова: **"и если бы нашлись в ней сии три мужа: Ной, Даниил и Иов"**. И в особенности нужно было сказать к нему эти слова, потому что он сам много пострадал для израильтян. Ты сказал мне, Господи, говорит он, чтобы я ел в нечистотах, и я ел; Ты сказал мне, и я обрился; Ты сказал мне, и я лежал на одном боку; Ты сказал мне с ношею пройти сквозь стенное отверстие, и я прошел; Ты взял у меня жену и запретил мне плакать, и я не плакал, но претерпел благодушно. Я сделал тысячи и других самопожертвований ради их, и вот я умоляю Тебя о них, – а Ты не внимаешь! Итак, Бог, показывая, что делает это не по небрежению к нему, говорит: хотя бы был Ной, хотя бы Иов, хотя бы Даниил, и стали умолять о сынах и дочерях, **Я не послушаю**. И опять, что говорить Бог Иеремии, менее страдавшему вследствие повелений Божиих, но гораздо более от нечестия иудеев? **"Не видишь ли, что они делают"** (Иер.7:17)? Правда, говорит пророк, они творят; но Ты сделай ради меня. На это Бог говорить ему: **"хотя бы предстали пред лице Мое Моисей и Самуил"**. Моисей – первый законодатель, много раз избавлявший их от опасностей, сказавший: **"прости им грех их, а если нет, то изгладь и меня из книги Твоей, в которую Ты вписал"**. (Исх. 32:32), – если бы даже он был теперь и говорил это, то и он не успел бы, равно как и Самуил, также избавлявший их и с самых малых лет заслуживший у них великое уважение. О первом Я сказал, что беседовал с ним, как друг с другом, а не в притчах, а о последнем, что Я в отрочестве его явился ему и, преклонившись на просьбу его, отверз заключенный дар пророчества: **"Слово Господне"**, – сказано, – **"было редко в те дни, видения [были] не часты"** (1Цар.3:1). Итак, если бы оба они предстали, не имели бы никакого успеха. Равным образом говорится и о Ное: **"Ной был человек праведный и непорочный в роде своем"** (Быт.6:9), – и об Иове, что он **"был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла"** (Иов1: 1). Но если бы и они предстали, и Даниил, которого халдеи почитали даже как Бога, то не могли бы, говорит Бог, избавить сынов и дочерей их. Итак, зная это, не будем ни пренебрегать молитвами святых, ни полагаться на них всецело. Соблюдим последнее для того, чтобы не облениться и не проводить жизни в праздности, а первое для того, чтобы не лишиться великой пользы. Напротив, будем и их просить, чтобы они молились о нас и помогали нам, и сами – пребывать в добродетели, чтобы быть в состоянии достигнуть благ, обещанных любящими Бога, благодати и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Следовало сказать "**к Филиппийцам**", судя по приводимым ниже местам из послания к Филиппийцам. Между тем в послании к Филиппийцам имя Тимофея поставлено наряду с именем апостола Павла, а в послании к Ефессянам этого, действительно, нет. Это могло произойти от того, что святитель, приводя тексты из послания к Филиппийцам на память, почел их принадлежащими посланию к Ефессянам.

БЕСЕДА 2

"Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла [слава] о вере вашей в Бога, так что нам ни о чем не нужно рассказывать. Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам, и как вы обратились к Богу от идолов, [чтобы] служить Богу живому и истинному и ожидать с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева" (1 Сол.1:8-10).

1. Как благовонное миро не удерживает благоухания в себе самом, но разливает его далеко и, растворяя им воздух, услаждает чувства близ стоящих, так точно благородные и досточтимые мужи не могут скрыть своих доблестей в себе самих, но чрез распространяющуюся о них славу многим приносят пользу, делая их лучшими. То же самое совершилось и тогда (с фессалоникийцами). Поэтому (апостол) и сказал: **"вы стали образцом для всех верующих в Македонии и Ахаии. Ибо от вас пронеслось слово Господне не только в Македонии и Ахаии, но и во всяком месте прошла [слава] о вере вашей в Бога"** (1 Сол.1:7-8). Вы, говорит, представили собой поучительный пример для всех, живущих близ вас, и исполнили удивления всю вселенную: слова: **"во всяком месте"** такой именно имеют смысл. И не сказал он: распространилась вера ваша, но пронеслось, внушая тем, что подобно тому, как глас звучащей трубы наполняет все окрестные места, так и слава о вашей доблести, громкая точно звук трубный, наполнила всю вселенную и повсюду до всех достигла с равной силою. Великие деяния там, где они совершаются, громкогласно бывают прославлены, а в отдалении, хотя и прославляются, но не так. Но с вами иначе: слава о вас с одинаковою силою разнеслась по всей земле. И пусть никто не думает, что в этих словах есть преувеличение. Народ этот, народ македонский, был знаменит еще до пришествия Христова и повсюду славился более римлян. Сами римляне тем знамениты, что покорили его.

То, что совершил царь македонский, выше всякого слова: выступив в поход из незначительного государства, он овладел всею вселенною. Вот почему пророк его видит под образом летучего барса, изображая этим скорость, силу, пылкость и ту быстроту, с которою он промчался чрез всю вселенную со своими трофеями и победою. Говорят, что он, услышав от некоего философа о существовании бесчисленного множества миров, горько жалел, что, несмотря на их бесчисленность, он не завоевал даже и одного. Так он был предприимчив и велик душою и так был славен по всей земле! Но со славою царя соединялась и слава народа: ведь Александра называли македонянином. Поэтому вместе со славою о нем самом, естественно, распространялась повсюду слава и о событиях его царства, так как ничто знаменитое не может оставаться в неизвестности. Итак, деяния македонян были не менее славны, как и деяния римлян. **"Во всяком месте"**, – говорит, – **"прошла [слава] о вере вашей в Бога"** Смотри, что он говорит как бы о чем-то одушевленном, употребляя слово: "прошла". И этот образ выражения внушен, конечно, силою их (веры). Потом, желая показать, что они точно обнаружили веру крепкую и действительную, прибавляет далее: **"так что нам ни о чем не нужно рассказывать. Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам"**. То есть, - нигде не ждут

услышать наше повествование о вас, но люди, не посещавшие вас и не видевшие ничего, предваряют своими рассказами о вас тех, которые у вас были и видели ваши подвиги. Так всюду по слухам сделалась известною ваша вера! Итак, нам нет надобности рассказывать о ваших делах, для возбуждения в других подобного же соревнования, – потому что о чем надлежало бы слышать от нас, о том они, предупреждая нас, рассказывают сами. Хотя при таких случаях в людях часто действует зависть, но ваше превосходство победило и ее, они сделались провозвестниками ваших подвигов. Несмотря на то, что они и отстали от вас, они все – таки не молчат, но даже прежде других рассказывает о вас. Если же так поступают они, то нельзя не доверять нашим словам. Что значит: **"какой вход имели мы к вам?"** То, что он был соединен с опасностями, с тысячею смертей, и однако ничто вас не возмутило, напротив, – вы обращались с нами так, как будто бы ничего не случилось, вы приняли нас после этого так, как будто не претерпели никакого зла, а насладились бесчисленными благами. Упоминаемый здесь вход был вторичный. Именно, (апостол и его спутники) _отправились (из Фессалоники) в Веррию, будучи преследуемы, и впоследствии, пришедши опять (к фессалоникийцам), так были приняты ими, что и сами (фессалоникийцы) были почтены (апостолами), так что эти последние готовы были положить за них свою душу. Следовательно, значение выражения: **"какой вход имели мы к вам"** – обоюдно: оно содержит в себе похвалу и апостолу с его спутниками и фессалоникийцам, но апостол обратил его в похвалу фессалоникийцев. **"Как"**, – говорит он, – **"вы обратились к Богу от идолов, [чтобы] служить Богу живому и истинному"**, то есть, – вы обратились весьма легко, с большой готовностью, и не чувствовали нужды в особенном усилии для того, чтобы решиться служить Богу живому и истинному. К этому (апостол) присоединил и увещание, делая чрез это свою речь менее тяжелой. **"И ожидать"**, – говорит, – **"с небес Сына Его, Которого Он воскресил из мертвых, Иисуса, избавляющего нас от грядущего гнева"**. **"И ожидать с небес Сына Его"** – Того, Который был распят, Который был погребен, поэтому, поясняя сказанное, он прибавляет: **"Которого Он воскресил из мертвых"**. Видишь все вместе: и воскресение, и вознесение, и второе пришествие, суд, воздаяние праведным и наказание злых? **"Иисуса"**, – говорит, – **"избавляющего нас от грядущего гнева"**. Здесь и ободрение, и утешение, и наставление для них. Если (Бог) воскресил Его из мертвых, если Он на небесах, и придет оттуда (а вы уверовали, что это действительно так, потому что, не уверовав, вы не перенесли бы таких страданий), то в этом заключается уже достаточное ободрение. А если еще и гонители непременно будут наказаны, о чем говорит (апостол) и во втором послании (2Сол.1: 8,9), то вы имеете и другое, также не малое ободрение. С другой стороны, он сказал об ожидании Сына Его с небес и для того, чтобы показать, что бедствия на лицо, а блага в будущем, когда Христос придет с небес. Смотри же, сколько надобно иметь надежды, – надейся, что Распятый воскрес, что Он вознесся на небеса, что придет судить живых и мертвых. **"Вы сами знаете, братья, о нашем входе к вам, что он был не бездейственный; но, прежде пострадав и быв поруганы в Филиппах, как вы знаете, мы дерзнули в Боге нашем проповедать вам благовестие Божие с великим подвигом"** (1Сол.2:1,2).

2. Велики и ваши подвиги; но и мы не человеческое проповедовали слово. Здесь (апостол) хочет выразить то, что и выше говорил, именно, что свойства проповеди обнаруживаются с обеих сторон – как со стороны чудес и решимости проповедников, так и со стороны ревности и усердия принимающих. **"Вы сами знаете, братья"**, – говорит, – **"о нашем входе к вам, что он был не бездейственный"**, то есть, не обыкновенный, не случайный. Едва избавившись от великих опасностей, от смертей, от поражений; мы тотчас же впали в новые опасности. Но **"но, прежде пострадав"**, – говорит, – **"и быв поруганы в Филиппах, как вы знаете, мы дерзнули в Боге нашем проповедать"**. Видишь ли, как опять все приписывает Богу? **"Проповедать вам благовестие Божие с великим подвигом"**. Нельзя, говорит, сказать, чтобы там мы подвергались опасностям, а здесь –

нет. Знаете и вы, какова эта опасность и каков нужен был подвиг – быть у вас. (Апостол) говорит это и коринфянам в послании к ним: **"И был я у вас в немощи и в страхе и в великом трепете"** (1 Кор.2:3). **"Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых [побуждений], ни лукавства; но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить [нам] благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши"** (ст. 3–4). Видишь ли, что, как я уже сказал, от твердости проповедников заимствуется доказательство Божественности их проповеди? Если бы, значит, проповедь наша была не такова, если бы она была обманом, то мы не подвергли бы себя таким бедствиям, которые не дают нам и вздохнуть свободно. Что же из этого следует? Если бы нас не одушевляло нечто, ожидаемое в будущем, если бы мы не уверены были, что надежда наша несомненна, то мы не оставались бы столь бодрыми среди страданий. В самом деле, кто решился бы ради здешних благ потерпеть столько бедствий и проводить жизнь страдальческую и полную опасностей? Да и кого бы убедил такой проповедник? Не достаточно ли было бы для устрашения учеников одного того, что они видели бы учителей своих постоянно в опасностях? Но с вами не случилось этого. **"Ибо в учении нашем нет ни заблуждения, ни нечистых [побуждений], ни лукавства"**. Дело наше, говорит, не обман, не обольщение, в которое бы мы вдалились, не из рода дел темных, каковы дела чародеев и волшебников, – это выражается словом: "от нечистых побуждений", – не злонамеренное, не мятежническое какое-нибудь, как дело Февды: **"Но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить [нам] благовестие, так мы и говорим, угождая не человекам, но Богу, испытующему сердца наши"**. Видишь ли, что это не тщеславие? **"Но Богу"** – говорит, – **"испытывающему сердца наши"**. Мы ничего, говорит, не делаем из угождения людям; да и для чего мы стали бы делать что-нибудь такое? Похвалив таким образом самих себя, в словах: не потому, чтобы мы хотели угождать людям, или домогались от людей чести, – апостол продолжает: **"Но, как Бог удостоил нас того, чтобы вверить [нам] благовестие"**. Если бы Бог не знал, как бы так говорит он, что мы совершенно отреклись от всего житейского, то не избрал бы нас. Как Он искусил нас, такими мы и остаемся. **"Испытующему"**, – говорит, – **"сердца наши"**, то есть, (Бог) искусил нас и вверил нам благовествование. Итак, как оказались мы пред Богом безукоризненными, такими и остаемся. Доказательством подобного достоинства нашего служит то, что нам вверено благовествование. Если бы в нас было что-нибудь дурное, то Бог не искусил бы нас. Слово же – искусил (.....) употреблено здесь в смысле – нашел стоящими доверия (.....) и вверил, а не в смысле – испробовал, потому что мы только действуем вследствие испытания, а Бог не имеет нужды в испытывании. Таким образом, мы говорим так, как свойственно искушенным от Бога и признанным достойными благовествования. **"И говорим, угождая не человекам"**, то есть, не ради вас все это делаем. Так как он пред этим похвалил их, то, чтобы не навлечь на свои слова подозрения, продолжает: **"Ибо никогда не было у нас перед вами ни слов ласкательства, как вы знаете, ни видов корысти: Бог свидетель! Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других. Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы"** (ст.5–7). "Никогда не было", – говорит, – "у нас пред вами слов ласкательства", – то есть, мы не льстили, как это делают обманщики, люди, ищущее корысти или власти. Нельзя сказать, что мы льстили, чтобы достигнуть власти или что мы решились на это для денег. В свидетели этого, хотя это было очевидно, он призывает, наконец, их самих. Льстили ли мы, говорит, вы знаете. В свидетели же того, что было неочевидно, то есть, проповедовал ли он ради любостыжания, призывает самого Бога. **"Не ищем славы человеческой ни от вас, ни от других. Мы могли бы явиться с важностью, как апостолы Христовы"**, то есть не требуя почестей, не тщеславясь и не окружая себя копыеносцами, хотя, если бы мы и делали это, не сделали бы ничего странного. Если посланники царя пользуются честью, тем более можно нам. И не сказал: мы терпели бесчестие, или: не пользовались честью, что значило бы упрекать (фессалоникийцев), но: мы не искали. Итак, если мы не искали славы, хотя и можно было

искать, и самая проповедь того требовала, то каким образом мы делаем что-нибудь для славы? Между тем, если бы мы и искали, то и того нельзя было бы поставить нам в вину, потому что тем, которые посланы к людям от Бога, по всей справедливости надлежит, как явившимся ныне с неба вестникам, пользоваться большою честью. И, несмотря на все это, мы не делаем ничего подобного, чтобы заградить уста противников.

3. И нельзя сказать, будто мы с вами поступали так, а с другими иначе. В самом деле, (апостол) то же говорил и в послании коринфянам: **"Вы терпите, когда кто вас порабощает, когда кто объедает, когда кто обирает, когда кто превозносится, когда кто бьет вас в лицо"** (2 Кор.11:20). И еще: **"в личном присутствии слаб, и речь [его] незначительна"** (2 Кор.10:10). И еще: **"Простите мне такую вину"** (2 Кор.12:13). Таким образом и там показывает, что он был весьма смиренным, потому что перенес много (бедствий). А здесь говорит и о деньгах: **"Мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы, но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими. Так мы, из усердия к вам, восхотели передать вам не только благовестие Божие, но и души наши, потому что вы стали нам любезны"** (ст. 7,8) **"Но были"**, – говорит, – **"тихи"**, то есть, мы не обнаружили ни грубости, ни притеснения, ни высокомерия, ни хвастовства; а слова: **"среди вас"** означают то же, как если бы кто сказал: мы такие же, как и вы, и не получили никакого высшего жребия.

"Как кормилица", – говорит, – **"нежно обходится с детьми своими"**. Таким должно быть учителю. Льстит ли кормилица дитяти, чтобы заслужить у него славу? Ищет ли она денег от малюток? Бывает ли высокомерна с ними и сурова? Напротив, не бывает ли она нежнее самих матерей? Здесь (апостол) обнаруживает в себе нежную любовь. **"Так"**, – говорит, – **"из усердия к вам"** то есть, усердствуя к вам; мы, говорит, преданы вам до такой степени, что не только ничего не берем от вас, но, если бы нужно было, не отказались бы отдать вам и свои души. Итак, человеческий ли это расчет, скажи мне? Но кто будет столько безрассуден, чтобы сказать это? **"Восхотели передать"**, – говорит, – **"вам не только благовестие Божие, но и души наши"**. Последнее, следовательно, труднее первого. А что больше приносит пользы? От благовествования действительная польза для них; но предать душу – подвиг больший по своей трудности. В самом деле, не все равно – проповедовать только, и – отдать душу. Первое само по себе досточтимее, последнее гораздо труднее. Мы готовы были, говорит, если бы это было нужно, и души свои истощить для вас. Так как (апостол) и прежде хвалил и теперь хвалит (фессалоникийцев), то и говорит поэтому: мы делаем это не для выпрашивания денег, не из лести, не для снискания у вас славы. Обрати однако внимание! Так как (фессалоникийцы) оказали много подвигов, и их следовало безмерно хвалить и им удивляться, чтобы они явили себя еще более непреклонными, то похвала такого рода могла показаться подозрительною. Поэтому, устраняя всякое подозрение, он говорит о своих бедствиях. С другой стороны, опасаясь, чтобы не подумали, что он говорит о бедствиях с целью показать, как он трудился для них и какую, следовательно, честью должен у них пользоваться, он, сказав о бедствиях, прибавил: **"потому что вы стали нам любезны"**, показывая таким образом, что мы даже охотно отдали бы вам свои души, потому что были вам совершенно преданы. Итак, благовествование мы возвещаем вам потому, что Бог повелел нам это; но, со своей стороны, мы вас столько любим, что, если бы нужно было, отдали бы вам даже свои души. Так-то должен любить истинно любящий. Он не откажет даже в своей душе, если бы у него потребовали ее и если бы это было возможно. Но что я говорю: потребовали? Он сам вызовется на такое пожертвование. Ничего, подлинно ничего не может быть сладостнее такой любви. Для нее ничто не представляется прискорбным. Верный друг поистине – услада жизни. Верный друг поистине – твердый покров.

Чего, в самом деле, не сделал бы искренний друг? Какого не доставил бы он удовольствия? Какой пользы? Какой безопасности? Укажи ты на бесчисленные сокровища, и все это – ничто в сравнении с искренним другом. Но скажем прежде, сколько удовольствия заключает дружба в себе самой. Взвешивая на друга просветляется от радости, тает от удовольствия и соединяется с ним по душе каким-то особенным союзом, заключающим в себе неизъяснимое наслаждение. Он оживает духом и окрыляется даже при одном только воспоминании о нем. Я говорю о друзьях искренних, единокровных, готовых умереть друг за друга, горячо любящих друг друга. Не думайте опровергнуть мои слова, воображая себе обыкновенных приятелей, сообщников застольных, друзей по одному имени. Кто имеет такого друга, о каком говорю я, тот поймет мои слова. Хотя бы он видел его каждый день, он не пресытится; он желает ему того же, чего и себе самому, Я знал одного человека, который, призывая в молитве за друга святых Божиих мужей, молил их предстательствовать прежде за него, а потом уже за себя. Друг так мил, что даже места и времена становятся любезны от него. Как светлые тела разливают свет на окружающие предметы, так и друзья самим местам, в которых случалось им бывать, сообщают свою приятность. И часто бывает, что, посетив эти места без друзей, мы плачем, вспоминая о тех днях, в которые были здесь вместе, и рыдаем. Невозможно однако словами выразить, сколько удовольствия доставляет присутствие друзей; это понимают только те, которые испытали. От друга можно без зазрения и просить услуги, и принимать услугу. Когда они приказывают нам, мы им благодарны, – и скорбим, когда они стесняются. У нас нет ничего, что не принадлежало бы им. Часто, презирая все здешнее, мы однако не хотим расстаться с здешнею жизнью только для них. Они вожделеннее нам самого света.

4. И действительно, друг вожделеннее самого света. Я говорю о друге искреннем. И не дивись этому. В самом деле, лучше для нас, чтобы солнце померкло, чем лишиться друзей; лучше проводить жизнь во тьме, нежели жить без друзей. И я скажу, почему это. Многие, взвешивая на солнце, находятся во тьме, а богатые друзьями никогда не бывают скорбны. Я говорю о друзьях духовных, ничего не предпочитающих дружбе. Таков был Павел, который, охотно отдавая (друзьям) свою душу, хотя они и не просили его о том, охотно бросился бы за них в геенну. Так надобно любить пламенною любовью! Я хочу представить пример дружбы. Друзья дороже отцов и сыновей, – друзья о Христе. Не говори мне о друзьях нынешних, потому что вместе со многим другим утрачено ныне и это благо; но вспомни, что при апостолах, – не говорю о первостоятелях, а о самих даже веровавших, – у всех, как сказано: **"было одно сердце и одна душа; и никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее. И каждому давалось, в чем кто имел нужду"** (Деян.4:32,35). Тогда не было моего и твоего. Вот дружба, когда кто не почитает своего своим, но принадлежащим ближнему, а собственность ближнего считает чуждой для себя, – когда один так бережет жизнь другого, как свою собственную, а тот платит ему взаимно таким же расположением. Но где же, скажут, можно теперь отыскать такого друга? Именно, нигде нельзя, потому что мы не хотим быть такими, а если бы захотели, было бы даже очень можно. Если бы это было в самом деле невозможно, то Христос не заповедал бы этого и не говорил бы так много о любви. Великое дело дружба, и в какой мере великое, этого никто не может понять, этого не выразит даже никакое слово, разве кто узнает по своему опыту. Непонимание ее произвело ереси; оно заставляет эллинов доселе еще оставаться эллинами. Любящий не желает ни повелевать, ни начальствовать; но рад лучше сам находиться под начальством и принимать приказания. Он желает лучше благодетельствовать, нежели принимать благодетельства, потому что он любит и, следовательно, всегда находится в состоянии человека, как бы не удовлетворившего своему желанию. Он не столько радуется, принимая благодетельство, сколько делая благодетельство, потому что желает лучше обязать другого, нежели быть обязанным ему, лучше же сказать – хочет и быть обязанным ему и

его иметь своим должником. Он и хочет благодетельствовать и не хочет показать, что благодетельствует, но представляет себя как бы должником другого. Думаю, что многие из вас, может быть, не понимают сказанного; поэтому считаю необходимым опять повторить то же. Он хочет и начать благодеяние и не казаться начинающим, а только как бы платящим за одолжение. Так и Бог поступил с людьми. Он восхотел даровать за нас Сына Своего; однако, чтобы не показать, что (единственно по благодати) дарует Его, но – как бы отдает нам долг, Он повелел Аврааму дать (Себе) своего сына, чтобы казалось, что Он, делая нечто великое, ничего не делает великого. Когда нет дружбы, то мы ставим в укор другим наши благодеяния, превозносим их даже при всей их незначительности. А когда есть дружба, мы скрываем их, и великие хотим выдать за малые, чтобы не показать, что друг у нас в долгу, но – что мы сами одолжены ему тем, что он позволил нам одолжить его. Знаю, что многие не понимают того, о чем я говорю; причина этого в том, что я говорю о такой вещи, которая имеет место теперь только на небе. Если бы я стал говорить о каком-нибудь растении, прозябающем в Индии, которого никто здесь не знает по опыту, то, сколько бы я ни говорил, слово было бы не в состоянии вполне изобразить его: так и в настоящем случае, сколько я ни стану говорить, буду говорить напрасно, потому что никто не в состоянии будет понять. На небе насаждено это растение; ветви его отягчены не жемчугами, но плодом гораздо приятнейшим – жизнью добродетельной. Какое хочешь, представь себе удовольствие – низкое ли, благородное ли – сладость дружбы будет выше всех их. Укажи даже на сладость меда, но и мед делается приторным; а друг никогда, пока остается другом, напротив – любовь к нему более и более возрастает, между тем проистекающее из нее удовольствие никогда не производит пресыщения. Друг милее этой временной жизни. Потому-то многие по кончине друзей не желали более жить. С другом иной с удовольствием может жить и в ссылке; а без друга и дома жить не захотел бы. С другом и бедность не тяжела, а без него в тягость и здоровье и богатство. Имеющий друга имеет другого себя. Жалею, что не могу объяснить этого примером, так как сознаю, что все сказанное будет гораздо менее того, что следовало бы сказать. Вот что значит дружба для этой жизни. А у Бога уготована ей такая великая награда, что и выразить нельзя. Он дает нам награду для того, чтобы мы любили друг друга. Люби, говорит, и прими за это награду, – между тем как мы за это должны бы воздавать награду. Молись, говорит, и получи за это награду, – тогда как мы должны бы принести воздаяние, потому что мы просим у Него благ. За то, что просишь, говорит; получи награду. Постись, и получи награду. Будь добродетелен, и получи награду, хотя ты сам должен бы вознаградить. Истинно, как отцы, когда сделают своих детей благонравными, дают им тогда награды, потому что считают себя должниками за то, что (дети) доставили им удовольствие, так и Бог. Получи, говорит, награду, если ты добродетелен, потому что ты радуешь Отца, и Я должен тебя за это наградить. А если ты зол, нет тебе ничего, потому что ты оскорбляешь Родившего тебя. Не будем же оскорблять Бога, но постараемся радовать Его, чтобы сподобиться царства небесного во Христе Иисусе Господе нашем (с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 3

"Ибо вы помните, братья, труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие. Свидетели вы и Бог, как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими, потому что вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу" (1Фес.2:9–12).

1. Учитель ничего не должен считать для себя обременительным, что клонится к спасению учеников. Если блаженный Иаков днем и ночью до изнурения трудился на страже овец, то тем более должен делать все тот, кому вверены души, (хотя бы) занятия его были изнурительны или унижительны, имея в виду только одно – спасение поучаемых и прирастающую отсюда славу Божию. Смотри поэтому, как и Павел, будучи проповедником и апостолом вселенной и удостоившись столь высокой чести, работал собственными руками, чтобы не отяготить поучаемых. **"Ибо вы помните"**, – говорит, – **"братия, труд наш и изнурение"**. Выше сказал он: **"мы могли явиться с важностью, как Апостолы Христовы"** (ст. 7). То же говорит и в послании коринфянам: **"Разве не знаете, что священнодействующие питаются от святилища? что служащие жертвеннику берут долю от жертвенника? Так и Господь повелел проповедующим Евангелие жить от благовествования"**. (1Кор.9: 13,14). Но я, говорит, не хотел этого, а трудился сам. И не просто трудился, но с великим старанием. И смотри, что говорит: **"вы помните"**, – не сказал: **благоденствия мои**, но: **"труд наш и изнурение: ночью и днем работая, чтобы не отяготить кого из вас, мы проповедывали у вас благовестие Божие"**. Но коринфянам говорит иное: **"Другим церквам я причинял издержки, получая [от них] содержание для служения вам"**. (2 Кор. 11: 8). Там он тоже работал, но не упомянул об этом, а употребил другое (выражение), более язвительное, как бы говоря: вам служа, я питался от других. Но здесь (говорит) не то, – а что же? – **"ночью и днем работая"**. Хотя и там он говорит: **"Будучи у вас, хотя терпел недостаток, никому не докучал"**, и: **"Другим церквам я причинял издержки, получая [от них] содержание для служения вам"**(2Кор.11:9), но здесь показывает, что люди (которым он пишет) находятся в бедности, а там нет. Поэтому-то он постоянно призывает их самих в свидетели: **"Вы"**, – говорит, – **"свидетели и Бог"**, доставляя чрез это словам своим большую степень достоверности и присовокупляя (доказательство), которое особенно могло их убедить, так как первое для несведущих может показаться неверным, а последнее не оставляет никакого сомнения. И ты не удивляйся этому, – потому что (апостол) не обращал внимания на то, что он, Павел, говорит это, а на то, что он очень желал убедить их. Поэтому говорит: **"Свидетели вы и Бог, как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими"**. Нужно было опять похвалить их: поэтому он предпосылает то, что достаточно могло уверить их (в его бескорыстии). Он рассуждает так: если я, находясь в нужде там, ничем не пользовался, то тем более – теперь. **"Как свято и праведно и безукоризненно поступали мы перед вами, верующими, потому что вы знаете, как каждого из вас, как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли"**. Сказав выше о своем обращении с ними, здесь говорит о своей любви к ним, и в этом выражалось более, нежели одно покровительство. И сказанное им чуждо надменности: **"как отец детей своих, мы просили и убеждали и умоляли[1] поступать достойно Бога, призвавшего вас в Свое Царство и славу"**. Сказав: **"и умоляли"** он упомянул об отцах, показывая тем, что хотя мы **"и умоляли"**, однако не употребляли при этом насилия, а (поступали) как отцы. **"С каждым из вас"**. Удивительно! При таком множестве не пропустить никого – ни малого, ни великого, ни богатого, ни бедного! **"Умоляли"**, – сказал он, – о чем? О перенесении всего. **"И утешали и свидетельствовали"**. **"Умоляли"**: следовательно (апостолы) не искали славы; и **"свидетельствовали"**, следовательно не льстили. **"Жить достойной жизнью перед Богом, призывающим вас в свое Царство и в свою славу"**. Смотри опять, как (апостол), повествуя (о прежде случившемся), и учит и убеждает: если (Бог) призвал в царство, то должно переносить все. Мы молим не о том, чтобы вы дали нам что-нибудь, но о том, чтобы вы получили царство небесное. **"Посему и мы непрестанно благодарим Бога, что, приняв от нас слышанное слово Божие, вы приняли не [как] слово человеческое, но [как] слово Божие, - каково оно есть по истине, - которое и действует в вас, верующих"** (ст. 13). Нельзя сказать, говорит он, что мы одни поступали во всем безукоризненно, а вы делали нечто несообразное с тем, как мы с вами

обращались, потому что вы слушали нас не с таким расположением, с каким слушают людей, но внимали нам так, как будто наставлял (вас) сам Бог. Откуда это видно? Подобно тому, как он, (ссылаясь) на свои искушения, свидетельства фессалоникийцев и совершенные им дела, доказывает то, что проповедовал не из лести и не ради пустой славы, так и то, что они приняли слово его надлежащим образом, он доказывает искушениями (которым они подвергались). Как бы вы, говорит, стали переносить такие опасности, если бы не внимали словам нашим, как словам самого Бога? Впрочем, посмотри и на доказательство. **"Ибо вы," – говорит, – "братия, сделали подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее, потому что и вы то же претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев, которые убили и Господа Иисуса и Его пророков, и нас изгнали, и Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись, и через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца "** (14–16).

2. **"Вы", – говорит, – "братья, последовали примеру Божьих церквей в Иудее"**. Утешение великое! Нет ничего удивительного, говорит, если (ваши единоплеменники) с вами так же поступают, как те (иудеи) со своими единоплеменниками. Но если и иудеи решились с терпением перенести все, то это служит немаловажным доказательством того, что проповедь истинна. **"И вы то же", – говорит, – "претерпели от своих единоплеменников, что и те от Иудеев "**. Говоря: и те во Иудеи, он хочет сказать нечто особенное, именно указывает на то, что (иудеи) повсюду радовались тому, что подвизались. Поэтому-то и говорит: **"вы то же претерпели "**. И опять, что удивительного, если они с вами (так поступали), когда дерзнули восстать против самого Господа? Видишь, как (апостол) ввел то, что содержит в себе великое утешение? И к этой мысли он постоянно возвращается, так что, при внимательном исследовании, во всех почти посланиях найдешь, как он, говоря об искушениях, всегда, каким бы то ни было образом, упоминает о Христе. Вот и здесь, обвиняя иудеев, приводит им на память Господа и страдания Господни. До такой степени уверен был он, что в этом заключается величайшее утешение! **"Которые убили и Господа", –** говорит он. Но, может быть, иудеи не познали Его? Напротив, они знали Его очень хорошо. Да что? Не они ли убили и камнями побили своих пророков, которых писания повсюду носят с собою? Конечно, они поступали так не из любви к истине. Итак, он не только предлагает утешение в искушениях, но и убеждает не думать, будто иудеи так поступают из любви к истине, и не смущаться этим. **"И нас", –** говорит, – **"изгнали", –** т. е. и мы претерпели от них бесчисленные напасти. **"И Богу не угождают, и всем человекам противятся, которые препятствуют нам говорить язычникам, чтобы спаслись". "Противятся", –** говорит, – **"всем человекам "**. Каким образом? Таким, что если должно проповедовать всей вселенной, а они препятствуют, то они общие враги вселенной. Они убили Христа и пророков, оскорбляют Бога; они – общие враги вселенной; они и нас, пришедших на дело спасения, гонят; что же удивительного, если они поступили и с вами так же, как и в Иудеи? **"Препятствуют нам ", –** говорит, – **"говорить язычникам, чтобы спаслись"**. Подлинно, (одной) зависти свойственно препятствовать спасению всех. **"И через это всегда наполняют меру грехов своих; но приближается на них гнев до конца"**. Не будет уже более того, что было прежде, не будет возврата, не будет предела, наступает гнев неизбежный. Из чего же это видно? Из предсказания Христова. Ведь утешительно не только иметь соучастников в скорбях, но и слышать о казни своих притеснителей. Если же опечаливает их замедление (грядущего гнева), то да послужит утешением то, что притеснители уже более не восстанут. При том, сказав слово: **"гнев"**, (апостол) сократил даже самое замедление, снова показывая, что он (гнев) должен последовать, так как предназначен и предсказан. **"Мы же, братия, быв разлучены[2] с вами на короткое время лицом, а не сердцем, тем с большим желанием старались увидеть лице ваше"** (ст. 17). Не сказал: разлучившись, но:

осиротевши, что гораздо сильнее. Выше говорил о лести, доказывая, что не льстит, что не ищет славы; здесь говорит о любви. Так как выше сказал: **"как отец детей, как кормилица"**, то здесь говорит и другое: **осиротевши**, что свойственно детям, ищущим родителей. Да при том, они ли осиротели? Не они, говорит, а мы. В самом деле, кто исследовал это чувство, (тот знает), что подобно тому, как малые дети, беззащитные, подвергшиеся безвременному сиротству, сильно тоскуют о своих родителях, не в силу самой природы только, но и вследствие одиночества, – так точно и мы. Этим он показывает и печаль свою, в которой находился по причине разлуки. И того, говорит, нельзя сказать, чтобы мы разлучены были на продолжительное время, но – ко времени, и при том только **"лицем, а не сердцем"**: ведь мы всегда имеем вас в мысли. Смотри, какая любовь! Хотя всегда имел их в сердце, но желал и личного их присутствия. Не говори мне, что это излишнее мудрствование. Воистину, таково свойство пламенной любви, что она желает и видеть, и слушать любимых, и говорить с ними; и это много содействовало (появлению такого желания). **"С большим"**, - говорит, - **"желанием"**. Что же значить – **"с большим"**? Полагать можно – или то, что мы весьма дорого ценим вас, или, как вероятно, то, что мы, разлучившись на короткое время, старались опять видеть ваше лицо. Смотри, как блаженный Павел, не имея возможности сам лично исполнить свое желание, исполняет его через других; так, посылая Тимофея к филиппийцам и опять его же к коринфянам, он пребывает с ними при посредстве других, когда не может быть лично. Он любил как бы до исступления, и в чувствах дружества был неуправим и неукротим. **"Очень хотели прийти к вам"**. Таково свойство любви! Впрочем, говорит, я не нахожу никакого к тому другого побуждения, кроме того, чтобы видеть вас. **"И потому мы, я Павел, и раз и два хотели прийти к вам, но воспрепятствовал нам сатана"** (ст. 18).

3. Что ты говоришь? **"Воспрепятствовал сатана"**? Так точно, потому что это не было дело Божие. В послании к римлянам он говорит, что Бог воспрепятствовал (Рим.15:22); и Лука в одном месте говорит, что не допустил их Дух идти в Асию (Деян.16:6); и к коринфянам говорит, что это было дело Духа, – и только здесь, что это дело сатаны. Какое же он понимает препятствие от сатаны? Какие-нибудь внезапные и сильные искушения. **"Когда же"**, – говорится, – **"по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями"**, он удерживаем был в Элладе три месяца (Деян.20:3). Но иное дело медлить ради устройства чего-нибудь, и при том добровольно, и иное вследствие препятствий. Там именно (апостол) говорит: **"Ныне же, не имея [такого] места в сих странах"** (Рим.15:23), и: **"щадя вас, я доселе не приходил в Коринф"**. (2 Кор.1:23). Здесь же он не говорит ничего такого, – а что? **"Сатана препятствовал. Я Павел"**, - говорит, **"и раз и два"**. Смотри, какое он обнаруживает честолюбие, как хвалит себя, когда хочет показать, что он любил их больше всех. Говорит: **"Я Павел"**, вместо того, чтобы сказать: я не как другие; другие только желали придти к вам, а я и решался. **"Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом в пришествие Его?"** (ст.19)? Одни ли македоняне упование твое, скажи мне, блаженный Павел? Не одни они, отвечает. Поэтому-то он присовокупил: **"Не и вы ли? Ибо кто"**, – говорит, – **"наша надежда, или радость, или венец похвалы"**? Не узнаете ли (здесь) языка женщин, пламенеющих нежнейшею любовью, и разговаривающих с малыми детьми? **"Или венец"**, - говорит, - **"похвалы"**. Одного слова: **венец** ему недостаточно было, чтобы показать блеск (своего украшения), но еще присовокупил и – похвалы. Какая пламенность! Мать и отец, сойдясь вместе и слив свою любовь, никогда не могли бы выразить любви своей наравне с Павлом. **"Радость"**, – говорит, – **"или венец"**, – т. е. я более, говорит, радуюсь о вас, нежели о венце. И подлинно, представь, насколько возможно, всю Церковь, насажденную и утвержденную Павлом: кто бы не возрадовался о таком ее многочадии и благочадии? Итак, и это не лесть; он не просто сказал: **вы**, но: **и вы** вместе с другими. **"Ибо вы – слава наша и радость!"** (ст. 20). **"И потому, не терпя более, мы восхотели остаться в Афинах одни"** – это сказал он вместо: мы решились. **"И**

послали Тимофея, брата нашего и служителя Божия и сотрудника нашего в благовествовании Христовом" (3:1,2). И это говорит, не Тимофея возвышая, а им воздавая честь тем, что послал к ним сотрудника и служителя благовествования, говоря как бы так: отвлекши от дел, мы послали к вам служителя Божия и споспешника нашего во благовестии Христовом. Потом показывает и причину: **"чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено"** (ст. 3). Что здесь говорит (апостол)? Так как искушения учителей смущают учеников, а он тогда находился среди многих искушений, как и сам говорит: **"сатана нам препятствовал"**, – то говорит это для их ободрения. Смысл его слов такой: и раз и два хотел я идти к вам, но не мог, потому что встречалось много препятствий. И это, вероятно, смущало их, так как ученики смущаются не столько от собственных искушений, сколько от искушений учителей, подобно тому, как воин не столько приходит в смущение от своих собственных искушений, сколько тогда, когда увидит раненым своего вождя. **"Укрепить вас"**, – говорит. Следовательно, посылал Тимофея для того, чтобы они не смущались, а не потому, что будто заметил какой-либо недостаток в вере их, или нужду научить их чему-либо. **"Утвердить вас и утешить в вере вашей, чтобы никто не поколебался в скорбях сих: ибо вы сами знаете, что так нам суждено"** (ст. 3–4). Не должно, говорит, смущаться, потому что ничего необыкновенного и неожиданного не случается с нами. И этого довольно было для ободрения их. Видишь ли, что и Христос для того же предсказывал ученикам Своим? Послушай, в самом деле, что говорит Он: **"И вот, Я сказал вам [о том], прежде нежели сбылось, дабы вы поверили, когда сбудется"** (Ин.14:29). Много, поистине много (служит) к утешению учеников, когда они слышат от наставников о том, что с ними случится. Как больной, если наперед услышит от врача, что с ним будет то и то, не слишком смущается; а если случится с ним что-нибудь неожиданно, так что и сам врач приходит в недоумение, и болезнь превышает его искусство, то больной тоскует и смущается, – так и здесь. Павел, предвидя это, предсказал им: **"будем страдать"**, – говорит, – **"как и случилось, и вы знаете"**. Не о том только говорит (апостол), что случилось, но и о том, что он предсказывал многое другое, что также сбылось. **"Так нам суждено"**. Следовательно, не только прошедшими искушениями не должно тревожиться и беспокоиться, – а это и значит: смущаться, – но и будущими, если бы таковые случались. **"Так нам суждено"**.

4. У кого из нас есть уши слышать, пусть слышит: на это предназначен христианин. **"Так нам суждено"**, – (апостол) говорит о всех верующих. **"Так нам суждено"**, – а мы, точно предназначенные к неге, избегаем страданий. Почему же однакож мы избегаем страданий? В самом деле, нас не постигло ни время скорби, ни искушение, кроме как человеческое (1 Кор.10:13). Благовременно и к вам сказать: **"Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха"** (Евр.12:4); или лучше, не это благовременно к вам сказать, – а что? То, что вы еще не отрешились от привязанности к имуществу. Тем (евреям), которые лишились всего своего достояния, действительно, уместно было сказать это; но тем, которых имение цело, скажу следующее: у кого из вас разграблено имущество за Христа? Кто бит был палицами? Кто обижен, даже словами? Чем ты можешь похвалиться? На что можешь надеяться? Христос столько претерпел за нас **"бывших некогда отчужденными и врагами"** (Кол.1: 21); а мы на какие можем указать страдания, которые претерпели за Него? Страданий за Него мы не переносили никаких, между тем блага, которые получаем от Него, бесчисленны. Откуда у нас возьмется дерзновение в **"оний день"** (2 Тим.1:18)? Ужели вы не знаете, что и воин тогда только может заслужить внимание царя, когда покажет ему множество ран и язв? Если же не может показать ни одного отличного подвига, то, хотя бы не нанес никакого оскорбления, будет считаться в ряду последних. Но теперь, скажут, не время брани. А если бы оно было, то, скажи мне, кто бы стал сражаться? Кто бы напал (на врагов)? Кто бы разогнал полчище? Вероятно, никто. В самом деле, когда я вижу, что ты не презираешь имущества для Христа, то как я

поверю тебе, что ты ни во что вменишь язвы? Скажи, благодушны ли вы к оскорбляющим вас и благословляете ли их? Ты этого не делаешь и не повинешься. Ты не делаешь того, что не соединено с опасностью: будешь ли переносить, скажи мне, удары, причиняющие столь великую боль и скорбь? Ужели вы не знаете, что во время мира надобно упражняться в военном искусстве? Не видите ли, как эти воины и тогда, когда вовсе не угрожает война, а царствует глубокий мир, вычистивши оружие, вместе с своими вождями, обучающими их военному искусству, почти каждый день выходят на открытые и широкие поля, и с величайшим тщанием упражняются в военном деле? Делал это кто из воинов духовных? Ни один. Вот почему на войне мы робки и нерадивы, и всякий удобно может нас захватить в плен. И какое безрассудство не считать настоящего времени временем войны, когда Павел взывает: **"Все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы"** (2 Тим.3:12), и когда сам Христос говорит: **"В мире будете иметь скорбь"** (Ин.16:33), и когда тот же блаженный Павел громогласно взывает: **"Наша брань не против крови и плоти"**, и еще: **"станьте, препоясав чресла ваши истиною"** (Ефес.6:12,14)? И никто из них не сказал тогда: зачем ты нас вооружаешь, когда нет войны? Зачем понапрасну налагаешь на нас труды, – облакаешь воинов в броню, когда можно покоиться и отдыхать? А если бы кто сказал так, то получил бы в ответ: тогда-то особенно и нужно заботиться о войне, когда ее еще нет. В самом деле, кто заботится о войне во время мира, тот страшен будет и во время войны; а кто неопытен в военном деле, тот и во время мира больше будет тревожиться. Почему? Потому что он станет плакать над своим имуществом и жалеть, что не в состоянии защитить его, так как имущество человека робкого, неопытного и непривыкшего к сражениям принадлежит всякому храброму и умеющему воевать. Итак, во-первых, я вооружаю вас по этой причине, а потом – потому, что все время нашей жизни есть время борьбы. Как и каким образом? Дьявол нападает всегда. Послушай, что о нем сказано: он ходит, рыкая как лев, желая поглотить (1 Пет.5:8). На нас устремляется бесчисленное множество плотских страстей, которые нам необходимо указать (здесь), чтобы напрасно не обольщаться. Скажи мне: что не ведет войны с нами? Богатство, красота, удовольствие, сила, власть, зависть, слава, высокомерие? Против нас воюет не только наша собственная слава, препятствуя нам нисходить до смиренномудрия, но и слава других, возбуждая в нас зависть и ненависть. А что сказать про противоположные (состояния): бедность, незнатность, бесславие, уничижение, совершенное бессилие? Но это (зарождается) в нас; а со стороны других людей (восстают против нас) злоба, коварство, козни, клеветы, бесчисленные обманы. Тоже и со стороны демонов: начальства, власти, миродержители тьмы века сего, духи злобы. Иными бываем в радости, иными – в печали; то и другое может отклонять от прямого пути, равно как и здоровье и болезнь. Откуда не дается повода к греху? Если хотите, я, начав и от Адама, расскажу вам с начала? Что погубило первозданного? Удовольствие, яства и страсть любоначала. Что – следующего за ним сына его? Зависть и ненависть. Что современников Ноя? Плотские удовольствия и происходящие от них пороки. Что – сына его? Наглость и дерзость. Что – содомлян? Наглость, распутство и пресыщение (Иез.16:49). А часто и бедность производит это. Вот почему один мудрец сказал: **"нищеты и богатства не давай мне"** (Прит.30:8). Вернее сказать – не богатство и не бедность, а наша воля, которая не умеет пользоваться ни тем, ни другим. **"Знай"**, - говорит мудрый, - **"что ты посреди сетей идешь"** (Сир.9:18).

5. Чудно сказал блаженный Павел: **"Так нам суждено"**. Не сказал просто: мы терпим искушения, но: **"Так нам суждено"**, вместо: мы на это родились. Это наш долг, это наша жизнь, – и ты ищешь покоя? Перед тобой нет палача, терзающего ребра твои и принуждающего принести жертву; но стоит перед тобой сильное желание богатства и корыстолюбие, исторгающее у нас глаза. Никакой воин не возжег для нас костра, и не положил нас на (раскаленную) решетку; но разжжение плотское сильнее того воспалит душу. Не предстоит царь, обещая бесчисленные блага и угрожая муками; но предстоит

неистовая страсть к славе, которая сильнее его прельщает нас. Подлинно (нам предстоит) великая, и очень великая борьба, если мы захотим бодрствовать: и настоящее время имеет венцы. Послушай, что говорит Павел: **"А теперь готовится мне венец правды, который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его"**(2 Тим.4:8). Если ты лишился сына любимого, единокровного, воспитанного в великом богатстве, подававшего о себе добрые надежды, и единственного твоего наследника, то не сокрушайся, но благодари Бога, и прославляй взявшего (его), и в этом отношении ты будешь ничем не ниже Авраама: как тот отдал сына Богу, когда Он повелел, так и ты не сокрушался, когда Он взял у тебя.

Ты впал в тяжкую болезнь, и многие приходят к тебе и убеждают унять боль – одни заговорами, другие привязками, третьи иным чем-либо? Но ты, ради страха Божия, перенес (болезнь) мужественно и непоколебимо, и решился лучше претерпеть все, нежели позволить сделать что-нибудь идольское? Это доставляет тебе мученический венец; и не сомневайся в этом. Как это и каким образом? Я скажу тебе. Как тот мужественно переносит боль, причиняемую пытками, чтобы не поклониться кумиру, так и ты переносишь страдания, причиняемые болезнью, чтобы только не нуждаться ни в чем таком, что она предлагает и не исполнять ее повелений. Но первые (страдания) сильнее? Зато последние продолжительнее; следовательно, равносильны. А часто даже последние бывают сильнее. В самом деле, скажи мне, когда внутренний жар мучит и палит, и ты, несмотря на убеждения других, отверг нашептывания, то не мученический ли венец возложил на себя? Еще: лишился кто-нибудь денег? Многие советуют идти к гадалкам; но ты, по страху Божию, так как это запрещено, решился лучше не получить денег, нежели преступить заповедь Божию? Ты имеешь равную награду с тем, кто раздал деньги бедным. Если, лишившись (денег), ты будешь благодарить (Бога) и, имея возможность идти к гадалкам, решишься лучше не получить их, нежели получить таким образом, то равную будешь иметь прибыль с тем, кто расточил их для Бога. Ведь как этот, по страху Божию, раздал их нуждающимся, так и ты, по страху же Божию, не получил их обратно от похитивших. В нашей власти и обижать себя самих и не обижать; а другой никто не властен. И если хотите, мы объясним это самым (случаем с) воровством. Вор проломал стену, вломился в сокровищницу, унес многоценные золотые (сосуды) и дорогие камни, словом: все сокровище похитил, – и не был пойман. Случай неприятный, по-видимому наносящий вред, но на самом деле нет, – и от тебя зависит обратить это или во вред, или в прибыль. Но каким образом, скажут, это может быть прибылью? Попытаюсь показать, каким образом. Если ты хочешь, будет великою прибылью, а если не хочешь, будет вредом, тягчайшим прежнего. Подобно тому, как между художниками опытный в искусстве употребляет данное вещество как должно, а неопытный только портит и делает себе убыток, так бывает и в (подобного рода) обстоятельствах. Итак, каким образом будет прибылью? Если ты будешь благодарить Бога, если не будешь горько плакать, если будешь говорить словами Иова: **"наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Господь дал, Господь и взял"** (Иов.1:21). Что ты говоришь: **"Господь взял"**? Вор взял: и как же, говоришь, ты можешь сказать: **"Господь взял"**? Не удивляйся. И Иов о том, что отнял дьявол, говорил: Господь взял. Если же он дерзнул так сказать, то как же не сказать тебе, что Господь взял то, что взял вор? Скажи мне, кому ты (более) удивляешься? Тому ли, кто истощил свое имение на бедных, или Иову – за эти слова. Ужели он, не подавая тогда (т. е. среди страданий) милостыни, заслуживает менее в сравнении с тем, кто подавал? Не говори: я не заслуживаю милости; это случилось не по моей воле; вор взял, когда я и не знал, и не хотел того; какая будет мне награда? И у Иова взял, когда он не знал и не хотел. Тем не менее он совершил подвиг. И тебе можно получить такую же награду, какую получил бы ты, раздав свое имущество добровольно. И мы по справедливости более удивляемся тому, кто переносит обиды с благодарением, нежели тому, кто добровольно раздает (имение). Почему? Потому что один находит утешение в

похвалах и (в свидетельстве своей) совести и имеет благие надежды, и, когда уже наперед мужественно решился на то, чтобы лишиться денег, тогда жертвует ими; а другой, будучи еще привязан к деньгам, насильно лишен был их. А не все равно, наперед решившись оставить деньги, потом расточить их, и лишиться, еще владея ими. Если ты будешь говорить те же слова, какие Иов, то получишь блага, гораздо большие и важнейшие, нежели он. Он получил вдвое здесь; а тебе Христос обещал воздать сторицею. Ты, по страху Божию, не богохульствовал, не прибегал к гадалеям, воздавал благодарение (Богу), претерпевая обиды? Ты уподобился тому, кто презирает (свое богатство), так как этого не было бы с тобою, когда бы ты наперед не презрел его. При том не одно и то же презирать деньги, по долговременном размышлении, и перенести лишение, внезапно случившееся. Так потеря обращается в прибыль, и дьявол не только не повредит тебе, но еще послужит к пользе.

6. Но когда происходит тяжкий вред? Тогда, когда ты причиняешь вред (своей) душе. В самом деле, скажи мне, вор лишил тебя денег? Но для чего ты сам себя лишаешь спасения? Для чего, жалуясь на обиды, которые терпишь от других, сам себя ввергаешь в большие напасти? Вор, может быть, поверг тебя в бедность; а ты, как злодей, вредишь себе в деле, особенно важном для тебя. Он лишил тебя внешних благ, которые впоследствии и против твоей воли оставили бы тебя; а ты отнимаешь у себя вечное богатство. Опечалил ли тебя диавол, отнявши деньги? Опечаль и ты его, воздав (Богу) благодарение, и не дай ему порадоваться. Если ты ходил к гадалеям, то возвеселил его; если возблагодарил Бога, то нанес ему смертельный удар. И гляди, что происходит: несмотря на то, что ты сходишь к гадалеям, ты не найдешь денег, потому что не их дело знать (где твои деньги), а если бы случайно и сказали – где, то ты и свою душу погубишь, и подвергнешься осмеянию своих братьев, и снова дурным образом их (деньги) потеряешь. Демону, зная, что ты равнодушно переносишь потерю (денег), из-за них отрицаешься и Бога, возвращает тебе их опять для того, чтобы вновь иметь повод оболгать тебя. Но не удивляйтесь, если бы и сказали гадалы (где деньги). Демон бестелесен, он всюду обходит, сам он вооружает грабителей, – такие дела происходят не без демона. Следовательно, если он вооружает их, то знает, где прячут (деньги), – ему нельзя не знать своих слуг. Это и неудивительно. Если увидит, что ты скорбишь о потере, то причиняет тебе и другую. Если же увидит, что ты посмеиваешься и презираешь, то уступит с этого пути. Подобно тому, как мы стараемся врагам своим сделать то, что причиняет печаль, и, если увидим, что они не опечаливаются, то, не имея возможности уязвить их, отступаем от них, так и дьявол.

Да что говорить? Разве ты не знаешь, как плывущие по морю не только не заботятся о деньгах во время бури, но даже и бросают, что имеют. И никто не скажет: что ты делаешь, человек? Ты помогаешь буре и кораблекрушению? Прежде нежели волна отняла у тебя богатство, ты сам делаешь это собственными руками? Зачем ты прежде кораблекрушения подвергаешь себя кораблекрушению? Пожалуй, и сказал бы это какой-нибудь простец, вовсе незнакомый с морскими опасностями; но мореплаватель, хорошо знающий, что производит тишину, и что возбуждает бурю, посмеется над тем, кто говорит такие слова. Я, скажет он, для того-то и бросаю, чтобы не погрузиться в волнах. Так точно и человек, искушенный опасностями и напастями жизни, когда видит наступающую бурю и духов злобы, желающих произвести кораблекрушение, бросает и остальные деньги. У тебя случилась покража? Подавай милостыню, и этим ты облегчишь корабль. Тебя ограбили разбойники? Отдай остальное Христу. Таким образом утетишься и в прежней потере. Облегчи корабль, не удерживай оставшегося, чтобы судно не потонуло. Те (мореплаватели), для спасения тел, выбрасывают груз и не дожидаются, пока набежавшая волна опрокинет судно; а ты, для спасения душ, ужели не остановишь кораблекрушения? Сделайте опыт, если не верите, умоляю вас, – сделайте опыт, и узрите славу Божию.

Когда постигнет тебя что-либо прискорбное, подай тотчас милостыню, возблагодари (Бога) за то, что случилось, – и ты увидишь, какая радость наполнит душу. Польза духовная, хотя бы и малая, такова, что может покрыть всякий вещественный ущерб. Пока ты имеешь (что-либо) подать Христу, ты богат. Скажи мне, если бы к тебе ограбленному подошел царь и протянул руку, желая что-нибудь принять от тебя: ужели ты не почел бы себя богаче всех, когда и при такой бедности царь не стыдится тебя? Чтобы не быть ограблену, победи только самого себя, – и победишь козни дьявола. Ты можешь получить великую прибыль. Презрим богатство, чтобы не презреть души. А как можно презреть его? Разве вы не знаете, что бывает с прекрасными телами и с теми, которые пленяются ими? Пока они находятся пред глазами, то (в душе) воспламеняется огонь и возгорается яркий пламень; но как скоро кто удалит их от глаз, все погаснет и успокоится. То же бывает и с богатством. Пусть никто не приобретает ни золота, ни дорогих камней, ни ожерельев: находясь перед глазами, они обольщают взор. А если хочешь быть богатым, то подобно древним собирай не золото, а необходимые вещи, чтобы от готового уделять и другим. Не будь пристрастен к украшениям. Такое богатство привлекает козни разбойников и нам причиняет заботы. Не приобретай золотых и серебряных сосудов; но пусть будут у тебя житницы, наполненные хлебом, вином и елеем, не для того, чтобы через продажу получить серебро, а для того, чтобы раздавать нуждающимся. Если мы будем удаляться от этих излишеств, то приобретем небесные блага; которые да получим все мы во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] "**мы просили и убеждали и умоляли**" в точном переводе (славянском) "моляще и утешающе и свидетельствующе".

[2] В оригинале – "осиротевши" (απορφανισθεντες).

БЕСЕДА 4

"Посему и я, не терпя более, послал узнать о вере вашей, чтобы как не искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш. Теперь же, когда пришел к нам от вас Тимофей и принес нам добрую весть о вере и любви вашей, и что вы всегда имеете добрую память о нас, желая нас видеть, как и мы вас, то мы, при всей скорби и нужде нашей, утешились вами, братия, ради вашей веры; ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе" (1Фес.3:5–8).

1. Сегодня предстоит нам вопрос, задаваемый многими и выводимый из многих мест (Писания). Какой же это вопрос? "**Посему**", – говорит, – "**и я, не терпя более, послал узнать о вере вашей**". Что ты говоришь? Ужели тот, кто так много знал, кто слышал неизреченные глаголы, кто восходил до третьего неба, не знал, даже находясь в Афинах, когда и небольшое было расстояние и недавно с ними разлучился, как сам говорит: "**быв разлучены с вами на короткое время**". Следовательно, и он не знал, что происходило с фессалоникийцами и был вынужден послать Тимофея, чтобы узнать о вере их: "**как не**", – говорит, – "**искусил вас искуситель и не сделался тщетным труд наш**"? Что ж, если кто и сказал, что и святые не все знали? Что действительно они не все знали, в этом каждый может удостовериться из многих примеров, как древних, так и позднейших. Так Елисей не знал о жене (4 Цар.4); так Илия говорил Богу: "**остался я один, но и моей души ищут**" (3Цар.19:10), и потому услышал от Бога: "**оставил между Израильтянами семь тысяч мужей**" (3Цар.19:18); так опять Самуил, посланный помазать Давида, говорит: "**Господь**

сказал Самуилу: **не смотри на вид его и на высоту роста его; Я отринул его; Я [смотрю не так], как смотрит человек; ибо человек смотрит на лице, а Господь смотрит на сердце**" (1Цар.16:7). И это бывает по особенному попечению Божию. Для чего и каким образом?

И для самих святых и для верующих в них. Подобно тому, как Бог попускает, чтобы были гонения, так и не дает им (святым) знать о многом, чтобы они смирились. Потому-то и Павел говорил: **"дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился"** (2 Кор.12:7). Опять же для того, чтоб и другие не слишком много о них воображали. В самом деле, если их считали богами из-за чудес, то тем более (так думали бы об них), если бы они всегда все знали. И об этом сам же (Павел) опять говорит: **"чтобы кто не подумал о мне более, нежели сколько во мне видит или слышит от меня"**. (2 Кор.12:6). Еще послушай, что говорит Петр, когда он исцелил хромого: **"что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит"** (Деян.3:12)? Если же, несмотря на то, что они так говорили и действовали, и при том в то время, когда они совершали немногие и маловажные чудеса, рождались о них неправые толки, то тем более (это могло случиться) при великих чудесах. Это было допустимо и по другой причине. Именно, чтобы кто-нибудь не сказал, что они, как будто перестав быть людьми, совершали те подвиги, которые совершали, и чтобы оттого не предались все беспечности, – Бог являет, что и они немощны, чтобы чрез это у желающих оставаться в заблуждении отнять всякий предлог к бесстыдству. Вот почему (Павел) не знает; вот почему, и после многократных обещаний (придти), не приходит, чтобы узнали, что и он многого не знал. От этого немалая была польза. Ведь были, еще и такие, которые утверждали, что он – великая сила Божия, другие же говорили, что он такой-то и такой. Если бы этого не было (в Павле), то чего бы еще не подумали? Таким образом, хотя это и кажется в них (святых) недостатком, но если кто тщательно вникнет, для того ясно откроется и дивная сила их, и чрезмерность искушения. Каким же образом? Внимай. Если ты (Павел) выше сказал им: **"Так нам суждено"**, и: **"чтобы никто из вас не поколебался"** – то для чего после этого посылаешь Тимофея, как бы опасаясь, чтобы чего не случилось вопреки твоему желанию? Но он делает это от избытка любви: любящие от пламенной ревности опасаются и за то, что безопасно, а это (происходит) от множества искушений. Правда, я сказал: **"Так нам суждено"**; но чрезмерное множество зол устало меня. Потому-то он не сказал, что, заметив в вас нечто худое, посылаю, но – **"когда я не мог уже больше терпеть"**, что собственно происходило от любви. Что значит: **"не искусил ли вас искунитель"**? Видишь ли, что смущение в скорби есть действие диавола и его коварства? Когда он не может (поколебать) нас самих, то чрез нас колеблет слабейших, – что и служит признаком их крайнего и ничем неизвиняемого бессилия. Так поступил он с Иовом, возбудив (против него) жену. **"Похули"**, - сказала она, - **"Бога и умри"**. (Иов.2:9). Смотри, в какое искушение ввел ее. Но почему (апостол) не сказал: поколебал, а: **искусил**? Потому, говорит, что я опасался только, не подвергались ли вы искушению. Искушения от диавола он не называет колебанием, потому что тот только поколебался, кто уже принял обаяние его. О, как велика сердобольность Павлова! Он не заботился о скорбях и наветах (которым сам подвергался). А я думаю, что в это время он там находился (среди искушений), так как Лука говорит, что в Элладе он пробыл **"пробыл он три месяца. Когда же, по случаю возмущения, сделанного против него Иудеями"** (Деян.20:3).

2. Итак, он заботился не об опасностях, ему (угрожавших), но об учениках. Видишь ли, что он превзошел всякого отца по плоти? Мы в скорбях и опасностях перестаем помнить обо всех, а он так боялся и трепетал за детей, что даже того, кто был единственно для него утешением – Тимофея, сообщника и споспешника своего, послал к ним, (находясь сам) посреди опасностей. **"И не сделался тщетным"**, – говорит, – **"труд наш"**. Почему? Ведь

если бы они и совратились, то не по твоей вине, не по твоему нерадению. Но все же и в этом случае, по причине сильной братской любви, я считал бы труд мой потерянным. **"Чтобы как не искусил вас искуситель"**. Он искушает, не зная, одолеет ли. Но хотя бы он наступал и не зная, а мы знали бы, что мужественно преодолеем, – ужели мы не должны трезвиться? А что нападает на нас, не зная (одолеет ли), это показал на Иове. Злой тот дух говорил Богу: **"Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него? Дело рук его Ты благословил, и стада его распространяются по земле; но прости руку Твою и коснись всего, что у него, - благословит ли он Тебя?"** (Иов.1:10,11). Искушает и, если видит нечто слабое, нападает, а если – сильное, отступает. **"И не сделался ли тщетным"**, – говорит, – **"труд наш"**. Послушаем все, как трудился Павел. Не сказал: дело, но: **труд**; не сказал: и вы погибнете, но: **труд наш**. Поэтому, если бы что-нибудь и случилось, то (случилось бы) то, что было вероятным; но так как не случилось ничего, то большое диво. Мы, говорит, ожидали того, а случилось противное. Мы не только не получили от вас никакого усиления печали, но даже утешение. **"Теперь же"**, – говорит, – **"когда пришел к нам от вас Тимофей и принес нам добрую весть[1] о вере и любви вашей"**. **"И добрую весть"**, - говорит. Видишь ли великую радость Павла? Не сказал: "возвестил", но: благовествовал, "принес добрую весть" – столь великим благом он считает их твердость в вере и любовь! И необходимо, чтобы усиливалась последняя, когда пребывает непоколебимою первая. Потому он и радовался о любви их, что она была признаком их веры. **"И что"**, – говорит, – **"вы всегда имеете добрую память о нас, желая нас видеть, как и мы вас"**, – то есть с похвалами. Не только когда мы находились у вас и когда совершали чудеса, но и теперь, когда мы пребываем вдали от вас, терпим побои и переносим бесчисленные бедствия, вы имеете о нас добрую память. Послушайте, как восхваляют и как ублажают учеников, сохраняющих добрую память о своих наставниках. Будем подражать им: (через это) мы доставим пользу себе самим, а не тем, которых любим. **"Желая"**, – говорит, – **"нас видеть, как и мы вас"**. И это их радовало. Для любящего ведь весьма приятно и утешительно, если любимый знает, что он любим. **"То мы, при всей скорби и нужде нашей, утешились вами, братия, ради вашей веры; ибо теперь мы живы, когда вы стоите в Господе"**. Что может сравниться с Павлом, который спасение ближних считал за свое собственное, имея такое же отношение ко всем, какое тело к членам? Кто бы мог ныне говорить таким языком? Или лучше: кто бы мог когда-либо помыслить так? Он не хотел, чтобы они изъявляли благодарность ему за перенесенные им ради их искушения; но им изъявляет благодарность за то, что не поколебались по причине искушений, с ним случившихся, говоря как бы так: вам предстояло более опасности от искушений, чем нам; вы более подвергались искушениям, нежели мы, – хотя вы и не страдали во время страданий наших. С тех пор, говорит далее, как Тимофей принес нам радостную весть, мы не чувствуем никакой горести, но **"при всей скорби и нужде нашей, утешились вами"**, и не в скорби только, но и **"при нужде"** говорит. И подлинно, доброго учителя ничто не может смутить до тех пор, пока дела учеников текут по желанию его. **"Утешились вами"**, т. е. вы нас подкрепили. Между тем, было наоборот, так как то, что они не изнемогли от страданий, а мужественно перенесли их, содействовало укреплению учеников. Но Павел представляет все с противоположной стороны, и обращает это в похвалу им: вы, говорит, нас умастили, вы нам дали вздохнуть, вы не допустили нас до того, чтобы мы чувствовали искушения. И не сказал: мы воодушевились, не сказал также: мы утешились, – а что же? Мы **"теперь живы"**, показывая этим, что и искушением и смертью для себя считает не иное что, как их преткновение, почему и жизнью (считает для себя) их преспеяние. Каким образом кто-либо иной высказал бы (так) и печаль о немощи учеников, и радость? Не сказал: радуемся, но: **"ибо теперь мы живы"**, разумея жизнь будущую.

3. Итак, без этого жизнь не считаем жизнью. Таковы должны быть расположения наставников и учеников, – и тогда не будет ничего неуместного. Потом, распространяя эту

мысль, смотри, что он говорит: **"Какую благодарность можем мы воздать Богу за вас, за всю радость, которою радуемся о вас пред Богом нашим, ночь и день всеусердно молясь о том, чтобы видеть лице ваше и дополнить, чего недоставало вере вашей?"** (ст. 9-10). Вы, говорит, были для нас виновниками не только жизни, но и великой радости, – столь великой, что мы не в силах и возблагодарить достойно Бога. Успех ваш мы считаем, говорит, даром Божиим. Вы столько облагодетельствовали нас, что мы считаем это (делом совершившимся) по внушению Божию, или лучше – делом самого Бога, так как столь возвышенные чувствования несвойственны человеческой душе и заботливости. **"Ночь и день всеусердно молясь "** И это признак радости. Как земледелец, слыша о своем поле, которое он возделал, что оно изобилует плодами, нетерпеливо желает видеть сам то, что ему доставляет такое удовольствие, так и Павел – Македонию. **"Ночь и день всеусердно молясь "**. Заметь гиперболу! **"Чтобы видеть лице ваше и дополнить, чего недоставало вере вашей "**. Здесь возникает важный вопрос. Если ты теперь жив, потому что (фессалоникийцы) устояли, и Тимофей благовестил тебе их веру и любовь, и ты исполнен столь великой радости, что не можешь достойно возблагодарить Бога, – то как здесь говоришь ты о недостатке в их вере? Те слова не составляют ли лести? Никак, – да не будет! Выше он свидетельствовал, что они оказали великие подвиги и не менее перенесли, чем и церкви, находящиеся в Иудеи. Что же это значит? То, что они еще не всем учением воспользовались и не всему научились, чему надлежало научиться; и это он поясняет к концу (послания). А быть может, между ними были и состязания о воскресении, и много было таких, которые смущали их уже не искушениями и опасностями, но тем, что выдавали себя за учителей. Это-то он и называет: "недостаток веры", – и потому-то и выразился таким образом; не сказал: **"утвердить"**, но: **"дополнить"**. Когда он страшился за самую веру, то **"послали"**, – говорит, – **"Тимофея утвердить вас"**; а здесь говорит: **"дополнить, чего недоставало вере вашей"**, что более относится к научению, нежели к утверждению, подобно тому, как и в другом месте говорит: **"да усовершит вас во всяком добром деле"** (Евр.13:21). Совершенное же – то, чему не достает немногого, и оно восполняется. **"Сам же Бог и Отец наш и Господь наш Иисус Христос да управит путь наш к вам. А вас Господь да исполнит и преисполнит любовью друг к другу и ко всем, какою мы исполнены к вам"** (ст. 11,12). Молиться не только внутренно, но и излагать молитву в послании, это – свойство чрезвычайной любви, свойство души пламенной и поистине непреборимой, а также свидетельство о том, что молитвы приносились за них и там (в Элладе), и вместе оправдание в том, что они не пришли не по собственному произволу или нерадению. Он говорит как бы так: сам же Бог да прекратит искушения, отовсюду препятствующие нам иметь прямой к вам путь. **"А вас Господь да исполнит и преисполнит"**. Видишь ли неудержимый порыв любви, выражающийся в этих словах? **"А вас Господь да исполнит"**, – говорит он, – **"и преисполнит"** – вместо: да возрастит. Как бы с преизбытком, так можно сказать, он желает быть любимым от них. **"Какою"**, – говорит, – **"мы исполнены к вам"**, т. е. с нашей стороны уже есть (любовь к вам); желаем, чтобы была и с вашей. Видишь, куда хочет распространить эту любовь? Не только друг к другу, но и ко всем. В том поистине обнаруживается любовь по Богу, что (она стремится) обнять собою всех . Если же ты одного любишь, а другого нет , то твоя любовь – человеческая. Но наша не такова. **"Какою мы исполнены к вам, чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святыне пред Богом и Отцем нашим в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его"** (ст.13). Показывает, что эта любовь приносит пользу им самим, а не тем, которых любят. Хочу, говорит, чтобы эта любовь преизбыточествовала настолько, чтобы не было никакого порока. Не сказал: утвердить вас, но: **"сердца ваши"**, – **"из сердца исходят злые помыслы"**(Мф.15:19). Можно быть злым, не делая никакого зла, как-то: иметь ненависть, неверие, быть коварным, радоваться несчастьям, быть недружелюбным, держаться превратного учения: все это – дело сердца. Быть чистым от всего этого составляет святость. Правда, святостью главным образом и по преимуществу

называется целомудрие, так же как и нечистотою блуд и прелюбодеяние; но, вообще, всякий грех есть нечистота, и всякая добродетель чистота: **"Блаженны"**, – говорит (Спаситель), – **"чистые сердцем"** (Мф.5:8), разумея под чистыми чистых по всему.

4. Знаю, что и другие пороки не менее оскверняют душу. Что (вообще) порок оскверняет душу, послушай, что говорит пророк: **"Смой злое с сердца твоего, Иерусалим"** (Иер.4:14), и еще: **"Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши"** (Ис.1:16). Не сказал – (перестаньте) блудодеяния, потому что не один блуд, но и прочие пороки оскверняют душу, **"чтобы утвердить сердца ваши непорочными во святые пред Богом и Отцом нашим в пришествие Господа нашего Иисуса Христа со всеми святыми Его"**. Судиею тогда будет Христос; но мы не пред Ним, а и пред Отцом будем предстоять во время суда. Или здесь (апостол) разумеет то, что нам должно быть непорочными пред Богом, о чем и я всегда говорю, что именно – не пред лицом людей, а пред лицом Божиим, – в этом и состоит истинная добродетель. Итак, любовь делает непорочными, и при том воистину непорочными делает она. И когда я некоторому человеку однажды изъяснял это и говорил, что любовь делает нас непорочными, и что любовь к ближнему заграждает всякий вход греху, равно и о многом другом подробно рассуждал и говорил, – тогда один мой знакомый, подошедши ко мне, сказал: „а что же блуд? Разве нельзя и любить и блудодействовать? Ведь и это происходит от любви. Любостязание, прелюбодеяние, зависть, коварство и прочее тому подобное может удалить нас от любви к ближним; но блуд каким же, говорит, образом?" Я сказал, что любовь может отсечь и это. Кто полюбит распутную женщину, тот будет стараться удалять ее и от других мужчин и сам не предаться греху с нею. Поэтому только тому, кто весьма ненавидит блудницу, свойственно творить с нею блуд, а истинно любящему ее – отклонять ее от этого постыдного дела. И нет, решительно нет ни одного греха, которого бы, подобно огню, не истребляла сила любви. Удобнее слабому хворосту устоять против сильного огня, нежели естеству греха против силы любви. Возрастим же эту любовь в душах своих, чтобы стать со всеми святыми. Ведь и они все благоугодили (Богу) любовью к ближнему. Отчего Авель убит, а не убил? Конечно оттого, что, сильно любя брата, не мог и помыслить об этом. Откуда Каин воспринял яд зависти? Впрочем я не хотел бы называть его и братом Авеля, так как не утвердился в нем незыблемо основания любви. Чем заслужили похвалу два сына Ноевы? Не тем ли, что сильно любили отца и не могли видеть наготы его? А за что один подпал проклятию? Не за то ли, что не любил? Чем также Авраам прославился? Не любовь ли, с какою он заботился о племяннике, и тем, что ходатайствовал о содомлянах? Святые были весьма любвеобильны и сострадательны. Представь, как размягчается от любви Павел, даже огонь ни во что вменявший, алмаз, твердый, непоколебимый, всегда сильный, проникнутый страхом Божиим, непреклонный! **"Кто"**, – говорит он, – **"отлучит нас от любви Божией: скорбь, или теснота, или гонение, или голод, или нагота, или опасность, или меч?"** (Рим.8:35)? Но и он, который так дерзает против всего этого и на суше и на море, который посмеивается, и алмазным вратам ада, которого решительно ничто не останавливало, – этот алмаз, когда увидел слезы некоторых возлюбленных, до того был сокрушен и растроган, что не мог скрыть сильного душевного волнения и тотчас сказал: **"что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое"** (Деян. 21:13)? Что ты говоришь, скажи мне? Эту алмазову душу могла сокрушить слеза? Да, отвечает, против всего могу устоять, кроме любви. Она одолевает меня и поработает. Так угодно Богу. Бездна вод не сокрушила его, а немногие слезы сокрушили: **"что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое"**? Подлинно, велика сила любви! Хочешь ли видеть его опять плачущим? Послушай, что говорит он в другом месте: **"три года день и ночь непрестанно со слезами учил каждого из вас"** (Деян.20:31). От великой любви он боялся, чтобы не приключилось какого-либо вреда. И еще: **"От великой скорби и стесненного сердца я писал вам со многими слезами"** (2 Кор.2:4). Что же Иосиф, скажи мне, этот твердый, устоявший против такого насилия,

проявивший столько доблести против такого пламени любви, так славно подвизавшийся и преодолевший такое неистовство госпожи? Что тогда не соблазняло его? И красивое лицо, важность сана, многоценность и великолепиие одежд, благовоние ароматов, – ведь и это может разнеживать душу, – слова самые нежные.

5. Вы знаете, что (женщина) любящая, и при том так сильно, не откажется ни от чего унижительного, приняв вид умоляющей (рабыни). До того поражена была страстью эта жена, носящая златотканые одежды и имевшая почти царское достоинство, что припадала может быть к коленам пленного раба, а может быть, и с плачем умоляла его, обнимая колена; и делала это не однажды, не дважды, а много раз. Тогда можно было видеть и ее весьма блестящий взор. Конечно, и украшалась она не кое-как, а с величайшею изысканностью, потому что старалась разными сетями уловить агнца Христова. Прибавь к этому и многие волхования. И однако этот непреклонный, крепкий, твердый как камень, когда увидел братьев, которые его продали, ввергли в ров, предали, хотели убить, были виновниками его заключения в темницу и возвышения, когда от них услышал слова, опечалившие отца, – скажем, говорится, что он был пожран зверями (Быт.37:20), – поколебался, размягчился, смутился и заплакал, и, будучи не в силах преодолеть душевного волнения, выходя (к братьям), **"скрепился"** (Быт.43:31), т. е. обтер слезы. Что это? Ты плачешь, Иосиф? Но предстоящее не слез достойно, а гнева и ярости, негодования и строгого наказания и отмщения. У тебя в руках враги, братоубийцы; ты можешь вполне удовлетворить своему гневу. При том, это не будет несправедливостью, потому что не ты начнешь наносить обиды, а (только) отмстишь обидевшим. Не обращай внимания на свой сан: это случилось не по их намерению, а по воле Бога, изливающего на тебя милость Свою. Почему плачешь? Но он сказал бы: не дай Бог, чтобы я, приобретя у всех добрую славу, потерял все это чрез такое памятозлобие. Подлинно, (теперь) время слез. Я не лютее зверей: и те поступают согласно своей природе, какое бы зло ни потерпели. Я плачу, говорит, потому что меня это совершенно растрогало. Будем и мы подражать ему и станем оплакивать обидевших нас, а не гневаться на них, – они подлинно достойны слез, потому что соделывают себя повинными осуждению и наказанию. Я вижу, как вы теперь плачете, как радуетесь, удивляясь Павлу и изумляясь Иосифу, и ублажая (того и другого). Но если кто имеет врага, тот пусть его теперь приведет себе на память, пусть представит его в уме, чтобы сердце, пока еще оно согревается воспоминанием об этих святых, могло отложить ярость гнева и смягчить свою суровость и жестокость. Знаю, что по выходе отсюда, после того, как я перестану говорить, хотя и останется (в вас) некоторый жар и рвение, но уже не столь сильный, как теперь во время слушания. Итак, если кто покрылся инеем, то пусть отряхнет его. А памятозлобие действительно – иней и лед. Но воззовем к Солнцу правды, будем умолять Его, да ниспошлет лучи Свои и не будет более жестокого инея, а будет вода утоляющая жажду. Если огонь Солнца правды коснется нашей души, то ничего не останется в ней затверделого, ничего жестокого, ничего жгучего, ничего бесплодного. Все явится зрелым, все сладким, все исполненным великой приятности. Если будем любить друг друга, то этот луч низойдет (на нас). Дайте мне (возможность), умоляю, говорить об этом с усердием; пусть я услышу, что вы от этих слов получили некоторую пользу, что кто-нибудь из вас, выйдя отсюда, тотчас простер обе руки своему врагу, обнял его, прижал, облобызал, заплакал! Если бы он был даже зверь, если бы камень, если бы что-нибудь другое, то и тогда он смягчился бы от такого дружелюбия. Отчего в самом деле он твой враг? Поносил тебя? Но не причинил никакой обиды. Не из-за денег ли ты презираешь враждующего брата? "Прости его", – прошу – "прекратим всё". Время в нашем распоряжении, будем пользоваться им, как должно; разорвем греховные узы; прежде нежели предстанем на суд, сами разсудим друг друга. **"Солнце"**, сказано, **"да не зайдет во гнев вашем"** (Еф. 4:26). Пусть никто не медлит. Замедление производит закоснение. Если промедлишь сегодня, будет больше стыда; еще больше, если отложишь до завтра; несравненно больше, если до послезавтра. Не будем же

срамить самих себя, но отпустим, чтобы отпустилось нам. А если отпустится, то мы наследуем все блага небесные во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веков. Аминь.

[1] Точный перевод: "благовествовал нам о вере вашей".

БЕСЕДА 5

"За сим, братия, просим и умоляем вас Христом Иисусом, чтобы вы, приняв от нас, как должно вам поступать и угождать Богу, более в том преуспевали, ибо вы знаете, какие мы дали вам заповеди от Господа Иисуса. Ибо воля Божия есть освящение ваше" (1Фес.4:1–3).

1. Довольно побеседовав о том, что не терпело отлагательства и было как бы под руками, и затем намереваясь уже приступить к тому, что постоянно (заслуживает внимания) и о чем всегда нужно слушать, (апостол) предпосылает такое слово: "За сим" т.е. всегда и непрестанно, **"просим и умоляем вас Христом Иисусом"**. Смотри! Он не признает себя даже достойным умолять от своего имени, между тем как кто был в такой мере достоин этого? Он представляет Христа: Богом умоляем вас, говорит, – это именно и значит слово: **"о Господе"**. То же говорил и коринфянам: Бог вас молит чрез нас (2 Кор.5:20). **"Чтобы вы, приняв от нас"** Выражение: **"приняв"** относится не к словам только, но и к делам. **"Как должно вам поступать"**. Этим указывает на весь образ жизни. **"И угождать Богу, более в том преуспевали"**, т.е. чтобы вы, при умножении усердия, не останавливались на исполнении заповедей, но восходили бы и выше. Это и значит слово: **"преуспевали"**. В предыдущей беседе он выхваляет твердость их веры, а здесь научает преуспевать в жизни. Преспеяние же состоит в том, чтобы превосходить заповеди и постановления: тогда уже все совершается не по понуждению от наставника, а по собственной воле. Подобно тому, как земля должна производить не то только, что в нее брошено, так и душа должна не останавливаться на заповедях, ей предложенных, но восходить выше. Видишь ли, как справедливо сказал он – превосходить? Ведь добродетель совмещает в себе две стороны: уклонение от зла и делание добра. Поэтому, чтобы быть добродетельным, не довольно только уклоняться от зла, – в этом состоит начало (совершенства) и как бы путь, ведущий к добродетели; кроме того, еще нужно много усилий. Поэтому, правила касательно того, чего должно избегать, предлагает им в виде повеления. И справедливо, – потому что делание того, чего должно, избегать, влечет за собою наказание, а неделание не заслуживает вовсе похвалы. Между тем дела добродетели, как напр. раздаяние имущества и тому подобные, предлагает уже не в виде повеления, – а как? **"Кто может вместить, да вместит"** (Мф.19:12). Вероятно в этом послании (апостол) напоминает им о том же, о чем говорил уже со многим опасением и страхом, – о святости. Поэтому не излагает самых повелений, а только напоминает им об них. **"Ибо вы знаете,"** – говорит, – **"какие мы дали вам заповеди от Господа Иисуса. Ибо воля Божия есть освящение ваше"**. Заметь, что он никогда ни на что иное так часто не намекает, как на это. И в другом месте пишет, заповедует: **"Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа"** (Евр.12:14). И что удивляться, если он везде пишет об этом ученикам, когда даже в послании Тимофею сказал: **"Храни себя чистым"**(1 Тим.5:22)? И во втором послании к коринфянам говорил: **"в великом терпении, в постах, в чистоте"**(2 Кор.6:4,5,6). И во многих местах можно найти это – и в послании к римлянам, и во всех других посланиях. И подлинно, это зло для всех пагубно. Как свинья, извалявшаяся в грязи, куда бы ни вошла, все наполняет зловонием, и поражает чувство отвратительным

запахом, так и блуд; зло это омывается с трудом. Когда же делают это и имеющие жен, то какое это крайнее безумие? **"Ибо воля, "** – говорит, – **"Божия есть освящение ваше, чтобы вы воздерживались от блуда"**. Много видов бесчиния, многообразны и многообразны любострастные наслаждения, о которых и говорить несосно. Сказав же: от всякого блуда, оставляет (перечисление видов) знающим. **"Чтобы каждый из вас умел соблюдать свой сосуд в святости и чести, а не в страсти похотения, как и язычники, не знающие Бога"** (ст. 4, 5). **"Чтобы каждый из вас"**, – говорит, – **"умел соблюдать свой сосуд в святости и чести"** Следовательно, надобно учиться, и много, чтобы не предаваться нечистоте. Следовательно, когда сосуд чист, и пребывает в святости, мы владеем им; когда же нечист, тогда владеет им грех. И действительно, – потому что он делает тогда не то, чего мы хотим, но то, что повелевает грех. **"Не в страсти похотения "**, – говорит. Здесь показывает и способ, как должно уцеломудряться, т. е. отсекая страсти похотения. Действительно, и роскошь, и богатство, и леность, и нерадение, и праздность, – все это приводит нас к гнусной похоти. **"Как"**, – говорит, – **"и язычники, не знающие Бога "**; язычники же таковы потому, что не ожидают будущего наказания. **"Чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно и корыстолюбиво"** (ст. 6).

2. Хорошо сказал: **"Чтобы ни в чем не поступали"**. Бог каждому дал жену и положил пределы природе, именно совокупление с одною. Поэтому совокупление с другою есть уже преступление, и разбой, и лихоимство, даже ужаснее всякого разбоя, потому что мы не столько скорбим тогда, когда похищают у нас деньги, сколько тогда, когда окрадывают брак. Называешь братом, и причиняешь обиду в том, в чем (преимущественно) не должно? Здесь (апостол) говорит о прелюбодеянии, а выше говорил о всяком блуде. Так как он намеревался сказать о том, чтобы не поступать с братом противозаконно и корыстолюбиво, то, предупреждая (ложное толкование), он говорит: не подумай, что я говорю это только о братьях; нет, любодействовать не должно ни с чужими женами, ни с незамужними, и (вообще) не должно иметь жен общих; должно хранить себя от всякого блуда, – почему и прибавляет: **"Потому что Господь - мститель за все это"**. Сперва он умолял, заставлял краснеть, говоря: **"Как это делают язычники"**; потом посредством доводов показал гнусность дела, употребив выражение: **"обманывать брата"**; наконец присовокупляет главное: **"Потому что Господь - мститель за все это, как и прежде мы говорили вам и свидетельствовали"**. Делая это, мы не останемся без наказания и не испытаем такого удовольствия, которое бы равнялось ожидающему нас мучению. **"Ибо призвал нас Бог не к нечистоте, но к святости"** (ст. 7). Так как он сказал: (Чтобы вы ни в чем не поступали с братом своим противозаконно, и присовокупил, что **"Господь – мститель"**, то этими словами внушает, что нанесший обиду не останется без наказания и тогда, когда претерпевший ее будет неверный. Смысл его слов такой: Бог накажет тебя не с целью отомстить за него, но потому, что ты в нем оскорбил самого Бога; Он тебя призвал, а ты Призвавшего оскорбил. Поэтому (апостол) присовокупил: **"Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу, Который и дал нам Духа Своего Святаго"** (ст. 8). Таким образом, говорит, одинаковое совершишь преступление, когда растлишь царицу или же рабу твою замужнюю. Почему? Потому что (Бог) мстит не за лица, тобою оскорбленные, но за Себя; а ты одинаково осквернил себя, одинаково оскорбил Бога. Ведь и то и другое есть прелюбодеяние, так как и то и другое – брак. Хотя ты и не прелюбодействуешь, а блудодействуешь, хотя блудница и не имеет мужа, однако же Бог отмщает, так как Он мстит за Себя. Делая это, ты оказываешь презрение не столько к мужу, сколько к Богу; это видно из того, что от мужа, по крайней мере, скрываешь это, а о Боге, Который видит, и не думаешь. Скажи мне, если бы царь удостоил кого-либо багряницы и многих иных почестей, а тот, получив приказание жить сообразно с саном, пошел и осквернился с какою-либо женщиною, – кого бы он оскорбил: женщину, или царя, удостоившего его награды? Оскорблена была бы, конечно, и она, но не столько. Поэтому, умоляю, будем хранить себя от этого греха. Подобно тому, как мы наказываем

жен, когда они, живя с нами, отдают себя другим, так и мы сами будем наказаны, если не по законам римским, то от Бога, – потому что и это есть прелюбодеяние. Прелюбодеяние, ведь, бывает не только тогда, когда прелюбодействует (женщина) связанная браком с другим, но и тогда, когда прелюбодействует женатый. Внимательно слушай, о чем я говорю. Хотя для многих и тяжело, что я говорю, но сказать об этом необходимо, чтобы впоследствии исправиться. Не то только прелюбодеяние, когда растлеваем замужнюю женщину, но и то также прелюбодеяние, когда, сами будучи женаты, (совершаем блуд) с отпущенною и свободною. Что из того, что прелюбодействующая не сопряжена с мужем? Ты сопряжен, ты закон преступил, ты обидел свою плоть. За что, в самом деле, скажи мне, наказываешь ты жену свою, когда она сотворит блуд со свободным и не имеющим жены мужчиною? За прелюбодеяние (скажешь), так как хотя соблудивший с нею не имеет жены, но она замужняя. Следовательно, если и ты женат, то и твой поступок одинаково прелюбодеяние. **"Кто разводится с женой", – говорится, – "кроме вины прелюбодеяния, тот подает ей повод прелюбодействовать; и кто женится на разведенной, тот прелюбодействует"** (Мф.5:32). Если женящийся на отпущенной прелюбодействует, то не тем ли более виновен в прелюбодеянии тот, кто согрешает с нею, имея свою жену? Конечно, это для всякого очевидно. Но для вас, мужья, довольно будет того, что сказано; а о таковых и Христос говорит: **"червь их не умирает и огонь не угасает"** (Мр.9:44). Однако надобно говорить к вам ради юношей, или лучше не столько ради их, сколько ради вас; не к ним это идет, а к вам. Как именно – сейчас скажу. Не узнавший блуда, не будет знать и прелюбодеяния; а осквернившийся с блудницами, скоро дойдет и до этого и будет творить блуд если не с замужними женами, то с отпущенными.

3. Итак, какое преподаю вам наставление? Чтобы отсечь самые корни (зла), пусть те, которые имеют детей, находящихся в юношеском возрасте, и намереваются ввести их в мирскую жизнь, скорее соединяют их узами брака. Так как еще в юности возмущают их страстные пожелания, то до времени брака воздерживайте их увещаниями, угрозами, страхом, обещаниями и другими бесчисленными средствами; а когда наступит пора брака, – пусть никто не медлит связывать детей своих брачными узами. Не правда ли, что я говорю, точно сваха; но я не стыжусь говорить это, потому что и Павел не стыдился, когда говорил: **"Не уклоняйтесь друг от друга"** (1 Кор.7:5). Этого, по-видимому, более надлежало стыдиться, однако он не стыдился, потому что обращал внимание не на слова, а на поступки, которые (хотел) исправить при помощи слов.

Итак, когда сын возрастет, то прежде, чем вступить в воинское звание, или в другой род жизни, позаботься об его супружестве. И если он будет знать, что ты скоро приведешь ему невесту и что уже немного остается времени до брака, то в состоянии будет терпеливо переносить пламень (страсти). Если же он узнает, что ты нерадишь об этом, и медлишь, и выжидаешь, когда он будет получать большие доходы, чтобы тогда женить его, то, пришедши в отчаяние от долгого ожидания, легко устремится к блуду. Но, – увы, – и здесь корень зла составляет сребролюбие! И так как никто не заботится о том, чтобы сделать сына целомудренным и скромным, а все с неистовством прилепляются к золоту, ради которого никто и не имеет попечения (о целомудрии), то умоляю вас прежде всего заботиться об их душах. В самом деле, если он вступит в брак с невестою непорочною, если будет знать только ее тело, то и любовь будет пламеннее, и страха Божия будет больше, и брак будет подлинно честный, связывая тела чистые и нескверные, и рождаемые будут исполнены всякого благословения; и будут угождать друг другу – жених и невеста, так как, будучи оба незнакомы с привычками других людей, будут взаимно подчиняться друг другу. А кто с юных лет начал вести жизнь распутную и ознакомился с обычаями блудниц, тот в первый и второй вечер будет любоваться своею женою, а затем скоро обратится к прежнему распутству, к чрезмерному и бесчинному

смеху, – будет искать речей, исполненных бесстыдства, телодвижений страстных и всякой другой мерзости, о которой нам и говорить неприлично. Жена же благородная не допустить этого, и не позволит осквернить себя. Она вышла замуж для сожителства и для деторождения, а не для распутства и смеха, – для того, чтобы беречь дом, чтобы научить и мужа быть честным, а не для того, чтобы воспламенить в нем сладострастие. Но тебе приятными являются телодвижения блудницы? Знаю. И Писание говорит об этом: **"ибо мед источают уста чужой жены"** (Прит.5:3). Для того я и говорю все это, чтобы ты не отведывал этого меда, так как он тотчас обращается в желчь. То же самое говорит и Писание: **"но последствия от нее горьки, как полынь, остры, как меч обоюдоострый"** (ст. 3, 4).

Что ты говоришь (скажете)? Будьте снисходительны ко мне, если я говорю нечто, так сказать, нечистое, не стыдясь и не краснея. Не по доброй воле делаю это, а вынуждаюсь говорить такие слова для тех, которые не стыдятся таких дел. Много подобного мы видим и в Писании. Так Иезекииль, укоряя Иерусалим, много говорит подобного, – и не стыдится. И справедливо. Ведь не по собственному желанию говорил он это, но из благопопечительности. Хотя мои слова, по-видимому, неприличны, но цель не неприлична, а даже весьма хороша для того, кто хочет истребить нечистоту души. Действительно, если не услышит таких слов бесстыдная душа, то не устрасится. Как врач, желая пресечь гниение, сперва влагает персты в раны и, если прежде не осквернит целебных рук, то не сможет уврачевать, так и я. Если сперва не оскверню уст, исцеляющих ваши страсти, то не смогу вас исцелить. Лучше же сказать, здесь уста точно так же не оскверняются, как там руки. Почему именно? Потому, что это не есть нечистота естественная, и не от нашего тела происходит она, подобно как и там – не от рук врача, но от чужих (ран). Если же там он не отказывается вкладывать свои руки в чужое тело, то здесь, где наше тело, скажи мне, откажемся ли мы? А вы – наше тело, хотя больное и нечистое, но все же наше.

4. Итак, что же значит то, что я говорю, и для чего я сделал такое наставление? Одежды, которую носит раб, конечно, ты не согласишься когда-либо надеть, гнушаясь ею по причине нечистоты, но лучше согласишься быть нагим, нежели пользоваться ею; а тело нечистое и скверное, которым пользуется не только раб твой, но и другие без числа, ты будешь употреблять во зло и не будешь им гнушаться? Вам стыдно стало слышать это. Стыдитесь дел, а не слов. Я умалчиваю обо всем остальном, о развращении и нечистоте нравов, и о прочем, что есть рабского и низкого в жизни. Скажи мне, не к одной ли и той же (ходишь) и ты, и раб твой? И, о, если бы только раб, – но ведь и палач! Ты не решился бы взять палача за руку; между тем ту, которая была с ним одно тело, обнимаешь и лобызаешь, – и не трепещешь, не боишься? Не стыдишься? Не краснеешь? Не смущаешься? Говорил я вашим отцам, что скорее надобно вас женить; впрочем, и вы не изъяты от наказания. Если бы не было много других юношей, целомудренно живущих и прежде и ныне, то, может быть, нашлось бы для вас какое-нибудь оправдание; но так как они существуют, то как можете сказать, что мы не были в силах подавить пламя вожделения? Те, которые могли (преодолеть), будут вашими обвинителями, потому что они одной с вами природы. Послушайте, что говорить Павел: **"Старайтесь иметь мир со всеми и святость, без которой никто не увидит Господа"** (Евр.12:14). Ужели эта угроза не может утратить вас? Видишь, что другие всю жизнь хранят целомудрие и живут в чистоте; а ты до юношеских лет не хочешь потерпеть? Видишь, что другие тысячекратно препобеждали похоть; а ты и однажды не устоял? Если хотите, я скажу причину. Не молодость тому причиной, потому что тогда все юноши были бы невоздержны; но мы сами себя повергаем на костер. В самом деле, когда ты войдешь в театр и сядешь там, услаждая взор свой обнаженными членами женщин, то, конечно, сначала будешь чувствовать удовольствие, но потом сильный воспламенишь в себе жар. Когда видишь

женщин, являющихся как бы в образе (обнаженного) тела; когда и зрелище, и песни не что иное выражают, как только одну гнусную любовь, именно: такая-то, говорят, полюбила такого-то, и не имела успеха и удавилась; когда предаются даже преступной любви к матерям; когда все это принимаешь в себя и чрез слух, и чрез женщин, и чрез образы, и даже чрез стариков мужчин (ведь и из них многие, надев на себя маски, представляют нам женщин), – то как, скажи мне, можешь ты после этого быть целомудренным, когда такие рассказы, такие зрелища, такие слухи обдержат твою душу и потом уступят место таким же сновидением, потому что душе прирождено видеть во сне призраки многих таких вещей, которых она днем ищет и желает? Итак, если там и дела видишь срамные, и речи слышишь еще срамнейшие, если раны получаешь, а лекарства не принимаешь, – то как, в самом деле, не увеличиться гнилости? Как не усилиться болезни, и притом в гораздо большем размере, нежели это бывает в телах наших? Воля, если только захотим; легче принимает исправление, нежели тело. Там нужны и лекарства, и врачи, и время; а здесь довольно захотеть, чтобы быть или добрым или злым. Поэтому в тебе усилилась болезнь. Итак, если мы собираем только то, что вредить нам, а о том, что приносит пользу, нимало не помышляем, то как можем мы быть здоровыми? Потому-то Павел и сказал: **"как и язычники, не знающие Бога"**. Если язычники, незнающие Бога, часто бывают целомудренны, то какой стыд и страх должен овладеть нами? Мы хуже их, и потому должны стыдиться. Проводить жизнь в целомудрии легко, если захотим, если будем удаляться от того, что вредит. Если же не захотим, то и блуда не легко избежать. Что легче, как ходить на площадь? Но, по причине великой изнеженности, и это сделалось трудным, не для женщин только, но даже и для мужчин. Что легче сна? Но и это сделали мы трудным. Много богачей всю ночь ворочаются с боку на бок, потому что ложатся спать, не дожидаясь, когда появится потребность сна. И вообще ничто не трудно при нашем желании, равно как ничто не легко при нашем нежелании. Мы над всем властны. Потому-то и (говорит) Писание: **"Если захотите и послушаетесь"**; и еще: **"если же отречетесь и будете упорствовать"** (Ис.1:19,20), – так что все зависит от желания, или нежелания, и в зависимости от этого мы и заслуживаем наказания или похвалы. О, если бы мы, находясь в числе заслуживших похвалу, сподобились получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому с Отцом и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 6

"О братолюбии же нет нужды писать к вам; ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ибо вы так и поступаете со всеми братьями по всей Македонии. Умоляем же вас, братия, более преуспевать" (1Фес.4:9,10).

1. Что это значит, что (апостол), много побеседовав с ними о целомудрии и намереваясь столь же пространно говорить о том, что должно трудиться и не скорбеть об умерших, главу всех благ – любовь как бы отлагает в сторону, говоря: не имеем нужды, писать вам? Это тоже проистекает из великого благоразумия и духовной, его мудрости. Он чрез это достигает двух целей: во-первых, показывает, что эта добродетель до того необходима, что ненужно и учиться ей, так как всякому известно то, что имеет особенную важность для всех; во-вторых, выражаясь таким образом, он больше вразумляет их, чем в том случае, если бы обратился к ним прямо с назиданием. Предполагая, что они ведут жизнь праведную, – хотя бы они и не жили так, – и потому не побуждая их к этому, он скорее приводит их (к такой жизни). И заметь, не говорит о любви ко всем, но о любви к братии. Не имеем нужды, писать вам. Конечно, если не было нужды, то надлежало молчать и не говорить ничего. Но теперь, говоря, что нет нужды, он сделал более, нежели когда бы сказал (т. е. о любви) **"Ибо вы сами научены Богом"**. Смотри, какую воздает им честь, говоря, что сам Бог учит их этому! Вам ненужно, говорит, учиться у человека. Об этом и

пророк говорит: **"И все сыновья твои будут научены Господом"** (Ис. 54:13; ср. Ин. 6:45). **"Ибо вы сами научены Богом любить друг друга, ибо вы так и поступаете со всеми братьями по всей Македонии"**: и ко всем другим, говорит. Это служит сильным побуждением исполнять (долг любви). И не без основания говорю, что **"вы сами научены Богом"**, но знаю это из дел ваших. Так и об этом он многое сказал им. **"Умоляем же вас, братья, избыточествовать (изобиловать, преуспевать) более"**, то есть более преуспевать", **"и усердно стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое [дело] и работать своими собственными руками, как мы заповедывали вам; чтобы вы поступали благоприлично перед внешними и ни в чем не нуждались"** (ст. 11,12). Здесь дает разуметь, скольких зол причиною бывает праздность, и напротив скольких благ – трудолюбие, и объясняет это, ссылаясь на то, что бывает между нами. Он часто поступает так и делает очень благоразумно, потому что таким образом легче вразумляются люди, нежели при помощи умозрений. Долг любви к ближним состоит в том, чтобы не от них принимать, но им давать. Заметь его благоразумие: намереваясь наставлять и увещавать их, он начинает говорить о том, что видит хорошего у них, чтобы они ободрились после прежних увещаний и упрека (выраженного) в словах: **"Итак непокорный непокорен не человеку, но Богу"**, и чтобы таким образом не отпали. А это зависит от трудолюбия – чтобы не принимать (от других ничего) и не жить в праздности, но трудясь давать другим: **"блаженнее"**, – сказано, – **"давать, нежели принимать"** (Деян.20:35). **"И работать"**, – говорит, – **"своими руками"**. Итак, где пребывают ревнующие только о духовном подвиге? Видишь, как он отнял у них всякий предлог к извинению себя, сказавши: **"своими руками"**. Совершает ли кто руками пост? Всенощное бдение? Возлежание на голой земле? Конечно, никто не скажет этого; он говорит о труде духовном, потому что давать другим от своих трудов есть подвиг подлинно духовный, и ничего нет равного ему. **"Чтобы вы"**, – говорит, – **"поступали благоприлично"**. Видишь ли, каким образом он обращается с ними? Не сказал: не срамите себя, нищенствуя; но дал понять то же самое, хотя и употребил снисходительный способ выражения, чтобы и дать почувствовать им (как это неприлично) и не слишком огорчить их. В самом деле, если собратия наши соблазняются таковыми, то внешние, которые изыскивают тысячу обвинений и укоризн, тем более соблазняются, когда видят, что человек здоровый, могущий прокормить себя, просит милостыни и нуждается в пособии других. За то и называют нас хриstopродавцами: этим, говорит, **"имя Божие хулится"** (Рим.2:24). Но он ничего такого не выставил на вид, а только то, что особенно могло тронуть их, именно – неблагочине. **"Не хочу же оставить вас, братья, в неведении об умерших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды"** (ст. 13).

2. Их, как и всех людей, особенно сокрушали эти два бедствия – бедность и скорбь. Смотри же, как он врачует их. Бедность произошла у них от разграбления их имущества. Если же питаться трудами он заповедует тем, у которых было разграблено имущество за Христа, то тем более другим. А что их имущество было разграблено, это видно из слов: **"Вы, братья, сделались подражателями церквам Божиим во Христе Иисусе, находящимся в Иудее"** (1 Сол.2:14). Чем? Тем; что, пища к последним, (он тоже) сказал: **"И расхищение имения вашего приняли с радостью"** (Евр.10:34). Потом здесь говорит о воскресении, – и для чего? Разве он не говорил им об этом? Но здесь имеет в мысли некую другую тайну. Какую же именно? **"Мы"**, – говорит, – **"живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших"**. Конечно, слово о воскресении может утишить скорбящих, а сказанное теперь может сделать воскресение достоверным. Но мы прежде должны сказать о том, о чем и сам (апостол) сказал: **"Не хочу же оставить вас, братья, в неведении об умерших^[1], дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды"**. Смотри, как и здесь говорит кротко! Не сказал им, как коринфянам: вы столь бессмысленны, столь безрассудны, что, зная о воскресении, скорбите, как неверующие; но

сказал весьма кротко: **"не хочу"**, из уважения к другой их добродетели. И не сказал: "об умерших", – тотчас, в самом начале подавая утешение.

"Дабы вы не скорбели", – говорит, – **"как прочие, не имеющие надежды"**. Следовательно, скорбеть об отшедших свойственно неимущим упования. И подлинно. Душа, совершенно не зная о воскресении и эту смерть почитая смертью, естественно скорбит (об умерших), как о погибших, сетует и безутешно плачет; а ты, чающий воскресения, для чего плачешь? Итак, плакать свойственно неимущим упования. Послушайте, жены, которые любите плакать и предаются безмерной скорби: вы поступаете по-язычески. Если же скорбеть об умерших свойственно язычникам, то, скажи мне, кому прилично сокрушаться и терзать ланиты? Зачем плачешь ты, если веруешь, что умерший воскреснет, что он не погиб, что смерть есть сон и покой? Затем, говоришь, что я лишилась в нем супруга, защитника, попечителя и помощника во всех делах и нуждах. Но когда ты лишилась сына в младенческом возрасте, который еще ничего не мог для тебя сделать, тогда о чем плачешь, о чем жалеешь? Он, говоришь, подавал добрые надежды, и я ожидала, что он будет иметь обо мне попечение. Вот почему я сожалею о муже, вот почему о сыне, вот почему терзаюсь и рыдаю, – не потому, чтобы я не веровала в воскресение, но потому, что стала беспомощной и лишилась покровителя, сожителя, сообщника во всем, утешителя. Вот почему плачу я. Знаю, что он воскреснет, но не могу переносить и временной разлуки. Множество угрожает мне неприятностей: всякий, кто бы ни захотел, может обидеть меня; рабы, прежде боявшиеся, теперь презирают и наносят оскорбление; кто был благодетельствован умершим, тот забыл его благодеяния; кто был им обижен, тот по злобе к нему изливает гнев на меня. Вот почему я не могу равнодушно переносить вдовства и не плакать горько, вот почему терзаюсь, вот почему плачу. Итак, чем утешим их? Что скажем? Чем утолим печаль их? Во-первых, я постараюсь доказать им, что плач их происходит не от этих причин, а от безрассудной страсти. В самом деле, если ты по этим причинам скорбишь, то тебе надлежит по умершем скорбеть беспрестанно. Если же по прошествии одного года ты до того забываешь его, что как будто ничего не случилось с тобою, то очевидно оплакиваешь не умершего, и не покровительство его. Но ты не можешь перенести разлуки и прекращения супружества? Что же скажут вступившие во второй брак? Конечно, они уже не жалеют о прежних мужьях. Впрочем, не к ним мы обратим слово, а к тем, которые питают искреннюю привязанность к умершим. Почему плачешь ты о сыне, почему о муже? О первом, говоришь, потому, что он не принес мне ожидаемой радости, а о втором потому, что я надеялась долее делить с ним радости. Но не дело ли крайнего неверия думать, что муж или сын защитят тебя, а не Бог? Как тебе не придет на мысль, что ты этим оскорбляешь Бога? Для того ведь Он часто и отнимает их, чтобы ты не была привязана к ним до такой степени, чтобы на них единственно возлагать свои надежды. Бог ревнив и хочет, чтобы мы более всего любили Его, и это происходит из того, что Он весьма любит нас. Вы ведь знаете, что таково свойство пламенно любящих: они крайне ревнивы и скорее согласны потерять жизнь, нежели видеть торжество своих соперников. Поэтому Бог и отнял его, – именно по этим причинам.

3. В самом деле, почему, скажи мне, в древности не было преждевременного ни вдовства, ни сиротства? Почему Аврааму и Исааку (Бог) позволил жить долгое время? Конечно потому, что (Авраам), еще когда жил (Исаак), предпочел ему Бога. Бог сказал: заколи, и он заколол. Почему лета Сарры Он продолжил до такой старости? Потому, что во все время ее жизни Авраам слушался более Бога, нежели ее. Поэтому-то Бог и сказал ему: (послушай Сарры жены твоей) (Быт.21:12). Тогда никто не навлекал на себя гнева Божия ни любовью к мужу, ни любовью к жене, ни заботливостью о сыне. Ныне же, так как мы пристрастны к земному и глубоко пали, и мужья больше любят жен, нежели Бога, а жены больше почитают мужей, нежели Бога, то Он против воли нашей хочет заставить нас

любить Себя. Не люби мужа больше, чем Бога, и никогда не испытывай вдовства, а хотя бы оно и постигло тебя, не почувствуешь его (тяжести). Почему? Потому что покровителем ты имеешь Бессмертного, более любящего тебя. Если ты Бога любишь больше, то не плачь: более Любимый бессмертен и не попустит сокрушаться о потере того, кого ты меньше любишь. Поясню тебе это примером. Если бы ты имела мужа, во всем поступающего по твоему желанию, почтенного, любящего тебя, если бы ты была с ним счастлива и прижила с ним дитя, которое потом, не достигши зрелого возраста, умерло бы, – то, скажи мне, неужели бы ты стала сокрушаться от скорби? Нет, – потому что потерю его восполнил бы более тобою любимый (муж). Так и в настоящем случае, если ты больше любишь Бога, нежели мужа, то Он, конечно, не скоро возьмет его, а если бы и взял, то ты не стала бы горько скорбеть. Поэтому-то и блаженный Иов нисколько не предался горести, услышавши о внезапной смерти детей, – потому что больше любил Бога, нежели их. Следовательно эта потеря не могла опечалить его, потому что жив был Тот, Кого он любил. Что говоришь ты, жена? Муж или сын был бы тебе защитой? А Бог разве не печется о тебе? А его самого кто дал тебе? Не Он ли? А тебя кто сотворил? Не Он ли? Ужели Тот, который привел тебя из небытия в бытие, вдохнул в тебя душу, вложил ум, благоволил даровать тебе познание о Себе, и который Сына своего едиnorodного не пощадил для тебя, не жалеет тебя, а пожалеет тебя такой же, как и ты, раб? Какой великий гнев возбуждают слова эти! Что подобное получила ты от мужа? Ничего не можешь указать. Если он и оказал тебе какое-либо благодеяние, то сделал это, будучи наперед благодетельствован тобою. Но о Боге никто ничего подобного сказать не может: Бог не потому благоденствует нам, чтобы воздать за наши прежде оказанные Ему благодеяния, но, не имея ни в чем нужды, по одной Своей благодати благоденствует роду человеческому. Он обещал тебе царство, даровал жизнь вечную, славу, братство, усыновление, сделал сонаследницею Единородного; а ты после стольких благ воспоминаешь еще о муже? Что такое он даровал тебе? (Бог) повелел взойти солнцу Своему, послал дождь, питает плодами ежегодно произрастающими. Горе нам крайне неблагодарным! Для того Бог и отнимает мужа, чтобы ты не была (исключительно) привязана к нему, а ты, еще и по смерти его, желала бы иметь его, и оставляешь Бога, тогда как должна благодарить Его и всецело обратиться к Нему. Что получала ты от мужа? Болезни чадородия, труды, оскорбления, часты укоризны, выговоры и огорчения, – не это ли (терпят жены) от мужей? Но с другой стороны есть, говоришь, и выгоды. Какие же это? Он наряжал тебя в дорогие одежды? Возлагал на лицо твое золотые украшения? Заставлял всех уважать тебя? Но если ты захочешь, то (Бог) украсит тебя украшением гораздо лучшим, нежели умерший. Честность более украшает женщину, нежели золотые уборы. Есть и у этого Царя одежды, но не такие, а гораздо лучшие. В эти-то одежды, если хочешь, нарядись. Какие же это? Это риза, с рясы златыми, которою, если хочешь, облеку душу. Но при нем я не была в презрении у людей? Что ж в этом важного? За то вдовство воспрепятствует тому, чтобы ты подвергалась поруганию от демонов. Тогда ты управляла рабами своими, если подлинно управляла; а теперь, вместо прислуги домашней, ты имеешь власть над бесплотными силами, началами, властями, – над миродержителем. Кроме того, ты не говоришь о неприятностях, которые ты с ним разделяла, каковы, напр., опасение начальников, предпочтение ему сверстников? Теперь ты свободна от всего этого – от страха и боязни. Но ты заботишься, кто будет кормить оставшихся детей? Отец сирот! Кто дал их, скажи мне? Не слышишь ли, что Христос говорит в Евангелии: **"Душа не больше ли пищи, и тело одежды"** (Мф.6:25)?

4. Видишь ли, что причина плача не во вдовстве, а в неверии? Но после смерти отца дети становятся не столь знаменитыми? Почему же? Бога имеют отцом, – и становятся менее знаменитыми? Сколько укажу тебе воспитанных вдовами, и приобретших известность! Сколько напротив таких, которые воспитались при отцах, и между тем погибли! Если ты с юных лет будешь воспитывать их, как должно воспитывать, то это для

них будет гораздо благодетельнее, нежели если бы они пользовались покровительством отца. А что действительно воспитывать детей обязаны вдовы, послушай, что говорит Павел: **"если она воспитала детей"** (1 Тим.5:10), и еще: **"впрочем спасется через чадородие"** – не сказал: мужа ради, – **"если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием"** (1 Тим.2:15). С юных лет внушайте им страх Божий, – и он сохранит их лучше всякого отца, он будет стеною нерушимою. Ведь когда этот страж обитает внутри нас, то нам не нужны никакие внешние ограждения; а когда нет его, тщетно все внешнее. Он будет для них и богатством, и славою, и украшением; он сделает их славными не на земле только, но и на небесах. Не смотри ни на опоясанных золотыми поясами, ни на тех, которые ездят на конях, которые за заслуги предков блистают в царских чертогах и которые ходят с провожатыми и пестунами. Может быть, это заставляет вдов плакать над судьбою сирот, – потому что каждая из них думает, что вот и мой сын, если бы у него жив был отец, наслаждался бы таким же счастьем, а теперь он в унижении и неизвестности, так что никто даже не хочет с ним говорить. Но не об этом, женщина, думай, а воспари мыслью за врата небесные, рассмотри там царские чертоги, воззри на сидящего там Царя, помысли, могут ли эти земные счастливицы быть там славнее твоего сына – и тогда скорби. А об этом не нужно и думать, что кто-либо знаменит на земле. Он может, если хочешь, соделаться воином на небесах, может в это записаться воинство. Записанные там не на конях ездят, а носятся на облаках, не по земле ходят, а восхищаются на небо, и провожатыми имеют не рабов, а самих ангелов. Они предстоят не царю смертному, а бессмертному, Царю царствующих и Господу господствующих; не кожаными поясами опоясаны по чреслам, но тою неизреченною славою, ради которой они становятся знаменитее самих царей и вообще всех людей, когда-либо прославившихся. В тех царских чертогах требуется не богатство, не благородство, и не другое что-либо, а только добродетель, и, если есть она, то ничего больше не нужно для того, чтобы стать в ряду первых. Если будем судить правильно, то ничего не найдем такого; что бы могло нас огорчать. Посмотри на небо и гляди, насколько оно блистательнее крова царских чертогов. Если же подножие горних царских чертогов до такой степени величественнее дольних, что последние в сравнении с первыми можно почестъ грязью, то каким блаженным почел бы себя тот, кто удостоился бы подробно рассмотреть самые эти царские чертоги? **"Истинная"**, – говорит, – **"вдовица и одинокая надеется на Бога"** (1 Тим.5:5). К кому это сказано? К тем, которые имеют детей, потому что они более достойны почтения и больше имеют средств угождать Богу, так как у них расторгнуты все узы. Некому удерживать их, некому принуждать их, чтобы они влачили эти цепи. Ты разлучена с мужем, но соединена с Богом; не имеешь собеседником равного тебе раба, но имеешь Господа. Когда молишься, то не с Богом ли беседуешь, скажи мне? Когда читаешь, то внимай, как Он с тобою беседует. Но что Он говорит тебе? Слова, несравненно сладостнейшие, чем говорит муж. Если муж и говорит ласково, то невеликая бывает честь, – потому что он такой же раб (как и ты); но когда Господь говорит ласково к рабе, то это признак высочайшего благоволения. Как же Он утешает нас? Послушай, в каких словах Он выражает это. **"Придите"**, – говорит, – **"ко мне все труждающиеся и обремененные, и Я успокою вас"** (Мф. 11:28). И еще чрез пророка взывает, говоря: **"Забудет ли женщина грудное дитя свое, чтобы не пожалеть сына чрева своего? но если бы и она забыла, то Я не забуду тебя"** (Ис.49:15). Какая нужная любовь в этих словах! И еще: **"обратись ко Мне"**; и в другом месте: **"Ко Мне обратитесь, и будете спасены"** (Ис. 45:22 и 44:22). Если же кому угодно заимствовать (изречение) из книги Песнь Песней, то, читая эти таинственнейшие песни, он услышит, как Господь говорит преданной Ему душе: **"возлюбленная моя, прекрасная моя"** (Песн.2:10)! Что сладостнее этих слов? Видишь, как Бог говорит с людьми? Что же, скажи мне? Разве не знаешь, сколько у этих блаженных жен умерло детей и покоятся в гробах, – как многие из них потерпели еще большие несчастья, лишившись вместе с мужьями и детей? На это будем обращать внимание, об этом будем помнить, – и ничего скорбного не будет для нас, но

будем проводить все время в духовной радости, и насладимся вечных благ, которых да сподобимся все мы благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава с Отцом и Святым Духом ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 7

"Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об умерших (усопших)[1], дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды" (1 Фес.4:13).

1. Многие предметы повергают нас в скорбь потому только, что мы не знаем их, когда же хорошо узнаем их – отлагаем скорбь. Указывая на это, Павел и сказал: **"Не хочу же оставить вас, братия, в неведении об усопших, дабы вы не скорбели, как прочие, не имеющие надежды"**. Чего не хочешь ты, чтобы они не знали? Учения, говорит, о воскресении. Но почему не говоришь о наказании, которое ожидает людей за незнание учения о воскресении? Потому, что это (само собою) открывается из этого учения и всеми признается. Между тем и от этого будет немаловажная польза. Он говорить с ними так, не потому что они не верили в воскресение, но потому что, несмотря на эту веру, они оплакивали (умерших). Именно, иначе он говорит с неверующими, иначе – с ними; а они, как видно из того, что исследовали времена и лета, знали (о воскресении). **"Ибо, если мы веруем, что Иисус умер и воскрес, то и усопших в Иисусе Бог приведет с Ним"** (ст. 14). Где отвергающие плоть? Если он не принял плоти, то и не умер; если же не умер, то и не воскрес. Каким же образом он приводит этим нас к вере? Не подумают ли они о нем, что он обманщик и льстец? Если смерть есть следствие греха, а Христос не согрешил, то каким образом это может служить для нас назиданием? При том, почему сказал он: **"Как и прочие, не имеющие надежды"**? Он рассуждал как бы так: кого вы, люди, оплакиваете, о ком скорбите – о грешниках ли, или просто об умирающих? Те (не имеющие надежды) оплакивают (умерших), потому что все умершие – для них ничто. **"Первенец"**, - говорит, – **"из мертвых"** (Кол.1:18), т. е. начаток. Следовательно должны быть и другие. Заметь притом, что здесь не приводит ни одного доказательства от разума, – потому что они были люди простые. Между тем, когда писал к коринфянам, он сперва много привел доказательств и от разума, и потом уже присовокупил: **"Безрассудный! то, что ты сеешь, не оживет, если не умрет"** (1 Кор.15:36). (Сказанное здесь) более имеет силы тогда, когда беседа ведется с верным; но какую это может иметь силу для неверующего? **"Так Бог"**, – говорит, – **"и усопших во Иисусе приведет с Ним"**. Опять усопшие, – нигде не говорит: умершие. Но о Христе сказал: умер, потому что присовокупил: и воскрес, а здесь: усопшие во Иисусе, разумея или усопших в вере Иисусовой, или то, что чрез Иисуса (Бог) приведет усопших, то есть верных. Еретики говорят, будто здесь он разумеет крещенных. Но отчего употребил выражение – тако? Ведь Иисус не уснул чрез крещение. Почему же говорит: усопшие? Потому что рассуждает не о всеобщем, а о частном воскресении. **"Усопших во Иисусе приведет"**, говорит он, и во многих местах говорит таким образом. **"Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших"** (ст. 15). Говоря о верных, сказал: **"И усопшие во Христе"** и еще: **"мертвые ...восстанут"** Потом говорит не о воскресении только, но о воскресении и о чести, какую будут они окружены, находясь в состоянии прославления. В воскресении, говорит, все будут участвовать; но в славе не все, а только усопшие во Христе. И так как он хочет утешить их, то утешает не только говоря им о воскресении, – они уже знали о нем, – но и о великой чести и быстроте (с какою последует воскресение). Желая утешить их ожидающею их честью, далее говорит: **"и всегда с Господом будем"**, и еще: **"восхищены будем на облаках"**. Как же верные умирают во Иисусе? Очевидно, имея Христа в себе. А слова: **"приведет с Ним"** дают разуметь, что будут собраны из многих мест. **"Ибо сие"**, – говорит, – **"говорим вам словом Господним"**. Намеревался сказать

нечто необыкновенное и потому присовокупил удостоверение. **"Словом Господним"** говорит, то есть, мы говорим не сами от себя, но узнавши от Христа, **"мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших"**. Тоже говорит и в послании к коринфянам: **"вдруг, во мгновение ока"** (1 Кор.15:52); но здесь в удостоверение воскресения представил способ (каким должно оно совершиться).

2. И так как дело представляется трудноисполнимым, то он показывает, что столь же удобно могут быть восхищены умершие, как и живые. Употребив выражение – мы, он имеет в виду не себя, так как не располагал оставаться (в живых) до воскресения, но понимает верных. Поэтому присовокупил: **"мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших"**. Он как будто говорил так: когда слышишь, что живущие тогда не предварят истлевших, в прах обратившихся, умерших за несколько тысяч лет, то не представляй себе в этом какой-нибудь трудности, – Бог творить это, а для Него столь же легко привести оставшихся целыми, как истлевших. Есть правда такие, которые не верят этому, потому что не знают Бога. Но скажи мне, что легче, из небытия ли привести в бытие, или снова восставить истлевшее? Что однакож они говорят? Такой-то потерпел кораблекрушение и утонул; утонувшего схватили многие рыбы и каждая из рыб съела по части. Потом из этих самых рыб одна поймана в одном, другая в другом заливе и съедена одна одним (человеком), а другая другим. И опять, эти люди, съевшие рыб, пожравших человека, умерли в различных странах, и сами, может быть, съедены зверями. Как же после такого смещения и рассеяния опять оживет человек? Кто соберет этот прах? Но для чего это говоришь, человек? Для чего сплетаешь цепи пустых вымыслов и полагаешь, что этого нельзя разрешить? Если бы даже человек и не упал в море, если бы не был поглощен рыбою, и эта рыба опять не была съедена тысячами людей, но при погребении он был бы положен во гроб, и ни черви, ни иное что-либо не коснулось бы его, – то как, скажи мне, воскреснет разрушившееся? Как свяжется прах и пепел? Откуда потом возьмется цвет тела? Разве это объяснимо? Если будут сомневаться в этом эллины, то мы можем сказать им весьма многое. Что же именно? Есть у них такие, которые (учат) переселению душ и в растения, и в деревья, и в собак. Скажи мне, что легче, свое ли воспринять тело или чужое? Другие еще говорят, что (тела) в огне истлевают и что потом последует восстановление одежд и обуви, – и не смеются над ними! Иные вводят атомы. Но мы не к ним обращаем нашу речь, а к верным, если только должно называть верными вопрошающих; впрочем укажем на то апостольское (учение), что всякая жизнь возникает из тления, все растения, все семена. Не видишь ли, какой большой ствол имеет смоковница, какие большие побеги, и сколько листьев, сучьев и ветвей, сколько корней, так расширившихся и углубившихся в землю? И до такой степени высокою и широкою она становится из зерна, брошенного в землю и при том сгнившего. Если бы оно не сгнило и не разрушилось, то ничего бы и не выросло. Скажи мне, как это бывает? Так и виноград, столько приятный для взора и вкуса, родится из этого же безобразного зародыша. Кроме того, скажи мне, не одинаковая ли вода падает сверху? Каким же образом она изменяется во столько видов? Это удивительнее воскресения. Там какое семя обращает на себя (твое внимание), такое же (возникает), – и видишь растение и совершенное сходство (зерна с растением); а здесь, скажи мне, каким образом то, что имеет одинаковые качества и одинаковую природу, превращается во столько видов? В виноградной лозе (вода) делается вином, и не вином только, но и листьями и соком, потому что ею не только кисть питается, но и прочие части виноградной лозы; в маслине делается маслом, – и многим другим, чего нельзя и пересказать. И – чудное дело! Здесь делается влажным, там сухим, здесь сладким, там кислым, – то вяжущим, то горьким. Каким же образом она превращается в столько видов? Укажи причину. Но ты не в силах. Да и в тебе самом, – это ближе, – скажи мне, как извергаемое семя устроится и преобразуется в глаза, как в уши, как в руки, как в сердце, как в столь многие члены? Не бесконечное ли в теле разнообразие видов, величины, свойств, положения, сил, составов?

Сколько нервов, жил, мышц, костей, перепонки, артерий, членов, желез; сколько еще кроме них такого, что входит в состав нашей природы, о чем подробно говорят врачи, – и все это от одного семени! Разве не покажется для тебя гораздо непонятнее то, каким образом влажное и нежное превращается в твердую и холодную кость, – как оно делается теплою и влажною кровью, – как холодным и нежным нервом, – как холодною и влажною артериею? Как это, скажи мне? Не понимаешь этого? Не усматриваешь ли каждый день воскресения и смерти в возрастах? Куда девалась юность? Откуда взялась старость? Каким образом состарившийся, который самого себя не может сделать юным, рождает другого – дитя, самое юное, и чего не может дать себе самому, то дает другому?

3. То же самое можно видеть и в деревьях и в животных, несмотря на то, что по-видимому кто дает другому что-либо, прежде сам должен иметь то, что дает. Но этого требует только человеческий разум. Когда же созидает Бог, тогда ничего не нужно. Если же это в такой степени неудобноизъяснимо и даже больше, нежели неудобноизъяснимо, то как безумствуют те – они теперь пришли мне на мысль – которые сияются постигнуть бестелесное рождение Сына! Того, что совершается ежедневно, что находится под руками и уже тысячу раз было исследовано, никто и никогда не мог еще уразуметь: как же, скажи мне, можно надеяться постигнуть неизреченное и непостижимое рождение? Разве не приходит в изнеможение ум их от тщетных этих усилий? Разве не запутывал он самого себя в бесчисленных недоумениях? Разве не безмолвствовал (от изумления)? И однако они не вразумляются этим. Будучи не в силах сказать что-либо определенное о винограде и смоковнице, рассуждают о Боге. В самом деле, скажи мне, каким образом из этого зерна виноградной ягоды развиваются листья и ветви? Ведь в нем прежде этого не было и не замечалось? Но они говорят, что это происходит не от зерна, а от земли. А отчего же без него земля сама собою ничего не может произвести? Перестанем безумствовать! Это происходит не от земли и не от зерна; а от Того, кто есть Господь и земли и семян. Поэтому Он и устроил так, чтобы это происходило и при посредства их и без них (семян), чтобы таким образом с одной стороны проявить Свое могущество, ради чего и сказал: **"да произрастит земля зелень, траву"** (Быт.1:11), с другой – чтобы, вместе с проявлением Своего могущества, научить нас трудолюбию и деятельности. Для чего же все это сказано нами? Не без цели, но для того, чтобы мы и в воскресение веровали, и чтобы, мы не огорчались и не досадовали, если опять, несмотря на наше желание постигнуть что-либо умом, не будем иметь возможности достичь этого, но – благоразумно обуздывая и смиряя ум свой, находили успокоение в том, что Бог может все сделать и ни в чем не находить препятствия. Итак, узнавши это, обуздаем наши мысли и не будем переступать пределов и границ познания, которые положены для нас. **"Потому что", – говорит, – "мы все имеем знание; но знание надмевает, а любовь назидает"** (1 Кор.8:1). Я говорю не о Боге только, но и о всякой вещи. Что, например, желаешь узнать о земле? Что знаешь, – скажи мне? Как велико ее протяжение? Какая величина? Какое положение? Какая природа? Какое место? Где она утверждена и на чем? Но ты ничего не можешь ответить на это; а можешь только сказать, что она холодна, суха и черна, – больше ничего. А о море? И тут встретишь недоумение, которого не можешь разрешить, – не знаешь ведь, где оно начинается, где оканчивается, на чем носится, на чем держится дно его, какое оно занимает место, твердая ли земля за ним, или оно оканчивается водою и воздухом? Знаешь ли что-либо о том, что находится в нем? Спрошу ли еще о воздухе, о стихиях? Ничего не скажешь. Но оставим лучше это. Если хочешь, выберем самое малое растение. Скажи мне, как рождается этот злак, не приносящий плодов, который мы все видим? Не составляют ли его сущности вода, земля и навоз? Отчего же он является так прекрасным на вид и отчего имеет такой удивительный цвет? Отчего эта красота вянет? Конечно, это не есть действие воды или земли. Видишь ли, как везде необходима вера? Как рождает земля? Каковы болезни ее рождения, скажи мне? Но ты ничего не можешь на это сказать. Изучай же, человек, то, что находится долу – здесь, и не трудись по-пустому,

не любопытствуй много о небе, – и если бы только о небе, а то и о Владыке неба! Скажи, ты не знаешь земли, от которой родился, на которой воспитан, на которой живешь, по которой ходишь, без которой идохнуть не можешь, а любопытствуешь знать о таких отдаленных предметах? Поистине человек – суета! Если бы кто велел спуститься в глубину и узнать, что находится на дне моря, – ты отверг бы приказание; а сам, без всякого принуждения, хочешь наследовать неизследимую пучину. Не мудрствуй, прошу тебя. Будем плавать по поверхности, не будем следовать влечению мудрования; иначе скоро утомимся и утонем. Но пользуясь божественным Писанием, как бы некоторым кораблем, распустим паруса веры. Если мы будем плавать на нем, то и кормчим у нас будет слово Божие; если же станем плавать на мудрованиях человеческих, то не будет (кормчего). Кому в самом деле из плавающих таким образом помогает кормчий. Следовательно, нам будет угрожать двойная опасность: с одной стороны та, что не будет корабля, с другой та, что не будет кормчего. Если же судно без кормчего подвержено опасности, то какая надежда на спасение, «когда нет ни того, ни другого? И так, не будем подвергаться явной опасности, но будем плавать в безопасном месте, утверждаясь на священном якоре. Таким образом, несмотря на тяжелый груз, с совершенною безопасностью достигнем тихой пристани и получим блага, уготованные любящим Его во Иисусе Господе нашем с Которым Отцу со Святым Духом слава (во веки веков. Аминь).

[1] В синодальном переводе неточность. В оригинале "усопших" – κοιμόμενων.

БЕСЕДА 8

"Ибо сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, 16 потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде; 17 потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем"(1 Сол.4:15—17).

Пророки, желая показать достоверность того, о чем намеревались говорить, прежде всего другого, говорят: **"Видение Исаии, сына Амосова, которое он видел"** (Ис.1: 1); или: **"Слова Иеремии, к которому было слово Господне"** (иер.1:1); и еще: **"Ибо так говорил мне Господь"** (Ис.8:11),— и тому подобное. Многие видели и самого Бога сидящего (Ис.6:1), насколько им возможно было видеть. Но Павел, который не сидящего видел, а имел в себе самом Христа говорящего, вместо того, чтобы сказать: **"Ибо так говорил мне Господь"**, говорил: или **"Вы ищите доказательства на то, Христос ли говорит во мне"**(2 Кор.13:3), и еще: **"Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа"** (2 Кор.1: 1),— показывая, что он ничего не говорит от себя, потому что посланник передает только слова посланного. И еще: **"думаю, и я имею Духа Божия"**(1 Кор.7:40). Впрочем, все это он изрекал по внушению Духа; между тем то, что говорит теперь, он слышал от Бога словесно, подобно тому, как он слышал тайно то, что сказал в беседе с ефесскими старейшинами: **"блаженнее давать, нежели принимать"**. (Деян.20:35). Посмотрим же, что здесь говорит он : **"сие говорим вам словом Господним, что мы живущие, оставшиеся до пришествия Господня, не предупредим умерших, 16 потому что Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубе Божией, сойдет с неба"**. То же и Христос в свое время говорил: **"силы небесные поколеблются"** (Мф.24:29). Почему же в трубе? Потому что и на Синае мы видим это, и ангелов тоже. Но какое значение имеет глас архангела? Такое же, как и то, что было сказано о девах: **"жених идет, выходите навстречу ему"** (Мф.25:6). Или об этом он здесь говорит, или о

том, что тогда, когда ангелы будут служить при воскресении, совершится нечто подобное тому, что бывает при царе. Именно, (Бог) скажет: да воскреснут мертвые! — и это будет приведено в исполнение не силою ангелов, а — Его слова, — подобно тому, как если бы царь повелел и сказал: пусть выйдут заключенные, и пусть слуги изведут их, то они исполнили бы это не своею властью, а вследствие повеления царского. Об этом и в другом месте говорит Христос: **"и пошлет Ангелов Своих с трубою громогласною, и соберут избранных Его от четырех ветров, от края небес до края их"** (Ме.24:31), — и повсюду видишь ангелов, спешающих исполнить повеление Божие. Следовательно, архангел, как полагаю, есть начальник посланных, который будет звать (к ним): готовьте всех, Судия предстоит. Что значит: в последней трубе? Значит то, что труб будет много, и что Судия сойдет при (звуке) последней трубы. **"И мертвые во Христе воскреснут прежде; потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаках в сретение Господу на воздухе, и так всегда с Господом будем. Итак, утешайте друг друга сими словами"** (ст. 16-18). Если (Господь) намерен сойти, то для чего мы будем восхищены? Чести ради. Ведь и тогда, когда царь въезжает в город, почетные граждане выходят к нему на встречу, а преступники внутри ожидают судию; и тогда, когда возвращается нежный отец, дети и те, которые заслуживают название детей, въезжают на колеснице (к нему навстречу), чтобы видеть и приветствовать его, а те из домочадцев, которые оскорбили его, остаются дома. Мы понесемся на колеснице Отца. Как Он подъял самого (Господа) на облаках (Деян.1:9), так и мы восхищены будем на облаках. Видишь, какая честь? Мы и встретим Сходящего, и, что всего радостнее, **"ибо вовек милость Его. Кто изречет могущество Господа, возвестит все хвалы Его"** (Пс.105:2)? Каких великих благ удостоил Он род человеческий! Прежде восстанут умершие, и таким образом все вместе встретят его. Авель, умерший прежде всех, выйдет тогда навстречу вместе с оставшимися в живых, так что они при этом не будут иметь никакого преимущества, и истлевший, столько лет лежавший в земле — встретит его вместе с живыми, равно как и все прочие. Если они ждали нас, чтоб и мы увенчались, как говорит (апостол) в другом месте: **"Бог предусмотрел о нас нечто лучшее, дабы они не без нас достигли совершенства"** (Евр.11:40), то тем более должны мы подождать их. Или лучше: они нас ждали, а мы их не будем, потому что воскресение произойдет вдруг, **"во мгновении ока"** (1 Кор.15:52) Слово же — соберутся показывает, что воскреснут повсюду, собраны же будут ангелами. Следовательно, воскресить есть дело всемогущего Бога, повелевающего земле возвратить вверенное, без всякого содействия слуг, подобно тому, как было и тогда, когда Господь воззвал к Лазарю: **"Лазарь! иди вон"** (Иоан.11:43); а привести (воскресших) будет дело слуг. Но если ангелы повсюду будут обтекать (землю) и собирать (воскресших), то как же говорится здесь, что (воскресшие) восхищены будут? Они восхищены будут после того, как (Господь) сойдет, после того, как (все народы) собраны будут. Все это произойдет вдруг, и при том так, что никто наперед не будет знать. Только когда увидят, что земля колеблется, что прах опять соединяется в один состав, в то же время повсюду восстанут тела, без всякого с чьей-либо стороны содействия, а только по велению (Господню), которого одного довольно, чтобы землю, преисполненную (мертвых тел), освободить от этого бремени, — представь в самом деле, что все умершие, сколько ни будет их, от Адама и до пришествия (Господня), восстанут тогда с женами и детьми, — когда, говорю, увидят такое на земле смятение, тогда только узнают (что наступил конец Мира). Поэтому как они ничего наперед не могли предвидеть касательно рождения по плоти (Господа), так и тогда (ничего наперед не узнают).

2. Итак, когда это произойдет, тогда будет и глас архангела, повелевающего ангелам и зывающего, и будут трубы, или лучше звук труб. Какой страх, какой ужас обнимет тогда оставшихся на земле! **"Одна берется, а другая оставляется. (Мф.24:41); и "один возьмется, а другой оставится"** (Лук.17: 36). Каково будет состояние душ их, когда

увидят, что другие будут восхищены, а они будут оставлены! Не больше ли всякой геенны приведет это их в ужас? Представим себе в мысли, что это уже теперь совершается. Если внезапная смерть, разрушение городов от землетрясения и другие ужас наводящие события столько поражают наши души, то каково будет состояние нашей души тогда, когда увидим, что земля разверзается и ее поверхность покрывается всеми умершими, — когда услышим звук труб и глас архангела, который громче всякой трубы, — (когда увидим) что небеса свиваются и грядет Царь всяческих — Бог? Вострепешем, умоляю вас, и убоимся так, как будто это уже ныне свершается; не станем успокаивать себя тем, что это еще не скоро будет; ведь если это неминуемо должно быть, то замедление нисколько нам не поможет. Какой тогда будет страх, какой ужас! Видали ли вы когда-нибудь ведомых на смертную казнь? Каково бывает, полагаете вы, состояние их душ, когда они проходят путь до места казни? Не мучительнее ли оно всякой смерти? Чего бы не решились они и сделать, и претерпеть, чтобы только избавиться от этой мрачной участи? Я слышал от многих, которые, по милосердию царскому, возвращены были назад с места казни, что они в то время и людей не узнавали: в таком смятении, ужасе и трепете находилась их душа. Если же телесная смерть так ужасает нас, то что будем ощущать, когда наступит смерть вечная? Но что я говорю о ведомых на казнь? Их окружает в то время толпа народа, изъ которого многие даже не знают их. Но если бы кто проник в души их, то, конечно, он не остался бы ни столько жестоким, ни столько безжалостным, ни столько неустрашимым, чтоб не возмутиться самому и не почувствовать страха и скорби. Поэтому, если в такой степени приходят в смущение совершенно посторонние люди тогда, когда другие умирают смертью, ничем не отличающеюся от сна, то каково будет наше состояние, когда мы сами подвергнемся гораздо большим (мучениям)? Невозможно, поверьте, невозможно словами изобразить (этого) страдания. Правда, говорят; но Бог человеколюбив и ничего подобного не случится. Следовательно, напрасно об этом и написано? нет, говорят, но это только угроза, чтобы мы вразумились. Если же мы не вразумимся, а будем коснеть во зле, то, скажи мне, ужели (Бог) не пошлет наказания? Следовательно, Он и добродетельным не воздаст награды? Воздаст, говорят, потому что Ему свойственно благодетельствовать и сверх заслуг. Таким образом это на самом деле и непременно последует; а наказаний вовсе не будет, и говорится об них только ради угрозы и внушения страха. Не знаю, чем мне уверить вас. Если скажу, **"что червь их не умрет и огонь не угаснет"** (Марк, 9:44); если скажу, что пойдут в огонь вечный; если укажу на богача, уже претерпевающего наказание, — вы скажете, что все это только угроза. Чем же мне уверить вас? Поистине, это — сатанинская мысль, тщетно ласкающая милосердием и повергающая в беспечность! Как же нам истребить ее? Если ириведем что-нибудь из Писаний, вы скажете, что это сказано в виде угрозы. Но так можно рассуждать о будущем, а о том, что уже сбылось и вполне совершилось, вовсе нельзя. Все вы слышали о потопе. Неужели и об этом сказано в виде угрозы? Неужели его на самом деле не было? И допотопные люди много подобного говорили, и в продолжение ста лет, когда строился ковчег, сплывались деревья и проповедовал праведник, никто не нашелся, кто бы поверил. Но так как они не поверили угрозе на словах, то понесли наказание на деле. То же будет и с нами, если не станем верить. Потому-то Господь и сравнивает Свое пришествие со днями Ноя: подобно тому, как некоторые не верили тому потопу, так и ныне не верят многим потопу гееннскому. Ужели это только угроза? Ужели на самом деле этого не было? Ужели Тот, кто послал тогда такое неожиданное наказание, тем более не пошлет его ныне? Ведь то, что делается теперь, нисколько не извинительнее того, что было тогда. Почему? Потому, что тогда вошли, сказано, сыны Божии кь дочерям человеческим (Быт.2:2), и это смешение было тяжким (преступлением), а ныне нет ни одного вида зла, на который бы (люди) не решились. Итак, верите ли вы, что потоп был, или вам кажется это баснею? Но и горы, на которых остановился ковчег, я разумею горы Армении, свидетельствуют о нем.

3. Впрочем из великого множества (свидетельств) я приведу и другое, которое будет яснее указанного. Путешествовал ли кто-нибудь из вас когда по Палестине? Я уже не буду больше доказывать посредством слов, а посредством событий, хотя первые и достовернее последних, так как то, что говорит Писание, достовернее того, что мы видим. Итак, путешествовал ли кто-нибудь из вас когда по Палестине? Думаю, что путешествовал. Что же? Пусть те из вас, которые видели те места, будут мне свидетелями пред теми, которые там не были. Выше Аскалона и Газы, при самом устье реки Иордана, есть некоторая обширная и плодоносная страна, или лучше сказать — была, потому что теперь она не такова. Эта страна действительно была похожа на рай. **"Лот возвел очи свои", — сказано, " — и увидел всю окрестность Иорданскую, что она... вся до Сигора орошалась водою, как сад Господень"** (Быт.13:10). Эта-то страна, цветущая, не уступающая никаким странам, равняющаяся плодородием раю Божию, теперь пустынное всех пустынь. Правда, растут там деревья и приносят плод; но этот плод — памятник гнева Божия. Там растут гранатовые яблоки — разумею и дерево и плод, которые имеют прекрасную наружность, и незнающему подают многие надежды; но когда возьмет кто-либо их в руки, то разломив не найдет никакого плода, а прах и пепел, обильно в них накопившийся. Такова там и вся земля; даже если возьмешь камни, то и те, найдешь, превращены в пепел. Но что я говорю о камне, о деревьях и земле? Там и самый воздух и вода подверглись такой же бедственной участи. Подобно тому как тело, которое подверглось действию огня и сгорело, хотя и сохраняет среди огня прежний вид, и образ, и величину, и соразмерность частей, но жизни вовсе не имеет, — так точно и там видишь землю, но в ней нет ничего свойственного земле, а все — прах; видишь деревья и плоды, но они ничего не имеют свойственного деревьям и плодам; видишь воздух и воду, но они не имеют ничего свойственного ни воздуху, ни воде, потому что и они превратились в пепел. Как же мог сгорать воздух? Как могла сгореть вода, оставаясь водою? Сжигать можно только деревья и камни, а воздуха и воды никак невозможно. Невозможно для нас, а для Сотворившего их возможно. Итак, воздух там не что иное, как огонь, и вода — огонь: все бесплодно, все пусто, все служить образом гнева прежде бывшего, знаменем грядущего. Неужели и это угрозы только на словах? Неужели и это пустой звук слов? Для меня не невероятно и прежде сказанное, и невиданное мною столь же достоверно, как и виденное; а неверующего может убедить только это последнее. Кто не верит в геенну, тот пусть подумает о Содоме, пусть вспомнит о Гоморре, об этом прежде бывшем и еще до сих пор продолжающемся наказании. Это служит предзнаменованием тому, что мучения будут вечны. Тяжела эта речь? А разве это не тяжело, когда ты говоришь, что нет геенны, но Бог только угрожает ею, — когда ты развязываешь руки у народа? Ты сам своим неверием принуждаешь меня сказать это. Если бы ты верил словам Христовым, то я не был бы вынужден приводить тебя к вере, ссылаясь на события. Но так как ты уклоняешься от первых, то волею или неволею должен будешь поверить последним. В самом деле, что ты можешь сказать о Содоме? Хочешь ли знать и причину, ради которой случилось это? Был один грех, конечно, тяжкий и проклятия достойный, — однакож один: жившие тогда пылали неистовую страстью к отрокам, и за это потерпели такое наказание. А ныне совершается множество грехов и равных этому, и тяжелее его. Ужели же Тот, Который за одно прегрешение излил такой гнев и не обратил внимания ни на мольбы Авраама, ни на живущего в том городе Лота, который для сохранения чести рабов (Его) отдавал на поругание собственных дочерей, — пощадит нас, когда мы совершаем столько грехов? Подлинно (такая мысль) есть насмешка и пустословие, заблуждение и диавольское оболъщение. Хочешь ли, я приведу тебе и другой пример? Конечно, ты слышал о фараоне, египетском царе, — следовательно, знаешь и о казни, какая постигла его, равно как и о том, как он потонул в Черном море со своими колесницами, конями и со всем своим воинством. Хочешь ли знать еще другие примеры? Он, может быть, был нечестив, и даже не только — может быть, а действительно был нечестив. Хочешь ли знать, что наказание постигает и тех,

которые хотя и веруют в Бога и внимают Его учению, однако живут несправедливо? Послушай, что говорит Павел: **"Не станем блудодействовать, как некоторые из них блудодействовали, и в один день погибло их двадцать три тысячи. Не станем искушать Христа, как некоторые из них искушали и погибли от змей. Не ропщите, как некоторые из них роптали и погибли от истребителя"** (1 Кор. 10: 8—10). Если блуд и ропот были столь губительны, то чего не произведут наши (грехи)? Если же Бог не посылает теперь наказания, — не удивляйся, — потому что те не знали о геенне, и потому немедленно подвергались наказанию; а ты, когда согрешишь, хотя бы здесь и не подвергся никакому наказанию, будешь там наказан. Затем, ужели Тот, Кто подверг столь строгому наказанию тех, которые менее были опытны и не так много согрешили, простит нас? Это было бы несогласно с разумом. Мы заслуживаем большего наказания, хотя бы совершили такие же грехи, как и они. Почему? Потому что мы сподобились большей благодати. А когда мы согрешаем и больше и тяжелее их, то какому наказанию мы должны подвергнуться? Те (впрочем, пусть никто не думает, что я, говоря так, удивляюсь им, или извиняю их, — нисколько: когда Бог наказывает, то тот, кто держится противоположного мнения, делает это по наущению от диавола; следовательно, я говорю это не с тою целью, чтобы хвалить или извинять их, но чтобы показать собственное наше развращение), те, говорю, если и роптали, то (делали это) когда странствовали по пустыне; а мы ропщем, живя в отечестве и пребывая в собственных домах. Те, если и блудодействовали, то (делали это) когда едва удалились от египетских мерзостей и почти еще не слыхали этого закона; а мы блудодействуем, приняв от предков спасительные заповеди; следовательно, достойны большего наказания. Хочешь ли знать и другие казни, какие они претерпели в Палестине — голод, мор, войну, плен как у вавилонян, так и у ассирийян, бедствия от македонян, при Адриане и Веспасиане? Хотелось бы мне, возлюбленный, рассказать тебе еще нечто; но боюсь, чтоб ты не удалился от меня, — и потому прежде того расскажу другое. Был некогда голод, говорит (Писание), и царь обходил городские стены; тогда жена некая, приступив к нему, сказала следующие слова: **царь, "та женщина говорила мне: "отдай своего сына, съедим его сегодня, а сына моего съедим завтра. И сварили мы моего сына, и съели его. И я сказала ей на другой день: "отдай же твоего сына, и съедим его. Но она спрятала своего сына"** (4 Цар.6:28—29). Что ужаснее этого несчастья? Еще в другом месте **говорит пророк: "Руки мягкосердых женщин варили детей своих"** (Плач.4:10). Итак, ежели иудеи понесли такое наказание, то не подвергнемся ли мы гораздо большему?

4. Хочешь ли знать и о других бедствиях (которые постигли) их? Прочти Иосифа (Флавия), и узнаешь всю их плачевную историю. По крайней мере этим, может быть, уверим тебя, что геенна существует. Посуди сам: если иудеи подвергались наказанию, то почему мы должны остаться ненаказанными? Или: как это возможно, чтобы мы не были наказаны, хотя больше их согрешили? Не потому ли (так думаем), что наказание только, ожидает, нас впереди? Но, если угодно, я покажу и то, как наказываемы были разные лица порознь. Каин убил брата. Подлинно ужасное преступление: кто станет отрицать это? За то он понес наказание и тяжкое, и равняющееся бесчисленным смертям, — такое, которому он тысячу раз предпочел бы смерть. Послушай, что он сам говорит: **"теперь сгоняешь меня с лица земли, и от лица Твоего я скроюсь, и буду изгнанником и скитальцем на земле; и всякий, кто встретится со мною, убьет меня"** (Быт.4:14). Но, скажи мне, не делают ли многие и теперь того же, что он? Не то ли самое делаешь, когда убиваешь брата — не плотского, а духовного? Не убиваешь ли ты его, хотя не оружием, а иным образом, когда, будучи в состоянии утолить его голод, ты пренебрег этим? Итак, что же? Разве ныне никто не завидует брату? Разве никто не подвергает опасности его жизнь? Правда, они здесь не несут за это наказания; но будут наказаны. Затем, один, который не знал ни письменного закона, ни пророков, не видел великих знамений, подвергается такому тяжкому наказанию; а другой, который совершил такое же

преступление и даже не вразумился такими примерами, неужели останется ненаказанным? Где же правда Божия? Где Его благодать? Еще: некто, собиравший дрова в субботу, был побит камнями, несмотря на то, что заповедь (о субботе) не столь важна и ниже обрезания. Итак, собиравший дрова в субботу был побит камнями; между тем другие, которые часто совершали бесчисленные противозаконные поступки, отойдут без наказания? Поэтому, если нет геенны, то где правосудие, где беспристрастие? При том (Господь) подверг подобному наказанию многих других, которые не хранили суббот. Еще: другой, некий сын Хармиев (Ахар), за то, что украл вещь, принесенную в дар Богу, был побит камнями со всем родом. Что же? Ужели после того не было ни одного святотатца? Еще: Саул, пощадивший (врага) вопреки Божию повелению, понес тяжкое наказание: ужели же после того никто не щадил (врагов)? О, если бы мы только это совершали и не пожирали — став лютее зверей — друг друга вопреки Божию повелению! Однако никто не пал за это на брани. Еще: сыновья Илия потерпели самое тяжкое наказание вместе с своим отцом за то, что вкушали (мяса) прежде каждения. Но ужели (после того) не было ни одного отца, нерадеющего о детях, или не было детей развратных? Однако никто не понес наказания. Когда же они понесут, если нет геенны? Можно привести еще бесчисленное множество других примеров. Что же? Разве Анания и Сапфира не тотчас были наказаны за то, что утаили часть из того, что посвятили Богу? Но ужели после того никто не сделал ничего подобного? Отчего же они не понесли равного наказания? Итак, убеждаешься ли ты, что есть геенна, или нужно тебе больше примеров? Обратимся же к тому, что не предано письмену, а свершается теперь в жизни: нам ведь нужно отовсюду обозреть этот предмет, чтобы вследствие неблагодарного снисхождения не нанести себе самим вреда. Не видишь ли многих в несчастии, изувеченных, претерпевающих многоразличные бедствия между тем как другие наслаждаются благополучием? Почему одни наказываются за убийства, а другие нет? Послушай, что говорит Павел: **"Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых (открываются) впоследствии"** (1 Тим.5:24). Сколько смертоубийц избежало наказания! Сколько расхитителей гробниц! Но оставим это. Сколько неизвестно тебе таких людей, которые претерпевают жестокие наказания! Одни подвержены долговременной болезни, другие беспрестанным мукам, иные иным бесчисленным бедствиям. Поэтому, когда ты увидишь, что какой-либо человек дерзнул совершить подобное тому, что они (сделали), или еще большее, и не понес наказания, то не согласишься ли даже против воли, что геенна существует? Представь себе тех, которые здесь до тебя тяжело были наказаны; помысли, что Богъ нелицеприятен, и что ты, совершив бесчисленные преступления, не потерпел никакого наказания — в твоём уме родится мысль о геенне. Бог так глубоко всеял ее в нас, что никогда не было ни одного человека, который бы не имел понятия о ней. И поэты, и философы, и баснописцы, и все вообще люди рассуждали о воздаянии за гробом и говорили о наказании многих в аде. Если же сказанное ими баснословно, то небаснословно то, что мы сказали. Это я говорил вам не потому, чтобы только навести на вас страх и привести в уныние ваши души, но чтобы соделать их и более воздержными, и кроткими. Я сам, даже больше других, желал бы, чтобы не было наказания. Почему же? Потому что каждый из вас страшится только за свою душу; а я буду подлежать ответственности и за это предстояние, так что мне более всех невозможно избежать геенны. Но быть не может, чтобы не было наказания и геенны. Что мне делать? Опять рождается сомнение, опять говорят: где же Божие человеколюбие? Везде! Но об этом я более поговорю в другое время, чтобы не затемнить слова о геенне. Теперь же пусть не пропадает польза, какую ныне мы получили из сказанного о геенне, — так как немаловажная польза убедиться в существовании геенны. Памятование сказанного о ней, постоянно пребывая в наших мыслях, как некое едкое лекарство, будет истреблять всякую злобу. Воспользуемся же этим лекарством, чтобы, очищая им свое сердце, мы сподобились увидеть, чего ни око не видело, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку не входило (1 Кор.2: 9), чего и да сподобимся все мы

благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия, ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью" (1 Фес. 5:1-2).

1. Ни в чьей, кажется, природе нет столько пытливости и жадности к знанию невидимого и сокрытого, как в человеческой. Это в ней обыкновенно обнаруживается тогда, когда ум еще несовершен и необразован. Так неопытные дети неотступно беспокоят и воспитателей, и наставников, и родителей множеством вопросов, в которых нет ничего, кроме как: когда бывает то-то и когда то-то. Это же случается и (с возрастными) от неги, или от того, что им нечего делать. Итак, ум наш сильно желает узнать и постигнуть многое, а особенно время кончины (Мира). И что удивительного, если это занимает нас, когда и самих святых апостолов это всего более занимало? Так прежде страдания (Христовы) они приступили к Христу с словами: **"скажи нам, когда это будет? и какой признак Твоего пришествия и кончины века"** (Мф.24:3)?

И после страдания и воскресения Его из мертвых также говорили Ему: **"не в сие ли время, Господи, восстановляешь Ты царство Израилю"** (Деян. 1:6)? – и ни о чем ином прежде этого не спрашивали Его. Но не так было после. Когда они сподобились Духа Святого, то не только сами не спрашивают и не скорбят о таком неведении, но удерживают от этого и других, страдающих таким неуместным любопытством. Послушай, что говорит теперь блаженный Павел: **"О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия"**. Почему не сказал он, что никто того не знает? Почему не сказал, что это не открыто, но – **"нет нужды писать к вам, братия"**? Потому, что теми словами он более опечалил бы их; напротив этими успокоил. Словами: "нет нужды" он воспретил им спрашивать об этом, как о чем-то излишнем и бесполезном. В самом деле, какая была бы польза (знать это), скажи мне? Положим, что кончина последует через двадцать лет, через тридцать, через сто лет: какое это имеет к нам отношение? Не составляет ли для каждого кончины века конец его жизни? Отчего много любопытствуешь о всеобщей кончине и отчего причиняешь себе этим печаль? Но что бывает с нами в других (случаях), то же и в настоящем. Как в других (случаях) мы, не обращая внимания на собственные дела, беспокоимся о чужих, говоря: такой-то блудник, такой-то прелюбодей, тот украл, этот обидел, а о своих не говорим ни слова, напротив больше печемся о поступках всех других людей, нежели о своих собственных, – так и здесь каждый из нас, оставив заботу о своем конце, желает узнать об общей кончине. Что ты имеешь общего с нею? Если ты хорошо подготовишься к своей кончине, то от всеобщей не потерпишь никакого зла. Будет ли она далеко, будет ли близко, – это нисколько к нам (не относится). Потому-то и не сказал о ней Христос, то есть потому, что это было бесполезно. Почему же, скажут, бесполезно? Тот, Кто сокрыл это, сам знает, почему бесполезно. Послушай, что говорит Он апостолам: **"не ваше дело знать времена или сроки, которые Отец положил в Своей власти"** (Деян.1:7). Для чего же любопытствовать вам? Вот что услышали находившиеся с Петром, верховным (апостолом), пожелав узнать более, нежели сколько нужно было им знать. Да, скажут, но тогда можно было бы заграждать уста эллинам. Как, скажи мне? Так как они, скажете, учат, что этот мир есть Бог, то, зная время разрушения его, мы этим заградили бы им уста. Конечно; но чтобы заградить уста эллинам, нужно ли доказать то, что мир разрушится когда-нибудь, или то, когда именно он разрушится? Если желаете заградить им уста, то скажите, что мир будет иметь конец. Если они этим не убедятся, то не убедятся и тем. Послушай, что говорит Павел: **"ибо сами вы достоверно знаете, что день Господень так придет, как тать ночью"**, не только день всеобщий, но и каждого

собственный. Этот последний уподобляется первому, потому что имеет сходство и сродство с ним. Какое значение имеет первый для всех в совокупности, такое же последний для каждого в частности. Время всеобщей кончины началось с Адама, а конец жизни каждого из нас есть образ этой кончины, – даже не погрешил бы тот, кто назвал бы его всеобщей кончиною. В самом деле, если каждый день люди умирают тысячами, если все умершие ожидают того дня и прежде его никто не воскресает, то не следует ли отнести этого к кончине всеобщей? Если же хотите знать, для чего сокрыт этот день и почему он придет как тать ночью, то я, как мне кажется, справедливо скажу вам: никто никогда во всю жизнь свою не стал бы заботиться о добродетели, если бы этот день был известен и не был сокрыт, но всякий, зная последний день свой, совершал бы бесчисленные преступления и уже в тот день приступал бы к купели, когда бы стал отходить. Если и теперь, когда страх неизвестности потрясает души всех, все, которые порочно вели прежнюю свою жизнь, позволяют себя крестить только при последнем издыхании, то если бы люди определенно знали последний день свой, кто тогда позаботился бы когда-нибудь о добродетели? Если при этом постоянном страхе многие отошли без крещения, – если даже и такой страх не научил их позаботиться в течение своей жизни об угождении Богу, то когда бы страх этот был снят, кто был бы тогда целомудрен, кто кроток? Никто. С другой стороны теперь иногo удерживает от зла не только великий страх смерти, но и любовь к жизни. А если бы каждый знал, что он завтра непременно умрет, то пред этим днем он ни от чего не стал бы удерживаться, напротив – стал бы убивать, кого бы только захотел, и наделал бы тысячи злодейств, мстя врагам.

2. Человек развратный, потеряв надежду на продолжение здешней жизни, ни во что ставит даже облеченного въ порфиру. Тот, кто был бы уверен, что ему непременно должно умереть, старался бы отомстить врагу, и тогда уже, насытивши наперед свою душу, воспринял бы смерть. Скажу, в-третьих, и еще нечто иное: люди, привязанные къ жизни и слишком пристрастные к здешним благам, истаивали бы от уныния и печали. Например, если бы кто-нибудь из юношей знал, что скончается прежде (нежели достигнет) старости, то мучился бы так, как мучатся ожиданием смерти самые робкие животные, когда их поймают. Кроме того и самые неустрашимые мужи тогда не заслуживали бы награды. Въ самом деле, если бы они знали, что именно после трех лет должны умереть, а прежде не могут, то какое право имели бы они на награду за то, что решались на опасные подвиги? Тогда им мог бы всякий сказать: вы надеетесь жить три года, поэтому и подвергаетесь опасностям, зная, что вам невозможно прежде умереть. Тот только совершенно ясно обнаруживает мужество и презрение к здешней жизни, кто в каждой опасности видит для себя смерть и знает, что он останется жив, если не решится на опасность, но потеряет жизнь, если отважится на нее. Объясню вам это примером. Скажи мне, имел ли бы патриарх Авраам какое-нибудь право на награду, если бы возложил сына на (жертвенник), зная наперед, что не заколет его? Что еще? Возбуждал ли бы Павел в нас удивление, если бы он презирал опасности, заранее зная, что не умрет? Ведь и самый робкий пошел бы в огонь, если бы нашел в ком-либо достоверного поручителя в том, что избегнет опасности. Но не таковы были три отрока. Что же именно? Послушай, что говорят они: царь, **"Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся"** (Дан.3:17–18). Видите ли, какую великую пользу приносит нам незнание времени смерти? Есть еще и другая, больше этой, но пока довольно знать и это. Для того, как тать в ночи так придет, чтобы мы не предавались порокам, чтобы не были нерадивы, и чрез то не лишились награды. "Сами", – говорит, – "знаете". Зачем же вам и исследовать это, когда сами достоверно знаете? А что будущее неизвестно, познай из того, что сказал Христос. А что Он действительно для того сказал это, послушай, что Он говорит: **"Итак бодрствуйте, потому что не знаете, в**

который час Господь ваш придет" (Мф.24: 42). Для того и Павел говорил: **Ибо, когда будут говорить: "мир и безопасность", тогда внезапно постигнет их пагуба, подобно как мука родами (постигает) имеющую во чреве, и не избегнут"** (1 Сол.5: 3). Здесь (апостол) указал на то, о чем сказал и во втором послании. Так как (фессалоникийцы) находились в скорби, а враги их въ покое и удовольствии, то он утешал их в настоящих злостраданиях словом о воскресении, а враги оскорбляли их, распространяли мнения своих предков и говорили: когда это будет? Поэтому, подобно тому, как пророки говорили: горе "которые говорят: **"пусть Он поспешит и ускорит дело Свое, чтобы мы видели, и пусть приблизится и придет в исполнение совет Святаго Израилева, чтобы мы узнали!"** (Ис.5:19) или еще: **"Горе желающим дня Господня!"** – имея в виду не просто желающих, но желающих по неверию, – а также: **"день Господень"**, – говорит (пророк), – **"он тьма, а не свет"** (Ам.5:18),–так (и апостол) сказал здесь это. И смотри, как он утешает их. Он как бы так говорит: из того, что они находятся в счастии, пусть не заключают, что не будет суда: он так и застигнет их. Стоит однако обратить внимание на следующее обстоятельство: если придет антихрист, если придет Илия, то каким же образом, когда скажут: **"мир и безопасность"**, внезапно нападет на них всегубительство? Эти события, как признаки пришествия (Христового), не позволят не знать об этом дне. Но (апостол) и этого времени, то есть, антихристового, не указывает и не говорит, что день его пришествия будет знаменем пришествия Христового; но (утверждает), что (Христос) не будет давать предзнаменования о Себе, а придет внезапно и неожиданно. Так и беременной, говорит, не нечаянно приходит время (родить), – она знает, что чрез девять месяцев будут роды. Между тем (время это) ей очень неизвестно, потому что иные рождали чрез семь месяцев, иные же чрез девять, а день и час родов во всяком случае неизвестны. Итак, вот к чему Павел говорит об этом. И верное сравнение! Действительно, немного бывает признаков времени рождения; от этого многие, не предвидя его, рождали на дорогах и вне дома. Но (апостол) хотел указать в этом сравнении не на одну только неизвестность (времени), а вместе и на жестокость страдания. Как рождающая, играя, смеясь, ничего совершенно не предвидя, внезапно бывает объята невыразимыми страданиями и терзается муками рождения, так точно (будут поражены) души по наступлении того дня. **"И не избегнут"**. Показывая далее, что он говорит это не о них (фессалоникийских христианах), **"Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать.** (ст. 4).

3. Здесь он говорит о темной и нечистой жизни, так как развратные и злые люди все делают ночью, скрываясь от всех и окружая себя тьмою. Скажи мне в самом деле, не вечера ли поджидает прелюбодей, и не ночи ли–вор? И тот, кто грабит могилы, не ночью ли приводит в исполнение свое предприятие? Итак что же? Ужели последний день не постигнет их, какъ тать? Ужели не настанет он для них неожиданно? Ужели они вперед узнают о нем? Каким же образом (апостол) говорит: **"нет нужды вам писать"**? Здесь онъ намекает не на неизвестность времени, а на соединенное съ ним злополучие, то есть – последний день придет не к их злополучию: и для них он наступит внезапно, однако не принесет им никакой скорби. **"День Господень так придет"**,– говорит, – **"как тать ночью"**. Как вор не может сделать никакого вреда бодрствующим и пребывающим во свете, хотя бы и успел войти к ним, так точно и тот день – достоительно живущим; напротив, он уходит, вполне лишив всего тех, которые опять и уповают на здешние блага. Потом (апостол) применяет к ним и другое выражение, – именно, продолжает: **"все вы - сыны света и сыны дня"** (ст. 5). Но как можно, скажете, сделаться сынами дня? Так же, как сынами погибли, как сынами геенны. Поэтому Христос говорил фарисеям: **"Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что обходите море и сушу, дабы обратить хотя одного; и когда это случится, делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас"** (Мф23:15),– а равно и Павел: **"за которые гнев Божий грядет на сынов противления"** (Кол.3:6), т. е. на творящих достойное геенны, на творящих дела противления. Подобно

тому, как сыны Божии – те, которые делают угодное Богу, так и сыны дня, и сыны света – те, которые делают дела света. **"Итак, не будем спать, как и прочие, но будем бодрствовать и трезвиться. Ибо спящие спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью. Мы же, будучи (сынами) дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения,** (ст. 6–8). Здесь (апостол) показывает, что от нас зависит пребывание среди дневного света. И здесь – я говорю об обыкновенном дне и ночи – это не зависит от нас, но и ночь приходит против нашей воли, и сон является против нашего желания; напротив с тою ночью и тем сном бывает не так, но можно непрестанно бодрствовать, можно постоянно пребывать среди дня. Смежать очи духовные и предаваться греховному усыплению есть дело не природы, а произволения. **"Но будем бодрствовать",** – говорит, – **"и трезвиться"**. И тот, кто бодрствует, если не будет творить добра, может спать; поэтому и присовокупил: **"и трезвимся"**. Подлинно, и днем, если кто бодрствует, но не трезвится, тот может подвергнуться бесчисленным опасностям. Итак, трезвость есть усиление бодрствования.

"Ибо спящие", – говорит, – **"спят ночью, и упивающиеся упиваются ночью"**. (Апостол) говорит об опьянении не только от вина, но и от всякого греха; опьянение души составляют и любостяжание, и пристрастие к деньгам, и плотская любовь, – и все, о чем бы ты ни упомянул в этом роде, есть опьянение души. Но почему он сном назвал грех? Потому, во-первых, что (грешник) не имеет силы на добродетель, далее потому, что он беспрестанно увлекается воображением и ничего не видит в истинном свете, напротив исполнен грез и часто безрассудных мечтаний, а если бы, наконец, и видел что хорошее, то не извлекает отсюда ничего твердого и неизменного. Такова настоящая жизнь! Она исполнена только грез и мечтаний. Богатство, слава и все подобное есть сонное мечтание. Спящий не видит того, что есть и действительно существует а о том, чего вовсе нет, грезит как о существующем. Таков грех, и такова греховная жизнь! Она не видит существенного, то есть духовного, небесного, неизменного, а только то, что течет, улетает и скоро нас оставляет. Впрочем не довольно бодрствовать и трезвиться; надобно и быть вооруженным. Если кто не имеет оружия, то хотя бы он был бодр и трезв, его могут тотчас умертвить разбойники. Итак, если необходимо и бодрствовать, и трезвиться, и быть вооружену, а мы будем оставаться без оружия, будем наги и еще – спать, то кто помешает вонзить в нас меч? Поэтому, показывая, что для нас нужно оружие, (апостол) прибавил: **"Мы же, будучи (сынами) дня, да трезвимся, облекшись в броню веры и любви и в шлем надежды спасения"** (ст. 8). Веры и любви, говорит, указывая здесь на жизнь и правые догматы. Смотри, как он объяснил, что значит бодрствовать и трезвиться, именно (это значит) иметь броню веры и любви. Не какую-нибудь веру, но пламенную, искреннюю, соделывающую непобедимыми тех, которые ограждены ею. Подобно тому, как ничто не может скоро рассечь броню, и она составляет оплот для груди, так и ты огради душу верою и любовью, и ни одна из разженных стрел диавола не в состоянии будет вонзиться в нее. Подлинно, где сила души будет ограждена оружием любви, там напрасны и суетны все покушения злоумышляющих. Ни злость, ни вражда, ни зависть, ни лесть, ни лицемерие и ничто другое не в состоянии будет коснуться такой души. Не сказал просто: в любовь; но сказал, что надобно облечься в нее, как в крепкую броню. Сказавши это, далее прибавляет: **"и в шлем надежды спасения"**. Как шлем охраняет самое важное в нас, то есть голову, окружая и покрывая ее со всех сторон, так и упование не дает упасть нашему уму, но держит его прямо, как голову, не попуская ничему постороннему упасть на него. А до тех пор, пока на нее ничто не падает, и мы не наклоняемся вниз. В самом деле, тому, кто огражден этим оружием, невозможно никогда упасть: **"пребывают",** – сказано, – **"сии три: вера, надежда, любовь"** (1 Кор.13:13). Потом, сказавши: облекитесь и вооружитесь, (апостол) приготовляет оружие и показывает, откуда рождаются вера, надежда и любовь, и как они соделываются самым крепким оружием, когда присовокупляет: **"потому что Бог определил нас не на гнев, но к получению"**

спасения через Господа нашего Иисуса Христа, умершего за нас, чтобы мы, бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним" (ст. 910).

4. Итак, Бог призвал нас не для того, чтобы погубить, но – чтобы спасти. Откуда видно, что Он именно этого хочет? **"Отдал Сына", – сказано, – "Своего Единородного"** (Ин.3:16). Он столько желает нашего спасения, что дал Сына своего, и не просто дал, но на смерть. Из таких размышлений рождается надежда. Не отчаивайся же, человек, приходя к Богу, который не пощадил даже Своего Сына ради тебя. Не страшись настоящих бедствий. Тот, Кто предал Единородного, чтобы спасти тебя и исхитить из геенны, пожалеет ли чего-нибудь еще для твоего спасения? Следовательно, надобно ожидать всего доброго. Ведь мы не утрашили бы, если бы нам надлежало предстать пред судьей, имеющим судить нас, который показал бы такую любовь к нам, что заклал бы за нас своего сына. Итак, будем ждать всего доброго и великого, потому что главное мы получили, если веруем. Но мы видим пример; будем поэтому и мы любить (Его). Ведь было бы крайним безумием не любить Того, Кто столько возлюбил нас. **Да еще говорит: "бодрствуем ли, или спим, жили вместе с Ним. Посему увещавайте друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете"** (ст. 10–11). То же говорит и в другом месте: **"бодрствуем ли, спим ли "[1](ст. 6).** Но под сном он понимает иное там, и иное здесь. Здесь он понимает телесную смерть, а там нерадение о жизни. Сказанное здесь имеет такой смысл: не бойтесь опасностей; если мы и умрем, то будем живы. Не приходи в отчаяние оттого, что бедствуешь: ты имеешь верный залог. Он не предал бы своего Сына, если бы не имел к нам чрезвычайной любви. Следовательно, хотя и умрешь, будешь жив, потому что и сам Он умер. Итак, умрем ли мы, или будем жить, вместе с Ним жить будем. Я не нахожу в этом ни малейшего различия; мне все равно, жив ли я, или умру, потому что с Ним мы будем жить. Будем поэтому делать все для той жизни; будем все исполнять, устремляя взор к ней. Возлюбленный! Порок есть тьма, есть смерть, есть ночь; (вследствие его) мы не видим того, что нужно, не делаем того, что должно. Как мертвые безобразны и зловонны, так и души погрязших во зле исполнены великой нечистоты. Глаза их закрылись, уста сжаты; они лежат неподвижно на одре порока и достойны гораздо большего сожаления, нежели те, с которыми приключилась (смерть). Эти последние мертвы для всего; а они для добродетели бесчувственны, но живы для зла. Мертвого хотя бы кто и ударял, он не чувствует, не мстит, но (лежит) как засохшее дерево; столько же воистину бесчувственна душа, которая лишилась жизни. Каждый день она получает бесчисленные раны, и ни одной не ощущает, остается бесчувственно ко всему. Не погрешил бы тот, кто сравнил бы таких людей с бешеными, с опьянившими, или сумасшедшими. Между тем порок имеет в себе все это и есть хуже всего этого. Бешеный встречает великое снисхождение у зрителя, потому что его болезнь не есть следствие произволения, а одной только природы; но в ком найдет снисхождение пребывающий во зле? Итак, откуда зло? Отчего так много злых? Ты спрашиваешь откуда? Скажи мне сам, откуда происходят злые болезни? Откуда сумасшествие? Откуда тяжелый сон? Не от беспечности ли? Если естественные болезни берут свое начало от произволения, то тем более преднамеренные. Откуда пьянство? Не от душевного ли невоздержания? Сумасшествие не от излишества ли жара? А этот жар не от преумножения ли в нас жизненных начал (στοιχείων)? Преумножение же этих начал не от невнимания ли? В самом деле, когда мы или чрез оскудение, или чрез преумножение чего-либо в нас приводим в несоразмерность (части нашего состава), тогда возжигаем этот огонь. Опять, если остаемся невнимательны после того, как уже возгорится этот пламень, то производим тогда в самих себе пожар, которого погасить уже не можем. Так бывает и со злом. Когда в начале мы не поставляем ему препятствий и не отсекаем его, то впоследствии уже не можем приостановить его, – напротив оно становится выше сил наших. Поэтому, умоляю вас, будем всегда поступать так, чтобы никогда не заснуть. Ужели вы не видали, что часто продолжительное стояние на страже оставалось

беспольным потому, что стерегушие на малое время предавались сну? Чрез этот короткий (сон) они губили все, дав покушающемуся на воровство большую смелость. Подобно тому, как мы не столько обращаем внимание на воров, сколько они подсматривают за нами, так и диавол более всего следит за нами, подстерегает и скрежещет зубами. Итак, не будем засыпать; не будем говорить: ни с этой стороны ничто (нам не угрожает), ни с этой. Часто мы бываем ограблены, откуда и не думали. Так и по отношению ко злу: можем погибнуть, откуда и не ожидали. Будем все тщательно осматривать, не станем упиваться – и не заснем; не будем пресыщаться – и не задремлем; не станем безумно бросаться на внешние блага – и пребудем трезвенны. Оградим самих себя со всех сторон. Как ходящим по натянутому канату нельзя быть даже и мало беспечными, потому что от этого малого происходит великое зло, – оступившись, они тотчас упадают вниз и погибают, – так и нам не должно оставаться беспечными. Мы идем путем узким, с одних сторон окруженным стремнинами, на котором не могут стоять обе ноги вместе. Видишь, сколько нужно нам осмотрительности? Ужели не видишь, что те, которые идут путем, окруженным стремнинами, не только осторожно ступают ногами, но и внимательно смотрят глазами? Хотя бы идущий ступал в известном месте по-видимому и осторожно, и хотя бы нога его твердо стояла, но глаз, помутившись оттого, что посмотрел в пропасть, может низвергнуть его: ему надобно думать и о себе и о том, как ступать, – почему и сказано: **"ни направо, ни налево"** (Притч.4:27). Глубока пропасть зла, велики стремнины, густ мрак внизу, узок путь. Будем внимать себе со страхом, будем идти с трепетом. Идя по такому пути, никто не предастся смеху и не обременяет себя пьянством, – идет по такому пути трезвенно и со вниманием. Идя таким путем, никто не несет ничего лишнего. И счастлив тот, кто, будучи хорошо препоясан, может благополучно пройти, и никто в таком случае не связывает себе ног, но оставляет их свободными.

5. Мы же, связывая самих себя бесчисленными заботами и возлагая на себя бесчисленные житейские бремена, будучи невнимательны и рассеянны, как можем надеяться, что пройдем по столь узкому пути? Не просто сказал: узок (путь), но выражая изумление: что узок путь! то есть, весьма узок, – как делаем и мы, говоря о предметах весьма изумительных. И еще: **"тесны врата и узок "**, – говорит, – **"путь, ведущие в жизнь,** (Мф.7:14). И справедливо сказал: **узок.** Когда мы должны отдать отчет и в словах, и в мыслях, и в делах, и во всем, то поистине (такой путь) узок. А мы делаем его еще уже, утучняя и расширяя самих себя и ступая небрежною ногою. Узкий путь труден для всякого, но особенно для тучного; между тем, напротив, истощающий себя даже не будет чувствовать тесноты, – кто научился стеснять себя, тот не будет жаловаться на стеснение.

Итак, пусть никто не ожидает при неге увидеть небо, – этого нельзя! При роскоши пусть никто не надеется пройти узким путем, – это невозможно! Пусть никто из идущих по широкому пути не надеется (достигнуть) жизни. Итак, если ты увидишь, что кто-нибудь услаждает себя ваннами, дорогим столом или (многочисленною) прислугою, то не почитай себя несчастным ради того, что не имеешь этого, а пожалей о нем, потому что он идет путем гибели. В самом деле, какая польза от этого пути, когда он оканчивается скорбью? Напротив, какой вред от той тесноты, когда она вводит в покой? Скажи мне, если бы кто-нибудь, будучи позван в царские чертоги, шел узкими, скользкими проходами, а другой кто-либо, обреченный на смерть, влечен был серединою площади, то кого почли бы мы счастливым и о ком пожалели бы? Не о том ли, кто шел бы по пути широкому? Так и в настоящем случае, будем почитать счастливыми не тех, которые живут в роскоши, но тех, которые не живут в роскоши. Эти последние спешат на небо, а те в геенну. Может быть, многие из них будут и смеяться над нашими словами; но потому-то особенно я и плачу, потому-то и рыдаю, что они не знают, над чем нужно смеяться и о чем всего более надобно плакать, но спутывают, извращают и искажают все.

Потому-то я и плачу о них. Что говоришь ты, человек? Имея воскреснуть, отдать отчет в своих делах и понести строжайшее наказание, ты на это не обращаешь ни малейшего внимания, а заботаешься о пресыщении и пьянстве, и сверх того еще смеешься? Но я плачу о тебе, зная, какие ожидают тебя несчастья, и какое должно постигнуть тебя наказание, – потому-то особенно и плачу, что ты смеешься. Плачь же со мною, рыдай со мною о своих бедствиях. Скажи мне, если бы погиб кто-нибудь из твоих домашних, то не отворотился ли бы ты от смеющихся над его кончиною и не почел ли бы их врагами; напротив, не полюбил ли бы тех, которые вместе с тобою плакали бы и сетовали? И так, когда бы жена твоя лежала мертвою, ты отворотился бы от того, кто стал бы смеяться; а когда умерла в тебе душа, ты отворачиваешься от плачущего о ней, а сам смеешься? Видишь ли, как диавол расположил нас к тому, чтобы мы самим себе были врагами и неприятелями? Воспрянем же когда-нибудь, откроем глаза, пробудимся, займемся вечною жизнью, прервем долговременный сон! Есть суд, есть наказание, есть воскресение и испытание дел. Господь грядет на облаках, **"перед Ним огонь поядающий, и вокруг Его сильная буря"**, – говорит (Псалмопевец) (Пс.49:3). Река огненная течет пред Ним, – червь не умирающий, огонь не угасающий, тьма кромешная, скрежет зубов. Хотя бы вы тысячекратно досадовали на это, я не перестану об этом говорить. Если пророки, будучи побиваемы камнями, не умолкали, то тем более нам должно переносить неудовольствия и не говорить беседу в угоду вам, чтобы за обольщение вас самим не быть рассеченными. Там мука вечная, безотрадная, – защитника не будет. **"Кто пожалеет о заклинателе ужаленном змеей?"**[2] (Сирах, 12:13)? Когда мы сами себя не помилуем, кто помилует нас, скажи мне? Если бы ты увидел кого-либо, пронзающего себя мечом, то мог ли бы ты пощадить его когда-нибудь? Нет! Тем более, когда мы имеем возможность исправиться, и не исправляемся, кто пожалеет нас? Никто! Помилуем же самих себя. Когда мы молимся Богу, говоря: помилуй мя Господи, – будем говорить это и самим себе, и самих себя помилуем. В нашей власти то, чтобы Бог нас помиловал. Он сам даровал нам это. Если будем делать достойное помилования, достойное Его человеколюбия, то Бог нас помилует. Если же мы самих себя не помилуем, то кто пожалеет нас? Помилуй ближнего, и будешь помилован от самого Бога. Как много людей ежедневно подходят к тебе, говоря: помилуй меня, – а ты и не оборачиваешься! Сколько нагих, сколько увечных, – а мы и не преклоняемся к их мольбам, но отвращаемся! Как же ты хочешь быть помилован, не делая сам ничего достойного помилования? Будем сострадательны, будем милостивы, чтобы таким образом угодить Богу и сподобиться благ, обещанных любящим Его, благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Вероятно, Златоуст имел в виду именно слова ст. 6: **"не спим, но да бодрствуем"**.

[2] Так у Златоуста, в синодальном переводе: **"Кто пожалеет об ужаленном заклинателе змей?"**

БЕСЕДА 10

"Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас, и почитать их преимущественно с любовью за дело их; будьте в мире между собою (1 Сол.5:12–13).

1. Начальник по необходимости имеет много причин к тому, чтобы огорчать (других). Подобно тому, как врачи часто бывают принуждены во многом огорчать больных,

приготавливая им и пищу и лекарства, которые не имеют приятности, хотя приносят великую пользу, или подобно тому, как отцы бывают часто суровы к своим сыновьям, так и учителя, и даже гораздо больше. Врач, хотя на него и негодует больной, встречает однако ласковый прием у его родных и друзей, а часто и у самого больного. Равным образом отец, основываясь на естественных и внешних законах, весьма легко может пользоваться властью над сыном. Хотя бы этот последний и неохотно выслушивал от него уроки и обличения, никто не помешает ему (давать их), и даже он сам (сын) не посмеет выразить неудовольствие во взоре своем. Напротив, у священника множество затруднений. И во-первых, он должен управлять так, чтобы ему повиновались добровольно и были ему благодарны за его управление. А этого не скоро можно достигнуть, потому что тот, кого обличают и укоряют, каков бы он ни был, вообще вместо благодарности чувствует досаду. Так же будет поступать и тот, к кому обращаемся с советом, вразумлением и просьбою. Поэтому, если я скажу: раздай деньги нищим, то скажу ничто неприятное и тягостное. Если скажу: укроти гнев, погаси ярость, обуздай постыдную похоть, умерь сколько-нибудь роскошь, то все это покажется тягостным и неприятным. Если накажу беспечного, выведу его из церкви, или возбраню (участвовать) в общественной молитве, то он будет скорбеть, не потому, что удален от этого, а потому, что всенародно посрамлен. Между тем это есть усиление болезни, когда мы, будучи удаляемы от духовных благ, скорбим не о том, что лишаемся их, а о том, что посрамлены пред глазами людей, – не боимся, не ужасаемся самого дела. Потому-то в разных местах Павел много говорит об этом. И сам Христос до того признавал необходимою зависимость их (поучаемых), что сказал: **"на Моисеевом седалище сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте"** (Мф.23:2,3). И еще, когда исцелил прокаженного, сказал: **"смотри, никому не сказывай, но пойди, покажи себя священнику и принеси дар, какой повелел Моисей, во свидетельство им"** (Мф.8:4). Но Ты же (Господи) говоришь: **"делаете его сыном геенны, вдвое худшим вас"** (Мф.23:15)? Потому-то, говорит, и прибавил Я: что они творят, не творите. Таким образом, Христос отнял у подчиненного всякий предлог (к непослушанию). А (Павел) говорит и в послании к Тимофею: **"Достоин начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь"** (1 Тим.5:17); и в послании к Евреям говорит: **"повинуйтесь наставникам вашим и покоряйтесь"** (Евр.13:17); и здесь опять: **"Просим же вас, братия, уважать трудящихся у вас, и предстоятелей ваших в Господе, и вразумляющих вас"**. Так как он сказал: **"Посему увещивайте друг друга и назидайте один другого"** (ст. 11), то чтобы они не заключили, что их самих возводит он в достоинство учителей, он присовокупил эти слова, как бы так говоря: я и вам поручаю назидать друг друга, так как учителю сказать всего невозможно. **"Трудящихся"**, – говорит он, – **"у вас, и предстоятелей ваших в Господе и наказывающих вас"**. Но уместно ли это, скажешь? Что ты говоришь? Если кто-нибудь предстательствует за тебя пред человеком, то ты делаешь для него все, изъявляешь ему полную признательность. А этот (священник) предстательствует за тебя пред Богом, и ужели ты не будешь чувствовать к нему признательности? Но как он предстательствует, спрашиваешь? Так, что он молится за тебя, что подает тебе духовный дар, сообщаемый чрез крещение, надзирает за тобою, поучает, вразумляет тебя, – в полночь, если позовешь, идет. Он ничего за это (не получает), разве только то, что подвергается твоему злословию, и должен сносить твои укоризны. Какая ему нужда? Хорошо он сделал или худо? Ты имеешь жену, наслаждаешься удовольствиями, занят житейскими выгодами; а священник на то только посвятил себя, – для него нет другого занятия в жизни, кроме (служения) Церкви. **"И почитать их"**, – говорит, – **"преимущественно с любовью за дело их; будьте в мире между собою"**. Видишь ли, как он знал встречающиеся (в жизни) огорчения? Не просто говорит: любите, но: **"по преимуществу"**, как дети родителей, потому что чрез них вы родились рождением вечным, чрез них получили царство, их руками совершается все, чрез них отверзаются вам

врата небесные. Пусть никто не противится, пусть никто не прекословит! Кто любит Христа, тот будет любить и священника, каков бы он ни был, потому что чрез него сподобился страшных тайн. Скажи мне, если бы ты, пожелав видеть царские чертоги, повсюду блистающие золотом и сияющие драгоценными камнями, нашел человека, у которого от них ключи, и он, по твоей просьбе, тотчас отворил бы их и пустил тебя внутрь, то не предпочел ли бы ты его всем? Не полюбил ли: бы его, как свои очи? Не целовал ли бы его? А этот (священник) отверз тебе небо, и ты его не любишь и не обнимаешь? Если: ты имеешь жену, то не любишь ли более всех того, кто доставил тебе ее? Так, если любишь Христа, если любишь царство небесное, то уважай тех, чрез кого ты получил его! Вот почему (апостол) говорит: **"за дело их; будьте в мире между собою. Умоляем также вас, братия, вразумляйте бесчинных, утешайте малодушных, поддерживайте слабых, будьте долготерпеливы ко всем"** (ст. 14).

2. Здесь он обращает речь к начальникам, "Вразумляйте", – говорит, – "бесчинных", то есть, не со строгостью и надменностью делайте им выговоры, но с снисхождением, с кротостью. Утешайте малодушных, заступайте немощных, долготерпите ко всем. Ведь тот, кому делают строгие выговоры, ожесточившись, становится более дерзким, и пренебрегает ими: поэтому чрез увещание надлежит сделать лекарство приятным. Но кто эти бесчинные? Конечно те, которые поступают против воли Божией. Церковный чин стройнее чина воинского; вследствие того и ругатель бесчинен, и пьяница бесчинен, и любостяжатель, и все согрешающие: они идут в строй не чинно, а в беспорядке, почему и нарушают строй. Но есть и другого рода зло, которое хотя не так велико, однако не перестает быть злом. Какое это? Малодушие. И оно бывает причиною гибели, подобно беспечности. Малодушен не переносящий обид, малодушен не переносящей искушений: он именно и есть посеянный на камни. Есть и еще иного рода зло, – немощь. Заступайте, говорит, немощных, разумея немощных по вере, потому что и по отношению к ней бывает немощь. Но смотри, как он не допускает того, чтобы их презирали. Так и в другом послании он сказал: **"Немощного в вере принимайте без споров о мнениях"** (Рим. 14:1). Ведь и в наших телах мы не даем погибнуть немощному члену. Долготерпите, говорит, ко всем. Что же это? И к бесчинным? Именно так, потому что нет лекарства более приличного учителю и столько полезного подчиненным, как это. Им (священник) может вполне обратить, вполне пристыдить самого грубого и самого бесстыдного.

"Смотрите, чтобы кто кому не воздавал злом за зло (ст. 15). Если не должно воздавать злом за зло, то тем более – злом за добро, тем более воздавать злом, когда наперед не сделано зла. Но такой-то, говоришь, человек злой; он оскорбил меня и много причинил обид. Ты хочешь мстить ему? Не мсти. Оставь его без наказания. Довольно ли будет этого? Нет! **"Но всегда ищите добра и друг другу и всем"** (ст.15). В том состоит высшее любомудрие, чтобы не только не платить злом за зло, но (платить) добром. Поистине это такое мщение, которое приносит и вред другому и пользу тебе, вернее же сказать – великую пользу и ему, если он захочет. И чтобы ты не подумал, что это сказано по отношению к одним только верным, для этого (апостол) сказал: и друг к другу и ко всем. **"Всегда радуйтесь"** (ст. 16). Это сказано об искушениях, которые причиняют скорбь. Послушайте все, кого постигла бедность, все, кого постигло несчастье: Вот чем порождается радость! Именно, когда мы имеем такую душу, что никому не мстим, но всем благодетельствуем, тогда каким образом, скажи мне, может проникнуть в нее жало скорби? Каким образом вообще может быть опечален тот, кто столько радуется в злострадании, что причинившему зло платит благодарениями? Но как это возможно, говорят? Возможно, если захотим. (Апостол) показал далее и путь к этому: **"Непрестанно молитесь. За все благодарите: ибо такова о вас воля Божия во Христе Иисусе"** (ст. 17, 18). Всегда благодарить есть свойство любомудрствующей души. Ты потерпел какое-нибудь зло? Но если хочешь, оно вовсе не будет злом. Возблагодари Бога, и зло обратится

в добро. Скажи и ты подобно Иову: **"да будет имя Господне благословенно"** (Иов.1:21). В самом деле, скажи мне, что такое потерпел ты? Тебя постигла болезнь? Но в этом нет ничего необыкновенного, потому что тело наше смертно и подвержено болезням. У тебя случился недостаток в деньгах? Но их можно и приобрести, и потерять, и они остаются здесь. Против тебя злоумышляют и клеветуют враги? Но виновники этого не нам причиняют обиду, а самим себе. **"Душа же"**, – сказано, – **"согрешающая, та и умрет"** (Иезек.18:20). А согрешил не тот, кто потерпел зло, но тот, кто причинил зло. Следовательно, должно не мстить умершему, а молиться за него, чтобы исхитить его у смерти. Не видите ли, что пчела, ужаливши, умирает? Через это насекомое Бог научает нас тому, чтобы мы не оскорбляли ближних, потому что в таком случае сами наперед подвергнемся смерти. Уязвляя их, мы, может быть, причиняем им некоторую боль; но сами, подобно этому насекомому, уже не останемся живы. Хотя Писание и похвалит пчелу, когда говорит: **"как она трудолюбива; её труды во здравие употребляют и цари и простолюдины"** (Притч. 6:8), однако ничто не может избавить ее от смерти и она непременно должна погибнуть. Если же и ее не спасает превосходство в других отношениях, когда она делает зло, то тем более – нас.

3. Подлинно, одним только лютейшим зверям свойственно наперед наносить обиду, когда еще никто не обижал тебя; или лучше, это даже и зверям несвойственно. В самом деле, они, если ты оставишь их обитать в пустыне и нападением не доведешь их до крайности, никогда не причинят вреда, не придут, не укусят, но пойдут своей дорогой. А ты, будучи человеком, существом разумным, будучи почтен такою властью, честью и славой, даже зверям не подражаешь в обращении с соплеменными тебе, но обижаешь и снедаешь брата? Чем же ты можешь оправдаться? Не слышишь ли, что говорит Павел: **"Для чего бы вам лучше не оставаться обиженными? для чего бы вам лучше не терпеть лишения? Но вы [сами] обижаете и отнимаете, и притом у братьев"** (1 Кор.6:7, 8). Видишь ли, что злополучие состоит в делании зла, а благополучие в перенесении зла? В самом деле, скажи мне, если кто злословит начальников, если кто оскорбляет властителей, то кого он обижает – себя, или их? Очевидно, себя. Если же оскорбляющий начальника не его оскорбляет, а себя, то оскорбляющей человека не оскорбляет ли через него Христа? Нисколько, говоришь. Что ты говоришь? Кто бросает камни в изображения царя, тот в кого бросает? Не в самого ли себя? Итак, если бросающий камни в изображение царя земного побивает самого себя, то оскорбляющий образ Христов, – а человек есть образ Божий, – не обижает ли самого себя? До каких пор будем мы любить деньги? Я не перестану вопиать против них, потому что они причиною всех зол. Когда же мы насытим эту ненасытную страсть? Что привлекательного имеет в себе золото? Я прихожу в изумление от этого. Подлинно, это (есть следствие) какого-то обаяния, что золото и серебро ценятся у нас так высоко. О душах наших у нас нет попечения, между тем о бездушных идолах великая забота. Откуда вошел этот недуг во вселенную? Кто может совершенно искоренить его? Какое слово может поразить и совершенно убить этого лютого зверя? Страсть эта внедрилась в сердца даже таких людей, которые, по-видимому, благочестивы. Устыдимся евангельских заповедей: слова содержатся только в Писании, а в делах наших совсем не проявляются. Но какое благовидное объяснение приводят многие? У меня, говорить, дети, и я боюсь, чтобы и мне не встретилась необходимость (переносить) голод и бедность, чтобы я сам когда-нибудь не имел нужды в помощи других: мне стыдно просить милостыни. Так поэтому - то ты заставляешь других просить милостыни? Не могу, говоришь, голодать. Так поэтому ты других подвергаешь голоду? Ты знаешь, как страшно просить милостыни, как мучительно томиться голодом. Пощади поэтому своих братьев. Скажи мне, терпеть голод тебе стыдно, а грабить не стыдно? Ты боишься умереть с голоду, а заставлять других, чтобы они умирали с голоду, не боишься? Напротив, в этом нет ни стыда, ни преступления, чтобы самому быть голодным; между тем как подвергать других голоду – дело, влекущее за собой не только стыд, но и

тягчайшее наказание. Но все это выдумка, обман и пустословие. Что действительно вы делаете это не для детей, тому свидетели те из вас, которые хотя детей не имеют и иметь не будут, однакоже столько трудятся, изнуряют себя и собирают такое богатство, как будто бы надобно оставить его бесчисленному множеству детей. Не забота о детях делает тебя жадным до денег, а душевный недуг. Вследствие такого недуга многие и не имея детей, до безумия пристрастны к деньгам; тогда как другие и при многосемейности презирают даже и то, что у них есть. Они обвинят тебя в тот день. В самом деле, если бы нужды детей заставляли тебя копить деньги, то и им надлежало бы иметь тоже желание, ту же страсть. Если же они ее не имеют, то мы до безумия пристрастны к деньгам не от многосемейности, а по сребролюбию. Но кто, скажете, имея детей, презирает деньги? Многие, и повсюду; если хочешь, укажу даже на древних. Не двенадцать ли сынов имел Иаков? Не в наемниках ли проводил он жизнь? Не терпел ли он обид от тестя? Не часто ли тесть обманывал его? А разве многосемейность заставляла его желать того, чего не должно? Или Авраам? Не имел ли, кроме Исаака, многих других детей? Но что же? Не для странников ли приобретал он имущество? Видишь ли, что он не только не обижал, но еще уступал из своего имущества, не только оказывая благодеяние, но и добровольно перенося обиды от племянника? А переносить ради Бога расхищение имущества гораздо более значит, нежели благотворить. Почему? Потому, что это последнее есть плод (расположения) души и доброй воли, – оттого оно и легко, а то – наглость и насилие. Иной легче добровольно отдал бы тысячи талантов и не почел бы этого какою-нибудь потерей для себя, нежели кротко перенес бы, чтобы у него против его воли отняли три обола. В этом-то особенно и состоит любомудрие души. И это-то на самом деле видим мы в Аврааме: **"Лот возвел очи свои",** – сказано, – **"и увидел всю окрестность Иорданскую, что орошалась водою, как сад Господень, и избрал ее"** (Быт.13:10,11). И (Авраам) ни мало не прекословил ему. Видишь ли, что он не только не обижал, но еще сам был обижаем? Отчего же ты, человек, ссылаешься на своих детей? Не для того Бог даровал нам детей, чтобы мы похищали чужое. Смотри, не прогневи Бога, говоря это. Если, как ты говоришь, они виновники твоего хищения и корыстолюбия, то я боюсь, чтобы тебе не лишиться их, как вредных и злоумышляющих. Бог даровал тебе детей для того, чтобы они имели попечение о тебе в старости, чтобы научались от тебя добродетели.

4. Он для того восхотел так устроить род человеческий, чтобы предуготовить чрез это две важнейшие вещи: во-первых, поставить отцов учителями (детей), во-вторых, породить большую любовь. В самом деле, если бы люди просто появлялись на свет, то никто не имел бы расположения ни к кому. Если уже теперь, когда есть отцы, дети и внуки, многие не имеют попечения о многих, то тем более тогда. Вот для чего Бог даровал тебе детей. Итак, не слагай вину на детей. Если же те, у кого есть дети, не имеют никакого извинения, то что скажут в свое оправдание те, которые, не имея детей, изнуряют себя трудами для приобретения богатства? Впрочем, и у них есть некоторое оправдание, которое, конечно, несколько их не оправдывает. Какое же именно? Мы хотим, говорят, вместо детей оставить по себе памятником богатство. Поистине, весьма смешно! Вместо детей, говоришь, дом будет вечным памятником моей славы. Не славы твоей, человек, он будет памятником, а твоего любостяжания. Или ты не видишь, как многие теперь, проходя мимо великолепных домов, говорят между собою: сколько такой-то лихоимствовал, сколько он награл, чтобы выстроить этот дом! Теперь сам он стал пеплом и прахом, а этот дом его достался в наследство другим! Итак, ты оставляешь по себе памятник не славы своей, а любостяжания. Тело твое уже сокрыто в земле, но памяти о твоем любостяжании, которая могла бы истребиться в течение времени, ты не даешь погибнуть, и своим домом невольно возобновляешь и поддерживаешь ее, так что до тех пор, пока он будет стоять, нося твое имя и называясь домом такого-то, уста всех непременно будут отверсты против тебя. Видишь ли, что лучше ничего не иметь, чем подпасть такому осуждению? И это только здесь; а там что будем делать, скажи мне, обладая здесь таким богатством и никому из

него ничего не уделяя, или уделяя весьма мало? Как мы оправдаемся в любостязании? Ведь тот, кто хочет искупить любостязание, не малое дает из многого, но гораздо более того, что награблено, и вместе с тем еще перестает грабить. Послушай, что говорит Закхей: **"воздам вчетверо, если кого чем обидел"** (Лук.19:8). А ты, отнимая десятки тысяч талантов, если и отдаешь несколько драхм, да и то с трудом, – думаешь, что возвратил все, и успокаиваешься, как будто отдал более чем должно, между тем как надлежало бы отдать не только то, что награблено, но и прибавить из своего имущества. Как вор не оправдывается тем только, что отдает украденное, но часто отдает еще сверх того свою жизнь, или освобождается тем, что отдает в несколько раз более украденного, так и любостязатель. Ведь и любостязатель – вор и разбойник, даже хуже, потому что бесчеловечнее. (Вор) не настолько, по крайней мере, дерзок, он таится и налагает руку ночью, как бы стыдясь и боясь греха; напротив любостязатель, поправ всякий стыд, с открытым лицом среди площади грабит всех, будучи в одно и то же время и вором, и мучителем. Он не подкапывает стен, не гасит светильника, не открывает сундука, не разламывает печатей. Но что? Он поступает более дерзко, нежели те: на глазах обижаемых он выкидывает все вон, с дерзостью открывает все и заставляет их самих выкладывать свое имущество. Это верх насилия! Он тем гнуснее (воров и разбойников), чем бесстыднее и бесчеловечнее. Потерявший что-нибудь вследствие обмана, хотя и скорбит, но немало утешается тем, что обидевший его, по крайней мере, боится его самого, а тот не только претерпел зло, но еще подвергся презрению, не имея возможности противиться наглости, так как (возбудил бы) только больший смех. Скажи мне, если бы один скрытно соблудил с женою, а другой сделал это в глазах мужа, то который из них более оскорбил бы его и более в состоянии был бы его уязвить? Не последний ли? Он не только сделал зло, но и выказал презрение; а тот, если не другое что-либо показал, то, по крайней мере – то, что боится обиженного. То же должно сказать в рассуждении денег: похитивший их тайно показал некоторого рода уважение тем самым, что тайно взял; а тот, кто взял явно и всенародно, вместе с убытком нанес и бесчестие. Перестанем поэтому похищать чужое, и бедные и богатые, – не к богатым только я обращаю свое слово, но и к бедным. Действительно, и они грабят у тех, кто беднее их, – и ремесленники, более достаточные и зажиточные, обманывают менее достаточных и беднейших, и лавочники – лавочников, и все торгующие. Поэтому я отовсюду хочу изгнать неправду. Не в количестве похищенного и украденного состоит преступление, но в намерении воруящего. А что те, которые и малым не пренебрегают, в большей степени воры и любостязатели, об этом, – знаю и помню, – я говорил вам, если только и вы помните. Впрочем, не будем распространяться об этом: пусть и они живут так же, как (должны жить) богатые. Приучим наконец сердца свои не желать большего, не домогаться многого. Пусть желание приобретать больше на небесах не находить себе предела, и там пусть каждый постоянно стремится дальше; но на земле всякий пусть довольствуется тем, что необходимо и что удовлетворяет наши нужды, и больше пусть никто ничего не ищет, чтобы таким образом мы могли достигнуть истинных благ, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 11

"Духа не угашайте. Пророчества не унижайте. Все испытывайте, хорошего держитесь. Удерживайтесь от всякого рода зла" (1 Фес. 5:19–22).

1. Какая-то густая мгла, мрак и туман разлиты над всею землею. Указывая на это, апостол говорил: **"Вы были некогда тьма"**, и еще: **"Но вы, братия, не во тьме, чтобы день застал вас, как тать"** (Ефес.5:8 и 1 Сол.5:4). Итак, вследствие того, что теперь ночь, так сказать, безлунная и мы среди этой ночи ходим, Бог дал нам ясную лампаду, возжегши в

душах наших благодать Святого Духа. Но, приняв этот свет, одни соделали его более ярким и ясным, как, например, Павел как Петр, как все святые; а другие погасили, как пять дев, как те, которые претерпели кораблекрушение в вере, как коринфский блудник, как отпадшие галаты. Поэтому Павел говорит теперь: духа не угашайте, то есть, дара, – потому что так обыкновенно называет он дар Святого Духа. Погашает же его нечистая жизнь. Подобно тому, как тот, кто нальет воды, или бросит земли на этот свет в светильнике, или, даже ничего такого (не делая), только выльет из него масло, тушит свет, так бывает и с даром благодати. Если ты привнес земное, если ты предался заботам о текущих делах, то ты уже погасил дух, или, хотя бы ты не сделал ничего подобного, но если откуда-нибудь со стороны пришедшее искушение сильно устремилось на тебя, подобно некоторого рода ветру; и если пламень в тебе несильно горел или много было для него масла, или ты не закрыл отверстие (в светильнике), или не притворил дверей, то все погасло.

Что же составляете это отверстие? Подобно тому, как в светильнике, так и в нас (есть отверстие); это – глаз и ухо. Не попускай вторгаться в эти отверстия сильному духу лукавства, – иначе он погасит светильник – но огради их страхом Божиим. Двери – это наши уста; затвори, загради их, чтобы и свет чрез них проходил и они отражали нападение отвне. Например, если кто-либо обидел тебя или оскорбил словами, ты затвори уста, потому что, – если откроешь их, то воздвигнешь бурю. Разве не видишь в домах, когда две противоположные двери стоят одна прямо против другой, и когда поднимется сильный ветер, то, как скоро затворишь, одну из дверей и сквозного ветра не будет, ветер ничего не сделает, напротив потеряет много силы? Так и здесь две двери: твои уста и уста оскорбляющего тебя и злословящего. Если закроешь уста свои и не откроешь воздуху свободного течения с противоположной стороны, – уничтожишь всю (силу) ветра; если же откроешь их, то он делается неукротимым. Итак, не будем угашать его (духа). Но случается часто, что этот пламень погасает и без всякой посторонней причины. Когда не достает еля, когда не творим милостыни, дух угасает. Так как он сам пришел к тебе по милости Божией, то когда не находит в тебе этого плода, отлетает от тебя, потому что он не пребывает в душе немилостивой. А что бывает после того, когда дух угасает, об этом знают из вас те, которые ходили в безлунную ночь. И если трудно идти ночью путем, ведущим с земли на землю, то как можно идти безопасно путем, ведущим от земли на небо? Ужели не знаете, сколько демонов на этом расстоянии, сколько зверей, сколько духов лукавства? Но если мы имеем в себе тот свет, то они не будут в силах повредить нам; а если погасим его, немедленно они уловят нас, немедленно отнимут у нас все. Так и разбойники сперва гасят светильник, и тогда уже грабят: они видят в этой тьме, потому что делают дела тьмы; а мы непривычны к такому свету. Итак, не будем угашать его. Всякое злое дело погашает этот свет: и злоречие, и обида, и всякий грех, какой бы ты ни указал. Как бывает с огнем – что все чуждое ему уничтожает его, а все сродное с ним его усиливает, так и с этим светом: что сухо, что жарко, что пламенно, то усиливает пламень духовный. Итак, не будем привносить к нему ничего холодного, ничего влажного; это истребляет его. Впрочем, есть другое изъяснение (приведенного из послания места). В те времена многие пророчествовали, одни истинно, другие ложно. Об этом (апостол) упоминает и в послании к Коринфянам, (говоря), что по этой причине Бог дал различение духов (1 Кор. 12:10). Именно диавол, будучи лукав, хотел чрез этот дар пророчества низвергнуть все в Церкви. Вследствие того и тот и другой предсказывали будущее – и демон и дух, хотя первый ложно, а второй истинно, и неоткуда было взять признака, по которому можно было бы отличать одного от другого, так как и те и другие (пророки) учили, не давая отчета, подобно Иеремии, или Иезекиилю. Но с течением времени (лживые пророки) были обличены и дарована была (способность) различать духов. Поэтому, так как в то время у фессалоникийцев многие пророчествовали, на что и в другом месте намекает (апостол), говоря: **"не спешить**

колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов" (2 Сол.2:2), то, сказавши: духа не угашайте, он благовременно присовокупил и следующие слова: **"пророчества не уничтожайте"**. Итак, он хочет здесь выразить следующую мысль: по той причине, что у вас есть несколько лжепророков, вы ради их не противодействуйте пророкам истинным и не отвращайтесь от них, – не угашайте их, то есть, **"пророчества не уничтожайте"**.

2. Видишь, что значат слова его: вся искушайте. Так как он сказал: **"пророчества не уничтожайте"**, то чтобы не подумали, что он всем дает право пророчествовать, он говорит: **"все испытывайте, хорошего держитесь"**, то есть, истинные пророчества. **"Удерживайтесь от всякого рода зла"**, – не только от той или другой, но от всякой. Испытывайте и ложное и истинное, чтобы со знанием дела отличать вам одно от другого, и от первого удаляться, а держаться последнего. В самом деле, мы только тогда будем особенно ненавидеть первое и любить последнее, когда станем делать все не просто и без испытания, но после точного исследования. **"Сам же Бог мира да освятит вас во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа"** (ст. 23). Заметь любовь учителя. К увещанию он присоединяет и молитву, и при том еще в послании, так как нужны и наставления и молитва. Потому – то и мы, преподав сначала наставление, потом молимся за вас, – и это знают посвященные в тайны. Правда, Павел по праву делал это, имея великое дерзновение пред Богом, а мы –находясь в уничижении и не имея дерзновения; но так как мы поставлены на это, то и делаем то же самое, несмотря на то, что мы недостойны, и ходатайствовать и даже занимать место последних учеников. Именно, вследствие того, что благодать действует и чрез недостойных, не ради их, но ради ищущих пользы, – и мы присоединяем наши (молитвы). – **"Да освятить вас"**, – говорит, – **"во всей полноте, и ваш дух и душа и тело во всей целости да сохранится без порока в пришествие Господа нашего Иисуса Христа"**. Что обозначает он здесь словом – дух? Дар (Святого Духа). Если мы выйдем с горящими светильниками, то войдем в брачный чертог; а если с погасшими, то – нет. Поэтому-то говорит: **всесовершен ваш дух**; когда всецело сохраним в себе дарование (Святого Духа), тогда и наш дух останется невредим. И душа, говорит, и тело, – никакое зло не коснется ни души, ни тела. **"Верен Призывающий вас, Который и сотворит [сие]"** (ст. 24). Смотри, какое смиренномудрие! После того, как он произнес молитву, он сказал: не подумайте, что это исполнится вслед моих молитв, но вследствие – того намерения, по которому Бог призвал вас. Если Он призвал вас к спасению, а Он истинен, то несомненно спасет, потому что желает этого. **"Братия! молитесь о нас"** (ст. 25). О, какое смиренномудрие! Но если он сказал это по смиренномудрию, то мы не по смиренномудрию, а ради великой пользы и вследствие желания приобрести чрез вас нечто великое, говорим: **"молитесь и о нас"**. Если вы и не получили от нас значительной пользы, ничего такого, что было бы достойно удивления, то по крайней мере (молитесь за нас) ради самого нашего сана, ради самого имени. Некто имел детей, и хотя они не получили от него никакой пользы, но так как он был отцом их, то он обратил в укоризну им то, (что и они также не принесли ему пользы), сказав: даже в продолжение одного дня вы меня не называли отцом. Поэтому и мы говорим: молитесь и о нас; и говорим это не ради того только, чтобы говорить, но искренно желая ваших молитв. Если я принял на себя обязанность ходатайствовать о всех вас и должен буду дать отчет в этом, то тем необходимее становится для меня ваша молитва. Ради вас я принял на себя большую ответственность; следовательно, и вы должны подавать мне большую помощь. **"Приветствуйте всех братьев лобзанием святым"** (ст. 26). О, какая теплота! О, какие мысли! Так как он, будучи в отсутствии, не мог сам приветствовать их лобзанием, то приветствует чрез других. Так и мы делаем, когда говорим: поцелуй его за меня. Так и вы сохраняйте в себе огонь любви, – расстояние не составляет для нее препятствия, напротив она наполняет собою разделяющее

пространство и везде находится. **"Заклинаю вас Господом прочитать сие послание всем святым братиям"** (ст. 27). И здесь не столько наставление, сколько любовь: чтобы, таким образом, говорит, мне и с ними беседовать. **"Благодать Господа нашего Иисуса Христа с вами, аминь"** (ст. 28). И не просто повелевает он (прочитать послание всем), но с заклинанием, делая и это по влечению пламенного своего сердца, – чтобы они, если бы и не захотели обратить внимание на его просьбу, ради заклęcia исполнили то, что было им заповедано. Тогда весьма боялись этого; а ныне и это поправно. И часто бывает, что наказываемый раб, заклиная и Богом и Христом Его, говорит: дай Бог тебе умереть христианином, – и никто не слушает, никто не обращает на это внимания; если же будет заклинять (наказывающего) собственным его сыном, то всякий тотчас, хотя против воли, хотя с скрежетом зубов, уменьшает однако свою ярость. Опять иной, которого влекут и ведут на середину площади, в присутствии эллинов и иудеев, заклиная влекущего самыми страшными клятвами, – и никто не слушает его. Чего не скажут эллины, когда верный заклиная верного и христианина, и это не приносит ему никакой пользы, напротив мы еще больше обнаруживаем к нему презрение?

3. Хотите ли, я расскажу вам одно происшествие, о котором сам слышал? Говорю не выдуманное мною, а слышанное от лица, заслуживающего доверия. Одна рабыня выдана была замуж за человека злого, преступного, бродягу. Муж ее наделал много зла, и госпожа решила продать его, потому что проступки его были непростительны, между тем госпожа была вдова, не состоянии была сама наказывать человека, разоряющего дом ее, вот и решила его продать. Но, считая делом нечестивым – разлучать мужа с женою, она вместо того, чтобы развести их, надумала продать вместе и жену, несмотря на то, что эта рабыня была ей полезна. Тогда рабыня, видя себя в затруднительном положении, пришла к одной почтенной, коротко знакомой с ее госпожой, особе, которая и рассказывала мне об этом, и, припавши к коленам ее, со многими слезами, умоляла заступиться за нее пред ее госпожою. Истошавши множество слов, она, наконец, присоединила одно страшное заклęcie, надеясь при посредстве его более всего убедить ее. Заклęcie было такого рода: не презри моего прошения, чтобы и Христос не презрел тебя в день судный. Сказав это, она удалилась. Но женщина, которую рабыня просила, будучи озабочена какими-то не терпящими отлагательства делами, обыкновенно встречающимися в домашней жизни, забыла (о ее просьбе). Потом в самый полдень вдруг пришло ей на память то страшное заклęcie. Она весьма встревожилась, отправилась немедленно, с полным усердием ходатайствовала, и дело устроила. В ту же ночь она вдруг увидела отверстые небеса и самого Христа; впрочем видела настолько, насколько возможно женщине видеть. И именно потому она удостоилась такого видения, что всецело обратила внимание на это заклęcie, – потому, что убоялась его. Я рассказал об этом для того, чтобы мы не пренебрегали заклęcями, особенно когда кто-либо умоляет нас о делах добрых, о милостыни, о человеколюбии. Но вот сидят нищие, лишенные ног, и смотрят, когда ты проходишь мимо их. Так как они не в состоянии идти за тобою, то надеются удержать тебя страхом заклęcia, как бы некоторого рода удочкою, и, простирая к тебе руки, заклиная подать один или два оболы; а ты, несмотря на то, что тебя заклиная твоим Господом, проходишь мимо. Когда тебя заклиная твоими очами, отсутствующим мужем, сыном или дочерью, – ты тотчас уступаешь, твое сердце приходит в сильное движение, согревается; а когда заклиная тебя Господом, – проходишь мимо. Я знал многих (женщин), которые, услышавши имя Христа, проходили мимо; но, когда подходящие к ним хвалили их красоту, они смягчались, таяли от удовольствия и протягивали руку. Таким образом, они сами заставляли несчастных нищих решаться на это смеха достойное дело. Так как они, употребляя сильные и скорбные выражения, не трогали их души, то должны были прибегнуть к такому средству, чрез которое могли доставить им особенное удовольствие.

Таким образом, великое наше нечестие принудило и убогого, и томимого голодом говорить, когда он просит милостыни, похвальные речи нашей красоте.

И, о, если бы только это! Но, что еще несноснее, это заставило бедных сделаться фиглярами, срамословцами и шутами. Когда нищий, потрясая и повертывая в руках чашечки, стаканчики, или ковшички, звенит ими, или, имея свирель, играет на ней срамные и сладострастные песни и припевает голосом, между тем его обступает толпа, и подают ему, кто – кусок хлеба, кто – обол, кто – что-нибудь другое, держат его долго и забавляются им, как мужчины, так женщины, – то что может быть несноснее этого? Не достойно ли это горьких слез? Конечно, это мелочи, – они и считаются за мелочи; но они порождают в наших нравах великие пороки. Ведь всякое постыдное слово, всякая соблазнительная песнь расслабляет сердце и растлевает самую душу. Нищего, который призывает Бога и испрашивает вам бесчисленных благ, вы не удостаиваете и слова; а кто вместо этого представляет какие-нибудь ребячества, на того вы смотрите с удивлением. Но я скажу вам то, что мне пришло теперь на мысль сказать вам. Что же это такое? Когда ты подвергнешься бедности, или болезни, тогда не от иного кого, а именно от нищих, скитающихся по переулкам, научишься благодарить Владыку. Всю жизнь свою проводя в нищенстве, они не богохульствуют, не досадуют, не ропщут, но всегда говорят о своей бедности с благодарением, называя Бога великим и человеколюбивым. Истаиваючи от голода называет Бога человеколюбивым; а ты, живя в достатке, если не присвоишь себе того, что принадлежит всем, называешь Его жестоким! Насколько же (нищий) превосходнее тебя! Как он осудит нас тогда! Бог определил, чтобы нищие были во всем мире – общими для нас учителями и утешением в несчастьи. Может быть, ты претерпел что-нибудь такое, чего бы не хотел? Но этого нельзя сравнить с тем, что терпит он. Ты лишился глаза? А он обоих. Ты страдаешь от продолжительной болезни? А он одержим болезнью неисцелимую. Ты лишился детей? А он – и собственного телесного здоровья. Ты потерпел великий убыток? Но ты не дошел еще до того, чтобы нуждаться в других. Поэтому благодари Бога. Ты видишь, что они, находясь в самой крайней бедности, просят у всех, но получают от немногих. Когда ты молишься до изнеможения и не получаешь просимого, то подумай, сколько раз ты слышал, как просил у тебя нищий, и ты не внимал ему, между тем он не досадовал, не оскорбил тебя. Ты поступал так по жестокосердию; но Бог по человеколюбию делает и то, что не внемлет тебе. Итак, если ты не считаешь себя заслуживающим порицания за то, что по жестокосердию не внимаешь подобному тебе рабу, то можешь ли порицать Владыку, когда Он не внимает рабу Своему по человеколюбию? Видишь ли, какое неравенство, какая несправедливость?

4. Будем постоянно размышлять об этом, – о низших, о тех, которых постигло большее, нежели нас, несчастье, – и в этом будем находить побуждение благодарить Бога. В жизни весьма много таких поучительных примеров. Бдительный и внимательный человек многому может научиться, взирая тоже на молитвенные дома. В самом деле, в церквях и при гробницах мученических для того сидят в преддверии нищие, чтобы мы, глядя на них, получали великую пользу. Именно, подумай, что мы, когда входим в земные царские чертоги, не можем видеть ничего подобного, – отовсюду выходят тебе навстречу мужи важные, знаменитые, богатые и разумные; а в чертогах поистине царских, то есть, в церкви и молитвенных домах, устроенных над гробами мучеников – бесноватые, убогие, нищие, старые, слепые и увечные. Для чего же это? Для того, чтобы ты, глядя на них, научался, во-первых, тому, что, еслиходишь (во храм) с некоторою надменностью, ты должен, при виде их, оставить надменность, привести в сокрушение свое сердце и тогда уже входить и слушать то, что читают, – потому что молящиеся с гордостью не может быть услышан, – далее тому, что ты, увидев старца, не должен гордиться молодостью, – потому что и эти старики были молоды, – еще тому, что ты, когда слишком тщеславишься

воинским званием и властью, предоставленною тебе от царя, должен подумать, что и в числе их есть люди, которые некогда были знатными при дворах царей, наконец, тому, что ты, когда надеешься на телесное здоровье, должен, обратив на них внимание, смирить свою гордость. Таким образом, постоянно приходя сюда, здоровый не будет много мечтать о своем здоровье, а больной получить немалое утешение. Впрочем не для того только они садятся здесь, но и для того, чтобы ты становился милосерднее и преклонялся на милость, еще для того, чтобы ты благоговел пред человеколюбием Божиим, – потому что если Бог не гнушается ими, но поставил их в преддверии дома Своего, то тем более ты (не должен гнушаться ими), – наконец для того, чтобы ты не слишком гордился великолепными чертогами земными. Итак, не стыдись, когда нищий зовет тебя по имени, и не отталкивай его, когда он подойдет к тебе и обнимет твои колени, ведь они в некотором смысле достойные удивления собаки царских чертогов. Я назвал их собаками не потому, чтобы хотел унижить их, – нет, – наоборот, чтобы воздать им великую похвалу. Они стерегут дворец Царя небесного; поэтому питай их; этим можешь воздать честь самому Царю. Там, то есть, в земных чертогах царских, все – гордость; здесь все – смиренномудрие. От самых уже преддверий ты вполне узнаешь, что все человеческое ничтожно; от сидящих там ты научаешься, что богатством нельзя благоугодить Богу. Их сидение и собрание служит некоторого рода назиданием для всего человеческого рода, громогласно вещая, что дела человеческие – ничто, что они – тень и дым. Если бы богатство было добро, то Бог не посадил бы нищих в преддверии Своего дома. А если Он и богатых допускает сюда, то не удивляйся, потому что не для того допускает их, чтобы они оставались богатыми, но чтобы отложили гордость. Послушай, что говорит им Христос: **"Не можете служить Богу и маммоне"** (Мф.6:24); и еще: **"Иисус же сказал ученикам Своим: истинно говорю вам, что трудно богатому войти в Царство Небесное"**; и еще говорит им Христос: **"удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие"** (Мф.19:23–24). Он для того принимает здесь богатых, чтобы они слышали слова эти, чтобы возлюбили богатство вечное, чтобы возжелали благ небесных. И что удивительного в том, что Бог не почитает нищих недостойными сидеть в Своих преддвериях? Он не считает их недостойными того, чтобы они были призваны к Его духовной трапезе и соделались причастниками вечери Его; напротив хромой и увечный, одетый в рубище, грязный и неопрятный старик, вместе с красивым юношею, даже с облеченным в багряницу и имеющим на главе своей диадему, приступает приобщиться к трапезе и удостоивается духовной вечери, – те и другие сподобляются одного и того же, и нет никакого различия.

5. Таким образом, Христос не считает их недостойными того, чтобы они были призваны к Его трапезе вместе с царем, – и они и он призываются вместе, – а ты, может быть, считаешь унижительным для себя, если другие увидят, что ты подаешь нищим, или говоришь с ними? О, какое высокомерие, какая надменность! Смотри, чтобы нам не претерпеть того же, что никогда претерпел богач. Он тоже не хотел и взглянуть на Лазаря и не давал ему ни пристанища, ни крова, и Лазарь лежал вне его дома, за воротами, и не удостоивался от него ни одного слова. Но смотри, как он, когда имел крайнюю нужду в его помощи, тоже не получил ее. Если мы стыдимся тех, кого не стыдится Христос, то стыдимся Христа, стыдясь друзей Его. Пусть наполнится трапеза твоя хромыми, увечными; Христос приходит в лице их, а не в лице богатых. Ты, может быть, смеешься, слыша это. Поэтому, чтобы ты не подумал, что это мои слова, послушай, что говорит сам Христос, и не смейся, а трепещи. **"Когда делаешь обед или ужин"**, – говорит Он, – **"не зови друзей твоих, ни братьев твоих, ни родственников твоих, ни соседей богатых, чтобы и они тебя когда не позвали, и не получил ты воздаяния. Но, когда делаешь пир, зови нищих, увечных, хромых, слепых, и блажен будешь, что они не могут воздать тебе, ибо воздастся тебе в воскресение праведных"** (Лук. 14:12–14). Здесь и славы больше, если ты любишь ее. В самом деле, от первых и зависть, и ненависть, и

пересуды, и злословие, и большое опасение, как бы не случилось чего-нибудь неприличного; при том, если званые будут важнее тебя, ты стоишь перед ними, как раб пред господином, опасаясь с их стороны укоризн и злословия. А со стороны последних ничего такого не бывает; но что бы ты ни подал им, они все принимают с удовольствием, и за все – великая благодарность, громкая слава и глубокое уважение. Все, которые узнают об этом, не столько хвалят тех (кто угощает знатных), сколько этих (кто угощает бедных). Если не веришь этому ты, богач, созывающей вождей и правителей, то сделай опыт, созови бедных, наполни ими трапезу, – и увидишь, не все ли будут хвалить тебя, не все ли будут тебя любить, не все ли будут считать тебя за отца. От тех угощений нет никакой пользы, а за эти угощено небо и небесные блага, – коих и да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА 2-е ПОСЛАНИЕ К ФЕССАЛОНИКИЙЦАМ

ВВЕДЕНИЕ. БЕСЕДА 1

1. Сказав в первом послании, что **"день и ночь молимся о том, чтобы видеть вас"**, и что, **"не терпя более, мы остались в Афинах одни, и я послал Тимофея"** (1 Фес.3:10, 1–2), (апостол) во всех этих (местах) выражает (пред фессалоникийцами) свое желание, которое он имел – придти к ним. Но так как, вероятно, он еще не имел возможности отправиться к ним и восполнить недостатки их веры, то по этой причине присовокупил это второе послание, желая посланиями заменить для них недостаток своего личного присутствия. А что он не ходил к ним, об этом можно догадываться из того, что он в (этом) послании к ним говорит: **"Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа"** (2 Фес. 2:1). Между тем в первом послании он им говорил, что **"О временах же и сроках нет нужды писать к вам, братия"** (1 Фес.5:1). Итак, если бы он был у них, то не имел бы надобности писать. Но так как исследование (этого вопроса) обращало на себя особенное внимание, то он и прибавил (к первому) это послание, подобно тому, как он говорит и в послании к Тимофею, что иные **"отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру"**. (2 Тим.2: 18).

Это они делали с тою целью, чтобы верующие, не ожидая в будущем ничего великого или светлого, отказались от своих подвигов.

Так как эта надежда укрепляла их и не позволяла изнемогать им (в борьбе) с настоящим, то диавол, желая исхитить у них этот якорь, – здесь он, не будучи в состоянии уверить их в том, что будущее ложно, пошел к цели другим путем, – и воздвигнув некоторых злонамеренных людей, покушался обольстить легковверных тем, что будто все эти великие и светлые (надежды) уже исполнились. Итак, прежде эти люди говорили, что было уже воскресение мертвых, а теперь они утверждали, что уже приближается суд и пришествие Христово, чтобы таким образом и на самого Христа взвести обвинение во лжи и, доказав, что в будущем нет ни воздаяния, ни суда, ни наказания, ни мучений для тех, которые творили зло, одних соделать еще более дерзкими, а других повергнуть в уныние. Но, что хуже всего, одни из них покушались только возвещать слова, будто бы сказанные Павлом, а другие даже выдумывали подложные послания, будто бы им написанные. Потому, преграждая им всякий путь, (апостол) говорит: **"не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного"** (2 Фес. 2:2). **"Ниже духом"**, – говорит, указывая этим на лжепророков. Но откуда узнаем это, спросит кто-либо? Из того, что прибавлено ниже; для того (апостол) и присовокупил:

"Приветствие моею рукою, Павловою, что служит знаком во всяком послании; пишу я так: 18 благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь" (2 Фес.3:17,18). Он не то говорит, что слова эти служат признаком, – вероятно, и другие могли – подражать ему в этом, – но то, что я пишу приветствие моею собственною рукою, как это и теперь у нас бывает: по подписи можно узнать того, кто посылает письмо. (В этом послании апостол) утешает (фессалоникийцев), которые были очень угнетаемы бедствиями, с одной стороны, похваливая их за настоящее (подвиги), с другой – обращая (их внимание) на будущее, на наказание и награды праведных, уготованные им. По этому поводу он довольно ясно и подробно рассматривает этот вопрос, не открывая впрочем самого времени, хотя и указывает на признак этого времени – на антихриста. Душа немощная преимущественно тогда убеждается, когда не только услышит о чем-либо, но еще узнает нечто более. Так и Христос имел об этом великое попечение, когда, сев на горе, с точностью изложил ученикам своим все, что касалось кончины (мира). Для чего? Для того, чтобы не нашли для себя места те, которые вводят антихристов и лжехристов. И Он тоже указал на много признаков, и в числе их на важнейший, сказав: когда проповедано будет между всеми народами евангелие (Мф. 24:14), и на другой – чтобы не обольщались относительно Его пришествия: **"как молния"**, – сказал Он, придет (Мф. 24:27), которая не скрывается в каком-либо углу, но сияет повсюду. Не будет нужды в вестнике (Его пришествия), – так оно будет блистательно, – подобно тому, как и молния не имеет нужды, чтобы кто-либо возвестил об ее появлении. Он сказал также в другом месте и об антихристе, когда говорил: **"Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете"** (Иоан. 5:43).

Он сказал также, что признаком этого времени будут служить непрерывные и невыразимые бедствия, и что должен придти Илия. Итак, фессалоникийцы недоумевали тогда относительно этого предмета, между тем их недоумение доставило нам пользу. Не только им, но и нам это полезно, чтобы отстать от детских сказок и болтовни старух. Разве вы не слыхали часто, еще в детстве, как некоторые много рассказывали об имени антихриста и о том, что он преклонит свои колени? Дьявол старался посеять эти вымыслы в наши еще незрелые умы для того, чтобы это лжеучение росло вместе с нами и чтобы потом ему легче было обольстить нас. Не забыл бы сказать об этом Павел, говоря об антихристе, если бы это было полезно. Поэтому не будем заниматься исследованием этого. Он (антихрист) придет не так, не преклоняя колени, но **"противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божием сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога"** (2 Фес.2:4). Подобно тому, как дьявол пал от гордости, так и тот, кто будет орудием его, будет напитан гордостью.

2. Поэтому, умоляю вас, постараемся все удаляться от этой страсти, чтобы нам не подпасть одинаковому с ним осуждению, чтобы не подвергнуться одинаковому с ним наказанию, чтобы не соделаться участниками его мучений. **"Не [должен быть]"**, – говорит, – **"из новообращенных, чтобы не возгордился и не подпал осуждению с дьяволом"**. (Тим.3:6). Следовательно, возгордившийся несет равное с дьяволом наказание. Начало гордости, сказано, незнание Господа (Сир.10:14); начало греха – гордость, первое побуждение и движение ко злу; впрочем, может быть, и корень, и основание. Начало может означать или первое побуждение ко злу, или – основание его. Так, воздержание от непристойных зрелищ может быть названо началом целомудрия, т. е. первоначальным побуждением. Но если мы назовем началом целомудрия пост, то здесь начало будет означать основание или опору. В таком смысле и гордость есть начало греха. С нее и начинается всякий грех и в ней находит свою опору. Сколько бы мы ни совершили добрых дел, этот порок не позволяет им укрепиться в нас и неразлучно с нами пребывать, но, подобно какому-либо корню, препятствует им оставаться в нас непоколебимыми. Это видно из следующего. Смотри, сколько (добрых дел) творил фарисей; между тем это не

принесло ему ни малейшей пользы, потому что он не отсек корня, который и разрушил все. От гордости происходит презрительность к бедным, страсть к деньгам, властолюбие и славолубие. Гордый человек расположен мстить за обиды. Гордый не может равнодушно переносить обиды ни от высших, ни от низших; а кто не переносит спокойно обиды, тот не в состоянии переносить и несчастье. Вот каким образом гордость есть начало греха. Но как началом гордости может быть незнание Бога? Очень просто. Кто знает Бога так, как нужно знать, кто знает, до какой степени Сын Божий смирил Себя, тот не превозносится, а кто не знает этого, тот превозносится. Гордость ведет к надменности. Скажи мне: отчего враждующие на Церковь Божию говорят, что они знают Бога? Не от гордости ли? Видишь ли, в какую пропасть ввергло их незнание Бога? Если Бог любит дух сокрушенный, то напротив Он противится гордым, а смиренным дарует благодать. Итак, нет зла равного гордости. Она превращает человека в демона, наглого, богохульствующего, клятвопреступника; она возбуждает в нем жажду убийства. Человек надменный постоянно сокрушается скорбью, постоянно досадует, постоянно сетует. Ничто не может утолить его страсти. Если бы даже он видел, что царь униженно преклоняется и благоговеет пред ним, то и тогда не удовлетворился бы этим, но еще более воспламенился бы. Подобно тому, как сребролюбцы, чем больше приобретают, тем большего желают, так и гордые: чем больше пользуются честью, тем больше домогаются ее. Страсть их постепенно возрастает, – а это действительно (есть страсть), – страсть же не знает предела, но прекращается только тогда, когда убьете того, кто одержим ею. Разве не видишь, что преданные пьянству постоянно сгорают от жажды? Страсть не есть естественная потребность, но в некотором роде все извращающая болезнь. Разве не видишь, что люди, одержимые так называемым волчьим голодом, постоянно голодают? Это страсть, как утверждают врачи, преступившая естественные пределы. Подобным образом и люди, неумеренно любознательные и любопытные, сколько бы они ни узнавали, не останавливаются ни на чем; это у них страсть, не имеющая границ. Опять те, которые находят наслаждение в любодеении, не умеют положить конца своим пожеланиям: **"Блуднику сладок всякий хлеб; он не перестанет, доколе не умрет"** (Сир.23:23). Это тоже страсть. Впрочем, хотя страсти и составляют некоторого рода недуг, однако они не неизлечимы; напротив они способны к излечению и даже больше, нежели телесные недуги. Если только мы захотим, то можем потушить их. Как же можно потушить гордость? Нужно для этого познать Бога. Если она происходит от незнания Бога, то когда познаем Его, от нас удалится всякая гордость. Подумай о геенне, подумай о тех, которые гораздо лучше тебя, подумай о том, насколько ты виновен пред Богом. Если подумаешь об этом, то скоро укротишь свой разум, скоро смиришь его. Но ты не можешь этого сделать? Ты очень слаб? Подумай о настоящем, о природе самого человека, о том, как ничтожен человек. Когда увидишь человека мертвого, которого несут чрез площадь, его осиротевших детей, провожающих его, плачущую вдову, рыдающих слуг и скорбных друзей, то размысли при этом о ничтожестве всего настоящего, о том, что оно ничем не отличается от тени и сновидения. Но ты не хочешь этого (сделать)? Подумай о людях, владевших великими богатствами, которые совершенно разорились во время войны. Посмотри на дома великих и знаменитых людей, теперь обращенные в развалины. Подумай, как сильны были эти люди, а теперь исчезла и память об них. Каждый день, если захочешь, ты можешь находить подобные примеры: смену правителей, отобрание в казну имущества богатых. **"Многие из властелинов сидели на земле, тот же, о ком не думали, носил венец"** (Сир.11:5). Не каждый ли день случается подобное? Не походит ли судьба наша на колесо? Прочти об этом, если хочешь, и наши сочинения, и то, что написано у языческих писателей, – ведь и их сочинения полны такого рода примеров – если по гордости презираешь наши. Если ты уважаешь одни только произведения философов, то приступи к ним, – и они тебя научат, рассказывая о несчастьях, которые постигли древних, – и поэты, и ораторы, и софисты, и вообще все писатели. Везде, если хочешь, найдешь такого рода примеры. Если же не хочешь заняться всем этим, то

размысли о собственной природе нашей, об ее происхождении и конце, ее ожидающем. Подумай, что значишь ты в то время, когда спишь? Не может ли в это время умертвить тебя самое малое животное? Со многими часто даже случалось, что небольшое животное, упавши с кровли, лишало их зрения, или было причиною другого несчастья. Что же? Разве ты не ниже всех животных? Что скажешь против этого? То, что ты наделен разумом? Но вот у тебя и разума нет, потому что гордость – признак неразумия. Отчего же ты после этого превозносишься, скажи мне? Может быть – здоровым состоянием своего тела? Но в этом отношении преимущество остается на стороне бессловесных. Это свойство находим и у воров, и у убийц, и у грабящих могилы. Благоразумием ли своим? Но гордость несвойственна благоразумию, напротив чрез нее ты лишаешь себя права носить название благоразумного. Поэтому обуздаем наши помыслы, будем скромны, смиренномудры, кротки. Таких особенно улаживает Христос, говоря: **"блаженны нищие духом"** (Мф.5:3); и опять, взывая, говорит: **"научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем"** (11:29). Для того и умыл Он ноги своим ученикам, чтобы показать нам пример смиренномудрия. Постараемся из всего этого извлечь для себя пользу, чтобы мы могли получить блага, обещанные любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь).

БЕСЕДА 2

"Павел и Силуан и Тимофей – Фессалоникийской церкви в Боге Отце нашем и Господе Иисусе Христе: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (2 Фес. 1:1–2).

1. Большая часть людей все делает и предпринимает с тою целью, чтобы заслужить себе расположение и начальников, и тех, которые знатнее их, – и они высоко ценят это (расположение) и считают себя счастливыми, когда достигают того, чего желают. Но если так важно заслужить расположение подобных себе людей, то, что же значит снискать благодать у Бога? Поэтому-то (апостол) всегда в начале своих посланий полагает (такого рода благожелания) и молится об этом, зная, что где есть благодать Божия, там не может иметь места никакое несчастье, но как бы ни были велики наши бедствия, все они прекратятся. И чтобы научить вас этому (приведу следующее): Иосиф находился в рабстве, был молод, неопытен и простосердечен, – и вдруг вручено ему было управление домом, и он давал отчет в этом египетскому вельможе. А вы знаете, какой это вспыльчивый и несговорчивый народ; при том, так как к этому еще присоединялась власть и могущество, то и гнев его, возбуждаемый сознанием своего могущества, становился еще сильнее. Это видно даже из того, как он поступил впоследствии. (Иосиф) пострадал вследствие обвинения госпожи, – хотя вероятнее было то предположение, что подвергся насилию не тот, кто имел в руках одежду, но тот, у кого она отнята. Поэтому следовало сказать к ней: если бы ты возвысила голос, то он убежал бы и, сознавая свою виновность, не дожидался бы прихода господина. Но он (египтянин) ничего этого не взял во внимание, напротив; безрассудно увлекшись гневом, бросил (Иосифа) в темницу. Так безрассуден был этот человек. Хотя он имел возможность из других обстоятельств выводить заключение о благонамеренности и рассудительности этого человека, однако по своему крайнему неблагоразумию он ничего этого не принял в соображение. Итак, тот, кто находился во власти столь злого господина, кому вверено было управление целым домом, кто был пришельцем, одиноким и неопытным, после того, как Бог обильно излил на него свою благодать, – перенес все искушения так, как будто они ничего не значили: и клевету госпожи, и опасность смерти, и темничное заключение, и, наконец, приблизился к царскому престолу. Итак, видел этот блаженный (Павел), какое значение имеет благодать Божия, и потому молит о ниспослании ее на них. Впрочем, он имеет здесь в виду еще и нечто другое. Именно, желая расположить их в пользу того, о чем намеревался писать в

послании, – чтобы они, если бы даже он обличал и укорял их, не отступили от него, – с этой целью, прежде всего, приводит им на память благодать Божию, и таким образом смягчает их сердце, чтобы они, если бы даже испытали какое-либо огорчение, вспомнив о благодати Божией, которою спасены от больших зол, не пришли в уныние, подвергаясь меньшим, но в ней находили для себя утешение. Подобно тому и в другом послании он пишет: **"Ибо если, будучи врагами, мы примирились с Богом смертью Сына Его, то тем более, примирившись, спасемся жизнью Его"** (Рим.5: 10). **"Благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа. Всегда по справедливости мы должны благодарить Бога за вас, братья, потому что возрастает вера ваша,** (ст. 2– 3). Заметь избыток смирения! Сказав: **"мы должны благодарить Бога за вас"** дает им заметить и понять, что если другие, взирая на их подвиги, удивляются прежде всего не им, а Богу, то тем более мы (должны так поступать). С другой стороны, он ободряет их сердца тем, что по поводу переносимых ими страданий надлежит не плакать и рыдать, а благодарить Бога. И если Павел благодарит (Бога) за чужие блага, то что должно постигнуть тех, которые не только не благодарят, но еще терзаются завистью? **"Потому что возрастает вера ваша, и умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами"** (ст. 3). Как же, ты спросишь, может возрастать вера? Как? Когда мы терпим ради нее какие-нибудь бедствия. Поэтому много значит оставаться непреклонным (в вере) и не колебаться помыслами; когда усиливаются порывы ветров, когда идут проливные дожди, когда со всех сторон поднимается жестокая буря, когда сгущаются волны, и мы, несмотря на это, остаемся непоколебимыми, то это служит признаком не чего-либо другого, как только того, что возросла и превозросла и более возвышенною соделалась (наша вера). Подобно тому как при наводнении все ровные и низменные места скоро покрываются водою, а возвышенные остаются недостижимыми для нее, так и вера, которая достигла известной высоты, уже не ниспадает. Вот почему (апостол) не сказал: возрастает, но: **"возрастает вера ваша, и умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами"**. Видишь ли, что в скорбях помогает нам и то, когда мы взаимно ограждаем и поддерживаем друг друга? Это доставляет также великое утешение. Итак, слабую любовь и веру скорби колеблют, а твердую соделывают более крепкой. Действительно, душа немощная, находясь в скорби, ничего не может перенести; напротив душа крепкая тогда особенно и обнаруживает силу. Обрати внимание на любовь (фессалоникийцев). Они не так поступали, чтобы одного любить, а другого нет; напротив их любовь была равна ко всем, – на это именно указал (апостол), когда говорит: **"возрастает вера ваша, и умножается любовь каждого друг ко другу между всеми вами"**, – потому что их любовь в равной мере простиралась на всех, как на членов одного тела. Правдами в наше время мы находим любовь между многими, но такую любовь, которая бывает причиною раздора. В самом деле, когда мы будем по два, или по три соединяться, между собою, и эти два, или три, или четыре будут находиться между собою в большом согласии, а от всех прочих будут отделяться, так что между теми и другими уже не будет взаимного содействия и во всем доверия, – то это будет расторжение любви, а не любовь. Скажи мне: если глаз то попечение, какое он имеет о всем теле, перенесет на одну руку и, оставив без внимания все прочие члены, только о ней одной будет заботиться, то не повредит ли он этим всему телу? Без сомнения. Так и мы, если любовь, которая должна распространяться на всю Церковь Божию, сосредоточим на одном или двух только, то повредим этим и самим себе, и им, и вообще всем. Это свойственно не любви, а разобщению, разъединению и раздору. Так, если бы я взял от целого человека оторванную какую-либо часть, то хотя эта оторванная часть сама по себе составляла бы нечто единое, связанное и стройное, однако она оставалась бы оторванной частью, потому что не находилась бы в связи с целым телом.

2. Какая польза оттого, что такого-то ты любишь весьма сильно? Это любовь человеческая. А если не человеческая, и ты любишь его для Бога, то люби всех, потому

что Бог заповедал столько же любить и врагов. Если же Он заповедал любить врагов, то насколько более тех, которые нас ничем не огорчили? Но я люблю (и врагов), скажешь, хотя и не так сильно. Скажи лучше, что ты вовсе не любишь их. Когда ты осуждаешь (врага), когда завидуешь ему, когда злоумышляешь, против него, то как (можешь сказать, что) ты его любишь? Я ничего такого не делаю, говоришь ты. Но когда ты слышишь про него что-нибудь дурное и не заграждаешь уста говорящему, не отказываешься верить тому, что говорят, не прекращаешь (таких речей), то ужели это признак любви? **"Умножается", – говорит, – "любовь каждого друг ко другу между всеми вами, так что мы сами хвалимся вами в церквах Божиих"** (ст. 4). В первом послании он говорил, что все Церкви Македонии и Ахаии распространили о них молву, узнавши об их вере: **"нам ни о чем не нужно", – говорит, – "рассказывать. Ибо сами они сказывают о нас, какой вход имели мы к вам"** (1 Фес.1:8, 9); а здесь говорит: **"мы сами хвалимся вами в церквах Божиих"**. Что же значат эти слова? Там (апостол) говорит, что (иные) не нуждаются в том, чтобы мы им рассказывали (о ваших подвигах); а здесь он не говорит, что мы рассказываем об них, но хвалимся и превозносимся ими. Поэтому, если мы и благодарим Бога за вас и хвалимся вами пред людьми, то тем более вы должны поступать так относительно того, что доставляет нам утешение. Если ваши добрые дела удостаиваются того, чтобы другие хвалились ими, то возможно ли сказать (что они составляют) для нас причину скорби? **"Мы сами хвалимся", – говорит, – "хвалимся вами в церквах Божиих, терпением вашим и верою"**. Здесь он указывает на то, что уже много прошло времени (от начала их страданий), потому что терпение обнаруживается в течение долгого времени, а не в два или три дня. И не просто говорит только о терпении. Конечно, терпение выражается уже и в том, когда человек не наслаждается обещанными ему благами; но в настоящем случае он говорит о большем терпении. О каком же это? О таком, которое рождается вследствие гонений. Что он именно на это намекает, видно из того, что он дальше присовокупляет и говорит: **"во всех гонениях и скорбях, переносимых вами"**. Они постоянно жили среди врагов, которые старались со всех сторон наносить им вред, и, несмотря на то, они обнаруживали непреклонное и непоколебимое терпение. Пусть устыдятся поэтому те, которые ради покровительства человеческого переменяют свои убеждения. Еще в самом начале (евангельской) проповеди, люди бедные и жившие дневным трудом вступили во вражду с людьми, которые управляли государством и занимали в нем первые места, – когда еще ни один царь и ни один правитель не находился в числе верующих, – выдержали они непримиримую брань, и несмотря на то не отказались (от своих убеждений). **"Доказательство того, что будет праведный суд Божий"** (ст. 5). Смотри, как он одно утешение прилагает к другому. Он сказал, что благодарим Бога, сказал, что хвалимся пред людьми, – и это уже утешительно; но то, чего всего больше ищет страждущий, состоит в освобождении от бедствий и в наказании тех, которые причиняли ему зло. Действительно, душа, когда бывает немощна, больше всего желает этого; напротив душа любомудрая и того даже (не желает). Что же значат слова: **"Доказательство того, что будет праведный суд Божий"**? Этим (апостол) указал на двоякое воздаяние: одно для тех, которые делают зло, а другое для тех, которые переносят его. Он как будто так говорил: чтобы открылась в этом правда Божия, что Он вас увенчает, а тех накажет. Вместе с этим он утешает их, показывая, что они будут увенчаны за свои труды и заботы, согласно с требованием справедливости. Но прежде он говорит то, что касается их самих. Действительно, хотя бы кто и сильно желал отомстить за себя, однако прежде всего ищет он награды себе. Поэтому-то (апостол) и присовокупил: **"чтобы вам удостоиться Царствия Божия, для которого и страдаете"**. Итак, причина их страданий заключается не в том, что их гонители сильнее их, но в том, что этим именно путем они должны войти в царствие». **"Многими", – говорит, – "скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие"** (Деян.14:22). **"Ибо праведно пред Богом - оскорбляющим вас воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явлении Господа Иисуса с неба, с Ангелами"**

силы Его" (ст. 6, 7). "Ибо"[1] (εἴπερ) поставлено здесь вместо "как" (ὡς), – подобно тому как и мы употребляем (это выражение), говоря о предметах, которые считаем несомненными и неоспоримыми. Вместо того, чтобы сказать: весьма справедливо, он говорит: если справедливо пред Богом то, чтобы они подверглись мщению, то Он несомненно отомстит, – подобно тому как если бы кто сказал: если Бог заботится о предметах (мира), если Бог имеет попечение. Так и (апостол) употребил выражение "если", говоря о том, на что все были согласны, подобно тому, как если бы кто сказал: если Бог ненавидит злых людей, – употребляя это выражение с тою целью, чтобы заставить других сказать, что ненавидит, – а такого рода суждения не подлежат ни малейшему сомнению, потому что они сами знали, что это справедливо. **"Оскорбляющим вас", – говорит, – "воздать скорбью, а вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами"**.

3. Что же? Ужели воздаяние будет равняться (поступкам)? Нет. Напротив, смотри, как из того, что он говорит после, открывается, что и наказание будет гораздо суровее, и награда гораздо значительнее. Вот и другое утешение (апостол говорит), что участвовавшие в страдании будут иметь одинаковый удел и в воздаянии, – это именно значит выражение: с нами, – уравнивая их таким образом в венцах с теми, которые совершили бесчисленные и гораздо большие подвиги. Далее он прибавляет к этому указание на время воздаяния, и посредством описания (самого события) возводит их мысли, как бы отвержая своим словом небеса и представляя их взору, и окружает Его (Господа) ангельским воинством, начертывая таким образом блестящее изображение как самого места, так и того, что на нем находится, чтобы через это дать им (фессалоникийцам) возможность несколько придти в себя. **"А вам, оскорбляемым, отрадою вместе с нами, в явлении Господа Иисуса с неба, с Ангелами силы Его, в пламенеющем огне совершающего отмщение не познавшим Бога и не покоряющимся благовествованию Господа нашего Иисуса Христа"** (ст. 8). Если те, которые не слушаются Евангелия, подвергнутся наказанию, то чего не испытают те, которые при этом непослушании еще оскорбляют вас? Но заметь, прошу, мудрость (апостола). Он не сказал здесь: оскорбляющим вас, но: не слушающим. Следовательно, если не в отмщение за вас, говорит, то в отмщение за самого Себя (Господь) необходимо должен подвергнуть их наказанию. Таким образом, это сказано для большего удостоверения в том, что, во всяком случае, (гонители) должны быть наказаны, а предыдущее – для удостоверения в том, что (гонимые) удостоятся чести. Итак, удостоверение в неизбежности наказания приводит их к вере, а утешение – в том, что (гонители) подвергнутся этому страданию в отмщение за причиняемые верующим обиды. Хотя это было сказано к ним (фессалоникийцам), однако может иметь отношение и к нам. Поэтому когда будем находиться в несчастье, будем размышлять об этом.

Не будем радоваться наказанию других потому, что мы отмщены, но будем радоваться тому, что мы сами избежали такого наказания и взыскания. В самом деле, какая нам польза от того, что другие подвергнутся наказанию? Не будем поэтому, умоляю вас, питать в себе такого душевного расположения; пусть мысль о царствии побуждает нас вести добродетельную жизнь. Правда, тот, кто вполне добродетелен, руководствуется не страхом и не желанием приобрести царство, но самим Христом, подобно тому, как делал Павел. Но мы будем помышлять о благах в царстве и о мучениях в геенне, и по крайней мере таким образом будем правильно образовывать и воспитывать себя, будем таким образом побуждать себя к исполнению того, что должны исполнить. Когда в настоящей жизни увидишь что-либо хорошее и великое, тогда подумай о небесном царстве, – и убедишься, что виденное тобою ничтожно. Когда (увидишь) что-либо страшное, то подумай о геенне, – и ты посмеешься над тем. Когда овладеет тобою плотская похоть, подумай об огне, размысли о самом удовольствии от этого греха, что оно ничтожно и что даже не приносит собою удовольствия. Если опасение преступить законы, которые здесь

изданы, имеет такую силу, что удерживает нас от злодеяний, то тем более памятование о будущем, непрестанное мучение, наказание вечное. Если страх пред земным царем удерживает нас от стольких преступлений, то тем более страх пред Царем вечным. Каким же образом мы можем постоянно возбуждать в себе этот страх? Если будем всегда внимательны к словам Писания. В самом деле, если один вид мертвеца до такой степени смиряет наш ум, то насколько более геенна и огонь неугасающий, насколько более червь неумирающий? Если бы мы постоянно помышляли о геенне, то не скоро низринутись бы в нее. Для этого-то Бог и угрожает наказанием. Если бы размышление о геенне не приносило нам великой пользы, то Бог и не угрожал бы ею; но так как память о ней может способствовать надлежащему исполнению великих дел, то Он как бы некоторое спасительное лекарство посеял в наших душах грозную мысль о ней. Поэтому не будем пренебрегать великою пользою, которая отсюда рождается, но сделаем ее постоянным предметом разговора во время утреннего и вечернего стола. Разговор о приятных предметах не приносит ни малейшей пользы для нашей души, напротив соделывает ее более немощною, между тем, беседа о предметах печальных и скорбных отсекает от нее всякую рассеянность и изнеженность, обращает ее на истинный путь и воздерживает даже тогда, когда она покорилась немощи.

Кто рассказывает о театрах и актерам, тот не доставляет этим нашей душе ни малейшей пользы, напротив еще более разжигает ее и соделывает более легкомысленною. Кто занимается чужими делами и любопытствует узнавать их, тот часто чрез такое любопытство подвергает ее опасности. А тот, кто говорит о геенне, не подвергается никакой опасности и в то же время соделывает душу свою более целомудренною. Может быть, ты боишься таких страшных речей? Не думаешь ли ты, что погасишь геенну, если не будешь говорить о ней? Или – что воспламенишь ее, если будешь говорить? Будешь ли ты говорить, или нет, – огонь (геенский) все же будет гореть. Постоянно говори о ней для того, чтобы никогда не впасть в нее. Невозможно, чтобы душа, постоянно занятая мыслью о геенне, скоро согрешила. Выслушай поэтому превосходное наставление: **"Во всех делах твоих помни о конце твоём, и вовеки не согрешишь"** (Сир.7:39). Быть не может, чтобы душа, которая боится быть призванною к отчету в своих поступках, не была ленивою к преступлениям. Страх, укрепившись в нашем уме, не оставляет в нем места ничему мирскому. Если речь о геенне, только по временам занимающая нас, так смиряет и укрощает, то мысль о ней, постоянно пребывающая в душах, не лучше ли всякого огня очищает душу? Не столько будем помнить о царствии, сколько о геенне, потому что страх имеет больше силы над нами, чем обетования, – и я знаю, что многие пренебрегли бы тысячею благ, если бы только остались свободными от наказаний; так и для меня теперь довольно только того, чтобы я не подвергся взысканию, чтобы я не был наказан. Никогда не впадет в геенну тот, кто всегда имеет ее пред глазами. Никогда не избежит геенны тот, кто презирает ее. Подобно тому как у нас тех людей, которые боятся судилища, не влекут на судилища, напротив те, которые ими пренебрегают, чаще всего подвергаются им, – так и там. Если бы ниневитяне не убоялись гибели, то они погибли бы; но так как они убоялись, то и не погибли. Если бы жившие при Ное утрастились потопа, то и не погибли бы в потопа. И содомляне, если бы убоялись, не были бы потреблены огнем. Великое зло – пренебрегать угрозами. Кто пренебрегает угрозами, тот вскоре на опыте узнает их следствия. Ничего не может быть полезнее беседы о геенне; она соделывает наши души чище всякого серебра. Послушай, что говорит пророк: **"ибо все заповеди Его предомню, и от уставов Его я не отступал"** (Пс17:23). И Христос постоянно беседовал о геенне, потому что хотя это опечаливает слушателя однако и приносит ему величайшую пользу.

4. Такие (свойства) имеет все то, что полезно, – и не удивляйся этому. Ведь и лекарства, и яства бывают сначала неприятны для больного, но потом приносят ему пользу. Если же

мы не можем перенести неприятных для нас речей, то, очевидно, что не будем в состоянии перенести тяжких испытаний на деле! Если никто из нас не в состоянии переносить слова о геенне, то, очевидно, что если бы нас постигло гонение, никто из нас не был бы в состоянии устоять против огня, против меча. Будем упражнять наш слух, чтобы не сделаться нам изнеженными: от слов можем перейти и к делам. Если привыкнем слушать страшное, то привыкнем и переносить страшное. А если до того будем изнежены, что не будем в состоянии даже переносить слов, то как устоим против событий? Видишь ли, как блаженный Павел презирал все случаемое в здешнем мире, даже опасности? Отчего это? Оттого, что он научился презирать даже геенну для тех, которых возлюбил Бог. Из любви к Христу он ни во что вменял перенесение мучений в геенне; а мы для своей собственной пользы не можем переносить даже речи о ней. Теперь, немного послушав, вы отойдете (отсюда); но я умоляю вас, если только есть в вас сколько-нибудь любви, постоянно заниматься разговорами о подобных предметах. По крайней мере, это нисколько вам не повредит, если уже не доставит пользы; но, без сомнения, доставит и пользу. Смотри по тому, какова наша беседа, такова становится и душа. **"Худые сообщества", – сказано, – "развращают добрые нравы"** (1 Кор.15:33). Следовательно, благие беседы приносят пользу, – следовательно, беседы, внушающие страх, делают целомудренными. Душа наша подобна воску. Если будешь вести холодные речи, то сделаешь ее твердою и жесткою; а если пламенные, то умягчишь ее. А, умягчивши, можешь дать ей такой вид, какой будет тебе угодно, и начертать на ней царский образ. Заградим поэтому слух наш от праздных разговоров: они немалое составляют зло, от них происходит всякое зло. Если бы наш ум научился внимать Божественным словам, то он не обращал бы ни на что другое внимания; а не обращал внимания на что-либо другое, он никогда не решился бы на худые поступки. Слово есть путь к делам, – сначала мы думаем, потом говорим, потом действуем. Часто многие, даже целомудренные люди, от постыдных слов переходили к постыдным делам. Наша душа по природе ни добра, ни зла; но то и другое в ней зависит от свободной воли. Подобно тому как парус, куда подует ветер, туда подвигает корабль, или лучше – как руль направляет корабль, если дует попутный ветер, так и наш ум, если благоприятный ветер доносит до него добрые речи, плывет безопасно, а если дуют противные ветры, то нередко утопает. Что для кораблей ветры, то для души слова. Куда хочешь, туда и можешь подвинуть и направить ее. Поэтому некто, поучая нас, сказал: "и всякая беседа твоя – в законе Вышнего" (Сир.9:20). Поэтому, умоляю вас, отнимая детей от матерней груди, не будем научать их басням старух; но пусть (дитя) с младенческого возраста узнает, что есть суд; пусть вкоренится в уме его мысль, что есть наказание; этот страх, когда укоренится в нем, принесет великую пользу. В самом деле, душа, привыкшая с раннего возраста трепетать от ожидания такой участи, не легко может освободиться от этого страха, но подобно удобоуправляемому коню, имея водителем мысль о геенне, будет шествовать правильно, будет говорить и принимать участие в беседе только о предметах полезных. Ни юность, ни богатство, ни сиротство, ни иное что не будет в состоянии причинить ей вреда, – так тверд будет ее ум и так она будет способна устоять против всего. Такими речами будем назидать и самих себя, и своих жен, и рабов, и детей, и друзей, и даже, если можно, врагов. Помощью таких речей мы будем в состоянии и пресечь множество грехов, и (предпочтем) лучше жить в скорбных, чем в благоприятных обстоятельствах. Это можно видеть из следующего. Скажи мне: если бы ты вошел в дом, где празднуется брачное торжество, то на один час ты почувствовал бы удовольствие от этого зрелища; но потом, вышедши оттуда, не стал ли бы ты сокрушаться скорбью о том, что у тебя нет того же? Но если бы ты вошел в дом плачущих, хотя и весьма богатых людей, то, вышедши оттуда, ты скорее почувствовал бы успокоение. Ты вынес бы оттуда не зависть, а утешение и ободрение – для своей бедности.

Ты на опыте видишь, что и богатство не есть добро, и бедность не есть зло, но что и то и другое сами по себе безразличны. Так и в настоящем случае: если будешь заниматься разговором об удовольствиях, то еще более опечалишь свою душу, которая не наслаждается этими удовольствиями; но если среди удовольствий ты заведешь речь о геенне, то это послужит для тебя источником радости и великого утешения. В самом деле, когда ты размыслишь, что эти удовольствия нисколько не могут помочь нам против этого огня, то не будешь искать их; а когда подумаешь, что обыкновенно они еще сильнее разжигают этот огонь, то не только не будешь искать их, но почувствуешь к ним отвращение и отвергнешь их. Не будем поэтому избегать речей о геенне, чтобы избежать геенны. Не будем избегать напоминания о наказании, чтобы не подвергнуться этому наказанию. Если бы тот богач помышлял о том огне, то не согрешил бы; но так как он никогда не приводил себе его на память, то и впал в него. Скажи мне, человек, когда настанет для тебя время явиться пред судилище Христово, ужели и тогда ты будешь говорить о всем, только не об этом (не о геенне)? Когда у тебя есть дело в суде, часто даже не стоящее того, чтобы о нем говорить, то ты и ночью и днем, во всякое время и всегда ни о чем больше не будешь говорить, как только об этом деле; между тем, имея дать пред Богом отчет в целой жизни и подвергнуться ответственности, ты не можешь перенести даже того, чтобы другие напоминали тебе о суде? Оттого – то все и стремится к гибели и растлению, что мы, когда приготавливаемся предстать пред судилище человеческое, по поводу житейских дел, – все приводим в движение, ко всем обращаемся с просьбою, постоянно беспокоимся об этом, все делаем, что только нужно для этого; между тем, имея в скором времени предстать на суд Христов, мы ничего не делаем ни сами лично, ни чрез других, не умоляем Судию. Несмотря на то, Он дает нам много времени (для приготовления) и не призывает нас внезапно – среди грехов; напротив дает нам возможность освободиться от них, и Его благость и человеколюбие не оставляют без внимания ничего такого, что с Его стороны можно было бы сделать. Мы же с нашей стороны ничего больше не делаем, и потому подвергнемся большому наказанию. Но да не будет этого! Поэтому, умоляю, образумимся по крайней мере теперь. Будем иметь пред глазами геенну, будем помышлять о неизбежном будущем наказании, чтобы, размышляя об этом, мы и зла избежали, и стяжали добродетель, и сподобились получить блага, обещанные любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки. Аминь).

[1] То, что в синодальном переводе переведено как "ибо", на самом деле переводится как "если". Об этом Златоуст и говорит далее.

БЕСЕДА 3

"Которые подвергнутся наказанию, вечной гибели, от лица Господа и от славы могущества Его, когда Он придет прославиться во святых Своих и явиться дивным в день оный во всех веровавших, так как вы поверили нашему свидетельству" (2 Фес.1:9,10).

1. Есть много людей, которые возлагают добрые надежды не на то, что они воздерживаются от грехов, а на то, что полагают, будто геенна не так страшна, как говорят о ней, но слабее той, какою угрожают нам, и при том временна, а не вечна, и много умствуют по этому поводу. Между тем я могу представить много доказательств и даже вывести из самых слов (Писания) о геенне, что она не только не слабее того, как ее представляют в угрозах, а еще гораздо ужаснее. Впрочем, теперь я не буду заводить об

этом речи. Довольно и того опасения, какое возбуждают в нас одни слова (о геенне), если мы даже не будем раскрывать их смысла. А что она не временна, послушай, что говорить здесь Павел о людях, не ведущих Бога и не верующих в Евангелие, именно, что они подвергнутся наказанию, вечной гибели. Итак, каким образом вечное может соделаться временным? От лица, говорит, Господня. Что это значит? (Апостол) хочет этим выразить то, что это легко может совершиться. Так как люди богатые тогда очень превозносились, то он и говорит, что для этого не нужно великих усилий, а довольно будет только придти и явиться Богу, и всех (виновных) постигнет наказание и мука. Пришествие Его для одних принесет радость, а для других мучение. **"И от славы", – говорит, – "могущества Его, когда Он придет прославиться во святых Своих и явиться дивным в день оный во всех веровавших, так как вы поверили нашему свидетельству"**. Что говоришь ты? Ужели Бог прославится? Да, – во всех, говорит, святых Своих. Каким образом? Когда те, которые ныне превозносятся, увидят, что те самые, кого они мучили, презирали и подвергали осмеянию, соделались близкими к Нему, тогда откроется слава Его, или, правильнее говоря, в этом будут состоят и Его слава, и слава этих последних, – Его слава, потому что Он не оставил их, но окружил большим блеском, их слава, потому что они удостоились такой чести. Подобно тому, как Его богатство состоит в том, что находятся верные, так и слава Его состоит в том, что есть такие люди, которые соделываются причастниками Его благ. Слава доброго заключается в том, что Он имеет, на кого изливать Свои благодеяния. **"И явиться дивным", – говорит, – "во всех веровавших"**. То есть, чрез верующих. Вот опять "в" (ἐν) значит то же, что "чрез" (διὰ). Чрез них (Бог) проявит свое дивное (величие). Действительно, когда злосчастных, и уничиженных, и перенесших тысячи страданий, и сохранивших веру Он сподобит такой славы, тогда обнаружится сила Его, – потому что хотя здесь верующие были, по-видимому, Им оставлены, однако там удостоятся великой славы. В этом-то особенно открывается вся слава и сила Божия. А как именно, послушай, что (апостол) говорит далее: **"Для сего и молимся всегда за вас, чтобы Бог наш соделал вас достойными звания и совершил всякое благоволение благодати и дело веры в силе"** (ст. 11). То есть, когда предстанут посреди (судилища) те, которые перенесли бесчисленные бедствия, будучи понуждаемы отступить от веры, и не отступили, но пребыли верными, тогда прославится Бог; в это же время откроется и их слава. Поэтому, так как многие притворяются верующими, то прежде смерти никого не ублажай: в этот день обнаружится, кто (истинно) уверовал. **"Для сего и молимся всегда за вас", – говорит, – "чтобы Бог наш соделал вас достойными звания и совершил всякое благоволение благодати и дело веры в силе"** (ст.11). Поэтому и прибавил: **"и совершил всякое благоволение благодати"**. Зван был и в скверные ризы одетый, но не остался среди званых, напротив, более всего по этой причине он был извержен из числа званых в брачный чертог. Званы были тоже и пять дев: восстаньте, сказано им было, **"жених грядет"** (Мф.25:6), и они приготовились, но не вошли. Поэтому, объясняя, о каком звании он говорит, (апостол) прибавил: **"и совершил всякое благоволение благодати и дело веры в силе"**. Такого-то призыва, говорит, будем помогать. Смотри, как незаметно он смиряет их. Чтобы они, как люди, совершившие великие подвиги, не возгордились от избытка похвал и не предались лени, он говорит, что до тех пор, пока они находятся в этой жизни, им недостает чего-то. Подобно тому и в послании к Евреям он говорить: **"Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха"** (Евр.12: 4). Всякое, говорит, благоволение то есть благоугождение, удостоверение, удовлетворение. Как бы так сказал: чтобы вполне удостоверился Бог, что вам уже ничего более недостает для того, чтобы вы соделались такими, как Он желает. **"И дело", – говорит, – "веры в силе"**. Что это значит? Это он говорит о перенесении гонений, чтобы мы не изнемогали. **"Да прославится имя Господа нашего Иисуса Христа в вас, и вы в Нем, по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа"** (ст. 12).

2. Смотри: прежде (апостол) восхвалял их, и теперь тоже говорит о прославлении их. Прежде сказал, что их так прославляют, что и он сам хвалится ими; сказал еще больше – что они прославляют (своими делами) Бога; сказал, что они соделаются причастниками этой славы, – но и здесь высказывает (то же самое). Ведь когда прославляют владыку, тогда прославляют и его рабов. Поэтому (рабы), которые прославляют владыку, гораздо больше сами бывают прославляемы, как вследствие того (что прославляют владыку), так и независимо от того. Слава состоит в страдании за Христа, и (апостол) везде называет славою подобного рода подвиг. И чем большее мы терпим бесчестие, тем большей сподобляемся славы. Потом, опять желая показать, что и это также зависит от Бога, говорит: по благодати Бога нашего и Господа Иисуса Христа. То есть, сам Бог даровал нам эту благодать, чтобы прославиться в нас и чтобы мы прославились в Нем. Каким образом Он прославляется в нас? Таким, что мы ничего не предпочитаем Ему. Каким образом мы прославляемся в Нем? Таким, что мы получаем от Него силу не ослабевать среди постигающих нас несчастий. Когда случается с нами какое-либо искушение, тогда одновременно прославляется и Бог и мы. Именно Его прославляют за то, что Он нас соделал такими крепкими, а нам удивляются за то, что мы соделали себя достойными этого. Но все это зависит от благодати Божией. **"Молим вас, братия, о пришествии Господа нашего Иисуса Христа и нашем собрании к Нему, не спешить колебаться умом (2: 1).** Не сказал, когда будет воскресение, но сказал, что оно не теперь последует. **"И нашем",** – говорит, – **"собрании к Нему"**. И это тоже немаловажно. Видишь ли, как опять наставляет (соединяется) с похвалою и ободрением (проистекающим из того), что непременно вместе с нами явится и Господь, и все святые? Здесь он говорит о пришествии Христовом и о нашем собрании; то и другое последуют одновременно. (Апостол) возбуждает их внимание, говоря, чтобы они не спешили колебаться. **"Не спешить колебаться умом и смущаться ни от духа, ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного, будто уже наступает день Христов (ст. 2).** Мне кажется, что здесь он указывает на то, что среди них встречались люди, которые составили подложное послание будто от Павла и, показывая его, утверждали, что уже настал день Господень, чтобы таким образом обольстить многих. Поэтому, чтобы они не впали в заблуждение, Павел предостерегает их, когда говорит и пишет: **"не смущаться ни от духа, ни от слова"**. Смысл этих слов такой: хотя бы кто-нибудь, имея дух пророчества, сказал вам это, не верьте. Когда я был у вас, я объяснил вам все (относящееся к этому предмету); поэтому вам не следует переменять своего убеждения касательно того, чему вы были научены. Или духом. Он так называет лжепророков, говоривших по внушению нечистого духа то, что они говорили. Они, желая внушить к себе больше доверия, старались вводить других в заблуждение не только путем убеждения, – на это именно указывает (апостол), говоря: ниже словом, – но показывали еще подложное послание, будто бы от Павла, где говорилось о том же. Потому-то, указывая на это, (апостол) и прибавил: **"ни от послания, как бы нами посланного"**.

Предохраняя их таким образом со всех сторон, он так излагает свою собственную мысль и говорит: "Да не обольстит вас никто никак: [ибо день тот не] [придет], доколе не придет прежде отступление и не откроется человек греха, сын погибели, противящийся и превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею, так что в храме Божиим сядет он, как Бог, выдавая себя за Бога" (ст. 3, 4). Здесь он говорит об антихристе и открывает великие тайны. Что такое – отступление? Отступлением он называет самого антихриста, так как он имеет погубить многих и привести к отступлению: "чтобы прельстить", – сказано, – "если возможно и избранных" (Мф. 24:24). Называет его и человеком беззакония, потому что он совершит тысячи беззаконий и побудит других к совершению их. А сыном погибели называет его потому, что и он сам погибнет. Кто же он будет? Ужели сатана? Нет, – но человек некий, который воспримет всю его силу (ἐνέρηται). "И откроется", – говорит, – "человек греха, сын погибели, противящийся и"

превозносящийся выше всего, называемого Богом или святынею". Он не будет приводить к идолослужению, а будет богопротивником (*ἀντίθεος*), отвергнет всех богов и велит поклоняться себе, вместо Бога, и будет восседать в храме Божиим, – не в иерусалимском только, но и повсюду в церквах. "Выдавая", – говорит, – "себе за Бога". Не сказал, что он будет называть себя Богом, но – что он будет стараться показать себя Богом. Он совершит великие дела и покажет чудесные знамения. "Не помните ли, что я, еще находясь у вас, говорил вам это" (ст. 5)?

3. Видишь ли, что необходимо постоянно говорить об одном и том же предмете и возобновлять в памяти одни и те же слова? Вот они слышали, как он говорил об этом, когда был у них, и опять имели нужду в напоминании. Подобно тому, как они, несмотря на то, что слышали о скорбях, – **"Ибо мы и тогда", – говорит, – "как были у вас, предсказывали вам, что будем страдать"** (1 Фес.3: 4), – забыли об этом, и он опять ободрял их посредством послания, так и теперь, несмотря на то, что они слышали о пришествии Христовом, опять имели нужду в послании, которое вразумило бы их. Поэтому он приводит им на память и показывает, что он теперь ничего необыкновенного не говорит им, но то же, что и всегда говорил. Подобно тому, как бывает у земледельцев: они однажды бросают в землю семена, но последние не всегда остаются там, напротив, имеют нужду в великом попечении, и если кто не покроет посеянного распаханною землею, то значит, он сеял для птиц, подбирающих семена, – так и мы, если не будем постоянным воспоминанием согреть посеянного в нас, то все (наши слова) будут как бы брошены на ветер: их и диавол похищает, и наша леность погубляет, и солнце иссушает, и дождь потопляет, и терние заглушает. Поэтому недостаточно только того, чтобы однажды посеять и потом оставить семена без внимания; напротив, тот, кто хочет собрать плоды, должен иметь великое попечение и заботливость, отгоняя птиц, истребляя терние, утучняя множеством земли каменистую почву, останавливая, преграждая и уничтожая все то, что может вредить. Впрочем, на (обыкновенной) ниве все зависит от земледельца, потому что сама она бездушна и приготовлена только к тому, чтобы на нее обращена была деятельность других; между тем на этой духовной ниве – не так. Здесь не все зависит от учителей, но если не больше, то, по крайней мере, в половину – и от учеников. Наша обязанность состоит в том, чтобы сеять семя, а ваша – в том, чтобы исполнять сказанное нами, чтобы, помня об этом, посредством дел являть в себе плоды, с корнем исторгать из себя терние. Подлинно, богатство есть терние, которое вовсе не приносит плода, видом безобразно, неприятно в употреблении, уязвляет того, кто дотрагивается до него, и не только само не приносит плодов, но препятствует и развивающимся (растениям) приносить их. Таково-то богатство: оно не только само не приносит плода вечного, но и для желающих стяжать его составляет препятствие. Терние служит пищею для неразумных верблюдов, – оно снесь для огня и совершенно бесполезное произведение (природы). Равным образом и богатство ни на что не бывает полезно, но служить только к тому, чтобы разжигать печь (геенскую), воспламенить тот день, который будет гореть подобно раскаленной печи, – чтобы питать в вас безумные страсти: злопамятство и гнев. Таков именно и верблюд, питающийся тернием. Люди сведущие рассказывают, что нет ни одного животного до такой степени злобного, яростного и мстительного, как верблюд. Такие же (свойства) имеет и богатство: оно питает бессмысленные пожелания души, а разумные убодает и уязвляет точно тернием. Растение это жестко и колюче и произрастает само собою. Посмотрим же, где оно и растет, чтобы вырвать его. (Оно растет) на местах стремнистых, каменистых и сухих, где нег влаги. Итак, если кто бывает жестким и крутым, т. е. несострадательным, – в том растет терние. Но когда земледельцы хотят истребить терние, то делают это не помощью железа, – но как? Разводят огонь и таким образом извлекают из земли все дурное. Так как недостаточно того, чтобы сверху срезать терние, тогда как внизу корень остается (невредим), ни даже того, чтобы вырвать корень, – потому что нечто вредное будет еще оставаться в земле, подобно тому, как от

всякой язвы, которая поражает тело, остаются в нем вредные следствия, – то огонь, сверху втягивая в себя всю влагу, которою пропитано терние, как бы какой яд, при содействии теплоты извлекает из недр земли. Подобно тому, как банка, употребляемая для пускания крови, будучи приставлена, притягивает к себе из тела все вредное, так и огонь высасывает (из земли) все вредное, содержащееся в тернии, и соделывает ее чистою. Но к чему я говорил все это? К тому, что надобно повсюду истребить страсть к богатству. И у нас есть огонь, который исторгает из души это зло – разумею огонь духовный. Если разведем этот огонь, то будем в состоянии не только иссушить терние, но и влагу, от него рождающуюся, так что если бы даже оно укоренилось (в нас), то и тогда обратилось бы в ничто. Смотри, в самом деле, как входит сюда богатый мужчина, или богатая женщина? Не заботится о том, чтобы слушать слово Божие, а о том, как бы показать себя, как бы с величавостью и великою гордостью занять здесь место, как бы превзойти всех прочих великолепием одежды, и своею наружностью, взглядом и поступью возбудить в других большее к себе уважение. И вся забота ее и попечение состоит в том: видела ли ее такая-то? Удивлялась ли ей она? Хорошо ли я оделась? Но не об этом только она имеет попечение, а еще и о том, как бы не измялось, как бы не разорвалось ее платье. И в этом только состоит вся ее забота. Подобным образом входит и богатый мужчина, имея намерение показать себя бедняку, привести его в страх богатством своих одежд и тем, что он имеет множество слуг, которые стоят около него, отгоняя толпу. Сам он, по чрезмерной гордости, не благоволит сделать и этого, но до такой степени считает это дело недостойным свободного человека, что, несмотря на чрезмерную свою гордость, не дерзает сам делать этого, а поручает рабам, сопровождающим его, – впрочем, поступать так действительно свойственно только людям рабского, бесстыдного нрава. Потом, когда он сядет, тотчас им овладевают заботы о доме, развлекая его внимание во все стороны, его охватывает гордость, поработившая себе его душу. Он думает, что оказал милость и нам, и народу, и, может быть, самому Богу – тем, что вошел в храм Божий. Может ли когда-либо исцелиться столь горделивый человек?

4. Скажи мне, если бы кто вошел в лечебницу и не у врача стал бы искать милости, но подумал бы, что он сам делает ему милость, и вместо того, чтобы просить себе лекарства от раны, стал бы заниматься своим платьем, то получил ли бы он, по выходе оттуда, какую-либо пользу? Я не думаю. Если хотите, я скажу вам причину всего этого. Приходя сюда, они думают, что приходят к нам, думают, что от нас они слышат то, что слышат. Не обращают внимания на то, не думают о том, что они приходят к Богу, что Он сам говорит здесь с ними. В самом деле, когда чтец, восстав, говорит: "**Это говорит Господь**", и когда диакон, стоя, побуждает всех к молчанию, тогда он это говорит не для того, чтобы оказать этим честь чтецу, но для того, чтобы воздать честь Тому, Кто через него обращает ко всем речь. Если бы они знали, что Бог говорит это через пророка, то отложили бы всякую гордость. Если они, когда с ними говорят властители, воздерживаются от всякой невнимательности, то тем более (должны так поступать), когда говорит с ними Бог. Возлюбленные! Мы только служители, мы говорим не свои слова, но слова Божии. Здесь читаются послания, ежедневно ниспосылаемые с неба. Скажи мне, прошу тебя: если бы теперь, когда мы все собраны, вошел человек, украшенный золотым поясом, и грозно и горделиво объявил, что он прислан царем земным и принес на имя всего города послание по самому необходимому делу, то разве не все вы обратились бы к нему? Разве не воцарилось бы здесь совершенное молчание, даже без приглашения со стороны диакона? Я думаю, что так, – я слышал, как читаются здесь царские послания. Итак, когда кто-либо приходит сюда от царя, вы все слушаете его со вниманием; между тем от Бога приходит, и с неба вещает пророк, и никто его не слушает? Разве вы не верите, что все говорится от Бога? Эти послания посланы от Бога. Будем, поэтому, приходить в церкви с должным почтением и будем со страхом слушать то, что говорится в них. Зачем, говоришь, мне приходить, если я не слышу никакого проповедника? Вот это именно губит и растлевает

все. Откуда явилась нужда в проповеднике? Нужда эта явилась вследствие нашего нерадения. Какая надобность в проповеди? Все ясно и просто, что говорится в Божественных Писаниях; все необходимое понятно. Но так как вы любите слушать для своего только развлечения, то и ищите этого. В самом деле, скажи мне: говорил ли когда Павел велеречиво? И, однако, он обратил вселенную. Или Петр, который был неученый?

Но, говоришь ты, я не знаю того, что содержится в Священном Писании. Почему же ты не знаешь этого? Разве на еврейском, или на римском, или на каком-нибудь иностранном языке они написаны? Разве не греческим языком говорится там? Но неясно, говоришь ты. Что же там неясно, скажи мне? Разве это не повествования? Ты ведь знаешь то, что ясно сказано там, для того, чтобы спросить о том, что неясно. В Писании содержится множество историй: расскажи мне одну из них. Но ты не расскажешь. Все это только предлог и пустые слова. Каждый день, говоришь ты, приходится слушать одно и то же. Что же? – скажи мне. Разве в театрах не одно и то же ты слышишь? На конских ристалищах разве не одно и то же видишь? И не все ли вещи всегда одни и те же? Не одно ли и то же всегда восходит солнце? Не одну ли и ту же всегда мы употребляем пищу? Желал бы я испытать тебя, так как ты говоришь, что каждый день слышишь одно и то же; скажи мне, из какого пророка заимствовано прочитанное место, из какого апостола, из какого послания? Но ты не можешь сказать мне этого; тебе кажется, что ты слышал нечто неизвестное тебе. Итак, когда хочешь оправдать свою леность, ты говоришь, что слышишь все одно и то же; а когда тебя спросят, то ты приходишь в такое смущение, как будто ты никогда не слыхал этого. Если одно и то же (читается всякий раз), то следовало бы знать, а ты не знаешь. Все это достойно слез, – слез и стенаний, потому что вотще трудится среброковач. Потому-то и следовало бы быть внимательным, что одно и то же (ты всегда здесь слышишь), что мы не причиняем вам ни малейшего труда, не говорим ничего нового и отличного от прежнего. Итак, что же? Так как ты говоришь, что (в книгах Писания читается всегда) одно и то же, то, по крайней мере, проповедуемое нами не есть всегда одно и то же, напротив; всякий раз мы говорим нечто новое. Ужели вы внимаете этому последнему? Нисколько. А если мы спросим: отчего вы не помните и сказанного нами? – вы ответите: мы слышим всего один только раз, как же возможно нам запомнить? Если же мы спросим: почему вы не внимаете тому (что читается в книгах Писания)? – вы ответите: всякий раз повторяют одно и то же. И все это внушает вам леность и есть одна отговорка. Однакож не всегда это будет продолжаться, но настанет время, когда мы тщетно и без всякой пользы будем плакать об этом. Да не попустит этого Господь, но лучше потщимся здесь перемениться, будем с должным усердием и благоговением внимать тому, что здесь говорится, с полной заботливостью посвятим себя добрым делам и исправлению нашей жизни, чтобы мы могли получить блага обетованные любящим Его, благодатью и человеколюбием (Господа нашего Иисуса Христа, Которому слава во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 4

"И ныне вы знаете, что не допускает открыться ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии, только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь. И тогда откроется беззаконник, которого Господь Иисус убьет Духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего, того, которого пришествие, по действию сатаны, будет со всякою силою и знаменами и чудесами ложными" (2 Фес.2:6–9).

1. Справедливо всякий может, во-первых, спросить, чтоб такое удерживающее (τό κατέχων), и потом обнаружить желание узнать, почему так неясно говорит об этом Павел? Что же такое **"не допускает[1] открыться ему"** то есть, "препятствующее"? Одни

говорят, что это благодать Св. Духа, а другие – римское государство; с этими последними я больше согласен. Почему? Потому что, если бы (апостол) хотел говорить о Духе, то не выразился бы об этом неясно, но (сказал бы) определенно, что теперь препятствует ему явиться благодать Св. Духа, т. е. (чрезвычайные) дарования. Кроме того, надлежало бы уже ему придти, если тогда он должен придти, когда оскудеют (чрезвычайные) дарования, потому что они давно оскудели. Но так как (апостол) говорит это о римском государстве, то понятно, почему он только намекает на это и до времени говорит прикровенно. Он не хотел навлечь на себя чрезмерной вражды и бесполезной опасности. В самом деле, если бы он сказал, что в непродолжительном времени разрушится римское государство, то тогда немедленно его, как возмутителя, стерли бы с лица земли, и (вместе с ним) всех верующих, как живущих и подвизающихся для этого.

Вот почему он не употребил такого выражения; не сказал также и того, что это скоро последует, хотя (прикровенно) он и говорит это всегда. Но что? **"Не допускает"**, – говорит, – **"открыться, ему в свое время. Ибо тайна беззакония уже в действии"**. Здесь он указывает на Нерона, как на прообраз антихриста, потому что и он хотел, чтобы его считали богом. Хорошо сказал он – тайна, потому что (Нерон) не так явно и бесстыдно (выдавал себя за бога), как антихрист. Итак, если еще прежде того времени, говорит, нашелся человек, который немного в злобе уступал антихристу, то что удивительного в том, если со временем явится (настоящий антихрист)? Говорил таким образом прикровенно и не хотел прямо указать на него (Нерона), не из страха, но чтобы научить нас тому, что мы не должны навлекать на себя чрезмерной вражды, когда ничто нас к этому не принуждает. Так же точно говорить он и здесь: **"только [не совершится] до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий (ὁ κατέχων) теперь"**. То есть: когда прекратится существование римского государства, тогда он (антихрист) придет. И справедливо, – потому что до тех пор, пока будут бояться этого государства, никто скоро не подчинится (антихристу); но после того, как оно будет разрушено, водворится безначалие, и он будет стремиться похитить всю – и человеческую и божескую – власть. Подобно тому как прежде того разрушены были царства, именно: мидийское – вавилонянами, вавилонское – персами, персидское – македонянами, македонское – римлянами, так и это последнее разрушено будет антихристом, а он сам будет побежден Христом и более уже не будет владычествовать. И все это с большою ясностью передает нам Даниил. **"И тогда"**, – говорит, – **"явится беззаконник"**. Что же потом? Тотчас за этим следует утешение: (апостол) прибавляет: **"которого Господь Иисус убьет духом уст Своих и истребит явлением пришествия Своего того, которого пришествие, по действию сатаны"**. Подобно тому, как огонь, когда только приближается, еще прежде пришествия своего приводит в оцепенение и уничтожает малых животных, которые даже вдали находятся, так точно и Христос одним Своим повелением и пришествием убьет антихриста. Достаточно явиться Ему, и все это погибнет. Едва только явится (Господь), и уже положит конец обольщению. Объясняя затем, кто таков тот, **"которого пришествие, по действию сатаны"** говорит: **"будет со всякою силою и знамениями и чудесами ложными"** (ст. 9). То есть, он обнаружит великую силу; но в этом ничего не будет истинного, напротив, цель всего будет составлять обольщение. (Апостол) предрек это, чтобы не прельстились, жившие тогда. И в чудесах, говорит, ложных: или обманчивых, или вводящих в обман. **"И со всяким неправедным обольщением погибающих"** (ст. 10). Для чего, ты скажешь, Бог попустит быть всему этому? И какое Его намерение? Какая польза от пришествия антихристового, если оно будет к нашей гибели? Не бойся, возлюбленный, но послушай, что говорить апостол: (антихрист) возобладает только над погибающими, которые, хотя бы он и не пришел, не уверовали бы. Какая же отсюда будет польза, ты скажешь? Та, что будут заграждены уста тех, которые осуждены на гибель. Каким образом? Они не уверовали бы во Христа, хотя бы антихрист и не пришел; но он придет с тою целью, чтобы изобличить их. Для того, чтобы они тогда не сказали: так как

Христос называл Себя Богом, – хотя Он сам нигде не сказал этого ясно, а только проповедали те, которые после Него были, – то мы по этой причине и не уверовали в Него, потому что мы слышали, что Бог един, от Которого все, и вследствие того мы не поверили, – этот их предлог (к оправданию) отнимет у них антихрист. Когда он придет и, несмотря на то, что он не заповедует ничего праведного, а только одно беззаконие, они уверуют в него, единственно ради ложных его чудес, тогда заградятся их уста. В самом деле, если ты не веруешь Христу, то тем более не должен верить антихристу. Первый говорил, что Он послан Отцом, а этот последний (будет говорить) совсем другое. Поэтому Христос и говорил: **"Я пришел во имя Отца Моего, и не принимаете Меня; а если иной придет во имя свое, его примете"** (Иоан.5:43). Но мы, скажут, видели знамения? И от Христа совершенно было много великих (чудес); поэтому гораздо более следовало уверовать в Него. Кроме того, об антихристе много было предсказано, – что он беззаконник, что он сын погибели, что пришествие его по действию сатанину; тогда как, напротив, о Христе – что Он Спаситель и принесет бесчисленные блага. **"И со всяким неправедным оболещением погибающих за то, что они не приняли любви истины для своего спасения. И за сие пошлет им Бог действие заблуждения, так что они будут верить лжи, да будут осуждены все, не веровавшие истине, но возлюбившие неправду"** (ст. 10–12).

2. **"Да будут осуждены"**. Не сказал: да получают наказание, так как и без того их ожидало наказание, но: **"да будут осуждены"**, т. е. подвергнутся осуждению на том страшном судилище, чтобы им быть безответными. Кто же это будет? (Апостол) сам изъяснил это, говоря: **"не веровавшие истине, но возлюбившие неправду"**. А любовью истины он называет Христа: **"за то"**, – говорит, **"что они не приняли любви истины"**. Христос был и то и другое, и приходил ради того и другого: по любви к людям и чтобы открыть истинное значение всего. **"Но возлюбившие"**, – говорит, – **"неправду"**. Антихрист придет на погибель человеческую, чтобы наносить людям обиды. В самом деле, чего он не сделает в то время? Все приведет в смятение и в замешательство, как посредством своих повелений, так и посредством страха. Он будет страшен во всех отношениях – и своею властью, и жестокостью, и незаконными повелениями. Но не бойся: он будет иметь силу, говорит (апостол), только над погибающими. И Илия тогда придет, чтобы поддержать верующих. Об этом говорит Христос: **"Илия должен придти прежде и устроить все"** (Мф.17:11). Потому об Иоанне сказано, что он (предъидет пред Господом) **"в духе и силе Илии"** (Лук.1:17), так как он не творил ни знамений, как Илия, ни чудес. **"Иоанн"**, – сказано, – **"не сотворил никакого чуда, но все, что сказал Иоанн о Нем, было истинно"** (Ин10:41). Что же значат слова: **"в духе и силе Илии"**? То, что (Иоанн) будет проходить то же самое служение. Как Иоанн был предтечею первого пришествия (Христа), так Илия будет предтечею второго и славного Его пришествия, и блюдетя для этого. Не будем поэтому бояться ничего: (апостол) встревожил умы слушателей, но не сделал того, чтобы они считали настоящее свое положение несчастным, напротив, показал, что за это надлежит благодарить (Бога). Потому и присовокупил: **"Мы же всегда должны благодарить Бога за вас, возлюбленные Господом братия, что Бог от начала, через (в) освящении Духа и веру истине, избрал вас ко спасению"** (ст. 13). Как избрал к спасению? Это объяснил (Апостол), когда сказал: **"через[2] освящение Духа"**, то есть, освятит вас духом и истинною верою, от чего и зависит наше спасение, а не от дел, ни от подвигов, но от истинной веры. Вот опять **"в"** (έν) употреблено вместо **"через"** (διά). **"В освящение"**, – говорит, – **"Духа, к которому и призвал вас благовествованием нашим, для достижения славы Господа нашего Иисуса Христа"** (ст. 14). И того нельзя считать маловажным, если Христос наше спасение признает Своей славой. Слава человеколюбца – в том, чтобы как можно больше было спасающихся. Велик, поэтому, Господь наш, если Он в такой мере желает нашего спасения. Велик и Дух Святой, совершающий наше освящение. Почему (апостол) сказал наперед не о вере, но об освящении? Потому, что и

после освящения мы имеем в ней великую нужду, чтобы нам не совратиться. Видишь ли, как (апостол) дает им заметить, что ничто не зависит от них, но все от Бога?

"Итак, братья, стойте и держите предания, которым вы научены или словом или посланием нашим" (ст. 15). Отсюда очевидно, что (апостолы) не все предали чрез послания, но многое сообщали и без письмени; между тем и то и другое равно достоверно. Поэтому мы должны признавать достоверным и церковное предание. Есть предание, больше не ищи ничего. Здесь (апостол) показывает, что многие колеблются (в вере). **"Сам же Господь наш Иисус Христос и Бог и Отец наш, возлюбивший нас и давший утешение вечное и надежду благу во благодати, да утешит ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом"** (ст. 16–17). Опять за увещанием следует молитва: в этом воистину состоит помощь. **"Возлюбивший"**, – говорит, – **"и давший утешение вечное и надежду благу во благодати"** Где ныне те, которые уничижают Сына потому, что Он именуется после Отца (при сообщении) благодати крещения? Вот здесь, напротив, (апостол) прежде говорит: Господь наш Иисус Христос, а потом уже: Бог и Отец Господа нашего. **"Возлюбивший нас и давший утешение вечное"**. Какое это утешение? Надежду будущих (благ). Видишь ли, как он путем молитвы старается ободрить их сердца, представляя ручательства и знамения неизреченного промысления Божия о них? **"Да утешит"**, – говорит, – **"ваши сердца и да утвердит вас во всяком слове и деле благом"**, т. е. посредством всякого доброго дела и слова. Утешение христиан состоит в том, что они не только желают делать что-нибудь доброе, но еще сверх того угодное Богу. Смотри, как он смиряет их высокомерие. **"Давший утешение"**, – говорит, – **"надежду благу во благодати."** И вместе подает добрые надежды относительно будущего. Если Бог даровал им так много по благодати, то тем более (дарует им) будущие блага. Конечно, говорит, сказал это я, а все зависит от Бога. Да утвердит, да укрепит вас, чтобы вы не колебались, не уклонялись. Это зависит сколько от нас, столько же и от Него. Следовательно, (сказанное им) относится и к догматам веры и к правилам деятельности. Утешение в том состоит, чтобы мы оставались непоколебимыми. Тот, кто не колеблется, – все, что ни пришлось бы ему перенести, переносит с великим долготерпением; напротив тот, чей ум колеблется, – не в состоянии совершить ни одного доброго или доблестного поступка; подобно какому-нибудь расслабленному, колеблется и душа, когда в ней нет убеждения, что она достигнет доброй цели. **"Итак, молитесь за нас, братья, чтобы слово Господне распространялось и прославлялось, как и у вас, (3:1).**

3. Итак, прежде он молился об них, чтобы им утвердиться (в вере). Теперь обращается к ним с просьбою, побуждая их помолиться о нем, – не о том, чтобы он не подвергнулся опасностям (он на это обрек себя), но о том, **"чтобы слово Господне распространялось и прославлялось, как и у вас"**. Просьба соединена с похвалою: **"как"**, – говорит, – **"и в вас"**. **И чтобы нам избавиться от беспорядочных и лукавых людей, ибо не во всех вера"** (ст. 2). Этим он указывает и на свои собственные опасности, что особенно и утешало их. **"От беспорядочных"**, – говорит, – **"и лукавых людей, ибо не во всех вера"** Может быть, это он говорить; о тех, которые опровергали его проповедь, восставали и враждовали против догматов веры: на это намекает он, говоря: **"Ибо не во всех вера"**. Мне кажется, что он говорит здесь не об опасностях, а о людях, которые противоречили и противодействовали его проповеди, как Именей, как Александр ковач. **"Сильно"**, – говорит, – **"противился нашим словам"** (2 Тим.4:15). Подобно тому, как если б кто говорил об отцовском наследстве, что не все удостоятся служить в царском воинстве, так и он говорит о лукавых людях, от которых он же лает избавиться, что это такие люди, которым дано не веровать. Говоря это, он в то же время ободряет их (фессалоникийцев). Следовательно, между ними были великие люди, если они имели такое дерзновение, что могли даже освободить от опасности своего учителя и облегчить для него проповедь.

Поэтому и мы то же самое к вам говорим. Пусть никто не упрекает нас в гордости; пусть никто из вас, по чрезмерному смирению, не лишает нас столь великой помощи. Мы не с таким намерением говорим это, с каким говорил Павел. Он говорил это, желая утешить своих учеников; а мы – чтобы собрать от этого некоторый великий и добрый плод. И мы сильно веруем, что, если бы все вы пожелали единодушно простереть к Богу руки (с молитвою) о нашей смирности, – мы имели бы успех во всем. Поэтому вооружимся молитвою и молениями против врагов. Если древние таким образом боролись с теми, которые были вооружены, то тем более нам должно бороться так с невооруженными врагами. Так Езекия обратил в бегство ассириян, так Моисей – Амалика, так Самуил – жителей Аскалона, так Израиль – тридцать двух царей. Если там, где нужно было употребить оружие, боевой строй, где нужно было сражаться, они, оставив оружие, прибегли к молитве, то не тем ли более должно молиться здесь, где молитвами нужно содействовать исполнению (начатого) дела? Но там, скажете вы, молились вожди за народ, а ты хочешь, чтобы народ молился за своего вождя? Знаю это и я. Но там подчиненные были люди злосчастные и презренные; потому они и спасались только дерзновением и добродетелью вождя. А ныне, когда благодать Божия приумножилась, и между подчиненными находим много, или лучше, большую часть таких, которые во многих отношениях превосходят того, кто ими управляет, – вы не должны лишать нас своего содействия. Поддержите наши руки, чтобы они не ослабели; отверзьте нам уста, чтобы они не были заграждены; молитесь Богу, молитесь Ему об этом. При том только некоторая часть из того, что совершается, служит нам на пользу, между тем все совершается ради вас: мы поставлены для вашей пользы, заботимся о ваших выгодах. Молитесь каждый и наедине, и во время общественной молитвы. Смотри, что говорит Павел: **"дабы за дарованное нам, по ходатайству многих, многие возблагодарили за нас"** (2 Кор.1:11), т. е., чтобы многим Он дал благодать. Если у людей, когда народ, собравшись, станет просить за осужденных и ведомых на смерть преступников, царь, будучи тронут мольбою множества народа, отменяет приговор, то тем более Бог тронется вашими молитвами, не ради вашей многочисленности, но ради ваших добродетелей. А мы имеем сильного врага.

В самом деле, из вас каждый печется и заботится только о самом себе, мы же обо всех вместе. Мы поставлены в таком месте на поле битвы, которое более других подвержено опасности. Дьявол нападает на нас сильнее. Так и на войне неприятель старается, прежде всех других, поразить военачальника. Поэтому туда, где он находится, устремляются дружно все воины. От этого там большое происходит смятение, так как каждый (из врагов) старается его погубить, между тем как (свои) со всех сторон окружают его щитами, желая спасти его голову. Послушайте, что говорит Давиду весь народ (говорю это не с тою целью, чтобы сравнивать себя с Давидом, – я не столько безумен, – а хочу только показать любовь народа к своему вождю): **"не выйдешь"**, – говорят, – **"ты больше с нами на войну, чтобы не угас светильник Израиля"** (2 Цар. 21:17). Смотри, как они щадили старца? Я имею великую нужду в ваших молитвах. Пусть никто из вас, как я сказал, по излишнему смирению, не лишает меня этого содействия и помощи. Если мы будем преуспевать, то и ваше положение сделается блистательнее. Если будет приумножаться наше учительство, то богатство перейдет к вам. Послушай, что говорит пророк: **"и пасли пастыри самих себя"** (Иез.34:3)? Видишь ли, как Павел усиленно требует этих молитв? Слышал ли ты, что Петр изведен был из темницы вследствие того, что о нем приносима была непрестанная молитва? Я вполне уверен, что и ваша молитва, приносимая с таким единодушием, будет иметь великую силу. Насколько, вы думаете, превосходит нашу смирность дело предстательства пред Богом и молитвы за стольких людей? Если я не имею дерзновения молиться за самого себя, то тем более за других. Ведь только тому, кто сам заслуживает одобрение и кто снискал Божие к себе благоволение, приличествует молить Бога о милосердии к другим. Напротив, как может ходатайствовать

пред Ним за другого тот , кто сам оскорбил Его? Но так как я объеблю вас отеческою любовью, так как любовь дерзает на все, то не только в церкви, но и у себя дома, прежде всего, творю молитву о вашем душевном и телесном здравии. Подлинно, никакая другая молитва столько не приличествует священнику, как та, в которой он больше молится и ходатайствуете пред Богом о благе народа, нежели о своем. Если Иов, вставая от сна, тотчас творил столь обильные (молитвы) о своих плотских детях, то не тем ли больше мы должны делать то же ради наших духовных чад?

4. Но к чему я говорю это? К тому, что, если мы творим молитвы и прошения за всех вас, несмотря на то, что мы так мало соответствуем важности этого призвания, то тем более справедливо, чтобы и вы делали то же для нас. В том, что один молится за всех, обнаруживается великая дерзость и чрезмерная самоуверенность, но когда многие вместе собираются для молитвы об одном, тогда в этом нельзя найти ничего предосудительного. Каждый делает это, полагаясь не на свою добродетель, а на многочисленность и единодушие (молящихся), которое всегда более всего умилостивляет Бога. **"Ибо, где"**, – говорится, – **"двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них"** (Мф.18:20). Если там, где только двое или трое соберутся вместе, (Христос) бывает посреди их, то тем более (Он будет находиться) посреди вас. Чего не может получить тот, кто один молится сам за себя, то он получит, молясь в собрании многих. Почему? Потому что, если не его собственная добродетель, то общее единодушие будет иметь великую силу. **"Ибо, где"**, – говорит, – **"двое или трое собраны"**. Для чего сказал Он – два? Отчего там, где будет один во имя Твое, Ты не будешь пребывать вместе с ним? Потому что хочу, чтобы все были вместе соединены и не отделялись друг от друга. Соединимся поэтому друг с другом, свяжем себя взаимно узами любви, – пусть ничто не разлучает нас. Если кто обвиняет другого, или опечален кем-либо, пусть не таит этого в душе своей, ни пред ближним, ни пред нами. Я прошу вас этой милости, –приходите к нам, обличайте, и получите от нас оправдания. **"Расспроси"**, – сказано, – **"друга твоего, может быть, не сделал он того; а если сделал, то пусть вперед не делает. Расспроси друга, может быть, не говорил он того; а если сказал, то пусть не повторит того"** (Сир.19:13,14)). Мы или оправдаемся, или, будучи осуждены, попросим прощения и постараемся впредь уже не делать того же. Это будет полезно и вам, и нам. Вы, обвиняя нас может быть и несправедливо, когда узнаете истинное положение дела, исправитесь; а мы, согрешая по неведению, можем тоже исправиться. Невнимание к этому вам не принесет пользы, – потому что предстоит наказание тем, кто скажет какое-либо праздное слово; между тем мы могли бы избавить себя от обвинений, как ложных, так и истинных: от ложных тем, что докажем их ложность, от истинных тем, что впредь не будем того же делать. В самом деле, тот, кто должен иметь попечение о столь многих, по необходимости многого не знает, и по незнанию погрешает. Если у вас каждый, кто имеет свой дом, жену, детей, рабов, которыми он управляет, – много ли их будет у него, или мало, – все равно много погрешает против этих людей, несмотря на то, что их так легко можно перечесать, не потому, чтобы сам хотел того, но потому, что бывает принужден к этому или неведением, или желанием исправить что-нибудь, – то тем более можем погрешать мы, предстоятельствуя над столь многочисленным народом. Пусть и еще умножит вас Господь, и благословит вас, малых и великих. Хотя и большое потребно попечение о множестве людей, тем не менее, мы непрестанно молимся о том, чтобы увеличилась для нас эта забота, и чтобы еще больше размножился этот народ и соделался многочисленным и несметным. Так и отцы, несмотря на то, что множество детей и причиняет им часто заботы, не желают однако лишиться ни одного из них. Во всем у нас с вами равные преимущества, и главнейшие из благ у нас с вами одни и те же. Я не в большем количестве, и вы не в меньшем приобщаемся священной трапезы, но одинаково приступаем к ней – как я, так и вы. И если я приступаю первый, то этого нисколько не должно считать чем-нибудь важным, потому что и между детьми старший первый

простирает руку к яствам, между тем ничего больше от этого не происходит: все (преимущества) у нас для всех равны. Спасительная и укрепляющая наши души жизнь подается всем с равной честью. Не от одного агнца я, а от другого – вы, но от одного и того же приобщаемся все. Все имеем одно и то же крещение; все сподобились одного и того же Духа; в одно и то же мы с вами стремимся царство; все мы равно братья Христовы; все у нас общее. В чем же состоит мое преимущество пред вами? В заботах, трудах, беспокойствах, в скорби об вас. Но нет для нас ничего приятнее этой скорби. Так и мать, печалась о своих детях, радуется своей печали; заботится о своих детях и радуется этим заботам. Хотя забота сама по себе неприятна, но когда она бывает о детях, то доставляет великое удовольствие. Я многих из вас родил, но и после этого страдаю муками рождения. Плотские матери прежде испытывают муки рождения, а потом уже рожают; здесь же даже до последнего издыхания нашего – муки рождения и (опасение), как бы и после рождения не оказался кто-либо неблаговременно родившимся. И, несмотря на то, я сильно желаю (переносить такие страдания). Хотя бы и другой, как это часто бывает, родил кого-нибудь (в жизнь духовную), тем не менее, я беспокоюсь (о рожденном), потому что мы рожаем не сами от себя, но все принадлежит благодати Божией. Если же и я, и другой – рожаем от одного и того же Духа, то не погрешит тот, кто рожденных мною назовет его детьми, и рожденных им – моими. Обо всем этом помышляйте и простирайте руки, чтобы и вы послужили к прославлению нашему, и мы – к вашему, в день Господа нашего Иисуса Христа, который да сподобимся все мы с дерзновением встретить во Христе Иисусе Господе нашем.

[1] Точный перевод: "удерживающее".

[2] В греческом тексте стоит "в освящении".

БЕСЕДА 5

"Но верен Господь, Который утвердит вас и сохранит от лукавого. Мы уверены о вас в Господе, что вы исполняете и будете исполнять то, что мы вам повелеваем. Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово" (2 Фес. 3:3–5).

1. Мы не должны, с одной стороны, все предоставляя молитвам святых, сами коснеть в праздности и стремиться к пороку и не исполнять ничего такого, что приводит к добродетели, а, с другой стороны, делая добро, не должны пренебрегать и эту помощь. Великую, поистине великую силу молитва, которую о нас (приносят Богу), но только когда и мы сами подвигаемся. Потому и Павел, молясь о них, опять удостоверяет (в успехе) тем, что даны были обетования, и говорит: **"Но верен Господь, Который утвердит вас и сохранит от лукавого"**. Если Он избрал вас к спасению, то не солжет и не позволит вам совершенно погибнуть. Но чтобы этим не привести их к беспечности и чтобы они сами, полагая, что все зависит от Бога, не предались сну, – смотри, как (апостол) и с их стороны требует содействия, когда говорит: **"Мы уверены о вас в Господе, что вы исполняете и будете исполнять то, что мы вам повелеваем"**. Итак, говорит, верен Бог и, дав обетование спасти вас, несомненно, спасет; но – как обещал. А как Он обещал? Если мы сами захотим, если будем повиноваться Ему, а не просто, не тогда, когда будем пребывать в бездействии подобно деревьям и камням. Правильно употребил (апостол) и это выражение: "уповаем па Господа", т. е. уповаем на Его человеколюбие. Опять низлагает их (гордость), показывая, что все зависит (от Бога). Если бы он сказал, что мы верим вам, то хотя в этом заключалась бы великая для них похвала, но зато он не показал

бы того, что они поставляют все в зависимости от Бога; напротив, если бы он сказал: мы уповаем на Господа, что Он сохранит вас, и не прибавил того выражения – о вас, и (другого) – **"что мы вам повелеваем"**, и творите и сотворите, то, возложив всю (надежду) на силу Божию, он соделал бы их более преданными лени. Хотя мы должны все относить к Богу, однакож и сами должны быть деятельными, должны брать на себя труды и подвиги. Здесь (апостол) показывает также, что хотя добродетель и одна достаточна, чтобы спасти нас, однако необходимо, чтобы она достигла надлежащей степени совершенства и пребывала вместе с нами до последнего нашего издыхания. **"Господь же да управит сердца ваши в любовь Божию и в терпение Христово"**. Опять хвалит их и молится о них, обнаруживая в этом свое попечение о них. Так как он намерен потом приступить в обличению, то предварительно смягчает их сердце и тем, что говорить: я уверен в вашем послушании, – и тем, что просит у них молитв о себе, – и тем, что опять молится сам (о ниспослании им) бесчисленных благ. **"Господь же"**, – говорит, – **"да управит сердца ваши в любовь Божию"**. Много есть таких предметов, которые отвращают нас от любви, и много есть путей, которые насильно влекут нас оттуда. И, во-первых, порок любостыжания, как бы охватывая нашу душу своими, так сказать, бесстыдными руками, и крепко держа ее, даже против нашей воли влечет и удаляет ее оттуда. Потом отвлекают тщеславие, и скорби, и часто также искушения. Поэтому мы нуждаемся в помощи Божией, как бы в некотором ветре, чтобы наш парус, точно каким сильным дуновением, подвигаем был к любви Божией. Не говори мне поэтому, что ты любишь Бога даже больше, нежели самого себя. Это одни слова: докажи мне посредством дел, что ты подлинно любишь Его больше себя самого. Возлюби Его больше, нежели деньги, – и тогда я поверю, что ты любишь Его больше самого себя. В самом деле, как может презирать самого себя тот, кто не презирает денег ради Бога? Но что я говорю – денег? Если ты не презираешь любостыжания, что надлежало бы исполнять и без повеления Божия, то как станешь ты презирать самого себя? **"И в терпение"**, – говорит, – **"Христово"**. Что значит: в терпение? То, что мы должны терпеть так, как терпел Христос, или что мы должны поступать так (как Он), или что мы должны с терпением ожидать Его, т. е. быть готовы (к принятию Его). Так как Он дал нам много обетований и сам придет судить живых и мертвых, то мы должны ожидать Его и быть терпеливы. Впрочем, везде, где (апостол) говорит о терпении, всегда намекает на скорби. В том и состоит любовь к Богу, чтобы терпеть и не приходиться (от этого) в смущение. **"Завещаем же вам, братия, именем Господа нашего Иисуса Христа, удаляться от всякого брата, поступающего бесчинно, а не по преданию, которое приняли от нас"** (ст. 6). То есть: не мы говорим это, но Христос: такое именно значение имеют слова: **"именем Господа нашего Иисуса Христа"**. Говоря таким образом, он показывает, с каким страхом (должно взирать) на это повеление. Повелеваем, говорит, именем Христа. Следовательно, Христос нигде не заповедал нам предаваться недейтельности. **"Удаляться"**, – говорит, – **"вам от всякого брата"**. Не говорит мне, что он богат, или что беден, или что он свят, это – бесчиние. **"Ходяща"**, – говорит, т. е. живущего. **"А не по преданию, которое приняли от нас"**. Говорит о предании, преподанном чрез дела, и в собственном смысле он всегда называет это преданием. **"Ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам; ибо мы не бесчинствовали у вас, ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас"** (ст. 7, 8). Если бы я и ел у кого, то это было бы не даром: **"Достоин"**, – сказано, – **"трудящийся пропитания"** (Мф.10:10). Но **"ни у кого не ели хлеба даром, но занимались трудом и работою ночь и день, чтобы не обременить кого из вас, не потому, чтобы мы не имели власти, но чтобы себя самих дать вам в образец для подражания нам. Ибо когда мы были у вас, то завещали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь"** (ст. 8–10).

2. Заметь, как в первом послании он рассуждает. Об этом несколько снисходительнее, – например, когда говорит: **"Умоляем же вас, братия, более преуспевать и усердно"**

стараться о том, чтобы жить тихо, делать свое [дело] и работать своими собственными руками, как мы заповедывали вам" (1 Фес.4:10–11), и нигде (не говорит им): повелеваем, не говорит также и того – во имя Господа нашего Иисуса Христа – что внушало страх и указывало на опасность, но: преуспевать, говорит, и усердно стараться, что прилично было говорить тому, кто увещевал их вести жизнь добродетельную: **"чтобы поступали"**, – говорит, – **"благоприлично"**(1 Фес.4:12). А здесь ничего подобного (он не говорит), но: **"если кто не хочет трудиться, тот и не ешь"**. В самом деле, если Павел, который не имел необходимости, а имел возможность не трудиться, взяв на себя такое великое дело, несмотря на то трудился, и не просто трудился, но ночь и день, так что мог и другим давать пособие, то тем более другие должны были так поступать. **"Но слышим, что некоторые у вас поступают бесчинно, ничего не делают, а суетятся"** (ст. 11). Так (говорит он) здесь, а там, в первом послании: **"чтобы вы поступали"**, – говорит, – **"благоприлично"**. Почему? Может быть, потому, что до сих пор ничего подобного не было; и действительно, в другом месте, увещевая, он сказал: **"блаженнее давать, нежели принимать"** (Деян.20:35). А слова: **"чтобы вы поступали благоприлично"** сказаны не по поводу какого-либо бесчиния. Поэтому он и прибавил: **"чтобы ни в чем не нуждались"** (1 Фес.4:12). Между тем здесь он указывает и на другую потребность (ради которой нужно трудиться), именно на ту, что следует делать доброе и полезное для всех, почему далее говорит: **"Вы же, братия, не унывайте, делая добро"** (ст.13), так как вообще человек, который может трудиться и между тем остается праздным, по необходимости становится суетливым. А милостыня предназначена только для тех, которые не имеют силы трудами рук своих удовлетворять своих нужд, или для наставников, всецело посвятивших себя делу учения. **"Не заграждай рта волу, когда он молотит"** (Втор.25:4), и: **"ибо трудящийся достоин пропитания"** (Мф. 10:10). Следовательно, он несколько не остается праздным, но получает мзду за труд, и при том за великий труд. А поститься и молиться, оставаясь праздным, не составляет труда рук. Трудом (апостол) называешь здесь то, когда кто трудится руками. И чтобы ты не предполагал ничего такого, он прибавлял: **"ничего не делают, а суетятся"** Таковых увещеваем и убеждаем Господом нашим Иисусом Христом (ст. 12). Так как он сильно уязвил их, то, желая сделать речь свою более кроткою, прибавил: **"Господом"**, опять показывая этим, что (слово его) заслуживает доверия и должно внушать им страх. **"Чтобы они, работая в безмолвии, ели свой хлеб"**. Почему не сказал: если они не бесчинствуют, то пусть питаются от вас; но требует от них и того и другого, – чтобы они и оставались в безмолвии, и трудились? Потому что он хочет, чтобы они, трудясь, сами себя пропитывали. Это именно значат слова: **"ели свой хлеб"**, т. е. от своих трудов, а не чужой, добываемый выпрашиванием подаяния. **"Вы же, братия, не унывайте, делая добро"** (ст. 13). Смотри, как скоро смягчилось отеческое сердце, – он не мог дальше продолжать обличение, но опять сжалился над ними. И заметь, с какою мудростью (он поступает). Не сказал: впрочем, оказывайте им снисхождение до тех пор, пока они исправятся, – но что? **"Вы же не унывайте, делая добро"** Отделяйтесь, говорит, от них и обличайте их, однако не презирайте умирающих от голода. А что, скажет кто-нибудь, если получающий от нас все в изобилии останется праздным? Против этого, говорит, я указал вам хорошее лекарство, именно: отделяйтесь от такого человека, т. е. не придавайте ему дерзновения, показывайте, вид, что вы гневаетесь на него. Это (наставление) немаловажно. Так именно мы должны наказывать брата, если действительно желаем того, чтобы Он исправился. Мы должны знать, каким образом можем наказывать. Скажи мне, если бы ты имел брата по плоти, то неужели бы ты оставил его без помощи тогда, когда он умирал бы с голоду? Я не думаю, – вероятно, ты позаботился бы об исправлении его. **"Если же кто не послушает слова нашего в сем послании"** (ст. 14). Заметь смиренномудрие Павла. Он не сказал: кто не повинуется, тот мне не повинуется; но слегка намекает на это. **"Того имейте на замечании"**. Следовательно, заповедует творить это, чтобы не были скрываемы (такого рода поступки). **"Не сообщайтесь с ним"**. И это немалое наказание. И

опять потом (прибавляет): **"чтобы устыдить его"** (ст. 14). Таким образом, он не позволяет, чтобы (наказание) простиралось сверх меры. Как выше, сказав: **"если кто не хочет трудиться, тот и не ешь"**, из опасения, чтобы те не погибли с голоду, прибавил: **"Вы же не унывайте, делая добро"**, – так и (теперь), сказав: **"того имейте на замечании и не сообщайтесь с ним"**, потом из опасения, чтобы это самое совсем не отделило его от общества братьев (а действительно, усомнившись тогда в самом себе, он мог бы вскоре погибнуть, если бы ему было отказано в ободрении), прибавил: **"Но не считайте его за врага, а вразумляйте, как брата"** (ст. 15). Этим показывает, что он назначил (виновному) великое наказание, так что оно могло лишить его всякого дерзновения.

3. В самом деле, если надлежит стыдиться тому, кто получает (милостыню) в присутствии многих (других), то какую обиду наносят ему тогда, когда подают ее еще с упреком и отворачиваясь от него? Как могут уязвить этим его душу? Если те, которые только не так охотно подают милостыню, или подают ее с ропотом, приводят в ярость получающих ее (не говори мне о бесстыдных просителях, но о верующих), то что пробуждают в них тогда, когда решаются упрекать, подавая им милостыню? Какое они должны за это понести наказание? Но мы не так (поступаем); напротив, так сильно оскорбляем просящих и с таким отвращением смотрим на них, как будто они причинили нам величайшую обиду. Ты ничего не даешь ему: отчего же ты досадуешь? Вразумляйте их, как братьев, сказал (апостол), а не оскорбляйте, как врагов. Кто вразумляет своего брата, тот делает это не всенародно, не выставляет его торжественно на позор, но втайне и с большою осторожностью, скорбя и сокрушаясь, и со слезами, и с плачем. Будем поэтому давать (милостыню) с братским усердием, будем вразумлять с братскою любовью, не о том скорбя, что даем милостыню, но скорбя о том, что он преступает заповедь. Какая будет тебе из этого польза? Если ты, дав ему милостыню, нанесешь оскорбление, то лишишься удовольствия (доставляемого тебе твоею) щедростью. А если ты и не дашь ему ничего, и оскорбишь его, то какого зла не причинишь этому жалкому и злосчастному (человеку)? Он пришел к тебе, надеясь получить от тебя милостыню, – и ушел, получив от тебя смертельную рану, и еще больше слез прольет после этого. Так как бедность заставляет его просить милостыни, между тем ему наносят оскорбление за то, что он просит, то смотри, какое наказание постигнет оскорбляющих его. **"Кто теснит бедного"**, – сказано, – **"тот хулит Творца его"** (Притч,14:31). Скажи мне: Он попустил, чтобы тот нищенствовал ради тебя, чтобы ты мог утешать себя, и ты оскорбляешь того, кто переносит ради тебя нищету? Какая жестокость! Какая неблагодарность в этом поступке! **"Вразумляйте"**, – говорит (апостол), – **"как братьев"**. И после подаяния он заповедует нам вразумлять его. Если же мы, ничего не дав ему, станем наносить ему обиды, то что после этого скажем в наше оправдание? **"Сам же Господь мира да даст вам мир всегда во всем"** (ст. 16). Смотри, как он, когда заповедует им то, что надлежит исполнять, запечатлевает свои увещания молитвою, налагая молитвы и моления, как бы некоторую печать, на то, что было отложено для хранения. **"Да даст вам"**, – говорит, – **"мир всегда во всем"**. Так как, вероятно, из этого могли произойти распри, потому что одни стали бы более настойчивы, а другие уже не стали бы давать таким столько, сколько прежде, то не без основания (апостол) молится теперь говоря: **"да даст вам мир всегда"**. Об этом именно они должны были заботиться, чтобы всегда сохранять мир. Что значит: во всяком месте? Он хочет, чтобы везде был мир, чтобы нигде нельзя было найти причины раздора. Мир везде хорош, даже и в отношении к внешним (язычникам). Послушай, что говорит он в другом месте: **"Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми"**. (Рим.12:18). Ничто столько не способствует надлежащему исполнению всего того, чего мы желаем, как пребывание в мире и тишине, как то, когда мы удаляемся от всякой вражды и не имеем у себя ни одного врага. **"Господь со всеми вами! Приветствие моею рукою, Павловою, что служит знаком во всяком послании; пишу я так: благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь"** (ст. 16–18). Он говорит, что

пишет это во всяком послании, чтобы никто не имел возможности составлять подложные послания, когда (в каждом из них) будет находиться его подпись, как достоверный признак. А целованием называет он молитву, показывая, что тогда исполнялись все духовные (обязанности) и что, когда надобно было сделать приветствие, то это соединяемо было с пользою, и что молитва была тогда не одним только знаком любви. Молитвою начал (апо-тол), молитвою и заключил (свое послание), с обеих сторон ограждая великими стенами сказанное, – положив твердое основание, присовокупил и твердый конец. **"Благодать"**, – говорит, – **"вам и мир"**. И опять: **"благодать Господа нашего Иисуса Христа со всеми вами. Аминь"**. Это завещал и Господь, когда сказал ученикам: **"и се, Я с вами во все дни до скончания века"** (Мф.28:20). Но это бывает только тогда, когда мы желаем того. Он вовсе не будет с нами, если мы сами станем удаляться от Него. С вами, говорит, пребуду во век. Не будем поэтому отгонять от себя этой благодати. (Апостол) хочет, чтобы мы удалялись от всякого брата, бесчинно ходящего. Быть отлученным от целого общества братьев тогда считалось великим бедствием. Поэтому, (апостол) подвергает всех этому наказанию. Так в другом месте, именно в послании к Коринфянам, он сказал: **"с таким даже и не есть вместе"** (1 Кор.5:11). А теперь большая часть людей считает это неважным, и все теперь смешалось и пришло в расстройство: мы без разбора, как случится, вступаем в общение с прелюбодеями, о блудниками, с лихоимцами. Если надлежало удаляться от того, кто только питался не своим трудом, то насколько больше от прочих? И, чтобы ты узнал, какой страх внушало отлучение от общения с братиею и какую пользу оно приносило тем, кто благомысленно принимал такое наказание, послушай, как тот, который гордился своим грехом, который дошел до последней степени порока, который совершил блуд, не именуемый даже у язычников, который оставался нечувствительным к своей ране (а в этом состоит крайняя степень развращения), – как этот самый человек, который был столь порочным, до того смирился и укротился, что Павел сказал потом о нем: **"Для такого довольно сего наказания от многих, И потому прошу вас оказать ему любовь"** (2 Кор.2:6, 8). (Такой человек) тогда был то же, что член, оторванный от остального тела.

4. Причина же, почему тогда это внушало такой страх, была та, что тогда считалось великим благом быть в обществе верующих. Тогда (верующие) так жили в каждой Церкви, как (живут между собою) люди, обитающие в одном доме, которые подвластны одному отцу и участвуют в одной трапезе. Поэтому, какое несчастье составляло для каждого удаление от такой великой любви? А теперь это не кажется чем-либо важным, потому что мы не считаем чем-либо важным и того, когда мы находимся во взаимном общении. Что прежде считалось в ряду наказаний, то ныне, вследствие охлаждения любви, случается и помимо наказания, и мы отделяемся друг от друга без причины, из равнодушия. Подлинно причину всех зол составляет отсутствие любви; оно разрушило и уничтожило все великое и славное в Церкви, все то, ради чего должно радоваться. Великое дерзновение (внушает) учителю (та мысль), что он может, (ссылаясь на) свои праведные дела, делать увещания своим ученикам. Поэтому Павел и сказал: **"ибо вы сами знаете, как должны вы подражать нам"**. Учитель должен больше научать жизнью, чем словом. Пусть никто не думает, что (апостол сказал) это, желая неумеренно похвалить себя: необходимость заставила его сказать это, и при том ради общей пользы. **"Ибо"**, – говорит, – **"мы не бесчинствовали у вас"**. Разве не усматриваешь в этом смиренномудрия, что он (будто) не по заслугам называет это благочинием? **"Не бесчинствовали"**, – говорит, – **"ни у кого не ели хлеба даром"**. Здесь он указывает и на то, что, вероятно, они были бедны. И не говори мне (против этого); но не все были они бедные – потому что он говорит о бедных и о тех, которые не иначе могли снискивать себе необходимое пропитание, как трудами рук. Он не сказал: пусть получают (пропитание) от своих отцов, но: **"трудящийся"**, – говорит, – **"достоин пропитания"**. Если я, говорит он, проповедник словес учения, побоялся отяготить вас, то тем более

(должен бояться) тот, кто вам не приносит никакой пользы. Это, в самом деле – отягощение. Отягощением будет также и то, когда кто дает другому что-либо не с великим усердием. Но (апостол) не на это намекает, а на тех, которые как бы по собственному желанию (принадлежали к числу) неимущих. В самом деле, отчего ты не трудишься? Бог дал тебе руки не для того, чтобы ты принимал от других, но чтобы ты сам давал другим. **"Господь же"**, – говорит, – **"с вами"**. Об этом и мы можем просить для себя, если только будем исполнять то, что заповедал Господь. Послушай, что говорит Христос своим ученикам: **"Итак идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века. Аминь"** (Мф.28:19,20). Это сказано не только к ним, но и к нам. Что не им только обещано это, но и всем тем, кто будет идти по их следам, видно из слов: **"до скончания века"**. Но для чего сказал он это и не к учителям? Каждый из вас, если захочет, может сделаться учителем, – если не для другого, то для самого себя. Научи прежде самого себя. Когда научишься всему тому, что Господь заповедал тебе соблюдать, тогда ты приобретешь себе через это многих подражателей. Подобно тому, как светильник, когда горит, может возжечь от себя множество (других), а когда будет погашен, и для самого себя не будет источать света и не будет в состоянии возжечь других светильников, так и жизнь праведная: когда в нас пребывающий свет будет светел, тогда мы, представляя в себе другим пример, можем образовать (из них) множество учеников и учителей. Не столько могут слушателям доставить пользы мои слова, сколько – наша жизнь. В самом деле, если будет, положим, какой-нибудь человек, угодный Богу и добродетелью сияющий и имеющий жену, – ведь может быть угоден Богу и тот, кто имеет и жену, и детей, и слуг, и друзей, – то скажи мне, не больше ли пользы может принести всем такой человек, чем я? Меня слушают раз или два в месяц, или даже ни разу, и то, что услышат, сохраняют в (памяти), быть может, только до церковного порога, и потом немедленно забывают; между тем, постоянно взирая на жизнь его, великую от этого получают пользу. В самом деле, если он, получив оскорбление, не воздаст за это оскорблением, то своею кротостью не возбуждает ли и не напечатлевает ли он стыда в душе нанесшего ему оскорбление? Хотя этот последний вследствие озлобления, или чувства стыда и душевного расстройства, и не тотчас сознает эту пользу, однакож он может скоро образумиться; и невозможно, чтобы самый дерзкий человек, хотя бы он был зверь, вступая в столкновение с человеком незлобивым, отошел от него, не получив великой пользы. Мы, хотя и не делаем добра, однако все хвалим добро и удивляемся ему. Равным образом и жена, видя кротость своего мужа и постоянно с ним пребывая вместе, получает от того великую пользу; то же и дитя. Таким образом, всякий может быть учителем. **"Посему увещайте"**, – говорит, – **"друг друга и назидайте один другого, как вы и делаете"** (1 Фес.5:11). Смотри в самом деле. В доме твоём случилась потеря? Жена, как более немощная и пристрастная к роскоши, приходит от этого в смущение? Но если муж любомудр и смеется над этой потерей, то он утешит ее и убедит великодушно перенести (потерю). Итак, скажи мне, не гораздо ли больше он принесет ей пользы, чем наши слова? Говорить ведь всякому нетрудно, но действовать, когда нужно, весьма трудно. Оттого-то обыкновенно человеческая природа больше может быть исправляема примером. Превосходство добродетели настолько велико, что часто даже раб наравне с господином приносит пользу целому дому.

5. В самом деле, не напрасно и не без основания Павел постоянно повелевает им (рабам) совершенствоваться в добродетели и быть послушными своим господам, заботясь не столько о том, чтобы они служили господам, сколько о том, чтобы не было хулимо слово Божие и (евангельское) учение. А когда его не будут хулить, тогда вскоре станут удивляться ему. И я знаю многие дома, которые получили великую пользу от добродетели рабов. Если же раб, находящийся под властью, может вразумлять своего господина, то тем больше господин – своих рабов. Разделите со мной, прошу вас, это служение. Я говорю ко

всем вообще, а вы (говорите) каждому в частности. И пусть каждый содействует спасению ближнего. Чтобы убедиться в том, что отцы семейств должны руководить в этом (своих домашних), послушай, куда отсылает Павел жен: **"Если же, – говорит, – они хотят чему научиться, пусть спрашивают [о том] дома у мужей"** (I Кор.14:35), – а не отправляет их к учителю. Подобно тому, как в училищах есть и между учениками учителя, так и в Церкви. (Апостол) хочет, чтобы не все утруждали учителя. Почему? Потому что от этого произойдут великие блага: вследствие того не только труд учителя становится легким, но и каждый из учеников, будучи прилежным, если будет иметь попечение, в скором времени может сделаться учителем. В самом деле, смотри, какую услугу приносит тебе жена. Она смотрит за домом, печется обо всем в доме, распоряжается служанками, одевает своими руками, бывает причиной того, что ты нарицаешься отцом семейства, удерживает тебя от зазорных домов, помогает тебе вести жизнь целомудренную, утоляет чрезмерную силу естественных пожеланий. Но и ты окажи ей благодеяние. Каким образом? Протяни ей руку (помощи) в делах духовных. Когда ты услышишь что-нибудь полезное, тогда, подобно ласточкам, сберегая это в устах своих, принеси и вложи в уста и матери, и птенцов. Не неразумно ли, в самом деле, что ты, во всем другом присвоив себе первенство и занимая место главы, в деле учения оставляешь свойственное тебе место? Начальствующий должен превосходить подчиненных не честью, а добродетелями. Последнее есть долг начальника, а первое – подчиненных. В этом заключается достоинство самого начальника. Если ты пользуешься великою честью, то это вовсе не от тебя зависит: это ты получил от других. Но если ты блистаешь добродетелью, то это всецело принадлежит тебе. Ты глава жены. Пусть же глава управляет остальным телом. Не видишь ли, что голова не столько местом возвышается над остальным телом, сколько своим попечением о нем, подобно кормчему управляя им? В голове находятся и телесные и душевные очи. Оттуда сообщается им сила зрения и способность водительства. Все остальное (в теле) назначено для служения, а голова служит для того, чтобы управлять. Все чувства в ней имеют свое начало и свой источник. Оттуда возникают органы речи, зрения, обоняния, всякое ощущение, там находится корень нервов и костей. Видишь ли, что голова возвышается (над телом) больше своим попечением о нем, чем честью? Так постараемся и мы властвовать над женами: препобедим их не тем, что будем требовать себе от них большей чести, но тем, что будем с своей стороны больше делать им добра. Я показал, что они немало благодеяний оказывают нам; но если мы захотим воздать им за то духовными благами, то мы превзойдем их. Между телесными благами нельзя найти такого, которое равнялось бы этим последним. На что в самом деле (укажешь ты)? На то, что приобретаешь много денег? Но она хранит их. Ее попечение имеет здесь равную цену и столь же необходимо. Почему? Потому, что многие, хотя приобрели множество денег, однако, не имея у себя жены, которая хранила бы их, все потеряли. Что же касается до детей, то тут вы все делаете общими силами, и от обоих равная бывает услуга. Даже в этом случае ее служение сопряжено с большими трудами, так как она постоянно носить в себе плод и подвергается мукам рождения. Таким образом, только в духовных (предметах) ты можешь иметь над нею перевес. Не будем, поэтому заботиться о том, чтобы у нас были деньги, а о том, чтобы мы с дерзновением могли представить пред Бога души, которые были вверены нашему попечению, – потому что, наставляя их, мы и себе приносим величайшую пользу. Кто учит другого, тот, если ничего больше (не приобретает), то, по крайней мере, сам на то время, когда говорит, приходит в умиление, особенно когда видит, что он сам виновен в том, в чем обличает других. Поэтому, так как чрез это мы доставляем пользу и самим себе, и им (женам), а чрез них и всему дому, и так как это прежде всего благоугодно пред Богом, то не будем уклоняться от попечения не только о своей душе, но и о душе служащих нам, чтобы за всех получить нам воздаяние, и с великим богатством войти во святой град, мать нашу – горний Иерусалим. О, если бы никто из нас не был извержен из него! Но все мы, воссияв светом благочестивой жизни, да сподобимся со многим

дерзновением узреть Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА 1-е ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

ВВЕДЕНИЕ

Тимофей был одним из учеников апостола (Павла). Лука свидетельствует (Деян.12:2), что он был юноша, достойный удивления, заслуживший одобрение от братии в Листрах и Икони. Он был в одно и то же время учеником и учителем, и при том был до такой степени рассудителен, что, хотя слышал, что Павел, проповедуя, не обязывал принимать обрезание, хотя и знал, что по этому поводу он противостоял Петру, однако согласился не только не проповедовать против (обрезания), но даже – принять таковое: обрезал его (апостол), говорит (Лука) (Деян. 16:23), когда он был уже в таком возрасте, а потом уже вверил ему управление (Церковью). Таким образом, уже одно расположение к нему Павла в надлежащей степени показывает, какой он был муж. Он свидетельствует также о нем и в другом месте, когда пишет: **"А его верность вам известна, потому что он, как сын отцу, служил мне в благовествовании"** (Флп.2:22); и опять в послании к Коринфянам говорит: **"я послал к вам Тимофея, моего возлюбленного и верного в Господе сына"** (1 Кор.4:17); и еще: **"смотрите, чтобы он был у вас безопасен; ибо он делает дело Господне, как и я"** (1 Кор.16:10); и в послании к Евреям говорит: **"Знайте, что брат наш Тимофей освобожден"** (Евр.13:23). И из весьма многих других мест всякий можете видеть великую к нему любовь (апостола). Равным образом и ныне еще совершающиеся чудеса показывают его дерзновение (пред Богом).[1]

Может быть, кто-нибудь спросит: почему (апостол) пишет только к Титу и Тимофею, между тем, как и Сила принадлежал к числу достоуважаемых людей, равно как и Лука, о котором говорит он в своем послании: **"один Лука со мною"**(2 Тим.4:10); также и Климент был одним из числа его сотрудников, потому что (апостол) и об нем говорит: **"с Климентом и с прочими сотрудниками моими"** (Флп.4:3)? Итак, почему же он пишет только Титу и Тимофею? Потому, что этим последним он уже препоручил Церкви; между тем первые сопутствовали еще ему в его путешествиях; последних он поставил на видные места. (Тимофей) был наделен такими возвышенными свойствами, что даже молодость его не составляла для него ни малейшего к этому препятствия. Поэтому (апостол) и писал: **"Никто да не пренебрегает юностью твоею"** (1 Тим.4:12), и опять: **"молодых"**, – говорит, – **"как сестер"** (5:2). Когда есть добродетель, то все имеется в изобилии и ни в чем не встречается препятствия. Потому-то и рассуждая о епископах и говоря много об них, (апостол) никогда не входит в подробное исследование касательно их возраста. Если же и говорит в своем послании, что (епископу надлежит быть) **"детей содержащий в послушании со всякою честностью; и единой жены мужу"** (1 Тим.3:4,2), то высказывает это не потому, что будто ему необходимо иметь жену и детей, а потому, что если бы случилось когда-либо возвести на это место кого-нибудь из мирян, то они должны быть таковы, чтобы уметь управлять и домом, и детьми, и всем прочим. Ведь если бы кто, кроме того, что был бы мирянином, оставался бы еще бесполезным человеком даже в такого рода делах, то как можно было бы поручить ему попечение о Церкви? Но зачем, скажешь ты, (апостол) пишет послание к ученику, когда он уже поставлен был на учительскую должность? Не надлежало ли прежде наставить его, и потом уже послать (на эту должность)? Но (Тимофей) имел нужду не в таком наставлении, какое нужно для учеников, а в таком, какое необходимо для учителя. Поэтому замечь, что во всем послании он преподает ему наставления, нужные для

учителя. Так даже с самого начала, в предисловии, он не сказал: не слушай тех, кто учит иначе, а как? – **"увещевать некоторых, чтобы они не учили иному"** (1 Тим.1:3).

[1] Вероятно, здесь святитель указывает на чудеса, которые источали мощи св. Тимофея.

БЕСЕДА 1

"Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога, Спасителя нашего, и Господа Иисуса Христа, надежды нашей, Тимофею, истинному сыну в вере: благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего" (1 Тим.1:1–2).

1. Звание апостола было великим, высоким и досточтимым; и мы видим, что Павел везде предварительно указывает на основания этого своего звания, (желая показать), что он не восхищает себе чести, но получил ее и обладает ею по необходимости. Когда он называет себя **званным** (Рим.1:1), и когда говорит: **"волею Божьею"** (1 Кор.1:1), и опять в другом месте: **"это необходимая [обязанность] моя"** (1 Кор.9:16), и когда говорит: **"для которого я поставлен"** (1 Тим.2:7), – всем этим устраняет (всякую мысль) о любочестии и гордости. Ведь как тот, кто домогается чести, которая не дана ему от Бога, подлежит строжайшему осуждению, так и тот, кто отстраняет от себя и отвергает ее, подлежит другого рода обвинениям – в непослушании и непокорности. Поэтому Павел и теперь, в начале послания к Тимофею, говорить о том же в таких словах: **"Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога"** Он не сказал здесь: Павел призванный, но: по повелению. Чтобы Тимофеем по человеческой немощи не подумал, что (апостол) говорит с ним так же, как и с прочими учениками, он таким образом и начал (свое послание). Где же Бог дал ему это повеление? В Деяниях Апостольских находим, что Дух (Божий) говорил: **"отделите Мне Варнаву и Савла"** (Деян.13:2). И везде в своих посланиях Павел прибавляет к (своему имени) имя апостола, научая слушателя не думать, что сказанное им есть слово человеческое, – потому что посланник ничего не говорит от своего лица; следовательно, назвав себя посланником, он тотчас обращает мысль слушателя к Тому, Кто его послал. Вот почему он во всех посланиях ставит это имя наперед, делая через это достоверным свое слово, – и (здесь) говорит так: **"Павел, Апостол Иисуса Христа по повелению Бога, Спасителя нашего, и Господа Иисуса Христа"**. Между тем нигде не видно, чтобы давал ему повеление Отец, а повсюду с ним говорит Христос. Что именно говорит? **"Иди; Я пошлю тебя далеко к язычникам"** (Деян.22:21), и еще: **"тебе должно предстать пред кесаря"** (27:24). Но то, что заповедует ему Сын, он называет вместе и повелением Отца, подобно как и повеление Духа именуется повелением Сына. Так например, – он послан был от Духа и избран был Духом, между тем говорит, что это было повеление Бога. Итак, что же? Не унижается ли власть Сына теме, что Его апостол был послан по повелению Отца? Нисколько: смотри, как он представляет эту власть в равной степени принадлежащую Им. Сказав: по повелению Бога Спасителя нашего, он прибавил: и Господа Иисуса Христа, упования нашего. Смотри, как правильно он дает им эти наименования. Так и Псалмопевец употребляет такое выражение, говоря об Отце: **"упование всех концов земли"** (Псал.64:6), и опять блаженный Павел, в другом месте пишет, говорит: **"Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим, что уповаем на Бога живого, Который есть Спаситель всех человеков"** (1 Тим.4:10). Необходимо, чтобы учитель подвергался опасностям, и при том гораздо больше, нежели ученики. **"Поражу пастыря"**, – сказано, – **"и рассеются овцы стада"** (Зах.13:7; Мф.26: 31). Поэтому при таком порядке вещей диавол с большою яростью нападает на учителей, потому что если они погибнут, то и все стадо

рассеется. Когда он убивает овец, он только уменьшает стадо; а если поражает пастыря, то наносит вред всей пастве. Достигая таким образом с меньшим трудом большего и в одной душе все погубляя, он более всего и нападает на них (учителей). Вот почему (апостол) тотчас в начале послания ободряет его духе, говоря: мы имеем Спасителя – Бога, и надежду – Христа. Мы много терпим, зато имеем великие надежды; мы подвергаемся опасностям, нам строят козни, но мы имеем избавителя, – не человека, а Бога. Следовательно, ни избавитель наш не изнеможет, потому что Он Бог, и, какие бы ни угрожали нам опасности, они не одолеют нас, ни надежда наша не посрамит нас, потому что наша надежда – Христос. Мы переносим несчастья, (утешая себя) двумя (мыслями), – или тем, что скоро избавимся от бедствий, или тем, что питаем себя благими надеждами. Следовательно, что бы мы ни переносили, говорит он, все настоящее ничего не значит. Но почему он нигде не называет себя апостолом Отца, а только Христа? Он все представляет общим (у Них), и самое евангелие называет Божиим. **"Тимофею, истинному сыну в вере"** И это (сказано) для утешения. В самом деле, если он показал такую веру, что сделался чадом Павла, и при том не просто, а **истинным** чадом, то он сохранит веру и относительно будущих (обетований). Вере не свойственно упасть и приходиться в смущение даже тогда, когда случится что-нибудь и несогласное с обетованием. Но вот он был сыном (Павла), и сыном **истинным**, однако вовсе не был одного и того же существа. Так что же? Ужели он был иного рода?[1] Но он не от Павла произошел, скажешь ты, – следовательно, это не указывает на то, от кого он произошел. Так что же? Ужели он был иной сущности? Не указывается и это. Сказав – чадо, (апостол) нарочно прибавил слово: в вере, чтобы показать, что он был его истинным сыном и от него произошел. Он ничем не отличался от (Павла). В вере между ними не было никакого различья. И у людей по (законам) естества случается, что сын бывает похож на отца, однако не в такой мере, как (тогда, когда это сходство имеет свое основание) в Боге, – потому что тогда сходство бывает совершеннее. Здесь, хотя они по существу одно и то же, однако различаются между собою во многих других отношениях, – цветом, видом, разумом, возрастом, характером, свойствами душевными и телесными, наружными и многими другими, или отличаются друг от друга или бывают между собою сходны; а там (в Боге) ни одно из этих различий не имеет места. (Выражение): "по повелению" сильнее, нежели – "званный", как это можно узнать и из других мест. Сходное с выражением: **"Тимофею истинному чаду"**, употребил (апостол) в послании коринфянам, когда сказал: **"я родил вас во Христе Иисусе"** (1 Кор.4:15), т. е. (родил) по вере. А слово – истинному он прибавил, желая выразить этим то, что он совершенное и большее, нежели другие, имеет с ним сходство; кроме того (хотел выразить) и свою любовь и великое к нему расположение. Вот опять в (ἐν) употребляется при слове – вера: он говорит: **"истинному чаду в вере"**. Заметь также, какая в этом похвала (для Тимофея), если (апостол) называет его не только сыном своим, но и истинным сыном. **"Благодать, милость, мир от Бога, Отца нашего, и Христа Иисуса, Господа нашего"**

2. Отчего в начале других посланий он нигде не ставит (слова) милость, а только здесь? И это от великой любви его (к Тимофею): о большем он молится для своего сына, опасаясь и трепеща за него. Он до того беспокоился об нем, что, – чего никогда не делал, – писал к нему о предметах, относящихся к телесным нуждам, когда, например, говорил: **"употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов"** (5:23), – потому что наставники нуждаются в большем снисхождении. **"От Бога"**, – говорит, – **"Отца нашего и Христа Иисуса Господа нашего"**. Здесь опять утешение. В самом деле, если Бог есть Отец, то Он печется (о людях), как о детях. Послушай, что говорить Христос: **"Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень"** (Мф.7:9)? **"Отходя в Македонию, я просил тебя пребыть в Ефесе"** (ст. 3). Послушай, как кротко он говорит к нему, не голосом учителя, а слуги. Не сказал: я приказал, или – повелел, или даже – убедил; но

что? **"Просил тебя"** Впрочем, не со всеми учениками мы должны так поступать, но только с кроткими и благонравными; а с другими, испорченными и не вполне преданными – иначе, как и сам он, в другом месте пишет, говорит: **"обличай" их "со всякою властью"** (Тит.2:15), или смотри, что он и здесь говорит: **"увещевать некоторых"**, не (говорит): умоли их, но – **"чтобы они не учили иному"**. Что это значит? Разве послание Павла, которое он написал к ним (ефесянам), было недостаточно? Достаточно было, но люди скорее готовы оказывать неуважение к посланиям. Поэтому или таким образом нужно объяснять это, или, может быть, (нужно полагать), что случилось это прежде, чем написано было послание (к ефесянам). Между тем и он сам долгое время подвизался в этом городе; здесь был храм Артемиды, здесь он испытал те бедствия. И после того, как прекратилось это зрелище, он, призвав и утешив учеников своих, вслед затем отплыл и опять прибыл к ним. Прилично впрочем, спросить: не теперь ли он поставил там Тимофея (епископом)? Ведь он говорит: **"увещевать некоторых чтобы они не учили иному"**. Он не перечисляет их по именам, чтобы гласностью обличения не сделать их еще более бесстыдными. Здесь находились некоторые лжеапостолы из Иудеев, которые хотели снова привлечь верных к закону (Моисееву), – в чем повсюду в своих посланиях обвиняет их (апостол). Между тем они делали это не столько по внушению совести, сколько по тщеславию, и из желания иметь учеников, потому что они соперничали с блаженным Павлом и питали к нему зависть. Такой смысл имеют (слова): **"учили иному"**. **"И не занимались"**, – говорит, – **"баснями и родословиями бесконечными"** (ст. 4). Баснями он называет не закон, – нет, – а ложное предание, извращенные и неправильные верования. Вероятно, эти (выходцы) из иудеев вообще заводили речь о бесполезных предметах, перечисляя дедов и прадедов, чтобы пользоваться славой великой опытности и знания. **"Увещевать"**, – говорит, – **"некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными"**. Что значит (выражение) бесконечными? Или то, что они не назначаются ни для какой цели, или то, что (не приносят) ни малейшей пользы и неудобопонятны для нас. Видишь ли, как он порицает исследование. Действительно, где есть вера, там не нужно исследование; где ничего не нужно исследовать, зачем там заниматься исследованием? Исследование разоряет веру: кто исследует что-нибудь, тот еще не нашел; кто исследует, тот не может верить. Потому-то он и говорит: не будем заниматься исследованием, потому что, если мы исследуем, то это уже не вера; вера же действует успокоительно на ум. Как же Христос сказал: **"ищите, и найдете; стучите, и отворят вам"** (Мф.7:7), и: **"Исследуйте Писания, ибо вы думаете чрез них иметь жизнь вечную"** (Ин.5:39)? В первом месте – **"ищите"** значит прошение, сильное желание; а в другом – **"исследуйте писания"** не только не налагает никакой обязанности исследования, но даже устраняет ее, потому что Он сказал: **"исследуйте Писания"**, то есть, изучайте и узнавайте их подлинный смысл не для того, чтобы вечно заниматься исследованием, а чтобы прекратить всякое исследование. И хорошо сказал: **"Увещевать некоторых, чтобы они не учили иному и не занимались баснями и родословиями бесконечными, которые производят больше споры, нежели Божие назидание в вере"** (ст. 4). Хорошо сказал: **"назидание Божие"**, –потому что Бог хотел даровать нам многое, но наш ум не объемлет величие Его домостроительства. Итак, то, что составляет величайшее лекарство для душ наших, должно совершаться при помощи веры. Наши исследования поэтому несообразны с домостроительством Божиим. А что устроится при помощи веры? То, что мы приемлем благодетия Божия, соделываемся лучшими, ни в чем не сомневаемся, ни о чем не недоумеваем и совершенно успокаиваемся. Между тем то, что совершает и устроит вера, разрушает наша пытливость, возбуждая множество вопросов и ниспровергая веру. **"Не занимались баснями"**, – говорит, – **"и родословиями бесконечными"**. И какой вред, скажешь ты, приносят эти родословия? Христос сказал, что чрез веру должно спастись; а они занимались исследованием и говорили, что это невозможно. Так как проповедание

(учения) совершалось в настоящем времени, а исполнение того, что проповедовалось принадлежало будущему, то и нужна была вера; но они, будучи заняты точным соблюдением обрядового закона, противодействовали вере. Я думаю также, что Он, когда говорит: **"баснями и родословиями"**, намекает здесь и на эллинов, потому что они тоже перечисляли своих богов.

3. Итак, не будем заниматься изысканиями. Ведь для того мы и называемся верными, чтобы несомненно верили тому, что нам сказано, чтобы мы ни в чем не сомневались. Если бы сказанное нам происходило от людей, тогда следовало бы заниматься исследованием его; но так как оно происходит от Бога, то нужно только благоговеть пред этим и верить. Если же не будем верить этому, то не будем убеждены и в том, что существует Бог. В самом деле, как ты можешь знать о том, что существует Бог, когда ты подвергаешь исследованию Его (слова)? Первый признак того, что ты знаешь Бога, состоит в том, чтобы ты верил сказанному им, не требуя ни объяснений, ни доказательств. Об этом знали даже эллины: они верили, говорят, богам, хотя эти последние говорили, не приводя никаких доказательств. Почему? Потому что они были потомками богов. Видишь ли, что и эллины знали об этом? Но зачем я говорю о богах? Они точно так поступали с человеком, чародеем и волхвом, именно с Пифагором; (у них было выражение): он сказал (*αὐτός ἐφη*). И у них вверху храмов изображено было молчание, которое, перстом сдерживая уста и прижимая им губы, указывало всем проходящим, что они должны молчать. Неужели их верования до такой степени достойны уважения, а наши не столько, или даже заслуживают того, чтобы над ними смеялись? Но разве (такая мысль) не была бы признаком крайнего сумасшествия? Учение эллинов справедливо даже было бы подвергать исследованию, потому что в нем – противоречия, и недоумения, и спорные вопросы; а наше учение непричастно ничему этому. Их учение изобретено человеческою мудростью, а наше открыла нам благодать Св. Духа; первое – безумие и сумасбродство, а последнее – в собственном смысле учение мудрости. Там нет ни ученика, ни учителя, а все наравне занимаются исследованием; здесь, будет ли это учитель или ученик, всякий должен учиться у того, у кого нужно учиться, убеждаться, а не сомневаться, верить, а не умствовать. Верою прославились и древние, и без нее все развратилось.

Но зачем я говорю о предметах небесных? Если мы обратим внимание и на то, что находится на земле, то найдем, что и здесь все основано на вере, потому что ни торговля, ни ремесла, ни что-либо иное в этом роде не может без нее существовать. Если же здесь, где все исполнено лжи и обмана, она необходима, то тем более по отношению к предметам небесным. Поэтому будем держаться ее, постараемся приобрести ее; чрез это мы освободим нашу душу от всех губительных мнений, каково, например, учение о случае и о судьбе. Если ты будешь верить, что есть воскресение и суд, то будешь иметь возможность предохранить свою душу от всех этих (зablуждений). Веруй, что Бог правосуден, – и ты не будешь верить в судьбу, которая не руководствуется справедливостью, веруй, что есть Боге, Который промышляет обо всем, – и ты не будешь верить в судьбу, которая будто бы над всем господствует; веруй, что есть наказание и царство, – и не будешь верить в судьбу, которая отнимает у нас все, что принадлежите нам, и подчиняете нас необходимости и насилию. Тебе не нужно ни сеять, ни садить, ни сражаться, ни вообще делать что-либо: волею или неволею, исполнится, что определено тебе судьбою. Какая, наконец, нужда нам и в молитве? Для чего ты хочешь быть христианином, если существует судьба? Ведь ты не будешь подлежать обвинению. Откуда искусства? Неужели тоже от судьбы? Да, говорят; и такому-то человеку судьбою определено, трудясь, сделаться мудрым. Однако укажи мне такого человека, который бы достиг знания без трудов. Но ты не можешь указать. Следовательно, знание зависит не от судьбы, а от трудов. Но отчего, говорят, такой-то человек, будучи

преступным и злым, богат, хотя от отца и не получил наследства, а другой, до бесконечности трудясь, остается бедным? Впрочем, такими вопросами занимаются те, которые все основывают только на богатстве и бедности, а не на пороке и добродетели. Но здесь ты не то говори, а скажи: сделался ли кто-нибудь злым, несмотря на то, что ревностно старался (быть добрым), или добрым – живя в совершенной беспечности? Если судьба имеет такую силу, то пусть она покажет эту власть над тем, что важнее всего, – над добродетелью и пороком, а не над богатством и нищетою. Опять – почему, говорят, один страдает от болезни, а другой наслаждается здоровьем, один находится в славе, а другой в презрении? Почему у одного все идет согласно с его желанием, а у другого бесчисленные всюду препятствия? Откажись от веры в судьбу, и ты узнаешь – почему. Твердо веруй, что есть Бог Промыслитель, и ты будешь понимать это ясно. Но не могу, говоришь, потому что неустройство в положении дел (на земле) не дает возможности предполагать существование Промысла. Если все это зависит от Бога, то как я могу верить, что Бог, будучи благ, дает богатство развратнику, преступнику и корыстолюбцу, а человеку доброму – нет? Как мне верить? Верить нужно, соображаясь с тем, что бывает на деле. Хорошо; итак это зависит от судьбы. Руководствуется ли она справедливости, или нет? Ты скажешь: она несправедлива. Кто же создал ее? Ужели Бог? Нет, скажешь, она ни от кого не произошла. Но как же она, не происшедши ни от кого, делает все это? Ведь это противоречит одно другому. Следовательно, вообще это – не Божие дело. Займемся поэтому исследованием вопроса: кто сотворил небо? Ты скажешь – судьба. Кто землю, кто море, кто времена года? Следовательно, если она в вещах бездушных учредила такой прекрасный порядок, такую стройность, то каким образом в нас, для которых и существует все это, допустила такое нестроение? Это было бы похоже на то, если бы кто-нибудь заботился о доме, желая сделать его удивительно хорошим, а о домочадцах своих не имел бы ни малейшего попечения. Кто сохраняет преемство времен года? Кто определил столь стройные законы природы? Кто дал порядок течению дня и ночи? Это выше той судьбы. Нет, говорят, это само собою произошло. Но каким образом такой порядок мог явиться сам собою? Откуда же, скажешь, эти богачи, наслаждающиеся здоровьем и пользующиеся славою, (которые получили богатство) – одни с помощью корыстолюбия, другие – путем наследства, третьи – посредством насилия. Почему же Бог попускает злым благоденствовать? Потому, что воздаяние по заслугам не здесь, а в будущем веке. Поэтому ты мне там укажи что-нибудь подобное этому. Прежде дай мне, пока я еще здесь, говоришь ты; а там я ничего не стану искать. Но ты и не получаешь потому, что ищешь. Если ты, не испытав еще удовольствий, так сильно домогаешься их, что предпочитаешь их будущим благам, то тем более (ты стал бы искать этих последних), если бы ты вкусил чистейших удовольствий. Потому-то (Бог) показывает тебе, что (земные блага) ничтожны, что они составляют нечто безразличное; если бы они не были чем-то безразличным, то Он не дал бы их и тем. Скажи мне: разве не все равно – быть черным, или высоким, или небольшого роста? Так и богатство. Скажи мне: разве не в равной мере дано всем то, что нам необходимо, именно способность к добродетели, разделение духовных дарований? Если бы ты знал, каковы Божии благодеяния, то, пользуясь ими наравне с другими, ты не огорчался бы неравномерным распределением земных благ и, зная равномерное разделение первых, не домогался бы изобилия последних. Подобно тому как слуга, который, получая от господина пищу, одежду и кров и пользуясь всем прочим наравне с другими, потому только, что имел бы волоса на голове длиннее и ногти больше, стал бы думать, будто он имеет более, нежели другие, – таким же образом и тот (кто наделен земными благами) напрасно стал бы много думать о том, чем пользуется только до времени. Для того (Бог) и лишает нас (благ земных), чтобы охладить в нас страсть к ним и все наши желания отвлечь от них, направить к благам небесным. А мы и этим не вразумляемся. Как отец, когда его дитя имеет какую-нибудь игрушку, которую ставит выше предметов необходимых, отнимает у ребенка игрушку, чтобы заставить его хотя бы поневоле

обратиться к предмету важнейшему, так и Бог употребляет все меры, чтобы привести нас на небо. Но ты скажешь: почему Он позволяет богатеть злым? Потому что Он не очень заботится об них. А почему добрым? Этого Он не делает, а только попускает. Впрочем, теперь говорю об этом только слегка, имея в виду таких людей, которые не знают Писаний. Если бы вы хотели верить и внимать слову Божию, то мне не нужно бы было говорить того, что сказал я теперь, потому что из слова Божия мы все бы узнали. Но чтобы ты вполне убедился, что ничего не значат ни богатство, ни здоровье, ни слава, – укажу тебе на тех многочисленных людей, которые и могли бы разбогатеть, но не приобретают ничего, и могли бы наслаждаться здоровьем, но изнуряют свое тело, и могли бы пользоваться славой, но употребляют все меры, чтобы быть в презрении. Между тем, кто добр, тот никогда не стремится сделаться злым. Поэтому перестанем искать здешних благ, и будем стремиться к небесным. Таким образом мы можем и получить их и будем в состоянии насладиться вечною пищею, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу с Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] В тексте читается *άλωγος* – животное. Но более вероятно – *άλλογενής* – или *άλλων γένους* – иного рода.

БЕСЕДА 2

"Цель же увещания есть любовь от чистого сердца и доброй совести и нелицемерной веры, от чего отступив, некоторые уклонились в пустословие, желая быть законоучителями, но не разумея ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают. (1 Тим.1:5–7).

1. Ничто не приносит такого вреда человеческому роду, как пренебрежение дружеских отношений и малая заботливость о сохранении их; равно и наоборот – ничто не может дать такого хорошего направления, как старание поддерживать их всеми силами. На это самое указывая, Христос говорит: **"если двое из вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, чего бы ни попросили, будет им"** (Мф.18:19); и еще: **"и, по причине умножения беззакония, во многих охладеет любовь"**(24:12), Это послужило источником всех ересей. В самом деле, вследствие того, что люди не любят братьев своих, они завидуют тем, которые пользуются уважением, от зависти же происходит властолюбие, а от властолюбия проистекают ереси. Потому-то и Павел, сказав: **"Увещевать некоторых, чтобы они не учили иному"**, показывает путь, каким можно достигнуть этого. Что же составляет этот путь? Любовь. Подобно тому, как, когда он говорит: **"конец закона – Христос"** (Рим.10:4), то есть, исполнение, – первое соединяется с последним, так и эта заповедь имеет опору любовь. Цель врачебного искусства – здоровье; поэтому, когда есть здоровье, тогда немного нужно заботы; и когда есть любовь, немного нужно заповедей. Но о какой любви говорит он? Об искренней, которая не ограничивается одними словами, но проистекает из душевного расположения и благомыслия и сострадания. **"От чистого"**, – говорит, **"сердца"**, то есть, из прямодушного обращения, или искренней дружбы. Ведь и нечистая жизнь производит расколы: **"ибо всякий, делающий злое, ненавидит свет"** (Ин.3:20). Дружба бывает и между людьми злыми, например разбойники любят разбойников, и человекоубийцы человекоубийц; но это происходит не от доброй совести, а от злой, не от чистого сердца, а от нечистого, не от непритворной веры, а от притворной и лицемерной. Вера открывает нам то, что истинно, и от искренней веры рождается любовь, потому что тот, кто

истинно верит в Бога, никогда не согласится удалиться от любви. **"От чего"**, – говорит, – **"отступив, некоторые уклонились в пустословие"**. Хорошо сказал: **"отступив"**, – потому что нужно искусство для того, чтобы прямо в цель направлять удары, а не мимо ее. Поэтому необходимо, чтобы они были управляемы Духом Святым; много есть причин, которые совращают с прямого пути, – между тем только одну цель нужно иметь в виду. **"Желая"**, – говорит, – **"быть законоучителем"**. Видишь ли, есть и другая причина тому – властолюбие. Потому и Христос говорит: **"вы не называйтесь учителями"** (Мф.23:8), и опять апостол: **"не соблюдают закона, но хотят, чтобы вы обрезывались, дабы похвалиться в вашей плоти"** (Гал.6:13). Они, говорит он, домогаются почестей, и потому на истину не обращают внимания. **"Не разумея"**, – говорит, – **"ни того, о чем говорят, ни того, что утверждают"** Здесь он обвиняет их в том, что они не знают ни цели закона, ни того, до какого времени должно было продолжаться его господство. Но отчего ты, если это происходило от неведения, называешь это грехом? Оттого, что они делали это не потому только, что хотели быть законоучителями, но и потому, что не имели любви; кроме того, и неведение отсюда получило свое начало. Действительно, когда душа предается предметам плотским, тогда притупляется ее пронизательность; а когда она уклонится от любви, тогда овладевает ею желание спорить и помрачается ее умственный взор. Тот, в ком укореняется привязанность к этим скоро преходящим (предметам), будучи упоен страстью, не может уже быть нелицеприятным судьей истины. **"Не понимают"**, – говорит, – **"что утверждают"** Вероятно, они рассуждали о законе и много говорили об очищениях и о других внешних обрядах. Вслед затем, оставив опровержение (их учения), – потому что оно не имело никакого значения, разве только служило сению и образом предметов духовных, – он обращается к тому, что было гораздо более приятным. К чему именно? Он восхваляет закон, называя законом десятословие. Между тем он исключает первые (обрядовые постановления) из последнего (закона), потому что если самые эти (предписания закона) наказывают преступников, и остаются для нас бесполезными, то тем более первые (обрядовые постановления). **"А мы знаем"**, – говорит, – **"что закон добр, если кто законно употребляет его, зная, что закон положен не для праведника"** (ст. 8, 9). Он говорит, что (закон) хорош и нехорош. Как же это, скажешь ты, ужели он становится нехорошим оттого, что кто-либо не исполняет его, как следует? И тогда он остается хорошим; но сказанное им имеет такое значение: если кто исполняет его на деле, – выражение: **"если кто законно употребляет его"** здесь должно быть так понимаемо. Когда же изъясняют его на словах, а на деле преступают, это, значит, исполнять его не как следует. Исполняет его и этот, но не на собственную пользу.

Впрочем, и другое нечто можно сказать об этом. Что же именно? То, что если надлежащим образом будешь исполнять закон, то он приведет тебя к Христу. В самом деле, так как цель закона состоит в оправдании человека, а между тем он не в состоянии (этого сделать), то он приводит к Тому, Кто может (исполнить это). Впрочем, можно и иным образом исполнять закон, как следует, – именно, когда ты будешь соблюдать его от избытка (доброе расположение). Что же значить выражение – от избытка? Подобно тому, как говорят, что конь надлежащим образом употребляет удила, когда он не прыгает и не кусает, а просто носит их, как украшение, так и закон исполняет надлежащим образом тот, кто целомудренно живет не вследствие необходимости от буквы (закона). Итак, кто же будет надлежащим образом исполнять его? Тот, кто знает, что он не имеет в нем нужды. Кто достиг до такого нравственного совершенства, что исполняет закон не ради страха пред ним, а ради одной добродетели, тот правильно и непреткновенно исполняет его, то есть, когда кто-либо исполняет его как человек, который не боится его, а скорее с неодобрением обращает взор свой на положенные в нем наказания. С другой стороны праведником он называет здесь того, кто уже усовершенся в добродетели. Следовательно, тот хорошо исполняет закон, кто не нуждается в его руководстве.

2. Подобно тому, как первые начала грамоты преподаются детям, между тем тот, кто восполняет их не от них, а из других (источников), приобретает большую опытность в учении и гораздо лучше пользуется знанием, так и тот, кто выше закона, уже не руководится законом, потому что кто исполняет его не из страха, а по любви к добродетели, тот гораздо совершеннее исполняет его. Следовательно, неодинаково исполняет закон тот, кто боится наказания, и тот, кто ищет чести; неодинаково также – тот, кто находится под законом, и тот, кто выше закона. Надлежащим образом исполнять (закон) значит жить лучше, нежели предписывает закон, потому что тот хорошо исполняет и соблюдает закон, кто делает больше, чем то, что велит закон, – кто не нуждается в руководстве его. Закон по большей части запрещает зло; между тем не чрез это, но чрез добрые дела человек становится праведным. Поэтому те, которые воздерживаются от злых дел, как рабы, еще не выполняют цели закона; следовательно, он назначен для того, чтобы наказывать преступление. Таким образом, и те тоже исполняют закон, но потому только, что боятся наказания. **"Хочешь ли не бояться власти? Доброе твори"** (Рим.13:3). Поэтому можно сказать, что (закон) одним только преступным предвещает наказания; между тем, какую пользу может принести закон тому, кто творит (дела), заслуживающие венцов? Таким же образом и врач полезен тому, кто имеет язвы, а не здоровому, не тому, кто находится в хорошем положении. **"Но для беззаконных"**, – говорит, – **"и непокорливых, нечестивых и грешников"** (ст. 9). Беззаконными он называет иудеев, равно как и непокорными. **"Закон"**, – говорит, – **"производит гнев"** (Рим.4:15): это относится к тем, которые делают зло. Что же (должно относить) к тому, кто достоин чести? **"Законом"**, – говорит, – **"познается грех"** (Рим. 3:20). Каким образом это должно относить к праведнику? **"Закон"**, – говорит, – закон **"положен не для праведника"** (ст. 9). Почему? Потому что он не подлежит наказанию, – потому что он не дожидается того, чтобы (закон) научил его тому, что нужно делать, – имея внутри себя наставляющую его благодать Св. Духа. Закон дан для того, чтобы страх и угрозы удерживали (от преступления). Между тем не нужна узда для смиренной лошади, и не нужно наставление тому, кто не имеет недостатка в наставнике. **"Но для беззаконных"**, – говорит, – **"и непокорливых, нечестивых и грешников, для оскорбителей отца и матери"** (ст. 9). И не остановился на этом, не удовольствовался одним общим указанием грехов, а перечислил грехи в частности, чтобы заставить стыдиться исключительного последования закону. Затем, исчислив частные виды грехов, он сказал об них и вообще, хотя и сказанного довольно было для того, чтобы удалить (от греха). О ком же он это говорит? Об иудеях, потому что они были отцеубийцами и матереубийцами, они были неправедны и скверны; на них намекает он, когда говорит: нечестивым и грешником. Если же они были таковы, то по необходимости дан был закон. В самом деле, скажи мне, разве они не часто поклонялись идолам? Разве не покушались побить камнями Моисея? Разве руки их не были исполнены убийства самых близких сродников? Разве не обличают их в этом постоянно пророки? Между тем, кто мудрствует о небесном, для того излишними становятся все эти (обличения). **"Для оскорбителей"**, – говорит, – **"отца и матери, для человекоубийц, для блудников, мужеложников, человекохищников, клеветников, скотоложников, лжецов, клятвопреступников, и для всего, что противно здравому учению"**, (ст. 10). Хорошо сказал: **"здравому учению"**, – потому что (все эти преступления) составляют болезнь души развращенной. **"По славному благовестию"**, – говорит, – **"блаженного Бога, которое мне вверено"** (ст. 11). Поэтому и ныне нужен закон для утверждения Евангелия; между тем для тех, кто верует в него, он не нужен. А благовестием славы он называет его не по другой какой причине, как ради тех, которые стыдятся гонений и Христовых страданий. Впрочем, отчасти и по другим причинам, отчасти и ради этого он называет (Евангелие) благовестием славы, показывая, что страдание Христа составляет (Его) славу, или даже (может быть) он намекает на будущие (обетования). Хотя настоящее (наше состояние) исполнено стыда и поношения, за то будущее будет вовсе не таково: между

тем благовестие относится к будущему, а не к настоящему времени. Почему же ангел говорил: **"ибо ныне родился вам в городе Давидовом Спаситель, Который есть Христос Господь;** (Лук.2:10)? Потому что Родившийся имел в будущем соделаться Спасителем, потому что не вдруг после того, как родился, Он начал творить чудеса. **"По славному"**, –говорит, – **"благовестию блаженного Бога"**. Славы: он говорит, здесь или о богочтении, или (выражает ту мысль), что если и в настоящем все исполнено славы Его, то тем более в будущем, когда, говорит, положены будут враги Его под ноги Его, когда ничто уже не будет сопротивляться Ему, когда праведники узрят все эти блага, которых ни око не видело, ни ухо не слышало, ни на сердце человеку не восходило. **"Хочу"**, – говорит (Христос), – **"чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою, которую Ты дал Мне "** (Ин.17:24).

Научимся поэтому узнавать, каковы эти люди, – и ублажим их, помышляя о том, какими благами они будут наслаждаться, какой славы, какого света они соделаются участниками. Здешняя слава ничтожна и непостоянна, и если даже остается при нас, то остается только до смерти, а потом совершенно исчезает, потому что **"не пойдет за ним"**, –говорится, – **"слава его"** (Пс.48:18); а для многих она не продолжалась даже до смерти. Между тем о той славе нельзя думать ничего подобного, а совершенно напротив, она остается навсегда и никогда не будет иметь конца. Таково свойство вещей божественных,– они постоянны, не подвергаются ни переменам, ни разрушению. Слава тогда (будет зависеть) не от внешних, а от внутренних (предметов); именно эта слава будет состоять не в ризах многоценных, не в множестве прислуги, и не в колесницах, но, без всего этого, сам человек будет облечен славою. Теперь, если нет этого, то нет и славы, а там не так. В банях мы видим нагими и знатных, и незнатных, и даже преступных; и на торжищах многие нередко подвергались опасности, когда слуги их по какой-нибудь надобности оставляли их. А там славу свою (человек) будет иметь всегда при себе. И подобно тому, как ангелы, куда бы ни явились, имеют славу сами в себе, так и святые. Или еще лучше, как солнце не нуждается в одежде, не имеет надобности ни в чем другом, но как только является, вместе с ним открывается и блеск его славы, – так будет и тогда.

3. Будем поэтому стремиться к этой славе, досточтимее которой нет ничего; оставим ту, презреннее которой нет ничего. **"Не хвались"**, – говорится, – **"пышностью одежд"** (Сир.11:4), – это издревле внушаемо было детям. Действительно, и плясун, и блудница, и актер одеваются в более светлые и многоценные ризы, нежели ты. И, кроме того, ты тщеславишься такою вещью, на которую если нападет моль, то лишит тебя доставляемого ею тебе удовольствия. Видишь ли, как непостоянна слава в настоящей жизни? Ты хвалишься такою вещью, которую черви производят и истребляют, – потому что, говорят, в Индии находятся какие-то насекомые, которыми приготавливаются эти ткани. Прибрати, если хочешь, одежду, которая соткана из предметов горних, – чудное и светлое одеяние, ризу воистину золотую. Только это золото не принадлежит к числу металлов, которые выкопаны руками преступников, но рождается от добродетели. Облечемся в эту одежду, которую устроят не бедные люди и рабы, а сам Господь. Но ты скажешь, что одежда эта испещрена золотом. А какое это имеет к тебе отношение? Ведь все удивляются устроившему ее, а не тому, кто в нее облачается, – потому что, в самом деле, первый достоин удивления. Так, ведь, и относительно обыкновенной одежды мы удивляемся не дереву, на котором одежда развешивается в ваяльне, но тому, кто трудится около нее, несмотря на то, что дерево носит ее и она развешивается на дереве. Подобно тому, как та развешивается не ради нужды, а для пользы самой же одежды, чтобы, как говорят, вытрясти из нее пыль и чтобы не ела ее моль, так и эта. Итак, не крайнее ли будет это безумие так много заботиться о том, что не имеет никакого значения, – придумывать для этого всевозможные средства, погублять собственное спасение, пренебрегать геенну, Богу досаждать, презирать Христа алчущего? Что еще кто

скажет о драгоценных ароматах – индийских, аравийских, персидских, сухих и влажных, о мазях и благовониях, (приобретение) которых соединено с большими и бесполезными издержками? Зачем ты, жена, умащаешь тело свое, внутри исполненное нечистоты? Зачем разоряешь себя для вещи зловонной и поступаешь так, как если бы кто благовонную мазь бросал в грязь, или бальзамом стал обливать кирпичи? Есть, если хочешь, ароматы, есть благовонная мазь, которою ты можешь умастить душу и которая приносится не из Аравии, не из Эфиопии, и не из Персии, а с самого неба, – которая покупается не за золото, а добрым расположением воли и непритворною верою. Купи себе этого благовония, запах которого может наполнить собою всю вселенную. Он распространялся от апостолов: **"Ибо мы Христово благоухание"**, – говорит, – **"для одних запахов смертоносный на смерть, а для других запах живительный на жизнь"** (2 Кор. 2:15, 16). Что же значит это? Сказывают, будто свинья задыхается от благовония. И не только тела апостолов, но и самые их одежды источали воню духовного благоухания; такое истекало благовоние от одежд Павловых, что они прогоняли демонов. Ужели это благовоние не было приятнее и полезнее всяких цветов, всяких пряных корений, всякой благовонной мази? Если оно прогоняло демонов, то чего еще другого оно не могло сделать? Будем поэтому готовить эту благовонную мазь; а готовится ее благодать Св. Духа посредством милостыни. Воню этого благоухания будем источать, когда отойдем туда, и привлекать ею к себе святых; и подобно тому, как здесь намащенные благовониями привлекают к себе всех и, когда войдет кто-либо источающий благоухание в баню или в церковь, или в какое-нибудь другое многолюдное место, то все приближаются к нему, всех привлекает он к себе, – так точно и в том мире, когда войдут туда души, от которых будет истекать воня благоухания духовного, то все будут объаты удивлением, все посторонятся. Даже здесь (к этой душе) ни демоны, ни какой бы то ни было порок не смеют подойти и пребывать с нею, потому что задыхаются. Будем поэтому окружать себя этим благоуханием. Одно благоухание распространяет об нас такое мнение, что мы изнежены; а другое – что мы мужественны и воистину достойны удивления, и дает нам великое дерзновение. Это благовоние не на земле произрастает, а рождается от добродетели; оно никогда не увядает, а всегда цветет; оно соделывает достойными уважения тех, кто обладает им. Им помазуемся мы, когда принимаем крещение; тогда от нас истекает приятное благоухание; а чтобы и потом мы источали его, это зависит уже от нашего старания. Вот почему в древности священники и были помазуемы миром, чтобы показать в этом знамение добродетели, потому что священник должен источать приятное благоухание. Между тем нет ничего зловоннее греха. Посмотри, как описывает его природу пророк: **"смердят, гноятся раны мои"** (Пс.37:6). И действительно, грех хуже и зловоннее всякой гниющей язвы. В самом деле, скажи, что может быть зловоннее блудодеяния? Если ты не чувствуешь этого в то время, когда грех совершается, то подумай о том по совершение его, и ты увидишь тогда его зловоние, отвратительную нечистоту, скверну и мерзость его.

Таков вообще грех. Прежде чем он будет сделан, он еще доставляет некоторую приятность, а после того, как уже совершится, приятность проходит и исчезает, и на место ее являются горечь и печаль. Совершенно наоборот праведность: вначале она приносит труды, а под конец – удовольствие и успокоение. Там и удовольствие не бывает удовольствием оттого, что впереди ожидает стыд и наказание; а здесь опять и труд не в труд оттого, что есть надежда на награду. Скажи мне, что такое пьянство? Не доставляет ли оно удовольствие только в то время, когда пьешь? Вернее же, даже и во время самого питья (оно не приносит удовольствия). Когда (человек) впадает в бесчувствие, и не видит никого из присутствующих, но становится хуже беснующегося, то какое уже тут удовольствие? Кроме того, и в самом блудодеянии нет никакого удовольствия. Когда душа, одержимая страстью, теряет сознание, то какое это удовольствие? Если это удовольствие, то и чесотка будет составлять удовольствие. Я называю истинным

удовольствием то, когда душа не находится в страстном состоянии, в котором тело порабощает ее себе и развлекает ее. Что за удовольствие скрежетать зубами, ворочать глазами, ощущать щекотание и воспламеняться больше, нежели прилично? Это состояние до такой степени далеко от того, чтобы быть удовольствием, что мы спешим поскорее избавиться от него, а потом, избавившись, скорбим. Если это – удовольствие, то не удаляйся от него, а продолжай наслаждаться удовольствием. Видишь ли, что здесь одно только название удовольствия? Между тем предлагаемые нами удовольствия не таковы, – напротив они воистину бывают приятны, они доставляют не исполненное жара наслаждение, но оставляют душу свободною и расточают радость и веселье. Таким удовольствием наслаждался Павел, который говорит: **"я и тому радуюсь и буду радоваться"** (Флп.1:18), – и еще: **"Радуйтесь всегда в Господе"** (4:4). То (первое) удовольствие соединяется со стыдом и осуждением, оно совершается скрытно и исполнено бесчисленных неприятностей, а последнее от всего этого свободно. Будем поэтому стремиться к нему, чтобы получить будущие блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

"Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение, меня, который прежде был хулителем и гонителем и обидчиком, но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии; благодать же Господа нашего (Иисуса Христа) открылась [во мне] обильно с верою и любовью во Христе Иисусе" (1 Тим.1:12–14).

1. Мы видим, что смиренномудрие приносит великую пользу, но нигде его скоро не обретаем; правда, (мы встречаем) величайшую униженность; на словах, даже больше, нежели следует, но истинного смиренномудрия нигде не находим. Блаженный же Павел до того желал стяжать его, что повсюду измышлял много причин к тому, чтобы соделывать смиренною свою душу. И так как более всего должны трудиться те, – когда они желают стяжать смиренномудрие, – которые сознают, что совершили важные подвиги, то вероятно и он терпел великое (в этом отношении) насилие от сознания сделанного им добра, которое, подобно сильному течению воды, влекло его к надменности. Поэтому смотри, что он и здесь делает. Он сказал, что мне вверено благовествование славы Божией – благовествование, коего участниками не могут быть те, которые еще придерживаются закона. Он противопоставляет одно другому, и полагает между ними такое расстояние, что кто придерживается последнего, тот еще не достоин соделаться участником первого, – подобно тому, как если бы кто сказал, что тех, которые нуждаются в узах и наказании, нельзя еще причислить к сонму любомудрых. И так как он (прежде) превознес себя и сказал о себе много великого, то (теперь) в одно время и себя смиряет, и других увещевает то же самое сделать. Написав: **"которое мне вверено"** (ст. 11), он немедленно смиряет самого себя, чтобы ты не подумал, что он говорил это вследствие гордости. Итак, смотри, какой он употребляет (оборот речи), чтобы поправить (прежде сказанное), когда присовокупляет и говорит: **"Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего, что Он признал меня верным, определив на служение"**. Видишь ли, как всегда он скрывает свои заслуги, и все приписывает Богу, – впрочем, так, что чрез это не уничтожает свободы воли? Неверующий, вероятно, мог бы сказать: если все принадлежит Богу и мы сами от себя, ничего не привносим, но (Бог), подобно деревьям и камням, обращает нас от порока к любомудрию, то почему Он сделал таким Павла, а Иуду нет? Поэтому, смотри, с каким благоразумием выражается, предотвращая такое возражение. **"Которое"**, – говорит, – **"вверено мне"**. Это составляет его заслугу и честь, но не все принадлежит ему; смотри,

что он (далее) говорит: **"Благодарю давшего мне силу, Христа Иисуса"**, – это относится к Богу; затем опять указывает на то, что принадлежит ему: **"что Он признал меня верным"** – конечно, потому, что он желал сам от себя содействовать этому. **"Определив"**, – говорит, – **"меня, который прежде был хулитель и гонитель и обидчик, но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии"**. Смотри, как он говорит и о том, что принадлежит ему, и о том, что принадлежит Богу; но Промыслу Божию приписывает больше, а то, что ему принадлежит, уничижает, впрочем, так, чтобы, как я прежде сказал, чрез это не уничтожить свободы воли? Что же значит: **"давшего мне силу"**? Послушай. Он подъял на себя великое бремя, и ему нужно было большое содействие свыше. Посуди, в самом деле, как трудно было устоять против ежедневных поруганий, укоризн, наветов, опасностей, споров, порицаний, смертей и не придти в уныние, не пасть духом, не поколебаться и, несмотря на то, что отовсюду каждый день бросали в него целые тысячи стрел, стоять с твердым, бестрепетным видом! Это было выше человеческих сил, хотя и не зависело от одного содействия Божия, но и от свободной его воли. Что Бог избрал его, предвидев, каков он будет, – послушай, что говорит (сам Бог) еще прежде, нежели (апостол) приступил к проповеди: **"ибо он есть Мой избранный сосуд, чтобы возвещать имя Мое перед народами и царями и сынами Израилевыми"** (Деян.9:15), Подобно тому, как те, которые носят на войне царское знамя, обыкновенно называемое лавурон (λάβουρον)[1], должны обладать великою силой и опытностью, чтобы не предать его врагам, так и те, которые носят имя Христово не только во время войны, но и во время мира, должны иметь много твердости, чтобы не предать его хульным устами, но мужественно держать и нести крест. Воистину великая нужна сила для того, чтобы носить имя Христово. Тот, кто говорит, или делает, или в мысли имеет что-нибудь недостойное, не носит Его имени и не имеет в себе Христа. Между тем тот, кто носит (это имя), торжественно шествует не чрез торжище, а чрез небеса; (при виде его) всех объемлет трепет, ангелы сопутствуют и удивляются ему. **"Благодарю"**, – говорит, – **"давшего мне силу, Христа Иисуса, Господа нашего"** Смотри – он благодарит Бога даже и за то, что принадлежит ему самому. За то, что он – избранный сосуд, он приносит Ему благодарность. Это же тебе принадлежит, блаженный Павел, потому что Бог нелицеприятен. Но я благодарю, говорит, за то, что Он удостоил меня этого служения, потому что это составляет признак того, что Он считает меня верным. Подобно тому, как в доме управляющий не только бывает благодарен господину за его доверие, но и поставляет последнее признаком того, что (господин) считает его более достойным доверия, нежели других, так точно и здесь. Затем смотри, как он, описывая прежнюю свою жизнь, превозносит милость и человеколюбие Божие. **"Который прежде был"**, – говорит, – **"хулитель и гонитель и обидчик"**. Он гораздо снисходительнее выражается даже тогда, когда говорит об иудеях, несмотря на то, что они и в это время оставались в неверии: **"ибо свидетельствую им"**, – говорит, – **"что имеют ревность по Боге, но не по рассуждению"** (Рим.10:2); а о себе говорит, что он был хулителем, и гонителем, и досадителем. Видишь ли его смирение, как он несамолюбив, какая у него смиренная душа? Он не довольствуется тем, что назвал себя хулителем и гонителем; а (показывает еще), что он делал это с особенным ожесточением. Я не только, говорит, в себе укреплял зло и не довольствовался тем, что сам был хулителем, но еще преследовал тех, которые хотели жить благочестиво. (Я довел) богохульство до величайшего неистовства. **"Но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии"**.

2. Почему же и другие иудеи не были помилованы? Потому что они не по незнанию, а зная и очень хорошо понимая, делали то, что делали. Чтобы вполне убедиться в этом, послушай, что говорит евангелист: **"из начальников многие уверовали в Него, но не исповедывали, ибо возлюбили больше славу человеческую, нежели славу Божию"** (Ин.12:42,43). И опять Христос говорит: **"Как вы можете верить, когда друг от друга"**

принимаете славу" (Ин.5:44)? – и еще говорит (евангелист): **"Так отвечали родители его, потому что боялись Иудеев; ибо Иудеи сговорились уже, чтобы, кто признает Его за Христа, того отлучать от синагоги"** (Ин.9:22). Кроме того, и сами иудеи говорили: **"видите ли, что не успеваете ничего? весь мир идет за Ним"** (Ин.12:19). Ими всегда руководила страсть любоначала. И когда они сказали, что никто не **"может прощать грехи, кроме одного Бога"** (Лк.5:21), тогда (Христос) немедленно совершил то, в чем они поставляли признак (силы) Божией. Итак, все это происходило не от неведения. Где же был тогда Павел? Вероятно, скажет кто-либо, (он находился) у ног Гамалиила, который не имел ничего общего с этою мятежною толпою, так как Гамалиил был такой человек, который ничего не делал по честолюбию. Каким же образом Павел впоследствии является среди этой толпы? Он видел, что учение это распространялось и становилось господствующим, и что все последуют ему. При жизни Христа (народ) иногда приходил к Нему, а иногда к учителям (иудейским). Когда же они совершенно отделились (от последних), тогда уже он, не как другие – из властолюбия, стал действовать так, как действовал, а из ревности. Зачем же он отправлялся в Дамаск? Он считал дело (христиан) пагубным, и боялся, чтобы проповедь не распространилась повсюду. А иудеи (поступали) не так. Они все делали не из заботливости о многих, а из властолюбия. Посмотри, что они говорят: **"овладеют и местом нашим и народом"** (Ин.11:48). Какой обьял их страх? Человеческий. Нужно рассмотреть и то, каким образом (Павел), будучи столь сведущ в законе, ничего не знал, – потому что он сам говорит: **"прежде обещал через пророков Своих, в святых писаниях"** (Рим.1:2). Каким же образом ты не знал этого, будучи ревнителем отеческого закона, воспитавшимся у ног Гамалиила? Проводившие жизнь на реках и озерах, и мытари притекли (к Христу) и приняли Его; а ты, опытный в законе, Его преследуешь? Потому-то он и осуждает себя, говоря: **"и недостоин называться Апостолом"** (1 Кор.15:9). Потому-то он и сознается в неведении, которое происходило от неверия. Потому-то и говорит, что он был помилован. Что значит: **"что Он признал меня верным"**? То, что он не изменил Господу ни в чем, говорил, что все ему принадлежит, даже свое собственное называл Божиим, не присвоил себе славы Божией, – послушай, в самом деле, что говорит он в другом месте: **"мужи! что вы это делаете? И мы – подобные вам человеки"** (Деян.14:15), – вот что значит: **"Что Он признал меня верным"**. И опять в другом месте, **"но я более всех их потрудился"**, – говорит: – **"не я, впрочем, а благодать Божия, которая со мною"** (1 Кор.15:10), и еще: **"производит в вас и хотение и действие по [Своему] благоволению"** (Флп.2:13). Сам он, по его словам, достоин был наказания, – потому что помилование дается именно таким (людям). И опять в другом месте говорит: **"ожесточение произошло в Израиле отчасти"** (Рим.11:25). **"Но благодать"**, – говорит, – **"Господа нашего (Иисуса Христа) открылась [во мне] обильно с верою и любовью во Христе Иисусе"**. Что это значит? Чтобы ты, услышав слова: **"помилован был"**, не остановился мыслью только на этом, он говорит: **"я был хульником, и гонителем, и досадителем"**, и потому достоин наказания; но не наказан, потому что помилован. Но разве это только (ты получил), разве милосердие простиралось только до того, что ты не понес наказания? Нет, – но (ты получил) и другие многие и великие (благодаяния). Бог не только освободил нас от угрожавшего нам наказания, но и сделал нас праведными, и сынами, и братьями, и друзьями, и наследниками, и сонаследниками. Поэтому-то он и говорит: **"благодать же открылась во мне"**, выражая ту мысль, что дары эти превзошли (пределы) милосердия, потому что (так поступать) свойственно не милующему только, но и благоволящему и сильно любящему. Итак, сказавши много великого о человеколюбии Божиим, что (Бог) помиловал его, хотя он и был хулителем и гонителем и притеснителем, и не только не ограничился этим, но удостоил его еще других великих (благодаяний), (апостол) опять подтверждает то, (что сказано против) неверных, т. е. что (не следует) говорить, что свобода воли не существует, – прибавляя (следующие слова): **"с верою и любовью, во Христе Иисусе"**. Со своей

стороны, мы, говорит он, только одно принесли, именно – поверили тому, что Он может спасти.

3. Поэтому возлюбим Его (Бога) чрез Христа. Что значит чрез Христа? То, что Он нам приуготовил это, а не закон. Видишь ли, каких благ для нас виновником был Христос, а каких закон? И (апостол) не просто сказал: "умножилась" благодать, но: "преумножилась", – потому что действительно "преумножилась"[2], когда тех, которые заслужили тысячу казней, она внезапно приводит к усыновлению. Вот опять (здесь предлог) "в" (έν) значит то же, что "чрез" (διά). Нам нужна не одна только вера, но и любовь, – потому что ныне есть много таких, которые веруют, что Христос есть Бог, однакож не любят Его и не поступают так, как следует любящим Его. В самом деле, как (они любят Его), когда все предпочитают Ему – деньги, рок, судьбу, предзнаменования, гадания, волхвование? Если же мы живем так, что оскорбляем Его, то, скажи мне, какая у нас к Нему любовь? Если кто имеет друга, к которому питает горячую, пламенную любовь, то пусть, по крайней мере, столько же любит Христа, пусть, по крайней мере, столько же любит Того, Кто предал Сына Своего за врагов Своих, без всякой с нашей стороны заслуги. Что я говорю – заслуги? За тех, которые совершили величайшие преступления, которые дерзнули без всякой причины на то, на что никогда не следовало решаться. Он после бесчисленных благодеяний и попечения о нас все-таки не отверг нас; напротив, предал за нас Своего Сына, именно в такое время, когда более всего мы совершили беззаконий. Между тем мы, получив столь великие (благодеяния), соделавшись друзьями Его и сподобившись чрез Него всех этих благ, не возлюбили Его даже так, как любим друзей своих. Какая же после этого остается для нас надежда? Может быть, вы трепещете от этих слов. О, если бы (привели вас в трепет) подобные поступки! Но как это возможно, скажешь ты, ужели мы в самом деле не любим Бога даже и так, как друзей своих? Как это возможно? Я попытаюсь объяснить это тебе; правда, я молю о том, чтобы сказанное мною оказалось не имеющим никакого основания, пустословием; но боюсь, чтобы мои слова не были согласны с действительностью. Смотри же. Для друзей, которые действительно наши друзья, многие из нас часто терпят убыток; а для Христа никто не решается не только пожертвовать чем-нибудь, но и быть довольным тем, что кто имеет. За друга часто мы подвергаемся обидам и неприязни; а за Христа никто не согласится переносить неприязни, напротив, (всякий) говорит: люби даром, но не даром ненавидь. Друга, томимого голодом, мы никогда не презираем; а Христа, который приходит к нам каждый день – не за многим, а только за одним хлебом, мы даже не допускаем к себе, и это тогда, когда с нами случается зловонная отрыжка, когда мы пресыщены больше, чем следует, когда объедаемся, когда от нас пахнет вчерашним вином, когда предаемся излишним наслаждениям, при чем одни из нас дают подарки блудницам, другие тунеядцам, иные льстецам, иные уродам, полуумным и карликаам: да, (люди) обращают себе в увеселение даже эти природные недостатки. Другим, которые суть истинные наши друзья, мы не завидуем, и не сокрушаемся при виде их благополучия; а по отношению к Христу мы и от этой страсти несвободны. Наконец, всякий может заметить, что (у людей) дружба имеет больше силы, нежели страх Божий, так как даже лукавый и завистливый больше стыдится людей, чем Бога. Откуда это видно? Я скажу – откуда: человек, несмотря на то, что Бог видит все, что происходит у него в сердце, не перестает строить козни; между тем человек, если увидит человека, то считает себя погибшим и краснеет. Что еще сказать? К другу, который находится в несчастии, мы приходим и, если несколько замедлим, боимся, чтобы за это не подвергнуться нам осуждению; а на Христа, часто умирающего в узах, даже и не посмотрим. Да и к друзьям, которые веруют (во Христа), мы приходим не потому, что они веруют в Него, а потому, что они нам друзья.

4. Итак, видишь ли, что ничто не делается из страха Божия или из любви к Богу, а все или по дружбе, или по привычке? Мы плачем и вздыхаем, когда видим друга отправляющегося в чужую сторону; мы рыдаем, когда видим его умершим, хотя знаем, что он не навсегда разлучился с нами и что снова будет нам возвращен при воскресении; а когда Христос каждый день удаляется от нас, или лучше, когда Христа мы каждый день отгоняем от себя, – мы не скорбим, напротив, оскорбляя Его, досаждая Ему, огорчая Его, делая неудобное Ему, мы даже и не думаем, что совершаем какое-нибудь преступление. Но это еще не было бы столь ужасным, если б мы только поступали с Ним, не как с другом. А я докажу, что мы поступаем с Ним, как с врагом. Каким образом? **"Плотские помышления"**, – говорит Павел, – **"суть вражда против Бога"** (Рим.8:7). Между тем это мудрование постоянно присуще нам. Христа, Который желает придти к нам, как только Он приблизится к нашим дверям, мы прогоняем, – это именно делают злые дела, – мы оскорбляем Его каждый день своим любостыжанием и хищничеством. Хвалят человека, который пользуется доброю славою за то, что проповедует Христа и приносит пользу Церкви? И мы завидуем ему, потому что он совершает дело Божие; мы думаем, что завидуем ему, а между тем зависть наша обращается на Христа. Нет, – скажешь ты, – мы хотим, чтобы польза была от нас, а не от других, (следовательно, мы желаем этого) не для Христа, а для нас, потому что если – для Христа, то нам должно быть все равно, от нас ли это происходит, или от других. Скажи мне, если какой-нибудь врач, который имел бы сына, находящегося в опасности лишиться зрения, сам, не будучи в состоянии помочь ему, найдет другого (врача), который может это сделать, то ужели он отвергнет его? Ни в каком случае; напротив, он сказал бы так: все равно – от тебя, или от меня, только пусть будет ему польза. Почему так? Потому что он имеет в виду пользу не свою, а своего сына. Так и мы, если бы обращали внимание на то, что относится к Христу, то говорили бы так: чрез нас ли, или чрез кого иного, – только пусть совершается то, что может быть полезным: **"притворно или искренно"**, – говорит (апостол), – **"Как бы ни проповедали Христа"** (Флп.1:18). Послушай, что говорит Моисей тем, которые хотели возбудить в нем гнев, когда пророчествовали Елдад и Модад: **"не ревнуешь ли ты за меня? о, если бы все в народе Господнем были пророками"** (Числ.11:29)? Все это происходит от жажды славы. Итак, не врагам ли и неприятелям свойственно так поступать?

Сказал тебе кто-нибудь дурное слово? Ты возлюби его. Но как это возможно? Возможно, и очень возможно, если захочешь. Если ты любишь того, кто говорит о тебе хорошо, то это еще не составляет заслуги, – потому что ты делаешь это не для Господа, а для своей славы. Причинит тебе кто-либо вред? Ты сделай ему добро. Если же ты станешь делать добро тому, кто тебе сделал добро, то ты не совершишь еще ничего важного. Тебя обидели и причинили тебе великий убыток? Постарайся заплатить за это противоположными действиями. Да, умоляю вас, так расположим наши поступки. Перестанем делать зло врагам и ненавидеть их. Он (Христос) повелевает нам любить врагов, а мы враждуем и на Него самого, хотя Он любит нас. Да не попустит этого (Господь), говоришь ты. На словах все мы так говорим, а на деле не все так поступаем. До того ослепляет нас грех, что даже то, что не может быть терпимо в словах, бывает терпимо в поступках. Поэтому удалимся, хотя и поздно, от тех, которые препятствуют и вредят нашему спасению, – чтобы получить нам то, что следует получить друзьям (Христовым). **"Хочу"**, – говорит Он, – **"чтобы там, где Я, и они были со Мною, да видят славу Мою"** (Ин.17:24), которую да сподобимся все мы получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Вероятно ошибка, вместо λάβαρον = labarum, знамя с крестом.

[2] В синодальном переводе это слово переведено как "открылась обильно".

БЕСЕДА 4

"Верно и всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый. Но для того я и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной" (1 Тим.1,15–16).

1. Благодеяния Божии так велики и до того превосходят всякое человеческое ожидание и надежду, что часто даже им не верят. Действительно, (Бог) нам даровал то, о чем не помышлял, чего не ожидал ум человеческий. Поэтому апостолы много и говорят об этом, чтобы возбудить в нас веру в те дары, которые поданы нам от Бога. Подобно тому, как при (получении) великих благ, мы приходим в такое состояние, что, не доверяя себе, говорим: не сон ли это? – так и при (получении) даров Божиих. Что же было в них такого, чему едва можно было верить? То, что враги, грешники, те, которые не нашли оправдания ни в законе, ни посредством дел, вдруг при помощи одной веры должны были получить такие преимущества. Вот почему (апостол) много рассуждает об этом предмете и в послании к Римлянам, – много также и здесь. **"Верно"**, – говорит, – **"всякого принятия достойно слово, что Христос Иисус пришел в мир спасти грешников, из которых я первый"**. Так как иудеи этим особенно увлекались, то он убеждает их не привязываться к закону, потому что без веры невозможно чрез него спастись. За это именно ратует (апостол), потому что казалось невероятным, чтобы человек, несмотря на то, что он всю предшествующую жизнь провел попусту и напрасно и истратил ее на злые дела, мог потом спастись чрез одну веру. Поэтому он и говорит: **"верно слово"**. Впрочем, некоторые не только не верили, но и укоряли его, подобно тому, как и ныне делают язычники, говоря: **"И не делать ли нам зло, чтобы вышло добро"** (Рим.3:8). Так как они слышали, что он говорил: **"А когда умножился грех, стала преизобилывать благодать"** (Рим.5:20), то, извращая наше (учение), проповедывали таким образом. Точно также, когда мы беседуем с ними о геенне, они возражают: как же это может быть достойно Бога? Если человек, схватив своего раба, во многом согрешившего пред ним, оставляет ему (его вину) и дает прощение, то ужели Бог будет наказывать навеки? И опять, когда говорим им о купели (крещения) и об оставлении грехов чрез нее, они возражают: достойно ли Бога, что Он оставляет грехи тому, кто совершил бесчисленные преступления? Видишь ли развращение их ума, как он во всем обнаруживает свойственную себе страсть к спорам? Именно: если отпущение грехов – зло, то наказание – добро, и наоборот, если наказание – не добро, то добро – отпущение грехов; говорю так, соображаясь с их мнением; а по-нашему – хорошо то и другое. А почему, это покажу в другое время, так как теперь этого невозможно сделать. (Предмет этот), будучи глубоким и требующим подробного исследования, в свое время должен быть предложен вашей любви; пока же обратимся к предлежащему (вопросу). **"Верно"**, – говорит, – **"слово"**. Каким образом оно верно? (Это видно) как из предыдущего, так и последующего. Смотри, как он предварительно готовится (своих слушателей), и потом, приготовив их, приступает к исследованию. Сказав, что его, богохульника и гонителя, помиловал (Бог), он имел в виду приготовить их. И не только, говорит, помиловал, но и соделал верующим: до такой степени, говорит, он, невозможно сомневаться в том, что Он помиловал меня. Ведь никто, видя узника, который живет в царских чертогах, не станет сомневаться в том, что он помилован; то же самое можно было видеть и на Павле. Поэтому он самого себя приводит в доказательство и не только не стыдится, называя себя грешником, но еще особенно радуется, так как чрез это он лучше всего мог показать великое чудо попечения

Божия и то, что он сподобился столь великой милости. Почему же он, сказав в другом месте о себе: **"по правде законной – непорочный"** (Флп.3:6), здесь говорит, что он грешник и первый из грешников? Потому что в сравнении с тою праведностью, которой (причастниками) соделал нас Бог и которой поистине нужно искать, грешны даже те, которые были (праведны) в законе: **"потому что все согрешили и лишены славы Божией"** (Рим.3:23). Поэтому он не просто сказал: по правде, но: **"по правде законной"**. Подобно тому, как человек, который приобрел много денег, хотя сам по себе и кажется богатым, однако по сравнению с сокровищами царскими оказывается весьма бедным, и первым бедняком, так и здесь, сравнительно с ангелами, люди – грешники, даже и праведные. Если же Павел, который по закону творил правду, есть первый грешник, то кто другой может быть назван праведным? Потому-то он говорит так не с тою целью, чтобы порицать свою жизнь, (признавая ее) бесчинной, – нет, – но, сравнивая одну (законную) праведность с другою (благодатною), показывает ничтожество (первой). И мало того, – но еще признает грешниками тех, которые стяжали законную праведность. **"Но для того я", – говорит, – "и помилован, чтобы Иисус Христос во мне первом показал все долготерпение, в пример тем, которые будут веровать в Него к жизни вечной"**.

2. Видишь ли, как опять смиряет и уничижает себя, приводя иную, более унижительную причину? Сказав, что он помилован ради своего неведения; он указывает на то, что помилованный не очень (великий) грешник и не должен быть строго осуждаем; а, сказав, что он помилован для того, чтобы никто из согрешивших не отчаивался более, но был уверен, что и он то же самое получит, он представляет весьма великое и очень сильное (обвинение). Таким образом, когда (апостол) говорил: я первый из грешников, и хулитель, и гонитель, и досадитель, **"и недостойн называться Апостолом"** (1 Кор.15:9) и тому подобное, то и тогда ничего не сказал в такой степени унижительного (для себя). Поясним это примером. Представим себе многолюдный город, которого все жители были бы люди злые – одни меньше, другие больше, однако все достойны осуждения; но в числе этих многих один кто-нибудь больше всех заслуживал бы осуждение и наказание, и был человек, испытавший все виды преступлений. Если бы, положим, кто-нибудь сказал, что царь хочет простить их всех, то они не так легко поверили бы этому известию, пока не увидели бы, что самый преступный из всех их получил прощение: тогда уже не оставалось бы никакого сомнения. То же самое говорит и Павел, – что Бог, желая уверить людей в том, что Он все им прощает, помиловал того, кто более всех согрешил. Если я, говорит он, получил прощение, то пусть никто уже не усомнится относительно других. Это – то же, что обыкновенно всякий говорит: если Бог этого простил, то Он уже не накажет никого другого. Через это (апостол) показывает, что он не заслуживал прощения, но ради спасения других первый сподобился его. Поэтому пусть никто, говорит он, не сомневается в спасении, когда я спасен.

И заметь смиренномудрие этого блаженного. Он не сказал: да покажет во мне долготерпение, но – **"все долготерпение"** как бы говоря так: ни над кем другим (Бог) не явил больше Своего долготерпения, как надо мною, и не обрел другого такого грешника, который нуждался бы во всем Его милосердии, во всем Его долготерпении, а не отчасти, подобно тем, которые только отчасти согрешили. **"В пример тем", – говорит, – "которые будут веровать в Него к жизни вечной"**, то есть, для ободрения, для поощрения их. Но так как (апостол) сказал нечто великое о Сыне, и что Он показал такую любовь, то, чтобы не подумал кто-нибудь, что Отец лишен ее, он потом воссылает и Ему славу, и говорит: **"Царю же веков нетленному, невидимому, единому премудрому Богу честь и слава во веки веков. Аминь"** (ст. 17). За это, говорит, не только Сына, но и Отца прославляем. Итак, спросим еретиков: вот (апостол), говоря об Отце, сказал: единому Богу: ужели Сын – не Бог? И единому нетленному: ужели Сын не нетленен? И ужели (Сын) сам не имеет

того, что в будущей жизни нам дарует? Да, говорят они, Сын – и Бог, и нетленен, но не таков, каков Отец. Что ты говоришь? Ужели не таков, ужели по существу Он менее совершен? Следовательно, и нетление в Нем менее совершенно? Что же значат (выражения) – более и менее совершенное нетление? Нетление ведь есть не что иное, как только освобождение от тления. Правда, слава может быть больше и меньше, но нетление не бывает ни больше, ни меньше, подобно тому, как и здоровье не может быть ни меньше, ни больше, потому что всякая вещь должна или истлеть, или вовсе не подлежать тлению. Так что же, скажешь, ужели и мы в такой же мере будем нетленны? Нет, нисколько. Почему? Потому что Он (Отец) имеет это по природе, а нам это дано отвне. Так, может быть, таково же (нетление) и Сына? Нисколько; напротив и Он (имеет нетление) по природе. В чем же различие? В том, что Отец, говорят, не произошел (ἐγένετο) таким ни от кого другого, а Сын от Отца. И мы то же исповедуем. И мы не отвергаем, что Сын нетленно рожден от Отца. За это, говорят, мы прославляем Отца, что Он родил таким Сына. Не видишь ли, что отец особенно тогда прославляется, когда сын совершает великие дела? То, что принадлежит сыну, относят к отцу. Поэтому, так как Он родил сильного, и такого же, каков сам, то слава Сына не больше, чем слава Отца, потому что (Он родил) самобытного, самодовольного и не лишенного могущества. А слова – **"Царю веков"** сказаны и о Сыне: **"через Которого и веки сотворил"** (Евр.1:2); то же самое и здесь. У нас отделяют одно от другого, именно устройство и творение, и один устрояет, работает и трудится, а другой повелевает. Почему так? Потому что (у нас) устрояющий занимает низшее место. Но там вовсе не так. Там не принадлежит одному господство, а другому – устройство. Поэтому, когда я слышу: **"через Которого и веки сотворил"**, то не отнимаю у Отца творческой силы. Равным образом, когда слышу, что Отец есть Царь веков, то не отнимаю у Сына господства. Это столько же относится к одному, сколько и к другому, потому что обоим принадлежит и то, и другое. Отец сотворил (все) тем, что родил зиждителя – Сына; царствует Сын потому, что Он – Господь всех тварей. Не за награду Он делает, как бывает у нас, и не из повиновения другому, как делают другие, но по свойственной Ему благодати и человеколюбию. Что же? Кажется ли когда-либо (таким) Сын? Никто не может того сказать. Итак, что же значит: **"нетленному, невидимому, единому премудрому Богу"**? А это что значит, когда (апостол) говорит: **"ибо нет другого имени под небом, данного человекам, которым надлежало бы нам спастись"** (Деян.4:12), и опять: **"и нет ни в ком ином спасения"** (Деян.4:11)? **"Честь и слава"**, – говорит, – **"во веки. Аминь"**. Честь и слава воздается не словами. Поэтому, так как и Он почтил нас не словами, а самым делом, то и мы воздадим Ему честь самым делом. При этом честь (которую Бог почтил нас) имеет для нас значение; а та (которую воздаем Ему) для Него ничего не значит, потому что Он не нуждается (в чести) от нас, между тем мы нуждаемся (в чести) от Него.

3. Таким образом, если мы будем воздавать Ему честь, то чрез это себе самим доставим честь. Подобно тому, как человек, который открывает глаза для того, чтобы видеть солнечный свет, себе самому доставляет чрез это пользу, удивляясь красоте этого светила, а не ему что-нибудь дает, потому что не делает его чрез это более светлым, напротив оно остается тем же самым, – так точно, и даже гораздо больше (бывает, когда обращаемся) к Богу: кто с удивлением взирает на Бога и воздает Ему честь, тот снискивает самому себе спасение и получает величайшую пользу. Каким образом? Таким, что, усвоив себе добродетель, сподобляется от Него славы: **"Я прославлю"**, – говорит Он, – **"прославляющих Меня"** (1 Цар.2:30). Но каким же образом, спросят, Он прославляется, если Он ничего не приемлет от славы, нами воздаваемой? Таким же, как говорится о Нем, что Он терпит голод и жажду: все наше Он присвоит Себе, чтобы, по крайней мере, этим привлечь нас, – и почести, и обиды, чтобы, хотя этим внушить нам страх; а мы, несмотря даже на это, не приближаемся к Нему.

Прославим же Бога, превознесем Бога и в теле, и в духе нашем. Как же, скажешь, можно прославлять в теле? И как в духе? Духом называется здесь душа, противопоставляемая телу. Как же прославляет кто-либо (Бога) в теле? И как в душе? В теле прославляет тот, кто не предается блуду, кто не упивается, кто не пресыщается, кто не печется о внешнем украшении, кто настолько показывает заботливости о себе, насколько это нужно только для здоровья, кто не прелюбодействует, равно как и та, которая не намащает себя благовониями, не расписывает красками своего лица, которая довольна тем видом, каким наделил ее Бог и ничего не прибавляет к тому искусственного. В самом деле, отчего, скажи мне, ты прибавляешь от себя нечто к тому, что создано совершенным от Бога? Неужели для тебя мало того, что сотворил (Бог)? Следовательно, ты, (считая себя) искуснейшею художницею, принимаешься исправить дело Божие? Этого ты не имеешь в виду, но ты украшаешь себя и наносишь оскорбление Творцу для того, чтобы привлечь к себе бесчисленных любовников? Что же мне делать, скажешь ты? Ведь и я не желаю того, но принуждена поступать так ради моего мужа. Обыкновенно не бывает любимую та, которая того не желает. Тебя создал Бог благообразною для того, чтобы и чрез это возбудить в нас удивление к Себе, а не для того, чтобы Ему мы наносили оскорбление. Не такими воздавай Ему за это дарами, но целомудрием и скромностью. Бог создал тебя благообразною для того, чтобы чрез это умножить для тебя подвиги скромности. Не в одинаковой ведь степени (трудно) сохранять целомудрие той, которая во всех возбуждает любовь к себе, и той, к которой никто не чувствует расположения. Слышишь ли, что говорит Писание об Иосифе? Что он был **"красив станом и красив лицом"** (Быт.39:6). Какую пользу приносит нам то, когда мы слышим, что Иосиф был красив? Ту, что мы еще больше удивляемся его красоте и скромности. Бог создал тебя благообразною? Зачем же ты безобразишь себя? Подобно тому, как если бы кто стал намазывать грязною тиною золотую статую, так поступают те, которые употребляют притирания. Ты испещряешь себя землею, то красною, то белою. Но ты скажешь, что безобразные справедливо так поступают? Для чего, скажи мне? Для того ли, чтобы скрыть свое безобразие? Но они напрасно трудятся. Когда, скажи мне, искусство и изысканность превзошли природу? И зачем вообще печалиться по причине безобразия, когда оно не включает в себе ничего зазорного? Послушай, что говорит один мудрец: **"не хвали человека за красоту его и не имей отвращение к человеку за наружность его"** (Сир.11:2). Поэтому больше удивляйся Богу, искуснейшему художнику, а тому (кто имеет красивую наружность, не удивляйся) несколько, потому что случившееся не им устроено. Скажи мне, какая польза от красоты? Никакой, напротив (от нее) большие споры, величайшие огорчения, опасности и подозрения. В самом деле, не столь красивую никто и не подозревает, а красивая, если только не отличается особенною, необыкновенною скромностью, сейчас же делается предметом дурной славы, и даже муж обращается с нею недоверчиво; а что может быть тягостнее этого? И не столько испытывает он наслаждение при виде (ее красоты), сколько терпит огорчение от своей подозрительности. Да и наслаждение вследствие привычки теряет свою силу, когда самая душа приобретает славу нерадивой, рассеянной, своевольной, когда она соделывается завистливой, когда исполняется великой гордости, – потому что ко всему этому особенно приводит нас красота. Между тем мы не находим, чтобы та, которая не столь красива, имела в себе столько препятствий (вести жизнь добродетельную). И псы на нее не нападают, но подобно агнице, при которой постоянно находится пастырь, она пасется в совершенном спокойствии; ни один волк ее не тревожит и не производит на нее нападения. Не то вредно, что одна красива, а другая – нет. Вредно то, что одна блудодействует, несмотря на то, что она некрасива, а другая зла. Скажи мне, в чем состоит достоинство глаз? В том ли, что они влажны, подвижны, круглы и голубые, или в том, что они остры и пронизательны? Я утверждаю последнее, и это очевидно из следующего. В чем заключается достоинство светильника? В том ли, что он ярко светит и освещает весь дом, или в том, что он красиво сделан и имеет круглый вид? Конечно, в первом, сказали бы мы, потому что последнее свойство не имеет для нас

никакого значения, и мы ищем первого. Поэтому мы и говорим всегда служанке, которой поручено это: ты худо приготовила светильник. Таким образом, назначение светильника состоит в том, чтобы светить. Так и глаз, будет ли он такой или иной, ничего не значит, только бы он вполне удовлетворительно выполнял свое назначение; равным образом он называется дурным, когда слабо видит и не имеет надлежащего устройства, потому что и о людях, которые открытыми глазами ничего не видят, мы говорим, что у них дурные глаза. Мы называем дурным все то, что не выполняет того, что ему нужно выполнять. И вот в чем заключается недостаток глаз. В чем же состоит достоинство носа, скажи мне? В том ли, чтобы он был прямой, заострен с обеих сторон, и имел соответственную соразмерность, или же в том, чтобы он был способен к обонянию, мог скоро воспринимать (впечатления) и передавать их мозгу? Последнее для каждого очевидно. Будем продолжать изыскание, и на примерах объясним дело. Скажи мне, какие клещи, какие сосуды мы назовем хорошо устроенными, те ли, которые хорошо могут захватывать вещь и хорошо держать ее, или те, которые красиво выделаны? Очевидно, что первые. А зубы – какие мы назовем хорошими? Острые и легко раздробляющие пищу, или те, которые красиво расположены? Очевидно, что первые. И вообще, если по всему телу нашему станем мысленно проводить это исследование, то найдем, что все в нем здорово и хорошо, как скоро всякий член в нем правильно исполняет свойственное ему отправление. Так и всякий сосуд, всякое животное, всякое растение мы называем хорошим не за его вид или цвет, но за его служение. Так и из слуг мы называем хорошим того, который приучен к службе, а не того, который красив и изнежен. Видишь ли, каким образом можешь сделаться красивою? Итак, когда мы в одинаковой степени пользуемся величайшими и достойными удивления (благами), то ни в чем мы не терпим обиды. А именно: благообразны ли мы или нет, мы все одинаково видим этот мир, солнце, луну, звезды, одинаково вдыхаем в себя воздух, одинаково пользуемся водой, пищею. И если нужно сказать что-либо достойное удивления, так именно то, что неблагообразные бывают здоровее благообразных. В самом деле, эти последние, чтобы сохранить свою красоту, не посвящают себя трудам, но проводят время в праздности и неге, отчего особенно ослабевает деятельность их членов; а первые ведут себя просто и смело и, так как они не имеют о своей наружности никакой заботы, то употребляют все время на труды. Итак, прославим Бога; превознесем Его в теле нашем, не станем украшать себя, – потому что это лишняя и бесполезная забота; не будем приучать своих мужей к тому, чтобы они любили одну только наружность. Если ты будешь так украшать себя, то он, привыкши к этому, (взирая) на твое лицо, легко может быть прельщен распутством. Напротив, если ты научишь его любить благонравие и скромность, то он не скоро впадет в прелюбодеяние, потому что у блудницы он не найдет этого, но найдет противное тому. Итак, не приучай его прельщаться смехом, ни свободными телодвижениями, чтобы ты чрез это не приготовила яда для самой себя. Учи его находить удовольствие в скромности; а это ты можешь сделать тогда, когда ты скромно будешь держать себя. В самом деле, если ты сама легкомысленна и сладострастна, то как можешь завести с ним благопристойную речь? Кому не покажешься ты странной и смешной? Каким поэтому образом мы можем превозносить Бога в теле своем? Когда будем упражняться в добродетели, украшать душу свою, по отношению к которой это не запрещается. Тогда прославляем Бога, когда мы во всех отношениях бываем праведны; за то и сами будем прославлены в тот день, и при том не в такой мере, но гораздо больше. **"Ибо думаю"**, – говорит (апостол), – **"что нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас"** (Рим.8:18), – которую да сподобимся мы все получить благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 5

"Преподаю тебе, сын [мой] Тимофей, сообразно с бывшими о тебе пророчествами, такое завещание, чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин, имея веру и добрую совесть, которую некоторые, отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере" (1 Тим. 1:18,19).

1. Звание наставника и священника весьма важно и достойно удивления, и воистину Божеское указание потребно для того, чтобы для этого был избран человек достойный. Так и было в древности; так бывает и ныне, когда мы, без человеческого пристрастия, совершаем избрание, когда не взираем ни на что житейское, ни на дружбу, ни на вражду. Хотя мы и не в такой степени причастны Духу, но довольно доброго намерения для того, чтобы привлечь на себя рукоположение Божие. Так и апостолы не были причастны Духу, когда избрали Матфея, но, предоставив дело молитве, причислили его к лику апостолов, – они не взирали на дружбу человеческую. Так должно бы совершаться это и теперь у нас. Но мы, достигнув до крайней степени нерадения, пропускаем без внимания и то, что вполне очевидно. Если же мы не усматриваем очевидного, то как Бог откроет нам неизвестное? Если в малом, говорит Он, вы не были верны, то кто поручит вам великое и истинное? Между тем в то время, так как ничто не совершалось по человеческому (пристрастию), то и священники поставляемы были чрез пророчество. Что значит – чрез пророчество? По (внушению) Святого Духа. Пророчество состоит не в том только, чтобы предсказывать будущее, но и (в том, чтобы узнавать) настоящее; так и Саул открыт был чрез пророчество, когда скрывался между сосудами, потому что Бог открывает праведным (свою волю). Пророчеством тоже были слова: **"отделите Мне Варнаву и Савла"** (Деян.13:2). Так был избран и Тимофей. Но здесь (апостол) говорит о многих пророчествах, (разумея), быть может, то (пророчество), по которому он принял его, когда обрезал, и когда рукоположил, как и сам, пища к нему, говорит: **"Не неради о пребывающем в тебе даровании"** (1 Тим.4:14). Итак, чтобы возбудить его к ревности и заставить трезвиться и бодрствовать, он напоминает ему об избравшем и рукоположившем его, говоря как бы так: тебя избрал Бог, Он вверил тебе (Церковь); не по человеческому избранию ты сделался (служителем веры): не скорби же, не посрами Божественного избрания. Потом, так как он дал ему здесь заповедь, и она была очень трудна, то что говорит? **"Преподаю тебе, сын [мой] Тимофей, такое завещание"** Дает ему заповедь, как сыну, как родному. (Он говорит ему) не повелительно, не деспотически, не с властью, но отечески: **"сын (мой) Тимофей"**. А выражение: **"преподаю"** показывает, что нужно точно хранить (преданное), и что оно не от нас произошло: не мы стяжали его, но Бог нам даровал, и не только – это, но и веру и благую совесть. Следовательно, что Он даровал нам, то мы должны хранить. Если бы Он (Господь) не пришел, то не было бы ни самой веры, ни чистой жизни, которую мы из детства приобретаем. Апостол как будто так говорит: не я заповедаю тебе, но Тот, Кто избрал тебя. Слова: **"сообразно с бывшими о тебе пророчествами"** такой именно имеют смысл. Внимай им, будь им послушен. Что же ты заповедуешь, скажи? **"Чтобы ты воинствовал согласно с ними, как добрый воин"** Они избрали тебя на то, на что избрали; проходи добрую службу воина. Сказал: **"добрую"**, потому что есть и злая служба воина, о которой он говорит: **"Как предавали вы члены ваши в рабы нечистоте и беззаконию"** (Рим.6:19). Они проходят службу воина под (властью) мучителя, а ты под (властью) царя. Но почему он называет службою воина это дело? Чтобы показать, что воздвигнута сильная брань вообще против всех, и особенно против учителя, что нам нужно крепкое оружие, именно трезвенность, бодрствование, неусыпная бдительность, что мы должны быть готовы на кровавые битвы, что (мы должны) ополчиться и не иметь ни малейшей изнеженности. **"Чтобы ты воинствовал"**, – говорит, – **"согласно с ними"**. Подобно тому, как в войсках не все одинаковым образом исполняют службу, но в различных чинах, так и в Церкви один занимает место учителя, другой – ученика, третий – ничего несведущего, между тем ты занимаешь первое место. Потом, чтобы кто не подумал, что этого достаточно, что говорит

он? **"Имея веру и добрую совесть"**. Учитель должен сначала научить самого себя. Подобно тому, как военачальник, если бы он прежде не был отличным воином, не был бы никогда и военачальником, так и учащий. Об этом (апостол) говорит и в другом месте: **"дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным"** (1 Кор.9:27). **"Имея"**, – говорит, – **"веру и добрую совесть"** – для того, чтобы ты мог таким образом управлять другими. Слыша это, не будем пренебрегать наставлениями тех, которые больше нас, несмотря на то, что мы учителя. Если Тимофей, с которым мы все не должны сравнивать себя, принимает наставления и учится, и при том тогда, когда он сам был уже в звании учителя, то тем более мы (должны так поступать). **"Которую"**, – говорит, – **"некоторые, отвергнув, потерпели кораблекрушение в вере"**. И справедливо, – потому что, когда жизнь становится достойною осуждения, тогда возникает и такое же учение. И можно видеть многих, которые ниспали от этого в бездну грехов, и совратились в язычество. Чтобы не терзаться страхом будущего, они стараются убедить себя в душе, что все наши (угрозы) ложны. И от веры некоторые уклоняются потому, что, умствуя, все подвергают исследованию, а умствование производит кораблекрушение, вера же есть в некотором смысле надежный корабль.

2. Итак, уклоняющиеся от этого неизбежно должны потерпеть кораблекрушение, и это (апостол) указывает нам на примере: **"Таковы"**, – говорит, – **"Именей и Александр"** (ст. 20). И примером их он вразумляет нас. Видите ли, что и в те времена были люди, которые превратно учили, многого доискивались, уклонялись от веры, все подвергали исследованию посредством своих умствований? Человек, претерпевший кораблекрушение, остается нагим и лишенным всего; равным образом и тот, кто отпал от веры, ничего более уже не имеет, негде ему стать, на чем утвердиться. Он не ведет такой жизни, из которой мог бы извлечь какую-нибудь пользу, потому что к чему служит остальное тело, когда повреждена голова? Если вера без жизни ничто, то тем более – наоборот (жизнь без веры). Если Бог для нас оставляет без вниманья свое, то тем более мы должны забывать для Него о своем. Вот что происходит, когда кто-либо отпадает от веры: он нигде не останавливается, но плавает туда и сюда, пока опять не погрузится в пучину. **"Которых"**, – говорит, – **"я предал сатане, чтобы они научились не богохульствовать"**. Видишь ли, что исследование вещей Божественных посредством умствований есть хула? И справедливо, – что имеет общего с ними человеческое умствование? Но как же сатана научает их не хулить? Ведь если он учит других не хулить, то тем больше следовало бы ему (научить этому) самого себя. Если же он донныне не может научить этому себя, то (не может) и других. (Апостол) не сказал: да научит их не хулить, но: **"чтобы они научились не богохульствовать"**. Не он совершает это, но это бывает следствием (его действий). Подобным образом и в другом месте (апостол) говорит о соблудившем: **"предать сатане во измождение плоти"** не с тою целью, чтобы спасти тело, **"чтобы дух был спасен"** (1 Кор.5:5). То есть, это (сказано) безлично. Каким же образом происходит это? Подобно тому, как палачи, будучи сами исполнены бесчисленных преступлений, вразумляют других, так и здесь (то же самое говорится) о лукавом демоне. Но для чего ты сам не наказал их, как Вариуса, как Кифа – Ананию, но предал их сатане? Не для того, чтобы подвергнуть их наказанию, но чтобы научить их. Впрочем, он и сам имел власть (наказывать), например, когда говорит: **"Чего вы хотите? с жезлом придти к вам"** (1 Кор.4:21)? и опять: **"но чтобы вы делали добро, хотя бы мы казались и не тем, чем должны быть"** (2 Кор.13:7); и еще: **"к созиданию, а не к разорению"** (2 Кор.13:10). Итак, отчего он призывает сатану для наказания? Чтобы со строгостью наказания соединить более сильный упрек; или лучше, неверующих (апостолы) сами научали, а отступников предавали сатане. Но почему Петр сам (наказал) Ананию? Потому что и Анания был неверующим, и еще испытующим. Итак, чтобы неверующие знали, что они не могут утаиться, для этого их наказывали сами (апостолы); между тем тех, которые уже знали об этом и потом отступали (от веры), они предавали сатане, показывая, что они

(отступившие) не своею силою, но их попечением были охраняемы, и что они предаваемы были (сатане), как скоро впадали в гордость. Подобно тому, как поступают цари, когда поражают врагов собственными руками, а (преступников из) своих подданных предают палачам, так и здесь. Отсюда открывается, что это совершалось вследствие попечения со стороны апостолов; при том немаловажным было иметь возможность повелевать диаволу: чрез это становилось очевидным, что диавол покоряется и, даже против воли, подчиняется апостолам. Таким образом это также не мало содействовало проявлению благодатных дарований. А как он предавал (виновного сатане), послушай. **"В собрании вашем во имя Господа нашего Иисуса Христа, обще с моим духом, силою Господа нашего Иисуса Христа"** (1 Кор.5:4). Следовательно, (виновного) тотчас извергали из общего собрания, отлучали от стада, он оставался одиноким и нагим, предавался волку. Подобно тому, как облако показывало еврейский стан, так Дух – Церковь. Поэтому, кто был извергаем из нее, тот сгорал (в огне); а извергаем был из нее (виновный) по суду апостолов. Так и Господь предал Иуду сатане, – **"И после сего куска вошел в него сатана"** (Ин.13:27). Можно, впрочем, сказать и то, что тех, кого они желали исправить, не наказывали сами, а неисправимых сами подвергали наказанию; или, если не так, то чтобы быть более страшными, они предавали (виновных) другим (для наказания). Так и Иов был предан сатане, но не за грехи, а для большего прославления своего.

3. Много подобного бывает и теперь. Именно, так как священники не знают всех грешников и людей, недостойно причащающихся святым тайнам, то Бог часто делает это, и предает их сатане. Когда случаются болезни, когда наветы, когда скорби и несчастья, когда постигают тому подобные (бедствия), – то это происходит от этой причины. И это открывает нам Павел, говоря так: **"От того многие из вас немощны и больны и немало умирает"** (1 Кор.11:30). Как же это, скажешь, когда мы приступаем (к тайнам) однажды в год? В том и состоит все зло, что не чистотою помыслов, а расстоянием времени ты измеряешь свое достоинство, приступая (к тайнам), и это считаешь признаком благочестия, что не часто приступаешь к ним, не зная того, что приступать недостойно, – хотя бы это случилось однажды, – значит оскорблять (святыню), а приступать достойно, хотя бы и часто, спасительно. Не в том состоит дерзость, что часто приступают, но в том, что (приступают) недостойно, хотя бы даже кто-либо один раз во всю жизнь сделал это. А мы до того бываем бессмысленны и жалки, что, в течение всего года, совершая тысячу беззаконий, нисколько не заботимся о том, чтобы освободиться от них, а думаем, что довольно и того, если мы не часто дерзаем приступать к телу Христову с оскорблением для Него, не помышляя о том, что и распинатели Христовы распяли Его только один раз. Ужели грех становится меньше от того, что случился только однажды? И Иуда предал (Христа) однажды. Что же? Разве это спасло его? И отчего мы измеряем это дело расстоянием времени? Пусть чистая совесть составляет для нас то время, в которое мы должны приступать, (к тайнам). Ничего большего не содержит в себе таинство, совершаемое в Пасху, пред тем, которое совершается теперь. Оно одно и то же; та же благодать Духа; оно есть всегда пасха. Знают это те из вас, которые посвящены в тайны. И в пятницу, и в субботу, и в воскресный день, и в день мучеников – совершается одна и та же жертва. **"Ибо всякий раз"**, – говорит, – **"когда вы едите хлеб сей и пьете чашу сию, смерть Господню возвещаете"** (1 Кор.11:26). Он не ограничил жертвы пределом времени. Итак, отчего же, скажешь, тогда называется пасхою? Оттого, что тогда пострадал за нас Христос. Поэтому никто не должен приступать иначе к первой, и иначе к последней (жертве). Одна в них сила, одно достоинство, одна благодать, одно и то же тело; не более свято одно, чем другое, и последнее не ниже первого. И вы тоже знаете это, потому что не видите тогда ничего необыкновенного, кроме этих мирских завес, и блистательного, многолюдного собрания. Впрочем, эти дни имеют некоторое преимущество в том отношении, что от них ведет начало спасительный для нас день, так как в этот день заклан был Христос, кроме же того, по отношению к таинствам, они не

имеют никакого преимущества. Когда ты приступаешь даже к чувственной пище, ты моешь свои руки, полощешь рот; а, намереваясь приступить к духовной пище, ты не обмываешь своей души, но приходишь, будучи исполнен нечистоты? Как, скажешь ты? Разве сорокадневные посты недостаточны для того, чтобы очистить нас от тяжкого бремени грехов? Какая же от этого бывает польза, скажи мне? Если бы кто, намереваясь положить куда-либо благовонную мазь, очистил для этого место, и потом, вскоре после того, как поместил ее туда, прибавил бы к ней навозу, то ужели не уничтожилось бы благоухание? Так бывает и с нами. В то время, когда мы приступали (к таинству), мы были, насколько позволяли нам наши силы, достойны его, а потом опять оскверняем себя. Какая же нам от того польза? Это мы говорим даже о тех, которые могут очистить себя в течение сорока дней. Не будем же, умоляю вас, пренебрегать нашим спасением, чтобы не был напрасен труд наш. Человек, отворотившийся от своего греха, и опять возвращающийся к нему и поступающий по-прежнему, **"как пес возвращается на блевотину свою"** (Притч.26:11). Если так мы будем поступать, если так будем внимательны к себе, то мы сможем сподобиться будущих наград, которые да получим все благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"Итак прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления, благодарения за всех человеков, за царей и за всех начальствующих, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим.2:1-4).

1. Священник есть как бы общий отец целой вселенной; поэтому прилично ему заботиться обо всех, подобно тому, как заботится Бог, Которому он посвятил себя. Поэтому говорит апостол: **"прежде всего прошу совершать молитвы, прошения, моления"**. Отсюда проистекают два блага: с одной стороны, чрез это разрушается ненависть, которую мы питаем к внешним (непринадлежащим к Церкви), – потому что никто не может питать враждебных чувств к тому, о ком творит моление, с другой – и они становятся лучше, отчасти потому, что за них возносят молитвы, отчасти и потому, что они отлагают ожесточение против нас. Подлинно ничто столько не содействует успеху учения, как то, чтобы любить и быть любимым. Подумай также о том, что значило для тех, которые злоумышляли, наносили побои, изгоняли, умерщвляли (христиан), – услышать, что те, которые переносят такие страдания, возносят к Богу прилежные молитвы за причиняющих им (эти страдания)!

Видишь ли, в какой степени, согласно с желанием (апостола), христианин должен быть выше всех? Подобно тому, как к малым детям нисколько не уменьшается (отеческая) любовь, хотя бы даже дитя, взятое на руки, ударило своего отца по лицу, так и мы нисколько не должны уменьшать нашей любви к внешним, хотя бы мы и переносили от них удары. Что же значит: **"прежде всего"**? Значит – при ежедневном богослужении. И это знают посвященные в таинства, – как бывает у нас каждый день, и вечером, и утром, как мы творим молитву за весь мир, за царей и за всех, которым вверена власть. Но, может быть, скажет кто-либо, что он заповедал (молиться) не за всех, а за верных. Какое же значение будут иметь тогда его слова: **"за царей"**? Тогда еще не было царей благочестивых, напротив, долгое время преемственно следовали нечестивые за нечестивыми. Кроме того, чтобы это не показалось лестью, он сказал сначала: за всех, а потом: за царей. Если бы он сказал: только за одних царей, тогда, может быть, кто-либо заподозрил бы его в этом. При том, так как было естественно, что душа христианина,

слыша это, могла придти в недоумение и не согласиться с этим наставлением, – что при совершении таинств должно приносить молитвы за язычника, – то посмотри, что он говорит и какие предлагает выгоды, чтобы хотя таким образом склонить ее к принятию его внушения. "Да тихое", – говорит, – **"и безмолвное житие поживем"** – т. е. их спасение доставляет нам безмятежность, – подобно тому, как ж в послании к Римлянам, убеждая их повиноваться начальникам, говорит: **"не только из [страха] наказания, но и по совести"** (Рим.13:5). Ведь Бог учредил власти для общей пользы. И разве не было бы ни с чем несообразно, если бы в то время как другие выступают в поход и облачаются в оружие с тою целью, чтобы мы пребывали в безопасности, сами мы за тех, которые подвергаются опасностям и несут бремя военной службы, не творили даже молитв? Таким образом, это вовсе не составляет лести, а делается по требованию справедливости. В самом деле, если бы они не избежали опасности и не имели успеха на войнах, то по необходимости и наши дела тогда пришли бы в замешательство и нестроение; тогда, – после того как они потерпели бы поражение, – и нам самим следовало бы идти на войну, или бежать и повсюду скитаться. Они составляют, говорит он, как бы некоторого рода оплот, поставленный впереди, который охраняет спокойствие пребывающих внутри. **"Молитвы, – говорит, – моления, прошения, благодарения"**, – потому что нужно благодарить Бога и за те блага, которые посылаются другим, например, за то, что Он солнце сияет на злых и благих и дождит на праведных и неправедных. Видишь ли, что он соединяет и связывает нас друг с другом не только посредством молитвы, но и посредством благодарения? Ведь кто обязан благодарить Бога за блага, ниспосланные его ближнему, тот обязан и любить его, и быть к нему дружески расположенным. А если нужно благодарить за то, что ниспосылается ближнему, то тем более – за то, что совершается с нами самими, и в тайне, и по нашему желанию, и против нашей воли, – и за то, что кажется нам даже неприятным, потому что Бог все устрояет к нашему благу.

2. Итак, пусть каждая наша молитва содержит в себе благодарение. Если же нам заповедуются приносить молитвы за ближних, не только за верных, но и за неверных, то подумай, какое великое зло проклинать братьев. Что говоришь ты? Он заповедует тебе молиться за врагов, а ты ужели станешь проклинать брата? Не его проклинаешь ты, а самого себя, потому что ты навлекаешь на себя гнев Божий, произнося эти нечестивые слова: "так покажи ему, так сотвори ему, порази его, воздай ему". Этих (слов) должны избегать ученики Христовы – кроткие и смиренные. Пусть из уст, сподобившихся такого таинства, не исходит ничего горького; пусть язык, приобщившийся тела Господня, не произносит, ничего неприятного. Будем хранить его в чистоте, не будем произносить им проклятия. Если не наследуют царства оскорбители, то тем больше те, которые проклинают, потому что кто прокликает, тот непременно наносит и оскорбление. А оскорбление и молитва удалены друг от друга, – следовательно, молитва находится тоже в великом расстоянии (от проклятия), потому что осуждение и молитва тоже находятся в великом (друг от друга) расстоянии. Ты молишь Бога о том, чтобы Он был милостив к тебе, – и (в то же время) прокликаешь другого! Если ты не прощаешь, то и тебе не будет прощено; а ты не только сам не прощаешь, но еще просишь Бога, чтобы и Он не прощал? Видишь ли, до какого ты дошел озлобления? Если не прощается тому, кто сам не прощает, то, как может быть прощено тому, кто еще просит Господа, чтобы и Он не прощал? Не ему (ближнему своему) вредишь ты, а себе самому. Каким образом? Таким, что если молитва, которую ты приносишь сам за себя, и могла бы быть услышана, то теперь она никогда не будет услышана, потому что ты приносишь ее скверными устами. Воистину такие уста скверны и нечисты, исполнены всякаго зловония и всякой нечистоты. Тебе следовало бы трепетать ради своих грехов, и употреблять все усилия (чтобы получить прощение) в них, а ты приходишь к Богу с тою целью, чтобы возбудить Его против брата? Разве ты не боишься, не заботишься сам о себе? Разве не видишь, что ты делаешь? Подражай, по крайней мере, детям, которые ходят в училище. Они, когда видят, что от товарищей их

требуют отчета в том, чему они выучились, и за леность всех подвергают взысканию, что каждого из них порознь испытывают со всею строгостью и наказывают розгами, тогда они умирают от страха, и, если даже кто-нибудь из соучащихся с ними наносил им бесчисленные удары, они не думают гневаться, – потому что душою их овладевает страх, – и не дерзают жаловаться учителю, на одно только обращают внимание, как бы придти и удалиться оттуда без наказания, с нетерпением ожидают, как бы настало это время, и, когда выйдут, – подвергшись ли наказанию или не подвергшись, – от радости им уже и в ум не приходит гневаться. А ты, стоя (на молитве) и сокрушаясь о своих грехах, ужели не содрогаешься, припоминая (грехи) других людей? И как ты (держась) просить об этом Бога? Ведь когда ты призываешь правосудие Божие на своего ближнего, тогда этим самым увеличиваешь тяжесть своих грехов, и не позволяешь Ему дать прощение и тебе в твоих (грехах). Если ты хочешь, скажет Он, чтобы Я был строгим исследователем проступков, сделанных против тебя, то, как ты просишь о снисхождении к тому, в чем ты согрешил против Меня? Научимся поэтому быть когда-нибудь христианами! Если мы не умеем молиться, – что удобно и весьма легко, – то остальное как мы узнаем? Научимся молиться, как христиане. Язычникам свойственны такие молитвы, иудеям приличествуют такого рода моления. А молитвы христианина имеют противоположные свойства: (в них надлежит) просить о прощении, забвении того, в чем (другие) против нас согрешили. **"Злословят нас"**, – говорит (апостол), – **"мы благословляем; гонят нас, мы терпим"** (1 Кор. 4:12). Послушай, что говорит Стефан: **"Господи! не вмени им греха сего"** (Деян.7:60). Не только не проклинал, но еще молился; а ты не только не молишься, но еще проклинаешь. Поэтому насколько он достоин удивления, настолько ты преступен. Кому удивляемся мы, – скажи мне, – тем ли, за кого он молился, или тому, кто молился? Конечно – последнему. А если мы (судим таким образом), то тем более Бог. Хочешь ли поразить врага? Молись за него, но молись не с этой мыслью – не для того, чтобы он понес наказание: оно придет само собою, но ты не с этою целью делай. Кроме того, этот блаженный (Стефан) переносил все без вины, и между тем молился (за своих врагов); а мы многое по заслугам терпим от своих врагов. Если же тот, кто страдал невинно, не дерзал не молиться (за своих врагов), то какого наказания заслуживаем мы, когда, по заслугам подвергаясь страданию, не только не молимся, но и проклинаем? Ты думаешь, что наносишь раны (своему врагу), а на самом деле обращаешь меч сам на себя, потому что не позволяешь Судье быть снисходительным и к твоим грехам, стараясь возбудить в Нем гнев к другим. **"Ибо каким судом судите"**, – говорит Он, – **"[таким] будете судимы; и какою мерою мерите, [такую] и вам будут мерить"** (Мф.7:2). Итак, будем снисходительны, чтобы и мы таким (образом) же обрели Бога.

3. Я желаю, чтобы вы не только слушали это, но и соблюдали. Между тем ныне только одни слова сохраняются в памяти, а может быть, даже и того нет, так что, когда разойдемся, если кто-нибудь из не бывших здесь спросит, о чем мы говорили, то одни вовсе ничего не скажут, другие – знающие скажут только содержание того, о чем мы беседовали, – что не нужно быть злопамятным, нужно даже молиться (за врагов), – и потом прекратят речь обо всем том, что было говорено (потому что не в состоянии припомнить), третьи припомнят немного, лишь кое-что. Поэтому умоляю вас, если вы не получаете никакой пользы от того, что говорится, то не будьте прилежны к слушанию. Какая в самом деле от этого польза? Получается только большее осуждение и более тяжкое наказание за то, что, несмотря на бесчисленные увещания, пребываем в одном и том же положении. С этою именно целью Бог дал нам определенную молитву, чтобы мы не просили ни о чем житейском, ни о чем человеческом. Вы, верные, знаете, о чем надобно молиться, – каким образом всякая молитва становится общею для всех. Но там не говорится, скажут, что нужно молиться и за неверных. (Вы так говорите) потому, что не знаете силы молитвы, ни ее глубины, ни тех сокровищ, которые в ней сокрыты. А если кто внимательно разберет ее, то найдет, что в ней содержится и это. Когда молящийся

говорит: "да будешь воля Твоя, яко на небеси и на земли" (Мф.6:10), – не о чем другом он молится, а именно об этом. Каким образом? Таким, что на небе нет ни одного неверного, нет ни одного согрешающего. Если бы здесь (речь) была только об одних верных, то эти слова не имели бы смысла, потому что если бы одни верные должны были исполнять Его волю, а неверные нет, то воля Его уже не исполнилась бы (на земли) так, как на небе. Но что (мы говорим здесь)? Как на небе, говорим мы, нет ни одного грешника, так и на земле пусть не будет ни одного; но во всех, говорим мы, укорени страх Твой и всех людей сделай ангелами, хотя они и наши враги и супостаты. Разве не видишь, сколько раз каждый день произносится хула против Бога? Сколько раз Ему наносят оскорбление не только неверные, но и верные, не только словами, но и делами? Что же Он? Погасил ли за это солнце? Остановил ли течение луны? Разрушил ли небо? Поколебал ли землю? Иссошил ли море? Уничтожил ли источники вод? Смешал ли воздух? Нисколько, а совершенно напротив. Он воссиявает солнце, ниспосылает дождь, подает плоды, ежегодно посылает пищу богохульникам, несмысленным, презренным, гонителям, и это не день, не два, не три, а в течение всей их жизни.

Подражай Ему и ты; поревнуй Ему по мере человеческих сил. Ты не можешь воссиять солнца? По крайней мере, не злословь. Не можешь послать дождя? По крайней мере, не укоряй. Не можешь дать пищи? По крайней мере, не досаждай. Довольно будет с твоей стороны и этих даров. Бог оказывает благоденствия твоим врагам делом, а ты совершай их, по крайней мере, словом, – молись за врага; таким образом, ты уподобишься Отцу твоему, который на небесах. Тысячу раз уже я беседовал с вами об этом, – и не перестану беседовать; только бы вышла какая-нибудь польза. Мы от своих слов не приходим в оцепенение, не утомляемся и не тяготимся; только бы вы не давали повода думать, что тяготитесь, слушая нас. А подает повод думать, что тяготится, тот, кто не исполняет того, что ему говорят. Кто исполняет, тот всегда готов слушать, как человек, которого не укоряют, а хвалят. Таким образом, это происходит не от чего-либо другого, как оттого, что не исполняют того, что им говорят; от этого тягостным становится и тот, кто об этом говорит. Если, например, кто-нибудь исполняет дела милосердия, а другой заводит речь о милостыни, то он не только не оскорбляется, слушая его, но даже радуется, потому что слышит, как провозглашают и превозносят его заслуги. Таким же образом и мы. Так как у нас нет ничего общего с забвением обид, и это не исполняется нами, то по этой причине нам кажется неприятным, когда зайдет об этом речь; а когда были бы у нас дела, тогда и слова не огорчали бы нас. Итак, если вы не хотите, чтобы мы были для вас тягостны и несносны, – поступайте следующим образом: исполняйте на деле то (что мы вам заповедуем). Мы не перестанем говорить вам об одном и том же до тех пор, пока не станете исполнять этого. Мы поступаем так преимущественно из участия и любви к вам; а кроме того еще и потому, что нам самим угрожает опасность. Ведь трубач должен трубить, хотя бы и никто не выходил на сражение, – для того только, чтобы исполнить свой долг. Поэтому и мы действуем так не с тою целью, чтобы на вас навлечь большее наказание, а для того, чтобы самим избавиться от него. Кроме того, нас побуждает к этому и любовь к вам, – разрывается наша утроба, и нас снедает печаль, когда случается что-либо подобное. Но да не попустит этого (Бог). Для того, о чем мы говорили ныне, не требуется издержек, не требуется траты денег, не требуется дальнего путешествия, – нужно только захотеть, нужно слово, нужно намерение. Будем поэтому хранить уста наши, оградим их дверью и запором, чтобы не говорить ничего неугодного Богу. Это для нас самих (будет полезно), а не для тех, за кого мы будем молиться. Мы всегда так думаем, что тот, кто благословляет своего врага, благословляет себя самого, и кто проклинает его, проклинает себя, и кто молится за врага, молится за себя, а не за него. Когда мы будем поступать таким образом, тогда будем иметь возможность в самом деле достигнуть этого совершенства и получить обещанные блага благодатью и

человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 7

"Дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте, ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу, Который хочет, чтобы все люди спаслись и достигли познания истины" (1 Тим.2:2-4).

1. Если (апостол) желает, чтобы прекратились общественные брани и распри и смятения, и с этою целью заповедует священнослужителю творить молитвы за царей и за правителей, то тем более частные лица должны исполнять это. Три есть самых страшных вида войны. Один вид составляет обыкновенная война, когда на наших воинов нападают иноплеменники; второй, когда даже во время мира мы враждуем друг против друга; третья, когда каждый ратует с самим собою. Последний вид войны опаснее всех, потому что первый вид, то есть война с иноплеменниками, никогда не может принести нам большого вреда. В самом деле, что (она может сделать), скажи мне? Она может заколоть, убить, но душе нимало не причиняет вреда. Но и второй (вид), если мы не пожелаем того, не может повредить нам, потому что, хотя бы другие и враждовали против нас, мы можем оставаться спокойными, – послушай, что говорит пророк: **"за любовь мою они враждуют на меня, а я молюсь"** (Псал.108:4); и еще: **"Долго жила душа моя с ненавидящими мир"** (119:6). Но третьего (вида войны) мы избегаем не без труда. Когда наше тело восстает против души, и возбуждает сильные страсти, вооружает против нее плотские удовольствия, гнев, зависть, тогда невозможно, не положив конца этой брани, получить обетованные блага, и тот, кто не утишит этого смятения, неизбежно должен пасть и получить раны, которые рождают смерть в геенне. Поэтому каждый день требуются с нашей стороны особенная заботливость и старание, чтобы не возгоралась в нас эта война и чтобы возгоревшаяся не продолжалась, но была усмирена и подавлена. В самом деле, какую тебе принесет пользу то, что вселенная будет наслаждаться глубоким миром, если ты будешь вести брань сам с собою? Надобно иметь этот мир. Если будем иметь его, то ничто внешнее не может нам причинить вреда. Впрочем, не мало содействует этому и общественный мир. Поэтому и говорит он: **"дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную"**. Если же кто, когда царствует мир, находится в смятении, то он очень несчастный человек. Видишь ли, что он говорит о том мире, который я поставляю на третьем месте? Поэтому, сказав: **"дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную"**, он на этом не остановился, но присовокупил: **"во всяком благочестии и чистоте"**. Но невозможно пребывать в благочестии и чистоте, если не будет водворен этот мир. В самом деле, когда пытливые умствования колеблют нашу веру, тогда какой может быть мир? Когда (тревожит нас) дух нечестия, тогда какое может быть спокойствие? Итак, чтобы ты не подумал, что он просто говорит об этой жизни, которую ведут вообще все люди, он, сказав: **"дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную"** присовокупил: **"во всяком благочестии и чистоте"**. Тихое и безмолвное житие могут вести и язычники, и ты можешь встретить людей необузданных, невоздержных и пресыщающихся наслаждениями, которые ведут такую жизнь. Поэтому, чтобы ты знал, что он не об этой жизни говорит, он и присовокупляет: **"во всяком благочестии и чистоте"** – потому что жизнь эта исполнена и наветов, и распри, когда душа ежедневно бывает уязвляема от смятения, которое происходит в помышлениях. А что он хочет говорить об этой жизни, – это видно как из того, что он присовокупил слова (**"во всяком благочестии и чистоте"**), так и из того, что он сказал не просто: **"в благочестии"**, но присовокупил еще: **"во всяком"**. Говоря таким образом, он, как кажется, требует таких правил благочестия, которые не только содержались бы в учении веры, но и находили бы себе подтверждение в самом образе жизни, – потому что благочестия надобно искать как в том, так и в другом.

Иначе какая будет польза, если кто, будучи благочестив по вере, станет вести нечестивую жизнь? А что можно самой жизнью соделаться нечестивым, послушай этого блаженного, как он опять в другом месте говорит: **"Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются"** (Тит.1:16), и еще: **"тот отрекся от веры и хуже неверного"** (1 Тим.5:8), и еще: **"называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником"**, таковой не почитает Бога (1 Кор.5:11) и еще: **"А кто ненавидит брата своего"** (1 Ин.2:11) **"тот не познал Бога"** (1 Ин.4:8). Видишь ли, сколько видов нечестия? Поэтому он и говорит: во всяком благочестии и чистоте. Не один только прелюбодей бесчестен, но можно назвать бесчестным и корыстолюбца, и невоздержного, – потому что и эта страсть не слабее плотского вожделения. Поэтому кто не обуздывает ее, называется человеком невоздержным, – за то именно и называют их невоздержными, что они не обуздывают страстей. Поэтому я назову невоздержным и гневливого, и завистника, и сребролюбца, и пронырливого, и всякий, кто пребывает в грехе, невоздержан, бесчестен и нечестив. **"Ибо это хорошо и угодно Спасителю нашему Богу"**, говорит (апостол). Что это значит? То есть, Богу приятно, и Он желает того, чтобы молились за всех, так как Он хочет, чтобы **"все люди спаслись и достигли познания истины"**.

2. Подражай Богу. Если он хочет, чтобы все люди спаслись, то, очевидно, что обо всех нужно и молиться; если Он пожелал, чтобы все спаслись, то и ты пожелай того же; а если желаешь этого, то молись, так как таким людям свойственно молиться. Видишь ли, как Он всеми средствами убеждает душу в том, что нужно молиться и о язычниках? И указывая на пользу, которая из этого проистекает, он говорит: **"дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную"**, и – что гораздо важнее этого – это и Богу угодно, мы через это делаемся подобными Ему, когда желаем того же, чего и Он. Этого достаточно для того, чтобы склонить даже зверя. Итак, не бойся молиться за язычников: и Он (Бог) этого хочет. Бойся только проклинать других, потому что этого Он не хочет. А если надобно молиться об язычниках, то очевидно и об еретиках, потому что обо всех людях надобно молиться, а не преследовать их. Это и по другой причине достойно одобрения, – по той, что мы с ними одной природы. Кроме того, Бог одобряет и благосклонно приемлет нашу взаимную любовь и благодушие друг к другу. Впрочем, если сам Господь хочет дать им спасение, то какая, скажешь, нужда в молитве с моей стороны? Это много пользы приносит и им, и тебе; их располагает к любви, и тебя не допускает до ожесточения; и это имеет силу привлечь их к вере, так как много таких людей, которые вследствие раздоров между собою отступали от Бога. Это он называет теперь спасением от Бога, сказав: **"чтобы все люди спаслись"** – потому что это и есть воистину спасение, а без него другое (спасение) ничего великого не составляет, носит только имя и название спасения. **"И достигли познания"**, – говорит, – **"истины"**. Какой истины? Именно – веры в Него. Так как еще прежде Он сказал: **"чтобы они не учили иному"**, то, чтобы на них (иноверцев) не стал кто-либо взирать, как на врагов, и не заводил по этому поводу с ними ссоры, он говорит: **"чтобы все люди спаслись и достигли познания истины"**. Потом, сказав это, он присовокупил: **"Ибо един Бог, един и посредник между Богом и человеками"** (ст. 5). Он сказал: **"и достигли познания истины"**, выражая этим то, что вселенная еще не достигла истины. Потом сказал еще: **"Ибо един Бог"**, выражая ту мысль, что не много (богов), как некоторые думают. Сказал, что (Бог) послал и Ходатаю, Сына, показывая, что Он хочет, чтобы все получили спасение. Что же? Ужели Сын не Бог? Напротив, Он есть совершенный Бог. Как же он говорит: **"един"**? По противопоставлению с идолами, а не с Сыном, потому что он рассуждал об истине и заблуждении. Ходатай должен приобщаться обеим сторонам, по отношению к которым он ходатай; ходатаю свойственно, обладая тем, что принадлежит обеим сторонам, по отношению к которым он ходатай, приводить их ко (взаимному) общению. Если же принадлежащее одной стороне он имеет, а с другою разобщен, то он уже не ходатай. Следовательно, если Он не причастен природе Отца, то

Он не ходатай, но разобщен (с Ним). И подобно тому, как Он соделался причастником природы человеческой, потому что пришел к людям, так точно Он причастник и природы божественной, потому что пришел от Бога. Так как чрез Него соединялось два естества, то Он должен был быть близким к обоим естествам. Подобно тому, как какое-либо место, занимающее средину (между двумя местностями), прикасается к каждой из них, так и соединяющий между собою два естества должен быть причастником обоих естеств. Следовательно, подобно тому, как Он соделался человеком, так и был Бог. Будучи (только) человеком, Он не соделался бы ходатаем, потому что Ему надлежало беседовать и с Богом. Равным образом, будучи (только) Богом, Он не был бы ходатаем, потому что Его не приняли бы те, для которых Он служил ходатаем. И подобно тому, как в ином месте говорит он: **"Один Бог Отец и один Господь Иисус Христос"** (1 Кор.8:6), так и здесь: один и один. Не полагает двоих, потому что он беседовал о многобожии, и для этого, чтобы кто-нибудь числа два не привел в доказательство многобожия, он употребил (выражение): **"един и един"**. Видишь ли, с какою великою осмотрительностью употребляет слова Писания? Один и один составляют – два; но мы не скажем этого, несмотря на то, что размышление внушает это. Здесь ты не говоришь: один и один составляют два; а между тем говоришь то, к чему не приводит размышление (именно): если родил, то и пострадал. **"Ибо один Бог"**, – говорит, – **"един и посредник между Богом и человеками, человек Христос Иисус, предавший Себя для искупления всех. [Таково было] в свое время свидетельство"** (ст. 5, 6). Что же? Ужели и за язычников, скажи мне? Да, – и, несмотря на то, что Христос умер и за язычников, ужели ты не согласишься молиться (за них)? Так почему же, скажешь ты, они не уверовали? Потому что не захотели, а с Его стороны сделано все. Об этом свидетельствует Его страдание, говорит (апостол). Он пришел, говорит он, чтобы свидетельствовать об истине Отца, и заклан был; поэтому не только Отец свидетельствует о Нем, но и Он об Отце. **"Я пришел"**, – говорит Он, – **"во имя Отца Моего"** (Ин.5:43), и еще: **"Бога не видел никто никогда"** (Ин.1:18), и еще: **"да знают Тебя, единого истинного Бога, и посланного Тобою Иисуса Христа"** (Ин.17:3), и еще: **"Дух (есть) Бог"** (Ин.4:24). Следовательно, Он свидетельствовал даже до смерти. А слова: **"в свое время"** означают: в надлежащее время. **"Для которого я поставлен проповедником и Апостолом, - истину говорю во Христе, не лгу, - учителем язычников в вере и истине"** (ст. 7).

3. Поэтому, если Христос пострадал за язычников, и я избран учителем языков, то почему ты не молишься за них? Хорошо (он поступает) в настоящем случае, что, после того как показал, что заслуживает доверие, говорит: **"Для которого я поставлен проповедником"** т. е. избран, – потому что (прочие) апостолы весьма мало положили на это труда. Потом присовокупил: **"учителем язычников в вере и истине"**. Опять: в вере; но ты не думай, услышав (выражение): **"в вере"**, что в этом скрывался обман, потому что он говорит: **"и истине"**. А если это истина, то не ложь. Видишь ли обильно излитую благодать? У иудеев не были приносимы за них (за язычников) молитвы, а ныне благодать распростерлась (и над ними). Поэтому он сказал о себе, что он избран и учителем языков, – намекал на то, что благодать разлилась повсюду во вселенной. **"Предавший Себя"**, – говорит, – **"для искупления"**. Каким же образом это, когда Он был предан Отцом? Следовательно, это было делом Его благодати. Что значит: искупление? Он намеревался наказать их, и между тем не сделал этого; они должны были погибнуть, но за них Он предал Сына своего и послал нас – проповедников, чтобы мы проповедали о кресте. Этого достаточно было для того, чтобы привлечь всех и чтобы показать любовь Христову. Воистину велики и неизреченны (благоденствия), которые Бог оказал нам! Он принес Себя в жертву за врагов, за ненавидящих Его и отвращающихся от Него. Чего кто-нибудь другой не сделал бы ни для своих друзей, ни для своих детей, ни для братьев, то Господь сделал для рабов, при том Господь, Который (по природе) не был таков, каковы рабы, но Бог, – для людей, и таких людей, которые не заслуживали одобрения. Если бы они заслужили одобрение, если

бы они были благоугодны Ему, то не так было бы это достойно удивления. Между тем ныне это особенно поражает всякий ум, что Он умер за таких неблагодарных и бессмысленных. Чего люди не делают для своих единоплеменников, то Бог сделал для нас; и мы, пользуясь плодами такой любви, еще притворяемся и не любим Христа.

Он принес Себя в жертву за нас; а мы презираем Его, когда Он нуждается даже в необходимой пище, – и не посещаем Его, когда Он болен, или наг. Какого гнева, какого наказания, какой геенны это достойно? Ведь если не что-нибудь другое, то ужели одно то, что Он благоволил присвоить Себе человеческие страдания и говорить: алчу, жажду, – не было в силах обратить всех (к Нему)? Но, увы, как сильна власть денег, или лучше сказать, как велико развращение тех, которые добровольно поработились им! Не они имеют великую силу, но мы слишком слабы и поработены им, – мы презренны и земляны, мы плотские, мы бессмысленны; подлинно не в них содержится великая сила. Что оне могут сделать, скажи мне, будучи глухими и бесчувственными? Если даже диавол, скверный демон, который так зол и во всем производит расстройство, ничего не значит, то какую силу имеют деньги? Если увидишь серебро, то представляй себе, что это – олово. Но ты не можешь? В таком случае подумай то, что есть истина, именно, что это – земля, потому что и в самом деле земля. Но ты не убеждаешься и этим доказательством? Помысли о том, что и мы погибаем, что многие из тех, которые стяжали его, не получили от него почти никакой пользы, что бесчисленное множество людей, которые тщеславились им, соделалось прахом и пеплом, что и теперь они подвергаются ужаснейшему наказанию, становясь гораздо беднее тех, которые проводили жизнь среди скудели и стекла, и часто те, которые покоятся на ложах из слоновой кости, бывают более достойны сожаления, нежели те, которые лежат на навозе. Оно услаждает взор? Но много есть других вещей, которые еще больше могут услаждать взор. Так, и цветы, и чистый воздух, и небо, и солнце гораздо больше приносят наслаждения. Кроме того, оно имеет на себе много ржавчины, вследствие чего многие даже утверждали, что оно черно; и это можно видеть на (серебряных) изображениях, которые почернели; между тем в солнце нет ничего черного, ни в небе, ни в звездах. И в этих цветках гораздо больше приятности, чем в цвете (серебра). Следовательно, не цвет услаждает нас, а любостяжание и несправедливость; это услаждает душу, а не серебро. Отвергни любостяжание от души, и тогда увидишь, что то, что кажется теперь драгоценным, будет презреннее грязи. Отвергни страсть эту. Так и томимые горячкой, хотя бы увидели грязную лужу, стремятся к ней как к чистому источнику; между тем вполне здоровые часто не чувствуют жажды и к чистой воде. Отвергни болезнь, и увидишь вещи в таком виде, в каком они существуют. И чтобы ты знал, что я не лгу, я могу указать тебе многих, которые таким образом поступили. Потуши огонь, и увидишь, что эти вещи менее ценны, чем цветы. Золото хорошо; но оно хорошо (когда издерживается) на милостыню для вспоможения бедным, а не для бесполезного употребления, не для того, чтобы ему лежать внутри (кладовой), или быть зарыту в земле, или чтобы им обвешивать руки, ноги и голову. Не для того оно найдено, чтобы при посредстве его мы связывали узами (существа созданные) но образу Божию, но чтобы разрешали связанных. На это и употребляй золото: разрешай связанного, чтобы ты не связал той, которая разрешена от уз. Для чего, скажи мне, ничтожную вещь ты предпочитаешь всему на свете? Разве оттого, что оно золото, оно не составляет оков? Разве вещество делает оковы? Будет ли это золото, или железо – все равно, кроме того, что первое тяжелее последнего. Но что делает для нас эту вещь легкою? Тщеславие, и то, что все смотрят на связанную (золотыми) оковами, хотя этого и следовало бы больше стыдиться. А (чтобы убедиться), что это истина, свяжи и оставь ее в пустыни, где никого нет, кто бы смотрел: тогда почувствует она тяжесть этих уз, – и со скорбью станет смотреть на них. Побоймся, возлюбленные, чтобы не услышать нам этих страшных слов: **"свяжите ему руки и ноги"** (Мф.22:13). Зачем же ты, жена, причиняешь себе это (зло)? Ни один узник не связывается по рукам и ногам; а ты зачем обвязываешь

даже голову? Разве не довольно связать руки и ноги? Зачем опутываешь шею бесчисленным множеством цепей? Я оставляю без внимания заботы по этому поводу, страх, беспокойство и споры с мужем, когда случится недостаток в этих вещах, – и смерть, которой подвергаются, если что-нибудь из этих вещей пропадет. Разве это удовольствие, скажи мне? Чтобы другой услаждал свои взоры, ты подвергаешься и узам, и заботам, и опасностям, и огорчениям, и ежедневным спорам. Разве это не заслуживает всякого обличения и осуждения? Поэтому не будем, умоляю вас, не будем больше так поступать. Разрешим всякий союз неправды, раздробим алчущему хлеб, будем исполнять и все прочее, что может даровать нам дерзновение пред Богом, чтобы мы сподобились получить обещанные блага о Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения; чтобы также и жены, в приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию" (1 Тим. 2:8-10).

1. **"И, когда молишься"**, – говорит Христос, – **"не будь, как лицемеры, которые любят в синагогах и на углах улиц, останавливаясь, молиться, чтобы показаться перед людьми. Истинно говорю вам, что они уже получают награду свою. Ты же, когда молишься, войди в комнату твою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно"** (Мф.6: 5–6). Как же Павел говорит: **"Итак желаю, чтобы на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки без гнева и сомнения"**. Но эти слова не противоречат вышеприведенным, – нет, – а напротив, совершенно согласны с ними. Как и каким образом? Сначала надобно сказать о том, что значат слова: **"войди в комнату твою"**, и почему Он заповедует это, когда нужно молиться на всяком месте и неужели нельзя молиться ни в церкви, ни в другой какой-нибудь части дома, а только в одной клетке? Итак, какой смысл имеют эти слова? Внушая здесь, что надобно избегать тщеславия, Христос говорит: совершай молитвы не просто только тайно, но и сокровенно. Подобно тому, как в изречении: **"пусть левая рука твоя не знает, что делает правая"** (Мф.6:3) Он говорит не просто о руках, а представляет с особенною силою необходимость избегать тщеславия, так точно и здесь Он намекает на то же самое.

Итак, не местом ограничил Он молитву, а заповедал только одно, – что не нужно быть тщеславным. А Павел говорит так, (чтобы показать) отличие от иудейских молитв. Посмотри, в самом деле, что он говорит: **"на всяком месте произносили молитвы мужи, воздевая чистые руки"**. А этого у иудеев нельзя было делать, потому что им не было позволено ни прибегать к Богу в каком-нибудь другом месте, ни приносить жертвы, ни совершать богослужение; а нужно было отовсюду по вселенной собираться в одно место, и в храме совершать все очищения. Апостол дает противоположное этому увещание и, освобождая от этой необходимости, говорит, что наши (обычаи) не таковы, каковы у иудеев. Подобно тому, как обо всех он повелевает приносить молитвы (потому что за всех умер Христос, и для всех, говорит он, я проповедую), так равным образом (научает), что молиться везде хорошо; следовательно, замечание это относится не к месту, а к тому, каким образом нужно молиться. Молись, говорит, везде; на всяком месте воздевай преподобные руки, – это одно только требуется. Но что значит: **преподобные!** Чистые. А что значит: чистые? Конечно, не водою вымытые, а чистые от любостязания, убийств, хищения, язв. **"Без гнева и сомнения"**. А это что значит? Разве кто-либо

гневаешься во время молитвы? Значит без злопамятства. Пусть душа молящегося будет чиста и свободна от всякой страсти, пусть никто не приступает к Богу с враждою, пусть никто не приступает с негодованием и размышлением. Что значит – **"без сомнения"**? Послушаем. Значит, что не нужно нисколько сомневаться в том, что мы будем услышаны. **"И все, чего ни попросите в молитве с верою"**, – говорит (Христос), – **"получите"** (Мф.21:22); и еще: **"когда стоите на молитве, прощайте, если что имеете на кого"** (Мк.11:25). Вот что значит – без гнева и сомнения. Как же, спросит кто-нибудь, я могу быть уверен в том, что получу просимое? Если ты не просишь ни о чем несогласном с тем, что Он готов тебе дать, если (не просишь) ни о чем таком, что недостойно царя, если ни о чем житейском, если (просишь) одних только духовных (благ), если приступаешь без гнева, если имеешь чистые, преподобные руки; а преподобные руки – те, которые творят милостыню. Если таким образом приступаешь, то, во всяком случае, получишь просимое. **"Итак если вы"**, – говорит, – **"будучи злы, умеете даяния благие давать детям вашим, тем более Отец ваш Небесный"** (Мф.7:11). Размышлением он здесь называет сомнение. Равным образом, говорит он, хочу, чтобы и женщины приступали к Богу без гнева, без сомнения, чтобы имели чистые руки, чтобы не следовали своим вожделениям, не грабили и не были корыстолюбивы. Какая, в самом деле, будет польза, если она сама не грабит, а делает это через мужа? Впрочем, от женщин Павел требует нечто большее. Что же именно? **"В приличном одеянии, со стыдливостью и целомудрием, украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом"**, – говорит он, – **"не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию"**. Что он называет **"в приличном одеянии"**? То есть – платье, которое со всех сторон прикрывало бы их благопристойно, было бы прилично, но не изысканно; первое прилично, а последнее неблагопристойно. Что же скажешь ты на это? Ты приходишь молиться Богу, и между тем окружаешь себя золотыми украшениями и головными уборами? Разве ты пришла плясать? Или принять участие в брачном пире? Разве ты явилась на торжественное шествие? Там уместны золотые украшения, там головные уборы, там дорогие платья. А здесь ничего этого не нужно. Ты пришла просить, молиться о грехах своих, молитву приносить о своих преступлениях, умолять Господа, чтобы склонить Его к милосердию. Зачем же украшаешь себя? Этот наряд неприличен для той, которая молится. Как можешь ты вздыхать? Как можешь плакать? Как можешь усиленно молиться, будучи одета в такой наряд? Если и будешь плакать, то слезы твои покажутся достойными смеха для того, кто будет видеть их, – потому что плачущей не следует носить золота. Это лицемерие и притворство. И в самом деле, как же не лицемерие, когда та же самая душа, от которой родилось и это великолепие и тщеславие, та же самая (душа) и слезы проливает? Удали от себя все это притворство. Над Богом нельзя смеяться. Это свойственно актерам и плясунам, которые проводят дни свои на сцене; а честной женщине все это неприлично. **"Со стыдливостью"**, – говорит, – **"и целомудрием"**.

2. Итак, не подражай блудницам. Они посредством такого наряда привлекают к себе многих любовников, и через это многие часто навлекали на себя дурное мнение и не получали никакой пользы от этого украшения, потому что многим чрез такое мнение нанесли вред. Подобно тому, как распутная женщина, хотя бы и пользовалась славою целомудренной, не будет иметь никакой пользы от этой славы, когда Тот, Кто судит тайное, в свое время приведет все в известность, так и целомудренная женщина, если она своим нарядом успеет приобрести славу (женщины) дурного поведения, не получит никакой пользы от своего целомудрия, потому что многие через эту славу были приведены к гибели. Но отчего же я буду страдать, скажет иная, если другой станет подозревать меня? Ты подаешь повод к тому своим нарядом, взглядом, движениями. Поэтому Павел так много говорит об одежде и о стыде. А если он отвергает то, что служит только признаком богатства, именно золото, жемчуг и многоценные ризы, то не

гораздо ли больше (отвергает) то, что (служит признаком) излишней суетности, – притирания, подкрашивание глаз, жеманную походку, изнеженный голос, влажный взгляд, исполненный всякого блуда, изысканность, с какою накидывают на себя покрывало или надевают платье, искуснейшим образом устроенный пояс, вычурную обувь? На все это он указывает, говоря: "**в приличном одеянии**", равно как и словами: "**со стыдливостью**", – потому что все это свойственно бесстыдству и неблагопристойности. Будьте, умоляю вас, снисходительны ко мне, потому что слово мое не с тою целью содержит в себе вполне явное обличение, чтобы уязвить или опечалить вас, но чтобы удалить от стада все чуждое ему. Если он запрещает это замужним женщинам, живущим в роскоши и богатстве, то тем более тем, которые посвятили себя девству. Но какая, скажут, девственница возлагает на себя золотые украшения? Какая головные уборы? И обыкновенное платье может быть до такой степени изысканно, что даже эти (украшения) становятся ничтожны в сравнении с ним. Ведь и недорогое платье может быть наряднее того, которое обшито золотом. В самом деле, когда платье имеет слишком яркий цвет, и когда оно с особенною заботливостью прикреплено поясом около груди, как это бывает у тех, которые пляшут на сцене, так что оно ни раздается в ширину, как бы поднимаясь вверх, ни стягивается до того, чтобы казаться слишком узким, но занимает средину между тем и другим, и около груди образует множество складок, – то ужели оно не гораздо больше может прельстить, чем всевозможные шелковые платья? Что, когда (при этом) обувь, будучи черного цвета, издает необыкновенный блеск и оканчивается острием, и изящным своим видом уподобляется картине, так что не слишком поднимает вверх подошву ноги? Что, если ты, хотя не украшаешь лица притираниями, однако вымываешь его с необыкновенным старанием и вниманием и полагаешь кругом чела повязку, которая гораздо белее твоего лица, а потом сверху набрасываешь (черное) покрывало, так чтобы черный цвет при белом был заметнее? Что скажешь об этом беспрестанном поворачивании глаз? Что – о поясе и о повязке на груди, которую при опоясывании то скрывают, то показывают наружу, потому что и (грудь) оставляют часто открытою для того, чтобы видна была искусная отделка пояса, между тем как кругом всей головы полагают покрывало? А руки, подобно трагическим актерам, так старательно закрывают, что подумаешь, будто платье приросло к ним. Что сказать о походке и о прочих движениях, которые больше всякого золота могут пленять смотрящих на это? Убоимся, возлюбленные, чтобы и нам не услышать того же, что пророк говорил еврейским женщинам, которые заботились о наружном украшении: "**и вместо пояса будет веревка, и вместо завитых волос – плешь**" (Иса.3:23). Таким образом, это сильнее может привлекать, нежели золотые украшения, равно как и многие другие вещи, которые искусно устроятся для того, чтобы на них смотрели и чтобы взирающие пленялись ими. Не малый это грех, напротив, очень большой и может прогневать Бога, может погубить весь подвиг девства.

3. Христос твой Жених: зачем привлекаешь к себе любовников – людей? Он осудит тогда тебя за прелюбодеяние. Отчего не украшаешь себя украшением, которое Ему нравится, которое Ему приятно, – стыдливостью, целомудрием, честностью, благопристойною одеждою? А это платье свойственно распутным женщинам и позорно. Мы уже не можем различать распутных женщин и девственниц. Смотри, до какого посрамления они довели себя! Девственница должна быть чужда изысканности, одеваться просто и как случится. А она рачительно занимается бесчисленными (предметами) внешнего украшения. Положи конец этому безумию, женщина; обрати эту заботливость на душу, на внутреннее благообразие. Это внешнее благолепие препятствует внутреннему соделаться хорошим. Кто заботится о нем, тот пренебрегает внутренним; равно как и тот, кто презирает его, переносит всю свою заботливость на внутреннее. Не говори мне: увы! я надеваю изношенную одежду, дешевую обувь, покрывало, которое ничего не стоит; какое тут щегольство? Не обольщай самое себя. Можно, как я сказал, больше принаряжать себя в

этой одежде, нежели в иной, – больше в изношенном платье, нежели в приносившем к телу и красиво устроенном по образу, который приличествует бесстыдству, и светло блестящем. Ты мне это говоришь; но что скажешь Богу, Который знает мысль, с какою ты это делаешь? Но ты поступаешь так не ради распутства. Так ради чего? Чтобы возбуждать удивление? И ты не стыдишься, не краснеешь, когда хочешь возбуждать удивление таким образом? Но, скажешь, я надеваю это платье так себе, и вовсе не по этой причине. Знает Бог, что ты говоришь к нам. Разве мне будешь ты давать отчет? Тому, Кто присутствует при всем, что ни происходит у нас, и Кто тогда будет оценивать, Тому, пред Кем все явно и открыто. Для того и мы ныне говорим это; чтобы не заставить вас подвергнуться такой ответственности. Убоимся, чтобы и вас не упрекал (Господь) в том, в чем упрекал через пророка еврейских женщин: пришли явиться предо Мною **"и выступают величавою поступью и гремят цепочками на ногах"** (Иса.3:16). Вы взяли на себя великий подвиг, для которого нужна борьба, а не шегольство, – где нужно сражаться, а не вести жизнь, исполненную неги. Разве не видишь кулачных бойцов и борцов? Разве они заботятся о походке и наружном украшении? Нисколько. Но все это, оставив без внимания и надев на себя платье, пропитанное маслом, они имеют в виду только наносить и отражать удары. Дьявол стоит, скрежеща зубами, всячески стараясь погубить тебя; а ты не перестаешь заниматься этими сатанинскими нарядами. Я не хочу говорить ничего о голосе, о том, как многие стараются дать ему известное выражение, – о благовониях и о прочих предметах роскоши. Потому-то и смеются над нами светские женщины. Погибла честь девства. Никто не уважает девственницу так, как следует уважать ее, потому что они сами довели себя до того, что их стали пренебрегать. Разве не следовало бы, чтобы они так были почитаемы в Церкви Божией, как будто с неба пришедшие? Между тем ныне их презирают, – ради их самих, а не ради тех, которые умнее их, – потому что когда увидит та, которая имеет мужа и детей и управляет домом, что ты, будучи обязана пригвоздиться ко кресту, больше, нежели она, занимаешься этими нарядами, то ужели она не посмеется над тобою? Ужели она не станет презирать тебя? Разве не видишь; сколько здесь старания, сколько забот? Скучностью одежды ты препобеждаешь ту, которая наряжается в дорогие платья, потому что больше заботишься о нарядах, нежели та, которая возлагает на себя золотые украшения. Что прилично тебе, того ты не ищешь, а к тому, что тебе не прилично, стремишься, между тем как тебе надлежало бы творить дела благие. Оттого девственницы стали пользоваться меньшим уважением, нежели женщины, живущие в мире, что не являют дел, достойных девства. Это говорим мы не ко всем, или лучше сказать – и ко всем, именно – к виновным, чтобы они образумились, и к невинным, чтобы они вразумляли первых. Но смотрите, чтобы это порицание не перешло в дело. Мы сказали это не с тем, чтобы огорчить, а чтобы исправить вас и чтобы могли похвалиться вами. О, если бы мы все творили угодное Богу и жили во славу Его, и чрез это сподобились получить обещанные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Св. Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 9

"Жена да учится в безмолвии, со всякою покорностью; а учить жене не позволяю, ни властвовать над мужем, но быть в безмолвии. Ибо прежде создан Адам, а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление; впрочем спасется через чадородие, если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием". (1 Тим. 2:11-15).

1. Великой стыдливости требует блаженный Павел от женщин, великой степенности. Поэтому обращает (внимание) не только на внешний их вид и одежду, но и на голос. Что же именно говорит? Жена в безмолвии да учится. Что это значит? То, что, по его словам, жена не должна говорить в церкви; то же самое сказал он и в послании к Коринфянам:

"ибо неприлично жене говорить в церкви" (1 Кор.14:35). Почему же? Потому что закон, говорит он, подчинил их (власти мужа). И опять в другом месте: **"Если же они хотят чему научиться, пусть спрашивают [о том] дома у мужей своих"** (1 Кор. 14:35). Но тогда женщины вследствие такого наставления хранили молчание; между тем ныне (замечается) между ними великий шум, великий крик, громкий разговор, и при том нигде в другом месте столько, как здесь. Всякий может увидеть их всех разговаривающими больше здесь, нежели на площади, нежели в банях. Как будто пришедши сюда для того, чтобы провести досужное время, они ведут разговор о предметах бесполезных. От этого все приходит в расстройство, и они не хотят даже понять того, что не иначе могут они научиться чему-нибудь полезному, как только храня молчание. В самом деле, когда мы готовим к произнесению слово, и между тем никто не внимает тому, что говорится, то какая отсюда может быть польза? Поэтому он говорит, что женщине надлежит до того быть молчаливою, что она не должна говорить в церкви не только о житейских, но и о духовных предметах. В этом состоит для нее приличие, в этом стыдливость, это может украсить ее больше всякой одежды. Если таким образом она будет вести себя, то она будет иметь возможность совершать молитвы с великой благопристойностью. **"А учить жене не позволяю"**. **"Не позволяю"**, – говорит он. Какую связь имеют здесь между собою (эти слова)? Очень тесную. (Апостол) беседовал о безмолвии, о степенности, о стыдливости; сказал: не хочу, чтоб они говорили. Итак, желая отнять у них всякий повод к разговорам, говорит: пусть они и не учат, но пусть ведут себя так, как прилично учащимся, потому что, таким образом, чрез молчание, они покажут и покорность. Вообще многоречив род их, поэтому (апостол) всеми мерами старается обуздать их: **"Ибо прежде создан Адам"**, – говорит, – **"а потом Ева; и не Адам прельщен; но жена, прельстившись, впала в преступление"**. Какое, однако, это имеет отношение к нынешним женщинам? Очень большое, говорит: мужеский пол наделен большим преимуществом, он создан прежде. А в другом месте еще выше ставит его, когда говорит: **"и не муж создан для жены, но жена для мужа"** (1 Кор.11:9). Для чего он говорит это? Для того чтобы на основании многих причин предоставить первенство мужу. Мужчина, говорит он, должен иметь первенство, во-первых, потому (что он прежде создан), во-вторых, на основании того, что случилось впоследствии времени. Учила некогда жена мужа, и все ниспровергла, и сделала его виновным в преслушании. Бог за то и подчинил ее, что она во зло употребила власть, или, лучше сказать, равночестие: **"и к мужу твоему"**, – говорится, – **"влечение твое"** (Быт.3:16); прежде же этого (события) не было сказано этих слов. Каким же образом Адам не был прельщен? Следовательно, он не преступил заповеди; если не был прельщен? Внимательно слушай. Жена говорит: **"змеи обольстил меня"** (Быт.3:13); между тем Адам не говорит: жена прельстила меня, но: **"она дала мне от дерева, и я ел"** (Быт.3:12). Не одно и то же значит быть обольщенным от единоплеменной и сродной себе, и – от зверя, раба, подчиненного; поэтому последнее собственно есть обольщение. Итак, только в сравнении с женою (апостол) говорит о нем, что он не прельстился, потому что она была обольщена от раба и подчиненного, а он от свободной. Опять не об Адаме сказано: **"И увидела, что дерево хорошо для пищи"** (Быт.3:6), но о жене, и что она ела и дала мужу своему. Таким образом, он преступил (заповедь) не потому, что был увлечен страстью, а только повинувшись жене. Учила однажды жена, и все ниспровергла. Поэтому (апостол) говорит: да не учит. Но как это относится к другим женщинам, если одна сделала это? И очень (относится), потому что пол этот немощен и легкомыслен. С другой стороны, здесь говорится вообще о всем (женском) поле: он не сказал, что Ева прельстилась, но: жена, – а это имя скорее относится ко всему вообще полу, нежели к ней одной. Итак, что же? Ужели ради нее весь женский пол сделался преступным? Подобно тому как об Адаме сказал (апостол): **"подобно преступлению Адама, который есть образ будущего"** (Рим.5:14), так и здесь говорит: преступил (заповедь) женский пол, а не мужеский. Итак, что же? Ужели он не наследует спасения? Напротив, наследует, говорит. Какое же именно? Спасение чрез

детей. Он не об одной Еве говорил: **"если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием"**. В какой вере? В какой любви? В какой святости с целомудрием? Он как бы так говорил: вы, женщины, не сокрушайтесь о том, что пол ваш подпал осуждению; Бог даровал вам другое средство спасения, именно – воспитание детей, так что вы можете заслужить спасение не только сами чрез себя, но и через других. Смотри, сколько возникает вопросов по поводу одного и того же предмета. **"Жена, прельстившись"**, – **говорит, – "впала в преступление"**. Какая жена? Ева. Следовательно, она спасется чрез рождение детей? Нет, не это говорит (апостол), а то, что спасется весь женский пол. Разве она не была виновною? Конечно, была; но хотя виновной была Ева, однако спасется весь женский пол чрез рождение детей. Отчего не ради собственной добродетели? Разве это (рождение детей) лишает (силы прочие добродетели)? При том, какое отношение имеет это к девам? Какое к неплодным? Какое к вдовам, которые прежде, нежели начали рожать, лишились мужей? Разве они погибли, разве им не остается ни малейшей надежды? Между тем больше всех восхваляются девы. Итак, что же он хочет сказать?

2. Некоторые говорят, что подобно тому, как от создания (мира) весь женский пол находился в состоянии зависимости вследствие того, что случилось с первой женщиною, – Ева была создана второю и находилась в состоянии зависимости, потому, говорят, и весь женский пол должен находиться в состоянии зависимости, – так и здесь потому самому, что (Ева) совершила преступление, и весь женский пол сделался преступным. Но это не имеет никакого основания. Там все совершалось по воле Божией, а здесь было следствием греха жены. Поэтому сказанное им имеет такой смысл: подобно тому, как все люди умирают ради одного, потому что один согрешил, так и весь женский пол сделался преступным потому, что женщина совершила преступление. Впрочем, пусть она не скорбит. Бог дал ей немалое утешение, именно – рождение детей. Но это есть (дело) природы, – скажешь ты. И то (произошло от влияния) природы; ей даровано не только то (что зависит от природы), но и то, что относится к воспитанию детей. **"Если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием"**, то есть, если после рождения сохраняют себя в любви и чистоте. В том не малая, но весьма великая будет состоять для них награда, что они воспитали ратоборцев Христу. Святинею он называет праведную жизнь, а целомудрием пристойность. **"Верно слово"** (3:1) – относится к тому (о чем говорим), а не к – **"если кто епископства желает"**. Так как по этому поводу возникало сомнение, то он и говорит: **"верно слово"**, что отцы и матери могут пожать плоды добродетели своих детей, когда хорошо воспитают их. Но что, если она сама будет бесчестна и исполнена бесчисленных пороков? Ужели воспитание детей принесет ей какую-либо пользу? Не будет ли более вероятным, что она воспитает их подобными себе? Он это говорит о добродетельной, а не о всякой, что она получит за то великую награду и воздаяние.

Слушайте это, отцы и матери: воспитание детей для вас не останется без награды. И далее он говорит то же самое: **"известная по добрым делам, если она воспитала детей"** (1 Тим.5:10). Между прочим, и это поставляет на вид. Подлинно, немаловажное дело посвятить Богу детей, данных от Бога. Если они положат под здание твердые опоры и основания, то будут иметь великую награду; тогда как, наоборот, за нерадение подвергнутся наказанию. Так и Илий погиб чрез своих детей, потому что ему надлежало вразумлять их; он, правда, и вразумлял, но не так, как следовало бы. Ему не хотелось огорчать их, и он и их, и себя погубил. Слушайте это, отцы. Воспитывайте детей своих в наставлении и поучении Господнем с великим тщанием. Юность неукротима и имеет нужду во многих наставниках, учителях, руководителях, надсмотрщиках, воспитателях. И только при таких (усилиях) возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что зверь неукротимый, то же самое и юность. Поэтому если в начале и с первого возраста поставим для нее надлежащие пределы, то впоследствии не будем иметь нужды в великих усилиях; напротив, потом привычка обратится для них в закон. Не позволим же им делать того, что

приятно и вместе с тем вредно, не будем угождать им, потому что они дети; но преимущественно будем их сохранять в целомудрии, – тут более всего возможен вред юности. Об этом мы особенно должны заботиться, к этому мы особенно должны быть внимательны. Скорее будем брать для них жен, чтобы они, имея чистое и нерастленное тело, соединялись с невестами. Такая любовь особенно бывает пламенна. Кто был целомудренным до брака, тот тем более останется таким после брака. Напротив, кто до брака научился любодействовать, тот и после брака станет делать то же самое. "Блуднику", – говорится, – "сладок всякий хлеб" (Сир.23:23). Для того и возлагаются на головы венцы, – в знак победы, что они, не будучи побеждены, вступают в брачный чертог, – что они не были одолены похотью. Если же кто, увлеченный сладострастием, предался блудницам, то для чего после этого он имеет и венец на главе, когда он побежден? Это будем им внушать, этим будем их вразумлять, устрашать, угрожать, делая то одно, то другое. Нам вверен важный залог – дети. Будем же заботиться об них и употребим все меры, чтобы лукавый не похитил их у нас. Между тем теперь у нас все происходит наоборот. Мы употребляем всевозможные усилия для того, чтобы поле было хорошим и чтобы вверить его благонадежному человеку, и погонщика ослов и мулов, и надзирателя, и поверенного мы отыскиваем самого искусного; а на то, что для нас всего дороже, именно – чтобы поручить сына человеку, который бы мог сохранить его в целомудрии, не обращаем внимания, несмотря на то, что это сокровище ценнее всех прочих и ради него приходят остальные. Об имуществе для них мы заботимся, а об них самих – нет. Видишь ли, какое безумие? Прежде образуй душу сына твоего, а имущество он уже после получит. Если душа у него нехороша, то он не будет иметь ни малейшей пользы от денег; и наоборот, если ей дано правильное образование, то бедность нисколько не повредит ему. Хочешь ли оставить его богатым? Научи его быть добрым. Таким образом, он может и состояние умножить; если же и не умножить его, то, по крайней мере, он ничем не будет хуже людей зажиточных. Между тем, если он будет злой, то, хотя бы ему были оставлены тобою бесчисленные сокровища, ты не оставил хранителя (этих сокровищ), а сделал его несчастнее тех, которые впали в самую крайнюю бедность. Действительно, для детей, не получивших правильного воспитания, бедность лучше богатства, потому что первая, даже помимо их воли, удерживает их в пределах добродетели, между тем последнее, хотя бы даже кто и желал того, не позволяет вести жизни целомудренной, но увлекает, ниспровергает и вводит в бесчисленное множество преступлений. Вы, матери, больше всего смотрите за дочерьми: попечение это для вас нетрудно. Наблюдайте за тем, чтоб они сидели дома; а, прежде всего, учите их быть благочестивыми, скромными, презирать деньги и не слишком заботиться о нарядах. Так и в замужество отдавайте их. Если так образуем их, то вы спасете не только их, но и мужа, который возьмет ее, и не только мужа, но и детей, и не одних детей, но и внуков. Если корень будет хорош, то и ветви будут лучше развиваться, – и за все это вы получите награду. Поэтому все будем так делать, как (прилично) заботящимся о благе не одной души, но многих чрез одну. Дочь, при вступлении в брак, должна так выходить из отеческого дома, как борец из места состязаний, то есть, она должна знать в точности всю науку, помощью которой могла бы, подобно закваске, все смешение возвести к собственной красоте. И сыновья опять в такой степени должны быть скромны, чтобы, скорее всего можно было узнавать их по их благонравию и целомудрию, и чтобы они заслужили великую похвалу и от людей, и от Бога. Пусть они научатся обуздывать чрево, воздерживаться от лишних издержек, быть расчетливыми, нежно любящими, пусть они научатся повиноваться власти. Таким образом, они могут доставить родителям великую награду. Тогда все будет ко славе Божией и нашему спасению, о Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

"Если кто епископства желает, доброго дела желает. Но епископ должен быть непорочен, одной жены муж, трезв, целомудрен, благочинен, честен, страннoлюбив, учителен, не пьяница, не бийца, не сварлив, не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью" (1 Тим.3:1-4).

1. Намереваясь перейти к речи о епископстве, (апостол) показывает вообще, каков должен быть епископ, не относя своего увещания собственно к Тимофею, но беседуя с ним, как бы со всеми, и чрез него наставляя всех. Что же он говорит? **"Если кто епископства желает"**, я не порицаю такого, говорит, так как это – дело управления. Если кто имеет такое желание, и при том домогается не одного начальства и власти, но (и исполнения обязанностей свойственных) управлению, то я не порицаю его: **"доброго дела желает"**, говорит. Так и Моисей желал этого, но не одной только власти, – и при том желал в такой степени, что слышал (следующие слова): **"кто поставил тебя начальником и судьей над нами?"** (Исх.2:14). Кто, таким образом, желает, пусть желает. Епископство называется так потому, что представляет собою надзор над всеми (*παρά τῷ ἐπισκοπεῖν ἀπαντας*). **"Но епископ должен"**, – говорит, – **"быть непорочен, одной жены муж"**. Говорит это, не поставляя в качестве закона, как будто без этого ему нельзя было сделаться епископом, а только полагая предел неумеренности, потому что у иудеев позволено было вступать во второй брак, и в одно время иметь по две жены. **"Брак у всех [да будет] честен"** (Евр.13:4). А некоторые полагают, что сказанное здесь значит, что он должен быть мужем одной жены. **"Непорочен"**. Сказавши: **"непорочен"**, он назвал всякую добродетель. Таким образом, если кто сознает себя виновным в каком-нибудь преступлении, то он нехорошо делает, желая такого звания, от которого он удалил себя своими поступками, потому что такому следует не повелевать, а повиноваться. Начальник должен быть светлее всякого светильника и вести жизнь безукоризненную, так чтобы все смотрели на него и по его жизни устроили свою собственную жизнь. И не без причины (апостол) поступает так, преподавая такое наставление. Но так как и он сам намеревался поставлять епископов, касательно чего он делает увещания и в послании к Титу, и так как, по всей вероятности, многие могли желать этого сана, то он по этому поводу и заповедует это. **"Трезв"**, – говорит, то есть, он должен быть прозорливым, со всех сторон иметь тысячу глаз, – должен быть пронизательным и не помрачать умственного своего взора. Действительно, много есть таких случайностей, которые не дают ясно видеть, как совершаются дела, потому что и скорби, и заботы, и бесконечные занятия, и многое другое накапливается со всех сторон.

Итак, (епископ) должен быть неусыпно бодрствующим, имеющим попечение не только о своих делах, но и о том, что касается других, – он должен бодрствовать, пламенеть духом и, так сказать, дышать огнем, в большей мере нести труды и обязанности, нежели полководец, который день и ночь обходит воинство, – обо всем иметь заботу и попечение. **"Целомудрен, благочинен, страннoлюбив"**. Так как и многие из подчиненных имеют такие качества (в этом отношении и они должны быть равны начальникам), то (апостол), показывая преимущества епископов, прибавил: **"учителен"**. От подчиненного уже этого не требуется; но требуется более всего от того, кому вверена эта должность. **"Не пьяница"**. Не о том говорит здесь, кто упивается вином, но о человеке дерзком и заносчивом. **"Не бийца"**. Здесь идет речь не о тех, которые бьют руками. Что же значит: **"не бийца"**? Так как есть люди, которые безвременно возмущают совесть братьев, то, мне кажется, он здесь намекает на них. **"Не корыстолюбив, но тих, миролюбив, не сребролюбив, хорошо управляющий домом своим, детей содержащий в послушании со всякою честностью"** Если, таким образом, человек, связанный узами брака, заботится о мирских делах, а епископ не должен заботиться о мирских делах, то как он говорит: **"единой жены мужу"**? Некоторые полагают, что здесь он указывает на такого епископа,

который был бы свободен от брачных уз. А если не это (должно здесь понимать), то – что он, имея жену, может жить, как будто, не имея ее. Он справедливо в этом случае делает уступку, как бы покоряясь господствующему обычаю того времени. Всякий, кто захочет, имеет возможность из этого сделать надлежащее употребление. Подобно тому, как богатство с трудом открывает вход в царство небесное, и между тем часто люди богатые входили в него, – так точно и брак. Впрочем, что ты говоришь, скажи мне? Беседуя о епископе, сказал, что он должен быть не пьяницею, но гостеприимным, между тем как надлежало бы сказать что-нибудь более важное. Отчего, например, не сказал, что епископ должен быть ангелом, не быть подверженным ни одной человеческой страсти, не указал тех великих требований, о которых говорил Христос и которые обязаны исполнять далее подчиненные, – что нужно распять себя и постоянно в руках держать свою душу, о чем и Христос говорил: **"пастырь добрый полагает душу свою за овцы"** (Ин.10:11), и опять: **"и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня"** (Мф.10:38)], но сказал: не пьяница! Благие можно иметь надежды, если в этом нужно наставлять епископа. Отчего ты не сказал, что он должен отрешиться от земли? Но даже того ты не заповедал епископу, что заповедал мирянам. Что же он говорить к последним? **"Итак, умервите земные члены ваши"** (Кол.3:5), и опять: **"ибо умерший освободился от греха"** (Рим.6:7), и еще: **"Но те, которые Христовы, распяли плоть"** (Гал.5:24). И Христос говорит тоже: **"Так всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником"** (Лк.14:33). Итак, почему он не сказал этого? Потому что таких немного можно было найти, между тем много требовалось епископов, которые бы предстоятельством в отдаленных городах.

2. Поэтому, так как впоследствии могли возникать наветы против Церкви, то (апостол) до этой причине говорит об умеренной добродетели, а не об этой возвышенной и выпренной, потому что многим свойственно – быть трезвенным, честным, целомудренным. **"Детей"**, – говорит, – **"содержащий в послушании со всякою честностью"** – потому что следует на самом себе показать пример. В самом деле, кто поверит, что покорит себе чужого тот, кто сына своего не умел держать в зависимости? **"Хорошо управляющий домом своим"**. Так говорят и внешние, что хороший домоправитель (ὁ οἰκονομικός), в скором времени может сделаться хорошим правителем дел общественных (πολιτικός). И Церковь есть то же самое; что малый дом, и подобно тому, как в доме находятся дети, жена, слуги, и над всеми возвышается своею властью муж, так и в Церкви не иное что, а то же самое: есть дети, жены, слуги. Если же предстоятель Церкви имеет соучастников своей власти, то и там муж имеет соучастницей жену. Но здесь должно заботиться о пропитании вдовиц и девственников? И там тоже муж имеет на своем попечении рабов, дочерей. Впрочем, вообще домом управлять легче. Поэтому как может управлять делами церковными тот, кто и дом свой нехорошо устроил? После этого, сказав: **"ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией"** (ст. 5), присовокупляет: **"не из новообращенных (νεοφύτων)"**, по буквальному значению – новонасажденного (ст. 6), разумея здесь не того, кто был бы юн возрастом, а новооглашенного: **"Я"**, – говорит, – **"насадил, Аполлос поливал, но возрастил Бог"** (1 Кор.3:6). Следовательно, он сказал это, желая указать на этого последнего (новооглашенного). Иначе, что препятствовало сказать: не юному? Но почему же он сам, скажешь, поставил (епископом) Тимофея, несмотря на то, что он был молод, о чем и свидетельствует, говоря к нему: **"Никто да не пренебрегает юностью твоею"** (1 Тим.4:12)? Потому что знал, что он (Тимофей) обладал многими добродетелями, что он достиг великого совершенства в жизни; и, зная об этом, говорит к нему в послании: **"ты из детства знаешь священные писания"** (2 Тим.3:15). А что он соблюдал строжайший пост, это видно из следующих слов: **"употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов"** (1 Тим.5:23), – кроме многого другого и об этом писал к нему. Поэтому, если бы он не знал о столь великих его добродетелях, то и

не писал бы и не поручил бы (столь высокого служения) ученику. Итак, в виду того, что в то время многие из язычников обращались и крестились, (апостол) и говорит: новокрещенного, то есть, новооглашенного, не вдруг возводите на высоту власти. Если он прежде, нежели сделается учеником, вдруг будет поставлен учителем, то впадет в высокомерие; если, не научившись повиноваться, займет место начальника, то сделается надменным. Потому и прибавил: **"чтобы не возгордился и не подпал осуждению с диаволом"**, какому тот подвергся за свою гордость. **"Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних, чтобы не впасть в нареkanie и сеть диавольскую"** (ст. 7). Справедливо: он мог подвергаться поношению с их стороны, – и, вероятно, потому самому он и сказал: **"одной жены муж"**, хотя в другом месте говорит: **"Ибо желаю, чтобы все люди были, как и я"** (1 Кор.7:7), то есть, в воздержании. Итак, чтобы не увеличить затруднений этому делу, если бы потребовал более совершенной жизни, он отыскал не столь возвышенную добродетель. Нужно ведь было в каждом городе поставить предстоятеля. Послушай, что он пишет к Титу: **"чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал"** (Тит. 1:5). Но что, если имеющий хорошее свидетельство и пользующийся добрым мнением на самом деле не будет таким? Конечно, (здесь можно предвидеть) великие затруднения, потому что едва ли могут люди праведные заслужить себе у врагов хорошее мнение. Впрочем, в настоящем случае он не одно это выставляет на вид. Он не сказал: **надлежит ему иметь свидетельство**, но: **"Надлежит ему также иметь доброе свидетельство"**, то есть – между прочим и это, а не одно только это. Но что, если без всякого основания станут о нем говорить худо, из ненависти, особенно потому, что они язычники? Нет, того не бывает, потому что человека безукоризненной жизни и они уважают. Каким же образом, скажешь ты? Послушай, что он говорит о самом себе: **"в слове истины, в силе Божией, с оружием правды в правой и левой руке, в чести и бесчестии, при порицаниях и похвалах"** (2 Кор.6:7-8). Не жизнь его порицали, а проповедь; поэтому и сказал: при порицаниях На них (апостолов) клеветали, что они льстецы и обманщики, – ради их проповеди, – и это делали потому, что не могли ни в чем укорить их жизни. В самом деле, почему никто не сказал об апостолах, что они любодееи, нечестивцы и корыстолюбцы, но – льстецы, что относилось к одной только проповеди? Не потому ли, что они вели жизнь безукоризненную? Очевидно, потому. Поэтому и мы так должны жить; и тогда и об нас никто не станет худо говорить, хотя бы это был наш враг или неверный. Кто ведет праведную жизнь, тот и у них становится достойным уважения: истина и врагам заграждает уста. Каким же образом он может впасть в сеть? Когда часто и в те же самые будет впадать грехи, в какие и они. Если он будет таким, то диавол скоро поставит ему и другую сеть, и они скоро умертвят его. Если же должно иметь свидетельство от врагов, то тем более от друзей. А что действительно тому, кто ведет жизнь непорочную, нельзя услышать о себе худых отзывов, послушай, что говорит Христос: **"Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного"** (Мф.5:16). А если, скажешь ты, он будет оклеветан и случайно подвергнется несправедливому обвинению? Может и это случиться. Но в таком случае не должно его избирать из среды других, потому что это внушает большие опасения. **"Надлежит ему"**, – говорит, – **"также иметь доброе свидетельство"** Пусть, поэтому, поступки ваши будут светлы. Подобно тому, как никто не назовет солнца темным, даже сам слепой, потому что он стыдится идти против общего мнения, так и совершенно праведного никто не станет порицать. Правда, язычники часто клеветали на них ради их верований, но праведной их жизни не порицали, напротив вместе с другими удивлялись и приходили в изумление.

3. Будем поэтому жить так, чтобы не хулилось имя Божие. Не будем ни гоняться за человеческою славою, (ни вести себя так) чтобы о нас составилось дурное мнение, но будем соблюдать надлежащую меру и в том и в другом. **"В котором вы"**, – сказано, –

"сияете, как светила в мире" (Флп. 2:15). На то, ведь, и поставил Он нас, чтобы мы были подобны светилам, чтобы мы соделались учителями других, чтобы мы стали закваскою, чтобы мы обращались как ангелы с людьми, как мужи с малыми детьми, как духовные с людьми душевными, чтобы и те получили пользу, чтобы мы соделались семенами, чтобы приносили обильный плод. Не были бы нужны слова, если бы жизнь наша сияла в такой степени; не были бы нужны учителя, если бы мы творили дела благие. Никто не остался бы язычником, если бы мы были христианами, как следует. Если бы мы соблюдали заповеди Христовы, если бы мы благодушно переносили обиды и насилия, если бы мы, будучи укоряемы, благословляли, если бы, терпя оскорбления, воздавали добром, то никто не был бы столь диким, чтобы не обратиться к истинной вере (τή εὐσεβεία), если бы так все вели себя. И чтобы вы узнали это (укажу пример): один был Павел, и столько людей привлек к себе. Если бы мы все были такими, то сколько вселенных мы обратили бы? Теперь христиане многочисленнее язычников. Между тем, когда другим искусствам один может научить сто отроков, здесь, несмотря на то, что есть много учителей и что их гораздо больше, нежели учеников, никто не присоединяется. Учащиеся взирают на добродетели наставников и, если видят, что и мы того же желаем, того же ищем, (чего и они), то есть, почестей и власти, то как они могут почувствовать уважение к христианству? Они видят жизнь порочную, души земные, (видят) что мы столько же пристрастны к деньгам, как и они, и даже еще больше, перед смертью так же, как и они, трепещем, боимся бедности наравне с ними, в болезнях, как и они, ропщем, одинаково любим власть и силу и, мучась сребролюбием, стараемся уловить благоприятный случай. Итак, ради чего они станут веровать? Ради знамений? Но их уже больше нет. Ради жизни праведной? Но она уже погибла. Ради любви? Но ее и следа нигде не видно. Вот почему мы дадим отчет не только в своих грехах, но и в погибели других людей. Итак, по крайней мере, теперь воспрянем, станем бодрствовать, покажем на земле житие небесное, будем говорить: **"Наше же жительство - на небесах"** (Флп.3:20), и на земле станем совершать подвиги. Но и у нас, скажет иной, были великие мужи. Каким образом я стану веровать этому, – может возразить язычник? Я не вижу, чтоб вы делали то же самое, что они делали. Если нужно об этом рассуждать, то и мы, скажут они, имеем великих философов, по своей жизни достойных удивления. Но ты покажи мне другого Павла или Иоанна; а ты не в состоянии сделать этого. Как после этого не станет (язычник) смеяться над такими нашими речами? Как ему не остаться в своем неведении, когда он видит, что мы любомудрствуем только на словах, а не на деле? Ведь теперь за один обол каждый готов и убить, и быть убитым. За клочок земли ты заводишь бесконечные тяжбы, а за смерть сына все приводишь в смятение. Я уже оставляю без внимания все другое, над чем следует проливать слезы, именно – гадание, прорицание, наблюдение примет, судьбу, изображения, повязки, ворожбу, припевания, чародейство. Воистину велики эти (преступления) и достаточны, чтобы возбудить гнев Божий, потому что даже после того, как Он послал Сына своего, мы дерзаем совершать это. Что же остается нам делать? Ничего больше, как только плакать. Ведь едва меньшая часть мира спасается. Но погибающие радуются, слыша, что не они одни будут терпеть это, но вместе со многими другими. И чему тут радоваться, когда за самую радость они будут наказаны? Не думай, что там так бывает, как здесь, – что если имеешь соучастников в несчастье, то получаешь утешение. Откуда это видно? Я объясню тебе. В самом деле, скажи мне: если бы кто, будучи приговорен к сожжению, увидел, что вместе с ним сжигают и его сына, и обонял смрад, от его тела истекающий, – то ужели бы он не умер? Конечно, и почему так – я скажу тебе. Если те, которые не подвергаются мучениям, взирая на то, что совершается, приходят в оцепенение и теряют присутствие духа, то тем более испытывают это те, которые переносят те же страдания. И не удивляйся, – послушай, что говорить один мудрец: **"и ты сделался бессильным, как мы! и ты стал подобен нам"** (Ис.14:10). Человеческой природе свойственно сострадание, и мы сокрушаемся о несчастьи других. Скажи мне: ужели отец, видя, что и сын его наравне с ним терпит наказание, находит в

этом утешение, или же напротив – увеличение своих страданий? Или муж, видя жену? Или человек – человека? Разве не больше мы тогда сокрушаемся? Да, – скажешь ты; но там нет таких страданий. Знаю это и я. Но будут другие, более жестокие. Тогда будет плач безутешный, когда все станут смотреть друг на друга, когда все будут терзаться. Скажи мне, разве те, которых изнуряет голод, получают утешение оттого, что их горе разделяют с ними другие? Или (какое утешение в том), если сын, или отец, или жена, или внуки подвергнутся одинаковому наказанию? Или, если видим друзей в несчастье, то ужели находим в этом утешение? Нет, нет; напротив, еще более усиливается наша скорбь. Кроме того, есть бедствия, которые, по самой жестокости своей, не приносят утешения, хотя и бывают общи всем. Например, положим, лежит кто-нибудь в огне, и другой – также. Каким образом они будут утешать друг друга? Скажи, прошу тебя: если когда мы страдали сильною горячкою, то ужели не исчезала тогда для нас всякая тень утешения? Без сомнения, – так. Когда несчастье одолевает нас, тогда душа не находит уже больше средства утешать себя. Или не видишь, сколько те, которые лишились мужей своих, могут насчитать других жен, которые претерпели то же самое? И между тем скорбь их от этого нисколько не уменьшается. Не будем же питать себя такую надеждою, но будем искать единственного утешения в том, чтобы принести покаяние во грехах и держаться доброго пути, ведущего на небо, чтобы мы могли получить царство небесное, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 11

"Диаконы также [должны быть] честны, не двоязычны, не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести. И таких надобно прежде испытывать, потом, если беспорочны, [допускать] до служения" (1 Тим.3: 8-10).

1.Сказавши о епископах и начертав их образ, и показав, что они должны иметь и чего избегать, (апостол) опускает чин пресвитеров и переходит к диаконам. Почему так? Потому, что невелико расстояние между пресвитерами и епископами. И первые получили тоже дар учительства и также суть предстоятели Церкви, – поэтому то же самое, что он сказал о епископах, применимо и к пресвитерам. Первые одним только (правом совершать) рукоположение выше последних, и в этом одном заключается их видимое преимущество перед пресвитерами. **"Диаконы также"**. То есть, и им должно иметь то же самое. Что же это именно? Быть непорочными, целомудренными, гостеприимными, кроткими, не сварливыми, не сребролюбцами. А что он сказал: **"также"**, желая видеть их такими, на это он указывает, когда говорит дальше: **"честны, не двоязычны"** то есть непорочным и нехитрым. Действительно, ничто столько не делает человека бесчестным, как порочность, и ничто столько не приносит вреда в Церкви, как хитрость. **"Не пристрастны к вину, не корыстолюбивы, хранящие таинство веры в чистой совести"**. Этим вот он показывает, что такое значит – быть непорочным. Смотри, впрочем, что и здесь он говорит: не из новообращенных. Выражение: **"и таких надобно прежде испытывать"**, то же значит, что сказанное им об епископах; таким образом он показывает (внутреннюю) связь, потому что тут нет ничего среднего. Поэтому употребил он и там выражение: не новообращенных. Не безрассудно ли, в самом деле, в частном доме вновь купленному рабу не прежде поручать какую-либо домашнюю работу, чем он, вследствие долговременного испытания, представит доказательства своего расположения, а в Церкви Божией извне вошедшего тотчас поставлять в числе знатнейших? Женам, т. е. диакониссам, **[должны быть] честны, не клеветницы[1], трезвы, верны во всем.** (ст. 11). Некоторые полагают, что это сказано просто о женщинах; но это несправедливо. Что, в самом деле, он мог иметь в виду, вставляя в середину своей речи несколько слов о женщинах? Говорит он здесь о таких женщинах, которые облечены званием диаконисс.

"Диакон должен быть муж одной жены" (ст. 12). Это прилично было сказать и о женщинах диакониссах, так как это (звание) весьма нужно, полезно и достойно уважения в Церкви. **"Диакон"**, – говорит он, – **"должен быть муж одной жены"**. Видишь ли, что и от диаконов он требует той же самой добродетели? Хотя они по сану и не равны епископу, однако должны быть так же непорочны, так же чисты. **"Хорошо управляющий детьми и домом своим. Ибо хорошо служившие готовят себе высшую степень и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса"** (ст. 12–13). Везде он говорит об управлении детьми, чтобы прочие не имели повода к соблазну. **"Ибо хорошо служившие"**, – говорит, – **" готовят себе высшую степень"**, то есть **совершенство и великое дерзновение в вере во Христа Иисуса**. Он как бы так говорит: те, которые показали себя трезвенными в низших (степенях), скоро достигнуть и остальных. **"Сие пишу тебе, надеясь вскоре придти к тебе, чтобы, если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины"** (ст.14–15). Чтобы, делая наставление касательно таких предметов, не повергнуть чрез это ученика в скорбь, (апостол) говорит: не потому я пишу это, что уже больше не приду к тебе; напротив, я приду; если же случится, что я замедлю, то, говорит, ты не сокрушайся об этом. Таким образом, он пишет это к Тимофею с тою целью, чтобы облегчить скорбь его, а к прочим – чтобы воздвигнуть их (от недеятельности) и сделать более ревностными, так как его присутствие, хотя бы оно было только обещано, могло сделать много. Впрочем, не удивляйся тому, что (апостол), все предвидя духом, обнаруживает незнание, когда говорит: **"надеюсь вскоре придти к тебе, если замедлю"**, – потому что это свойственно незнающему. Так как он водился Духом и по своей воле ничего не делал из того, что делал, то, вероятно, и этого он не знал. **"Чтобы"**, – говорит, **ты знал, как должно поступать в доме Божиим, который есть Церковь Бога живаго, столп и утверждение истины"** (Следовательно, храм этот) не таков, каким был прежний, иудейский. Этим объемлются вера и проповедь, потому что истина есть столп и утверждение Церкви. **"И бесприкословно"**, – говорит, – **"великая благочестия тайна: Бог явился во плоти, оправдал Себя в Духе "** (ст. 16). То есть, домостроительство нашего спасения. Не говори мне о звонцах, ни о святом святых, ни о первосвященнике: Церковь есть столп вселенной. Помысли о тайне, – овладеет тобою трепет: это и тайна, и великая, и благочестия тайна, и непререкаемая, и не подлежит изысканию, так как она выше всякого сомнения. Так как (апостол), беседуя о священниках, ничего не сказал такого, что говорится в книге Левит, то он возводит к другому предмету и говорит: **"Бог явился во плоти"**, то есть, говорит, Творец был видим во плоти. **"Оправдал Себя в Духе"**. Этим он говорит, что премудрость была оправдана от сынов своих, или – что (Иисус Христос) не поступал льстиво, как сказано и пророком: **"потому что не сделал греха, и не было лжи в устах Его"** (Ис.53:9). **"Показал Себя Ангелам"** (ст. 16).

Следовательно, и ангелы вместе с нами увидели Сына Божия, а прежде Его не видели. Поистине, великая тайна. **"Проповедан в народах, принят верою в мире"**. По всей вселенной слышали о Нем и уверовали в Него. На это указывает и пророк, когда говорит: **"Нет языка, и нет наречия, где не слышался бы голос их"** (Пс.18:4). Не подумай, что это просто слова, не имеющие никакого значения. Нет, они не таковы, напротив – исполнены сокровенного смысла. **"Вознесся во славе"**, то есть, на облаках. **"Сей Иисус"**, – сказано, – **"вознесшийся от вас на небо, придет таким же образом, как вы видели Его восходящим на небо"**. (Деян.1:11). Обрати внимание на благоразумие блаженного Павла. Желая наставить тех, которые сподобились диаконского сана, чтобы они не предавались слишком вину, он не сказал: не (должно) упиваться, но: **"Не пристрастны к вину"**. И справедливо, – потому что если входившие в святилище вовсе не прикасались к вину, то тем более им не следовало этого делать. Вино, говорит он, производит помешательство и, если даже не причиняет опьянения, ослабляет крепость сил души и приводит ее к рассеянности. Заметь, что он везде домостроительство нашего спасения

называет тайною. И справедливо, – потому что она не всем людям известна; вернее же сказать даже ангелам не была открыта; иначе как она бы открылась чрез Церковь? Поэтому говорит: **"И беспрекословно – великая благочестия тайна"**. И подлинно она велика, – потому что Бог соделался Человеком и человек Богом, явился человек безгрешный, человек вознесся, был проповедан в мире; с нами увидели Его ангелы. Следовательно, это тайна. Не будем поэтому открывать тайны, не будем повсюду разглашать о ней, будем жить сообразно с достоинством этой тайны. Те, которым доверяются тайны, в некотором смысле – великие люди. Если бы царь вверил нам какую-нибудь тайну, то, скажи мне, ужели бы мы не почли этого признаком великого к нам благоволения? Между тем ныне Бог вверяет нам Свою тайну, – и мы, как будто не великое, сделано для нас благодеяние, остаемся неблагодарны к Благодетелю. Вострепещем (сознавая), что мы остаемся нечувствительны к этому благодеянию. Это тайна, которую все узнали, или, лучше сказать, которую прежде не все знали, а ныне всем она сделалась известною.

2. Соделаемся поэтому заслуживающими доверия хранителями тайны. Он вверил нам столь великую тайну, а мы Ему не вверяем даже стяжаний наших. Между тем как Он сам говорит: положите их у Меня, никто не будет в состоянии похитить их, ни моль, ни разбойник не нанесет им вреда, и обещает воздать во сто крат больше, – мы не слушаем. Если бы мы у кого-нибудь положили на хранение наше имущество, то назад не получили бы ничего больше. Напротив мы должны были бы чувствовать благодарность, если бы обратно получили все, что положили. Между тем здесь, – если бы даже вор похитил – говорит: Мне это вмени в вину; не скажу тебе: унес вор, или моль поела. Здесь Он воздает сторицею, и там еще кроме того дарует жизнь вечную, – и несмотря на то никто не полагает на хранение (своих стяжаний). Но Он слишком медленно, скажешь, воздает мне. Это именно и служит величайшим признаком Его щедрости, что не здесь, в этой тленной жизни, Он воздает нам; лучше же сказать, и здесь воздает сторицею. В самом деле, скажи мне: разве не здесь оставил Павел свой резец? Или трость и уду Петр? Или мытницу Матфей? Разве не вся вселенная была открыта пред ними больше, нежели пред царями? Разве не к их ногам полагали все свои стяжания? Разве не их делали распорядителями и властелинами всего? Разве не им поручали даже свои души? Разве не всецело поставляли себя в зависимость от их воли? Разве не все записывались в число их рабов? Да и ныне, разве мы не видим, что происходит много подобного? В самом деле, часто многие, (происходя) из низкого и малоуважаемого звания, только с мотыкою в руках, и не будучи даже обильно наделены необходимою пищею, имея одно имя монаха, более всех прославились и пользовались почетом у царей. Разве это маловажно? Но помысли, что это составляет прибавку; а главное уготовано в будущем веке. Презирай стяжания, если хочешь приобрести стяжания. Если желаешь обогатиться, сделайся бедным. Таковы-то чудные дела Божии. Не хочет Он, чтобы ты был богат вследствие собственных усилий, но по Его милости. Мне это предоставь, говорит Он, а ты заботься о духовном, чтобы ты узнал и Мое могущество; убегай рабства и ига стяжаний. Ты беден до тех пор, пока ты привязан к ним; когда станешь пренебрегать ими, сделаешься вдвойне богатым – и потому, что они со всех сторон будут стекаться к тебе, и потому, что не будешь нуждаться в том, в чем (нуждаются) многие. Ведь быть богатым не значит приобрести много, но не нуждаться во многом, так что если предстоит нужда, то и царь ничем не отличается от нищего. В том и состоит бедность, что мы нуждаемся в других. Такими образом и царь по этой причине может быть назван нищим, поскольку он нуждается в подданных; Но не таков Тот, Кто пригвоздился ко кресту: он ни в чем не имеет нужды; для пропитания Ему достаточно рук. **"Нуждам моим"**, – говорит (апостол), – **" и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии"** (Деян.20:34). Это говорил тот, кто в другом месте сказал: **" мы нищи, но многих обогащаем"** (2 Кор.7:10), – тот, кто в Листрах был сочтен за Бога. Если хочешь приобрести мирские блага, – ищи неба. Если желаешь насладиться настоящим, –

презирай его. **"Ищите же прежде Царства Божия и, и это все приложится вам"** (Мф.6:33). Зачем ты удивляешься тому, что маловажно? Зачем жаждешь того, о чем даже говорить не стоит? До каких пор ты будешь оставаться бедным? До каких пор нищим? Возри на небо, помысли о том богатстве, которое там обретается, посмейся над золотом, научись, какое из него нужно делать употребление. Мы пользуемся им только в настоящем, только в настоящей жизни, которая расплывчата, как песок, или лучше, что капля в сравнении с беспредельною пучиною, то настоящая жизнь в сравнении с будущим. Это не составляет приобретения, а одно только пользование; это не составляет истинного обладания: иначе отчего, когда ты находишься при смерти, другие берут все, что у тебя находится, (не взирая на то), хочешь ли ты этого или не хочешь, и сами опять передают другим, а эти опять третьим? Все мы пришельцы. Владельцем дома, можете быть, больше бывает тот, кто нанимает дом. Часто, когда первый умрет, последний остается и более продолжительное время пользуется домом. Если же последний (пользуется им) за известную плату, то и первый за плату, так как он созидал, трудился, устроил. Владение существует только по имени, а на самом деле мы все владельцы чужого. То только нам принадлежит, что туда предпосылаем. А то, что здесь находится, не наше, но тех, которые живут, или лучше, даже тогда, когда живем, оно уходит от нас. То только нам принадлежит, что составляет душевные наши подвиги, именно – милостыня и человеколюбие. А прочее и у внешних называется внешним, так как существует вне нас. Постараемся поэтому сделать это внутренним достоянием. Мы не имеем возможности, взяв с собою деньги, отойти, но можем отойти, взяв милостыню. Ее и будем больше всего предпосылать туда, чтобы уготовать себе жилище в вечных обителях.

3. Название денег происходит от употребления, а не от обладания; и самое имущество состоит в пользовании, а не в господстве. В самом деле, скажи мне: скольким владельцам принадлежало каждое поле, и скольким еще будет принадлежать? Есть одна весьма мудрая поговорка, – не надобно ведь пренебрегать и народными поговорками, когда они заключают в себе какую-нибудь мудрую мысль. О поле, говорят, скольких ты имело (господ), и скольких еще будешь иметь! То же самое должно сказать и о домах, и о деньгах. Одна только добродетель способна сопутствовать нам, одна только добродетель переходит в будущую жизнь. Поэтому освободим себя и погасим в себе пристрастие к деньгам, чтобы воспламенить в себе желание небесного. Ведь не могут, эти два стремления совмещаться в одной душе. **"Ибо или одного",** – говорится, – **"будет ненавидеть, а другого любить; или одному станет усердствовать, а о другом нерадеть"** (Мф.6:24). Видишь ли ты, скажи мне, мужа, который имеет многочисленную свиту, гордо идущего по площади, одетого в шелковые одежды, разъезжающего на коне, вытягивающего шею? Не изумляйся, но смейся над ним. Подобно тому, как ты смеешься, когда, видишь детей, изображающих в играх начальников, так смейся и здесь. Ничем не отличается одно от другого; первое далее бывает приятнее, потому что есть следствие детского возраста и сопряжено с величайшим простодушием. Здесь смех и удовольствие. А там человек становится смешным и исполненным бесстыдства. Прославь Бога за то, что Он избавил тебя от такого зрелища и такой надменности. Если захочешь, то ты, который ходишь по земли, будешь выше того, который восседает на колеснице. Каким образом? Таким, что тот телом немного поднялся от земли, душою же прильнул (к земле): **"прилипла",** – сказано, – **"плоть моя к костям моим"** (Пс.101:6); а ты умом носишься на небе. Но он имеет многочисленную прислугу, которая очищает ему дорогу? Так чем же больше ему почета, нежели коню? Что может быть неразумнее того, чтобы разгонять людей, чтобы прошло свободнее животное? Но разъезжать на коне почетно? Однако и слуги принимают в этом участие. Между тем есть и такие, которые до того бывают ослеплены, что, без всякой надобности, заставляют прислужников, чтобы они шли позади их. Что бессмысленнее этого? Хотят приобрести известность чрез коней, драгоценные одежды и спутников. Что ничтожнее такой славы, которая состоит в конях и прислуге?

Если ты добродетелен, – не ищи ничего такого: носи свой собственный наряд и не украшай себя присутствием других. Это могут иметь и люди бесчестные, порочные, и невежды, и все, обильно наделенные богатством. На лошадях ездят и шуты, и плясуны; и пред ними тоже идет слуга. И, несмотря на то, они остаются шутами и плясунами, и не становятся более достойными уважения чрез лошадей и слуг. Когда у таких людей нет в душе никакой добродетели, тогда напрасно и без пользы мы стали бы прилагать что-нибудь извне. И подобно тому как полуразрушенная стена или истлевшее тело, что бы ты ни приставил к ним, они остались бы безобразными и истлевшими, так и здесь, душа не получает никакой пользы от внешних благ, но остается такою же, как прежде, хотя бы ты окружил ее бесчисленными золотыми украшениями. Не будем же удивляться всему этому, оставим временное и прилепимся к лучшему, духовному, к тому, что действительно соделывает нас достойными уважения, чтобы мы сподобились получить будущие блага (о Христе Иисусе, Которому слава во веки веков. Аминь).

[1] Вместо: клеветницы, у Златоуста читается: двуязычны.

БЕСЕДА 12

"Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак [и] употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением. Ибо всякое творение Божие хорошо, и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением, потому что освящается словом Божиим и молитвою" (1 Тим.4:1–5).

1. Как держащиеся веры утверждают, как бы на некотором безопасном якоре, так напротив те, которые отпали от веры, не могут ни на чем остановиться, но, постоянно блуждая туда и сюда, наконец, впадают в бездну погибели. И это (апостол) уже показал, сказавши, что некоторые уже претерпели кораблекрушение в вере. И теперь говорит то же самое: **"Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры, внимая духам обольстителям и учениям бесовским"**. О манихеях, энкратитах, маркионитах и обо всех сборищах говорит он это, - что в последние времена некоторые отступят от веры. Видишь ли, что вина всех последующих зол есть отступничество от веры? Но что значит: **"ясно"**? Очевидно, ясно, беспрекословно, так что вовсе не остается места сомнению. Не удивляйся, говорит он, если теперь отступившие от веры придерживаются иудейских заблуждений. Будет время, когда даже те, которые соделались участниками веры, будут творить (дела) более достойные осуждения, подавая губительные советы не только касательно пищи, но и касательно браков, и всех тому подобных (предметов). Не об иудеях он говорит, – какое отношение к ним могут иметь выражения: **"в последние времена"**, и: **"отступят некоторые от веры"**? – но о манихеях и их главных вождях. Он назвал их духами лстивыми, – и справедливо, потому что, побуждаемые этими последними, они проповедовали (такое учение). Что значит: **"через лицемерие лжесловесников"**? То, что они лживо проповедуют не по неведению, и не потому, что не знают, напротив они знают истину, а притворяются лжецами, **сожженных в совести своей**, то есть, будучи порочной жизни. Почему же именно об этих только еретиках говорит он? Христос предсказал и о других, когда говорил: **"ибо надобно придти соблазнам"** (Мф. 18: 7). В другой раз Он предвозвестил о них в притче о сеянии пшеницы и произрастании плевел. Но подивись и Павлову пророчеству. Он прежде времени, в которое имело совершиться это, указал и самое время. Не удивляйся поэтому,

если теперь, когда полагается начало веры, некоторые покушаются вводить такие гибельные верования, – потому что некоторые отступят от веры и спустя долгое время после того, как она утвердится. **"Запрещающих"**, – говорит, – **"вступать в брак [и] употреблять в пищу"**. Отчего же он не сказал и о других ересях? Он и на них указывает, когда говорит: **"духам обольстителям и учениям бесовским"**. Он не хотел преждевременно посеять эти (зablуждения) в душах людей, но указывает на то, что уже получило начало, именно (на заблуждения) касательно пищи. **"Что Бог сотворил"**, – говорит, – **"дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением"**. Отчего он не сказал: и неверным? Каким же образом (мог он сказать): и неверным, когда они, повинувшись своим законам, воздерживаются от этого? И так, что же? Ужели сластолюбие не воспрещено? И очень. Почему же так, если что-либо и создано для того, чтобы служить пищею? Потому что и хлеб создан, между тем воспрещена неумеренность; и вино создано, между тем воспрещена неумеренность. В настоящем случае он заповедует отказываться от наслаждения не потому, что оно нечисто, а потому, что оно при неумеренности расслабляет душу. **"Ибо всякое творение Божие хорошо"**, – говорит, – **"и ничто не предосудительно, если принимается с благодарением"**. Если создание Божие, то и добро: **"все, что Он создал, и вот, хорошо весьма"** (Быт.1:31). Выражением: **"творение Божие"** он обозначает вообще все, что может быть употреблено в пищу, и таким образом уже ниспровергает заблуждение тех, которые вводят несотворенную материю и говорят, что из нее произошло все прочее. И так, если (все) добро, то что значат слова: **"освящается словом и молитвою"**? Ведь очевидно, что, будучи нечистым, освящается. Не так нужно понимать эти слова. Здесь он говорит против тех, которые считали некоторые роды пищи чем-то скверным. Поэтому он и высказывает две главные мысли: во-первых, что нет ни одного создания, которое было бы скверно; и, во-вторых, что если бы что-нибудь и было скверно, то ты имеешь против этого врачество: осени знамением (креста), возблагодари, воздай славу Богу, и всякая нечистота исчезнет.

Неужели и идоложертвенное, скажешь ты, может быть таким образом очищено? Да, когда ты не знаешь, что это идоложертвенное; а если знаешь и, несмотря на то вкусишь, то соделаешься нечистым, не потому, что это идоложертвенное, а потому что, получив заповедь не приобщаться к демонам, ты чрез это вошел с ними в общение. Следовательно, оно не по природе своей нечисто, но становится таким вследствие твоего произволения и преслушания. Что же? Ужели и свиное мясо не есть нечисто? Нисколько, когда вкушаешь его с благодарением, с крестным знамением; равным образом и все прочее не бывает нечистым. Нечисто произволение, которое не благодарит Бога. **"Внушая сие братьям, будешь добрый служитель Иисуса Христа, питаемый словами веры и добрым учением, которому ты последовал"** (ст. 6). **"Сие"**: что же именно? То, о чем (прежде) говорил, – что тайна великая, что удалиться от яств – дело бесовское, что пища очищается словом Божиим и молитвою. **"Негодных же и бабьих басен отвращайся, а упражняй себя в благочестии"** (ст. 7). **"Внушая сие"**, – говорит. Видишь ли, что здесь нисколько он не обнаруживает власти, а только снисхождение? **"Внушая"**, – говорит он. Не сказал: приказывая, не сказал: заповедуя, но: **"внушая"**, то есть, как бы советуя, предлагай это и заводи речь о вере. **"Питаемый"**, говорит, – указывая на постоянное внимание к такого рода предметам.

2. Подобно тому, как мы каждый день употребляем эту пищу, так, говорит, будем всегда принимать и слово о вере, всегда им питаться. Что значит – **"питаемый"**? Пережевывая, постоянно повторяя одно и то же, всегда поучаясь одному и тому же: ведь предлагается не обыкновенная пища. **"Негодных же и бабьих басен отвращайся"**. О каких (баснях) он здесь говорит? Об иудейских вычислениях и наблюдениях? И их называет баснями? Да, или потому, что они измышленны, или потому, что несвоевременны. Что благовременно, то полезно; что безвременно, то не только не полезно, но и вредно. В самом деле,

представь себе: если бы человек на двадцатом году жизни прильнул к сосцам кормилицы, то до какой степени он был бы смешен из-за несвоевременности (поступка)? Видишь ли, как он называет их и негодными, и бабьими? (И называет так) частью потому, что они уже устарели, частью потому, что составляют препятствие для веры. Действительно, подчинять страху душу, которая соделалась выше всего этого, свойственно нечистым правилам. **"Упражний себя в благочестии"**, то есть, в вере чистой и жизни праведной, – потому что в этом состоит благочестие. Следовательно нам нужно упражняться в нем. **"Ибо телесное"**, – говорит, – **"упражнение мало полезно"** (ст. 8). Некоторые полагают, что это сказано о посте. Но с этим нельзя согласиться: (пост) составляет не телесное, а духовное упражнение. Если бы он был телесным упражнением, то питал бы тело. Если же он истощает, утончает и иссушает тело, то, значит, не составляет телесного (упражнения). Следовательно, не о телесном упражнении говорит он. Итак, нам нужно духовное упражнение. Первого рода упражнение не приносит выгоды и только несколько пользы доставляет телу, а упражнение в благочестии приносит плод и в будущей жизни: и здесь и там доставляет утешение. Верно слово. То есть, истинно, что как здесь, так и там. Смотри, что он везде вводит это (выражение): не имеет нужды в особенном приготовлении, а выражается прямо, – потому что он обращает речь свою к Тимофею. Следовательно, и здесь мы пребываем в добром уповании. Действительно, тот, кто не знает за собой никакого преступления и творит бесчисленные добрые дела, радуется и в настоящей жизни. Напротив, человек порочный не только там, но и здесь несет наказание, постоянно живя в страхе, ни на кого не смея взглянуть с дерзновением, трепеща, бледнея, томясь. Разве не таковы корыстолюбцы, воры, которые не уверены в том, чем владеют? Разве прелюбодееи и человекоубийцы не ведут самой тягостной жизни, с недоверчивостию взирая на самое солнце? Неужели это жизнь? Нет, это скорее тяжкая смерть. **"Ибо мы для того"**, – говорит, – **"и трудимся и поношения терпим, что уповаем на Бога живаго, Который есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных"** (ст. 10). Как бы так говорит: ради чего мы изнуряем себя, если не ожидаем будущих благ? Ради чего все поносят нас? Разве не такие бедствия, говорит, мы перенесли? Разве не оскорбления, не клевету и не другие бесчисленные несчастья? Неужели все это мы напрасно переносили? Если бы мы не уповали на живого Бога, то зачем бы нам и подвергаться этому? Если здесь Он спасает неверных, то тем более там спасет верных. О каком спасении говорит он? О небесном. **"Который"**, – говорит, – **"есть Спаситель всех человеков, а наипаче верных"** То есть, обнаруживает великую заботливость о верных. До сих пор он говорит о земном. Но каким образом, спросишь ты, Он есть Спаситель верных? Если бы Он не был Спаситель, то ничто не воспрепятствовало бы давно погибнуть тем, против которых все ратуют. Здесь (апостол) возбуждает Тимофея к перенесению опасности, чтобы он не падал духом, имея в Боге столь сильного помощника, и не нуждался в содействии других, но охотно все переносил с мужеством. Так и алчущие житейских благ, надеясь получить прибыль, решаются на многое. Итак, наступают уже последние времена. **"В последние времена"**, – говорит, – **"отступят некоторые от веры, внимая духам оболстителям и учениям бесовским, через лицемерие лжесловесников, сожженных в совести своей, запрещающих вступать в брак"**. Итак, что же, спросишь ты? Разве мы не возбраняем вступать в брак? Нисколько, мы не возбраняем тем, которые желают этого, но не желающих вступать в брак уговариваем хранить девство. Иное дело возбранять, и иное – оставлять каждого господином своей воли. Тот, кто возбраняет, делает это без всякого ограничения; а тот, кто советует хранить девство, как нечто более возвышенное, не воспрещает вступать в брак, но уговаривает пребывать в девстве. **"Запрещающих вступать в брак [и] употреблять в пищу то, что Бог сотворил, дабы верные и познавшие истину вкушали с благодарением"**. Прекрасно сказал: **"познавшие истину"**. Следовательно, прежние (запрещения) имели другое значение, так как нет ничего нечистого по природе, но становится таким вследствие убеждения приемлющего. И в самом деле, для чего многие яства были им запрещены? Для искоренения в них излишнего

пресыщения. Но если бы он сказал: не ешьте во избежание пресыщения, то они не приняли бы этого; между тем ныне обращает им это в закон необходимости, чтобы вследствие большого опасения они скорее воздерживались. Всякому известно, что рыба более нечиста, нежели свиное мясо, – и, несмотря на то, им не было запрещено употребление ее. А насколько губельно было для них пресыщение, послушай, что говорит Моисей: **"И утучнел Израиль, и стал упрям; утучнел, отолстел и разжирел; и оставил он Бога"** (Втор.32:15). Есть впрочем, и другая причина. Именно, чтобы они, будучи приведены в стеснительное положение, наконец, обратились к волам и стали закалывать овец, он не без основания, ради Аписа и тельца, возбранил употребление всего прочего: этот последний нечист, неприятен, отвратителен и скверен.

3. Это проповедуй, этому поучайся: выражение – **"питаемый словами веры"** такое именно имеет значение. Не только других наставляй, говорит, но и сам упражняйся в этом: **"Питаемый"**, – говорит, – **"словами веры и добрым учением, которому ты последовал"**. **"Негодных же и бабьих басен отвращайся"**. Почему он не сказал: воздерживайся от таковых, но: **"отвращайся"**? Через это он показывает, что окончательно нужно избегать их. Именно слова его имеют такой смысл: даже не принимай на себя труда когда-либо вступать в разговор с ними, но только своим заповедуй это. Действительно невозможно, чтобы состязающийся с развращенными имел когда-либо успех, кроме того случая, когда предвидим какой-либо вред оттого, что мы, будто по (сознанию) нашей немощи, отказываемся от собеседования с ними. **"Упражний себя в благочестии"**, то есть, к жизни чистой, самому лучшему поведению. Тот, кто занимается телесными упражнениями, даже и не во время состязаний, как ратоборец все делает, от всего воздерживается, вступает в борьбу, переносит тяжелый труд. Обучай себе к благочестию, говорит. **"Ибо телесное упражнение мало полезно, а благочестие на все полезно, имея обетование жизни настоящей и будущей"**. И для чего, спросишь ты, упоминает он здесь о телесном упражнении? Для того чтобы чрез сравнение показать превосходство духовных подвигов, – потому что первое (телесное упражнение), будучи соединено с большими трудами, не приносит ни пользы и ничего такого, о чем стоило бы говорить, а последнее (духовные подвиги) приносят неизменную и обильную (пользу): по-добным образом и (женщинам) заповедует он: **"украшали себя не плетением [волос], не золотом, не жемчугом, не многоценною одеждою, но добрыми делами, как прилично женам, посвящающим себя благочестию"**. (1 Тим.2:9,10). **"Слово сие верно и всякого принятия достойно. Ибо мы для того и трудимся и поношения терпим"**. Павел переносил оскорбления, а ты негодуешь, принимая обиды? Павел трудился, а ты желаешь пресыщаться? Но и он, если бы пресыщался, не получил бы столь великих благ. Если мирских стяжаний – и временных, и тленных – никогда не приобретают люди без трудов и пота, то тем более духовных. Без сомнения, скажешь ты; но часто многие получали их по наследству. Но если и получают их таким образом, то сбережение и сохранение их не обходится без трудов, напротив, (и при этом) нужно трудиться и изнуряться не менее тех, которые приобретают их посредством труда. Между тем, я не говорю уже о том, что многие, после трудов и различных неудач, были обмануты в своих ожиданиях, при самом входе в пристань, потому что налетал откуда-то ветер и производил крушение, когда близко было осуществление надежды (на получение) благ. А у нас ничего такого не бывает, – сам Бог дает обетования и **"надежда не постыжает"** (Рим.5:5). Разве вы сами, которые занимаетесь житейскими делами, не знаете того, сколь многие после бесчисленных трудов не пользовались их плодами или потому, что часто смерть преждевременно похищала их, или вследствие перемены обстоятельств, или по причине случившейся с ними болезни, или по наущению клеветников, или по другой какой-либо причине (многое ведь случается в делах человеческих), которая оставляла их с пустыми руками?

Как, спросит кто-либо? Разве не видишь тех, которые имели успех, и без больших трудов стяжали великие блага? Какие блага? Деньги, дома, столько-то десятин земли, толпу рабов и кучи серебра и золота? Это ли называешь благами? И не совестишься, не стыдишься ты – человек, которому дана заповедь любомудрствовать о небе, а между тем ты алчешь земных стяжаний и называешь благами то, о чем не стоит даже говорить ни одного слова? Если это – блага, то конечно и тех, которые стяжали их, следует называть благими. Да и каким образом не благ тот, кто имеет нечто благое? Итак, что же, скажи мне? Если стяжавшие их бывают жадны к приобретению, похищают, то ужели назовем их благими? Если богатство есть благо и между тем оно накапливается вследствие корыстолюбия, то чем более оно будет возрастать, тем более послужит причиной того, что владеющего им будут считать благим. Ужели после этого и корыстолюбец благ? Если же богатство есть благо и умножается вследствие корыстолюбия, то тот будет лучше, кто больше, таким образом, приобретет. Замечаешь ли противоречие? Но если он не будет корыстолюбив, скажешь ты? А каким же образом это может случиться? Страсть эта пагубна, и невозможно разбогатеть тому, кто не делает несправедливости. На это и Христос указывает, говоря: **"приобретайте себе друзей богатством неправедным"** (Лук.16:9). Но что, скажешь ты, если кто-нибудь от отца получил наследство? Он получил собранное неправдою. Ведь без сомнения не от Адама предок его был богат, но, конечно, многие другие прежде него являлись на свет, и между многими мог найтись такой, который незаконно похитил и воспользовался тем, что принадлежало другим. Итак, что же? Неужели Авраам, скажешь ты, имел неправедно приобретенное богатство? И что (сказать) об Иове, который был непорочен, праведен, истинен, богобоязлив, который удалялся от всякой злой вещи? Богатство их состояло не в золоте, не в серебре, не в зданиях, а в скоте; иначе говоря, – богатство это было от Бога. А что богатство его состояло из скота, это видно из того, что писатель книги, перечисляя то, что случилось с тем блаженным, и говоря, что у него умерли верблюды, и кобылы, и ослы, не сказал, что (враги), придя, расхитили у него золотые сокровища. Кроме того, и Авраам тоже был богат, но рабами. Что же? Неужели он не купил их? Нет; поэтому и замечает Писание, что у него было триста восемнадцать домочадцев. Сверх того, ему принадлежали и овцы, и волы. Откуда же он взял золото, посланное к Ревекке? Получил дары из Египта, – не вследствие насилия или какой-либо несправедливости.

4. Поэтому, скажи мне, откуда ты приобрел богатство? От кого ты получил его? А другой откуда взял? От деда, скажешь ты, от отца. Но можешь ли ты, восходя чрез длинный ряд поколений, доказать таким образом, что имущество это законно приобретено? Никак не можешь этого сделать. Напротив, начало и корень его непременно должны скрываться в какой-нибудь несправедливости. Почему так? Потому что сначала Бог не сделал одного богатым, а другого бедным, и, приведши (людей), не показал одному многих золотых сокровищ, а другого лишил этого приобретения, но всем предоставил для возделывания одну и ту же землю. Каким же поэтому образом, когда она составляет общее достояние, ты владеешь столькими-то и столькими участками, а ближний не имеет ни клочка земли? Скажешь: мне отец передал. А он от кого получил? Тоже от предков. Но, постоянно восходя выше, непременно нужно найти начало. Иаков стал богат, но получая награду за труды. Впрочем, не стану заниматься подробными исследованиями этого. Положим, что богатство законно, приобретено без малейшей примеси грабительства. Ты не виноват в том, что отец твой награбил; правда, ты владеешь тем, что приобретено посредством грабительства, однако сам ты не грабил. Согласимся, впрочем, даже и на то, что и он не грабил, но владел золотом откуда-либо из земли добытым. Что же из этого? Ужели богатство есть благо? Нисколько. Но оно и не зло, скажешь ты. Если оно не есть плод любостяжания, то не зло, и при том, если раздают его нуждающимся; если же не раздают его, то становится злом и коварством. Но скажешь: до тех пор, пока человек не сделал зла, он не зол, хотя бы и не делал добра. Прекрасно. Но разве это не зло, что один владеет тем,

что принадлежит Господу, и что один пользуется общим достоянием? Не Божия ли земля и исполнение ея? Поэтому, если наши блага принадлежать общему Владыке, то они в равной степени составляют достояние и наших сорабов: что принадлежит Владыке, то принадлежит вообще всем. Разве мы не видим такого устройства в больших домах? Именно, всем поровну выдается определенное количество хлеба, потому что он исходит из житниц домохозяина: дом господский открыт для всех. И все царское принадлежит всем: города, площади, улицы принадлежать всем; мы все в равной мере пользуемся ими. Посмотри на строительство Божие. Он сотворил некоторые предметы общими для всех, чтобы, хотя таким образом, пристыдить человеческий род, как-то: воздух, солнце, воду, землю, небо, море, свет, звезды, – разделил между всеми поровну, как будто между братьями. Для всех Он создал одинаковые глаза, одинаковое тело, одинаковую душу; всем дал одинаковое устройство, всех из земли (произвел), всех от одного мужа, всех поставил в одном и том же доме. Но все это нисколько не послужило к нашему обращению. И другое соделал Он общим, как-то: бани, города, площади, улицы. И заметь, что касательно того, что принадлежит всем, не бывает ни малейшей распри, но все совершается мирно. Если же кто-нибудь покушается отнять что-либо и обратить в свою собственность, то происходит распря, как будто вследствие того, что сама природа негодует на то, что в то время, когда Бог отовсюду собирает нас, мы с особенным усердием стараемся разъединиться между собою, отделиться друг от друга, образуя частное владение, и говорить эти холодные слова: „это твое, а это мое“. Тогда возникают споры, тогда огорчения. А где нет ничего подобного, там ни споры, ни распри не возникают. Следовательно, для нас предназначено скорее общее, чем отдельное владение (вещами), и оно более согласно с самою природою. Отчего никто никогда не заводит тяжбы о владении площадью? Не потому ли, что она принадлежит всем? Между тем видим, что о домах, об имениях все заводят тяжбы. И несмотря на то, что необходимое находится в общем владении всех, мы не наблюдаем общения во владении даже ничтожнейшими предметами. Между тем для того-то Бог и дал нам первое в общее употребление, чтобы мы научились из этого, что и последние должны быть у нас общими со всеми. Но мы и таким образом не вразумляемся. Впрочем (возвращаясь к тому) о чем я уже прежде говорил: каким образом владеющий богатством бывает благ? Конечно, он не благ, но он становится благим, когда раздает другим (свое богатство). Когда не имеет его, тогда он благ; и когда раздает другим, тогда тоже благ; а до тех пор, пока удерживает его при себе, он не бывает благим. Итак, добро ли то, с приобретением чего люди становятся злыми, а с лишением – благими? Поэтому не в том состоит добро, чтобы иметь деньги: напротив неимение денег служит признаком доброго человека. Следовательно, не в богатстве состоит добро. Если, имея случай получить его, не возьмешь, то опять ты сделаешься добрым. Поэтому, если, имея богатство, раздаем его другим, или предложенного нам не берем, мы бываем добры, напротив, если берем или приобретаем его, становимся недобрыми, – то каким образом богатство может быть признано благом? Итак, не называй богатства благом. Ты потому не имеешь богатства, что считаешь его благом, что слишком удивляешься ему. Очисти твой помысл, приобрети здоровое суждение о вещах, – и тогда будешь, благ. Узнай, что составляет истинные блага. Какия же это блага? Добродетель, человеколюбие. Благо вот это, а не богатство. Если, следуя этому правилу, будешь милостив, то чем будешь милостивее, тем лучше будешь и сам по себе, и во мнении других. Между тем, будучи богат, не приобретешь этого. Поэтому соделаемся в такой мере благими, чтобы мы на самом деле были благими и сподобились получить будущие блага о Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 13

"Проповедуй сие и учи. держись; но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте. Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением. Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству с возложением рук священства" (1 Тим.4: 11–14).

1. При устройении человеческих дел, иногда требуется наставление, а иногда приказание. Если бы, поэтому ты стал приказывать там, где следует учить, то ты был бы достоин посмеяния. И наоборот, если бы ты начал учить там, где нужно приказывать, то случилось бы с тобою то же самое. Например: что не должно быть злым, этому следует не учить, а приказывать и запрещать с особенною силою; равно как и то следует приказывать, что не нужно придерживаться иудейских заблуждений. Если же ты намереваешься говорить о том, что должно раздавать имение, что должно хранить девство, или если думаешь беседовать о вере, то в таком случае необходимым становится учение. Поэтому и употребляет Павел оба эти выражения: **"проповедуй и учи"**. Например, если кто носит привески или что-нибудь подобное и делает это, зная, что это зло, то в таком случае нужным бывает одно только приказание; а когда, не зная того, – наставление. **"Никто да не пренебрегает юностью своею"**, – говорит. Видишь ли, что священник должен и приказывать и говорить с властью, а не все учить? Так как юность вследствие общего предрассудка некоторым образом сделалась чем-то легко презираемым, то (апостол) и говорит: **"Никто да не пренебрегает юностью своею"**. Учитель не должен находиться в пренебрежении. Где же (обнаружит он) скромность, скажешь ты, где кротость, если никогда не испытает пренебрежения? В тех вещах, которы лично его касаются, пусть он подвергается пренебрежению и пусть переносит его, – таким образом, долготерпение содействует успеху учения; а в том, что касается других, – нет, потому что это уже будет не кротость, но равнодушие. Когда он мстит за обиды, нанесенные ему, или за злословие, или за наветы, тогда справедливо обвиняешь его. Когда же дело касается спасения других, тогда приказывай и распоряжайся с полной властью. Здесь уже нужна не кротость, а власть, чтобы не произошло вреда для общества. Или это хочет сказать (апостол), или следующее: пусть никто не презирает тебя из-за твоей юности, то есть, до тех пор, пока ты будешь вести жизнь приличную (твоему сану), никто не станет пренебрегать тебя за возраст, но еще больше всякий будет удивляться тебе.

Поэтому и прибавляет он следующие слова: **"но будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте"**; во всем подавай собою пример добрых дел. То есть, сам будь первообразом в жизни, являясь пред другими как образ, как одушевленный закон, как правило и устав доброй жизни. Таков должен быть учитель. Словом, – чтобы без затруднения вступать в собеседование. **"В житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте"** – целомудрием. **"Доколе не приду, занимайся чтением, наставлением, учением"**. Тимофею заповедует заниматься чтением. Послушаем этого все и научимся не нерадеть об изучении Божественных Писаний. Вот опять говорит: **"доколе не приду"** Видишь ли, как он утешает его? Вероятно, и он сам (Тимофей), как осиротелый, искал этого. **"Доколе не приду"**, – говорит, – **"занимайся чтением"** Божественных Писаний, **"наставлением"** взаимным, **"учению"** (обращенному) ко всем. **"Не неради о пребывающем в тебе даровании, которое дано тебе по пророчеству"**. Пророчеством называет здесь звание учителя. **"С возложением рук священства"**. Не о пресвитерах говорит он здесь, а об епископах, потому что не пресвитеры рукополагали епископов. **"О сем заботься, в сем пребывай"** (ст. 15). Смотри, как часто он наставляет его в одном и том же, желая показать, что учителю больше всего должно стараться об этом. **"Вникай в себя"**, говорит, – **"и в учение, занимайся сим постоянно"** (ст. 16). То есть, будь внимателен к самому себе и других учи. **"Так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя"**. Хорошо сказал: **"и сам"**. Тот, кто питает себя словом учения, прежде сам извлекает отсюда пользу, потому что, уча других, и себя приводит в умиление. Впрочем, не к

одному Тимофею это сказано, но ко всем. А если (апостол) дает такие наставления тому, кто воскрешал мертвых, то, что скажем мы? Но и Христос на учителей указывает, когда говорит, что царствие небесное подобно человеку **"хозяину, который выносит из сокровищницы своей новое и старое"** (Мф.13:52). И опять блаженный Павел, то же самое заповедуя, говорил: **"чтобы мы терпением и утешением из Писаний сохраняли надежду"** (Рим.15:4). И более всех он сам исполнял это, будучи наставляем в отеческом законе, при ногах Гамалиила, так что весьма вероятно и после того он занимался чтением, и тот, кто другим давал такое наставление, прежде самого себя побуждал к этому. Разве не видишь, как он часто приводит свидетельства из пророков и разбирает их? Поэтому, если Павел занимается чтением, – а не маловажная польза проистекает от Писаний, – то ужели мы будем лениться и рассеянно слушать его? И какого наказания мы не будем достойны? **"Дабы успех твой", – говорит, – "для всех был очевиден"** (ст. 15).

2. Видишь ли, что (апостол) желал, чтобы он (Тимофей) и в этом был велик и достоин удивления? Поэтому говорит таким образом, показывая, что он еще имел в нем нужду. Что значит: **"Дабы успех твой для всех был очевиден"**? Не в жизни только, говорит он, но и в слове назидания. **"Старца"** (πρεσβυτέρω) **"не укоряй"** (5:1). Не говорит ли он здесь о сане (пресвитерском)? Не думаю, но о всяком престарелом человеке. Отчего же (не поступать с ним так), если он будет иметь нужду в исправлении? **"Не укоряй", – говорит, – но так с ним беседуй, как бы ты относился к отцу согрешающему. "Младших, как братьев; стариц, как матерей; молодых, как сестер, со всякою чистотою"** (ст. 2). По самому существу дела это, то есть слушание замечаний, тягостно, – и в особенности, когда это случается с престарелым человеком; а если (замечания делаются) к тому же юношею, то это становится втрое безрассудным. Поэтому и нужно смягчать (обличение) кротостию и дружелюбием. Можно ведь обличать без жестокости, если кто захочет упражняться в этом: только для этого требуется большое благоразумие, – однако это возможно. **"Младших", – говорит, – "как братьев"**. Зачем и здесь заповедует это? Опять с тою целью, чтобы припомнить свойственную этому возрасту дерзость. Итак, и в этом случае обличение должно смягчаться духом кротости. **"Молодых", – говорит, – "как сестер"**, и прибавляет: **"со всякою чистотою"**. Не только, говорит, ты должен признавать грехом, но даже, говорит, ты должен не давать повода к подозрению. Так как беседы с молодыми женщинами с трудом избегают подозрения, а между тем епископ должен и это делать, то он прибавляет: **"со всякою чистотою"**, показывая тем, что говорить с ними надлежит со всякою чистотою. Что ты говоришь, скажи мне? Неужели Тимофею заповедуешь это? Да, отвечает он, потому что чрез него я говорю всему миру. Если же Тимофею заповедует это, то пусть подумают все другие, каков должен быть (епископ), чтобы не подать случая к подозрению, ни даже тени оправдания для тех, которые захотели бы клеветать. **"Вдовиц почитай, истинных вдовиц"** (ст. 3). Отчего не говорит ничего о девстве, отчего не говорить: почитай дев? Оттого, мне кажется, что тогда их и не было, или были такие, которые пали. **"Ибо некоторые", – говорит, – "уже совратились вслед сатаны"** (1 Тим.5:15). **"Вдовиц почитай, истинных вдовиц"**, – говорит. Следовательно, можно не иметь мужа, и еще не быть вдовою. Подобно тому, как дева не чрез то становится девою, что она не сочеталась браком, но требуется и многое другое – непорочность, прилежание, так и вдовою делает не одна только кончина мужа, но терпение с целомудрием и совершенное уединение. Таких вдовиц он заповедует почитать, – и справедливо, потому что они достойны великого уважения, живя одинокими и не имея мужей, которые бы заступались за них. Состояние это многим кажется зазорным и достойным порицания. Поэтому он желает, чтобы она у священника пользовалась великим уважением, и не только по этой причине, но и потому, что она достойна (уважения). **"Если же какая вдовица имеет детей или внучат, то они прежде пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям"** (ст. 4). Примечай благоразумие Павла, как часто он увещает, обращаясь к человеческим соображениям.

Здесь он не упомянул о чем-либо великом и возвышенном, но о том, что для всех удобопонятно. **"И воздавать"**, – говорит, – **"должное родителям"**. За что? За воспитание, за возвращение. Например, – ты пользовалась великим попечением; они скончались, и ты не могла заплатить им долг, – ведь в самом деле не ты их родила, не ты воспитала. Итак, заплати им во внуках, воздай долг чрез сынов. **"Пусть учатся"**, – говорит, – **"почитать свою семью"**. Проще сказать, он здесь говорит о добрых делах. Потом, чтобы более побудить к этому, прибавляет: **"ибо сие угодно Богу"**. Так как (апостол) сказал: **"истинных вдовиц"**, то теперь он показывает, кто истинная вдовица. **"Истинная вдовица и одинокая надеется на Бога и пребывает в молениях и молитвах день и ночь; а сластолюбивая заживо умерла"** (ст. 5,6). Если которая-нибудь, говорит он, будучи вдовою, не обратилась к мирской жизни, то она истинная вдовица; которая уповает на Бога, как следует, упражняется в молитве, проводит в ней день и ночь, та вдовица. Не говорит, что та, которая имеет детей не вдова, – он и ее хвалит, если она воспитает детей, как следует, – но (говорит): если которая не имеет детей, то есть пребывает в одиночестве. Далее он утешает ее в том, что она не имеет детей, говоря, что в том особенно и заключается преимущество вдовицы, что она лишена не только утешения от мужа, но и того счастья, какое приносят дети: взамен всего она имеет Бога. Та, которая не имеет детей, не хуже других; но этим утешением восполняет то, чего ей не достаёт вследствие того, что у нее нет детей. Поэтому сказанное имеет такой смысл: не скорби, когда услышишь, что должно воспитывать детей, и между тем у тебя их нет, и не думай, будто этим унижается твое достоинство. Ты истинная вдова. Вдова же, **"сластолюбивая заживо умерла"**.

3. Так как многие женщины, имеющие детей, избирают вдовство не для того, чтобы лишить себя удовольствий жизни, а для того, чтобы более привязаться к ним, чтобы с большею независимостью делать все и больше отдаваться мирским похотям, то он поэтому говорит: **"сластолюбивая заживо умерла"**. Что ты говоришь? Разве женщина-вдова не должна искать наслаждений? Нет, говорит он. Итак, если та, которая и по природе и по возрасту более немощна, не только не имеет нужды в наслаждении, но даже соделывается причастною смерти, и при том смерти вечной, то что скажут на это мужчины, которые предаются наслаждениям? Справедливо говорит: **"сластолюбивая заживо умерла"**. Но чтобы тебе знать, внимательно посмотрим, какие поступки свойственны живым и какие мертвым, и куда мы должны отнести ее. Живые делают то, что имеет отношение к жизни, жизни будущей, истинной. А что имеет отношение к будущей жизни, о которой мы должны постоянно заботиться, послушай Христа, который говорит: **"приидите, наследуйте Царство, уготованное вам от создания мира: ибо алкал Я, и вы дали Мне есть; жаждал, и вы напоили Меня"** (Мф.25:34,35). Живые отличаются от мертвых не тем только, что смотрят на солнце и дышат воздухом, – не этим, говорим мы, а тем, что совершают что-нибудь доброе. Если же этого не исполняют, то становятся ничем не лучше мертвых. И чтобы ты узнал это, послушай, как и мертвый может жить. **"Бог"**, – говорится, – **"не есть Бог мертвых, но живых"** (Мф.22:32). Но это, скажешь, опять загадка. Поэтому разрешим и то, и другое. Всякий, будучи жив, становится мертвым, когда проводит жизнь в наслаждении. Отчего? Оттого, что он живет для одного чрева, а для прочих чувств – нисколько; например, – не видит того, что должно видеть, не слышит того, что должно слышать, не говорит того, что должно говорить, вообще не делает того, что делают живые; но подобно тому, как распростертый на одре, смежив глаза и закрыв веки, вовсе не ощущает того, что кругом его находится, так и этот, или скорее – не так, а гораздо хуже, потому что первый и к добру и к злу равно нечувствителен, а последний ощущает только одно, именно – зло, а для добра, подобно лежащему (мертвецу), неподвижен. Следовательно, таким образом, он и становится мертвым. Его не трогают никакие блага будущей жизни: между тем пьянство, заключив его в свои недра, как бы в какое темное и мрачное убежище и пещеру, полную всякой

нечистоты, постоянно заставляет его вращаться во тьме, как мертвых. В самом деле, когда он проводит все время или в обедах, или в пьянстве, то ужели он не во тьме пребывает? Ужели он не мертв? И даже в утреннее время, когда он, по-видимому, трезв, он не бывает вполне трезвым, отчасти потому, что вечернее вино еще не истощилось и не испарилось в нем, отчасти и потому, что им овладевает сильное желание будущих (наслаждений) и что он всегда проводит утро и полдень на пиршестве, и всю ночь и даже большую часть утра в глубоком сне. Скажи мне: ужели такого мы причислим к живым? Кто в состоянии описать ту жестокую бурю, которая поднимается вследствие пресыщения и устремляется равно на душу, как и на тело? Подобно тому, как сплошная густая туча не дает воссиять лучам солнца, так и пары, которые источают вино и пресыщение, подобно некоему утесу, ударяя в мозг и образуя там густой туман, не позволяют рассудку получить больше простора и погружают пьяного в великий мрак. Подумай, какая же воздвигается буря в душе того, кто испытывает это! Какое смятение! Как во время наводнения, когда вода начинает подниматься выше преддверий мастерских, мы видим, что живущие внутри дома приходят в смятение, и (пускают в дело) и почерпала, и амфоры, и губки, и многие другие средства придумывают для того, чтобы вычерпать (воду), чтобы она не разрушила основания (дома) и всех сосудов не сделала бесполезными, – так и в душе, когда она преисполняется излишних наслаждений, приходят в смятение помыслы, и когда не в силах удалить накопившегося, вследствие того, что опять нечто новое привходит, воздвигается жестокая буря. Не взирай, умоляю тебя, на светлое, радостное лицо, но исследуй то, что происходит внутри души, – и ты увидишь, какой великой скорби она преисполнена. Если бы можно было, выдвинув душу наружу, взглянуть на нее телесными очами, тогда, ты увидел бы душу сластолюбца уничиженною, скорбною, опечаленною и изнемогающею. В самом деле, чем больше тело питается и тучнеет, тем больше душа истощается и становится немощною. Чем больше изнеживается первое, тем глубже зарывается в землю последнее. И подобно тому, как в зенице ока, когда с наружной стороны окружающие ее покровы бывают толсты, не может отразиться предмет, подлежащий зрению, и его нельзя увидеть, потому что луч отражается от толщины покрова и вследствие этого часто происходит тьма, – так и тело, когда оно постоянно питается, очевидно, покрывается излишнею тучностию. Ты, быть может, скажешь, что мертвые гниют, истекают и из них обильно истекает гной. Но то же самое можно видеть и в сластолюбцах: скопление дурных мокрот, флегму, насморк, одышку, рвоту, отрыжку, – остальное, о чем стыдно даже говорить, я уже оставляю без внимания. Так-то велика власть сластолюбия, – оно заставляет нас делать даже то, о чем не смеем и говорить.

4. Неужели еще станешь спрашивать, каким образом тело расплывается во все стороны? Разве (не оттого), что оно ест и пьет? Но это еще не составляет признака человеческой жизни, потому что и бессловесные едят и пьют. Когда душа лежит, как мертвая, то какую пользу приносит ей пища и питье? Подобно тому, как телу, когда оно лежит мертвым, не приносят несколько пользы цветные одежды, покрывающие его, так и мертвая душа не получает ни малейшей пользы оттого, что ее окружает цветущее тело. В самом деле, когда она постоянно ведет речь о поварах, о прислуживающих за столом, о хлебопеках, и никогда не беседует о благочестии, то ужели она не мертва? Посмотрим, впрочем, что такое человек. Внешние говорят: человек есть животное разумное, смертное, одаренное умом и знанием. Но мы не от них позаимствуем определение, – а откуда? Из Божественного Писания. Итак, где Писание приводит определение человека? Послушай, что оно говорит. **"Был человек этот непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла"** (Иов.1:1). Вот это человек. И опять другой говорит: **"Великое - человек и драгоценное - человек милосердный, но найти правдивого человека трудно"** (Притч. 20:6). Между тем тех, которые не таковы, хотя они наделены разумом и обладают беспредельным знанием, Писание не называет людьми, но псами, конями, ехиднами, змеями, лисами, волками, и всем, что только есть самого презренного между зверями.

Если поэтому таков должен быть человек, то, очевидно, сластолюбец не человек. В самом деле, как может быть человеком тот, кто не заботится ни о чем подобном? Нельзя ведь соединить вместе сластолюбие и трезвость, – одно из этих свойств уничтожается другим. И внешние говорят то же, – что толстое брюхо не рождает тонкого ума. Кроме того, Писание иногда называет (таких) людей бездушными: **"не вечно Духу Моему быть пренебрегаемым человеками; потому что они плоть"** (Быт.6:3). Конечно, они имеют душу; но так как она у них мертва, то и названы плотию. Как о добродетельных мы говорим: весь – душа, весь – дух, хотя они имеют тело, так и о порочных должно сказать противоположное. Поэтому и Павел говорит: **"Но вы не по плоти живете"** (Рим.8:9), так как они не творили дел плоти. Следовательно, сластолюбцы не имеют ни души, ни духа. **"Сластолюбивая заживо умерла"**, – говорит. Послушайте – вы, которые все время проводите на пиршествах и в пьянстве и которые презираете бедных, томящихся и умирающих от голода в то время, когда вы постоянно умираете от наслаждений. Вы становитесь причиной двух смертей, – одной, которая постигает этих несчастных, и другой, которая убивает вас самих, и при том и та и другая есть следствие неумеренности. Напротив, если бы вы своим избытком восполнили их скудость, то вы спасли бы две жизни. Зачем ты расширяешь свое чрево пресыщением? Зачем изнуряешь бедного скудостью? Одно сверх меры утучняешь, а другое сверх меры истощаешь? Помысли, что выходит из яств, во что они обращаются и чем становятся. Но ты, даже слыша об этом, приходишь в негодование? Так зачем же ты заботаешься о том, чтобы больше накопилось этого? Ведь избыток пресыщения не что иное, как умножение помета. Природа знает меру, и то, что превосходит ее, уже не пища, а скорее нечистота и помет. Питай тело, не умерщвляй его. Потому она и называется пищею, чтобы мы питали тело, а не погубляли его. Для того, я думаю, пища и испытывает такое превращение, чтобы мы не возлюбили пресыщения. А если бы этого не было, если бы это не приводило к чему-то, не приносящему никакой пользы, и не становилось бы пагубным для тела, то мы не переставали бы пожирать друг друга. Если бы чрево, принимая в себя столько, сколько бы мы ни захотели, все переваривало и передавало телу, то ты увидел бы бесчисленные войны и споры. В самом деле, если даже теперь, когда из пищи одна часть обращается в помет, а другая в бесполезную и вредную кровь и влагу, мы предаемся сластолюбию и нередко тратим все свое состояние на один только стол, то чего бы не делали, если бы не к этому приводило нас сластолюбие? Чем больше мы предаемся сластолюбию, тем больше исполняем зловония, когда тело, подобно меху, со всех сторон раздувается, когда отрыжка, испытываемая нами, расстраивает мозг близ стоящих, когда из тела со всех сторон истекают смрадные пары, как бы из печи, вследствие сильного накаливания, исполненной внутри зловония. Если же внешние члены в такое приходят расстройство, то что, по твоему мнению, должен испытывать внутри мозг, будучи беспрестанно помрачаем испарениями? В каком положении находятся ручки кипящей крови, когда ей преграждают свободное обращение? Чему подвергаются другие внутренности – печень и селезенка? Что испытывают самые вместилища помета? И хуже всего то, что о (настоящих) вместилищах помета мы заботимся, чтобы они не засорились и не извергали помета вверх, для того употребляем всевозможные меры, и шестами подталкиваем, и лопатами раскапываем; между тем вместилищ нашего чрева мы не только не очищаем, но даже засариваем и загромождаем, и никакого не обращаем внимания на то, что помет поднимается кверху, туда, где сам царь, то есть мозг, имеет свое пребывание. Мы делаем все это потому, что взираем на него не как на досточтимого царя, а как на какого-нибудь нечистого пса. Бог для того и поместил вдали эти члены, чтобы от них ничто не терпело вреда. Но мы противодействуем этому, и все растлеваем неумеренностью. И кто может исчислить другие, проистекающие отсюда бедствия? Затвори стоки вместилищ (нечистот), – и ты увидишь, что тотчас появится зараза. Следовательно, если отвне встретившееся зловоние рождает заразу, то ужели то, которое находится внутри и со всех сторон окружено тесными пределами тела и нигде не имеет стока, не причиняет

бесчисленных болезней как душе, так и телу? И ужаснее всего то, что многие негодуют на Бога, говоря: что это такое? Он сам определил, чтоб мы носили в себе помет. А между тем сами умножают помет. Но Бог для того так устроил, чтобы, по крайней мере, таким образом отвратить нас от сластолюбия, чтобы, по крайней мере, чрез это убедить нас в том, что мы не должны прилепляться к мирским благам. А ты, не взирая и на это, не только не перестаешь предаваться сластолюбию, но даже до самого горла, даже до следующего обеденного времени, даже долее, нежели продолжается самое наслаждение, продолжаешь пресыщаться. Разве не прекращается удовольствие сейчас, как скоро (пища) пройдет чрез язык и гортань? Ощущение состоит во вкушении, а после этого оно прекращается, и наступает состояние великого неудовольствия, вследствие того, что желудок или вовсе не переваривает принятую пищу, или делает это с великим трудом. Справедливо поэтому сказал (апостол): **"Сластолюбивая заживо умерла"**. Действительно, душа, преданная сластолюбию, не может ничего ни слышать, ни говорить. Она становится изнеженною, вялою, робкою, несвободною, боязливою, исполненною лютости, неведения, лести, ярости, лености, – полною всех пороков, и чуждою противоположных им добродетелей. Вследствие этого и говорит (апостол): **"И сие внушай им, чтобы были беспорочны"** (ст. 7). Видишь ли, что предписание это принимает вид закона? Он не представляет этого свободе каждого, а говорит: заповедуй, чтобы не пресыщались, потому что это явный грех, так что тому, кто ведет роскошную жизнь, нельзя и вовсе неуместно быть причастником таинств. **"И сие внушай им"**, – говорит, –, **"чтобы были беспорочны"**. Видишь ли, что это отнесено к числу грехов? Между тем, то, что предоставляется свободе каждого, если бы даже и не соблюдалось, нисколько не препятствует быть безукоризненным. Поэтому, повинувшись Павлу, и мы будем заповедовать, что вдовицы, которые преданы сластолюбию, должны быть исключены из числа вдовиц. В самом деле, если воин, который занимается банями, театрами и торговлею, подвергается осуждению наравне с беглецом, то тем более это должно сказать о вдовицах. Не будем же здесь искать покоя, чтобы там обрести его. Не будем здесь предаваться наслаждению, чтобы там вкусить истинного наслаждения, истинного удовольствия, которое не причиняет никакого зла и заключает в себе бесчисленные блага, коих да сподобимся мы все получить о Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 14

"Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного" (1 Тим.5:8).

1. Многие полагают, что для спасения им довольно собственной добродетели, и что если они хорошо будут располагать своею жизнью, то для спасения им уже больше ничего не будет недоставать. Но они думают неправильно. И это доказал тот, который закопал один талант, принес его не уменьшенным, но возвратил целым и таким, каким получил. То же доказывает и здесь блаженный Павел, когда говорит: **"Если же кто о своих и особенно о домашних не печется"**. Попечение разумеет всякое – и о душе, и о теле, так как и последнее тоже есть попечение. Тот, кто не печется о своих, **"особенно о домашних"**, то есть, принадлежащих к его роду, **"хуже неверного"**. Это говорит и Йсаия, глава пророков: **"от единокровного твоего не укрывайся"** (Ис.58:7). Действительно, как может быть милостивым к посторонним тот, кто презирает людей одного с собою рода и свойственников своих? Не назовут ли все тщеславию то, когда кто, благодетельствуя чужим, презирает и не щадит своих? Или, с другой стороны, если, наставляя первых, он оставляет в заблуждении последних, несмотря на то, что благодетельствовать последним было бы для него и удобнее и справедливее? Без сомнения. Разве не скажут тогда, что можно ли назвать милостивыми христиан, когда презирают они своих? **"И неверного"**, – говорит, –

"хуже". Почему? Потому что последний, если и презирает чужих, то, по крайней мере, не презирает близких себе. Сказанное (апостолом) имеет такой смысл: кто нерадит о своих, тот нарушает и закон Божий, и закон природы. Если же непекущийся о присных отрекся от веры и стал хуже неверного, то куда должен быть отнесен и где займет место тот, кто обижает присных своих? Но каким образом он отрекся от веры? **"Они говорят, что знают Бога"**, – говорит, – **"а делами отрекаются"** (Тит.1:16). Между тем, что заповедует Бог, в которого веруем? Не презирать тех, которые связаны с нами племенным родством. Каким же образом может веровать отрицающий это? Подумаем об этом все, которые, сберегая деньги, презираем ближних. Бог для того, и учредил родственные связи, чтобы мы имели больше случаев благотворить друг другу. Поэтому, если ты не делаешь того, что делает неверный, то ужели ты не отказался от веры? Итак, не в том состоит вера, чтобы веровать только исповеданием, но нужно еще являть праведные дела. Можно и во всяком деле веровать, и не веровать. Сказав о пресыщении и сластолюбии, (апостол) говорит, что она не оттого только погибает, что пресыщается, но и оттого, что принуждена бывает презирать ближних. И говорит это справедливо, потому что та, которая жила для чрева, оттого и погибла, что отверглась веры. Но почему становится хуже неверного? Потому что не все равно – презирать, ближнего, и дальнего. Отчего же? Оттого, что гораздо ззорнее презирать знакомого, нежели незнакомого, – друга, нежели недруга.

"Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя, бывшая женою одного мужа, известная по добрым делам" (ст. 9-10). (Апостол) говорил: **"пусть учатся почитать свою семью и воздавать должное родителям"**, – говорил, что **"сластолюбивая заживо умерла"**, – говорил, – **"Если же кто о домашних не печется, тот хуже неверного"** – говорил, что, которая этого не имеет, та не достойна занимать место в числе вдовиц. А теперь он говорит, что должна она иметь. Что же? Разве будем судить о ней по летам? Какая же в этом заслуга? Ведь не от нее зависело прожить шестьдесят лет. Не по одному возрасту только (должно судить), говорит он, так что если бы она и переступила за этот возраст, но не имела заслуг, то и тогда не должна быть причисляема (к вдовам). Почему он с такой точностию определяет возраст, причину этого указывает после, основываясь не на своем только соображении, но на положении самих вдовиц. Пока же выслушаем дальнейшие слова. **"Известная"**, – говорит, – **"по добрым делам"**. В каких делах? **"Если она воспитала детей"** (ст. 10). Поистине, немаловажное это дело – воспитать детей. Но воспитание детей не в том состоит, чтобы просто только кормить детей, а воспитать, как должно, подобно тому, как и выше сказал (апостол): **"если пребудет в вере и любви и в святости с целомудрием"** (1Тим.2:15). Видишь ли, как везде он ставит благодеяния, оказанные близким, выше оказываемых чужим? Прежде говорит: **"Если она воспитала детей"**, а потом: **"принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу"** (ст. 10). Но что, если она бедна? И тогда она не лишается возможности ни воспитывать детей, ни принимать странников, ни утешать скорбных. Она не беднее той, которая положила два обола. Допустим, что она бедна, однакож она имеет дом, живет не на открытом воздухе. **"Если святым"**, – говорит, – **"ноги умывала"**. Это не требует издержек. **"Известная по добрым делам"**. Какую заповедь здесь он дает? Он заповедует оказывать вещественное пособие, так как женщины особенно способны прислужить, постлать постель, успокоить.

2. О, какого великого совершенства требует он от вдовицы! Почти такого же, как и от лица, облеченного епископским саном, – потому что выражение: **"известная по добрым делам"** имеет такой смысл, что если она сама не могла этого сделать, то по крайней мере принимала участие, служила. Отсекая роскошь, (апостол) хочет, чтобы она была заботлива, распорядительна, постоянно пребывала на молитве. Такова была Анна. Смотри, он требует от вдовицы такого совершенства, какого не требует даже от девственниц, несмотря на то, что и от этих последних требовал великого совершенства и

высокой добродетели, – именно, сказав: **"благочинно и непрестанно [служили] Господу без развлечения"**. (1 Кор.7:35), он как бы в общих чертах обозначает всякую добродетель. Видишь ли, что для того, чтобы сделаться вдовицею, не довольно не вступать во второй брак, но нужно и многое другое? В самом деле, отчего, скажи мне, убеждает ее не вступать во второй брак? Разве он осуждал это? Нет; это свойственно только еретикам. Но он хотел, чтобы она после того упражнялась в подвигах духовных и обратилась к добродетели; а брак, хотя и не нечист, однакож соединен с заботами. Поэтому сказал: **"да упражняются"** (1 Кор.7:5), не говорит: да очистятся. Действительно, брак причиняет много забот. Следовательно, если ты не вступаешь в брак потому, что хочешь упражняться в страхе Божиим, и между тем не упражняешься, то не принесет тебе никакой пользы и то, что ты всячески служишь пришельцам и святым. Итак, когда ты не делаешь этого, то (очевидно) воздерживаешься от брака больше потому, что осуждаешь это дело. Так и девственница – если она не всецело сраспалась Христу – отвергает брак, потому что осуждает его, как скверный и нечистый. Видишь ли, что (апостол) гостеприимством называет не просто одно благорасположение, но соединенное со старанием, с добрым намерением, с усердием, которое так принимается за дело, как бы (готовясь) принимать самого Христа? Он хочет, чтобы служения святым они не поручали служанкам, но делали это сами лично. **"Итак, если Я"**, – говорит (Господь), – **"Господь и Учитель, умыл ноги вам, то и вы должны умывать ноги друг другу"** (Ин. 13:14). Хотя бы которая-нибудь из них была даже до бесконечности богата, хотя бы она достигла величайшей известности и превозносилась знатнастью рода своих предков, но и тогда не будет такого расстояния, какое было между Богом и учениками. Если ты принимаешь странника, как Христа, то нечего тебе стыдиться, напротив даже хвались этим делом; если же принимаешь его не как Христа, то лучше вовсе не принимай. **"Кто принимает вас, принимает Меня"**, – сказал (Господь) (Мф.10:40). Если ты не так принимаешь, не получишь и воздаяния. Авраам, как ему казалось, принимал людей, мимоидущих путников; между тем не все нужное для принятия их поручил приготовить домочадцам, но большую часть служения и сам лично совершил, и жене приказал месить муку, несмотря на то, что имел триста восемнадцать домочадцев, между которыми, вероятно, были и служанки. Он желал вместе с женою получить награду не только за издержки, но и за служение. Так мы должны исполнять долг гостеприимства, делая все сами, чтобы мы сами освятились, чтобы и наши руки были благословляемы. И когда подаешь нищему, непогнушайся дать сам: ведь даешь не нищему, а Христу. Между тем, кто может быть столь жалок, чтобы гнушался протянуть руку Христу? Вот в чем состоит гостеприимство, вот что значит действительно делать ради Бога. А если ты с гордостью станешь распоряжаться, то хотя бы приказал (страннику) занять первое место, это не будет гостеприимством и не будет совершаться ради Бога. Странник имеет нужду и во многих услугах и в великом ободрении, так как трудно ему и после этого не краснеть. Так как дело по самой природе таково, что человек, приемлющий благодеяние, стыдится, то избытком услуг надлежит рассеивать его стыд и показывать и словом, и делом, что благотворящий не благотворит, а сам находит благо, и скорее получает благодеяние, нежели оказывает. Таким образом, заслуга увеличивается вследствие свободного намерения. Подобно тому, как тот, кто думает, что несет убыток, все теряет, равно как и тот, кто думает, что благотворит, все теряет, так и тот, кто думает, что принимает благодеяние, еще больше приобретает. **"Ибо доброхотно дающего любит Бог"**. (2 Кор. 9:7). Поэтому ты должен еще благодарить нищего за то, что он берет. Если бы не было нищих, то ты не освободился бы от множества грехов: они – врачи твоих язв, их руки предлагают тебе лекарство. Не в такой мере врач приносит тебе исцеление, когда протягивает руки и прикладывает лекарство, в какой мере снимает с тебя бремя твоих грехов нищий, когда протягивает руку и принимает от тебя милостыню. Ты дал ему серебро, – и вместе с ним удалились твои грехи. Таковы и священники: **"Грехами народа Моего"**, – говорится, – **"кормятся они"** (Ос. 4:8). Таким образом, ты больше получаешь,

нежели даешь, скорее принимаешь благодеяние, нежели благодетельствуешь; даешь взаймы Богу, а не людям, увеличиваешь богатство, а не уменьшаешь; уменьшаешь же, если не убавляешь его, если не даешь. **"Если принимала странников"**, – говорит, – **"умывала ноги святым"**. Каких именно святых? Тех, которые переносят скорби, а не вообще святых, потому что могут быть святые, пользующиеся от всех великими услугами. Не за теми ходи, которые живут в изобилии, а за теми, чья жизнь проходит в скорбях, в неизвестности, которых знают немногие. **"Так как вы сделали это"**, – говорит Господь, – **"одному из сих братьев Моих меньших, то сделали Мне.** (Мф.25:40).

3. Не предоставляй предстоятелю Церкви разделять милостыню; сама послужи, чтобы получить награду не только за издержки, но и за служение; давай собственными руками, сама засевай ниву. Здесь не нужно ни водружать плуг, ни запрягать волов, ни выжидать время, ни рассекать землю, ни бороться со стужей; этот посев избавлен от всех таких забот. Ты сеешь на небе, где нет ни стужи, ни зимы, ни чего-либо другого; ты сеешь в душах, откуда никто не похитит того, что посеяно, но где оно сохранится постоянно, и с великою заботливостью, и с великим тщанием. Сам сей. Для чего ты сам себя лишаешь награды? Великая бывает награда и за то, когда кто может распределять и достойные других. Награда бывает не только за то, когда кто дает, но и за то, когда хорошо распределяет данное другим. Почему ты именно не получаешь награды? А что и за это бывает награда, послушай, что говорит (Писание): поставили апостолы Стефана с прочими на служение вдовицам (Деян.6). Будь поэтому и ты распределителем твоих благ; на это поставляют тебя человеколюбие, страх Божий. Это избавляет от тщеславия, это утешает душу, это освящает руки, это усмиряет помысл, это учит любомудрию, это соделывает тебя более усердным, это дает тебе возможность снискивать благословение; ты отходишь, приемля на главу свою обильные благословения вдовиц. Соделайся более ревностным в молитвах, отыскивай святых мужей – истинно святых, которые сидят в пустынях, которые не могут просить, прилепившись к Богу; соверши дальний путь, подай лично сам; сам и получишь много пользы, если подашь. Видишь ли кущу и временное пристанище? Видишь ли пустыню? Видишь ли уединенное место? Часто, отправившись в путь для раздачи денег, ты всецело предал душу, и был задержан, и стал пленником, и явился пришельцем в мире. Посещение нищих составляет тоже великое дело. **"Лучше"**, – говорится, – **"ходить в дом плача об умершем, нежели ходить в дом пира"** (Еккл.7:2). В последнем душа воспламеняется страстию, потому что если и ты можешь таким же образом пресыщаться, то получаешь побуждение к роскоши, а если не можешь, – чувствуешь печаль. Напротив, в доме плача не бывает ничего такого: там, не имея возможности пресыщаться, не огорчаешься, а когда имеешь ее, – воздерживаешься.

Воистину монастыри дома плача: там власяница и пепел, там уединение, там нет ни смеха, ни роя житейских забот, там пост, там возлежание на земле, там все удалено от запаха крови, от шума, смятения и людской суеты. Монастыри – тихая пристань. Они подобны светочам, которые, будучи помещены в пристани, с высоты светят людям, проходящим издалека, привлекая всех к своей тишине, не допуская тех, которые обращают взор свой на них, подвергнуться кораблекрушению, и тем, кто взирает на них, не позволяя пребывать во мраке. Иди к ним, дружески приветствуй, приступи, прикоснись к ногам святых: гораздо ведь почетнее прикоснуться к их ногам, нежели к голове других людей. Скажи мне: если некоторые обнимают ноги статуй, потому что они вполне представляют царский образ, то ужели ты не обнимешь ног того, кто носит в себе образ Христа, чтобы получить спасение? Святы эти ноги, хотя и исхудалые; между тем у нечестивых даже голова не заслуживает уважения. Ноги святых имеют великую силу. Потому-то и ниспосылают наказание, когда отряхивают с себя прах. Когда к нам придет святой человек, мы не должны стыдиться сделать для него что-либо подобное этому. А святые – все те, которые имеют правую веру и живут благочестиво; они – святые, хотя бы

не творили знамений и не изгоняли демонов. Иди к кущам святых. Искать убежища в монастыре святого мужа значит то же самое, что удаляться от земли на небо. Там ты не видишь того, что видишь дома: место это чисто во всех отношениях, там царствует молчание и глубокая тишина, там нет твоего и моего. Если же проведешь там день или два, то почувствуешь тогда еще больше удовольствия. Наступает день, или лучше, пред наступлением дня пропел петух, – и там нет того, что бывает дома: слуги храпят, двери заперты, все спят, как мертвые, погонщик мулов звенит колокольчиками. Там нет ничего такого; но все, когда настоятель разбудит их, тотчас, с благоговением отложив сон, встают и, составив священный лик, становятся в ряд, и вдруг простирают руки горе и воспевают священные гимны. Они не нуждаются подобно нам во многих часах для того, чтобы разогнать сон и облегчить тяжесть в голове. Мы, когда встаем, сидим, долгое время, вытягиваясь, и идем за нуждою; потом умываем лицо, руки; затем надеваем обувь и платье, – и времени у нас проходит много.

4. А там нет ничего такого: там никто не призывает слуг, потому что всякий сам себе может помочь, не требует многих одежд, не нуждается и в том, чтобы разогнать сон, но лишь только открыл глаза, вследствие трезвенной своей жизни, походит уже на того, кто долгое время бодрствовал. Действительно, когда сердце, не будучи отягчено яствами, не погружается в земное, то оно не имеет нужды в долгом времени, чтобы воспрянуть, но тотчас является трезвенным. Руки их всегда чисты, потому что и сон их бывает благопристойным: там не услышишь ни храпящих, ни зевающих, не увидишь ни раскинувшегося во сне, ни обнаженного, но все спят, лежа благоприличнее, нежели бодрствующие. Все же это происходит от доброго настроения души. Они поистине святые, – ангелы между людьми. И не удивляйся, слыша это, – великий страх пред Богом не позволяет впасть им в глубокий сон и погружать в него душу, но он (сон) как бы снаружи прикасается, только для успокоения их. А если таков их сон, то по необходимости таковы должны быть и их сновидения, – они не бывают исполнены мечтаний и страшных видений. Но вот, как я сказал, пропоет петух, – и тотчас приходит настоятель и, ногою просто толкнув лежащего, поднимает всех, потому что там не позволено спать нагим. Встав, они тотчас становятся в ряд, и с великим согласием и мелодическою стройностию поют пророческие гимны. Ни гусли, ни свирель, ни иное какое-либо музыкальное орудие не издает такого звука, какой можно слышать в глубокой тишине и в пустыне, когда поют эти святые люди. И самые эти песни плодотворны и исполнены любви к Богу. **"Во время ночи"** – говорится, – **"Воздвигните руки ваши"** к Богу (Псал.133:2), и опять: от ночи утренюет дух мой к Тебе, Боже, зане свет повеления Твоя на земли Не скрой от меня лица Твоего; "не отринь во гневе раба Твоего. Ты был помощником моим; не отвергни меня и не оставь меня, Боже, Спаситель мой"! (Псал.29:9). (Поют они) и песни Давидовы, исторгающие обильные потоки слез. Ведь когда воспевал он их, говоря: **"Утомлен я воздыханиями моими: каждую ночь омываю ложе мое, слезами моими омочаю постель мою"** (Псал.6:7); и опять: **"Я ем пепел, как хлеб"** (Псал.101:10); и опять: **"что [есть] человек, что Ты помнишь его"** (Псал. 8:5)? **"Человек подобен дуновению; дни его - как уклоняющаяся тень"** (Псал.143:4); также: **"Не бойся, когда богатеет человек, когда слава дома его умножается"** (Псал. 48:17); и опять: (Бог) вселяющий единомысленныя в дом **"Бог одиноких вводит в дом"**(Псал. 67:7); также: **"Семикратно в день прославляю Тебя за суды правды Твоей"** (Псал. 118:164); и опять: **"В полночь вставал славословить Тебя за праведные суды Твои"** (Псал. 118:62); также: **"Но Бог избавит душу мою от власти преисподней, когда примет меня"** (Псал.48:16); и еще: **"Если я пойду и долиною смертной тени, не убоюсь зла, потому что Ты со мной"** (Псал.22:4); и опять: **"Не убоишься ужасов в ночи, стрелы, летящей днем, язвы, ходящей во мраке, заразы, опустошающей в полдень"** (Псал.90:5, 6); и опять: **"считают нас за овец, [обреченных] на заклание"** (Псал.43:23), – тогда выражал пламенную свою любовь к Богу. А когда опять они поют вместе с ангелами

(потому что и ангелы тогда поют), говоря: **"Хвалите Господа с небес"** (Псал. 148:1), между тем как мы в это время зеваем, чешемся, храпим, или просто лежим навзничь и придумываем тысячи обманов, то какое благо приносит им то, что они в этом проводят всю ночь? Когда же начинает рассветать, тогда они, наконец, отдыхают, и в то время как мы начинаем свои дела, они имеют час отдыха. С наступлением дня, каждый из нас, позвав другого, ведет с ним речь о дневных расходах; затем один выходит на общественную площадь, является к начальнику, дрожит, боится наказаний; другой идет на зрелище; иной к своим занятиям. Между тем они, окончив утренние молитвы и песнопения, обращаются к чтению Писаний. Есть между ними и такие, которые научились списывать книги. Каждый из них, заняв одно отдельное жилище, постоянно упражняется в молчании, никто не суесловит, никто ничего не говорит. Потом совершают они третий, шестой, девятый час и вечернее молитвословие, и, разделив день на четыре части, по окончании каждой из них прославляют Бога псалмопениями и гимнами. Тогда как все прочие обедают, смеются, забавляются, преисполняют себя излишними яствами, они занимают пением гимнов, не имея времени ни для трапезы, ни для чувственных удовольствий. И после обеда опять принимаются они за те же упражнения, подкрепив себя сперва сном. Миряне и днем спят, а те и ночью бодрствуют. Воистину они – сыны света. Первые, проведши большую часть дня во сне, становятся тяжелыми; а последние, до позднего времени оставаясь без пищи и занимаясь гимнами, все еще трезвятся. Когда же наступает вечер, первые спешат в бани и на увеселения, а последние, освободившись от трудов, наконец, садятся за трапезу, и не поднимают толпы слуг, не бегают по дому, не производят шума, не предлагают множества блюд, распространяющих запах мяса, но подают – одни только хлеб и соль, а другие прибавляют еще елей; у иных, более немощных, подаются еще травы и овощи. Потом, посидев немного времени, или скорее, завершив день пением гимнов, каждый из них опочивает на постели, приспособленной к тому, чтобы найти на ней не негу, а только успокоение. Нет там ни страха перед правителями, ни надменности, свойственной вельможам, ни рабской боязни, ни женского шума, ни детского крика; нет там множества сундуков, ни излишнего скопления риз, ни золота, ни серебра; нет у них ни внутренней, ни внешней стражи; нет ни сокровищницы и ничего такого; но все исполнено молитвы, все гимнов, духовного благоухания; там нет ничего плотского. Не боятся они нападения разбойников, потому что не имеют ничего такого, чего могли бы лишиться; денег нет, есть только тело да душа. Если бы ее отняли у них, то принесли бы им не вред, а пользу. **Ибо для меня", – говорит (апостол), – жизнь - Христос, и смерть – приобретение"** (Флп.1:21). Они отрешились от всех уз. **"Глас радости и спасения в жилищах праведников"** (Псал.117:15).

5. Не слышно там ни воплей, ни рыданий: под этим кровом нет таких огорчений, нет таких возгласов. Умирают, конечно, и у них, – потому что по телу они не бессмертны, – но смерти не почитают смертью. И отшедших провожают с гимнами, называя это сопутствием, а не выносом. Как скоро становится известным, что кто-нибудь скончался, сейчас настает великая радость, великое удовольствие. Вернее же – никто даже и сказать не смеет, что такой-то скончался, но говорят: такой-то достиг совершенства. Потом бывает благодарение, великое славословие и веселие, при чем каждый молится, чтобы и ему иметь такую же кончину, таким же образом выйти из этой борьбы, опочить от трудов и подвигов и узреть Христа. Если же кто заболевает, то не слезы, не стенания, а опять молитвы; и часто не руки врачей, а одна вера восстанавливает болящего. Но если понадобится и врач, то и тут является великое любомудрие, великое терпение. Не предстоит жена с распущенными волосами, не присутствуют дети, оплакивающие свое, еще не наступившее, сиротство, не упрашивают умирающего господина рабы, чтобы он как-нибудь обеспечил их: душа его свободна от всего этого и смотрит только на одно – на последний вздох, как бы отойти возлюбленною Богом. Если и приключается болезнь, то приключается не от обжорства и не от пьянства, но и самые причины болезней бывают

достойны похвал, а не осуждения, равно как и самые (болезни): болезни происходят или от бдения, или от усиленного поста, или от других таких же причин, почему и легко излечиваются, – для излечения всех этих недугов им довольно только не в такой степени трудиться.

6. Иной спросит: а скажи мне, умывал ли кто-нибудь ноги святых в церкви; можно ли и здесь найти таких? Можно, и очень можно; на том основании только, что мы описывали жизнь этих людей, не станем пренебрегать теми, которые пребывают в церквях. Много таких часто бывает и среди церквей; но они скрываются. Следовательно, мы не должны презирать их за то, что они ходят по домам, отправляются на торжища и занимают начальнические должности. И Бог заповедал это. **"Защищайте сироту"**, – говорит Он, – **"вступайтесь за вдову"** (Ис. 1:17). Много путей добродетели, подобно тому, как многообразны бывают и жемчужины; хотя все они называются жемчужинами, но одна светла и со всех сторон кругла, а другая этой красоты не имеет, а имеет иную. Какую же именно? Подобно кораллу, искусно обделанному, они имеют продолговатый вид, выточенные углы и другой цвет гораздо приятнее белого, именно – одни имеют зеленый цвет, который гораздо красивее всякой зелени, другие свежестию краски уподобляются цвету крови, третьи бывают синее моря, иные блистательнее пурпура; можно находить бесчисленное множество и других, которые столь же разнообразны, как цветки, и уподобляются цвету солнечных лучей. Таковы и святые, именно – одни стараются усовершенствовать самих себя, другие содействуют устройению церквей. Хорошо поэтому сказал (апостол): **"Если умывала ноги святым, помогала бедствующим"**. Он сказал это с тою целью, чтобы всех побудить к подражанию. Поэтому и мы поспешим исполнить это, чтобы и мы могли похвалиться тем, что умывали ноги святых. Если же надобно умывать им ноги, то тем более следует подавать им из рук деньги и заботиться о том, чтобы это оставалось тайным. **"Пусть левая рука"**, – говорит (Господь), – **"твоя не знает, что делает правая"** (Мф.6:3). Зачем берешь с собою тысячи свидетелей? Пусть не знает об этом ни слуга, ни – если можно – жена. Много бывает соблазнов со стороны лукавого. Часто случается, что прежде она никогда не препятствовала, а тут станет препятствовать, или вследствие тщеславия, или вследствие чего-либо другого. Потому-то и Авраам, несмотря на то, что у него была достойная удивления жена, намереваясь принести в жертву сына, скрыл это от нее, – хотя и не знал, что должно было произойти, так как он был уверен, что действительно принесет его в жертву. Но что сказал бы на это человек из толпы народа? Не сказал ли бы он: кто тот, который решается сделать это? Не обвинил ли бы его в бесчувственности и жестокости? Жена не сподобилась даже посмотреть на свое дитя, слышать последний его вопль, взглянуть на него, когда он будет испускать дух; он взял и повел его будто пленника. Но ни о чем таком не помышлял этот праведник, воодушевившись любовью. Он не видел ничего другого, кроме того, как бы исполнить то, что было ему заповедано, и не было там ни раба, ни жены; он даже и сам не знал, что произойдет, но старался принести вполне чистую жертву, не оскверненную ни слезами, ни противоречием. Смотри же, с какой кротостию спрашивает его Исаак и что говорит ему: **"вот огонь и дрова, где же агнец для всесожжения?"** Что же отвечает отец? **"Бог усмотрит Себе агнца для всесожжения, сын мой"** (Быт.22:7,8). Это сказано было и как бы пророчески, то есть – что Бог узрит Себе Сына во всесожжение; и так тогда случилось. Но для чего, скажи, скрываешь ты это от имевшего быть закланым? Конечно, скажешь, я боялся, чтобы он не был поражен ужасом, – боялся, чтобы он не явился недостойным. Видишь ли, с какою точностью все он делал? Следовательно, хорошо сказало Писание: **"Пусть левая рука твоя не знает, что делает правая"** (Мф.6:3), то есть – хотя бы мы смотрели на кого, как на собственный член, однако не должны, без крайней необходимости, спешить открывать ему свои намерения, потому что от этого происходит много бед, и кто увлекается тщеславием, тот часто встречает в этом препятствие. Потому мы должны, если можно, скрываться и от самих себя, чтобы могли стяжать обетованные

блага благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков.

БЕСЕДА 15

"Молодых же вдовиц не принимай, ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру; притом же они, будучи праздны, приучаются ходить по домам и [бывают] не только праздны, но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно. Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом и не подавали противнику никакого повода к злоречию; ибо некоторые уже совратились вслед сатаны" (1 Тим.5:11-15).

1. Павел, сказав многое о вдовицах, определив их возраст следующими словами: **"Вдовица должна быть избираема не менее, как шестидесятилетняя"**, и показав качества вдовицы, говоря: **"если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым"** (1 Тим. 9,10), здесь опять говорит: **"Молодых же вдовиц не принимай"**. Между тем касательно дев, несмотря на то, что вопрос этот был гораздо важнее, он ничего такого не заповедует. И справедливо. Почему? Потому что девы обязывались к более высокому (служению), и ради более возвышенных целей учреждалось это звание. Поэтому (такие заповеди как) **"принимала странников, умывала ноги святым"**, и все тому подобные он опустил в виду усердия (дев), а также сказанного: **"незамужняя заботится о Господнем"** (И Кор.7:34). Если же он не определяет с точностью времени, то этому не удивляйся: из вышесказанного весьма ясно открывается и это. Впрочем, я уже сказал, что последние избирали девство ради более возвышенных целей. Кроме того, здесь, у первых, уже случались падения, и они сами дали повод к установлению такого закона, между тем как там ничего такого не было. Что некоторые уже пали, это явствует из следующих слов: **"ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак"**; и опять: **"ибо некоторые уже совратились вслед сатаны"**. **"Молодых же вдовиц не принимай"**. Почему? **"Ибо они, впадая в роскошь в противность Христу, желают вступать в брак"**. Что это значит: **"впадая в роскошь"**? Когда становятся распутными, изнеженными; подобно тому, как если бы кто-либо сказал честному мужу: отпусти ее, потому что она принадлежала другому. Таким образом, (апостол) показывает, что они избрали вдовство легкомысленно, не подумав хорошо. Следовательно, и вдовица своим вдовством обручается Христу: я, говорит, покровитель вдов и отец сирот. (Апостол) показывает, что они неправильно избирают вдовство, а развращаются, и однакож терпит их, хотя в другом месте говорит: **"я обручил вас единому мужу, чтобы представить Христу чистою девою"** (2 Кор.11:2). Несмотря на то, говорит, что они посвятили себя ему (Христу), **"желают вступать в брак. Они подлежат осуждению, потому что отвергли прежнюю веру"**. Верою называет обет, истину; как бы так говорит: обманули его, нарушили обет. **"Притом же они, будучи праздны, приучаются"**.

Следовательно, не только мужчинам заповедует трудиться, но и женщинам, потому что праздность научает всякому злу. Не этой только вине, говорит, он подлежат они, но и другим грехам. Если же женщине неприлично ходить по домам, то тем более деве. **"Не только праздны"**, – говорит, – **"но и болтливы, любопытны, и говорят, чего не должно. Итак я желаю, чтобы молодые вдовы вступали в брак, рождали детей, управляли домом"**. Итак, что выйдет из того, когда они откажутся и от попечения о мужах, и не приложат старания о Боге? Тогда они, без сомнения, сделаются праздными, болтливymi, без нужды пытливыми. Действительно, кто не заботится о своем, тот непременно будет заботиться о чужом, равно как заботящийся о своем и говорить не

станет о чужом, и не будет иметь никакого о том попечения. **"И говорят, чего не должно"**. Нет ничего в такой степени неприличного женщине, как всячески разузнавать чужие дела; впрочем не только женщине, но и мужчине, потому что это величайший признак бесстыдства и наглости. **"Итак я желаю"**. Так как они сами хотят, то и я хочу, чтобы юные вдовицы вступали в брак, рождали детей, занимались хозяйством, сидели дома, потому что делать это гораздо лучше, нежели что-либо другое. Правда, следовало им иметь попечение о службе Божией, следовало хранить веру; но если этого нет, то лучше, чтобы было последнее, чем первое, потому что в таком случае и Бог не бывает отвергаем, и сами они не учатся этому. От того вдовства не будет никакой пользы; а от этого брака (может быть) много благ: вследствие него беспечный и ленивый их ум может обратиться (к добру). Но отчего, спросишь ты, (апостол) не сказал, что так как вдовицы пали, то они должны употребить особенное старание, чтобы не испытать того, о чем я говорил, но заповедует вступать в брак? Оттого, что (вступать в брак) не запрещено, оттого, что он поставляет в безопасное положение; поэтому и прибавляет: **"и не подавали противнику никакого повода к злоречию"**. **"Ибо некоторые уже сокрушились вслед сатаны"**. Итак, он отвергает таких вдовиц, желая не того, чтобы они не были молоды, но, не желая того, чтобы они прелюбодействовали, не желая, чтобы они были праздны, без нужды пытливы, чтобы говорили, чего не следует, не желая, чтобы диавол находил в них повод (к осуждению); так что, если бы этого не было, то он и не отвергал бы их. **"Если какой верный или верная имеет вдов, то должны их довольствовать и не обременять Церкви, чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц"** (ст. 16). Видишь, как опять он истинными вдовицами называет совершенно одиноких, не имеющих ни откуда утешения? Так, действительно, было лучше. Отсюда проистекали два величайшие (блага): одни находили повод делать добро, другие были хорошо пропитываемы, и Церковь не обременялась. Кстати он прибавил: **"если какой верный"**, – потому что верные не должны были получать пропитание от неверных, чтобы не казалось, будто имеют в них нужду. И смотри, как утешительна (его речь). Не сказал: да будет доставляемо им роскошное содержание, но: **"должны их довольствовать"**, Церковь, **"чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц"**. Следовательно, и за такую помощь она получает награду; помогая Церкви, она не ей только помогает, но и тем (вдовицам), когда доставляет им обильное содержание. **"Я желаю молодым"** – что? Пресыщаться? Или предаваться неге? Ничего такого, но **"вступать в брак, рождать детей, управлять домом"** А чтобы ты не подумал, будто он увещевает их проводить жизнь в удовольствиях, он прибавил: **"и не подавали противнику никакого повода к злоречию"**. Им надлежало быть выше житейских нужд, но так как они стали ниже их то, по крайней мере, на той степени должны были стоять. **"Достоин начальствующим пресвитерам должно оказывать сугубую честь, особенно тем, которые трудятся в слове и учении. Ибо Писание говорит: не заграждай рта у вола молотящего; и: трудящийся достоин награды своей"** (ст. 17,18).

2. Честию здесь называет попечение, доставление всего необходимого. Это видно из слов: **"не заграждай рта у вола молотящего"**; и: **"трудящийся достоин награды своей"** Следовательно, и в том случае, когда говорит: **"вдовиц почитай"** (1 Тим.5:3), говорит это о необходимой для них пище; **"чтобы она могла довольствовать истинных вдовиц"**, – говорит он; и опять: **"почитай, истинных вдовиц"**, т. е. бедных, потому что чем беднее, которая из них, тем она больше вдовица. Здесь приводит и постановление закона, и заповедь Христову, – и то и другое согласны между собою. Закон именно говорит: **"не заграждай рта у вола молотящего"**. Видишь ли, каких трудов требует он от учителя? Нет, воистину нет другого труда, равного его труду. Но это – постановление закона. Какую же приводит он заповедь Христову? **"Трудящийся"**, – говорит, – **"достоин награды своей"**. Поэтому не на одну только награду мы должны обращать внимание, но и на то, как повелено; а он говорит: **"трудящийся достоин"** пищи **"своей"** Следовательно,

тот, кто предается удовольствиям и успокоению, не достоин ее. Кто не вол молотящий, кто не несет терпеливо ярма, не обращая внимания на жар и терние, и не прежде оставляет его, как по собрании плодов в житницу, тот не достоин ее. Поэтому надобно, чтобы учителям все необходимое было доставляемо в изобилии, чтобы они не трудились (для этого сами), не изнемогали и, занимаясь маловажным, не лишались великого, чтобы они упражнялись в духовных подвигах, нисколько не заботясь о житейских делах. Таковы были левиты: у них не было никакой заботы о житейском, потому что попечение о них имели миряне и законом определены были их доходы, как-то: десятины, известное количество златниц, начатки, молитвы, и многое другое. Но им естественно назначалось это по закону, так как они искали настоящего; а я говорю, что предстоятели не должны иметь ничего больше, кроме пищи и одежды, чтобы они не развлекались этим. Что же значит: **"сугубую честь"**? Сугубой по отношению к вдовицам, или по отношению к диаконам, или просто – сугубой чести, то есть, великой. Поэтому мы должны обращать внимание не только на то, что (апостол) удостоивает их сугубой чести, но и на то, что он говорит дальше: **"Достоин начальствующим"**. Что же значит: **"Достоин начальствующим"**? Послушаем, что говорит Христос: **"пастырь добрый душу свою полагает за овцы"** (Ин.10:11). Следовательно, в том состоит хорошее предстоятельство, чтобы ради попечения о них не щадить ничего. **"Особенно тем"**, – говорит, – **"которые трудятся в слове и учении"**. Где теперь те, которые утверждают, что ненужно слова и учения? Между тем и Тимофею он дает столько увещаний, говоря: **"О сем заботься, в сем пребывай"** (1 Тим.4:15); и опять: **"занимайся чтением, наставлением; так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя"** (1 Тим.4:13,16). Равным образом он хочет, чтобы таких почитали больше, нежели всех других. И приводит причину: они, говорит, подъемлют великий труд. И справедливо. Тогда как другой и не бодрствует, и не печется, но остается без заботы и печали, тот трудится, печется, и поучается, – особенно когда бывает неопытен во внешних науках. Как же не должен он пользоваться большею честью, нежели все прочие, когда он предается столь великим трудам? При том он служит предметом бесчисленных разговоров. Один укоряет его, другой хвалит, иной насмехается, тот оскорбляет его память и намерения, – и нужна ему большая крепость духа, чтобы переносить это. Это важно и много содействует благоустроению Церкви и великую приносит пользу, когда предстоятели ее люди ученые. А когда этого нет, то в Церквях многое погибает. Вот почему к прочим (свойствам предстоятеля), к страннолюбию, к кротости, к непорочности (апостол) причисляет и это, говоря: **"учителен"**. При том, почему он называется учителем? Конечно, потому, скажешь, что он своей жизнью должен научать других любомудрию. Следовательно, это становится излишним, и для преуспевания не нужно словесного наставления. Но как же Павел говорит: **"особенно тем, которые трудятся в слове и учении"**! Ведь когда речь идет о догматах, тогда какую силу имеет жизнь? Впрочем, о каком слове говорит он? Не о хвастливом, не о том, какое отличается внешнею утонченностью, но о том, которое проникнуто великою силою духа, исполнено разума и мудрости. Поэтому ему нужны не искусство и изящные выражения, а мысли, – не изложение, а смысл. **"Обвинение на пресвитера не иначе принимай, как при двух или трех свидетелях"** (ст. 19). Следовательно, ужели нужно принимать обвинение (взводимое) на молодого без свидетелей? Или вообще на всякого? И ужели вообще должно без исследования произносить приговоры? Что же значит сказанное им? Он говорит – ни на других, но особенно на пресвитера, потому что под именем пресвитера, он разумеет здесь не сан, а возраст, так как юноши легче погрешают, нежели старцы. Отсюда явным становится то, что Тимофею уже вверена была Церковь, или и весь народ Азии. Поэтому (апостол) и беседует с ним о пресвитерах. **"Согрешающих обличай перед всеми, чтобы и прочие страх имели"** (ст. 20). То есть, не тотчас отсекай, но все исследуй с великою точностью. Когда же ясно узнаешь, строго взыскивай, чтобы и другие вразумлялись. Как вредно бывает необдуманно осуждать, так и не наказывать явно согрешивших значит давать дорогу другим к тому, чтобы и они то же самое делали и на то

же покушались. Обличай, говорит, показывая (что нужно действовать) не кое-как, но со строгостью, потому что таким образом и другие будут бояться. Как же Христос говорит: **"пойди и обличи его между тобою и им одним"** (Ме.18:15), если он согрешил против тебя? Однакож (Христос) позволяет обличать его и в церкви.

3. Что же? Разве не больше будет соблазна, когда пред всеми станешь обличать? Каким образом? Когда грех узнают, а наказания видеть не будут, то больше станут соблазняться. Как оттого, что согрешившие остаются ненаказанными, многие согрешают, так и оттого, что они бывают наказываемы, многие исправляются. Так поступал и Бог. Он привел фараона на средину (моря) и наказал; видим также, что получили наказание и Навуходоносор, и многие другие люди и города. Следовательно, он хочет, чтобы все имели страх пред епископом, и поставляет его над всеми. Но так как многие подвергались осуждению по подозрению, то он говорит, что надобно, чтобы были свидетели, которые обличили бы его, согласно предписанию древнего закона: **"при словах двух свидетелей, или при словах трех свидетелей состоится дело"** (Втор.19:15). **"На пресвитера"**, – говорит, – **"обвинение не иначе принимай"**. Не сказал: не осуждай, но: даже не принимай обвинения и вовсе не призывай его на суд. Но что, если и двое свидетелей солгут? Это редко случается, при том же по расследованию на суде и это может обнаружиться. Для (обличения) грехов довольно и двух свидетелей, в виду того, что они совершаются тайно и скрытно, – так что это служит признаком строгого исследования. Но что, если грехи будут явны, а свидетелей не будет, но только подозрение в дурном? Выше я сказал, говорит он: **"Надлежит ему также иметь доброе свидетельство от внешних"** (1 Тим.3:7). Будем же любить Бога со страхом, потому что хотя **"закон положен не для праведника"** (1Тим.1:9), однако многие, упражняясь в добродетели по необходимости, а не вследствие свободного расположения воли, от страха получают много пользы, часто отсекая свои пожелания. Для того послушаем о геенне, чтобы эта угроза и этот страх доставили нам нечто важное. Если бы Тот, Кто намеревается ввергнуть в нее грешников, не высказал наперед этой угрозы, то многие попали бы в нее. В самом деле, если даже теперь, когда страх потрясает наши души, есть люди, которые так легко согрешают, как будто она и не существует, то какого зла мы не сделали бы, если бы ничего такого не говорили нам и ничем таким не угрожали? Следовательно, как всегда я говорю, геенна не менее царствия показывает попечение Божие о нас. Геенна содействует царствию (Божию), страхом подвигая людей к нему. Итак, не будем считать этого признаком излишней строгости и жестокости, но милосердия, великого человеколюбия, попечения и любви к нам. Если бы во времена Ионы не угрожала гибель, то не была бы предотвращена гибель. Если бы Бог не сказал, что **"Ниневия будет разрушена"** (Ион.3:4), то не устояла бы Ниневия. Если бы Он не угрожал нам геенною, все мы попали бы в геенну. Если бы не грозил нам огонь, никто не избежал бы огня. Он говорит, что сделает то, что несогласно с Его желанием, чтобы сделать то, чего желает. Он не хочет смерти грешника, но говорит о смерти грешника, чтобы не предать его смерти. Не только словом выражает это, но показывает и на деле, чтобы мы избежали ее. А чтобы кто-нибудь не подумал, что это только одна угроза, а не что-либо действительное, Он сделал это ясным чрез события, которые прежде здесь совершались. Не кажется ли тебе, что потоп есть образ геенны, истребление посредством дождя есть образ такого же истребления посредством огня? **"Как было "**, – говорит, – **"во дни Ноя, женились и выходили замуж"** (Мф.24:37,38), так и теперь. Задолго предсказывал Он тогда, предсказывает лет за четыреста, или более, но никто не внимает. Все полагают, что это басни, все смеются, никто не чувствует страха, никто не плачет, никто не бьет себя в грудь. Река огня кипит, пламень разгорается, а мы смеемся, предаемся удовольствиям и грешим безбоязненно. Никто никогда не приводит себе на память этого дня; никто не помышляет, что настоящее преходит, что все это временно, несмотря на то, что события ежедневно говорят о том. Преждевременная смерть, перемены обстоятельств,

совершающиеся, когда мы еще и живем, не вразумляют нас, равно как и недуги, и прочие немощи. И не в наших только телах, но и в самых стихиях можно видеть эти перемены; и (перемены), замечаемые в возрастах, ежедневно приводят нас к размышлению о смерти; и везде во всем отпечатлевается непостоянство вещей. Никогда не продолжается неизменно ни зима, ни лето, ни весна, ни осень, но все бежит, летит и течет. Но о чем бы ты желал, чтобы я говорил тебе: о цветах ли, о достоинствах ли, о царях ли, которые ныне живут, а завтра перестанут существовать? Или о богатых? Или о блестящих зданиях? Или о ночи и дне? Или о солнце и о луне? Разве не уменьшается и эта последняя? Разве самое солнце часто не затмевается и не покрывается мраком? Разве не закрывает его облако? Разве что-либо видимое пребывает неизменным? Ничто из всего того, что в нас находится, кроме души; и между тем о ней мы нерадим. Мы много печемся о том, что изменчиво, считая его постоянно пребывающим; а на то, что постоянно пребывает, на душу, как будто на нечто скоропреходящее, мы не обращаем никакого внимания. Положим, что иной имеет великую силу. Но только до завтра, а после этого она погибает; это видно из того, что бывали люди, одаренные великим могуществом, и теперь их нигде не видно. Жизнь походит на сцену и сновидение. Подобно тому, как на сцене, по снятии покровов, исчезает разнообразие изображений, и как, с появлением солнечного луча, все сновидения улетают, – так и теперь, после того как последует кончина и общая, и каждого порознь, все разрушается и исчезает. И дерево, которое ты посадил, остается; и дом, который ты построил, тоже остается; между тем художник и земледelec удаляются и погибают. И когда все это происходит, мы, несмотря даже на это, не вразумляемся, и как будто бессмертные все это устроаем, предаваясь удовольствиям и наслаждению.

4. Послушай, что говорит Соломон, который на деле испытал значение настоящих вещей. **"Построил себе дома"**, – говорит он, – **"посадил себе виноградники, устроил себе сады и рощи, сделал себе водоемы, собрал себе серебра и золота, завел у себя певцов и певиц, также крупного и мелкого скота было у меня больше, нежели у всех"** (Еккл.2:4-8). Никто не был столько предан наслаждению, никто не был так славен, никто так мудр, никто так могуществен, никто не видел, чтобы все так шло по его желанию. Что же? Ничто из этого не принесло ему пользы: но что говорит он после всего этого? **"Суета сует"**, – говорит, – **"все суета"** (Еккл.1:2). Не просто суета, но суета по преимуществу. Последуем ему, умоляю вас, ему, изведавшему все на опыте; последуем ему, и обратимся к тому, в чем нет суеты, где истина, где все постоянно и неизменно, где все создано на камне, где нет ни старости, ни изменчивости, где все цветет, где все исполнено силы, где ничто не ветшает и не стареет и не приближается к разрушению. Возлюбим, умоляю вас, преискренне Бога – не из страха геенны, а из желания приобрести царствие. В самом деле, скажи мне, что может равняться с созерцанием Христа? Нет ничего такого. Что может равняться с наслаждением теми благами? Тоже нет ничего такого. И справедливо, потому что **"не видел того глаз"**, – говорится, – **"не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог любящим Его"** (1 Кор.2:9).

Постараемся же получить эти блага и презрим земные. Разве не до бесконечности мы уничижаем эти последние, (говоря): человеческая жизнь ничто? Зачем же заботишься о ничем? Зачем подымаешь труды для ничего? Но ты взираешь на блестящие здания, и созерцание их прельщает тебя? Тогда взгляни тотчас на небо, обрати свой взор от камней и столпов к этой красоте, – и увидишь, что все это – дела муравьев и комаров. Почерпай мудрость из этого зрелища, восходи к небесному. Оттуда рассмотри блестящие здания, – и увидишь, что они не иное что, как игрушки малых детей. Разве не видишь, насколько тоньше, насколько легче, насколько чище, насколько светлее становится воздух, по мере того, как восходишь на высоту? Творящие милостыню там имеют дома и местопребывание. А эти (земные дома) при воскресении разрушатся, или, правильнее говоря, прежде воскресения самое время разрушит, уничтожит и истребит их; даже

прежде времени, часто в полной силе и красоте, или ниспровергает их землетрясение, или всецело истребляет пожар. Не только ведь в отношении человеческого возраста, но и в отношении к зданиям бывает преждевременная смерть. Часто те здания, которые от времени соделались ветхими, при колебании земли оставались невредимыми; между тем блестящие, прочные и недавно построенные одним ударом грома были потрясемы и разрушаемы. И это происходит, думаю, по устройению Божию, чтобы мы не гордились нашими зданиями. Хочешь ли другим образом сохранить бодрость духа? Ступай к общественным зданиям, которыми наравне с другими и ты владеешь. Ведь нет, поистине нет дома, который, как бы блистателен ни был, превосходил бы блеском общественные здания. Пребывай там, сколько хочешь времени. Эти здания – твои, они твои столько же, как и всех прочих; они общие, а не частные. Но ты скажешь, что они не нравятся тебе. Не нравятся, во-первых, вследствие привычки, во-вторых, вследствие любостяжания. Следовательно, то, что нравится, есть любостяжание, а не красота. Следовательно, наслаждение состоит в любостяжании и в желании присвоить себе все. До каких же пор будем прилепляться к этому? До каких пор будем прикованы к земле и, как черви, будем пресмыкаться в грязи? Бог дал нам тело из земли для того, чтобы мы и его возвели на небо, а не для того, чтобы чрез него и душу низвели в землю. Оно – земное; но если я захочу, будет небесным. Смотри, какой честью Он нас почтил, предоставив нам такое дело. Я сотворил, говорит Он, землю и небо; даю и тебе творческую власть, – сотвори землю небом, ты можешь сделать это. О Боге сказано: **"Кто сотворил [всё] и претворяет"**(Амос.5:8). Но такую же власть Он дал и людям, подобно тому, как чадолюбивый отец, занимаясь живописью, не только сам (упражняется в этом), но и сына хочет довести до одинакового с ним совершенства. Я сотворил, говорит Он, прекрасное тело; даю тебе власть создать нечто лучшее, – соделай прекрасною душу. Я сказал: **"да произрастит земля зелень, траву, сеющую семя дерево плодовитое"** (Быт.1:11). Скажи и ты: да произрастит та же земля собственный плод и произойдет то, что по Твоему желанию должно произойти. Я творю лето и мглу, утверждаю гром и созидаю дух; Я создал змия, что бы ругаться над ним, то есть диавола. Не позавидовал Я тебе и этой власти. Ругайся над ним и ты, если хочешь; можешь связать его, как птичку. Я воссияваю солнце на злых и благих; подражай и ты, – раздавай свои стяжания и добрым, и злым. Я, будучи оскорбляем, терплю, и благотворю оскорбляющим Меня; подражай и ты, – ты можешь сделать это. Я благодетельствую не ради воздаяния; подражай и ты, и делай добро не ради воздаяния и не ради награды. Я возжег светила на небе; зажги и ты светила блистательнее этих, ты можешь сделать это, – просвети заблудших. Дать познать Меня – большее благодеяние, нежели доставить возможность видеть солнце. Ты не можешь сотворить человека, но можешь сделать его праведным и благоугодным Богу. Я сотворил существо; ты укрась намерение. Смотри, как Я люблю тебя, и что Я дал тебе силу даже в более важных делах. Видите, возлюбленные, как мы почтены, и между тем некоторые несмысленные и неблагодарные говорят: для чего мы одарены свободною волею? Если бы у нас не было свободной воли, то все, о чем мы говорили, и в чем можем подражать Богу, не могло бы составлять для нас предмета подражания. Я управляю, говорит Он, ангелами; и ты – чрез Начаток. Я восседаю на царском престоле; и ты совосседаешь Мне – чрез Начаток. **"И воскресил с Ним"**, – говорит (апостол), – **"и посадил на небесах во Христе Иисусе"** (Ефес.2:6). Тебе поклоняются херувимы и серафимы и все ангельские силы, начала, власти, престолы, господства – чрез Начаток. Не порицай тела, которое сподобилось такой чести, пред которым трепещут даже беплотные силы. Но что скажу еще? Не этим только изъявляю Я свою любовь, но и страданиями Моими. Для тебя Я подвергся оплеванию, заушению, истошил славу, оставил Отца и пришел к тебе, ненавидящему Меня, отвращающемуся от Меня и не желающему даже слышать Мое имя. Я шел вслед за тобою и догонял, чтобы удержать тебя; Я соединил и сочетал тебя с Собою; **"ешь Меня"**, – сказал Я, – **"и пей Меня"**. И горе держу тебя, и долу соединяюсь с тобою. Разве не довольно для тебя того, что начаток твой я держу горе? Разве это не

удовлетворяет твоей любви? И опять Я сошел на землю, – не просто смешиваюсь с тобою, а соединяюсь, снедаюсь, раздробляюсь на малые части, чтобы произошло великое растворение и смешение и соединение, – потому что соединяемое пребывает в своих пределах, а Я воедино слился с тобою. Я не хочу, чтобы уже было что-то среднее; хочу, чтобы мы оба были одно. Итак, зная это и великое Его о нас попечение, будем все делать, чтобы мы могли явить себя не недостойными великих Его даров, которые да сподобимся все мы получить благодатию и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 16

"Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию. Рук ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах. Храни себя чистым. Впредь пей не [одну] воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов" (1 Тим.5:21-23).

1. Сказав о епископах, о диаконах, мужах, женах, о вдовицах, о пресвитерах и о всех прочих, и показав, над кем простирается власть епископа, (апостол) когда стал говорить о суде, присовокупил: **"Пред Богом и Господом Иисусом Христом и избранными Ангелами заклинаю тебя сохранить сие без предубеждения, ничего не делая по пристрастию"**. Вот, наконец (он изрекает) страшное увещание, потому что не посовестился (сказать это) даже из уважения к тому, что Тимофей был его возлюбленное чадо. Тот, кто не постыдился сказать о себе: **"дабы, проповедуя другим, самому не остаться недостойным"** (1 Кор.9:27), тем более не устыдился и не посовестился (сказать так) и Тимофею. Впрочем, он хорошо (поступает), призывая в свидетели Отца и Сына; но для чего еще – избранных ангелов? Вследствие великого снисхождения, потому что и Моисей говорит таким же образом: **"то свидетельствуюсь вам сегодня небом и землею"** (Втор.4:26), – вследствие великого снисхождения Господня. И опять: **"слышите дебри, основания земли; Слушайте, горы, суд Господень, и вы, твердые основы земли: ибо у Господа суд с народом Своим, и с Израилем Он состязуется"** (Мих.6:2). А призывает он Отца и Сына в Свидетели сказанного им для того, чтобы в грядущий день, если бы что совершилось вопреки долга, остаться правым пред Ними, то есть, как бы снимая с себя всякую (ответственность). **"Заклинаю тебя сохранить сие"**, – говорит он, – **"без предубеждения, ничего не делая по пристрастию"**. То есть, ты должен быть дружелюбным и справедливым к судящимся и ожидающим от тебя приговора и никто не должен предрасполагать тебя в свою пользу и склонять на свою сторону. Но кто это избранные ангелы? Некоторые, следовательно, как будто не были таковы. Потому-то и Иаков берет себе в свидетели Бога и холм. Равным образом и мы часто берем в свидетели и важных, и незначительных лиц. Столь великое значение имеет свидетельство. Он как будто так сказал: призываю в свидетели Бога, и Сына Его, и слуг Его, что я заповедал тебе; вот пред ними заповедую тебе. Он устрашает Тимофея. Потом, сказав это, он присовокупил то, что было всего более благовременно, что преимущественно содействует устройению Церкви, – именно о рукоположениях. **"Рук"**, – говорит, – **"ни на кого не возлагай поспешно, и не делайся участником в чужих грехах"**. Что значить: **"поспешно"**? Не по первом, не по втором, не по третьем испытании, но неоднократно рассмотрев и тщательно исследовав, так как это дело не безопасное. За соделанные им грехи, как прежние, так и будущие, подвергнешься наказанию и ты, доставивший ему власть, потому что, неблагоприятно отпустив ему прежние грехи, ты станешь виновным и в тех, которые он совершит впоследствии времени; именно – будешь причиною этих последних потому, что вверил ему начальство, а прежних потому, что не дал ему оплакать

их и придти в состояние сокрушения. Ты становишься соучастником как добрых его дел, так и грехов. **"Храни себя чистым"**. Здесь говорит о воздержании. **"Впредь пей не [одну] воду, но употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов"**. Если же мужу, который до такой степени соблюдал посты и столько времени употреблял воду, что стал даже подвергаться болезням и частым недугам, (апостол) заповедует воздержание, и тот не огорчается, то тем более мы не должны огорчаться, когда слушаем чьи-нибудь наставления. Почему же он не исцелил его желудка? Не потому, что не мог, а потому, что хотел и отсюда извлечь какое-либо важное наставление; а тот, чья одежда воскрешала мертвых, без сомнения, мог сделать и это. Итак, зачем же не сделал он этого? Затем, чтобы мы, когда и теперь видим людей великих и добродетельных подверженными недугам, не соблазнялись этим. Таким образом, и это служило на пользу. Если ему самому дан был ангел сатанин, чтобы он не возгордился, то тем более Тимофею, – потому что знамения легко могли привести его к гордости. Поэтому (апостол) предоставил ему пользоваться правилами врачебной науки, чтобы и он сам меньше думал о себе, и другие не соблазнялись, и уразумели, что и те святые мужи, будучи одинаковой с нами природы, совершали то, что совершали. Кроме того, мне кажется, что он подвержен был недугам и от других причин; на это указывает (апостол), говоря: **"ради частых твоих недугов"**, и от желудка и от других частей тела. Впрочем, он не позволил ему неумеренно напиваться вином, но, сколько нужно для здоровья, а не для удовольствия. **"Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых [открываются] впоследствии"** (ст. 24). Так как он говорил о рукоположениях, то и сказал: **"и не делайся участником в чужих грехах"**. Но что, если я не знаю, скажешь ты? **"Грехи некоторых людей явны и прямо ведут к осуждению, а некоторых [открываются] впоследствии"** У некоторых, говорит, они явны потому, что предшествуют; а у других нет, и те следуют за ними. **"Равным образом и добрые дела явны; а если и не таковы, скрыться не могут"** (ст. 25). **"Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение"** (6:1). **"Всякой чести"**, – говорит, – **"достойными"**. Не думай, что если ты верный, то и свободен: свобода эта состоит в том, чтобы еще больше быть рабом. Неверный, если увидит, что чрез веру люди впадают в самомнение, часто будет поносить ее, как учение, располагающее к возмущению, а если заметит, что они покорны, то тем скорее сам покорится, тем внимательнее будет к тому, что говорится. Таким образом, если верные не будут покорны, то и Бог и проповедь подвергнутся поношению. Но что, спросишь ты, если господа будут неверные? И в таком случае надобно подчиниться ради имени Божия. **"Те, которые имеют господами верных"**, – говорит, – **"не должны обращаться с ними небрежно, потому что они братья; но тем более должны служить им, что они верные и возлюбленные и благодетельствуют [им]"** (ст. 2).

2. Он как будто так говорил: если вы удостоились такой чести, что имеете братий господами, то должны поэтому особенно повиноваться им. **"Прямо"**, – говорит, – **"ведут к осуждению"**, – то есть, из худых дел здесь одни скрываются, другие нет; а там не могут скрыться ни худые, ни хорошие. Что значит: **"Прямо ведут к осуждению"**! То, что когда кто грешит, – грехи уже осуждают его, если он не исправляется, или если и надеется исправиться, но не делает этого. Но для чего, и почему это сказано было? Для того, что хотя здесь некоторые и скрываются, но там не скроются: там все открыто. Между тем для праведных это служит величайшим утешением. Потом, так как он сказал: **"ничего не делая по пристрастию"**, то для необходимого объяснения прибавил: **"Рабы, под игом находящиеся"**. Но какое это имеет отношение к епископу, спросишь ты? Очень (близкое), – чтобы он увещевал, чтобы учил их. Касательно них (рабов) он и здесь делает правильные наставления. Мы видим, что он везде больше заповедует рабам, нежели господам, и, показывая им, как должно повиноваться, и много об них рассуждая. Именно – он увещевает первых покоряться с великой кротостью, а последним внушает уменьшать

страх, говоря: **"умеряя строгость"** (Еф.6:9). Но для чего заповедует он это? По отношению к неверным справедливо, потому что нет причины беседовать с такими, которые не внимают. А по отношению к верным для чего? Для того, что господа больше доставляют рабам, чем рабы господам; первые и золото тратят на них, и заботятся о снабжении их необходимыми вещами, одеждою и всем прочим. Таким образом, господа оказывают им больше услуг, на что и здесь указывает (апостол), говоря: **"что они верные и возлюбленные и благодетельствуют [им]"**. Они беспокоятся и трудятся ради вашего спокойствия, – и ужели не должны пользоваться великою честью от своих слуг? Если же рабам заповедал он пребывать в таком послушании, то подумайте, в какой степени мы должны быть расположены к Владыке, который привел нас из небытия в бытие, который и питает нас, и одевает. Поэтому потщимся послужить ему – если не как-нибудь иначе, то, по крайней мере, столько, сколько служат нам наши рабы. Разве не на то они посвятили всю жизнь, чтобы доставлять спокойствие своим господам? Разве не в том состоит их занятие, разве не в том их жизнь, чтобы заботиться о делах своих господ? Не заботятся ли они целый день о делах господина, между тем как для исправления своих дел у них нередко остается малая часть вечера? А мы, напротив: своими делами занимаемся постоянно, а для того, что относится к Владыке, нет у нас и малой части времени, и при том мы поступаем так тогда, когда Он не только не нуждается в наших услугах, подобно тому, как господа (нуждаются в услуге) рабов, но и самые эти услуги обращает к нашей же пользе. Там служение раба приносит пользу господину; а здесь служение раба ничего не значит для Владыки, но полезно самому же рабу. **"Блага"**, – говорится, – **"мои Тебе не нужны"** (Пс. 15:2). В самом деле, скажи мне, какая будет польза Богу, если я буду праведен, и какой вред, если я буду неправеден? Разве природа Его не есть без примеси? Разве она не свободна от повреждения? Разве она не выше всякого страдания? Рабы не имеют ничего собственного, все у них господское, хотя бы они до бесконечности были богаты. Напротив, мы имеем много собственного, и не без причины мы получили такую честь от Царя всяческих. Какой господин отдал за раба своего сына? Никакой. Напротив, все предпочли бы скорее отдать рабов за сыновей. А здесь, напротив: Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас – за врагов, ненавидящих Его. Рабы, хотя бы им приказано было нечто тягостное, не досаждают, – особенно если они благодетельны; а мы тысячекратно унываем. Рабам ничего такого не обещает господин, что обещал нам Бог. Но что? Освобождение от рабства в здешнем мире, что часто бывает тяжелее рабства, потому что часто случается голод, и тогда эта свобода становится хуже рабства; между тем она составляет величайший дар. А у Бога нет ничего временного, ничего тленного, – но что? Хочешь знать? Послушай. **"Я уже"**, – говорит (Господь), – **"не называю вас рабами. Вы друзья Мои"** (Ин.15:15,14).

Устыдимся, возлюбленные, убоимся; ужели не послужим Владыке, по крайней мере, столько, сколько служат нам рабы, или, правильнее говоря, ужели мы даже в самой малой части не обнаружим нашего служения? Они любомудрствуют вследствие необходимости, – имея только кров и пищу; а мы, отчасти уже получив, отчасти ожидая бесчисленных благ, чрезмерною роскошью оскорбляем Благодетеля. Если не из какого-либо другого источника, то, по крайней мере, от них примем правила любомудрия. Писание обыкновенно отсылает людей не к рабам, но даже к бессловесным животным, например – когда повелевает подражать то пчеле, то муравьям. А я убеждаю вас подражать, по крайней мере, рабам. Что они делают из страха к нам, то и мы будем делать, по крайней мере, из страха к Богу; а мы не находим, чтобы вы делали это. Они из страха к нам тысячекратно подвергаются оскорблениям и невозмутимее всякого философа стоят в молчании; они получают оскорбления справедливо и несправедливо, и не противоречат, но просят прощения, нередко даже не сделав ничего худого. Не получая ничего, кроме необходимого, а часто и менее того, они довольствуются этим. Засыпая на соломенной постели, питаясь только хлебом и проводя жизнь во всех отношениях скудную, они не

жалуются и не огорчаются по причине страха, который мы им внушаем. Когда вверяются им деньги, они их полностью возвращают (не указывай мне на лукавых рабов, а на тех, которые не очень злы); когда мы погрозим им, они тотчас смиряются. Разве не в этом состоит любомудрие? Не говори мне, что это бывает вследствие необходимости, потому что и тебе предстоит необходимость впасть в геенну, и, несмотря на то ты не вразумляешься и не воздаешь Богу такой чести, какой пользуешься от рабов. Каждый слуга имеет свое определенное жилище, и не нападает на жилище ближнего, не бывает снедаем желанием приобрести больше. И всякий видит, что рабы соблюдают это из-за страха пред господами; и редко увидишь, чтобы один раб что-нибудь унес или испортил у другого. А у людей свободных происходит противное этому. Мы грызем, пожираем друг друга, не боимся Владыки; и в Его глазах грабим, окрадываем, бьем сорабов своих. Между тем раб не сделал бы этого, а если бы даже он и ударил кого-либо, то не в глазах господина; если бы и побранил кого-либо, то так, чтобы господин не слышал. А мы дерзаем делать это пред Богом, Который все видит и слышит. У них всегда пред глазами страх к господину; а у нас его никогда не бывает. Оттого-то у нас все расстроилось, все слилось и развратилось; и самим нам даже в ум не приходят наши преступления, а когда согрешают наши рабы, мы с точностью исследуем все, до малейшей подробности. Это говорю я не с тою целью, чтобы хотел сделать рабов ленивыми, но чтобы истребить нашу леность и пробудить нас самих от беспечности, чтобы мы служили Богу хотя бы так, как служат нам рабы, (служили) Сотворившему нас так, как служат нам единосущные нам и не получившие от нас ничего такого. По природе свободны и они: **"и владычествуйте над рыбами"** (Быт. 1:26), сказано было и к ним. Это рабство не от природы, но произошло от случая и обстоятельств и, несмотря на то, они оказывают нам великую честь. Между тем мы, требуя себе от них услуги, устремляемся на них со всею строгостью, и в то же время Богу не уделяем ни малейшей части служения, несмотря на то, что польза от этого обращается опять к нам же. Ведь чем усерднее мы будем служить Богу, тем больше получим себе пользы, тем больше будет выгоды для нас самих. Не будем же лишать самих себя столь великого приобретения. Бог самодоволен и ни в чем не нуждается; воздаяние же и польза возвращается опять к нам. Итак, умоляю вас, постараемся приобрести такое расположение, как будто мы служим не Богу, а себе самим, и поработаем ему со страхом и трепетом, чтобы сподобиться обетованных благ во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 17

"Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает, но заражен [страстью] к состязаниям и словопрениям, от которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения. Пустые споры между людьми поврежденного ума, чуждыми истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка. Удаляйся от таких. Великое приобретение - быть благочестивым и довольным. Ибо мы ничего не принесли в мир; явно, что ничего не можем и вынести [из него]" (1 Тим.6:3-7).

1. Учителю нужно употреблять не только власть, но и великую кротость, и с другой стороны не только кротость, но и власть. И всему этому научает блаженный Павел, иногда говоря: **"Проповедуй сие и учи"** (1 Тим.4:11), а иногда: сему учи и моли. Если врачи делают увещания больным не с тою целью, чтобы им самим сделаться здоровыми, но чтобы этих последних избавить от недуга и лежащих поднять, то тем более мы, при увещании учеников, должны следовать такому обычаю. Блаженный Павел не отрицает даже того, что он их раб, говоря: **"не себя проповедуем, но Христа Иисуса, Господа; а мы - рабы ваши для Иисуса"** (2 Кор.4:5); и опять: **"Павел ли, или Аполлос, все ваше"**

(1 Кор.3:28). И он с готовностью принимает на себя это рабство, потому что это не рабство, а лучше свободы. Тот есть, говорит (Господь), **"делающий грех, есть раб"** (Ин.8:34). **"Кто учит иному и не следует здоровым словам Господа нашего Иисуса Христа и учению о благочестии, тот горд, ничего не знает"**. Следовательно, нам случается воспаляться гордостью не от знания, а от незнания. Тот, кто знает учение, согласное с благочестием, более всех умеет смиряться; тот, кто наставлен в здоровом учении, не бывает одержим болезнью. Действительно, гордость в душах есть то же самое, что воспаление в телах. Как там место, подверженное воспалению, мы не называем здоровым, так и здесь – гордых. Следовательно, можно знающему что-нибудь не знать ничего, потому что незнающий того, что должно знать, ничего не знает. А что от незнания рождается чрезмерная гордость, видно из следующего: Христос истощил Себя; поэтому тот, кто знает это, никогда не будет много думать о себе; человек не имеет ничего, чего не получил бы от Бога, и вследствие того не будет много о себе думать. **"Что ты имеешь, чего бы ни получил"**? (1Кор.4:7)? Он умыл ноги ученикам. Кто знает это, как станет превозноситься? С этой целью (Господь) сказал: **"когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие"** (Лук.17:10). Мытарь одним смиренномудрием стяжал благоволение; фарисей от гордости погиб. Следовательно, кто гордится, тот ничего этого не знает. Опять сам Христос говорит: **"если Я сказал худо, покажи, что худо; а если хорошо, что ты бьешь Меня"**? (Ин.18:23)? **"Заражен [страстью]"**, – говорит, – **"к состязаниям"**. Следовательно, состязание есть недуг. **"И словопрениям"**. И справедливо. Когда душа разжигается помыслами, когда они обуревают ее, тогда она занимается исследованием, а когда она находится в здоровом состоянии, тогда не исследует, но принимает на веру. Посредством исследования и споров ничего нельзя найти. Когда исследование приступает к разъяснению того, что возвещается одною верою, тогда оно и не открывает этого и не дает его уразуметь, потому что, если бы кто-нибудь, смежив глаза, хотел найти что-нибудь такое, чего бы он искал, то не мог бы (успеть в этом); равно как если бы он, открыв глаза, но, закопав себя в землю и отворачившись от солнечных лучей, стал искать на том месте, то опять не мог бы ничего найти. Так без веры ничего нельзя отыскать, а только неизбежно должны рождаться споры. **"От которых происходят зависть, распри, злоречия, лукавые подозрения"** – то есть, от исследований рождаются вредные мнения и учения. Мы начинаем о Боге думать то, чего не следует, когда приступаем к исследованию. **"Пустые споры"** – то есть праздные занятия или пустые рассуждения. Или следующим образом он понимает **"пустые споры"**: подобно тому, как овцы, будучи заражены чесоткою, когда приходят в соприкосновение со здоровыми, и им сообщают свой недуг, так и эти злые люди. **"И чуждыми"**, – говорит, – **"истины, которые думают, будто благочестие служит для прибытка"**. Видишь ли, что, по его словам, рожают споры? Постыдную корысть, невежество, гордость; да, и гордость рождается от невежества. **"Удаляйся"**, – говорит, – **"от таких"**. Не сказал: приходи туда, но: отступай, то есть, отворачивайся. **"Еретика"**, – говорит, – **"после первого и второго вразумления, отворачивайся"** (Тит.3:10). Показывает, что они таковы не столько от невежества, сколько от лености, которая приводит их к невежеству. В самом деле, каким образом можешь ты убедить людей, спорящих из-за денег? Иначе таковых ты не убедишь, как если не дашь опять; но и этим не насытишь их жажды приобретения. **"Глаза любостяжательного"**, – говорится, – **"не насыщаются какою-либо частью"** (Сир.14:9). Поэтому от них, как от неисправимых, надобно отворачиваться. Если же он тому, кому предстояла крайняя необходимость вступать в борьбу, заповедует не приходиться туда и не связываться с ними, то тем более (он заповедует это) нам, которые учимся и находимся в ряду учеников. Впрочем, сказав, что они полагают, что благочестие есть приобретение, он прибавил: **"Великое приобретение - быть благочестивым и довольным"**, – не тогда, когда имеет деньги, а когда не имеет их, чтобы (Тимофей) вследствие бедности не впал в уныние, он ободряет и утешает его. Думают, говорит он, что благочестие есть приобретение; конечно – есть, но не в такой степени (как думают), а в гораздо большей.

То есть, отвергнув сначала первую мысль, вслед затем превозносит последнюю. А что первого рода приобретение ничего не значит, видно из того, что оно остается здесь и не переселяется вместе с нами (в другой мир) и не сопутствует нам. Откуда это видно? Из того, что мы пришли в этот мир, не имея ничего; следовательно, и оставим его, тоже ничего не имея; нагим рождается творение, нагим и отходит. Итак, нам не нужно ничего лишнего, если мы ничего не принесли с собою и отойдем, ничего не имея. **"Имея пропитание и одежду, будем довольны тем"** (ст. 8). Надобно питаться тем и в такой мере, сколько нужно для насыщения; надобно надевать на себя то, что в состоянии только защитить нас от непогоды и прикрыть наготу, лишнего ничего не должно быть. Это может выполнить и простая одежда. Затем он побуждает указанием на то, что бывает здесь – на земле: **"А желающие"**, – говорит, – **"обогащаться"** (ст. 9).

2. Не сказал просто: богатые, а **"желающие"**, потому что и имея деньги можно хорошо распорядиться ими, если человек будет презирать их и раздавать бедным. Следовательно, не таковых обличает он, а жаждущих приобретения. **"А желающие обогащаться"**, – говорит, – **"впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей"** (ст. 9). Хорошо сказал: **"погружают"** так что и подняться вверх становится невозможным. **"В бедствие и пагубу; ибо корень всех зол есть сребролюбие, которому предавшись, некоторые уклонились от веры и сами себя подвергли многим скорбям"** (ст. 9,10). Вот он упоминает о двух вредных следствиях, но то, которое казалось для них более тяжким, он ставит здесь на последнем месте; то есть – **"многим скорбям"**. И этого нельзя узнать иначе, как только живя близ богатых, сколько они плачут, сколько рыдают. **"Ты же, человек Божий"** (ст. 11). Великое достоинство! Правда, все люди Божии, но преимущественно праведные, – не, по той причине только, что они создания Божии, но и по причине своей близости к Богу. Если ты – человек Божий, говорит он, то не ищи излишнего и не ведущего к Богу, а напротив – **"убегай сего, а преуспевай в правде"**. При том и то, и другое (исполняй) с усердием. Не сказал: отступи и приступи, но: **"убегай сего, а преуспевай в правде"**, чтобы не сделаться корыстолюбивым. **"Благочестии"** – касательно догматов; **"вере"**, которая противопоставляется исследованию; **"любви, терпению, кротости"**. **"Подвизайся добрым подвигом веры, держись вечной жизни"**, – вот и награда – **"к которой ты и призван, и исповедал доброе исповедание перед многими свидетелями"** (ст.11,12). То есть, не посрамляй того дерзновения: отчего без успеха трудишься? В какое же искушение и сеть, говорит он, впадают те, которые желают обогатиться? Это, удаляя их от веры, приводит на путь заблуждения, окружает опасностями и лишает дерзновения. **"И в похоти"**, – говорит, – **"безрассудные"**. Действительно, как (не назвать) бессмысленную страстью, когда люди держат у себя дурачков и карликов не из человеколюбия, а для удовольствия, когда в своих дворцах запирают рыб, когда выкармливают диких зверей, когда занимаются собаками, когда украшают коней и заботятся о них не меньше, чем о детях? Все это бессмысленно и излишне, совершенно ненужно и бесполезно. **"В похоти"**, – говорит, – **"безрассудные и вредные"**. Какие (страсти) бывают вредны? Когда люди разжигаются беспутною любовью, когда ищут имущества своих ближних, когда стремятся к роскоши, когда предаются пьянству, когда жаждут убийства и гибели других. Многие также вследствие привязанности к подобным вещам домогались и незаконной власти, и погибали. Воистину таковой вотще трудится или даже к вреду. И хорошо он сказал: **"уклонились от веры"**, – потому что сребролюбие, привлекая к себе их глаза и понемногу закрывая их, не позволяет им видеть (истинного) пути. Как человек, который идет прямою дорогою, устремив мысль на что-нибудь другое, хотя и подвигается вперед, однако, не замечая этого, проходит мимо того города, в который спешил, потому что незаметно и бессознательно увлекают ноги, – так нечто подобное этому представляет и сребролюбие. **"И сами себя подвергли многим скорбям"**. Видишь ли, на что он намекает (говоря): **"подвергли"**? То, что хочет он выразить этим оборотом речи, имеет такой

смысл. Страсти – это терние, и подобно тому, как о терние, с какой бы стороны ни прикоснуться, всякий кровянит себе руки и причиняет на них раны, так и от страстей будет терпеть то же самое всякий, кто подчинится их власти, и душу свою подвергнет страданию. Скажи мне, сколько имеют забот, сколько огорчений те, которые бывают ими уязвлены? Того даже сказать нельзя. Поэтому говорит: **"убегай сего, а преуспевай в правде, благочестии, вере, любви, терпении, кротости"**, – потому что кротость происходит от любви. Подвизайся добрым подвигом. Здесь он хвалит его дерзновение и мужество: ты, говорит он, с дерзновением на все изъявил согласие. Приводит ему на память и наставление в вере: **"держись"**, – говорит, – **"вечной жизни"**. Следовательно, требуется, не только исповедание, но и терпение, чтобы таким образом постоянно пребывать в исповедании, равно как по всей справедливости великие подвиги и бесконечные труды, чтобы таким образом избежать соращения, потому что много предстоит соблазнов, много препятствий. Вот почему тесен и прискорбен этот путь. Поэтому надобно отовсюду оградить себя, надобно со всех сторон надлежащим образом вооружить себя. Отвсюду появляются бесчисленные наслаждения, которые привлекают к себе душевные очи, именно – наслаждения, которые доставляют нам наши тела, деньги, пресыщение, лень, слава, гордость, власть, любоначалие, – и они являются со светлым и приятным лицом, способным привлечь к себе тех, которые подчиняются их влиянию и не очень любят истину, так как она жестка и не содержит в себе ничего приятного. Почему именно? Потому, что она все удовольствия обещает только в будущем, между тем как эти предметы уже теперь обещают почести, удовольствия, успокоение, конечно, не истинное, но имеющее только его наружный вид. Поэтому всякий сластолюбивый и изнеженный и слабодушный станет к ним прилепляться, освободив себя от трудов, сопряженных с добродетелью. Так и на языческих играх тот, кто не очень желает приобрести венцы, позволяет себе с начала предаваться пиршествам и пьянству; так именно и поступают робкие и слабодушные борцы; напротив те, которые имеют в виду стяжать венец, принимают бесчисленные удары, потому что питают и воодушевляют себя надеждою на будущие (награды).

3. Итак, будем избегать корня зол, – и избегнем всего этого. Сказано: корень есть сребролюбие; Павел изрек это, или лучше – Христос чрез Павла. Посмотришь, впрочем, как это происходит. Самый опыт подтверждает это. В самом деле, какое зло не происходит от денег, или, правильнее говоря, не от денег, а от злого намерения тех, которые не умеют пользоваться ими? Ведь деньгами можно было бы пользоваться, как следует, можно было бы при их содействии наследовать царствие. Между тем ныне то, что дано нам для вспомоществования нищим, для заглаждения грехов наших, для прославления Бога и благоугождения ему, – мы обращаем против несчастных нищих, или вернее – против нашей души, и через это оскорбляем Бога. Кто у другого отнимает деньги и ввергает его в нищету, тот себя предает смерти; другого в этом мире изнуряет нищетою, а себе приготовляет вечное наказание. Неужели одно может быть сравниваемо с другим? Итак, какое зло не происходит от них? Не отсюда ли любостяжание, хищение, вопли, вражды, брани и споры? Одержимые этою страстию разве не простирают своих рук даже на умерших, даже на отцов и братьев? Разве не ниспровергают законов природы, заповедей Божиих и вообще всего? Не ради ли них учреждены судилища? Итак, истреби в себе любовь к деньгам, – и прекратится война, прекратятся брани, прекратится вражда, прекратятся раздоры и любовь к спорам. Корыстолюбцев надлежало бы изгнать из вселенной, как губителей и волков. Подобно ведь тому, как противные и сильные ветры, подув на тихое море, потрясают его до основания, так что находящийся в глубине песок смешивается с верхними волнами, – так и люди, жадные к деньгам, все приводят в совершенное расстройство. Человек, жадный к деньгам, не знает ни одного друга. Что я говорю – друга? Он не знает даже самого Бога, так как, будучи одержим этою страстию, он приходит в неистовство. Не видите ли вы проходящих вооруженных титанов? Они

представляют собою измышленный образ неистовства. Между тем сребролюбцы не таковы, – они, в самом деле, неистовствуют и выходят из себя. И если раскроешь их душу, то найдешь ее таким образом устроенною: она вооружена не одним мечом и не двумя, а бесчисленными; она никого не признает, но бесится на всех, на всех нападает и на всех лает; она убивает не собак, а человеческие души, и громко изрыгает хулы на самое небо. Ими ниспровергнуто все, от неистовой любви к деньгам все погибло. Кого, кого мне винить, – не знаю: до такой степени это зло овладело всеми, – правда, одними в большей, другими в меньшей мере, однако – всеми. И подобно тому, как сильный огонь, будучи брошен в лес, все ниспровергает и опустошает, так и эта страсть губит вселенную: цари, правители, частные люди, нищие, женщины, мужчины, дети, – все в равной мере поработились этому злу. Как будто какой-то мрак объял вселенную, – никто не выходит из опьянения. Правда, против любостязания слышатся бесчисленные обвинения, и в частном разговоре и среди народа; но исправления нигде не видим. Как же быть? Как погасим пламень? Можно (погасить его), хотя бы даже он поднялся до самого неба. Нам стоит только захотеть, – и мы, без сомнения, одолеем этот пламень. Как усилился он вследствие нашего желания, так от желания и уничтожится. Разве не свободная наша воля зажгла его? Следовательно, свободная воля в состоянии будет и погасить. Только пожелаем. Но каким образом может явиться в нас такое желание? Если обратим внимание на суетность и бесполезность богатства, на то, что оно не может нам туда сопутствовать, что и здесь оно оставляет нас, что хотя оно пребывает здесь, однако язвы от него идут с нами туда; если посмотрим, как велики там уготованные богатства, и что если сравним с ними земное богатство, то оно покажется ничтожнее грязи; если заметим, что оно подвергается бесчисленным опасностям, что оно доставляет временное удовольствие и при том удовольствие, смешанное с огорчением; если хорошо рассмотрим иное богатство, то есть, то, которое уготовано в вечной жизни, – будем тогда иметь возможность презреть богатство земное; если вникнем в то, что последнее нисколько не приумножает нам ни славы, ни здоровья, ни чего-либо другого, а, напротив, погружает нас в бездну погибели; если узнаешь, что, несмотря на то, что ты здесь богат и имеешь много подчиненных, отходя туда, ты отойдешь одиноким и нагим. Если мы будем часто повторять и слышать это от других, то, может быть, возвратится к нам здоровье, и мы избавимся от этого тяжкого наказания. Жемчужина – нечто прекрасное? Но подумай, что это – морская вода, первоначально попавшая в недро раковины. Золото и серебро – нечто прекрасное? Но подумай, что оно и было, и есть земля и пепел. Прекрасны шелковые платья? Но это ткань, приготовленная червями. Прекрасными их делают человеческое предположение и предзанятое мнение, а от природы красоты в себе не имеют. Что от природы прекрасно, то не имеет нужды в учителях. Если бы ты увидел медную монету, вполне окрашенную золотом, то сначала ты дивился бы ей, считая ее золотою, а потом, когда бы люди, в этом сведущие, открыли тебе обман, удивление исчезло бы вместе с обманом. Видишь ли, что золото не от природы имеет в себе красоту? Но и серебро тоже ее не имеет, потому что если бы ты увидел олово, то ты стал бы дивиться ему, думая, что это серебро, подобно тому, как ты дивился меди, считая ее золотом, и нужны учителя, которые бы показали, чему надобно дивиться. Таким образом, глаза не служат для нас вполне надежным руководством при распознании вещей. Между тем цветы не таковы, но гораздо лучше золота и серебра. Если видишь розу, то не имеешь нужды в учителях, но умеешь сам собою отличить ее от анемона и от фиалки, точно также и лилию, и всякий цветок. Следовательно, это не иное что, как предзанятое мнение. А чтобы ты убедился, что эта гибельная страсть есть следствие предзанятого мнения, то вот скажи мне: если бы царю угодно было определить законом, чтобы серебро ценилось выше золота, то разве не переменилось бы наше удивление и любовь? Так-то мы всегда водимся любостязанием и предзанятым мнением. А что это так, и что вещи ценятся по своей редкости, а не по природе (видно из следующего): есть плоды, которые у нас дешевы, а в стране каппадокийской дороги; из тех же, которые дороги у нас, иные гораздо дешевле в Китае,

откуда привозятся эти одежды. И в богатой ароматами Аравии и Индии, где находятся драгоценные камни, можно найти много таких вещей. Так-то все это есть предубеждение и предзанятое человеческое мнение, и мы ничего не делаем по рассуждению, но без внимания и как случится. Итак, воспрянем от этого опьянения; будем взирать на истинно прекрасное, на то, что прекрасно от природы, – на благочестие и справедливость, – чтобы мы сподобились получить обетованные блага, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 18

"Пред Богом, все животворящим, и пред Христом Иисусом, Который засвидетельствовал пред Понтием Пилатом доброе исповедание, завещаю тебе соблюсти заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа, которое в свое время откроет блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете, Которого никто из человеков не видел и видеть не может. Ему честь и держава вечная! Аминь" (1 Тим.6:13-16).

1. Опять призывает в свидетели Бога, как и незадолго пред тем он делал это, – в одно время и умножая страх, и соделывая ученика более непоколебимым, и открывая, что это не человеческие распоряжения, – чтобы (Тимофей), принимая заповедь эту как бы от самого Владыки, и всегда имея в мысли свидетеля, от которого он слышал ее, воспоминанием об этом приводил в возбуждение свою душу. **"Завещаю тебе"**, – говорит, – **"пред Богом, все животворящим"**. Здесь содержится и ободрение среди опасностей, и воспоминание о воскресении. **"И Христом Иисусом"**, – говорит, – **"свидетельствовавшим пред Понтием Пилатом"**. Опять (заимствует) наставление (из примера) Учителя. Сказанное им имеет такой смысл: как Он делал, так, говорит, и вы должны делать. Он для того и свидетельствовал, чтобы мы по следам Его шли в добром исповедании. То же самое (апостол) делает и в послании к Евреям, говоря: **"взирая на начальника и совершителя веры Иисуса, Который, вместо предлежавшей Ему радости, претерпел крест, пренебрегши посрамление, и воссел одесную престола Божия"**; и опять: **"Помыслите о Претерпевшем такое над Собою поругание от грешников, чтобы вам не изнемочь и не ослабеть душами вашими"** (Евр.12:2,3). Это говорит он и теперь ученику, как будто выражаясь следующим образом: не бойся смерти, Ведь ты раб Бога, который может все оживотворить. Но что называет он добрым исповеданием? То, что, будучи спрошен Пилатом: **"итак Ты Царь?"** – отвечал, – **"Я на то родился"**, и опять: **"на то пришел в мир, чтобы свидетельствовать о истине"** (Ин. 18:37). Вот эти слушали Меня. Итак, или поэтому так говорит, или потому, что, будучи спрошен, сын ли Он Божий? – сказал: **"вы говорите, что Я"** (Лк. 22:70). И многое другое засвидетельствовал Он и исповедал. **"Соблюсти заповедь чисто и неукоризненно, даже до явления Господа нашего Иисуса Христа"**, то есть, до твоей кончины, до исхода. Впрочем, не сказал так, но сказал: **"даже до явления"**, чтобы больше ободрить его. Что значит: **"Соблюсти заповедь чисто"**? Не навлечь на себя ни малейшего укора ни за верования, ни за жизнь. **"Которое в свое время откроет"**, – говорит, – **"блаженный и единый сильный Царь царствующих и Господь господствующих, единый имеющий бессмертие, Который обитает в неприступном свете"**. О Ком это сказано? Об Отце ли, или о Сыне? Без сомнения, о Сыне. **"Которое в Свое время откроет блаженный и единый сильный"**. И это опять (говорит) в утешение, чтобы (Тимофей) не приходил ни в удивление, ни в страх пред царями земными. **"В Свое время"**, то есть, в подобающее, в должное время, чтобы не печалиться о том, что оно еще не наступило. А из чего видно, что Он явит? Из того, что Он могуществен; а Он один могуществен. Следовательно, явит

Блаженный, – (Который есть) само блаженство. Говорит же это, давая понять, что там нет ни скорби, ни огорчения. А слово: **"единый"** употребил, или противопоставляя Его людям, или для означения Его нерожденности, как и мы часто говорим о людях, которых хотим отличить. **"Единый"**, – говорит, – **"имеющий бессмертие"**. Итак, что же? Разве Сын не имеет его? Разве Он не само бессмертие? Как же это (возможно), когда Он – того же существа с Отцом? **"Обитает"**, – говорит, – **"в неприступном свете"**. Иной ли свет Он сам, и иной ли тот, в котором Он живет? Неужели и местом Он определяется? Нет. Не с тою целью, чтобы мы так думали, но чтобы показать нам непостижимость Божеской природы, (апостол) сказал, что Бог живет во свете неприступном, – настолько изъясняя учение о Боге, насколько это было для него возможным. Видишь ли, до какой степени бывает немощным язык, когда хочет провещать что-нибудь великое? **"Которого никто из человеков не видел"**, – говорит, – **"и видеть не может"**, как и Сына никто не видел и видеть не может. **"Ему же честь и держава вечная. Аминь"**. Благовременно и даже по необходимости здесь (апостол) изъяснил учение о Боге. Так как он призвал Бога в свидетели, то говорит много об этом Свидетеле, чтобы больше тронуть ученика. То есть: слава Ему; мы можем это только говорить, это только делать, не испытывая, Кто Он. Если же держава Его вечная, то ничего не бойся, и хотя бы в настоящее время этого не было, честь Его всегда, держава Его всегда пребывает. **"Богатых в настоящем веке увещивай, чтобы они не высоко думали [о] [себе]"** (ст. 17). Хорошо сказал: "в настоящее время", потому что есть и иные богатые – в будущем веке. Это заповедует он, зная, что ничто так не возбуждает надменности, гордости и высокомерия, как деньги. Потом тотчас смиряет их, говоря: **"и уповали не на богатство неверное"** (ст. 17), потому что от него рождается гордость, между тем как надеющийся на Бога не превозносится. Что ты надеешься на вещь, которая внезапно проходит, – а таково и есть богатство? И как ты надеешься на то, на что нельзя полагаться? Каким же образом, скажешь ты, они могут быть невысокомерными? Если увидят, что оно непостоянно и нетвердо; если увидят, что надежда на Бога больше всякого богатства; если увидят, что и его самого виновник есть Бог. **"Но на Бога живаго"**, – говорит, – **"дающего нам все обильно для наслаждения"** (ст. 17). Хорошо сказал: **"все обильно"**, указывая на перемены времен года, на воздух, свет, воду и все прочее. Видишь ли, как обильно и с какою щедростью доставляет Он нам все это? Если ты ищешь богатства, то ищи богатства пребывающего, твердого, которое происходит от совершения добрых дел. На это и (апостол) указывает, говоря: **"чтобы они благодетельствовали, богатели добрыми делами, были щедры и общительны"** (ст. 18); первое относится к деньгам, а последнее к любви. Общительным, говорить, разговорчивым, приветливым. **"Собирая себе сокровище, доброе основание для будущего"** (ст. 19). Там нет ничего ненадежного, там непоколебимое основание, там нет ничего непостоянного, но все непоколебимо, неизменно, прочно, постоянно пребывающее. **"Чтобы достигнуть"**, – говорит, – **"вечной жизни"** (ст. 19), – потому что совершение добрых дел может доставить нам наслаждение ею. **"О, Тимофей! храни преданное тебе"** (ст. 20). Не уменьшай его; оно – не твое; тебе вверено чужое; не убавляй его. **"Отвращаясь"**, – говорит, – **"негодного пустословия и прекословий лжеименного знания"**. 2. Хорошо он сказал таким образом! Действительно, где нет веры, там нет знания. Когда что-либо рождается от собственных наших помыслов, то это не знание. Он говорит это, может быть, потому, что некоторые тогда называли себя гностиками, как бы знавшие больше других. **"Которому предавшись"**, – говорит, – **"некоторые уклонились от веры"** (ст. 21). Видишь ли, как опять он повелевает даже не сходить в одно место с таковыми? **"Отвращаясь"**, – говорит, – **"прекословий"**. Следовательно, есть прекословия, на которые даже отвечать не должно. Почему? Потому что они удаляют от веры, потому что не позволяют стоять твердо и непоколебимо. Поэтому мы не должны придерживаться этого, а веры, которая есть незыблемый камень. Тогда ни реки, ни ветры, устремляясь на нас, не будут в состоянии причинить нам никакого вреда, потому что мы незыблемо стали на камни. Таким образом, и в этой жизни, – если изберем это истинное

основание, – будем стоять, не испытывая опять никакого бедствия. Кто избрал это богатство, тот не потерпит никакого бедствия, – кто (избрал) этот почет, эту славу, эту честь, это удовольствие. Все это незыблемо, не испытывает никакой перемены; между тем здесь все переменяется и подвержено превращениям, все непостоянно. Чего ты хочешь? Славы? **"Не пойдет"**, – говорится, – **"за ним слава его"** (Пс.48:18), а часто даже оставляет его еще при жизни. Не таковы совершенства добродетели: они все постоянно пребывают. Здесь тот, кто стал знаменитым, достигнув власти, как скоро власть переходит к другому, становится человеком малозначительным и одним из подначальных. Богатый, – когда напали на него разбойники, клеветники, злоумышленники, – внезапно становится бедным. Но у нас не так. Если воздержный внимателен к себе, то никто не в состоянии отнять у него воздержания. Того, кто владеет и управляет самим собою, никто не сделает человеком, не имеющим власти, подначальным. А что последняя власть значительнее первой, это узнаешь из сравнения. В самом деле, скажи мне, какая польза управлять всеми народами, и быть рабом страстей? Какой вред – не управлять ни одним человеком, и быть выше господства страстей? Вот свобода, вот власть, вот царство и могущество! Другого рода власть есть рабство, хотя бы кто окружил себя тысячею диадем. Когда внутри его властвует множество господ, именно – сребролюбие, сластолюбие, гнев и другие страсти, то какая польза от диадемы? Велико могущество страстей, когда и самый венец не в силах избавить человека от этого рабства. Подобно тому, как когда бы кто-нибудь, будучи царем, попал в рабство к варварам, и они, желая в большей степени показать свою власть над ним, не сняли бы с него ни порфиры, ни диадемы, но заставляли бы его в таком виде и носить воду, и готовить кушанье, и исполнять все другие работы, чтобы таким образом доставить себе больше чести, а его подвергнуть большому поруганию, – так и в настоящем случае эти страсти обращаются с нами жесточе всякого варвара. Кто презирает их, тот будет смеяться и над варварами; а кто преклоняется пред ними, тот будет терпеть от них гораздо больше зла, чем от варваров. Варвар, когда приобретает великую силу, истязает тело; а страсти мучат и отовсюду терзают душу. Варвар, когда приобретает великую силу, предает смерти временной; а страсти предают смерти вечной. Поэтому свободен только тот, кто стяжал свободу внутреннюю; равно и раб только тот, кто покорствуется бессмысленным страстям. Ни один господин, как бы жесток он ни был, не дает таких строгих и жестоких повелений (как страсти). Посрами твою душу, говорят они, без нужды и причины; оскорбляй Бога; не знай самой природы; будет ли это отец, или мать, – отложи всякий стыд, восстань против них. Таковы повеления сребролюбия. Приноси мне в жертву, говорит оно, не тельцов, а людей. Правда, и пророк говорит: **"приносите в жертву людей, ибо оскудели тельцы"**[1] (Ос.13:2); а сребролюбие не это заповедует, но: пожри человеков, хотя и есть тельцы; приноси в жертву людей; приноси в жертву не сделавших никакой неправды; убей и того, кто оказал тебе благодеяние. И опять: будь враждебен ко всем, будь общим врагом всех –и самой природы, и Бога; собирай золото – не для наслаждения, а для того, чтобы беречь его и испытывать чрез него большее мучение. Ведь невозможно сребролюбцу быть вместе и преданным наслаждению, потому что он боится, чтобы не уменьшилось золото, чтобы не оскудели сокровищницы. Бодрствуй, говорит оно, всех подозревай – и рабов, и друзей; будь стражем чужого. Если увидишь, что бедный умирает с голоду, не давай ему ничего, но, если возможно, сними с него даже самую кожу. Нарушай клятвы, лги, клянись, обвиняй, клеветничай, хотя бы надлежало идти в огонь, подвергнуться тысяче смертей, умереть от голода, бороться с болезнью, – не отказывайся. Разве не такие законы предписывает сребролюбие? Будь дерзким и бесстыдным, наглым и грубым, преступным и бесчестным, неблагодарным, бесчувственным, недружелюбным, непримиримым, безжалостным, отцеубийцею, больше зверем, нежели человеком. Превзойди всякого змия суровостью, всякого волка хищностью; превзойди жестокость животной природы. Хотя бы надлежало тебе сделаться настолько злобным, как демон, не отказывайся; не знай благодеяния. Разве не это вещает оно? И мы слушаемся его! Но Бог дает противоположные заповеди. Будь

дружен со всеми, будь кроток, всеми любим, никого напрасно и без причины не оскорбляй, чти отца, чти мать, пользуйся добрым мнением, будь не человеком, а ангелом; ничего не говори ни бесстыдного, ни ложного, даже и не помышляй о подобном; помогай нуждающимся, не навлекай на себя хлопот грабительством, не будь дерзким, ни наглым. И нет никого, кто бы слушался этого! Поэтому разве несправедливо угрожает геенна? Разве не по заслугам – огонь? Червь неумирающий? До каких пор будем блуждать по стремнинам? До каких пор будем ходить по терниям? До каких пор будем прободать себя гвоздями и благодарить за это? Мы подчиняемся жестоким мучителям и отвращаемся от милосердного Владыки, Который ничего не говорит ни оскорбительного, ни грубого, ни жестокого, ни неразумного, но заповедует все нужное, прибыльное и доставляющее нам великую пользу. Воспрянем наконец, обратимся, приуготовимся, возлюбим Бога, как должно, чтобы удостоиться благ, обещанных любящим Его, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Перевод с Септуагинты.

ТОЛКОВАНИЕ НА 2-е ПОСЛАНИЕ К ТИМОФЕЮ

БЕСЕДА 1

"Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе, Тимофею, возлюбленному сыну: благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего" (2 Тим.1:1,2).

1. Почему (апостол) пишет и второе послание к Тимофею? Прежде он говорил: **"надеюсь вскоре прийти к тебе"** (1 Тим.3:14), но это не исполнилось; поэтому он, вместо своего прибытия, чрез послание утешает его, может быть, скорбевшего как по этой причине, так и по случаю принятия им в то время (епископской) власти. Ведь как бы ни были велики мужи, принимающие бразды правления Церковью, но они затрудняются, будучи со всех сторон затопляемы большими волнами дел; особенно можно сказать это о тогдашнем времени, когда было начало проповеди, когда все было не возделано, все враждебно, все противодействовало. При том были ереси, порожденные иудейскими учителями, о чем (Павел) упоминал и в первом послании. Впрочем, не посланием только он утешает Тимофея, но и приглашает его к себе: **"Постарайся"**, – говорит, – **"прийти ко мне скоро"** и: **"Когда пойдешь, принеси книги, особенно кожаные"** (2 Тим.4:9,13).

Мне кажется, что это, послание написал он при конце своей жизни, потому что говорит: **"Ибо я уже становлюсь жертвою"**, и еще: **"При первом моем ответе никого не было со мною"** (2 Тим.4: 6,16). Устроив все это, он утешает Тимофея собственными искушениями и говорит: **"Павел, волею Божиею Апостол Иисуса Христа, по обетованию жизни во Христе Иисусе"**. Тотчас, в самом начале, ободряет душу его. Не указывая мне, говорит, на здешние бедствия; они доставляют нам вечную жизнь, где нет ничего такого, где нет болезни, печали и воздыхания. Не для того, говорит, Бог сделал нас апостолами, чтобы мы только подвергались опасностям, но чтобы и умирали, чтобы претерпели и это. Но так как указание на свои бедствия не только не было утешением, но еще увеличивало скорбь, то он в самом же начале предлагает следующее утешение: **"по обетованию жизни во**

Христе Иисусе". Если же она – обетование, то не ищи ее здесь, потому что **"ибо если кто видит, то чего ему и надеяться"** (Рим.8:24). **"Тимофею возлюбленному сыну"**; не просто: **"сыну"**, но: **"возлюбленному"**. Могут быть дети и нелюбимые; но ты не таков, говорит, и потому не просто **"сыном"** я называю тебя, но **"сыном возлюбленным"**. И галатийцев он называет чадами, однако скорбит о них: **"Дети мои"**, – говорит, – **"для которых я снова в муках рождения"** (Гал.4:19). Называя его возлюбленным, он свидетельствует о великой его добродетели. Каким образом? Когда любовь не от природы, то она – от добродетели. Родившиеся от нас бывают любезны нам не по своей добродетели только, но и по требованию природы; а возлюбленные по вере бывают такими не по чему иному, как по добродетели. И как может быть иначе, особенно у Павла, который ничего не делал по пристрастию? Кроме того, выражением: **"возлюбленному сыну"** он показывает, что сам не пришел к нему не потому, чтобы гневался на него, или презирал, или не одобрял его. **"Благодать, милость, мир от Бога Отца и Христа Иисуса, Господа нашего"**. Чего желал прежде, того же и теперь желает ему. Заметь, как он в самом начале оправдывается пред ним, что сам не пришел для свидания с ним; ведь слова: **"Доколе не приду"** и еще: спешу **"надеюсь вскоре придти к тебе"** (1.Тим.4:13;3:14) заставляли ожидать скорого его прибытия. В этом он тотчас же и оправдывается. Впрочем, не говорит вдруг о причине, почему не пришел, чтобы не слишком опечалить его, – причину было то, что он задержан был кесарем, – но уже в конце, когда приглашал его к себе, открыл ее. В начале же не опечаливает его, а высказывает надежду видеться с ним: **"и желаю видеть тебя"**, и: **"Постарайся придти ко мне скоро"** (2 Тим. 1: 4; 4:9). Итак, в самом начале он ободряет Тимофея и в похвалу его продолжает: **"Благодарю Бога, Которому служу от прародителей с чистою совестью, что непрестанно вспоминаю о тебе в молитвах моих днем и ночью, и желаю видеть тебя, вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости"** (ст. 3, 4). **"Благодарю Бога"**, – говорит, за то, что я помню о тебе, – так я люблю тебя. Это – знак чрезвычайной любви, когда кто любить так, что сам восхищается любовью. **"Благодарю Бога"**, – говорит, – **"Которому служу"**. Как? **"От прародителей с чистою совестью"**; совесть его не была запятнана. Впрочем, он здесь говорит о жизни и везде называет совестью жизнь. Иначе сказать: я не изменил тем благам, которых и прежде желал, по каким-либо человеческим побуждениям, даже и тогда, когда был гонителем. Потому он и сказал: **"но помилован потому, что [так] поступал по неведению, в неверии"** (1 Тим. 1:13), и как бы так говорит: не подозревай здесь неправого дела. Кстати он изображает свой нрав, чтобы достоверны были и слова его о любви. А смысл слов его следующий: я не лгу, не иное думаю, а иное говорю. Так он вынужден был хвалить себя и прежде, как видно из книги Деяний. Когда стали порицать его, как возмутителя и нововводителя, то он говорит: **Анания "сказал мне: Бог отцов наших предызбрал тебя, чтобы ты познал волю Его, увидел Праведника и услышал глас из уст Его, потому что ты будешь Ему свидетелем пред всеми людьми о том, что ты видел и слышал"** (Деян.22:14,15). Так и здесь, чтобы не составилось о нем мнение, как о человеке, чуждом дружбы и совести и забывающем ближних, он справедливо, в похвалу себе, говорит: **"непрестанно вспоминаю о тебе"**, и не просто, но: **"в молитвах моих"**, т. е., это входит в мою молитву, во всякое время непрестанно я исполняю это, – именно это выражают слова: **День и ночь молю Бога, желая видеть тебя"**. Видишь ли пламенную привязанность? Видишь ли преизбыток любви? Видишь ли его смиренномудрие, по которому он оправдывается пред учеником? Потом показывает, что делает это не просто и не без причины; показал и выше, показывает и здесь: **"вспоминая"**, – говорит, – **"о слезах твоих"**. Разлучаясь (с Павлом), он, вероятно, плакал и рыдал больше, дитяти, отнимаемого от сосцов кормилицы и молока. **"Дабы мне исполниться радости"**, – говорит, – **"желаю видеть тебя"**. Если бы я был даже крайне бесчувствен, жесток и бесчеловечен, и тогда не отказал бы себе в этом удовольствии, – потому что припоминаемые мною слезы твои могли бы смягчить меня. Но я не из числа таких; я чисто служу Богу. Многие причины влекли меня к тебе. Итак,

Тимофей плакал. Далее Павел приводит и другую утешительную причину: **"приводя на память"**, – говорит, – **"нелицемерную веру твою"** (ст. 5).

2. Далее следует другая похвала в том, что (Тимофей) был не из язычников и не из неверных, но из такого дома, который издавна служил Христу. **"Которая прежде обитала"**, – говорит, – **"в бабке твоей Лоиде и матери твоей Евнике"**. **"Которого мать была Иудеянка уверовавшая"** (Деян.16:1). Как иудеянки? Как верной? Она была не из язычников. Но ради отца его, который был эллин и ради иудеев, бывших в тех местах, (Павел) взял и обрезал его (Деян.16:3). Видишь ли, как начал разрушаться закон, когда были такие смешения? Смотри, сколько он предложил доказательств для убеждения, что не презирал (Тимофея). Я служу, говорит, Богу; имею чистую совесть; ты плачешь. И не за слезы только (желаю видеть тебя), но и за веру, так как ты служитель истины, и нет в тебе лицемерия. Если же и ты достоин быть любимым, как сильно любящий меня истинный ученик Христов, и я не из числа, людей, чуждых любви, но ревнующих об истине, то что могло воспрепятствовать мне придти к тебе? **"Уверен, что она и в тебе"**. Издавна, говорит, ты имеешь это благо; от прародителей ты принял нелицемерную веру. Доблести предков, если мы подражаем им, принадлежат и нам; а если не подражаем, не имеют никакой силы, но еще служат к нашему осуждению. Поэтому он и прибавил: **"Уверен, что она и в тебе"**; не догадываюсь, говорит, но убежден и совершенно уверен. Если же не для чего-нибудь человеческого ты принял ее, то ничто не может поколебать тебя. **"По сей причине напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение"** (ст. 6). Видишь ли, как он выражает, что (Тимофей) был в великой скорби, в унынии? Он как бы так говорит: не подумай, что я презираю тебя; знай, что я не презираю и не забыл тебя; если не кого другого, то вспомни свою бабушку и мать. Я знаю, что ты имеешь нелицемерную веру, и потому напоминаю: тебе нужно иметь ревность, чтобы воспламенить дар Божий. Как огонь требует дров, так и благодать – нашего усердия, чтобы она воспламенялась. **"Напоминаю тебе возгревать дар Божий, который в тебе через мое рукоположение"**, т. е. благодать Духа, которую ты принял для предстоятельства в Церкви, для знамений и всякого служения, потому что от нас зависит и погашать и воспламенять ее. Поэтому и в другом месте он говорит: **"Духа не угашайте"** (1 Сол.5:19). От беспечности и лености он угасает, от внимания и усердия воспламеняется; он есть в тебе; но ты доставляй ему больше силы, т. е. исполняй его крепости, радости, веселья; стой мужественно. **"Ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия"** (ст. 7), т. е. не для того мы получили дух, чтобы сокрушаться, но чтобы иметь дерзновение. Многим Бог дает и дух страха, например, на войне, как читается в книгах Царств. **"Да нападет"**, – говорит (Писание), – **"на них страх и ужас"** (Исх.15:16), т. е. Бог вложил в них страх. Напротив, тебе Он даровал дух силы и любви к Нему. Следовательно, и это от благодати, впрочем, не просто от благодати, но если и мы наперед исполним зависящее от нас, так как что побуждает нас взывать: **"Авва Отче"** (Рим.8:15), то же самое внушает нам и любовь к Нему и ближним, чтобы мы любили друг друга. Любовь происходит от силы и безбоязненности; и обыкновенно, ничто столько не разрушает любви, как страх и подозрение предательства. **"Ибо дал нам Бог,– говорит, – "духа не боязни, но силы и любви и целомудрия"**. Целомудрием он называет или здравие ума и души, или то, чтобы мы жили целомудренно, и старается вразумить нас и отклонить от невоздержания, хотя бы случилось какое-нибудь бедствие. Итак, не будем скорбеть, подвергаясь, бедствиям; в этом состоит целомудрие. **"Не смущайся"**, говорит (Премудрый), – **"во время посещения"** (Сир. 2:2). Многие имеют много домашних скорбей; скорби общи всем нам, только причины их различны: один терпит скорбь от жены, другой от сына, иной от слуги, тот от друга, этот от врага, тот от соседа, этот от убытков; бывает много разных причин скорбей. Вообще невозможно найти человека, который был бы свободен от горестей и скорбей; всякий испытывает скорби больше или меньше. Итак, не будем унывать и думать, будто мы только одни терпим скорбь.

3. Нет человека, который, проводя эту изменчивую жизнь, был бы без горестей; если не сегодня, то завтра, если не завтра, то после, горести приходят. Как плавающему невозможно быть без тревог, разумею плавающего по великому морю, так и живущему в этой жизни невозможно быть без скорбей, хотя бы он был и богатым. Потому самому, что он богат, у него много поводов к неприятностям. Представь даже самого царя; и он зависит от многого и не все делает по своему желанию, но часто делает угодное другим против своей воли, и вообще он чаще всех поступает не так, как хочет. Почему? Потому что есть много людей, которые хотят получить что-нибудь из принадлежащего ему. Представь же, какую великую чувствует он скорбь, когда хочет сделать что-нибудь и не может или из опасения, или из подозрения, или из-за врагов, или из-за друзей? Часто, когда он и решится исполнить какое-нибудь из своих желаний, все удовольствие от совершения дела теряется вследствие сопротивления многих недовольных им.

Что же? Ты думаешь, что люди, проводящие жизнь без трудов, свободны от скорбей? Нет. Как невозможно человеку не испытать смерти, так и – прожить без скорбей. Сколько приходится им терпеть таких неприятностей, которых невозможно выразить словом, но которые могут испытывать только они одни! Как часто просили себе смерти, жившие среди богатства и роскоши! Жить роскошно отнюдь не значит жить без горестей; напротив, самая роскошь рождает бесчисленные горести, болезни, неудовольствия; а если и нет этого, (то живущий в роскоши часто грустит) без всякой причины. Действительно, когда душа находится в таком состоянии, то может грустить и без причины. Врачи говорят, что и от слабости желудка происходят немалые скорби. Не случается ли этого и с нами, когда мы скорбим и не знаем причины грусти? Вообще, невозможно найти человека без скорби. Если же у других не столь важна причина скорби, как у нас, то каждый и из них, однако так же думает, – свое горе более чувствительно, нежели чужое. Как те, у кого болит какая-нибудь часть тела, думают, что их страдание сильнее страданий ближнего, – у кого, например, болит глаз, тот полагает, что нет другой такой боли, какая у него, или у кого болит желудок, тот считает свою боль сильнее всех болей, и всякий, чем страдает, то и считает самым мучительным страданием, – так и в скорбях душевных: каждый то горе, которое постигло его, называет самым тяжелым, потому что судит о нем по собственному опыту. Например, не имеющий детей думает, что нет ничего хуже бездетности; а имеющий много детей, при бедности, ни на что так не жалуется, как на многосемейность; имеющий одного сына полагает, что нет ничего хуже, как иметь одного: от этого, говорит, он и ленив, и огорчает своего отца, и не принимает никаких внушений, оставаясь, впрочем, постоянно любимым сыном; имеющий красивую жену говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену красивую, потому что в этом случае бывает много подозрения и козней; а имеющий некрасивую жену говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену некрасивую, потому что это весьма неприятно. Частный человек говорит, что нет ничего негодное и ниже такой жизни, а военный утверждает, что нет ничего труднее и опаснее военного звания, что лучше питаться одним хлебом и водою, нежели переносить такие тягости. Начальствующий говорит, что нет ничего тяжелее, как удовлетворять нуждам других, а подчиненный утверждает, что нет ничего унижительнее, как подчиняться власти других. Женившийся говорит, что нет ничего хуже, как иметь жену и соединенные с нею заботы, а не женившийся утверждает, что нет ничего хуже, как быть неженатым, – не имеешь ни дома, ни покоя. Купец называет счастливым земледельца за его спокойствие, а земледелец – купца за его богатство. Вообще род человеческий ничем не доволен, всегда жалуется и огорчается. Осуждая всех людей, говорят, что человек есть ничто, и что весь род человеческий есть вьючное и жалкое животное. Сколько таких, которые прославляют старость! Сколько таких, которые считают блаженством юность! Таким образом, много бывает горестей и от возрастов жизни. Когда мы видим, что нас осуждают за молодость, то говорим: зачем мы не старцы? А когда голова покрывается сединою, то говорим: где наша молодость? Вообще, у нас бесчисленное множество поводов к скорбям. Один только

есть путь, избавляющей от этой несообразности, – путь добродетели. И он, конечно, не чужд горестей, но горестей не напрасных, а приносящих благо и пользу. Иной согрешил и, сокрушаясь скорбью, омывает грехи свои; другой оказывает сострадание падшему брату, и в этом также находить себе немалую награду, потому что сострадание к людям, находящимся в несчастье, доставляете нам великое дерзновение пред Богом.

4. Послушай, как мудро Священное Писание говорит об Иове; послушай, что говорит Павел: **"плачьте с плачущими"**; и еще: **"последуйте смиренным"** (Рим.12:15, 16). Участие в горестях других весьма сильно облегчает скорби: как содействие тому, кто один несет тяжесть, облегчает его бремя, так и во всем прочем. Между тем ныне, когда кто из наших ближних умирает, – многие окружают его, многие утешают близких к нему; и осла упавшего мы часто поднимаем; а когда падают души наших братьев, – мы не обращаем внимания и думаем о них меньше, нежели об осле. Видя, что кто-нибудь бесстыдно входит в харчевню, мы не удерживаем его; напивается ли он или совершает какое-нибудь другое бесчинство, мы не только не препятствуем, но еще сами принимаем в том участие. Поэтому Павел и говорил: **"однако не только [их] делают, но и делающих одобряют"** (Рим.1:32); и многие составляют товарищества для гулянья и пьянства. Составляй, человек, товарищества для того, чтобы истреблять страсть к пьянству; такие товарищества благодетельны для узников, для находящихся в скорбях. Нечто подобное и Павел предписывал коринфянам, когда говорил: **"чтобы не делать сборов, когда я приду"** (1 Кор.16:2). Для пьянства, пированья и гулянья мы теперь делаем все – и общую постель, и общий стол, и общее вино, и общие издержки; а устроить общественную милостыню не думает никто. Во времена апостолов были такие товарищества, – тогда сносили в одно место все имущество; я же требую не всего, а какой-нибудь части. **"В первый день недели"**, – говорит (Павел), – **"каждый из вас пусть отлагает у себя и сберегает, сколько позволит ему состояние"** (1 Кор.16:2), как бы принося дань за семь дней, и слагая ее вместе, и таким образом подавая большую или меньшую милостыню. **"И [никто] не должен являться"**, – говорит (Писание), – **"пред лице Господа с пустыми [руками]"** (Втор.16:16). Если это было заповедано иудеям, то не тем ли более нам? Для того бедные и стоят у дверей, чтобы никто не входил **"с пустыми руками"**, но вступал с милостынею. Тыходишь, чтобы получить себе милость: окажи же сам наперед милость. Кто приходит после, тот должен подать больше, потому что когда уже мы сделаем начало, то следующий должен положить больше. Сделай должником своим Бога, и потом проси Его; дай Ему в заем, и потом требуй, чтобы получить с прибытком. Бог хочет этого и не отвергает. Если ты просишь Его с милостынею, то Он благоволит к тебе; если просишь Его с милостынею, то даешь Ему в заем и получишь прибыль. Так, внушаю вам, не за воздеяние рук можно быть услышанным; простирай руки свои не к небу, а к рукам бедных. Если ты будешь простирать руки к рукам бедных, то достигнешь самой высоты неба, потому что там восседит Тот, Кто принимает милостыню; а если станешь воздевать руки без плода, то не получишь никакой пользы. Скажи мне: если бы пришел к тебе царь в порфире и стал просить тебя, то не отдал ли бы ты ему охотно всего своего имущества? Ныне же просит тебя устами бедных царь не земной, а небесный, и ты стоишь, не обращая на Него внимания, и откладываешь подаяние. Какого ты достоин за это наказания? Подлинно, не за воздеяние рук и не за множество слов, но за дела можно быть услышанным. Послушай, что говорит пророк: **"И когда вы простираете руки ваши, Я закрываю от вас очи Мои; и когда вы умножаете моления ваши, Я не слышу"** (Ис.1:15). У кого недостаток в милости, тому следовало бы молчать и не возводить очей к небу; а он еще осмеливается многоглагольствовать! Между тем, что говорит (пророк)? **"Спасайте угнетенного, защищайте сироту, вступайтесь за вдову"** и **"научитесь добро творить"** (Иса.1:17; Псал.9:39). Таким образом, мы можем быть услышаны, хотя бы и не воздевали рук наших, хотя бы ничего не говорили и ни о чем не просили. Будем же стараться об этом, чтобы нам сподобиться обетованных нам благ.

БЕСЕДА 2

"Итак, не стыдись свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием Христовым силою Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен, открывшейся же ныне явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие" (2 Тим.1:8-10).

1. Нет ничего хуже, как судить и измерять дела Божественные соображениями человеческими: таким образом можно далеко отпасть от камня веры и лишиться света. Если желающий обнять лучи солнца глазами человеческими не только не обнимет их и не достигнет цели, но еще отдалится от нее и потерпит великий вред, то тем более дерзающий протекать своими умствованиями в свет неприступный потерпит вред, оскорбляя дар Божий. Посмотри на Маркиона, Манеса, Валентина и на всех, вносивших другие еретические и пагубные учения в Церковь Божию, как они, измеряя дела Божии умствованиями человеческими, стыдились домостроительства нашего спасения. Между тем оно, – разумею крест Христов, – заслуживает не стыда, а великой хвалы. В самом деле, ничто не служит столь великим доказательством человеколюбия Божия, ни небо, ни море, ни земля, ни сотворение всего сущего из ничего, ни все прочее, как крест. Потому и Павел хвалится им: **"А я", – говорит, – "не желаю хвалиться, разве только крестом Господа нашего Иисуса Христа"** (Гал.6:14). Но люди душевные, приписывающее Богу не более, как людям, отпадают от веры и стыдятся ее. Потому (апостол), убеждая своего ученика, а чрез него и всех, говорит: **"не стыдись свидетельства Господа нашего"**, т. е. не стыдись того, что ты проповедуешь Распятого, но и хвались. Хотя все эти предметы – смерть, темницы, узы – сами по себе достойны стыда и порицания, но здесь, если вникнуть в причину их и внимательно рассмотреть таинство, они достойны великой хвалы и великого почитания. Эта смерть спасла погибавшую вселенную; эта смерть соединила небо с землею; эта смерть разрушила власть дьявола, соделала людей ангелами и сынами Божиими; эта смерть возвела естество наше на престол царский; эти узы обратили многих. **"Не стыдись", – говорит, – "свидетельства Господа нашего Иисуса Христа, ни меня, узника Его; но страдай с благовестием"**, т.е. хотя бы ты сам потерпел это, не стыдись. Что он выражает именно это, видно как из вышесказанных слов: **"ибо дал нам Бог духа не боязни, но силы и любви и целомудрия" (2 Тим.1:7), так и из последующих. "Итак, не стыдись", говорит, – т.е. не просто стыдись, но: не стыдись и сам испытать. Не сказал: не бойся, не страшись, но сильнее ободряет его словом: "не стыдись", выражая, что опасность как бы не существует, если преодолеть стыд. Стыд тогда только и тягостен, когда он преодолевает нас. Итак, не стыдись, если я, воскрешающий мертвых, совершающий бесчисленные знамения, обтекший всю вселенную, теперь связан. Я связан не как злодей, но ради Распятого; если Владыка мой не постыдился креста, то и я не стыжусь уз. Хорошо он, желая убедить ученика своего не стыдиться, наперед напомнил ему о кресте. Если, говорит, ты не стыдишься креста, то не стыдись и уз; если Владыка наш и Учитель претерпел крест, тем более мы (можем претерпеть) узы; а кто стыдится того, что сам потерпел, тот стыдится и Распятого. Я, говорит, не за себя несу эти узы. Итак, не потерпи чего-нибудь человеческого, но будь общником в тех же страданиях. "Но страдай", – говорит, – "с благовестием", не в том смысле, будто благовествование страдает, но он побуждает ученика страдать за евангелие. "Силою Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым, не по делам нашим, но по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен". Так как, с другой стороны, сказать: пострадай – значило повергнуть ученика в тяжкую скорбь, то апостол опять утешает его, говоря: "не по делам нашим", т.е. не думай, что перенесешь это собственною силою, но – силою Божиею; твое дело избрать и показать усердие, а**

облегчить и успокоить – дело Божие. Потом он представляет и доказательство силы Божией. Вспомни, говорит, как ты спасен, как ты призван; подобно как он говорит в другом месте: **"действующею в нас силою"** (Еф.3:20). Подлинно для того, чтобы убедить вселенную, нужно более силы, нежели сотворит небо. Как же он призван? **"Званием"**, – говорит, – **"святым"**, т.е. Бог сделал святыми бывших грешников и врагов Его; и это не от нас, – **"Божий дар"** (Еф.2:8). Если же он и столь силен в призвании и столь благ, что делает это по благодати, а не по долгу, то не должно страшиться. Если и тогда, когда нужно было спасти нас, бывшим врагами Его, Он спас благодатью, то не тем ли более Он будет содействовать нам, когда увидит и нашу деятельность. **"Не по делам нашим"**, – говорит, – **"но по Своему изволению"**, т.е. не по чьему-нибудь принуждению или совету, но по собственному изволению, побуждаемый собственною Своей благостию, Он спас нас: таков смысл слов: **"по Своему изволению и благодати, данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен"**, т.е. безначально было предопределено – быть этому **"во Христе Иисусе"** Немаловажно и это, т.е., что Бог хотел этого искони, и, следовательно, не по раскаянию. Как же можно говорить, что Сын не вечен. Он и сам хотел этого от начала. **"Данной нам во Христе Иисусе прежде вековых времен, открывшейся же ныне явлением Спасителя нашего Иисуса Христа, разрушившего смерть и явившего жизнь и нетление через благовестие"** (ст.10).

2. Видишь ли, какая сила, видишь ли, какой дар ниспослан нам не за дела наши, но чрез евангелие? Это – предмет нашей надежды. В теле Христовом то и другое (жизнь и нетление) уже было, а в нашем еще будет. Каким образом? **"Через благовестие, для которого я поставлен проповедником и Апостолом и учителем язычников"** (ст. 11). Для чего Павел так часто называет себя учителем языков? Чтобы внушить, – как я уже говорил, – что это должно быть близко и к язычникам. Итак, не огорчайся при мысли о моих страданиях; силы смерти сокрушены; я страдаю не как злодей, но для научения язычников. Вместе с тем учение его делается достоверным. **"По сей причине"**, – говорит, – **"я и страдаю так; но не стыжусь. Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день"** (ст. 12). **"Но не стыжусь"**, – говорит. В самом деле, скажи мне, разве постыдны эти узы, разве постыдны эти страдания? Не стыдись же и ты. Видишь ли, как он преподает учение самым делом? Я страдаю, говорит, ввержен в темницу, терплю гонение. **"Ибо я знаю, в Кого уверовал, и уверен, что Он силен сохранить залог мой на оный день"** Что значит: **"залог"**? Вера, проповедь. Сам предавший ее, говорит, сохранит ее неизменною. Я терплю все, чтобы это сокровище не было расхищено, и не стыжусь ничего, только бы оно сохранилось в целости. Или залогом называет верующих, которых Бог вверил ему, или он предал Богу. Вот ныне, говорит, предаю вас Господу, т. е., это не будет для меня бесполезно; и сам Тимофей представляет мне плод этого **"залога"**. Видишь ли, как он даже не чувствует своих страданий в надежде на учеников? Таким и должно быть учителю; так должно заботиться об учениках, – должно считать их всем для себя. **"Ибо теперь"**, – говорит он, – **"мы живы, когда вы стоите в Господе"** (1 Сол.3:8); и еще: **"Ибо кто наша надежда, или радость, или венец похвалы? Не и вы ли пред Господом нашим Иисусом Христом"** (1 Сол.2:19)? Видишь ли, как он заботится о благе учеников не менее своего собственного? Учителя должны превосходить плотских отцов, должны быть усерднее их. Но и дети должны питать любовь к ним. **"Повинуйтесь"**, – говорит он, – **"наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет"** (Евр.13:17). Скажи же мне: почему, тогда как наставник твой подлежит такой опасной ответственности, ты не хочешь даже слушаться его, и при том – для твоей же пользы? Хотя бы все, касающееся его самого, было исправно, он беспокоится, пока все, касающееся и тебя, не будет исправно, и отдает двойной отчет. Представь, сколько ему надобно трудиться и заботиться о каждом из подчиненных. Какую же ты можешь воздать ему честь, какую услугу, которая была бы равносильна таким опасностям? Не можешь

предложить ничего равного; ты еще не положил за него души своей, а он полагает за тебя душу свою. Если же он не положит ее здесь по требованию обстоятельств, то погубит ее там, – а ты не хочешь повиноваться ему даже в словах! Вот причина всех зол: исчезло должное повиновение начальствующим, нет ни стыда, ни страха. **"Повинуйтесь"**, – говорит, – **"наставникам вашим и будьте покорны"**; а ныне все извращено и ниспровергнуто. Говорю это не ради начальствующих, – какую пользу получают они от нашего почитания, если даже мы будем им в высшей степени послушны? – но для вашей собственной пользы. Уважают ли их, они не получают от того никакой пользы для себя в будущей жизни, но еще могут подвергнуться большему осуждению; оскорбляют ли их, они не потерпят от того никакого вреда в будущей жизни, но еще могут иметь более оправдания. Нет, для вас же самих я желаю, чтобы так было. Когда начальствующие уважаются подчиненными, то и это обращается против них, как напр. Илию Бог говорил: **"избрал тебя из дома отца твоего"** (1 Цар.2:28); а когда оскорбляют их, как, например, случилось с Самуилом, то Бог говорит: **"ибо не тебя они отвергли, но отвергли Меня"** (1 Цар.8:7). Так оскорбление служит им в пользу, а уважение в тягость. Итак, я говорю это не ради их, но ради вас самих. Кто почитает священника, тот будет почитать и Бога; а кто стал презирать священника, тот постепенно дойдет когда-нибудь и до оскорбления Бога. **"Кто принимает вас"**, – сказал Господь, – **"принимает Меня"** (Мф.10:40); священников Его, сказано в другом месте, имей в чести (Числ.18:8). Иудеи стали презирать Бога потому, что презирали Моисея, что бросали в него камни. Кто благоговеет пред священником, тот тем более будет благоговеть пред Богом. Хотя бы священник был нечестив, но Бог, видя, что ты из благоговения к Нему почитаешь даже недостойного чести, сам воздаст тебе награду. Если **"кто принимает пророка, во имя пророка"**, – как говорит Господь, – **"получит награду пророка"** (Мф.10:41), то, конечно, получит награду и тот, кто уважает священника, слушается его и повинуется ему. Если в деле странноприимства, когда ты не знаешь, кого принимаешь к себе, ты получаешь такую награду, то тем более получишь, когда будешь повиноваться тому, кому повиноваться повелевает Господь. **"На Моисеевом седалище"**, – сказал Он, – **"сели книжники и фарисеи; итак все, что они велят вам соблюдать, соблюдайте и делайте; по делам же их не поступайте"** (Мф.23:2,3). Разве ты не знаешь, что такое – священник? Он – ангел Господа. Разве свое говорит он? Если ты его презираешь, то презираешь не его, а рукоположившего его Бога. А откуда, скажешь, известно, что Бог рукоположил его? Но, если ты не имеешь убеждения в этом, то суетна твоя надежда; если Бог ничего не совершает чрез него, то ты ни крещения не имеешь, ни таин не причащаешься, ни благословений не получаешь, и, следовательно, ты – не христианин.

3. Что же, скажешь, неужели Бог рукополагает всех, даже и недостойных? Всех Бог не рукополагает, но чрез всех сам Он действует, – хотя бы они были и недостойными, – для спасения народа. Если для народа Он говорил чрез ослицу и Валаама, человека нечестивого (Числ.22), то тем более – чрез священника. Чего не делает Бог для нашего спасения? Чего не изрекает? Чрез кого не действует? Если Он действовал чрез Иуду и чрез тех пророков, которым говорит: **"не знаю вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие"** (Лк.13:27; Мф.7:23), и которые изгоняли злых духов, то тем более будет действовать чрез священников. Когда мы начинаем исследовать жизнь начальствующих, то хотим сами быть рукополагателями учителей, и таким образом извращается все, ноги становятся вверху, а голова внизу. Послушай Павла, который говорит: **"Для меня очень мало значит, как судите обо мне вы или [как] [судят] другие люди"** (1 Кор.4:3); и еще: **"А ты что осуждаешь брата твоего"** (Рим.14:10)? Если же не должно осуждать брата, то тем более учителя. Если бы Бог повелел тебе это, то ты поступал бы хорошо, и грешил бы, не поступая так; но если напротив, то не будь дерзким и не выходи из своих пределов. На Аарона, когда сделан был телец, восстали Корей, Дафан и Авирон (Числ.16). Что же? Не погибли ли они? Каждый заботься о своих делах. Кто преподает неправое учение, того не

слушай, хотя бы он был ангел; а если кто преподает правое учение, то смотри не на жизнь его, а на слова. Ты имеешь Павла, который научает тебя должному и делами и словами. Но, скажешь, священник не подает бедным и не хорошо управляет делами. Откуда тебе это известно? Прежде, нежели узнаешь достоверно, не порицай, бойся ответственности. Многие осуждают по подозрению. Подражай твоему Владыке; послушай, что Он говорит: **"сойду и посмотрю, точно ли они поступают так, каков вопль на них, восходящий ко Мне, или нет; узнаю"** (Быт.18:21). Если даже ты узнал, исследовал и видел, и тогда ожидай Судию, не предвосхищай себе права Христова; ему принадлежит право – судить, а не тебе; ты – последний раб, а не господин; ты – овца; не суди же пастыря, чтобы тебе не быть наказану и за то, в чем обвиняешь его. Но как же, скажешь, мне он говорит, а сам не делает? Не сам он говорит тебе, – если ты повинешься только ему, то не получишь награды, – тебе заповедует Христос. Что я говорю? Даже Павла не должно было бы слушаться, если бы он говорил что-нибудь от себя, что-нибудь человеческое, но должно слушаться его, как апостола, имеющего в себе Христа, который говорил чрез него. Не будем же судить чужие дела, а каждый свои; исследуй собственную жизнь. Но, скажешь, священник должен быть лучше меня. Почему? Потому, что он священник. Чего же он не имеет более, нежели ты? Трудов ли, опасностей, забот, или скорбей? Чем же он не лучше тебя, имея все это? Но если он и не лучше тебя, то для чего тебе, скажи мне, нужно губить себя самого? Слова твои происходят от гордости. Откуда ты знаешь, что он не лучше тебя? Он, скажешь, ворует и святотатствует. Откуда, человек, ты знаешь это? Зачем сам ты стремишься в пропасть? Когда кто-нибудь скажет тебе, что такой-то скрывает у себя царскую порфиру, то ты, хотя бы и знал это, затыкаешь уши, хотя бы и мог обличить его, тотчас отступаешь и показываешь вид, будто ничего не знаешь, не желая подвергаться лишней опасности; а здесь ты не только не отступаешь, но сам навлекаешь на себя лишнюю опасность. Подобные слова твои не безответственны; послушай, что говорит Христос: **"Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда"** (Мф.12:36). Во всяком случае, если ты считаешь себя лучше другого, и не воздыхаешь, не ударяешь себя в перси, не склоняешь головы, не подражаешь мытарю, то ты погубил себя, хотя бы ты был действительно лучше. Ты лучше другого? Молчи же, чтобы тебе остаться лучшим; а как скоро будешь говорить, то потеряешь все. Если будешь так думать о себе, то ты уже не таков; а если не будешь так думать, то приобретешь еще больше. Если такой грешник, исповедав грехи свои, вышел оправданным, то чего не приобретет тот, кто, не будучи столь грешным, сознает себя таким? Рассмотрим собственную жизнь. Ты не воруеть? Но ты грабишь, делаешь насилия, совершаешь бесчисленное множество других подобных дел. Говорю это не с тем, чтобы похвалить воровство; нет, я готов горько плакать, если действительно найдется такой человек, чему, впрочем, не верю. Насколько великий грех – святотатство, о том и сказать нельзя; но я жалею вас, не хочу, чтобы ваши добродетели упразднились чрез осуждение других. Что, скажи мне, хуже мытаря? Верно было, что он был и мытарь и виновен во множестве преступлений, – и однако фарисею достаточно было сказать только: **"не таков, как этот мытарь"** (Лк.18:11), чтобы потерять все. А ты говоришь о священнике: я не таков, как этот святотатец, – и не теряешь ли всего? Я вынужден говорить это и опровергать подобные речи не потому, чтобы я так заботился о священниках, но потому, что боюсь за вас, как бы вы не упразднили своих добродетелей подобным самохвальством и осуждением других. Послушай увещание, которое преподает Павел: **"Каждый да испытывает свое дело, и тогда будет иметь похвалу только в себе, а не в другом"** (Гал.6:4).

4. Скажи мне: если ты, получив рану, придешь в лечебницу, то неужели, вместо того, чтобы прикладывать лекарство и лечить раны, ты станешь узнавать о враче, имеет ли он рану, или не имеет? И если он имеет, то заботишься ли ты об этом? И потому, что он имеет ее, оставляешь ли ты свою рану без врачевания и говоришь ли: ему, как врачу,

следовало быть здоровым, но так как он, будучи врачом, сам не здоров, то и я оставляю свою рану без врачевания? Так и здесь: если священник нехорош, будет ли это утешением для подчиненного? Нисколько. Он получит определенное наказание; получишь и ты должное и заслуженное. Учитель исполняет только службу. **"И будут"**, – говорится, – **"все научены Богом"** (Ин.6:45). **"И уже не будут говорить: "познайте Господа", ибо все сами будут знать Меня, от малого до большого"** (Иер. 31:34). Зачем же, скажешь, он председательствует? Для чего занимает такое место? Не будем, увещаю вас, говорить худо об учителях, не будем рассуждать о них, чтобы не повредить самим себе; будем исследовать свои дела, и ни о ком не отзываться худо. Устыдимся того дня, в который он просветил нас крещением. В отце, хотя бы он имел бесчисленное множество слабостей, сын прикрывает все. **"Не ищи славы"**, – говорит (Премудрый), – **в бесчестии отца твоего, ибо не слава тебе бесчестие отца. Хотя бы он и оскудел разумом, имей снисхождение"** (Сир. 3:10,13). Если так говорится о плотских отцах, то тем более надобно сказать об отцах духовных. Устыдись: он каждый день служит тебе, предлагает чтение Писания, для тебя украшает дом Божий, для тебя бодрствует, за тебя молится, за тебя предстоит и ходатайствует пред Богом, за тебя творит прошения, для тебя совершает все свое служение. Этого устыдись, это представляй и подходи к нему со всяким благоговением. Он нехорош? Но, скажи мне, что из этого? И хороший разве сам сообщает тебе великие блага? Нет; все совершается по твоей вере. И праведный не принесет тебе никакой пользы, если ты – неверующий; и нечестивый нисколько не повредит тебе, если ты – верующий. Бог действовал и чрез волов при кивоте, когда хотел спасти народ Свой (1 Цар.6). Разве жизнь священника, или добродетель его может совершить что-нибудь подобное? Дары Божии не таковы, чтобы они зависели от священнической добродетели; все происходит от благодати; дело священника – только отверзать уста, а все совершает Бог; священник же исполняет только видимые действия. Вспомни, какое расстояние между Иоанном и Иисусом; послушай, что говорить сам Иоанн: **"мне надобно креститься от Тебя"** (Мф.3:14), и еще **"Я недостойн развязать ремень у обуви его"** (Ин.1:27), – и однако, несмотря на такое расстояние (при крещении от него на Иисуса) сошел Дух, Которого не имел Иоанн. **"И от полноты Его"**, – говорит Писание, – **"все мы приняли"** (Ин.1:16). И, однако, Дух не сошел прежде, нежели совершенно было крещение; впрочем, и не Иоанн сделал то, что Он сошел. Для чего же так было? Чтобы ты знал, что священник совершает только видимые действия. Нет ни одного человека, который отстоял бы от другого так далеко, как Иоанн от Иисуса, – и однако Дух сошел на Него (при крещении от Иоанна), чтобы ты знал, что все устрояет Бог, что все совершает Бог.

Я хочу сказать нечто дивное, но вы не изумляйтесь и не смущайтесь. Что же такое? Приношение (в евхаристии) одно и то же, кто бы ни совершал его – Павел, или Петр; оно то же самое, которое Христос преподал ученикам; то же самое и ныне совершают священники; последнее нисколько не ниже первого, так как и это не люди освящают, а сам Тот, Кто освятил его и тогда. Как слова, произносимые ныне священником, те же самые, которые изрек Господь, так и приношение то же самое; равно и крещение то же самое, которое Он преподал. Так все зависит от веры. Дух Святой тотчас сошел на Корнилия, когда он предварительно явил то, что требовалось с его стороны, и обнаружил веру. Итак, и это приношение есть тело (Христово) так же, как и то; а кто думает, что оно ниже того, тот не знает, что Христос и ныне присутствует и ныне действует. Итак, зная это, – не напрасно же мы говорили все это, но с тем, чтобы исправить ваши мысли и сделать вас более осторожными на будущее время, – постарайтесь исполнить сказанное на деле. Если мы будем всегда слушать, а никогда не делать, то от сказанного не будет нам никакой пользы. Будем же усердно слушать, будем тщательно внимать сказанному, начертим это в уме нашем, изобразим навсегда в совести нашей, и непрестанно будем воссылать славу Отцу и Сыну и Святому Духу.

БЕСЕДА 3

"Держись образца здорового учения, которое ты слышал от меня, с верою и любовью во Христе Иисусе. Храни добрый залог Духом Святым, живущим в нас. Ты знаешь, что все Асийские оставили меня; в числе их Фигелл и Ермоген. Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел. Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь" (2 Тим.1:13-18).

1. Не посланиями только (апостол) внушал ученику, что ему должно делать, но и на словах. Это он выражает и во многих других местах, когда, например, говорит: **"ни от слова, ни от послания, как бы нами посланного"** (2 Сол.2:2,15); но гораздо яснее здесь. Итак, не будем думать, будто учение преподано им недостаточно; многое он преподал ученику и без письма, о чем и напоминает ему, говоря: **"Держись образца здорового учения, которое ты слышал от меня"**. Что же означают эти слова? Как делают живописцы, говорит, так и я начертал тебе образ добродетели и всего угодного Богу, и как бы некоторое правило, первообраз, и начертание я вложил в твою душу. Это и имей; нужно ли будет тебе посоветоваться о вере, или о любви, или о целомудрии, оттуда заимствуй образцы; не будет тебе надобности искать образца у других, потому что там все содержится. **"Храни добрый залог"**. Как? **"Духом Святым, живущим в нас"**. Человеческая душа и человеческая сила не в состоянии сами по себе сохранить таких благ, вверенных им. Почему? Потому, что вокруг нас много разбойников, глубокая тьма, диавол стоит и коварствует, и мы не знаем, в какой час, в какое время он нападет на нас. Как же можем сохранить их? **"Духом Святым"**, т. е., если будем иметь в себе Духа; а Он будет присущ нам, если мы не отвергнем благодати Его, потому что **"Если Господь не созиждет дома, напрасно трудятся строящие его; если Господь не охранит города, напрасно бодрствует страж"** (Пс.126:1). Он – наша стена, Он – наша ограда, Он – наше убежище. Если же Он живет в нас и сам хранить нас, то для чего наставления? Для того чтобы мы удерживали его, хранили его, и не отгоняли от себя злыми делами. Далее повествует об искушениях, не с тем, чтобы поразить ученика, но чтобы возбудить его, чтобы он, если случится когда-нибудь и ему подвергнуться таким же искушениям, не смущался, взирая на учителя и вспоминая о всем, случившемся с ним. Что же он говорит? Он тогда, вероятно, был взят под стражу и оставлен всеми, не видел ни от кого ни человеколюбия, ни милости, ни помощи, но был оставлен самими верующими и друзьями, и потому, послушай, что говорит: **"Ты знаешь, что все Асийские оставили меня"**. В Риме, вероятно, было тогда много людей из азийских областей; но никто, говорит, не явился ко мне, никто не признал меня, все отшатнулись. И смотри, как любомудра душа его. Он сказал только, что было, но нисколько не укорял их; сделавшего ему добро он похвалил и пожелал ему бесчисленных благ, а им не пожелал никакого зла, – но что? **"В числе их"**, – говорит, **"Фигелл и Ермоген. Да даст Господь милость дому Онисифора за то, что он многократно покоил меня и не стыдился уз моих, но, быв в Риме, с великим тщанием искал меня и нашел"**. Смотри, как он везде указывает на стыд, а не на опасность, чтобы не утратить Тимофея, хотя обстоятельства были исполнены опасностей, потому что он тогда подвергся гневу Нерона, обратив кого-то из близких к нему. Прибыв в Рим, говорит, Онисифор не только не избегал встречи со мною, но искал меня и нашел. **"Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день; а сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь"**. Таковы должны быть верующие – не удерживаться ни страхом, ни угрозами, ни стыдом, но содействовать друг другу, и как бы на войне защищать и помогать. И не столько находящимся в опасности, сколько самим себе они приносят пользу, делая себя чрез оказываемые им услуги причастниками уготованных им венцов. Например, кто-нибудь из людей, посвятивших себя Богу, подвергся скорби, терпит множество бедствий и подвизается с великим терпением; а на

тебя еще не возложен этот подвиг; но можешь и ты, если захочешь, не вступая на поприще, сделаться причастником уготованных ему венцов, присутствуя при нем, укрепляя, утешая и ободряя его. А что это действительно так, послушай, что говорит (апостол) в другом послании: **"Впрочем, вы хорошо поступили, приняв участие в моей скорби"** и еще: **"вы и в Фессалонику и раз и два присылали мне на нужду"** (Флп.4:14, 16). Но как отсутствующие приняли участие в скорби того, кого не было с ними? Как? **"Вы присылали"**, – говорит, – **"и раз и два мне на нужду"**. Также об Епафродите он говорит: **"был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне"** (Флп..2:30). Как у царей не только сражающиеся, но и хранящие оружие удостоиваются чести, и не какой-нибудь, но нередко получают даже равные с теми дары, хотя они не обагрjali рук кровью, не брали оружия и даже вовсе не видали неприятельского войска, – так и еще гораздо более в этих (духовных) скорбях. Кто помогает ратоборцу, изнемогающему от голода, присутствуя при нем, ободряя его словами и оказывая ему всякие другие услуги, тот получает одинаковую с ратоборцем награду.

2.Разумей здесь не Павла, ратоборца непобедимого и несокрушимого, но всякого другого, который, может быть, и не устоял бы и не подвизался бы если бы не получил великого ободрения и великого утешения. Так и находящиеся вне борьбы делаются виновниками победы для вступившего в борьбу, а потому будут причастниками и уготованных за победу венцов. И что удивительного, если кто-нибудь, принимая участие в подвигах еще живых ратоборцев, удостоивается одинаковых с ними наград, когда можно принимать участие в людях, уже умерших, уже лежащих, уже увенчанных и ни в чем не нуждающихся после смерти? Послушай, в самом деле, что говорит Павел: **"в нуждах святых принимайте участие"** (Рим.12:13). Но как, скажешь, можно сделаться их причастником? Если будешь удивляться святому мужу, если сделаешь что-нибудь такое, за что он увенчан, если примешь участие в его подвигах, а потому и в венцах. **"Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день"**. Он оказал, говорит, мне милость, и за это получит воздаяние в тот страшный и ужасный день, когда нам нужна будет великая милость. **"Да даст ему Господь обрести милость у Господа"**. Итак, два Господа? Отнюдь нет, **"но нам один Господь Христос Иисус и один Бог"**; **"но у нас один Бог Отец, из Которого все, и мы для Него, и один Господь Иисус Христос"** (1 Кор.8:6). Зараженные Маркионовою ересью ссылаются на это выражение; но пусть они знают, что оно весьма обыкновенно в Писании, и в других местах часто можно встречать это выражение, когда, например, говорится: **"Сказал Господь Господу моему"** (Пс.109:1); и еще: **"Я сказал Господу: Ты - Господь мой"** (Пс.15:2); и еще: **"пролил Господь дождем серу и огонь от Господа с неба"** (Быт.19:24). Этим показывается единосущие Божеских лиц, а не различие существа; и (апостол) говорит так не для того, чтобы мы представляли себе два существа, различные между собою, но два лица, имеющие одно и то же существо. И заметь, как он выражается: **"да даст ему Господь"**. Что? Не что иное, как **милость**. Как сам (апостол) получил милость от Онисифора, так и ему желает получить то же самое от Бога. Если же Онисифор, подвергавший себя опасностям, спасается за дела милосердия, то тем более мы. Страшный, поистине страшный предстоит нам отчет, и много мы должны оказывать человеколюбия, чтобы не услышать страшных слов: **"отойдите от Меня"**, – не знаю вас, – **"делающие беззаконие"** (Мф.7:23), – чтобы не услышать опять ужасных слов: **"идите от Меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его"** (Мф.25:41), – чтобы не услышать: **"между нами и вами утверждена великая пропасть"** (Лк.16:26), – чтобы с трепетом не услышать: **"возьмите его и бросьте во тьму внешнюю"** (Мф.22:13), – чтобы с великим страхом не услышать: **"лукавый раб и ленивый"** (Мф.25:26). Страшно, весьма страшно и ужасно это судилище, хотя Бог и благ, хотя Он и милостив. Он называется Богом щедрот и Богом утешения (2 Кор.1:3); Он благ так, как никто другой, снисходителен, щедр и многомилостив; Он не хочет смерти

грешника, но чтобы он обратился и жил (Иез.33:11). Почему же, почему этот день будет исполнен такого ужаса? Огненная река потечет пред лицом его, книги деяний наших отверзутся, самый день будет подобен горячей печи, ангелы будут носиться вокруг, и разложено будет множество костров. Как же, скажешь, Бог человеколюбив, как милостив, как благ? Так, при всем этом Он человеколюбив, и здесь-то особенно открывается величие его человеколюбия. Для того ведь Он и внушает нам такой страх, чтобы, хотя таким образом мы пробудились и стали стремиться к царствию небесному. Но смотри, как (апостол) не просто упоминает об Онисифоре, но говорит: **"многократно покоил меня"**. Он, говорит, успокаивал и укреплял меня в страданиях, как бы ратоборца, изнемогающего от зноя. **"А сколько он служил мне в Ефесе, ты лучше знаешь"**, не только в Ефесе, говорит, но и здесь. Таким и должен быть христианин ревностный и бодрствующий, – должен делать добро не однажды, не дважды или трижды, но во всю жизнь. Как тело наше не однажды насыщается для поддержания себя на всю жизнь, но имеет нужду в ежедневном питании, так и здесь, в благочестии, мы ежедневно имеем нужду в помощи от добрых дел. Мы имеем нужду в великой милости, и человеколюбивый Бог за грехи наши делает все, не нуждаясь Сам ни в чем, но все совершая для нас. Для того Он все сказал и изъяснил нам, и не только изъяснил, но показал и посредством дел. Хотя и одни слова его достоверны, но, чтобы кто не стал подозревать в словах его преувеличения, или одной угрозы, он присовокупляет удостоверение и посредством дел. Каким образом? Ниспосылая наказания на людей – и частные, и общие. И чтобы ты убедился самими делами, для того Он то наказывал фараона, то наводил водный потоп и всеобщее погубление, то посылал истребительный огонь. И ныне мы видим, как многие порочные наказываются и предаются мучениям. Все это – подобия геенны. 3. Так, чтобы мы не предавались сну и беспечности и не забывали слов (Господа), Он напоминает об них и возбуждает нас делами, устроая и здесь допросы, судилища, наказания. Если люди столько заботятся о справедливости, то неужели у Бога, который есть сам законодатель, не обращается на нее никакого внимания? Можно ли поверить этому? Подлинно, везде можно видеть судилища – и в доме, и на площади. Так в доме господин ежедневно судит рабов, требует отчета в их поступках, и за одни наказывает, а за другие прощает; в селах земледелец и жена его ежедневно судятся взаимно; на кораблях судит кормчий; в войсках военачальник судит воинов; в искусствах учитель – ученика; и много можно найти судилищ. Таким образом, и в частности и вообще все судят друг друга, и нигде не увидишь, чтобы справедливость была пренебрегаема, но все и везде отдают отчет. Если же здесь так распространена забота о справедливости – и в городах, и в домах, и у каждого человека порознь, то неужели нет никакой справедливости там, где правды исполнена десница Божия (Псал.47:11), и где правда Его как горы Божии (Псал.35:7)? Но почему же, скажешь, Бог, судия праведный, всемогущий и долготерпеливый, попускает грехи и не тотчас же наказывает? Здесь уже заключается и причина: Он, говоришь ты, долготерпелив, а долго терпит Он, ведя тебя на покаяние; если же ты упорствуешь, то **"по упорству твоему и нераскаянному сердцу, ты сам себе собираешь гнев"** (Рим.2:4,5). Итак, если Он праведен, то воздаст по достоинству и не оставит без наказания делающих зло, потому что это свойственно праведному. Если Он всемогущ, то воздаст и по смерти, и при воскресении, потому что это свойственно всемогущему. Если же Он по долготерпению Своему медлит, то не будем смущаться и говорить: почему Он не наказывает здесь? Ведь если бы так было, если бы Он ежедневно подвергал нас наказанию за наши преступления, то род человеческий уже не существовал бы. Нет, поистине нет дня, свободного от грехов, но ежедневно мы грешим больше или меньше, так что никто из нас не мог бы достигнуть и двадцатилетнего возраста, если бы не было великого его долготерпения и благодати, дающей нам достаточный срок для покаяния, для того, чтобы мы очистились от грехов. Пусть, поэтому, каждый, вникнув в дела свои правой совестью и исследовав всю свою жизнь, посмотрит, не заслуживает ли он бесчисленных мучений и казней. И когда он будет негодовать, почему такой-то, совершающий множество злых дел,

не подвергается наказанию, то пусть представит собственные свои дела, и негодование его прекратится. Грехи другого кажутся великими потому, что касаются предметов важных и явных; но если он исследует собственные дела, то, может быть, найдет их еще более великими. Так, похищать и быть любостязательным равно грех, будет ли это касаться золота или серебра; то и другое рождается от одного и того же помысла, и похитивший малое не откажется похитить и большее; если же он не сделал этого, то так случилось не от него самого, а по стечению обстоятельств. Бедный, обижающий беднейшего, не оставил бы в покое, если бы мог, и богатого, но не делает этого по бессилию, а не по своей воле. Такой-то начальник, скажешь, похищает собственность подчиненных. А ты, скажи мне, разве не похищаешь? Не говори мне, что он похищает таланты золота, а ты – десятки обол. И в сокровищницу другие клали золото, а вдовица положила две лепты, и, однако, внесла нисколько не меньше их. Почему? Потому, что у Бога ценится произволение, а не подаяние. Если же ты допускаешь, чтобы Бог судил так о милостыне, чтобы твое пожертвование, состоящее из двух лепт, по бедности твоей, было нисколько не меньше тех, которые пожертвовали тысячи талантов золота, то почему не допускаешь того же в любостязании? Основательно ли это? Как вдовица, положив две лепты, по произволению своему пожертвовала нисколько не меньше других, так и ты, похитив две лепты, нисколько не лучше других похитителей, но даже, – если можно сказать нечто удивительное, – обнаруживаешь любостязательность гораздо больше их. Как в прелюбодеянии одинаково виновен, совершил ли его кто-нибудь с женою царя или с женою бедного, или с женою раба, потому что грех судится не по различию лиц, но по злему расположению решившегося на это, – так точно и здесь. И даже я назвал бы скорее прелюбодеем того, кто совершает прелюбодеяние с какою-нибудь незначительною женщиною, нежели – с самою царицею, потому что здесь богатство, красота и многое другое могли служить обольщением, – а там нет ничего такого, и, следовательно, там прелюбодеяние бывает гораздо более. Равным образом и пьяницею я назову более того, кто упивается худым вином; равно и любостязательным – того, кто не пренебрегает даже малым. В самом деле, похищающий большое, может быть, и пренебрежет малым; но похищающий малое никогда не откажется от большого, и потому последний есть вор по преимуществу. Кто не пренебрегает серебра, тот пренебрежет ли золотом? Итак, когда мы осуждаем начальников, то представим собственные наши дела, и увидим, что мы сами больше их виновны и в воровстве, и в любостязании, если будем судить об этом не по делам, но по душевному расположению, как и следует судить. В самом деле, скажи мне, если будет приведен в суд кто-нибудь, похитивший у бедного, и другой, похитивший у богатого, то не одинаковое ли оба они получать наказание? Также убийца, не одинаково ли есть убийца, убьет ли он человека бедного и убогого, или богатого и властного? Итак, когда мы скажем, что такой-то у такого-то отнял имение, то подумаем о своих делах, и тогда мы не станем осуждать других, подивимся долготерпению Божию, не будем негодовать, что суд его не приходит на грешников, и сами будем менее скорыми на совершение злых дел. Когда увидим, что и мы сами виновны в том же, то уже не будем по-прежнему негодовать на других, но отстанем от грехов и сподобимся будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому со Отцем и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 4

"Итак укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом, и что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям, которые были бы способны и других научить. Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа. Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику. Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться. Трудящемуся

земледельцу первому должно вкусить от плодов. Разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем" (2 Тим. 1:1-7).

1. Ученику в море придает много бодрости то, когда учитель его потерпел кораблекрушение и спасся, потому что он уже не думает, что бури нападают на него от его неискусства, но – от естественного порядка вещей; а это немало способствует к поддержанию бодрости. Равным образом и начальнику отряда на войне служит ободрением то, когда он видит, что полководец его, будучи ранен, остается мужественным. Так и для верующих служит утешением то, что апостол потерпел много бедствий и ни от одного из них не упал духом. Иначе, если бы это было не так, (Павел) и не говорил бы о своих страданиях. Тимофей, слыша, что учитель, сделавший так много и победивший всю вселенную, находится в узах, в скорбях, оставлен своими, и, однако, не жалуется и не негодует, и сам, подвергшись таким же бедствиям, не стал бы приписывать случившегося человеческой слабости, или тому, что он ученик и менее Павла, – ведь и учитель терпел тоже, – по естественному порядку вещей. Поэтому (апостол) так и поступил, поэтому он и распространяется обо всем этом, чтобы ободрить и укрепить (Тимофея). С такою целью, рассказав о своих скорбях и искушениях, он продолжает: **"укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом"**. Что ты говоришь? Ты поразил нас страхом, ты сказал, что ты связан, что ты в скорбях, что все оставили тебя, и потом, как будто сказавши, что ты не потерпел никакого бедствия и никем не оставлен, присовокупляет: **"укрепляйся, сын мой"**. И справедливо, – потому что первое гораздо более может ободрить тебя, нежели последнее. В самом деле, если я – Павел терплю такие бедствия, то гораздо более должен терпеть их ты; если терпит учитель, то тем более – ученик. Это увещание он предлагает (Тимофею) с великою любовью, называя его **"сыном"**, и не просто, но: **"сыном моим"**. Если, говорит, ты – сын, то подражай отцу; если ты – сын, то укрепляйся тем, что я сказал; впрочем, не словами моими только, но благодатию Божиею: **"укрепляйся, сын мой, в благодати Христом Иисусом"**, т. е. благодатию Христовою; стой мужественно; ты знаешь боевой порядок. Так и в другом месте, объясняя, что **"наша брань не против крови и плоти"** (Еф.6:12), он говорит это не для поражения слушателей, но для их ободрения. Итак, трезвься, говорит, бодрствуй; благодать Господа сподвигается и содействует тебе; но и ты с полною готовностью и охотою исполняй свое дело. **"И что слышал от меня при многих свидетелях, то передай верным людям"**, – верным, а не таким, которые любят исследовать и рассуждать. **Верным**, т.е. каким? Таким, которые не предадут проповеданного им. **"Что слышал"**, а не то, что выдумал, так как **"вера от слышания, а слышание от слова Божия"** (Рим.10:17). А что значит: **"при многих свидетелях"**? Он как бы так говорит: ты слышал от меня не скрытно и тайно, а в присутствии многих, открыто. Не сказал: скажи, но: **"передай"**, как бы о сокровище, которое передается и сохраняется в безопасном месте. Так он опять внушает ученику страх и предыдущими словами и последующими. При том **"передай"**, говорит, не только верным, так как что за польза, если принявший, хотя и верен, но другим передать учения не может, если он, хотя сам и не изменит вере, но не сделает такими же других? Учителю нужно иметь два качества: быть верным и учительным. Поэтому он и говорит: **"Которые были бы способны и других научить. Итак переноси страдания, как добрый воин Иисуса Христа"**. О, какая честь – быть воином Христовым! Вспомни, насколько важным считается у воинов находиться под начальством земных царей, если же царскому воину свойственно переносить страдания, то не переносить страданий недостойно воина. Итак, не должно скорбеть, если терпишь страдания, – это ведь свойственно воину, – но следует скорбеть, если не терпишь их. **"Никакой воин не связывает себя делами житейскими, чтобы угодить военачальнику. Если же кто и подвигается, не увенчивается, если незаконно будет подвигаться"**. Это сказано Тимофею, но чрез него говорится и всякому учителю и ученику. Пусть же никто из имеющих епископство не огорчается, слыша это, но –

огорчается, не делая этого. **"Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться"**. Что значит: **"если незаконно"**? Для него не довольно того, чтобы выйти на подвиг, или намазаться, или сойтись с противником; но если он не соблюдет всех законов борьбы касательно пищи, воздержания и чистоты, самого места борьбы, и вообще если не исполнит всего, приличного ратоборцам, то не получит венца. И посмотри на мудрость Павла: он напоминает (Тимофею) о борьбе и о войнах, как для того, чтобы он был готовым на смерть, убийство и кровопролитие, так и для того, чтобы внушить ему твердость, чтобы он переносил все мужественно и постоянно был в подвиге. **"Трудящемуся земледельцу"**, – говорит, – **"первому должно вкусить от плодов"**. Указав на свой пример и сказав об учителе, (апостол) говорит далее о том, что случается с обыкновенными людьми, о ратоборцах, о войнах, и указывает при этом на их награды, во-первых – **"угодить военачальнику"**, а во-вторых – **"увенчивается"**; приводит еще и третий пример, который особенно близок (Тимофею). Пример воина и ратоборца относится и к подчиненным, а пример земледельца к учителю, который должен быть не только воином и ратоборцем, но и земледельцем. Земледелец заботится не только о себе самом, но и о плодах земли, т. е., земледелец получает в плодах немалое воздаяние за труды свои.

2. Здесь (апостол), указав на общеизвестный пример, выражает и то, что Бог ни в чем не имеет нужды, и говорит о воздаянии за учительство. Как земледелец, говорит, трудится не без пользы, но сам прежде других наслаждается плодами трудов своих, так следует и учителю. Или об этом он говорит, – или о чести, воздаваемой учителям. Впрочем, последнее предположение не имеет основания; иначе, почему он говорит не просто о земледельце, но трудящемся, и не просто трудящемся, но уже потрудившемся? А чтобы никто не жаловался на замедление (воздаяния), то говорит: ты уже получаешь воздаяние, или: в самом труде есть воздаяние. После того, как он привел примеры воинов, ратоборцев и земледельцев, и все изложил кратко, он говорит: **"Если же кто и подвизается, не увенчивается, если незаконно будет подвизаться"**; а сказав: **"Трудящемуся земледельцу первому должно вкусить от плодов"**, присовокупляет: **"Разумей, что я говорю. Да даст тебе Господь разумение во всем"**. Для того все это и было сказано в примерах и притчах. Затем опять, по любви своей, начинает увещевать его, как бы боясь за него, точно за родного сына, и говорит: **"Помни Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых, по благовествованию моему, за которое я страдаю даже до уз, как злодей; но для слова Божия нет уз"** (ст. 8-9). Для чего здесь он упоминает об этом? Главным образом для того, чтобы отразить еретиков, а вместе и для того, чтобы ободрить ученика и показать пользу страданий, так как и сам учитель, наш Христос страданиями победил смерть. Помни это, говорит, и будешь иметь достаточное утешение. **"Помни"**, – говорит, – **"Господа Иисуса Христа от семени Давидова, воскресшего из мертвых"**. В то время некоторые уже начали извращать домостроительство нашего спасения, стыдясь величия человеколюбия Божия. Действительно, благодеяния Божии к нам так велики, что люди стыдятся приписать их Богу, и не верят, чтобы Он оказал такое снисхождение. **"По благовествованию"**, – говорит, – **"моему"**. Он часто повторяет в своих посланиях: **"по благовествованию моему"**, или потому, что следовало верить ему, или потому, что другие благовествовали иное. **"За которое"**, – говорит, – **"я страдаю даже до уз, как злодей"**. Опять в собственном примере предлагает утешение, и опять – увещание, ободряя слушателя двумя способами: указанием и на свои страдания, и на то, что он подвергается им не без пользы. Таким образом, для слушателя это будет благотворно; а иначе даже вредно, потому что какая польза, если ты покажешь, что учитель страдает, но без всякой выгоды? А то достойно удивления, если он страдает с выгодой, ко благу поучаемых. **"Но для слова Божия нет уз"** (ст. 9). Если бы, говорит, мы были мирскими воинами, или вели войну чувственную, то эти узы, связывающие руки, имели бы силу; ныне же Бог сделал нас

такими, что нас ничто не побеждает. Нам связываются руки, но не язык; язык связать ничто не может, разве только страх и неверие; если в нас нет их, то хотя бы ты наложил на нас оковы, проповедь не связывается. Кто связывает земледельца, тот препятствует сеянию, потому что земледелец сеет рукою; но если свяжешь учителя, то этим не воспрепятствуешь его слову, потому что он сеет языком, а не рукою. Итак, наше слово не подчиняется узам, и когда мы связаны, оно развязано и простирается вперед. Каким, скажешь, образом? А вот – мы проповедуем, хотя и связанные. Это говорит он для поощрения тех, которые не связаны: если мы, связанные, проповедуем, то тем более надлежит делать это вам, несвязанным. Ты слышал, что я **"страдаю как злодей"**? Не унывай же; подлинно великое чудо – связанному делать то же, что делают несвязанные, связанному превзойти всех, связанному победить связавших его. Проповедуемое нами есть слово Божие, а не наше; человеческие же узы не могут связать слова Божия. Я терплю это, говорит, за избранных: **"Посему я все терплю ради избранных, дабы и они получили спасение во Христе Иисусе с вечною славою"** (ст. 10). Вот и другое увещание. Я терплю это, говорит, не за себя, но для спасения других. Если бы я искал только своего, то мог бы жить безбедно, мог бы не терпеть ничего такого. Для чего же я терплю это? Для блага других, чтобы другие получили жизнь вечную. И что еще прибавляет? Не просто сказал: за некоторых, но: **"ради избранных"**. Если Бог избрал их, то нам должно терпеть все для них, **"дабы и они получили спасение"**. Выражением: **"дабы и они"** он изъясняет и показывает, что (они получают так же), как и мы, потому что и нас избрал Бог. Как для нас пострадал Бог, так и мы должны страдать для них; и таким образом это будет воздаянием, а не даром. Со стороны Бога это было даром, потому что Он оказал нам благодеяния, еще не испытав от нас ничего доброго; а с нашей стороны это – воздаяние, потому что мы, наперед сами получив благодеяния от Бога, страдаем за тех, за кого страдаем, чтобы они получили спасение. Что ты говоришь? Какое спасение? Кто не бывает виновником собственного спасения, но губит себя, тот может ли быть виновником спасения других? Потому-то (апостол) и прибавил: не такого спасения, но **"во Христе Иисусе"** спасения истинного, **"с вечною славою"**. Настоящие обстоятельства прискорбны, но они – только на земле; настоящие обстоятельства тягостны, но они временны; они исполнены неприятностей и огорчений, но только на сегодняшний и завтрашний день.

3. Истинные же блага не таковы, но они вечны, на небе. Тамошняя слава есть истинная, а здешняя – бесчестие. Послушай, возлюбленный: на земле нет славы, но истинная слава на небесах; кто хочет прославиться, тот (здесь) пусть терпит бесчестие; кто хочет достигнуть покоя, тот (здесь) пусть терпит скорби; кто хочет радоваться и блаженствовать вечно, тот пусть презирает временное. А что здесь бесчестие есть слава, а слава – бесчестие, постараемся по возможности доказать это, чтобы узнать истинную славу. Невозможно достигнуть славы на земле; если же хочешь прославиться, то – чрез бесчестие. Объясним это примером двух лиц, Нерона и Павла. Первый пользовался мирскою славою, второй терпел бесчестие. Каким образом? Нерон был государь, совершил много важных дел, ставил трофеи, имел неистощимое богатство и бесчисленное войско повсюду, большая часть вселенной была ему подвластна, столица повиновалась ему, весь сенат преклонялся пред ним, самые дворцы его имели блестящий вид. Нужно ли было вооружиться, – он выходил, облеченный в оружие, украшенное золотом и драгоценными камнями; нужно ли было оставаться в мире, – он сидел, одетый в порфиру. Он имел множество копьеносцев и щитоносцев; его называли владыкою земли и моря, самодержцем, августом, кесарем, царем и многими другими подобными именами, которые изобретают лести и угодничество. Вообще не было у него недостатка ни в чем, что нужно для славы; даже мудрецы, повелители и цари боялись его и трепетали пред ним. Впрочем, он и слыл за человека жестокого и бесстыдного; он хотел быть даже богом, презирал всех идолов и самого (Владыку) всех Бога, и принимал божеское почитание. Что выше такой славы, или

лучше сказать, что хуже такого бесчестия? Не знаю, как уста мои, увлекаемые истиною, зашли вперед и еще прежде суда произнесли приговор. Но сначала исследуем это дело по общему суждению, по суждению неверных, по суждению лести. Что может быть выше той славы, чтобы называться даже богом? Поистине великое бесчестие – человеку дойти до такого безумия; впрочем, будем исследовать дело по общему суждению. Таким образом, не было у него недостатка ни в чем, что нужно для славы человеческой, и все служили ему, как богу. Теперь, если угодно, в противоположность ему представим Павла. Он был киликиянин; а какая разница между Киликиею и Римом, все знают; был кожевник, бедный, неопытный в мирской мудрости, умевший говорить только по-еврейски, на языке, презираемом всеми, и в особенности италийцами, которые не столько презирают людей, говорящих на языке варварском, или греческом, или каком-нибудь другом, как – на сирском; а еврейский язык имеет с ним большое сходство. И неудивительно, что они презирали этот язык; если они презирают чудный и прекрасный язык греческий, то тем более еврейский. (Павел) был человек, часто терпевший голод, ложившийся спать без укрепления пищею, не имевший одежды, чем бы прикрыться, живший, как он сам говорит, **"на стуже и в наготе"** (2 Кор.11:29), при том бывший в узах, в которые он заключен был, по приказанию того же (Нерона), вместе с разбойниками, волшебниками, расхитителями гробниц, убийцами, и был наказываем, как злодей, о чем он сам говорит (2 Тим.2:9). Кто же из них славнее? Того многие не знают даже по имени, а этого не прославляют ли ежедневно и эллины, и варвары, и скифы, и живущие у самых пределов вселенной? Впрочем, не будем говорить о том, что есть теперь, и исследуем то, что было тогда. Кто из них был знаменитее? Кто славнее? Тот ли, кто в цепях и оковах был влеко из темницы, или тот, кто в порфире выступал из царских чертогов? Конечно, узник. Почему? Потому, что тот, и имея войско и сидя в блестящей одежде, не мог сделать всего того, чего хотел; а этот узник, заключенный как злодей и одетый в бедную одежду, самовластно делал все. Как и каким образом? Тот говорил: не сей слова благочестия; а этот отвечал: не перестану сеять, потому что **"для слова Божия нет уз"** (2 Тим. 2:9); и киликиянин, узник, скинотворец, бедняк, терпевший голод, противился римлянину, богатому, царствовавшему, повелевавшему всеми, раздававшему тысячи тысячам, – и последний, при всем множестве своего войска, не мог ничего сделать. Кто же из них был славнее? Кто достойнее уважения? Побеждающий ли в узах, или побеждаемый в порфире? Стоявший ли внизу и низвергающий, или сидевший вверху и низвергаемый? Повелевавший ли и встречающий презрение, или получавший повеления и необращающий на них никакого внимания? Бывший ли одиноким и побеждающий, или окруженный бесчисленным войском и побеждаемый? Царь отступил, а узник воздвиг над ним трофей победы. Скажи же мне: в котором из этих двух положений всякий желал бы находиться? Не говори мне о последствиях, но рассмотри пока самые положения: в котором из них всякий желал бы находиться – Павловом, или Нероновом? Не говорю по отношению к вере, – это очевидно, – но по отношению к славе, знаменитости, знатности. Всякий здравомыслящий сказал бы: в Павловом. Если побеждать славнее, нежели быть побежденным, то он славен; и не то еще важно, что он победил, но то, что, будучи в таком состоянии (как Павел), он победил находившегося в таком состоянии (как Нерон). Так, опять скажу и не перестану говорить, заключенный в оковы победил облеченного в диадему!

4. Такова сила Христова: узы победили царский венец, и первые оказались славнее последнего. (Павел) был одет в нечистое рубище, как живший в темнице, но узы, которыми он был связан, привлекали всех более порфиры; он сидел на земле, в заключении и с поникшею головою, но все стекались слушать его, оставив того, кто сидел на золотой колеснице. И справедливо. Дело обыкновенное – видеть царя, сидящего на белом коне; но необыкновенно и поразительно – видеть узника, отвечающего царю с таким дерзновением, с каким царь – бедному и жалкому рабу. Множество народа стояло

вокруг, и все были слуги царя, но удивлялись не владыке своему, а тому, кто победил их владыку; один он попирал ногами того, кого все боялись и трепетали. Вот, какова слава его в самых узах! А что сказать о последующем? Неизвестна и гробница одного (Нерона), а другой (Павел) лежит славнее всех царей в той самой столице, где он одержал победу, где воздвиг трофей. О том, если и вспомнит кто-нибудь даже из близких к нему, то с отвращением, – он, говорят, был и развратник, – а об этом вспоминают с похвалами везде, не только между нами, но и между самими врагами. Когда истина воссияла, то и враги не могут упорствовать, но удивляются, если не вере (Павла), то его дерзновению, его мужеству. Этого уста всех и везде провозглашают, превознося похвалами, а того осыпают хулами и порицаниями. Кто же из них славен? Впрочем, я незаметным образом стал хвалить льва по ногтям его, вместо того, чтобы говорить о том, что действительно достойно хвалы. Что же это такое? То, что будет на небесах, – как (Павел) явится с Царем небесным, в светлом виде, и как Нерон будет стоять тогда печальный, с поникшею головою. Если слова мои тебе кажутся невероятными и смешными, то смешон ты сам, смеющийся над тем, что достойно не смеха. Если ты не веришь будущему, то поверь тому, что уже совершилось: еще не пришло время венцов, и, однако, этот подвижник уже удостоился такой чести; какой же он сподобится славы, когда придет Подвигположник? Он был странником среди чужих, странником и пришельцем, и заслужил такое удивление: какого же блага не получит он, когда будет между своими? **"Жизнь ваша сокрыта со Христом в Боге"** (Кол.3:3), и однако умерший действует и почитается более живых: чего же не получит он, чего не достигнет, когда придет самая жизнь наша? Для того-то Бог и удостоил его здесь такой чести, а не потому, чтобы он имел в ней нужду, – ведь если он еще в телесной жизни презирал славу от людей, то гораздо более по разлучении с телом. И не потому только Бог удостоил его такой чести, но и для того, чтобы неверующие будущему удостоверяться в том, по крайней мере, из настоящего. Я говорю, что Павел придет с Царем небесным, когда будет воскресение, что он сподобится наслаждения бесчисленными благами; но неверующий не верит; пусть же он поверит этому из событий настоящих. Скинотворец славнее царя, в большей чести, нежели царь; никакой римский царь не удостоивался такой чести; царь лежит где-то за городом, а он (Павел) занимает средину города, как бы царь и при том живой. Поэтому поверь и будущему. Если здесь, где он был гоним и преследуем, он удостоился такой чести, то что будет тогда, когда он явится опять? Если там, где он был скинотворцем, он сделался столь славным, то, что будет тогда, когда он придет в блеске солнечных лучей? Если после такого уничтожения он достиг такого величия, то чего он не достигнет, когда придет опять? Невозможно отвергать совершившегося на деле. Кого не убедит то, что скинотворец сделался славнее того, которому удивлялись больше всех царей? если здесь совершилось событие сверхъестественное, то тем более совершится в будущем. Поверь же, человек, настоящему, если не хочешь верить будущему; поверь видимому, если не хочешь верить невидимому; или лучше сказать: поверь видимому, и ты поверишь невидимому. Если же не хочешь, то благовременно нам сказать слова апостола: чисты мы от крови вашей; мы преподали вам все, и не опустили сказать ничего, что следовало (Деян.20:26); сами вы виноваты, если сделаете себя достойными наказания в геенне. Будем же, возлюбленные дети, подражать Павлу не по вере только, но и по жизни; будем презирать здешнюю славу, чтобы получить славу небесную. Пусть ничто настоящее не увлекает нас; будем презирать блага видимые, чтобы получить блага небесные, или лучше, чтобы чрез последние получить и первые, имея впрочем, в виду преимущественно – достигнуть благ небесных, которых да сподобимся все мы.

БЕСЕДА 5

"Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем; если отречемся, и Он отречется от нас; если мы неверны, Он

пребывает верен, ибо Себя отречься не может. Сие напоминай, заклиная пред Господом не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих" (2 Тим.2:11-14).

1. Многие из людей слабых отказываются от подвига веры и не переносят нескорого исполнения надежды, но стремятся к благам настоящим и по ним судят о будущих. Когда здесь предстояли смерть, мучения, узы, а (Павел) говорил своим слушателям, что они пойдут в жизнь вечную, то иной мог не верить и сказать: что ты проповедуешь, – каким образом, когда я живу, тогда умираю, и когда умру, тогда буду жить? На земле ты не обещаешь мне ничего, и предоставляешь на небе? Не даешь малого, и обещаешь великое? Поэтому, чтобы никто не думал так, (апостол) представляет несомненное тому доказательство. Он уже и прежде утверждал это и приводил свидетельства, – именно слова: **"Помни Господа Иисуса Христа, воскресшего из мертвых"** (2 Тим. 2:8) означают то, что Он воскрес после смерти, – и теперь опять объясняет то же и говорит: **"верно слово"**, что имеющий жизнь небесную получит и вечную. Почему **"если мы с Ним умерли"**, – говорит, – **"то с Ним и оживем"**. В самом деле, скажи мне, если мы участвуем со Христом в скорбях и страданиях, то ужели не будем участвовать с Ним в благах? Этого не сделал бы и человек, – чтобы, достигнув покоя, не принять в общение с собою того, кто решился вместе с ним страдать и умереть. Когда же мы умерли вместе (с Христом)? (Апостол) говорит о смерти, как посредством купели крещения, так и посредством страданий. Так он говорит: **"носим в теле мертвость Господа"** (2 Кор.4:10); еще: **"погреблись с Ним крещением в смерть"** (Рим.6:4); и еще: **ветхий наш человек распят с Ним** (Рим.6:6); и еще: **"соединены с Ним подобием смерти Его"** (Рим.6:5). Здесь же он говорит и о смерти посредством искушений, и преимущественно об ней, так как он находился в искушениях, когда писал это. Смысл слов его следующий: если ради Него мы умерли, то ужели не оживем ради Него? В этом нет сомнения. **"Если терпим"**, – говорит, – **"то с Ним и царствовать будем"**. Не сказал просто: воцаримся, но: **"если терпим"**, показывая, что недостаточно умереть однажды, – сам этот блаженный умирал ежедневно, – а нужно иметь много терпения, которое особенно необходимо было Тимофею. Не ссылайся, говорит, на прежние страдания, а скажи, терпишь ли ты постоянно. Затем предлагает ему увещание с другой стороны, не со стороны добрых людей, но и злых. Если бы и злые могли сделаться участниками того же (что ожидает добрых), то это не было бы утешением; и если бы терпевшие должны были воцариться со Христом, а нетерпевшие получили бы только то наказание, что не воцарились бы с Ним, то, хотя и это страшно, но для многих не было бы достаточною угрозою. Поэтому он и говорит нечто более страшное: **"если отречемся, и Он отречется от нас"**. Следовательно, воздаяние постигнет не только добрых, но и злых. Представьте же, что будет терпеть тот, кто отвержен будет в царствии его. **"А кто отречется от Меня"**, – говорит Он, – **"отрекусь от того и Я"** (Мф.10:33). Воздаяние не равно делу преступления, хотя, по словам его, и кажется так. Мы, отрекающиеся от Него, – люди, а Он – Бог; нужно ли говорить, какое расстояние между Богом и людьми?

2. С другой стороны, таким отречением мы вредим себе, а отнюдь не Богу, и не можем (вредить ему). Потому-то (апостол), объясняя это, и продолжает: **"если мы неверны, Он пребывает верен, ибо Себя отречься не может"** – т. е., если мы не верим, что Он воскрес, то Он не терпит от этого никакого вреда; Он истинен, Он неизменен, будем ли мы исповедывать его, или не будем. Если же Он не терпит никакого вреда, когда мы отрекаемся от Него, то значит, что Он требует исповедания нашего не для чего иного, как для нашей же пользы. Он пребывает одним и тем же, отрекаемся ли мы от Него, или не отрекаемся: **ибо "Себя отречься не может"**, т. е. отречься от того, что Он есть. Мы можем говорить, что его нет, хотя на деле и не так. Он, по существу своему, не может не быть; это невозможно, т. е. ему невозможно обратиться в небытие; Он всегда пребывает, всегда

существует по естеству Своему. Итак, не будем думать, будто мы можем сделать Ему одолжение или повредить Ему. Далее, чтобы кто не подумал, что Тимофей имел нужду в таких (внушениях), (апостол) присовокупляет: **"Сие напоминай, заклиная пред Господом не вступать в словопрения, что нимало не служит к пользе, а к расстройству слушающих"**. Страшно – говорить, приводя во свидетели Бога, потому что, если никто не решится изменить, призвав во свидетели человека, то тем более – Бога. Например, если кто составит договор, или завещание, призвав достоверных свидетелей, то кто осмелится приписать их кому-нибудь другому, постороннему? Никто; а если бы и захотел, то остережется, опасаясь достоверности свидетелей. Что значит: **"заклиная"**? Значит – призывая Бога во свидетели своих слов и действий. **"Не вступать в словопрения"**; и не поэтому только, но и **"к расстройству"**, – говорит, – **"слушающих"**. Отсюда не бывает не только никакой пользы, но и великий вред. Итак, **"Сие напоминай"**, если же слушатели будут пренебрегать, то Бог им судья. А для чего Он увещевает не **"вступать в словопрения"**? Он знал, что это дело обыкновенное и что человеческая душа всегда склонна к состязанию и словопрению. Чтобы этого не было, он не просто говорит: **"Не вступать в словопрения"**, но употребляет более страшное выражение, присовокупляя: **"к расстройству слушающих"**. **"Старайся представить себя Богу достойным, делателем неукоризненным, верно преподающим слово истины"** (ст. 15). Везде он увещевает избегать стыда. Почему же он так часто упоминает о стыде? Потому, что многие могли стыдиться и самого Павла, как skinотворца, и учения христианского, которого учителя терпели мучения: Христос был распят, его (Павла) ожидало отсечение головы, Петр был пригвожден ко кресту вниз головою, и при том терпели это от людей ничтожных и презренных. Так как подобные люди господствовали, то (апостол) и говорит: не постыдись, т. е. нисколько не стыдись делать все, что относится к благочестию, хотя бы тебе за это надлежало подвергнуться рабству, или потерпеть что-нибудь другое. А как сделаться **"достойным"**? Будучи **"делателем неукоризненным"**. Как (всякий) делатель трудится, не стыдясь ничего, так должен поступать и делатель евангелия; он должен быть готовым на все. **"Верно преподающим слово истины"**. Хорошо (апостол) сказал это, потому что многие злоупотребляют и искажают слово истины, прибавляя к нему много неправого. Не сказал: управляющего, но: **"Верно преподающим"**, – т.е. отделяй неправое, и все тому подобное отражай и отсекай с великою силою; как бы по натянутой нити отсекай мечом духовным все излишнее и чуждое проповеди. **"А непотребного пустословия удаляйся"** (ст. 16), потому что этим дело не ограничится; но когда привнесено что-нибудь новое, то оно постоянно порождает новые разделения; без конца блуждает тот, кто вышел из тихой пристани, и нигде не остановится. **"Еще более будут"**, – говорит, – **"преуспевать в нечестии, и слово их, как рак, будет распространяться"** (ст. 17). Это – неуправляемое зло, которое не может быть остановлено врачеванием, но заражает все. (Апостол) внушает, что пустословие есть болезнь, и даже хуже болезни; выражает также неисправимость подобных людей; они заблуждаются не случайно, а добровольно, и потому совершенно неисправимы. **"Таковы"**, – говорит, – **"Именей и Филит, которые отступили от истины, говоря, что воскресение уже было, и разрушают в некоторых веру"** (ст. 18). Хорошо он сказал: **"будут преуспевать"**. По-видимому, – это зло только само по себе; но посмотри, какие отсюда происходят последствия. Если воскресение уже было, то отсюда для нас не только тот вред, что мы лишились великой славы, но уничтожаются и суд и воздаяние; если воскресение уже было, то было и воздаяние; добрые, следовательно, не получили вознаграждения за скорби и страдания, а злые не наказаны, и хорошо, что они жили в удовольствиях. Лучше было сказать, что нет воскресения, нежели – что оно уже было. **"И разрушают"**, – говорит, – **"в некоторых веру"**. Не всех, а **"в некоторых"**, если воскресения нет, то и вера разрушена: **"если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна"**, и Христос не воскрес (1 Кор.15:13,14); а если Он не воскрес, то и не родился и не восходил на небеса. Видишь ли, как противление, по-видимому, одному только учению

о воскресении влечет за собою много дурных последствий? Что же, скажешь, ужели не нужно делать ничего с колеблющимися (в вере)? **"Но твердое основание"**, – говорит (апостол), – **"Божие стоит, имея печать сию: "познал Господь Своих"; и: "да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа"** (ст. 19).

3. Здесь показывается, что они не были тверды еще прежде, нежели поколебались; иначе не поколебались бы от первого же нападения, – подобно как Адам не был тверд прежде искушения. Твердые не только ничего не терпят от обольстителей, но еще заслуживают удивления. **"Твердое"**, – говорит, – **"основание"**. Так нужно быть предану вере. **"Имея печать сию: "познал Господь Своих"**. Что это значит? Апостол заимствовал это из Второзакония[1]. Оно значит: твердые души стоят твердо и неподвижно. А из чего это видно? Из того, что такие слова начертаны на делах их, что Бог знает их и не попускает погибнуть, что они удаляются от неправды. **"Да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа"**. Вот признаки основания! Такой человек является как бы твердым основанием. Подобно тому, как на камне делается надпись, чтобы она была признаком его, эта надпись у него выражается в делах. **"Имея"**, – говорит, **начертанною печать сию: "да отступит от неправды всякий, исповедующий имя Господа"**. Следовательно, кто делает неправду, тот не имеет этого основания; и признак этой печати – не делать неправды. Итак, не будем лишать себя этой царской печати и знака, чтобы нам не остаться незапечатленными и непрочными, но стоять на основаниях, и на твердых основаниях, и не увлекаться. Вот признак людей, принадлежащих Богу, – удаляться от неправды! Как Богу, Который праведен, может принадлежать тот, кто делает неправду, противится ему своими делами и оскорбляет его своими поступками? Но опять мы осуждаем неправду и опять возбуждаем против себя множество недовольных. Страсть, как бы какой тиран, овладела душами всех, и – вот что страшно – овладела не принуждением или насиланием, но убеждением и увлечением, так что они же бывают благодарны за такое рабство.

Это поистине страшно, потому что если бы они были удерживаемы насиланием, а не привязанностью, то скоро отстали бы. И отчего представляется приятным то, что само по себе весьма неприятно? Напротив, отчего правда представляется неприятною, тогда как она весьма приятна? Зависит это от наших чувствований. Так некоторые и мед находили горьким, а другое что-нибудь вредное принимали с удовольствием; причина – не в существе вещей, а в испорченности самих людей дурных. Подумай о судилище в нашей душе. Как весы неверно показывают тяжесть взвешиваемых вещей, когда отвес не утвержден надлежащим образом, так и душа не может хорошо судить о вещах, но колеблется и увлекается, когда отвес ее помыслов не утвержден и не прикреплен прочно к закону Божию. Если посмотреть внимательно, то можно видеть, что неправда очень горька, не только для тех, которые терпят от нее, но и для тех, которые делают ее, и гораздо более для последних, нежели для первых. Не станем говорить уже о будущем, а скажем только о настоящем. Не сопровождают ли ее тяжбы, суды, осуждение, зависть, злословие? Что может быть неприятнее этого? Не сопровождают ли ее ненависть, вражда, укоризны, непрестанные терзания и угрызения совести? Я желал бы, если бы можно было, извлечь из тела душу человека несправедливого, – и ты увидел бы, как она бледнеет, дрожит, стыдится, тревожится и осуждает сама себя. В какую бы глубину зла мы ни впали, судия души нашей не истребляется, но остается неподкупным, и никто прямо не скажет, что неправда есть добро, но выдумывает предлоги и употребляет все меры, чтобы, по крайней мере, словами оправдать себя; но оправдания от совести получить он не может. Между нами и красноречие, и подкупность правителей, и множество льстецов могут помрачить истину; но внутри – в совести – нет ничего такого, нет льстецов, нет денег для подкупа судьи. Этот судия внедрен в нас Богом от природы; а то, что от Бога, не может терпеть ничего такого.

4. Напротив, и неприятные сны, и призраки, и постоянное воспоминание о сделанном зле возмущают тогда покой наш. Например, присвоил ли кто-нибудь несправедливо дом другого? Тогда страдает не только лишившийся, но и присвоивший, если он уверен в (будущем) суде; если он уверен в этом, то сильно скорбит и плачет; если же не верит в будущее, то и тогда стыдится и краснеет. Впрочем, нет человека, который не боялся бы суда, будет ли он язычник, или иудей, или еретик. Если он не думает о будущем, то боится и трепещет за здешнее, чтобы не испытать несчастья в деньгах, или в детях, или в домашних, или в душе, потому что много подобного посылает Бог. Так как учение о воскресении не может образумить всех, то Бог еще здесь дает и являет нам много знаков Своего правосудия. Такой-то корыстолюбец не имел детей, такой-то пал на войне, иной был изувечен, другой потерял сына. Все это он знает и представляет себе, и потому находится в постоянном страхе. Или вы не знаете, как страдают люди несправедливые, и как это неприятно? Если бы даже они и не испытывали ничего такого, то не все ли презирают их? Не все ли ненавидят? Не все ли отворачиваются? Не все ли называют их безумнейшими диких зверей, даже и сами (подобные им) нечестивцы? Если они осуждают самих себя, то еще более другого, называя его хищником, корыстолюбцем, злодеем. Что же приятного в корыстолюбии? Ничего, кроме того, что увеличивается беспокойство о сохранении богатства, умножаются заботы и печали; чем больше кто накапливает богатства, тем сильнейшую навивает себе бессонницу. А что сказать о проклятиях и жалобах обиженных? Что, если случится болезнь? Нет, подлинно нет человека, который бы, находясь в болезни и не имея возможности сделать что-нибудь, не беспокоился и не мучился, хотя бы он был безбожнейшим из всех. Пока мы живем здесь, сладострастная душа чуждается всего прискорбного; а когда наступает ей время разлучиться с телом, тогда великий страх овладевает ею, как бы вступающею в самое преддверие судилища. И разбойники, пока остаются в темнице, живут без страха, а когда приведут их к самой завесе (на место суда), тогда они теряются от страха. Действительно, когда наступит страх смерти, то он, как огонь, пожигает все другое и заставляет душу образумиться и позаботиться о будущем; ею уже не владеет тогда ни желание богатства, ни страсть корыстолюбия, ни сладострастие; все это проходит как облако, внутренний судья делается чистым, и объявляя душу скорбь смягчает ее ожесточение. Ничто так не препятствует любомудрию, как жизнь в удовольствиях; напротив скорбь способствуете любомудрию. Представь, что будет тогда с корыстолюбцем. "**Минутное страдание**", – говорит (Премудрый), – "**производит забвение утех**" (Сир.11:27). Каково ему будет вспомнить об ограбленных им, обиженных, пострадавших от его любостязания? Каково будет видеть, как другие наслаждаются корыстью, а он сам готовится к принятию казни? Невозможно, поистине невозможно, чтобы впавший в болезнь не подумал об этом; часто в таких случаях душа, потерявшись и мучась, содрогается. Какова же, скажи мне, эта мука? Она необходимо бывает при всякой болезни. А чего не вытерпит он, увидев, как наказываются другие, как они умирают? И это здесь; а что будет там, невозможно и выразить словами, какое там будет воздаяние, какие наказания, какие мучения, какие терзания. Потому мы говорим: "**кто имеет уши слышать, да слышит**" (Лук.8:8)! Мы часто говорим об этом, не желая говорить об этом часто, но будучи к тому вынуждены. Мы хотели бы, чтоб нам не было необходимости и начинать речь об этом; если же невозможно не начинать ее, то, по крайней мере, хотели бы малым лечением избавить вас от болезни и возвратить к здоровью; но когда вы упорствуете в болезни, то было бы низко и жалко оставить лечение, даже было бы жестоко и бесчеловечно. Если врачей, отчаивающихся в исцелении тела, мы просим и говорим им: не оставляйте нас, не переставайте употреблять свои меры до самого последнего вздоха, – то не тем ли более мы должны побуждать самих себя? Может быть, иной, уже дошедши до самых врат ада и до преддверия самой глубины зол, будет в состоянии опомниться, восстать, укрепиться и получить жизнь вечную. Сколько людей, выслушав увещания десять раз, не приходят в чувство раскаяния, а потом обращались от одного увещания? Или, лучше сказать, не от одного, потому что хотя они

оставались нечувствительными при прежних десяти, однако получали от них пользу и потом зараз показали весь плод. Дерево, получив десять ударов и не упавши от десяти, вдруг все падает от одного, потом нанесенного, удара; но собственно не от одного, а от десяти происходит следствие последнего удара; кто смотрит на корень, тот видит это, а кто смотрит сверху на ствол, тот ничего такого видеть не может. Так и здесь. И врачи часто дают множество лекарств, не принося пользы, а потом кто-нибудь, давши свое лекарство, исправляет все; но это не есть дело его одного, а также и прежних, уже подействовавших на болезнь. Так и мы, если не покажем плодов слушания ныне, то покажем после; а что мы покажем их, в этом я совершенно уверен. Невозможно, поистине невозможно, чтобы осталась бесплодною такая любовь, такая ревность ваша к слушанию, – да не будет этого, но все мы, удостоившиеся слышать заповеди Христовы, да сподобимся вечных благ.

[1] Нужно: Числ. 16:5.

БЕСЕДА 6

"А в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные; и одни в почетном, а другие в низком употреблении. Итак, кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке, годным на всякое доброе дело" (2 Тим.2:20,21).

1. Многих и теперь еще смущает вопрос: почему остаются, а не погибают злые люди? Есть на это много и других причин, напр. – чтобы они покались, чтобы для других были примером наказания; но здесь Павел представляет причину, близкую к предмету его речи:[1] "**в большом доме**", – говорит, – "**не только золотые и серебряные, но и деревянные и глиняные**". Этим он выражает, что как в большом доме обыкновенно бывают весьма различные сосуды, так и здесь, во всей вселенной; не о Церкви он говорить, но о всем мире. Не разумея здесь Церкви; он не желает, чтобы в ней был какой-нибудь сосуд деревянный или глиняный, но чтобы все были золотые и серебряные там, где тело Христово, где чистая дева, не имеющая скверны или порока. Смысл слов его следующий: не смущайся, что есть люди злые и нечестивые; и в большом доме бывают разные сосуды. Что же? Они, говорит, пользуются не одинаковой честью, но одни в почетном употреблении, а другие в низком. Но, скажешь, в доме и последние сосуды служат для какого-нибудь употребления, а (злые люди) в мире не так? Нет, и им Бог дает, если не такое, то другое употребление, – например, тщеславный многое строит, человек любостыжательный, купец, торговец, начальник – у всех их есть в мире дела, им свойственные. Золотой же сосуд не служит ни к чему подобному, но употребляется за царским столом. Итак, не то (апостол) говорит, что зло необходимо, – нет, – но что и злые имеют свое дело. Если бы все были золотыми и серебряными, то в тех не было бы нужды; например, если бы все были выносливы, то не было бы нужды в зданиях; если бы все чуждались сластолюбия, то не было бы нужды в изысканных кушаньях; если бы все заботились только о необходимом, то не было бы нужды в великолепных жилищах. "**Кто будет чист от сего, тот будет сосудом в чести**". Видишь ли, что быть золотым или глиняным зависит не от природы или вещественной необходимости, а от нашей воли? В природе глиняный сосуд не может сделаться золотым, и золотой не может сделаться столь низким, как глиняный; а здесь (в душах людей) бывает великая перемена и превращение. Павел был глиняным сосудом, но стал золотым; Иуда был золотым сосудом, но стал глиняным. Таким образом, нечистота делает людей глиняными; прелюбодей,

корыстолюбец – глиняные. Как же (апостол) говорит в другом месте: **"сокровище сие мы носим в глиняных сосудах"** (2 Кор.4:7), и, следовательно, не унижает глиняного сосуда, но воздает ему честь, признавая его способным вмещать в себе сокровище? В этом месте он указывает на самую природу, а не на вид вещества. Смысл слов его следующий: тело наше глиняный сосуд; как глиняный сосуд не что иное, как обожженная глина, так и тело наше не что иное, как земля, скрепляемая теплотою души. А что оно глиняный сосуд, это очевидно: как глиняный сосуд, упавши, разбивается и рассыпается, так и тело, подвергшись смерти, разрушается. Чем отличаются от черепков наши кости, которые также тверды и сухи? Чем отличается плоть от глины? Разве и она не из воды? Почему же там, как я сказал, (апостол) не унижает скудельного сосуда? Там он говорит о природе (нашего тела), а здесь о свободной воле. **"Кто"**, – говорит, – **"будет чист от сего"**; не сказал: будет очищать, но: **"будет чист"**, т. е. очистит совершенно. **"Тот будет сосудом в чести, освященным и благопотребным Владыке"**. Следовательно, те сосуды негодны, хотя и служат к некоторому употреблению. **"Годным на всякое доброе дело"**. Хотя он еще и не делает, но он пригоден, способен. Итак, должно быть готовым на все, даже на смерть, даже на мученичество; должно приготовиться и к девству, и ко всему подобному. **"Юношеских похотей убегай"** (ст. 22). Юные – это похоти не только соединенные с блудом, но всякое неуместное пожелание есть **"юношеская похоть"**. Пусть выслушают это старцы: им не должно делать того, что свойственно юношам. Гневлив ли кто-нибудь, или властолюбив, или корыстолюбив, или сластолюбив, или предан чему-либо, другому подобному, – все это юношеская, безрассудная похоть, свойственная нетвердому сердцу и не глубокому, но легко увлекающемуся разуму. Итак, чтобы никто не предавался этому, что внушает (апостол)? Юношеских мечтаний убегай; **"а держись правды, веры, любви, мира со всеми призывающими Господа от чистого сердца"**. **"Правдою"** он называет вообще добродетель, благочестие в жизни, веру, любовь, кротость. Что значит: **"со призывающими Господа от чистого сердца"**? Он как бы так говорит: доверяй не всем призывающим (Господа), но только таким, которые призывают его непритворно, нелицемерно, не имеют никакого коварства, приступают с миром, не склонны к распрям; с ними сообщайся; с другими же не следует быть кротким, но – только соблюдать мир, сколько зависит от тебя самого. **"От глупых и невежественных состязаний уклоняйся, зная, что они рождают ссоры"** (ст.23).

2. Видишь ли, как (апостол) везде отклоняет (Тимофея) от состязаний? Это не потому, чтобы он не был способен опровергать их; он был способен; а если бы не был, то сказал бы ему: старайся сделаться способным к опровержению их, – подобно тому, как он сказал: **"Вникай в себя и в учение; ибо, так поступая, и себя спасешь и слушающих тебя"** (1 Тим.4:16). Но (апостол) знал, что совершенно бесполезно и вступать в такие состязания, и что они оканчиваются ничем иным, как ссорой, враждой, оскорблением и злословием. Таких состязаний отрицайся. Следовательно, есть и другие состязания, напр., касательно Писаний и тому подобных предметов. **"Рабу же Господа не должно ссориться"** (ст. 24). Не должно ссориться и при состязании: рабу Божию должно быть далеким от ссор. Если Бог есть Бог мира, то раб Бога мира как может ссориться? **"Но быть приветливым ко всем. Рабу же Господа"**, – говорит, – **"не должно ссориться, но быть приветливым ко всем"**. Почему же он говорит: **"обличай их со всякою властью"** (Тит.2:15); и здесь опять: **"Никто да не пренебрегает юностью твоею"** (1 Тим.4:12); и еще: **"обличай их строго"** (Тит.1:13)? Потому, что и это – дело кротости. Сильное обличение, когда оно делается с кротостию, особенно может трогать. Гораздо скорее можно тронуть кротостию, нежели пристыдить строгостию. **"Учительным"**, т. е. для всех, желающих учиться, так как он же говорит: **"Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся"** (Тит.3:10). **"Незловивым"**. Хорошо прибавил он это: учителю особенно нужно иметь незлобие; иначе все будет тщетно. Если рыболовы, часто и целый день бросая сети и ничего не поймав, не приходят в отчаяние, то тем более (не должно отчаиваться) нам. Смотри, в

самом деле, что бывает. Часто случается, что плуг слова, действуя непрерывным внушением, входит во глубину души и истребляет овладевшую ею страсть. Кто слушал тысячу раз, тот должен что-нибудь почувствовать; невозможно, чтобы человек, слушая непрерывно, нисколько не почувствовал. Таким образом, может случиться, что человек, уже готовый убедиться, потеряет все от нашего нетерпения, и произойдет то же, как если бы кто-нибудь, неискусный в земледелии, насадив виноград и окопав его в первый год, и во второй, и в третий в надежде получить плоды, но не получив их и потеряв надежду по прошествии трех лет, оставил бы его в четвертый год, именно тогда, когда должен был получить воздаяние за труды свои. Сказав: **"незловивым"** (апостол) не довольствуется этим, но присовокупляет: **"с кротостью наставлять противников"** (ст. 25). Здесь особенно нужно учителю поступать с кротостию; душа, имеющая нужду в наставлении, не может принять что-нибудь полезное, когда оно преподается со строгостию и бранью, и хотя готова слушать, но, будучи приведена в недоумение, не усвоит ничего. Тот, кто хочет научиться чему-нибудь полезному, прежде всего, должен быть расположен к учителю; если же это предварительно не устроено, то не может произойти ничего надлежащего или полезного; никто не может быть расположен к человеку, который сердится и бранится. А как же (апостол) говорит: **"Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся"**? Это он говорит о человеке неисправимом, о котором известно, что он болен неизлечимо. **"Не даст ли им Бог покаяния к познанию истины, чтобы они освободились от сети диавола, который уловил их в свою волю"** (ст. 26). Смысл этих слов следующий: может быть, и будет какое-либо исправление. Выражение: может быть – употребляется о предметах неизвестных в точности; следовательно, нужно отступить только от тех людей, о которых мы можем точно сказать и о которых мы убеждены, что они не исправятся, какие бы меры ни были употребляемы. **"С кротостью"**, – говорит. Видишь ли, как должно приступать к желающим научиться, и не нужно оставлять собеседования с ними прежде их убеждения? **"Который уловил их в свою волю"**. Хорошо сказал: **"Который уловил"**, потому что они пока еще плавают в заблуждении. Заметь, как он научает смиренномудрию, Не сказал: может быть, ты будешь в состоянии, но: **"Не даст ли им Бог, чтобы они освободились"**, если и произойдет что-нибудь, все принадлежит Господу; ты насаждаешь, ты поливаешь, а Он сеет и устроит плодприношение. Поэтому не будем думать, будто мы сами убедили кого-нибудь, хотя бы и убедили. **"Который уловил"**, – говорит, – **"их в свою волю"**. Это нужно разуметь не об учении только, но и о жизни, так как воля Божия та, чтобы мы жили праведно. Некоторые по жизни своей находятся в сети диавола: и о таких людях не должно отчаиваться. **"Чтобы они освободились"**, – говорит, – **"от сети диавола, который уловил их в свою волю"**. Слова: не даст ли выражают великое долготерпение; а не исполнять волю Божию значит быть в сети диавольской.

3. Как воробей, хотя бы он не всем телом попал в сеть, но только одною частию, напр., ногою, находится во власти поставившего сеть, так и мы находимся во власти диавола, хотя бы уловлены были им не всецело – и по вере, и по жизни, но только по жизни. **"Не всякий, говорящий Мне "**, – говорит Христос, – **"Господи! Господи!", войдет в Царство Небесное"**; и еще: не знаю **"вас; отойдите от Меня, делающие беззаконие"** (Мф.7: 21, 23). Видишь ли, что вера не доставляет нам никакой пользы, если нас не знает Владыка? И девам то же сказано: **"не знаю вас"** (Мф.25:12). Какая же им польза от девства и многих подвигов, если их не знает Владыка? И во многих местах мы находим, что люди, нисколько не осуждаемые за веру, наказываются только за порочную жизнь; и, напротив, иногда люди, нисколько не осуждаемые за жизнь, погибают за неправое учение потому, что то и другое держится взаимно. Видишь ли, что мы находимся в сети диавольской, когда не исполняем воли Божией? И не только за всю жизнь, но и за один порок люди часто ввергаются в геенну, если у них нет других равносильных добрых дел. Так и девы были осуждены не за блуд, или прелюбодеяние, или зависть, или вражду, или

пьянство, или неправоверие, но за недостаток елей, т. е. за то, что не творили милостыни: это именно значит елей. И те осужденные, которым сказано: **"идите от Меня, проклятые, в огонь вечный"**, также были обвиняемы не в чем-нибудь подобном, но в том, что не напитали Христа. Видишь ли, что и один недостаток милосердия может ввергнуть в огонь гееннский? К чему, скажи мне, будет годен тот, кто не творит милостыни? Ты постишься каждый день? Но и те девы постились, однако не получили отсюда никакой пользы. Молишься? Но что в этом? Без милостыни и молитва бесплодна. Без нее все нечисто, все бесполезно; без нее теряется большая часть добродетели. **"Не любящий брата своего"**, – говорит (апостол), – **"не познал Бога"** (1 Ин.3:10;4:8); как же ты любишь его, если не хочешь поделиться с ним чем-нибудь из этих малых и ничтожных благ? Ты соблюдаешь, скажи мне, целомудрие? Почему? Потому ли, что боишься мучений? Нет, но потому, что таков ты от природы; если бы ты соблюдал целомудрие по страху мучений, преодолевая такое побуждение и такое насилие (природы), то ты гораздо более мог бы творить милостыню. Ведь не все равно – обуздывать страсть к богатству, или к телесным удовольствиям; последнее гораздо труднее. Почему? Потому, что последнее – удовольствие естественное, посеянное и насажденное в нашем теле; а страсть к богатству не такова. Милосердие и сострадание – вот чем мы можем уподобиться Богу; а когда мы не имеем этого, то не имеем ничего. Не сказал (Господь): если станете поститься, то будете подобны Отцу вашему; не сказал: если станете соблюдать девство, или: если станете молиться, то будете подобны Отцу вашему. Все это не относится к Богу, и Бог не делает ничего такого. Но что? **"Будьте милосерды"**, – говорит, – **"как и Отец ваш милосерд, который на небесах"** (Лк.6:36). Это – дело Божее, если же ты не имеешь этого, то что же имеешь? **"Милости хочу"**, – говорит Он, – **"а не жертвы"** (Ос.6:6). Бог сотворил небо, сотворил землю, море, – велики эти дела и достойны его премудрости. Но ничем Он так не расположил к себе человеческий род, как милосердием и человеколюбием; и это – есть дело Его премудрости, силы и благодати, но гораздо более то, что Он сделался рабом. Не поэтому ли мы более удивляемся ему? Не поэтому ли более благоговеем пред Ним? И Бога ничто столько не располагает к нам, как милосердие. Об этом много говорят непрестанно все пророки. Говоря о милосердии, я понимаю не то, которое соединено с любостыжанием; это не милосердие. Корень терновника никогда не производил елей, но производит его корень масличного дерева; точно так и милосердия не рождает ни корень любостыжания, ни неправды, ни хищения. Не унижай милостыни, не подавай повода всем порицать ее. Если ты похищаешь для того, чтобы благотворить, то ничего не может быть хуже такой милостыни. Когда она происходит от хищения, то она не милостыня; это – какая-то жестокость и свирепость; это – оскорбление Бога. Если Каин так оскорбил Бога, принеся в жертву маловажнейшее из своей собственности, то как оскорбит его приносящий чужое? Приношение есть не что иное, как жертва, – очищение, а не осквернение. Ты не смеешь молиться с грязными руками; неужели же не считаешь страшным – приносить Богу грязь и нечистоту хищения? Рукам ты не позволяешь оставаться в грязи и нечистоте, но сначала очистишь их, а потом уже приносишь; между тем эта грязь не составляет никакого преступления, а та достойна осуждения и порицания.

4. Итак, будем заботиться не о том, чтобы молиться и приносить чистыми руками, но и о том, чтобы приносимое было чисто. Иначе будет смешно так же, как если бы кто, вымывши поднос, наполнил его нечистыми дарами: разве это не забавно и не смешно? Пусть будут чисты руки; а они будут чисты, когда мы омоем их не только водою, но наперед и правдою: вот что очищает руки. Если же мы наполнены неправды, то, хотя бы ты омывал руки тысячу раз, не будет никакой пользы. **"Омойтесь"**, – говорит (пророк), – **"очиститесь"** (Иса.1:16). И что? Прибавил ли он: идите на источники, ступайте в бани, на пруды и на реки? Нет, – но что? **"Удалите злые деяния ваши от очей Моих"**; это и значит: **"очиститесь"**. Вот что избавляет от нечистоты, вот истинная чистота! Чистота телесная не приносит большой пользы, а чистота душевная доставляет нам дерзновение

пред Богом. Ту могут иметь и прелюбодеи, и воры, и убийцы, и сластолюбивы, и развратники, и блудники, и блудницы, последние по преимуществу: они больше всех заботятся о чистоте тела, постоянно намащая себя миром и украшая гроб свой ("**уподобляетесь окрашенным гробам**" (Мф.23: 27)); ведь их тело – гроб, внутри которого – мертвая душа. Такую чистоту и они могут иметь; внутренней же – не могут. Не важное дело, если ты вымоешь тело: это – очищение Иудейское, пустое и бесполезное, если нет очищения внутреннего. Положим, что кто-нибудь страдает гниением или ранами внутри, и пусть он оmyвает свое тело; какая будет польза, какие последствия? Если же имеющий гниющую рану в теле не может получить пользы от омовения и очищения поверхности, то какую пользу мы можем получить от чистоты телесной, когда гниение находится в душе? Никакой. Наши молитвы должны быть чисты; но молитвы не могут быть чистыми тогда, когда они истекают из души нечистой. Ничто не делает души столь нечистой, как любостяжание и хищение. Между тем есть люди, которые, совершив днем тысячи злых дел, вечером, вымывшись, входят в церковь и с великим дерзновением протирают руки, как бы освободившись от всех нечистот в воде для омовения. Если бы действительно было так, то мыться каждый день было бы весьма полезно; если бы действительно было так, если бы баня делала человека чистым и избавляла от грехов, то и я посещал бы ее непрестанно. Это забавно и смешно; это – шутки и детские игрушки. Бог отвращается не от нечистоты тела, а от нечистоты души: послушай, что Он говорит: **Блаженны чистые сердцем – телом ли?** – нет, но – **"чистые сердцем, ибо они Бога узрят"** (Мф.5:8). А что говорит пророк? **"Сердце чистое сотвори во мне, Боже"** (Пс.50:12); и еще: **"Смой злое с сердца твоего"** (Иер.4:14). Видишь ли, как все это маловажно и бесполезно? Великое благо – иметь навык в добрых делах. Когда душа приобрела навык, то не оставляет его и не решается приступить к молитве, прежде нежели исполнить свое обычное дело. Например: мы привыкли мыться и потом уже молиться, так что, не вымывшись, не делаем этого, и скорее не станем молиться, нежели сделаем это с немывшими руками, как бы боясь оскорбить Бога и испытать угрызения совести. Если же такая маловажная привычка имеет такую силу, что непременно исполняется каждый день, то, приучив себя к милостыне и поставив себе постоянным правилом – никогда не входить с пустыми руками в дом молитвы, мы сделали бы доброе дело. Велика сила привычки и в добрых и в злых делах; она сама влечет нас, без всякого труда с нашей стороны. Многие имеют привычку – непрестанно полагать на себе крестное знамение, и им уже не нужно, чтобы кто-нибудь напоминал об этом, и часто бывает, что тогда как ум блуждает где-нибудь, рука, побуждаемая привычкою, как бы живым учителем, сама поднимается сделать это знамение. Некоторые приучили себя не клясться, так что не сделают этого ни волею, ни неволею. Приобретем же и мы себе привычку – творить милостыню. Какие не стоило бы предпринять труды, чтобы приобрести это врачество? В самом деле, скажи мне, если бы не было утешения в милостыне, то, как горько плакали бы мы, совершив множество грехов и сделав себя достойными наказания? Не говорили ли бы мы: все мы отдали бы, если бы деньгами можно было очистить грехи; не пощадили бы имущества, если бы деньгами можно было отвратить гнев Божий? Если мы поступаем так во время болезни и при смерти говорим: если бы можно было откупиться от смерти, мы отдали бы все свое имущество, – то тем более нужно – здесь. Но посмотри, каково человеколюбие Божие: Он дал тебе возможность – откупиться от смерти не временной, а от смерти вечной. Покупай, говорит Он, не эту краткую жизнь, но ту жизнь – вечную; ту Я продаю тебе, а не эту, и не обманываю тебя. Если ты возьмешь эту, то ничего не возьмешь; я знаю, что важна та жизнь. Не так поступают торговцы и продавцы жизненных припасов; они позволяют себе обманывать, кого хотят, и дают малое за большое. Но Бог поступает не так; Он за малое дает гораздо большее. Скажи мне: если бы ты пришел к торговцу, у которого лежат два камня – один дешевый, а другой драгоценный и составляющий значительное богатство, и, отдав цену за малый, получил бы большой, то стал ли бы ты осуждать торговца? Конечно, нет, а напротив стал бы удивляться ему. Так и здесь

предстоят две жизни – временная и вечная; продает их Бог; продает нам последнюю, а не первую; неужели же мы будем жалеть, подобно неразумным детям, что получаем драгоценнейшее? Но разве можно, скажешь, купить жизнь вечную деньгами? Да, когда мы отдаем свое, а не чужое, когда не похищаем у других. Но оно, скажешь, уже мое, Нет, похищенное не твое, а принадлежит тому, у кого похищено; оно чужое, хотя бы тысячу раз ты назывался его владельцем. Когда ты получаешь что-нибудь в залог, то, пока вверивший тебе находится в отсутствии, оно не твое, хотя и лежит у тебя. Если же то, что дается нам в залог вверяющими добровольно и с благодарностью, не есть наше, даже и тогда, когда находится у нас, то тем более не наше то, что мы похищаем у других насильно и против их воли. Он, другой – владелец этого имущества, хотя бы оно тысячу раз находилось у тебя. Истинно наше есть добродетель, а богатство не только чужое, но и наше – не наше; сегодня оно наше, а завтра не наше. Добродетель же – наша; она не отнимается, как имущество, но у всех, у кого есть, остается всецело. Будем же приобретать ее, а богатство презирать, чтобы получить нам истинные блага, которых да сподобимся все мы.

[1] Вместо слов: „здесь Павел... речи“, в одном рукописном кодексе читается: "Действительно, вследствие милосердия Божия, его долготерпения к беспечным, и предоставления им времени для покаяния и отрезвления, если бы они захотели, многие получили пользу и обратились, а равно и других привели ко спасению своим примером. Павел же предложил здесь и нечто новое, говоря так: "**в большом доме**" и т. д.

БЕСЕДА 7

"Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся. Таковых удаляйся. К сим принадлежат те, которые вкрадываются в дома и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, всегда учащих и никогда не могущих дойти до познания истины" (2 Тим.3:1-7).

1. В первом послании (апостол) говорил: "**Дух же ясно говорит, что в последние времена отступят некоторые от веры**" (1 Тим.4:1), и в другом месте того же послания предсказывал нечто подобное, имеющее быть впоследствии. Здесь он опять повторяет то же самое: "**Знай же**", – говорит, – "**что в последние дни наступят времена тяжкие**", и доказывает это не только будущими событиями, но и прошедшими: "**Как**", – говорит, – "**Ианний и Иамврий противились Моисею**" (ст. 8); равно как и собственными суждениями: "в большом доме есть сосуды не только золотые и серебряные" (2 Тим.2:20). Для чего же он делает это? Для того чтобы Тимофей, или кто-нибудь из нас, не смущался, когда будут злые люди. Если, говорит, они были при Моисее и будут после, то нисколько не удивительно, что они бывают и при нас. "**В последние дни наступят времена тяжкие**". Не дни или времена осуждает он, но людей, которые тогда будут, Так и мы имеем обыкновение называть времена худыми и не худыми, по свойству дел, совершаемых в течение их людьми. Тотчас же он указывает и причину. Корень и источник всех зол, от которого все они происходят, – чрезмерное самолюбие. Преданный этой страсти не наблюдает даже и за своими делами. Кто не думает о ближнем, не заботится об его делах, тот будет ли заботиться о своих? Как заботящиеся о ближнем хорошо устроят вместе с

его делами и свои собственные, так презиравший дела ближнего будет презирать и свои, собственные. В самом деле, если мы – члены друг друга, то спасение ближнего касается не его только, но всего тела, и бедствие ближнего не ограничивается им одним, но причиняет боль и всему телу. Если мы – здание, то, когда страдает одна часть, повреждается и все здание, а когда она тверда, то может держаться и все прочее. Так и в Церкви. Ты оказал презрение брату? Этим ты причинил вред самому себе. Почему? Потому, что твой член потерпел немалый вред. Если не уделяющий ближнему из своего имущества ввергается в геенну, то видящие ближнего в существеннейшей опасности и не подающие ему помощи тем более подвергнется наказанию, чем важнее испытанный вред. **"Ибо люди"**, – говорит, – **"будут самолюбивы"**. Кто самолюбив, тот в особенности и не любит себя; а кто братолюбив, тот и любить себя гораздо более. Отсюда происходит сребролюбие. Зараза и ограниченность самолюбия сокращает и умаляет любовь, которая широка и простирается на всех. **Сребролюбцы**. Отсюда происходит гордость, от гордости – надменность, от надменности – злоречие, от злоречия – непокорность и неверие. Действительно, надмевающиеся пред людьми легко будут надмеваться и пред Богом. Так рождаются грехи; они часто восходят снизу вверх. Кто почителен к людям, тот будет тем более благоговеть пред Богом; кто послушен подобным себе рабам, тот будет тем более покорен Владыке; а кто презирает подобных себе рабов, тот постепенно дойдет и до презрения самого Бога. Не будем же презирать друг друга. Это худая наука, которая научает нас презирать Бога; и даже тем самым, что мы презираем друг друга, мы уже оказываем презрение к Богу, который повелел нам иметь великое попечение друг о друге. Если хотите, я поясню это иначе, – примером. Каин презрел брата, и тотчас же оказал презрение и к Богу. Каким образом? Посмотри, как оскорбительно отвечает он Богу: **"разве я сторож брату моему"** (Быт.4:9)? Также Исав презрел брата, и оказал презрение и к Богу. Поэтому и сказал Бог: **"Иакова Я возлюбил, а Исава возненавидел"** (Рим.9:13). Потому и Павел говорит: **"чтобы не было [между вами] какого блудника, или нечестивца, как Исав"** (Евр.12:16). Презирали Иосифа братья, оказали презрение и к Богу. Презирали израильтяне Моисея, оказали презрение и к Богу. Также сыновья Илия презирали народ, оказали презрение и к Богу. Хочешь ли видеть примеры противного? Авраам был снисходителен к племяннику, был послушен и Богу, как видно из послушания его касательно сына Исаака и из всех прочих его добродетелей. Также и Авель, будучи кроток в отношении к брату, был благочестив и в отношении к Богу. Не будем же презирать друг друга, чтобы нам не научиться презирать и Бога; будем почитать друг друга, чтобы нам научиться почитать и Бога. Дерзкий в отношении к людям становится дерзким и в отношении к Богу. А когда сребролюбие, самолюбие и непокорность соединяются вместе, то чего еще не достает для совершенной гибели? Тогда все развращается и образуется огромное болото грехов. **"Неблагодарны"**, – говорит. Действительно, как может быть благодарным сребролюбец? Кому будет он воздавать благодарность? Никому. Он считает всех своими врагами, желая у всех отнять все. Хотя бы ты отдал ему все свое имущество, он не изъявит тебе никакой благодарности, но будет досадовать, что ты не имел большего богатства и не сделал его обладателем большего. Хотя бы ты сделал его владыкою вселенной, он не изъявит тебе благодарности, но будет думать, что он ничего не получил. Его желание ненасыσιμο, потому что это – болезненное желание, а болезненные желания всегда таковы.

2. Как страдающий горячкою никогда не может напиться, но постоянно чувствует жажду и никогда не утоляет желания пить, так и одержимый страстью к богатству никогда не может насытить своего желания. А не насыщаясь никогда, он не будет и благодарен тебе, сколько бы ты ни давал ему. Он будет благодарен только тому, кто даст ему столько, сколько он желает; но этого никто не может сделать, потому что желание его безмерно; следовательно, он и не может быть никому благодарным. Нет человека столь неблагодарного, как сребролюбец; нет столь бесчувственного, как корыстолюбец; он враг

всей вселенной; он досадует, что существуют (другие) люди; он желает, чтобы везде была пустыня и чтобы он один обладал всем; и многое подобное он думает. О, если бы, говорит он, случилось в городе землетрясение, и все были бы поглощены землею, а я один остался бы и взял бы, если возможно, имущество всех; о, если бы наступила зараза, и погубила всех, не коснувшись золота; о, если бы случилось наводнение, или разлив моря! И множество подобных мыслей держит он в уме, а доброй – ни одной, и желает только землетрясение, пожаров, войн, моровых язв и тому подобного. Но скажи мне, жалкий, несчастный и презренный всякого раба, если бы все сделалось золотом, то не лишился ли бы ты золота, погибши от голода? Если бы случилось землетрясение, то при разрушении вселенной погиб бы и ты с своею пагубною страстью; если бы на земле не стало людей, то некому было бы готовить нужное и для твоей жизни. Представим, – хотя это нелепо и невозможно, – представим, что все люди во вселенной вдруг исчезли, и их золото и серебро само собою перешло к тебе и все их богатство – золото, серебро, шелковые одежды, золотые вещи сами собою перешли в твои руки: какая будет тебе польза? Тогда скоро постигла бы тебя смерть, потому что не стало бы ни хлебников, ни земледельцев, умножились бы дикие звери, и бесы овладели бы твоею душою. И теперь обладают ею многие бесы; а тогда они свели бы тебя с ума и скоро погубили бы. Нет, скажешь, я не хотел бы этого; пусть будут и земледельцы, и хлебники. Но и они должны будут издерживать на себя что-нибудь? Нет, говоришь, я не хочу, чтобы они издерживали. Так ненасытима эта страсть! Что может быть ее смешнее? Видишь ли нелепость? Он хочет иметь у себя множество слуг, и скорбит, что они употребляют пищу, и тем уменьшают его имущество. Неужели, скажи мне, ты желаешь, чтобы люди были каменные? Все это смешно; это – волны, буря, вихрь, треволение и великое смятение в душе, которая постоянно алчет и постоянно жаждет. Не достоин ли такой человек, скажи мне, сожаления и слез? Есть телесная болезнь, подобная этому и весьма мучительная, называемая у врачей волчьим голодом, когда человек, принимая множество пищи, не перестает чувствовать голод: не достойна ли слез такая же болезнь в душе? Подлинно, сребролюбие есть волчий голод души, которая поглощает много, но никогда не удовлетворяется и постоянно мучится желанием. Если бы нужно было принимать чемерицу или испытать что-нибудь в тысячу раз неприятнейшее, чтобы избавиться от этой страсти, то не следует ли охотно решиться на все? Нет такого обилия богатства, которое могло бы наполнить ненасытное чрево. Не стыдно ли после этого нам, когда иные так неистово пристрастны к богатству, а мы не показываем даже малейшей части такой любви в отношении к Богу, так что Бог для нас малоценнее денег? Для денег люди переносят и бессонные ночи, и путешествия, и непрестанные опасности, и ненависть, и обиды, и все; а для Бога мы не хотим даже сказать слово, или навлечь на себя чей-нибудь гнев; если нужно защитить кого-нибудь из притесняемых, то, боясь гнева властителей и неприятностей, мы предаем обижаемого; получив от Бога силу – подавать помощь, мы теряем ее, не желая подвергнуться чьей-нибудь вражде или ненависти. Многие при этом ссылаются на пословицу, которая говорит: пусть любят тебя напрасно, а не ненавидят напрасно. Но здесь разве напрасной ты подвергаешься ненависти? Что может быть лучше такой ненависти? Ненависть за Бога гораздо лучше любви за Него; когда любят нас для Бога, то мы делаемся должниками Его за такую честь, а когда ненавидят нас, то Он сам делается должником, за которым остается наша награда. Сребролюбцы, сколько бы ни любили богатства, не знают меры в любви; а мы, сделав что-нибудь малое для Бога, думаем, что уже сделали все. Мы не любим Бога так, как они любят золото, и даже на малейшую часть того. Великого осуждения достойны они, что столь неистово пристрастны к золоту; великого осуждения достойны и мы, что не так же пристрастны к Богу, что не воздаем Владыке всех такой же чести, какую они воздают земле, – ведь золотой металл – та же земля.

3. Посмотрим на их безумие, и сами устыдимся. Что из того, что мы не горим страстью к золоту, если мы и Богу не молимся усердно? Для золота люди забывают о жене, о детях, о жизни и самом своем спасении, притом не зная, умножат ли они свое богатство, потому что многие, после напрасных трудов, среди самых надежд, испускали дух и умирали; а мы знаем, что получим желаемое, если будем любить Бога, как следует любить, и, однако, не любим, но оскудели во всем – и в любви к ближнему, и в любви к Богу, – в любви к Богу потому, что (оскудели) в любви к ближнему. Действительно, человек, не знающий любви не может, поистине не может иметь благородных и великодушных чувствований. Основание всего доброго есть не что иное, как любовь. На ней, говорит Господь, **"утверждается весь закон и пророки"** (Мф. 22:40). Как огонь, попавши в лес, обыкновенно очищает все, так и жар любви, если разгорится в ком-нибудь, то очищает и истребляет все, вредное для Божественного семени, и делает землю чистою для принятия этого семени. Где любовь, там истребляется все злое, там нет ни сребролюбия – корня зол, ни корыстолюбия, ни гордости, потому что может ли кто гордиться пред человеком любимым? Ничто не делает столь смиренным, как любовь. Существам любимым мы служим, как рабы, и не стыдимся, но еще благодарим их за такое рабство; для них мы не щадим своих денег, а иногда и телесных сил, – случалось, что за любимого подвергались опасностям. Где любовь, там нет ни зависти, ни злословия; мы не только сами не злословим любимых, но заграждаем уста и другим, злословящим их; там все тихо, все спокойно, нет и следа разногласия и ссор, все исполнено мира: **"любовь есть исполнение"**, – говорит (апостол), – **"закона"** (Рим.13:10); при ней нет ничего, производящего неприятности. Почему? Потому, что самые грехи – любостязание, хищение, зависть, злословие, надменность, клятвопреступление, ложь, все это исчезает там, где есть любовь. Клятвопреступники нарушают клятву, желая отнять что-нибудь у другого; но у любимого никто не станет отнимать, а отдаст ему и свое, и еще будет благодарен ему более, нежели получая от него. Это знаете вы, которые имели друзей, друзей не по имени только и по одному названию, но таких, которых любили, как должно, к которым были привязаны. А кто не знает этого, тот пусть спросит у знающих.

Я расскажу вам теперь пример дивной дружбы из Св. Писания. Ионафан, сын Саула, полюбил Давида, **"душа Ионафана прилепилась к душе его"**, (1 Цар.18:1), так что Давид оплакивая его, говорит: **напала на меня любовь твоя, как любовь женская: до смерти ранен мне** (2 Цар.1:25,26). Что же? Завидовал ли он Давиду? Нет, хотя и имел причину завидовать. Какую? Он видел из обстоятельств, что царство перейдет к Давиду, и однако не чувствовал ничего подобного, не говорил: он лишает меня отцовского царства; но еще содействовал ему к получению власти и не щадил отца для друга. Не сочтите его отцеубийцею; нет, – он не оскорблял отца, но удерживал его от козней и несправедливостей; он более делал ему добра, нежели зла, не допуская его совершить несправедливое убийство. Он неоднократно решался даже умереть за друга; не только не злословил его, но удерживал и отца от злословия; не только не завидовал, но и содействовал Давиду; не только давал ему деньги, но и спас ему жизнь. Что я говорю о деньгах? Он полагал за него душу свою. Он не боялся отца своего для друга, потому что тот решался на дела несправедливые, а он не сознавал за собою ничего подобного. Такова была дружба его с праведником, таков был Ионафан! Посмотрим теперь и на Давида. Он не имел времени вознаградить Ионафана, который был похищен смертью прежде, нежели Давид получил власть; благодетель погиб прежде, нежели получивший благодеяния вступил на царство. Что же? Посмотрим, как праведник оказывал ему дружбу, насколько и чем было можно. **"Сражен Ионафан на высотах твоих. Скорблю о тебе, брат мой Ионафан; ты был очень дорог для меня; любовь твоя была для меня превыше любви женской"** (2 Цар.1:25,26). Но только ли? Не маловажно и это; но, кроме того, помня любовь отца, он часто избавлял от опасностей его сына и внука; и постоянно защищал и

сохранял потомков его, как бы своего сына. Такую любовь желаю я, чтобы имели все и к живым, и к умершим.

4. Пусть выслушают те жены, – для них особенно я и прибавил: и к умершим, – которые вступают во второй брак и оскверняют ложе умершего мужа, любимого прежде. Я не осуждаю второго брака и не считаю его распутством, когда говорю так; это запрещает мне и налагает узду на уста мои Павел, который говорит женам: **"если выйдет замуж, не согрешит"** (1 Кор.7:28). Но посмотрим, что говорит он далее. **"Блаженнее, если останется так"** (ст. 40). Последнее гораздо лучше первого. Почему? По многим причинам. Если же совершенно не вступать в брак лучше, нежели вступать, то тем более вдовство лучше второго брака. Но, скажешь, некоторые не могли перенести вдовства и подверглись опасностям? Они не: знали, что такое вдовство. Вдовство состоит не в том, чтобы не вступать во второй брак, подобно, как и девство не в том, чтобы оставаться непричастным браку. Но в чем? Как там нужна благопристойность и постоянная скромность, так и здесь – уединение, постоянство в молитвах, удаление от роскоши и сластолюбия: **"а сластолюбивая"**, – говорит (апостол), – **"заживо умерла"** (1 Тим.5:6). Если ты, оставшись вдовой, хочешь иметь ту же роскошь, то же великолепие, то же одеяние, какие имела при муже, то лучше тебе выйти замуж, потому что не супружество – зло, а воздержание. Ты же, не делая того, что само по себе не зло, делаешь то, что не безразлично, но достойно осуждения. Потому и уклонились некоторые вслед сатаны, что не умели хорошо соблюдать вдовство. Хочешь ли узнать, что такое вдова и в чем состоит достоинство вдовы? Послушай Павла, который говорит: **"если она воспитала детей, принимала странников, умывала ноги святым, помогала бедствующим и была усердна ко всякому доброму делу"** (1 Тим.5:10). Если ты, по смерти мужа, окружаешь себя роскошью богатства, то поистине ты не соблюдаешь вдовства. Переведи же это богатство на небо, и бремя вдовства сделается для тебя легким. Но что, скажешь, если у меня есть дети, наследники отцовского имени? Научи и их презирать богатство; переведи свое, выделив им столько, сколько нужно; учи и их быть выше имущества. Но, скажешь, меня окружают толпы рабов, множество дел, золота и серебра: как я могу сберечь все это без помощи мужа? Все это предлог и отговорка, как видно из многих обстоятельств. Если ты не привязана к богатству и не хочешь умножать своего имущества, то твое бремя легко; сохранять богатство гораздо легче, нежели приобретать. Если ты уничтожишь одно зло – желание приобретения, и из имени своего будешь помогать нуждающимся, то Бог оградит тебя Своею десницею; и если ты говоришь это, действительно забота о наследстве сирот, а не предаваясь под этим предлогом сребролюбию, то Испытующий сердца знает, как сохранить в безопасности богатство их, когда Он сам повелел воспитывать детей. Не может быть, поистине не может быть, чтобы дом, утвержденный на милостыни, потерпел какое-нибудь бедствие; а если и потерпит на время, то это послужит к его благу; это будет лучше оружия и щита для всякого такого дома. Послушай, что говорит диавол об Иове: **"Не Ты ли кругом оградил его и дом его и все, что у него"** (Иов.1:10)? За что? О том, послушай, как говорит сам Иов: **"Я был глазами слепому, говорит он, – «и ногами хромоту; отцом был я для нищих"** (Иов.29:15,16). Как тот, кто не отвращается от чужих несчастий, никогда не испытает страданий на самом себе, научившись сострадать другим, так и тот, кто не хочет переносить скорби сострадания, испытает все это на себе. Как в теле, если рука не будет сострадать загноившейся ноге, очищать ее рану, прилагать лекарство и омыwać гной, то сама испытает то же бедствие; если не хочет послужить другому члену, будучи свободна от страдания, то сама на себе испытает это страдание, – потому что зло, распространившись, достигнет и до нее, и ей должно будет заботиться уже не о служении другому члену, но о собственном исцелении и спасении, – так точно и здесь, кто не хочет сострадать другим, тот пострадает сам. **"Оградил его"**, – говорит диавол, **"и дом его и все, что у него"**, и я не смею приступить к нему. Однако, скажешь, Иов потерпел бедствие. Но эти бедствия сделались для него

причиною многих благ: сугубого имущества, большого воздаяния, высшего правосудия, светлых венцов, блистательных наград; духовные и житейские блага его умножились. Он лишился детей? Но опять получил не тех же самых, а других вместо тех, да и тех получит при воскресении. Если бы он опять получил тех же самых, то число детей его было бы меньше; а теперь, получив других вместо прежних, он представит и тех при воскресении. Все это произошло с ним потому, что он был усерден в раздаянии милостыни. Будем же так поступать и мы, чтобы нам сподобиться тех же благ, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

БЕСЕДА 8

"Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы" (2 Тим.3:1-4).

1. Кто скорбит о том, что ныне есть еретики, тот пусть знает, что так было и издревле, что диавол всегда примешивал ложь к истине. В начале Бог обещал блага, и диавол пришел с обещаниями; Бог насадил рай, а диавол прельстил людей, сказав: **"будете, как боги"** (Быт.3:5); не показывал ничего на деле, он много обещал на словах. Таковы все обманщики! После того были Каин и Авель, потом сыны Сифовы и дочери человеческие, далее Хам и Иафет, Авраам и фараон, Иаков и Исав, и так до конца – Моисей и волхвы, пророки и лжепророки, апостолы и лжеапостолы, Христос и антихрист. Таким образом, и прежде было то же; и при апостолах были Февда, и Симон, и последователи Гермогена и Филита. Итак, нет времени, когда бы ложь не примешивалась к истине. Не будем же скорбеть; об этом предсказано издревле. Поэтому (апостол) и сказал: **"Знай же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны"**.

Итак, неблагодарный вместе и нечестив; и справедливо. Каков, в самом деле, должен быть в отношении к другим тот, кто неблагодарен к благодетелю? Неблагодарный вероломен; неблагодарный недружелюбен. Клеветники, т. е. склонные к злословию. Люди, не сознающие за собою ничего доброго и находящие как бы утешение в порицании мнений других, много ошибаются и грешат. Невоздержны, и в языке, и в чреве, и во всем другом. Жестоки: эта жестокость и грубость бывает у того, кто сребролюбив, кто самолюбив, неблагодарен, сластолюбив. Не любящие добра, предатели, наглы. Предатели – дружбы; наглы, т. е. Не имеющие в себе ничего основательного. Напыщенны, т. е. исполненные надменности. **"Более сластолюбивы, нежели боголюбивы, имеющие вид благочестия, силы же его отрекшиеся"**. Так и в послании к Римлянам (апостол) говорит: **"имеющий в законе образец ведения и истины"** (Рим.2:20). Но там он говорит в похвалу, а здесь представляет это из всех недостатков самым тяжким грехом. Почему же? Потому, что употребляет одно и то же слово не в одном и том же смысле. Словом: **образ** он выражает иногда подобие, а иногда нечто бездушное и ничтожное. Например, сам он говорит в послании к Коринфянам: **"Итак муж не должен покрывать голову, потому что он есть образ и слава Божия"** (1 Кор.11:7); а пророк говорит: **"человек ходит подобно призраку"** (Пс.38:7). Также словом: **лев** Писание выражает иногда царское достоинство: **"лег, как лев и как львица: кто поднимет его"** (Быт.49:9)? – а иногда хищность: **"как лев, алчущий добычи и рыкающий"** (Пс.21:14). То же и мы делаем. Так как предметы сложны и разнообразны, то они справедливо изображаются многоразличными примерами и подобиями; например, когда мы хотим похвалить красивую женщину, то сравниваем ее

с картиною; а когда хотим похвалить картину, то утверждаем, что она говорит, изъясняется. Но в этих случаях мы делаем не одно и то же: в первом выражаем, что женщина близка к изображению, а в последнем, – что изображение близко к красоте. Так и словом: **образ** (апостол) выражает там – образец, изображение, учение, первообраз благочестия, а здесь – нечто бездушное и мертвое, одну наружность, вид, лицемерие. Итак, вера без дел есть только наружный вид без силы; и справедливо. Как тело красивое и цветущее, но не имеющее силы, подобно нарисованному изображению, так и правая вера без дел. Представим, что какой-нибудь сребролюбец, предатель, или наглый человек содержит правую веру: что в этом пользы, если он не имеет ничего приличного христианину, если он не делает ничего свойственного благочестию, но превосходит язычников своим нечестием, если он служит заразою для близких к нему и поводом к хуле на Бога, если он позорит учение своими делами? **"Таковых"**, – говорит (апостол), – **"удаляйся"**. Но если такие люди будут в последние времена, то как он говорит: "таковых удаляйся"? Вероятно, и тогда было несколько таких, хотя и не в такой степени нечестивых, но было. Несомненно же то, что чрез Тимофея он увещевает всех – удаляться от таких людей. **"К сим принадлежат те"**, – говорит он, – **"которые вкрадываются в дома и обольщают женщин, утопающих во грехах, водимых различными похотями, всегда учащих и никогда не могущих дойти до познания истины"** (ст. 6. 7).

2. Видишь ли, как эти люди подражают древнему обольстителю, употребляют то оружие, которое диавол употребил против Адама? **"Которые вкрадываются в дома"**. Видишь ли, как словом: **"вкрадываются"** (апостол) выражает их бесстыдство, бесчестность, обман, обольщение? **"И обольщают женщин"**. Итак, кто легко предается обольщению, тот – женщина, а не мужчина; предаваться обольщению свойственно женщинам, или лучше, не женщинам, а **"женщинам, утопающим во грехах"**. Вот, отчего и они предаются обольщениям, – от грехов, оттого, что не знают за собою ничего доброго! И весьма точно сказал он: **"утопающим"**, выражая этим множество грехов их, беспорядочность и непристойность. **"Водимых различными похотями"**. Не природу он осуждает, – не просто сказал: женщин, но именно таких женщин. Что значит: различными? Здесь он понимает многое: роскошь, бесстыдство, разврат. **"Различными"**, – говорит, – **"похотями"**, т. е. корыстолюбием, славолубием, сластолюбием, тщеславием, честолюбием; а может быть, указывает и на другие постыдные пожелания. **"Всегда учащих и никогда не могущих дойти до познания истины"**. Для чего он говорит это? Не для того, чтобы оправдать их, но чтобы сильнее обличить. Они погрязли в этих похотях и грехах, и потому отупел их разум. **"Как Ианний и Иамврий противились Моисею, так и сии противятся истине"** (ст. 8). Кто были эти волхвы при Моисее, и почему имена их не упоминаются нигде в другом месте? Вероятно, они сохранились в неписаном предании, или открыты Павлу (Святым) Духом. **"Так и сии"**, – говорит, – **"противятся истине, люди, развращенные умом, невежды в вере. Но они не много успеют; ибо их безумие обнаружится перед всеми, как и с теми случилось"** (ст. 9). **"Но они не много успеют"**, – говорит. Как же в другом месте он говорит: **"еще более будут преуспевать в нечестии"** (2 Тим.2:16); а здесь: **"не преуспеют"**? Там он утверждает, что еретики, начав вводить новизну и заблуждения, не останавливаются, но постоянно изобретают новые обольщения и неправые учения, потому что заблуждение никогда не останавливается. А здесь он утверждает, что они не обольстят, не увлекут (верующих), хотя сначала, по-видимому, и совращают некоторых, но сами будут обличены скоро. Это выражает он дальнейшими словами: **"ибо их безумие обнаружится перед всеми"**. Каким образом? Всецело. **"Как и с теми случилось"**. Заблуждения, хотя сначала и успевают, но до конца не остаются. Таково все то, что не по существу своему хорошо, а только кажется хорошим; оно на время успевает, а потом обнаруживается и погибает. Но не таково наше учение; и свидетель этому – ты (говорит апостол Тимофею); наше учение не ложь; кто ведь решится умереть за ложь? **"А ты последовал мне в учении"** (ст. 10). Потому будь

тверд; ты не просто принял его, но **последовал**. Здесь (апостол) выражает, что уже много прошло лет со времени обращения (Тимофея). "**Последовал мне в учении**", – это сказано о слове. "**В житии**", – это о жизни. "**В расположении**", – это об усердии и расположении душевном. И я сам, говорит, не учил только, не на словах только любомудрствовал, но исполнял и на деле. "**В вере, великодушии**": ничто подобное, говорит, не смущало меня. "**В любви**", – которой те люди не имеют. "**В терпении**", которого они также не имеют. "**В великодушии**", которое я, говорит, много оказывал еретикам. "**В терпении**" – в гонениях. Изгнанием, страданием. Учителя смущают два обстоятельства: то, что есть множество еретиков, и то, что трудно терпеть мучения. Но об еретиках он уже говорил много, именно, что они и прежде были и будут, что нет времени, когда бы их не было, что они не могут несколько вредить нам, что в мире есть сосуды золотые и серебряные. Теперь же, как видишь, он беседует о страданиях. "**Постигших меня в Антиохии, Икони, Листрах**". Почему из многих мест он упоминает только об этих? Потому, что прочие были известны этому мужу (Тимофею); а может быть, потому, что он говорит о событиях новых, а не древних; и не исчисляет их всех порознь, – потому что он не был тщеславен и честолюбив; говорит не для прославления себя, а для утешения ученика. Он говорит здесь об Антиохии писидийской и Листре, откуда происходил Тимофей. "**Каковые гонения я перенес**". Двойное утешение: и в том, что я оказал мужественную ревность, и в том, что я не был оставлен; нельзя сказать, что Бог оставил меня, но Он уготовал мне светлейший венец. "**Каковые**", – говорит, – "**гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь. Да и все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы**" (ст. 11, 12),

3. Но что, продолжает (апостол), я говорю о себе? Каждый, желающий жить благочестиво, будет гоним. Под гонениями он разумеет здесь скорби, печали. Подлинно, невозможно человеку, идущему путем добродетели, быть без печали, сетования, скорби, искушений. В самом деле, как это возможно тому, кто идет путем тесным и скорбным, тому, кто слышал: **в мире скорбь иметь будете** (Ин.16:33),? Если Иов в свое время говорит: искушение житие человеку на земле, дни его не то же ли, что дни наемника? (Иов.7:1), то не гораздо ли больше теперь? "**Злые же люди и обманщики будут преуспевать во зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь**" (ст. 13). Пусть тебя несколько не смущает, говорит, если они благоденствуют, а ты подвергаешься искушениям; таков порядок вещей; из моего примера ты можешь видеть, что человеку, который борется со злом, невозможно не испытывать скорбей. Борцу невозможно предаваться неге, воину в сражении невозможно пиршествовать. Поэтому никто из находящихся в борьбе пусть не ищет покоя, не предаётся наслаждениям. Настоящее время есть время борьбы, сражения, скорбей, вздыханий, есть поприще подвигов. Время покоя будет после; а теперь – время усилий и трудов. Никто, раздавшись и помазавшись для борьбы, не думает о покое. Если же ты ищешь покоя, то для чего и разделся, для чего устремляешь руки против врага? А разве мне, скажешь, не устремлять их теперь? Для чего же, если ты не воздерживаешь пожеланий, если не обуздываешь насилия природы? "**А ты пребывай в том**", – говорит, – "**чему научен и что тебе вверено, зная, кем ты научен. Притом же ты из детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса**" (ст. 14-15). Что это значит? Как пророк Давид увещевал: "**Не ревнуй злодеям**" (Пс. 36:1), так и он увещевает: "**ты пребывай в том, чему научен и что тебе вверено**". Не простое, "**чему научен**", но: "**что тебе вверено**", т. е. чему ты твердо уверовал. Чему же я уверовал? Тому, что такова – жизнь. Не смущайся же, если ты увидишь противное тому, чему веруешь; и Авраам видел противное (своей вере), однако несколько не смущался; он слышал, что "**в Исааке наречется тебе семя**" (Быт.21:12), между тем получил повеление заклать Исаака, и однако, не смутился и не усомнился. Итак, никто пусть не соблазняется злом; о нем Писание предсказало издревле. Но что, если бы хорошие веселились, а злые наказывались? Одно может быть, но другое нет; злые могут терпеть наказание, но добрым постоянно радоваться невозможно. С Павлом никто

сравниться не может; но и он проводил всю жизнь в скорби, в слезах, в рыданиях, днем и ночью. **"Три года"**, – говорит он, – **"день и ночь непрестанно со слезами учил"** (Деян.20:31); и еще: **"был в опасности много раз"** (2 Кор.11:26). Не так он жил, чтобы сегодня радоваться, а завтра скорбеть, но не переставал скорбеть ежедневно. Как же он говорит, что **"злые же люди будут преуспевать во зле"**? Он не сказал, что они наслаждаются покоем, но **"будут преуспевать во зле"**; это – преуспеяние во зле; не сказал, что они будут благоденствовать. А когда они подвергаются наказанию, то наказываются для того, чтобы ты не думал, будто грехи остаются ненаказанными. Так как геенна не может удержать нас от зла, то (Бог), из сожаления к нам, сам удерживает и пробуждает нас.

Если бы никто из порочных не подвергался наказанию, то никто не думал бы, что над делами человеческими бодрствует Бог; а если бы все получали наказание, то никто не ожидал бы будущего воскресения, потому что все здесь получили бы воздаяние. Вот почему (Бог) и наказывает, и не наказывает.

Праведники здесь испытывают скорби потому, что они странники и пришельцы и находятся в стране чуждой. Таким образом, праведники терпят бедствия для их испытания; послушай, в самом деле, что говорит Бог Иову: **"хочешь испровергнуть суд Мой, обвинить Меня, чтобы оправдать себя"** (Иов.40:3)? А грешники, когда терпят что-нибудь подобное, то в наказание за грехи свои. Итак, будем благодарить Бога за все, так ли Он делает, или иначе: то и другое полезно. Он ничего не делает с нами по ненависти, или по отвращению к нам, но посылает то и другое по вниманию и попечению о нас. **"Из детства"**, – говорит (апостол), – **"знаешь священные писания"**, т. е. ты с раннего возраста изучил Священное Писание, – а священным Писанием он называет Божественные Писания, – на нем ты воспитан; и потому вера твоя должна быть твердою, и ничто не должно вредить ей; корень ее лежит глубоко и укрепился в течение долгого времени; потому ничто не может исторгнуть его. Сказав: **"священные писания"**, – он прибавляет: **"которые могут умудрить тебя"**, т. е. не позволяющие тебе делать что-нибудь неразумное, как делают многие.

4. Тот, кто знает Писания, как должно знать, не соблазняется ничем случающимся, все переносит мужественно, иное принимает верою и приписывает непостижимому домостроительству Божию, а для иного видит основания и находит примеры в Писаниях. Не исследовать всего и не домогаться познания всего, это – ясный признак знания. Если хотите, я докажу это примером. Представим себе реку, или лучше, несколько рек, – говорю это не по предположению, а таковы действительно реки^[1]; не все реки равны по глубине, но одни мелки, а другие глубоки, так что незнающий может утонуть в них; в одних есть омуты, а в других нет. Поэтому хорошо поступает тот, кто не желает испытывать все реки без исключения, и нежелание его исследовать все глубины есть немалый признак знания. А кто хочет испытать каждую часть реки, те преимущественно и не знают свойства рек, и часто погибают, отваживаясь пускаться в глубину с тою же смелостью, с какою они проходили неглубокие реки. Так и относительно Бога, кто хочет знать все и дерзает исследовать все, тот особенно и не знает, что такое – Бог. Кроме того реки по большей части безопасны, а водоворотов и омутов в них бывает немного; в Боге же большая часть сокровенна, и исследовать дела Его невозможно. Что же заставляет тебя топить самого себя? Знай только то, что Бог устрояет все, что Он промышляет обо всем, что мы свободны, что Бог иное совершает, а иное попускает, что Он не желает ничего злого, что не все бывает по Его воле, но иное и по нашей, именно все злое только от нас, а все доброе как от нас, так и от Его помощи, что от Него не укрывается ничто: так Он действует во всем! Зная это, смотри, что – доброе, что – злое, и что – безразличное, как-то: добродетель – добро, порок – зло, богатство, бедность, жизнь, смерть – безразличны.

Познав это, ты вместе с тем уразумеешь, что праведные страдают, чтобы получить венцы, а грешники – чтобы получить наказание за грехи; впрочем, не все грешники получают наказание здесь, чтобы иные не стали не верить воскресению; равным образом и праведные не все страдают, чтобы ты знал, что не порок достоин похвалы, а добродетель. Вот правила и законы; прилагай к ним, что угодно, и ты не будешь оставаться в недоумении. Как у грамматиков есть шеститысячное число, под которое все подводится и все можно определять и разлагать по этому правилу шести тысяч и около этого числа обращается все, – это знают те, которые учились грамматике, – так и здесь, кто знает эти правила, которые я опять кратко повторю, тот никогда не соблазнится. Какие же это правила? Следующие: добродетель – добро, порок – зло, а безразличны – болезни, бедность, козни против нас, клеветы и т. п.; праведные здесь страдают, а если некоторые из них и благоденствуют, то для того, чтобы добродетель не казалась страшною; злые (здесь) веселятся, чтобы получить наказание там, а если некоторые и (здесь) наказываются, то для того, чтобы зло не казалось добром и дела их безнаказанными; если же они наказываются не все, то для того, чтобы не утратилась вера в день воскресения; и между добрыми, есть люди, совершающие злые дела, за которые они здесь и отдают отчет, равно как и между злыми есть люди, совершающие добрые дела, за которые они здесь и получают воздаяние, чтобы потерпеть наказание там; дела Божии по большей части непостижимы; великое различие между нами и Богом, а какое именно, того сказать невозможно. Если мы будем рассуждать таким образом, то ничто не смутит нас; если будем постоянно слушать Писания, то найдем много тому примеров. **"Которые могут"**, – говорит, – **"умудрить тебя во спасение"**. В Писаниях излагается, что должно делать, и чего не должно; послушай именно, что говорит блаженный апостол в другом месте: **"ты путеводитель слепых, свет для находящихся во тьме, наставник невежд, учитель младенцев"** (Рим. 2:19,20).

Видишь ли, что закон есть свет для находящихся во тьме? Если же свет – тот закон, который представляет букву, убивающую букву, то каков тот, в котором – дух животворящий? Если ветхий завет есть свет, то каков новый, в котором открыто столь многое, который так отличен от ветхого, как если бы кто людям, не видевшим ничего выше земли, открыл небо и все в нем показал им. Из него мы узнали о геенне, о царствии (небесном), о суде. Не будем же верить нелепостям, каковы все предсказания волшебников. Но как же, скажешь, что они говорят, то и сбывается? Потому и сбывается, что ты веришь, если только сбывается. Волшебник овладевает тобою, делается господином твоей жизни и располагает ею, как хочет. Скажи мне: если какой-нибудь предводитель разбойников возьмет в свои руки и под свою власть царского сына, прибежавшего к нему и полюбившего пустыню и тамошнюю жизнь, то может ли этот начальник сказать ему, умрет ли он, или будет жив? Весьма может. Почему? Не потому, чтобы он предвидел будущее, но потому, что в его власти то и другое – погубить и спасти сына, который сделал его своим господином. Он может и погубить, если захочет, может также и отпустить, если захочет, потому что пленник находится в его власти. Если он скажет: ты будешь богат или беден, – то и другое находится в его власти. Так и в мире большая часть людей предали себя в руки диавола.

5. С другой стороны этим обманщикам много помогает то, когда человек привыкнет верить им, потому что никто не обращает внимания на предсказания неудачные, а только на удачные. Если они имеют какую-нибудь силу предвидения, то приведи их ко мне, верующему. Говорю это не с тем, чтобы превозносить себя: не стоит превозноситься тем, что я не верю им. Я многогрешен; но пред ними не стану смиряться и, по благодати Божией, смеюсь над всеми ими. Приведи ко мне волшебника; если он имеет какую-нибудь силу предведения, то пусть скажет, что случится со мною, что будет со мною завтра. Но он не скажет, потому что я нахожусь под властью царя, а волшебник не имеет надо мною

никакой власти и силы; я далек от его сетей и оврагов; я служу царю. Но, скажешь, такой-то украл, а один волшебник указал его. Это не всегда бывает справедливо, а по большей части смешно и ложно. Они ничего не знают; а если бы что-нибудь знали, то лучше им следовало бы говорить о своем, каким образом многие идольские приношения были украдены, каким образом множество золота было утрачено. Почему они не предсказали этого жрецам своим? Следовательно, они не знают ничего; они и за деньги не могли предсказать, когда сгорали их идольские храмы, и многие из них вместе с тем сами погибали. Почему же они не заботятся о собственном спасении? Если они и предсказывали что-нибудь, то это было только делом случая. Наши же пророки не ошибаются; они не говорят одно справедливо, а другое ложно, но все справедливо; это и есть предведение. Перестаньте же, увещаваю вас, безумствовать, если вы веруете во Христа; если же не веруете, то для чего позорите себя, для чего обманываете? **"Долго ли вам хромать на оба колена"** (3 Цар.18:21)? И для чего ты ходишь к волшебнику? Для чего спрашиваешь его? Как скоро ты пришел, как скоро стал спрашивать, то уже и сделал себя рабом его, потому что спрашиваешь, как верующий в него. Нет, скажешь, я спрашиваю, не веруя, что он говорит правду, но испытывая его. Но и испытывать, правду ли он говорит, свойственно не уверенному в том, что он лжет, а еще сомневающемуся. Для чего же ты спрашиваешь, что случится? Если бы они говорили: вот что случится, делай то-то и избегай того-то, – тогда, хотя бы также не следовало допускать такого идолослужения, но было бы не столь безумно. Если же они берутся предсказывать будущее, то слушающий не приобретает ничего, кроме лишней скорби; предсказание не сбывается, а он уже испытал скорбь, уже измучил себя. Если бы полезно было знать будущее, то Бог не скрыл бы этого от нас, как бы по зависти; Тот не завидует, кто сказал нам, что есть на небесах. **"Сказал"**, – говорит Он, – **"вам все, что слышал от Отца Моего;** и еще: **"Я уже не называю вас рабами, но друзьями: Вы друзья Мои"** (Ин.15:14,15). Почему же Он не открыл нам будущего? Потому, что Он хочет, чтобы мы несколько не заботились об этом. Он не по зависти поступил так; древним Он делась предвещения, напр., об осле и некоторых других предметах (1 Цар.9), потому что они были подобны детям; а нас Он избавил от заботы – предугадывать неизвестное, желая, чтобы мы несколько о том не заботились. Вместо того нам что открыто? То, чего древние не знали. Все, открытое им, маловажно; а мы знаем, что мы воскреснем, будем бессмертны и нетленны, что жизнь наша не будет иметь конца, что все (настоящее) пройдет, что мы будем восхищены на облаках (1 Сол.4:17), что злые получают наказание, и, кроме того, многое другое, – и все это не ложно. Знать такие истины не гораздо ли лучше, нежели то, что осел потерявшийся найдется? Положим, что ты нашел и взял осла: какая же от того польза? Не можешь ли ты потерять его опять каким-нибудь другим образом? Если он не уйдет от тебя, то ты сам при смерти оставишь его. А то, что сказал я, мы можем иметь всегда, если захотим иметь. Будем же стремиться к этому; будем искать благ постоянных и неизменных; не станем слушать волшебников, прорицателей и гадателей, но Бога, Который ясно знает все, имеет ведение обо всем; тогда и мы будем знать все, что нужно знать, и сподобимся всех благ.

[1] Дальнейшие слова читаются в одной рукописи след. образом: "Подобно тому как реки не все равны, но одни мелки, а другие глубоки, так что незнающий может утонуть в них; в одних есть омуты, а в других нет, – так и вопросы относительно Бога – одни таковы, что разрешение их само собою представляется ищущим, а другие так таинственны и непостижимы, что могут даже погубить старающихся узнать что-нибудь с излишним любопытством. Поэтому хорошо поступает тот" и т. д.

БЕСЕДА 9

"Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен" (2 Тим.3:16,17).

1. Предложив (Тимофею) много увещаний и утешений всякого рода, (Павел) присовокупляет еще совершеннейшее утешение – от Писаний; и не без причины предлагает он так много утешений, но потому, что намеревался сказать нечто важное и прискорбное. Если Елисей, находившийся при своем учителе до последней минуты его жизни, увидев, что он особенным образом оканчивает свою земную жизнь, раздрал свои одежды, то что должен был чувствовать (Тимофей), столько любимый и столько любивший, услышав, что учитель его готовится умереть, и видя себя лишенным его лицезрения во время, ближайшее к его смерти, что обыкновенно бывает прискорбно больше всего? Мы ведь не так бываем благодарны за прошедшее время, если были в разлуке с умершими во время ближайшее к их смерти. Вот почему (Павел) сначала предлагает (Тимофею) множество утешений, а потом уже и говорит ему о своей предстоящей кончине, и говорит не просто, но употребляет такие выражения, которые способны утешить и исполнить радости, – представляя это событие более жертвоприношением, нежели смертью, более переселением, чем оно действительно и было, и переходом к лучшему. **"Ибо я уже"**, – говорит, – **"становлюсь жертвою"** (2 Тим.4:6). Потому и здесь он пишет: **"Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления"**. **"Все"**, – какое? То, о котором, говорит, я сказал, – всякое Священное Писание. Здесь разумеется то Писание, о котором было говорено выше, о котором он сказал: **"ты из детства знаешь священные писания"**. Итак, всякое Священное Писание богодухновенно. Поэтому нисколько, говорит, не сомневайся в нем. **"И полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен"**. **"Для научения"**, если нужно узнать что-нибудь, если случится недоумевать в чем-нибудь, о том можем узнать отсюда; если нужно обличить ложь, если нужно исправиться или вразумиться, и это можем почерпнуть отсюда; оно способствует и к увещанию, и к утешению. **"Для исправления"**, – т. е., если недостает чего-нибудь и нужно дополнить что-нибудь. **"Да будет совершен Божий человек"**: для того, говорит, дано наставление Писаний, чтобы совершен был человек Божий; следовательно, без них невозможно быть совершенным. Вместо меня, говорит, ты имеешь Писания; когда пожелаешь узнать что-нибудь, то можешь узнать отсюда. Если же так сказано Тимофею, который был исполнен Духа (Святого), то не тем ли более нам? **"Ко всякому доброму делу приготовлен"** не прости принимающейся за дело, но и тщательно приготовленный. **"Итак заклинаю тебя пред Богом и Господом нашим Иисусом Христом, Который будет судить живых и мертвых"** (4:1). Здесь он разумеет или грешников и праведников, или умерших и еще живущих, так как многие останутся в живых (до последнего суда). И в первом послании он внушал Тимофею страх словами: **"Пред Богом, все животворящим, завещаваю тебе"** (1 Тим.4:13); здесь же говорит нечто более страшное: **"Который будет судить живых и мертвых"** т. е. имеющим потребовать отчет. **"В явлении Его и Царствие Его"** – когда? Во время пришествия Его со славою, с царским величием. Таким образом, он говорит или то, что Господь не так придет, как ныне, или следующее: я свидетельствую тебе явление Его и царствие. Он призывает Его во свидетели, показывая, что и это преподано ему. Далее учит, как должно проповедовать учение. **"Проповедуй слово"**, – **настой во время и не во время, обличай, запрещай, увещевай со всяким долготерпением и назиданием"** (ст.2). Что значит: **"во время и не во время"**? Т. е. не назначай определенного времени, пусть будет тебе всегда время для этого, а не только во время мира, спокойствия или сидения в церкви; хотя бы ты был в

опасности, хотя бы в темнице, хотя бы в узах, хотя бы готовился идти на смерть, – и в это время обличай и не переставай вразумлять. Тогда и благовременно делать обличение, когда оно может иметь успех, когда представится дело (достойное обличения). **"Увещевай"**, – говорит; подобно врачам, указав рану, сделав разрез, он прилагает потом и лекарство. Если что-нибудь из всего этого опущено, то прочее бывает бесполезно. Если ты будешь угрожать без обличения, то покажешься дерзким, и никто не станет слушать; если же наперед обличишь, тогда слушатель примет угрозу, а без того он останется бесстыдным. С другой стороны, если ты станешь обличать и угрожать, хотя и с силою, но не предложишь утешения, то опять испортишь все дело. Действительно, обличение само по себе невыносимо, если оно не растворено утешением. Как при разрезе раны, хотя и спасительном, страждущие не выносят более сечения и разреза, если не будет употреблено многих средств, смягчающих боль, так и здесь. **"Со всяким"**, – говорит, **долготерпением и назиданием**". Обличающий должен иметь долготерпение, чтобы слушающий не верил без основания, и угроза должна быть соединена с утешением, чтобы она была принята. А что значит прибавленное к долготерпению слово: **и назиданием**"? Обличай не с гневом, не с ненавистью, не с злобою, не с враждою, как бы против врага, – все это должно быть оставлено, – а как? С любовью, с состраданием, скорбя больше самого обличаемого, душевно сожалея об его положении. **"Со всяким"**, – говорит, – **"долготерпением и назиданием"**, а не как-нибудь. Будет время, когда люди здравого учения принимать не будут. Прежде, нежели они сделаются непокорными, предупреди всех их. Потому он и сказал: и **"во время и не во время"**, во всем поступай так, чтобы слушающие тебя поучались добровольно. **"Но по своим"**, – говорит, – **"прихотям будут избирать себе учителей"**".

2. Не может быть ничего выразительнее этого слова: **"изберать"** оно означает беспорядочную толпу учителей, которые при том будут рукополагаемы учениками. **"Будут избирать"**, – говорит, – **"себе учителей, которые льстили бы слуху"**, отыскивая себе людей, которые говорили бы для их удовольствия и льстили их слуху. **"И от истины отвратят слух и обратятся к басням"** (ст. 4). Предсказывает это не с тем, чтобы ученик его предался унынию, но чтобы он мужественно переносил, когда это случится. Подобным образом и Христос говорил: **"будут отдавать вас в судилища и будут бить вас"**, и в синагоги поведут ради имени Моего (Мф.10:17). Так и в другом месте блаженный (апостол) говорит: **"Ибо я знаю, что, по отшествии моем, войдут к вам лютые волки, не щадящие стада"** (Деян.20:29). Он говорил это для того, чтобы они бодрствовали, чтобы надлежащим образом пользовались настоящим временем. **"Но ты"**, – говорит, – **"будь бдителен во всем, переноси скорби"** (ст. 5). Видишь ли, что он именно с такую целью предсказывал это? Как Христос при конце (Своей земной жизни) говорил: **"восстанут лжехристы и лжепророки"**, (Мф.24:21), так и он говорил то же, когда готовился окончить жизнь. **"Ты будь бдителен во всем, переноси скорби"**, т. е. трудись, предупреждай, приведи овец в безопасное состояние прежде, нежели наступила зараза, непрестанно страдай, пока существуют волки. **"Совершай дело благовестника, исполняй служение твое"**. Следовательно, дело благовестника – страдать и от себя, и от посторонних. **"Исполняй (слав. – известно сотвори) служение твое"** т. е. исполняй. А вот и другой повод к страданию: **"Ибо я уже"**, – говорит, – **"становлюсь жертвою"** (σπένδομαι), **"и время моего отшествия настало"** (ст. 6). Не сказал: моего жертвоприношения, но нечто более, потому что от жертвы не все приносится Богу, а от возливаемого – все. **"Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, веру сохранил"** (ст. 7). Часто я, взяв в руки послание апостола и рассматривая это место, недоумевал, для чего Павел так превозносит себя: **"Подвигом добрым я подвизался"**. Но теперь, кажется, по благодати Божией, я понял это. Для чего же он говорит так? Он желает утешить скорбящего ученика, заповедуя ему быть бодрым, потому что он отходит к венцу, как совершившие все, как достигши благого конца: радоваться, говорит, должно, а

не скорбеть. Почему? **"Подвигом добрым я подвизался"**, говорит подобно отцу, который, утешая сидящего подле него и сетующего о своем сиротстве сына, говорил бы ему: не плачь, сын мой, я жил хорошо, оставляю тебя, достигнув старости, жизнь моя была безукоризненна, я отхожу со славою, и ты будешь славиться моими делами; царь оказывает мне великое благоволение. И как бы так говорит: я воздвиг трофеи, победил врагов, – говорит не из тщеславия, нет, но для ободрения сына, для того, чтобы такими похвалами внушить ему – легко переносить все случающееся, иметь благу надежду, и не считать предстоящей разлуки тяжкою. А тяжела, поистине тяжела бывает разлука. Послушай, как он сам говорит в другом месте: **"Мы же, братия, быв разлучены с вами на короткое время лицом, а не сердцем"** (1 Сол.2:17). Если же он сам скорбел, разлучившись с учениками, то как должен был скорбеть Тимофей? Если он плакал, разлучаясь с живым (учителем), как видно из слов: **"вспоминая о слезах твоих, дабы мне исполниться радости"** (2 Тим.1:4), то не гораздо ли более – при его смерти? Таким образом (Павел) писал это для утешения (Тимофея), и все послание, исполнено утешения, и есть как бы некоторое завещание. **"Подвигом добрым я подвизался, течение совершил, так что. "Подвигом", – говорит, – "добрым"**. Прими же его на себя и ты. Оковы, темницы, смерть, – это ли добрый подвиг? Да, говорит, – потому что он совершается за Христа, доставляет великие венцы. **"Подвигом добрым"**; нет ничего лучше этого подвига, не имеет конца этот венец; он не из лавровых листьев; здесь не человек распорядитель подвигов, не люди – зрители, ангелы наполняют это зрелище. Там (на обыкновенных зрелищах) в течение многих дней трудятся и утомляются, но в одну минуту получают венец, и тотчас удовольствие проходит; а здесь не так, но остаются навсегда в блеске, славе и чести. Потому должно радоваться; я иду на покой, оставляю место подвигов; ты слышал от меня, что лучше **"разрешиться и быть со Христом"** (Флп.1:23). **"Течение совершил"**. Надобно и подвизаться и идти вперед: подвизаться, перенося скорби, и идти вперед не просто, но к чему-нибудь полезному. Истинно добрый подвиг тот, который не увеселяет только зрителя, но доставляет пользу; и течение истинное не то, которое ни к чему не стремится, или только обнаруживает силу и честолюбие, но то, которое влечет всех на небо. Такое течение светлее солнца; его совершал Павел на земле, или им он стремился к небу. Каким же образом он окончил это течение? Он обошел всю вселенную, начав от Галилеи и Аравии, и дошедши до пределов земли: **"так что"**, – говорит он, – **"благовествование Христово распространено мною от Иерусалима и окрестности до Иллирика"**. (Рим.15:19). Он протек всю вселенную, как птица, или лучше, сильнее птицы; птица пролетела бы просто, а он – не просто, но имея крылья Духа и рассекая тысячи препятствий, смертей, козней, бедствий. Таким образом, он был быстрее птицы. Если бы он был просто птицею, то утомился бы и был бы пойман; но, будучи окрыляем Духом, он перелетал чрез все сети, как бы имея огненные крылья. **"Веру"**, – говорит, – **"сохранил"**. Многие старались отнять ее у него, не только близкие отношения с людьми, но и угрозы, и смертные опасности, и многое другое; но он устоял против всего. Каким образом? Трезвясь и бодрствуя. Всего этого довольно было для утешения учеников, но он прибавляет еще и о наградах. Каких? **"А теперь"**, – говорит, **"готовится мне венец правды"** (ст. 8). Правдою он опять называет здесь вообще добродетель. Итак, не должно, говорит, скорбеть, потому что я отхожу получить от Христа венец, который Он возложит на мою голову; напротив, если бы я оставался здесь, тогда более следовало бы скорбеть и опасаться, чтобы я не пал и не погиб. **"Который даст мне Господь, праведный Судия, в день оный; и не только мне, но и всем, возлюбившим явление Его"**.

3. Здесь он также ободряет ученика. Если Господь воздаст **всем**, то тем более Тимофею. Но он не сказал: и тебе, а: **всем**, выражая, что если – **всем**, то тем более – ему. А каким образом, скажешь, можно возлюбить явление Христово? Если будешь радоваться пришествию Его. А кто радуется пришествию Его, тот делает достойное этой радости; он

отдаст, если нужно, и имение свое и душу, чтобы получить будущие блага, чтобы сподобиться узреть второе пришествие Его, в приличном виде, с дерзновением, во славе и свете. Вот что значит – возлюбить явление Его. Кто любит явление Его, тот будет делать все, чтобы прежде всемирного было к нему частное пришествие (Христово). Как, скажешь, это возможно? Послушай самого Христа, который говорит: любящий Меня, заповеди Мои **"соблюдет; и Мы придем к нему и обитель у него сотворим"** (Ин.14:23). Подумай, как это важно, когда имеющий явиться всем вообще, обещает явиться каждому из нас в частности: **"придем", – говорит, – "и обитель у него сотворим"**. Кто любит явление Его, тот будет делать все, чтобы призвать Его к себе и удержать у себя, чтобы в нем воссиял свет. Пусть не будет в нас ничего, недостойного пришествия Его, и Он скоро поселится в нас. Явление (ἐπιφάνεια) называется так потому, что оно является горе (ἐλάνω φαίνεσθαι) и воссиявает свыше. Потому будем стремиться к горнему, и мы скоро привлечем к себе горние лучи. Никто из людей, пресмыкающихся долу и зарывающих себя в землю, не может видеть солнечного света; никто из людей, оскверняющих себя житейскими делами, не может видеть Солнца правды; Оно не является никому, кто предается такой жизни. Отрезвись же хотя несколько, восстань из этой пучины, из пропасти житейской, если хочешь увидеть Солнце, если хочешь сподобиться Его пришествия. Если ты сподобишься пришествия Его ныне, то будешь с великим дерзновением взирать на Него тогда. Будь же любознательным ныне; пусть не будет у тебя духа гордости, чтобы он не поразил тебя и не низринул; пусть не будет у тебя тьмы и сердца каменного, чтобы не разбился об него корабль твой; пусть не будет в тебе никакого лукавства; подводные камни производят самые страшные кораблекрушения. Не питай в себе диких зверей, – разумею страсти, потому что они лютее диких зверей; не полагайся на вещи скоропреходящие, подобно текучей воде, чтобы тебе стоять твердо. Никто не может стоять на воде, а на камне все могут стоять безопасно. Житейские дела – это вода: **"ибо воды"**, – говорится, – **"дошли до души [моей]"**, подобно вышедшему из берегов своих потоку (Пс.68:2). А Дела духовные – это камень: **"поставил"**, – говорится, – **"на камне ноги мои"** (Пс.39:3). Житейские дела – грязь и нечистота. Отрешим себя от них, и таким образом мы можем удостоиться явления Христова. Все, что ни постигнет нас, будем переносить. Достаточное утешение во всем – страдать за Христа; будем повторять это божественное изречение, и прекратится боль всякой раны. А как, скажешь, можно страдать за Христа? Положим, что кто-нибудь оклеветал тебя просто, не за Христа. Если ты мужественно перенесешь это, если будешь благодарить, если станешь молиться за него, то все это сделаешь ты для Христа. Если же будешь проклинать, досадовать, стараться мстить, то, хотя это тебе и не удастся, ты будешь терпеть не для Христа, но еще получишь вред и лишишься плодов по своей воле. От нас зависит – получать от бедствий пользу, или вред; это зависит не от свойства самих бедствий, а от нашего произволения. Представлю пример. Иов, испытал столько бедствий, перенес их со благодарностью, и был оправдан, – не потому, что страдал, но потому, что, страдая, переносил все с благодарностью. Другой, испытывая такие же страдания, – или лучше, даже и не такие, потому что никто не страдает так, как Иов, а гораздо меньше, – гневается, досадует, проклинает весь мир, ропщет на Бога; такой человек осуждается и наказывается не потому, что страдал, но потому, что роптал на Бога; а роптал он на Бога не по необходимому требованию обстоятельств; иначе, если бы он поступал так по необходимому требованию обстоятельств, роптал бы и Иов; если же последний, испытал тяжчайшие бедствия, не сделал ничего такого, то значит, все подобное случается не по необходимости, а от слабости воли. Итак, нужно нам иметь душу твердую, и тогда ничто не будет для нас трудным; напротив, для слабой души нет ничего нетрудного. От расположения нашей воли все бывает и переносимо и непереносимо для нас; укрепим ее, и тогда мы легко будем переносить все. Так и дерево, если глубоко пустит свои корни, то его не может поколебать и сильная буря; если же оно будет распростирать их не глубоко, на поверхности, то и слабый порыв ветра вырвет его с корнем. Так и с нами: если мы

пригвоздим плоть свою страхом Божиим, то ничто не поколеблет нас; если же оставим ее на свободе, то и слабое нападение может поразить и погубить нас. Потому, увещаваю вас, переносите все с полным благодушием и подражайте пророку, который говорит: **"к Тебе прилепилась душа моя"** (Пс.62:9). Вот что говорить он: **"прилепилась душа моя"** Не сказал просто: предалась, но: **"прилепилась"**. И еще: **"Тебя жаждет душа моя"** (Пс.62:2); не сказал просто: пожелала, но: **"жаждет"**, выражая этим словом особенную силу желания. И еще: **"Трепещет от страха Твоего плоть моя"** **"пригвозди страху Твоему плоти моя"** (Пс.118:120). Он хочет, чтобы мы постоянно так прилеплялись к Богу и соединялись с Ним, чтобы никогда не отступать от Него. Если мы будем так преданы Богу, если пригвоздим к Нему сердца наши, если будем жаждать Его сильным желанием, то получим все, чего желаем и сподобимся будущих благ, во Христе Иисусе, Господе нашем, Которому со Отцем и Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 10

"Постарайся придти ко мне скоро. Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; один Лука со мною. Марка возьми и приведи с собою, ибо он мне нужен для служения. Тихика я послал в Ефес. Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные" (2 Тим.4:9-13).

1. Можно спросить: как (Павел) призывает к себе Тимофея, когда ему была вверена Церковь и целый народ? Не по гордости (апостол) делает это; он сам готов был идти к нему, – послушай, что говорит он: **"если замедлю, ты знал, как должно поступать в доме Божиим"** (1 Тим.3:15). Но почему? Потому, что он находился в крайности, уже не мог ходить по собственной воле, жил в темнице, будучи заключен туда Нероном, и готовился в скором времени умереть. Потому, чтобы этого не случилось прежде свидания с учеником, он и призывает его к себе, желая видеть его пред своею кончиною и, может быть, многое передать ему. **"Постарайся"**, – говорит, – **"придти до зимы"** (ст. 9, 21). **"Димас оставил меня, возлюбив нынешний век"**. Не говорит: чтобы видеть тебя прежде отшествия из здешней жизни, что весьма опечалило бы (Тимофея); но: потому что я остаюсь одиноким, не имею никого, кто бы помогал мне. **"Ибо Димас оставил меня, возлюбив нынешний век, и пошел в Фессалонику"**, т. е., возлюбив покой, жизнь безопасную и спокойную, захотел лучше наслаждаться дома, нежели бедствовать со мною и разделять мои настоящие опасности. Одного только Димаса он укоряет, впрочем, желая не его укорить, а нас утвердить, чтобы мы не ослабевали духом в опасностях и трудах; это и означают слова: **"возлюбив нынешний век"**; вместе с тем он хотел еще более привязать к себе ученика. **"Крискент в Галатию, Тит в Далматию"**. Их он не укоряет, потому что Тит был один из весьма дивных мужей, так что Павел поручил ему (церковные) дела на острове, при том не малом, но весьма большом – разумею Крит. **"Один Лука со мною"**, – он неотлучно находился при Павле; он написал Евангелие и соборные Деяния, был трудолюбив, любознателен и терпелив. О нем (апостол) говорит в другом послании: **"во всех церквях похваляемого за благовествование"** (2 Кор. 8:18). **"Марка возьми и приведи с собою"**. Для чего? **"Ибо он мне нужен для служения"**. Не для собственного успокоения требует этого, но для служения Евангелию, потому что и в узах он не переставал проповедовать. И Тимофея он призывает к себе не для собственных нужд, но для благовествования, чтобы между верующими не произошло никакого смятения по случаю его смерти, чтобы многочисленные ученики его, присутствуя при этом, успокаивали смятения и утешали сетующих об его кончине, а между уверовавшими в Риме, вероятно, были мужи достопочтенные. **"Тихика я послал в Ефес. Когда пойдешь, принеси фелонь, который я оставил в Троаде у Карпа, и книги, особенно кожаные"**.

Фелоном он называет здесь одежду; а некоторые разумеют влагалище, в котором хранились книги. Для чего нужны были книги ему, готовившемуся отойти к Богу? И очень были нужны, чтобы передать их верующим, чтобы они имели их вместо его учения. Все верующие, вероятно, чувствовали тогда великую потерю, особенно те, которые присутствовали при его кончине и наслаждались тогда его лицезрением. А фелонь требует он для того, чтобы не иметь надобности брать его у другого. Видишь, как много он заботился об этом; и в другом месте он выразил это, когда говорил ефесским (пресвитерам): **"сами знаете, что нуждам моим и [нуждам] бывших при мне послужили руки мои сии"**, и еще: **"блаженнее давать, нежели принимать"**. (Деян.20:34,35). **"Александр медник много сделал мне зла. Да воздаст ему Господь по делам его"** (ст. 14). Здесь он опять вспоминает об искушении, не с тем, чтобы только укорить или осудить упоминаемого человека, но чтобы воодушевить ученика на подвиги и расположить к мужественному перенесению (искушений). Хотя бы люди, причиняющие искушения, были неважны, хотя бы даже ничтожны и презренны, нужно, говорит, все переносить мужественно. Кто потерпел зло от человека важного, тот находит не мало утешения в высоком положении этого человека; а кто терпит от человека низкого и презренного, тот получает большее огорчение. **"Много сделал мне зла"**, т. е. различным образом оскорблял меня. Но это, говорит, не пройдет ему безнаказанно: **"воздаст ему Господь по делам его"**. Как выше он говорил: **"каковыя гонения я перенес, и от всех избавил меня Господь"** (2 Тим.3:11), так и здесь утешает ученика двояким образом, – тем, что сам он испытывал оскорбления, и тем, что оскорбившему его будет воздаяние; говорит так не потому, чтобы святые радовались наказаниям (злых людей), но потому, что дело проповеди и слабейшие из верующих имели нужду в таком утешении. **"Берегись его и ты"**, – говорит, – **"ибо он сильно противился нашим словам"** (ст. 15), т. е. восстает и противоречит. Не сказал: отмсти, накажи, прогони его, хотя по благодати Божией мог сделать это; ничего такого не говорит, и не вооружает против него ученика своего, а заповедует только удаляться от него, предоставляя наказание Богу. Также и для утешения слабейших он говорит эти слова: **"воздаст ему"**, которые представляют более пророчество, нежели проклятие. А что он желал ободрить ученика приведенными словами, это видно и из последующего. Далее, смотри, как он повествует еще о других своих искушениях. **"При первом моем ответе"**, – говорит, **"никого не было со мною, но все меня оставили. Да не вменится им"** (ст.6).

2. Видишь, как кротко говорит он о близких к нему, хотя они сделали тяжкий проступок; ведь не одно и то же – быть оставленным посторонними людьми, или своими. Видишь ли, как сильна была скорбь его? Ты, говорит, не можешь сказать, что я, подвергаясь гонению от посторонних, находил утешение, облегчение и помощь в своих, – и они изменили мне: **"все меня оставили"**. Подлинно, это – немалый грех. Если на войне тот, кто оставляет товарища, находящегося в опасности, и избавляет от рук врагов только себя самого, справедливо наказывается своими, как человек, испортивший все дело и изменник, то тем более – в проповеди. Но о каком говорит он первом ответе? Он еще прежде был представляем Нерону, и избежал (казни); но когда обратил его виночерпия, тогда и отсечена ему голова. Далее опять предлагается утешение ученику: но **"Господь же предстал мне и укрепил меня"** (ст. 17). Кто оставляется людьми, тому Бог не попускает потерпеть что-нибудь бедственное. **"И укрепил меня"**, т. е. даровал дерзновение, не попустил пасть. **"Дабы через меня утвердилось благовестие"**, т. е. чтобы подтвердилось. Посмотри, как велико его смиренномудрие. Не потому, говорит, Бог укрепил меня, что я был достоин такого дара, но **"дабы утвердилось благовестие"**, которое вверено мне. Это подобно тому, как если бы кто носил багряницу и диадему, и из-за них спасся. **"И услышали все язычники"**. Что это значит? Чтобы всем, говорит, сделались известны и слава проповеди, и попечение о мне Промысла. И избавил меня от уст льва: **"И избавит меня Господь от всякого злого дела"** (ст. 18). Видишь, как он близок был к смерти; он

был в самых челюстях льва; львом же называет Нерона, по причине его зверства, могущества царства его и непреклонности. И избавил, говорит, Господь меня, и избавит. Если же опять избавит, то как он говорит: **"уже становлюсь жертвою"**? Но вникни в слова его. Избавил меня, говорит, **"от уст"** льва; и далее: **"избавит"**, уже не от уст львовых, – но от чего? – **"от всякого злого дела"**. Тогда Он избавил меня от опасностей; а теперь, когда для благовестия уже сделано достаточно, Он опять избавить меня – от всякого греха, т. е. не попустит мне отойти (из здешней жизни) осужденным. Подлинно, бороться с грехом до крови и не пасть, значит, избавиться от другого льва – дьявола. Последнее избавление его важнее первого, когда ему предстояло быть предану на смерть. **"И сохранит для Своего Небесного Царства, Ему слава во веки веков. Аминь"** (ст. 18). Вот истинное спасение – когда мы просияем там. Что значит: **"сохранит для Своего Небесного Царства"**? Избавит, говорит, меня от всякой вины, и сохранит там. Спасись для царствия небесного значит умереть ради него здесь. **"Ненавидящий"**, – говорит Господь, – **"душу свою в мире сем сохранит ее в жизнь вечную"** (Иоан.12:25). **"Ему слава во веки веков. Аминь"**. Вот славословие Сыну. **"Приветствуй Прискиллу и Акилу и дом Онисифоров"** (ст. 19). Онисифор был у него в Риме, как сам он говорит: **"Да даст ему Господь обрести милость у Господа в оный день"** (2 Тим.1:18). Таким приветствием он делает и домашних его более усердными к подобным подвигам. **"Приветствуй"**, – говорит, – **"Прискиллу и Акилу"**. Это – те лица, о которых он часто упоминает, у которых он и жил, которые принимали Аполлоса (Деян.18). Жену он поставляет прежде, кажется мне, потому, что она была усерднее и более предана вере – она-то и приняла тогда Аполлоса, – или он делает это безразлично. Такое приветствие было для них немалым утешением, служило доказательством почтения и любви его и доставляло им великую благодать, потому что и одно -приветствие такого святого и блаженного мужа могло исполнить великой благодати того, кто удостоивался этого приветствия. **"Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите"** (ст. 20). О нем и Тихике мы знаем из книги Деяний, что он взял их с собою из Иудеи, и что они всегда находились при нем, может быть, потому, что были усерднее прочих.

"Трофима же", – говорит, – **"я оставил больного в Милите"**. Почему же ты не исцелил его, а так оставил? Апостолы не все могли делать, или благодатью не все устроили, чтобы кто не подумал о них больше, нежели что видел. То же, как мы видим, случилось и с бывшими прежде них блаженными и праведными мужами, например с Моисеем. Он был косноязычен, – почему же Бог не исцелил его косноязычности? – часто впадал в скорбь и уныние, и не вошел в землю обетованную.

3. Многое попускал Бог для того, чтобы показать немощь человеческой природы. В самом деле, если и при этом бесчувственные Иудеи говорили: где Моисей, **"который вывел нас из земли Египетской"** (Исх.32:1)? – то чего они не сделали бы, если бы он еще ввел их в землю обетованную? Если бы Бог не попустил ему чувствовать страх пред фараоном, то не признали ли бы они его богом? То же самое сделали, как известно, с Павлом и Варнавою жители Листры, которые приняли их за богов; а они **"разодрали свои одежды и, бросившись в народ, громогласно говорили: мужи! что вы это делаете? И мы - подобные вам человеки"** (Деян.14:14,15). Также и Петр, когда исцелил хромого от рождения и когда все изумлялись случившемуся, отвечал: **"мужи Израильские! что дивитесь сему, или что смотрите на нас, как будто бы мы своею силою или благочестием сделали то, что он ходит"** (Деян.3:12)? Послушай еще, что говорит блаженный Павел: **"дано мне жало в плоть, ангел сатаны, удручать меня, чтобы я не превозносился"** (2 Кор.12:7). Но, заметишь, он сказал это по смиренномудрию. Нет, это не так; не для того дан был ему **"ангел сатаны"**, чтобы он был смиренномудр, и не по смиренномудрию только он сказал это, но и по другим причинам. Смотри, Бог в ответ ему не говорит: **"довольно для тебя благодати Моей"**, чтобы ты не превозносился, – но что?

– **"ибо сила моя"**, говорит, **"совершается в немощи"** (2 Кор.12:9). Таким образом, достигались две цели: и раскрывались события, и все было приписываемо Богу. Поэтому и в другом месте (апостол) говорит: **"сокровище сие мы носим в глиняных сосудах"** (2 Кор.4:7), т. е. в телах немощных и подверженных страданиям. Для чего? **"Чтобы преизбыточная сила была [приписываема] Богу, а не нам"**. Если бы тела их не были подвержены страданиям, то все было бы приписано им. И в другом месте, мы видим, как он скорбит о болезни, когда говорит об Елафродите: **"Ибо он был болен при смерти; но Бог помиловал его"** (Флп.2:27); и многого другого он не знал, с пользою, как для него самого, так и для учеников. **"Трофима же"**, – говорит, – **"я оставил больного в Милите"**, Милит находится близ Ефеса; следовательно, (это было) или тогда, когда он отплывал в Иудею, или в другое время; а после того, как он был в Риме, он отправился в Испанию; а возвращался ли оттуда опять в эти страны, мы не знаем. Итак, он был, как мы видим, оставлен всеми. **"Ибо Димас"**, – говорит он, – **"оставил меня, Крискент в Галатию, Тит в Далматию; Ераст остался в Коринфе; Трофима же я оставил больного в Милите. Постарайся придти до зимы. Приветствуют тебя Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия"** (ст. 21). Об этом Лине некоторые говорят, что он был вторым после Петра епископом римской Церкви. **"И Лин"**, – говорит, – **"и Клавдия"**. Видишь ли, как и жены были усердны и пламенны в вере? Такова Прискилла, такова и эта Клавдия, которые уже распяли себя (для мира), уже были готовы на подвиги. Но почему из такого множества верующих (апостол) упоминает только об этих женах? Очевидно потому, что они душою уже отрешились от житейских дел и особенно славились. Ведь женский пол не препятствует (быть добродетельным). Подлинно – дело благодати Божией, что лица этого пола устраняются только от участия в делах житейских, или лучше сказать, не устраняются и там. В самом деле, и жене досталась немаловажная часть всего вообще управления делами, именно – домашняя; а без нее и гражданские дела никогда не могли бы состояться. Если бы домашние дела находились в расстройстве и беспорядке, то каждый из граждан должен был бы сидеть дома, и дела гражданские находились бы в худом положении. Таким образом, и в этих делах она участвует не менее (мужа), и в духовных. И она может тысячекратно умирать (за Христа), если захочет, – многие из них и действительно сделались мученицами, – может преуспевать в целомудрии, и даже более мужей, потому что в ней не так сильно действует пламень (страстей), – может иметь и скромность, и честность, и святость, без которой **"никто не увидит Господа"** (Евр.12:14), и презрение к богатству, если только захочет, и вообще все прочее. **"Постарайся"**, – говорит, – **"придти до зимы"**. Как понуждает его! И нигде не высказывает ничего прискорбного; не говорит: **приди прежде моей смерти**, – чтобы не опечалить его, – но: **"прежде зимы"**, чтобы тебе не встретить затруднений. **"Приветствуют тебя"**, – говорит, – **"Еввул, и Пуд, и Лин, и Клавдия, и все братия"**. Последних не называет по имени. Видишь ли, что те были пламеннее (в вере)? **"Господь Иисус Христос со духом твоим"** (ст. 22). Нет ничего лучше такого благожелания. Не скорби, говорит, что я нахожусь далеко от тебя: Господь с тобою. И не сказал: с тобою, но: **"со духом твоим"**. Сугубая помощь: от благодати Духа и от Бога, споспешествующего ей. Иначе Бог и не может быть с нами, если нет в нас благодати духовной; если она оставит нас, то как Он будет с нами? **"Благодать с" нами. "Аминь"**. Наконец испрашивает и себе (благодати), – т. е., чтобы всегда быть благоугодными Богу, чтобы иметь благодать с дарами ее, потому что если она будет присуща нам, то не будет ничего прискорбного. Как видящий царя, и пользующейся его благоволением, не чувствует никакой скорби, так и мы, хотя бы лишились друзей, хотя бы подверглись какому-нибудь другому бедствию, не будем чувствовать никакой скорби, если благодать будет находиться при нас и ограждать нас.

4. Как же можно привлечь к себе благодать? Делая угодное Богу, во всем повинуюсь Ему. И в больших домах не видим ли мы, что те слуги пользуются благоволением господ, которые от всей души и со всем усердием пекутся о нуждах не своих, а господских,

которые не по принуждению только господ, но по собственному усердию и ревности исполняют все хорошо? И не тогда ли, когда они постоянно находятся пред глазами господ, когда занимаются дома, когда не беспокоятся о своих делах и не пекутся о своих выгодах, но считают господское своим? Так, кто сделал свое господским, тот не свое сделал господским, но господское своим; он подобно господину распоряжается его собственностью, подобно ему пользуется властью; многие из других слуг боятся его больше господина; что скажет он, то и господин; и все враги страшатся его. Если же в житейских делах, кто презирает свое и заботится о господском, не лишается своего, а напротив получает большее, то тем более в духовных. Презирай свое, и получишь Божие; сам Он желает этого. Презирай землю, и получишь царство небесное; там пребывай, а не здесь; оттуда внушай страх, а не здесь. Если ты будешь внушать страх оттуда, то будешь страшен не людям только, но и бесам, и самому диаволу; если же будешь внушать страх здесь своим богатством, то будешь презираем не только ими, но часто и людьми. Чем больше ты будешь богатеть, тем больше будешь рабствовать; если же будешь презирать свойственное рабам, то сделаешься славным в доме царском. Таковы были апостолы, презревшие жилище рабов и здешнее богатство; и смотри, как они распоряжались (сокровищами) Владычными. Такой-то, говорили они, пусть исцелится от болезни, другой – от злых духов, тот пусть будет связан, этот – разрешен. На земле происходило это, но совершалось как бы на небе. **"Что вы"**, – сказал (им Господь), – **"свяжете на земле, то будет связано на небе"** (Мф.18:18): и еще большую власть даровал им. А что я говорю правду, о том, послушай, что Он сам сказал: **"верующий в Меня, дела, которые творю Я, и он сотворит, и больше сих сотворит"** (Ин.14:12). Почему? Потому, что в этом случае честь относится к Владыке. Так и в наших делах, когда слуга может совершать великие дела, то еще более удивляются его господину, потому что, если слуга может сделать так много, то во сколько раз больше тот, кто имеет его в своей власти? Если же кто, оставив служение господину, будет заботиться только о своей жене, о сыне, о слуге, и захочет обогащаться и собирать для них, воруя из сокровищ господина, или причиняя им вред, тот скоро погубит и себя вместе с богатством. Потому, увещаваю вас, видя такие примеры, не будем пещись о своих благах, чтобы пещись о себе; будем презирать их, чтобы получить их. Если мы станем презирать их, то сам Бог будет пещись об них; если же мы станем пещись о них, то Бог презрит их. Будем заботиться о Божием, а не о нашем, или лучше – и нашем, так как, что – Его, то – и наше. Говорю, не о небе, не о земле, не о мирских вещах; это недостойно Его, это не нам только принадлежит, но и неверным. Что же я называю Его собственностью? Славу, царство; это и Его, и вместе наше чрез Него. Каким образом? **"Если"**, – говорит (апостол), – **"мы с Ним умерли, то с Ним и оживем; если терпим, то с Ним и царствовать будем"** (2 Тим.2:11 12). Мы стали сонаследниками и называемся братьями Его: для чего же мы преклоняем сами себя долу, тогда как Он влечет нас к Себе горе? Доколе мы будем так унижать себя, доколе будем так жалки? Пред нами небо, а мы пресмыкаемся по земле; пред нами небесное царство, а мы избираем себе здешнее убожество; пред нами вечная жизнь, а мы истощаем себя на деревья, камни и поля! Обогащайся, – и я того желаю, – но только в этом; собирай, приобретай, – здесь это не укоризненно; напротив, здесь укоризненно – не собирать, здесь неодобрительно – не приобретать. Как так? **"Царство Небесное"**, – говорит (Господь), – **"силою берется, и употребляющие усилие восхищают его"** (Мф.11:12). Будь здесь сильным искателем, будь здесь хищником; расхищаемое здесь не уменьшается. Добродетель не разделяется, благочестие не уменьшается, равно как и царство небесное. Напротив добродетель умножается, когда ты расхищаешь ее; блага же вещественные уменьшаются, когда расхищаешь их. Это видно из следующего: пусть будет в городе бесчисленное множество людей; если все они будут расхищать добродетель и праведность, то умножат ее, потому что она будет в тысячах праведников; а если не будут расхищать, то уменьшат ее, потому что нигде ее не будет видно.

5. Видишь ли, как блага духовные еще более умножаются, когда расхищают их, а земные уменьшаются, когда расхищают их? Не будем же привязаны к этой бедности, но изберем это богатство. Богатство Божие состоит в том, когда многие наслаждаются царством Его. **"Богатый"**, – говорит (апостол), – **"для всех"** и на всех, **"призывающих Его"** (Рим.10:12). Умножай же богатство Его; а умножишь его тогда, когда будешь расхищать, приобретать и усиленно искать. Поистине, здесь нужно усиленное искание. Почему? Потому, что здесь встречается много препятствие: жены, дети, заботы, мирские дела, кроме того, бесы, и сам начальник бесов – диавол. Потому нужно усилие, нужно терпение. Кто усиливается, тот трудится. Как? Он терпит все, он борется с необходимостью. Как? Он решается почти на невозможное. Если же так поступают усиленные искатели, а мы не принимаемся даже за возможное, то когда мы достигнем, когда получим желаемое? **"Употребляющие усилие"**, – сказал (Господь), – **"восхищают"** царствие небесное. Нужно усиливаться и восхищать его; оно не просто дается, и не вдруг. Кто хочет похитить что-нибудь, тот постоянно бодрствует, трезвится, заботится и беспокоится, чтобы благовременно приступить к похищению. Не видите ли, как на войне, кто хочет похитить, тот целую ночь не спит, во всю ночь не снимает с себя оружия. Если же те, которые хотят похитить житейские вещи, не спят во всю ночь и остаются вооруженными, то как же мы, желая приобрести блага, достойные гораздо большего попечения, блага духовные, беспечно спим даже днем, и остаемся всегда обнаженными и безоружными? Подлинно, кто живет во грехах, тот безоружен и наг; напротив, кто живет по правде, тот вооружен. А мы не ограждаем себя милостынею, не готовим себе горящих светильников, не облакаемся в духовное оружие, не изучаем пути, ведущего на небо, не трезвимся, не бодрствуем; потому и похитить ничего не можем. Кто хочет взять царство, тот не предполагает ли себе наперед бесчисленное множество смертных опасностей? Не вооружает ли себя, не изучает ли военное искусство, не принимает ли к тому все меры, и не стремится ли таким образом к цели? А мы поступаем не так, но хотим похитить (царство небесное), предаваясь сну; потому и отходим с пустыми руками. Не видишь ли, как похищающее что-нибудь бегут, как спешат, как ниспровергают все препятствия? Нужно скоро бежать. Иначе тебя настигнет диавол, и находящимся впереди прикажет задержать тебя. Но если ты будешь силен, если будешь бодр, то одного оттолкнешь ногою, другого отстранишь рукою, и уйдешь от всех, как птица. Когда же отойдешь отсюда, когда перейдешь торжище, исполненное великого шума, какова настоящая жизнь, то достигнешь того, что выше всего этого, какова будущая жизнь. Там, как в пустыне нет шума, нет никого, кто бы тревожил, кто бы задерживал. Ты приобрел что-нибудь доброе? После приобретения тебе нужно небольшое усилие, чтобы не лишиться приобретенного. Если мы будем бежать, если не будем взирать ни на что, находящееся пред нашими глазами, если не станем заботиться ни о чем другом, а только как бы избегнуть задерживающего нас, то будем в состоянии безопасно удержать у себя приобретенное. Ты приобрел целомудрие? Не стой же, беги, удаляйся от диавола; если он увидит, что не может настигнуть тебя, то не будет и гнаться. Так и мы, когда похитивших теряем из виду, то, не надеясь ничего более, и сами не преследуем их, и других не просим задержать их, но оставляем их бежать от нас. Подобным образом и ты беги скорее с самого начала. Когда ты будешь далеко от диавола, то он уже не станет преследовать тебя, и ты будешь в безопасности, безбоязненно наслаждаясь неизреченными благами, которых да сподобимся все мы, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь и поклонение, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ТИТУ

БЕСЕДА 1

"Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа, по вере избранных Божиих и познанию истины, [относящейся] к благочестию, в надежде вечной жизни, которую обещал неизменный в слове Бог прежде вековых времен, а в свое время явил Свое слово в проповеди, вверенной мне по повелению Спасителя нашего, Бога, - Титу, истинному сыну по общей вере: благодать, милость и мир от Бога Отца и Господа Иисуса Христа, Спасителя нашего" (Тит.1:1-4).

1. Из спутников Павла Тит был (человеком) опытным. Если бы он не был опытным, то Павел не вверил бы ему целого острова, не велел бы ему восполнить недостающее: **"чтобы ты довершил недоконченное"** (Тит.1:5), говорит он ему; апостол не облек бы этого мужа правом суда над столькими епископами, если бы не так решительно полагался на него. Говорят, что он был молод, так как (апостол) называет его своим чадом (Тит. 1:4); но, впрочем, отсюда это еще не явствует. Думаю, что о нем упоминается и в Деяниях (Деян.18:7), и тогда, пожалуй, он был родом из Коринфа, если только не было кого-либо другого, одноименного с ним. (Апостол) приглашает к себе Зину, и повелевает прислать Аполлоса, а его – нет (Тит.3:13); этим он засвидетельствовал, что перед императором они могли оказать более мужества и силы. Мне кажется, что Павел писал это послание во время между первым и вторым своим заключением, когда был свободен, потому что он не говорит здесь ничего об искушениях, но постоянно, и в начале и в конце, обращается с благодарностью к Богу, что было для верующих достаточным поощрением к добродетели. Понять, чего они заслуживали прежде, в какое потом приведены состояние и именно благодатью, и чего теперь удостоились, – это для них не малое ободрение. Он нападает также на иудеев. Не удивляйся, что он укоряет целый народ; то же самое он делает и с галатами, когда говорит: **"О, бессмысленные Галаты"** (Гал.3:1). Это сказано им не от раздражительности, а из любви. Если бы он делал это для своих выгод, то справедливо можно было бы осуждать его; если же он делал это по своей пламенной ревности к проповеди, тогда это – не оскорбление. И Христос многократно укорял книжников и фарисеев, но не за Себя, а потому, что они губили всех других. (Апостол) пишет краткое послание, и не без основания. Это также служит доказательством добродетели Тита, что он не нуждался в длинных речах, а только в некотором напоминании. Это послание, кажется мне, предшествует посланию к Тимофею. То писал он при конце жизни, находясь в узах, а это в такое время, когда был отпущен и свободен от уз. Слова: **"поспеши придти ко мне в Никополь, ибо я положил там провести зиму"** (Тит.3:12) доказывают, что он еще не был в узах, а там он постоянно называет себя узником. Что же говорит он? **"Павел, раб Божий, Апостол же Иисуса Христа, по вере избранных Божиих"**. Видишь ли, как безразлично он употребляет эти выражения, называя себя иногда рабом Божиим и апостолом Христовым, а иногда рабом Христовым: **"Павел, раб Иисуса Христа"** (Рим.1:1)? Таким образом, он не полагал никакого различия, между Отцом и Сыном. "По вере избранных Божиих и познанию истины, [относящейся] к благочестию, в надежде вечной жизни". **"По вере избранных Божиих"**: т. е. потому ли, что ты уверовал, или потому, что тебе вверено? По моему мнению, он говорит о том, что ему вверены избранные Божьи. Т. е. не за свои совершенства, не за труды и подвиги я получил такое достоинство, но все сделано по благодаянию Вверившего мне. Потом, чтобы не сочли действие благодати неразумными, – ведь не все от одного Бога, иначе, почему Он не вверил того же другим? – то (апостол) прибавил: **"и познанию истины, [относящейся] к благочестию"**. Благодаря этому, говорит он, и вверено мне, или вернее и это самое дано мне по благодати Его; Он – Виновник и этого моего качества (т. е. разума истины по благочестию). Потому и сам Христос говорит: **"Не вы Меня избрали, а Я вас избрал"** (Ин.15:16). И в другом месте тот же блаженный (апостол) говорит: **"познаю, подобно, как я познан"** (1 Кор.13:12); и еще: **"не достигну ли я, как достиг меня Христос Иисус"** (Флп.3:12). Сначала мы были достигнуты, а потом познали; сначала – познаны, а потом достигли; сначала – призваны, а потом послушались.

Выражением: **"по вере избранных"** (апостол) приписывает все им; через них я стал апостолом, не как достойный того, а ради избранных, как и в другом месте, он говорит: **"ибо все ваше: Павел ли, или Аполлос"** (1 Кор.3:21,22). **"И познанию истины"**, – говорит, – **"[относящейся] к благочестию"**, – потому что есть истина практическая, а не по благочестию, например: знание земледелия, знание искусств, – это тоже истинное знание; но та истина есть истина по благочестию. Или выражение: **"по вере"** означает то, что они уверовали, подобно прочим избранным, и познали истину. Следовательно, знание – от веры, а не от разума. **"В надежде вечной жизни"**. Сказав о настоящей жизни, устроенной по благодати Божьей, говорит и о будущей, представляя награды за то, чем (Господь же) нас облагодетельствовал. За то именно, что мы уверовали и избавлены от заблуждения, (Бог) желает увенчать нас. Видишь, как самое вступление наполнено указаниями на благодеяния Божьи; и все вообще это послание оказывается преимущественно таковым, поощряя к большим трудам как самого святого (Тита), так и учеников его. Ведь ничто так не полезно нам, как постоянное воспоминание о благодеяниях Божьих, общих и частных. Если мы, получив благодеяние от друга, услышав от него приятное слово или приняв добрую услугу, горячее привязываемся к нему, то тем более мы будем ревностны в послушании Богу, когда увидим, в каких опасностях мы находились, и от всех Он избавил нас. **"И познанию истины"**. Об истине он говорит здесь в противоположность прообразованию. И оно было знанием и благочестием, но не истины, хотя, во всяком случае, и не лжи, однако, только – образов (истины) и подобия ее. Хорошо сказал (апостол): **"в надежде вечной жизни"**, потому, что то благочестие было в надежде жизни настоящей: **"исполнивший его"**, – говорит (Писание), – **"человек жив будет им"** (Рим.10:5). Видишь ли, как с самого вступления он показывает отличие благодати (от закона)? Не те – избранные, но мы. Если же и они прежде назывались избранными, то теперь уже – нет. **"Которую обещал"**, – говорит, – **"неизменный в слове Бог прежде вековых времен"**, т. е. не теперь за покаяние наше, но предопределено это изначально. То же он утверждает во многих других местах, например: **"избранный к благовестию Божию"** (Рим. 1: 1), и еще: **"кого Он предугадал, тем и предопределил быть"** (Рим.8:29), означая наше благородство, – то, что не ныне, но изначально Бог возлюбил нас; а быть возлюбленным издревле и от начала – немаловажно.

2. **"Которую обещал неизменный в слове Бог"**. Если (Бог) неложен, то непременно исполнится то, что Он обещал; если неложен, то не должно сомневаться, хотя это и исполнится лишь после смерти. **"Которую обещал неизменный в слове Бог прежде вековых времен"**. Словами: **"прежде вековых времен"** (апостол) также показывает достоверность обетования. Не потому, говорит, так совершилось, что иудеи не обратились ныне, но так предначертано издревле. Итак, послушай, что он говорит: **"а в свое время явил"**. Для чего же это промедление? Из попечения о нас и для того, чтобы совершить благовременно. **"Время"**, – говорит пророк, – **"Господу действовать"** (Пс. 118:126). **"В свое"**, – т. е. в приличное, надлежащее, сообразное. **"Явил"**, – говорит, – **"Свое слово в проповеди, вверенной мне по повелению"**, т. е. проповедание. Оно, это благовестие, заключало в себе все – и настоящее, и будущее, жизнь, благочестие, веру, все вместе. **"Проповеданием"**, т. е. явно, с дерзновением, потому что таково значение слова: **"проповеданием"**. Как глашатай на зрелище провозглашает в присутствии всех, так и мы провозглашаем, и не прибавляем ничего, но говорим то, что сами слышали. Достоинство провозвестника состоит в том, чтобы сказать всем действительно бывшее, не прибавляя ничего и не убавляя.

Итак, если нужно проповедовать, то нужно проповедовать с дерзновением; иначе это не будет проповеданием. Поэтому и Христос не сказал: **"говорите на кровлях"**, но: **"проповедуйте на кровлях"** (Мф.10:27), указывая на характер проповеди и местом, и способом действия. **"Вверенной мне по повелению Спасителя нашего, Бога"**.

Выражениями: **"Вверенной мне"** и **"по повелению"** он отмечает свою достоверность, чтобы никто не обижался, не уклонялся, не упрямствовал. Итак, если это – повеление (Божье), то я сам не властен: я исполняю приказание. Из того, что нам должно делать, иное зависит от нас, а другое – не от нас. То, что Он повелевает нам, не зависит от нас; а то, что Он дозволяет нам, зависит от нас. Например: **"кто скажет брату своему: "безумный", подлежит геенне огненной"** (Мф.5: 22); это – повеление; и еще: **"Итак, если ты принесешь дар твой к жертвеннику и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя, оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой"** (Мф.5:23,24); и это – повеление, так что не исполняющий этого неизбежно подлежит наказанию. Когда же говорит (Господь): **"если хочешь быть совершенным, пойди, продай имение твое"**, и еще: **"Кто может вместить, да вместит"** (Мф.19:21,12), то это – не повеление. Здесь Он предоставляет сказанное на волю слушателя и позволяет ему свободный выбор действия. Здесь делать или не делать – в нашей власти; а повеления – не в нашей власти, но необходимо или исполнять их, или за неисполнение подвергнуться наказанию. То же выражает (апостол), когда говорит: **"нечем мне хвалиться, потому что это необходимая [обязанность] моя, и горе мне, если не благовествую"** (1 Кор.9:16). Представлю это еще яснее, чтобы для всех было очевидно. Например: кому вверено начальство в Церкви, кто почтен достоинством епископства, тот не будет невиновным, если он не объясняет народу, что должно делать; между тем мирянин нисколько к тому не обязан. Поэтому Павел и говорит: **"по повелению Спасителя нашего"** это делаю. И заметь, как самые выражения соответствуют тому, о чем я сказал. Выше он говорит: **"неизменный в слове Бог"**, а здесь: **"по повелению Спасителя нашего Бога"**. Если же Он – Спаситель, и сам повелел это из желания нам спасения, то, значит, это не дело властолюбия; здесь – вера и повеление Бога Спасителя. **"Титу, истинному сыну"** могут быть и неистинные сыны, как, например, тот, о котором он говорит: **"кто, называясь братом, остается блудником, или лихоимцем, или идолослужителем, или злоречивым, или пьяницею, или хищником; с таким даже и не есть вместе"** (1 Кор.5:11). Вот тоже сын, но неистинный; он – сын, потому что некогда принял благодать и возрожден, но неистинный, потому что недостойн своего Отца, так как добровольно предал себя другому властителю. У плотских детей истинность и неистинность зависит от рождающей и рождающего; а здесь не так, но от доброй воли. Здесь можно и тому, кто был истинным сыном, не остаться истинным, и неистинному сделаться истинным, потому что это заключается не в природной необходимости, но в свободном произволении, от чего и происходят частые изменения. Онисим был истинным сыном, но стал неистинным, потому что сделался негодным; а потом опять сделался истинным, так что (апостол) назвал его своим сердцем (утробой) (Флм. 10-12). **"Титу, истинному сыну по общей вере"**. Что значит: **"по общей вере"**. Назвав его **чадом** и приняв на себя звание отца его, (апостол) здесь ограничивает и смягчает это почетное название и вот каким образом. Он прибавляет: **"по общей вере"**, т. е. по вере я не имею ничего большего в сравнении с тобой, потому что она – общая и ею возродились как я, так и ты. Почему же он называет его своим **чадом**? Или только для того, чтобы показать свою любовь к нему, или потому, что сам он прежде него начал проповедовать, или потому, что (Тит) был просвещен им. Поэтому он называет верующих и чадами, и братьями; как возрожденные одной и той же верой, они – братья; а как возрожденные через него, они – чада. Таким образом, словами: **"по общей вере"** он указывает на братство. **"Благодать и мир от Бога Отца, и Господа Иисуса Христа Спася нашего"**. Сказав: чадо, (апостол) прибавляет: **"от Бога Отца"**, чтобы возвышеннее настроить мысли (Тита) и научить, чье он чадо, а говоря не только: **"по общей вере"**, но и прибавляя: **"Отца нашего"**, он показывает равночестность (Тита) с ним.

3. Посмотри же, как он желает и учителю того самого, чего желает ученикам и народу, потому что и сам учитель, подобно им, имеет нужду в таких благах, и еще гораздо больше

их, поскольку больше имеет он врагов и больше у него случаев прогневить Бога. Насколько велико достоинство имеющего священство, настолько больше у него и опасностей, потому что одно исправное прохождение епископства может возвести на небо, и одна неисправность в этом деле может ввергнуть в геенну. Оставляя все другое, случаемся ежедневно, скажу вот что: если он по дружбе или по какой-нибудь другой причине предоставит епископскую власть лицу недостойному и вверит ему начальство над великим городом, то смотри, какому огню он становится повинным. Он даст отчет не только за погибающие души, – потому что неблагочестивый губит их, – но и за все, совершаемое под его начальством. Кто, будучи мирянином, неблагочестив, тот будет еще более неблагочестивым, когда получит власть. Трудно и благочестивому человеку остаться таким по получению власти. Тогда сильнее заявляют о себе и тщеславие, и корыстолюбие, и самонадеянность, – так как начальство дает к тому возможность, – равно и столкновения, оскорбления, злословия и многое другое. Поэтому кто неблагочестив, тот будет еще более неблагочестивым, сделавшись начальником. А кто поставит такого начальником, тот будет виновен во всех грехах, совершаемых им и всем народом. Если соблазняющему **"лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской"** (Мф.18:6), то соблазняющие столько душ, целые города, народы, тысячи семейств, мужей, жен, детей, граждан, земледельцев, живущих в том же городе и в других, подвластных ему, какому подвергнется наказанию? Если назовешь другое, втрое большее (наказание), то не выразишь ровно ничего: такого он достоин наказания и мучения! Таким образом, учитель особенно имеет нужду в благодати Божьей и мире. Если он без них будет управлять народом, то все распадется и погибнет, за отсутствием у него кормила. Хотя бы он и был опытным в управлении, но, если не будет иметь этого кормила – благодати и мира от Бога, то потопит корабль и плывущих. Поэтому мне приходится удивляться тем, которые домогаются такого бремени. Жалкий и несчастный человек, ужели ты не видишь, чего домогаешься? Если ты живешь сам по себе, безвестным и незнатным, то, хотя бы ты совершил множество грехов, ты отдашь отчет за одну душу, и за нее только подвергнешься наказанию; если же ты достиг такой власти, то, подумай, за сколько человек ты будешь повинен мучению. Послушай, что говорит Павел: **"Повинуйтесь наставникам вашим и будьте покорны, ибо они неусыпно пекутся о душах ваших, как обязанные дать отчет"** (Евр.13:17). А ты домогаешься чести и власти? И что за удовольствие от этой чести? Совсем его не вижу. Да и невозможно в подлинном смысле быть властителем. Почему? Потому, что повиновение зависит от воли самих подчиненных. Кто захочет тщательно исследовать дело, найдет, что такой человек достигает не начальства, а порабощения бесчисленному множеству господ, которые желают и требуют противного друг другу. Что хвалит один, то порицает другой; что осуждает один, тому удивляется другой. Кого же слушать, кому повиноваться? Невозможно (определить). Наемник, слыша от господина своего противоречащие приказания, может, по крайней мере, выражать свое неудовольствие; а ты, если будешь огорчаться противоречащими приказаниями этих господ, дашь ответ и за это, и уста всех откроются против тебя. Это ли честь, скажи мне, это ли начальство, это ли власть?

4. Епископ предлагает сделать денежные приношения. Кто не хочет, тот не только не приносит, но еще, чтобы показать, что он делает это не по нерадению, порицает предложившего, говоря: он крадет, расхищает, поедает достояние бедных, проживает имущество нищих. Перестань злословить; куда ты будешь говорить это? Не хочешь делать взноса – никто и не принуждает тебя, никто не требует насильно; зачем же ты злословишь того, кто обращается к тебе с простой просьбой и советом? Но вот кто-нибудь впал в нужду и епископ не простер ему руки помощи, или потому, что не мог, или потому, что был занят другим делом: опять нет ему никакого прощения, но снова начинаются порицания, худшие прежних! Это ли начальство? И учинить расправы (епископ) не может, потому что (порицающий) есть собственная его утроба. Как утробе своей, хотя бы

она распухла и причиняла боль и голове и всему телу, мы не решаемся мстить, не берем меча и не рассекаем ее, так и подчиненному, если он таков, причиняет нам страдания и беспокойства подобными порицаниями, мы не решаемся мстить; это чуждо отеческой душе, которая по необходимости переносит огорчение, пока (огорчающий) не исцелится от своей болезни. Наемный раб имеет у себя какое-нибудь определенное дело, и после того, как исполнит его, свободно располагает сам собой; а епископа буквально тащат повсюду, и требуют от него много такого, что превышает его силы. Если он неспособен говорить красноречиво, бывает сильный ропот; если способен, опять начинаются порицания, – говорят: он – тщеславен. Если он не воскрешает мертвых, то говорят: он не заслуживает никакого внимания; такой-то благочестив, а он – нет. Если он умеренно употребляет пищу, опять порицания: ему следовало, говорят, истощать себя. Если кто увидит его моющимся, снова множество порицаний: он, говорят, отнюдь не должен даже смотреть на солнце. Если он, говорят, делает то же самое, что и я, и моется, и ест, и пьет, и одевается, и заботится о доме и слугах своих, то за что он сделан моим предстоятелем? Он и рабов имеет, которые служат ему, и на осле ездит, – за что же он сделан моим предстоятелем? Но, скажи мне, ужели он не должен иметь служителя, а сам обязан и зажигать огонь, и носить воду, и рубить дрова, и ходить на рынок? Не стыдно ли это? Святые мужи, апостолы, не хотели утруждать занимающегося учительством даже служением вдовицам, но считали это дело недостойным его (Деян.6:2); а ты возлагаешь на него службу рабов твоих? Почему ты, предписывающий ему это, сам-то не изменяешь обычного порядка жизни и не исполняешь всего этого? Признайся, не гораздо ли большее он исполняет служение тебе, чем ты, озабоченный интересами житейскими? Почему же не пошлешь своего раба для служения ему? Христос умыл ноги ученикам; ты же, если окажешь услугу учителю, великое ли дело сделаешь? Но ты не хочешь предоставить ему услугу, и даже обременяешь его. Что же? Ужели с неба он должен ожидать помощи в жизни? Но это неуютно Богу. Итак, что же? Апостолам, говоришь ты, служили свободные люди. Хочешь ли выслушать, как жили апостолы? Они совершали путешествия, а для их спокойствия свободные мужи и благородные жены полагали души и головы свои. Послушай блаженного (Павла), который, увещевая (слушателей), говорит: **"таких имейте в уважении"**; и еще: **"за дело Христово был близок к смерти, подвергая опасности жизнь, дабы восполнить недостаток ваших услуг мне"** (Флп.2:29,30). Видишь ли, что говорит он? А ты не хочешь даже сказать слова за отца своего, не только что подвергнуться такой опасности. Но мыться, говоришь ты, ему не следует. Почему, скажи мне, где запрещается это? Ведь и нечистым оставаться – нехорошо. Нигде мы не видим, чтобы это осуждалось, или похвалялось.

Есть же нечто другое, что (апостол) заповедал иметь епископу: **быть непорочен, трезв, целомудрен, честен, страннолюбив, учителен** (1 Тим.3:2; Тит.1:8). Вот чего требует апостол; этого следует требовать от начальствующего, а больше – ничего. Ты не правее Павла, а тем более не правее Духа (Святого). Если он бийца, или пьяница, или жесток и немилостив, порицай его: это недостойно епископа; если он роскошествует, это заслуживает порицания. Но если он бережет свое тело, чтобы служить тебе, если заботится, чтобы быть полезным тебе, то неужели должно порицать его за это? Разве ты не знаешь, что немощь телесная, не менее немощи душевной, вредит как нам, так и Церкви? Почему и Павел врачует ее, когда пишет Тимофею: **"употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов"** (1 Тим.5:23)? Если бы мы совершали добродетель одной душой, то нам не нужно было бы заботиться о теле. Для чего же и вообще мы так созданы? А если и тело много участвует в этом, то не крайнее ли безумие – пренебрегать им? Представим, что какой-нибудь муж, почтенный достоинством епископства и получивший предстояние в церковном обществе – человек и в других отношениях добродетельный и имеет все, чтобы прилично иметь лицу священному, но от великой немощи постоянно лежит в постели: какую он может принести пользу, какое

предпринять путешествие, какие сделать посещения, кого обличить, кого уговорить? Сказал я это для того, чтобы вы научились не порицать епископов без разбора и принимать их с большей благосклонностью, а если кто домогается власти, то, имея ввиду такое множество порицаний, заглушал бы в себе это желание. Поистине, велика здесь опасность и весьма нужны здесь благодать и мир, которых в обилии вы испрашиваете у Бога нам, а мы (будем испрашивать) вам, чтобы и мы и вы, преуспевая в добродетели, достигли обещанных благ, во Христе Иисусе, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 2

"Для того я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное и поставил по всем городам пресвитеров, как я тебе приказывал: как я тебе приказывал: если кто непорочен, муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности" (Тит.1:5,6).

1. У древних мужей вся жизнь была деятельна, и полна подвигов; а у нас – не так, но полна лени. Те знали, что они для того и пришли в мир, чтобы трудиться согласно с волей Давшего им бытие; а мы, как будто родившиеся для того, чтобы есть, пить и веселиться, не думаем ни о чем духовном. Говорю это не об апостолах только, но и о тех, которые были после них. Они, как видишь, ходили везде, преданные этому как своему единственному делу, и всю жизнь проводили в чужих странах, как бы не имея на земле (родного) города. Послушай, что говорит блаженный (Павел): **"Для того я оставил тебя в Крите"**. Разделив между собой вселенную, как бы один дом, они управляли всем и заботились обо всем, приняв на себя один одну часть, а другой другую. **"Для того"**, – говорит, – **"я оставил тебя в Крите, чтобы ты довершил недоконченное"**. Не повелительным образом требует от него этого. **"Чтобы довершил"**, – говорит. Видишь, как душа его была чиста от всякой зависти, как он всегда искал пользы поучаемых, не разбирая, будет ли она достигнута им самим, или кем-нибудь другим? Там, где была опасность и великое затруднение, он исправлял все сам личным присутствием; а что доставляло более чести или славы, то поручает ученику, именно: рукоположение епископов и все другое, что имело нужду в некотором исправлении, или, так сказать, в большем упорядочении. Скажи мне, что же это говоришь ты: чтобы он исправлял твои действия? И ты не считаешь этого унижительным и постыдным для себя? Нисколько, говорит, так как я имею ввиду только общую пользу; мной ли будет сделано, или другим, для меня все равно. Таким должен быть предстоятель (Церкви), – искать не своей чести, но общей пользы. **"И поставил"**, – говорит, – **"по всем городам пресвитеров"**. Здесь он понимает епископов, как мы сказали в другом месте. **"Как я тебе приказывал: если кто непорочен"**. **"По всем"**, – говорит, – **"городам"**. Он не хотел, чтобы весь остров поручен был одному лицу, но чтобы каждый имел свою часть в своем попечении и наблюдении; таким образом, и для него самого облегчается труд, и над подчиненными будет больше наблюдения, если учитель не будет отвлекаться для предстоятельства над множеством Церквей, но будет заниматься только одной и ее благоустраивать. **"Если кто непорочен"**, – говорит, – **"муж одной жены, детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности"**. Для чего он представляет такого человека? Он заграждает уста еретикам, осуждавшим брак, показывая, что это дело не дурное, но настолько честное, что при нем можно восходить даже на священный престол; вместе с тем он укоряет людей невоздержанных, не позволяя после второго брака принимать эту власть. В самом деле, кто не сохранил никакого расположения к умершей (жене), как может тот быть хорошим предстоятелем? Какому только не подвергнется он порицанию? Ведь все вы знаете, что, хотя законами и не запрещено вступать во второй брак, однако это дело подвергается многим нареканиям. (Апостол) желает, чтобы начальствующей не подавал подчиненным

никакого повода к нареканиям, потому и говорит: **"если кто непорочен"**, т. е. если жизнь его свободна от нареkania, если никто не мог упрекнуть его в (дурной) жизни. Послушай, что говорит Христос: **"если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма"** (Мф. 6:23)? **"Детей имеет верных, не укоряемых в распутстве или непокорности"**. Заметьте, какую великую предусмотрительность обнаруживает он и в отношении к детям, потому что кто не мог научить своих детей, тот как может быть учителем других? Если он не мог устроить тех, которых с самого начала имел при себе и воспитывал, и над которыми имел власть и по законам, и по природе, то, как он может быть полезным для чужих? Если бы не была велика беспечность отца, то он не допустил бы сделаться злыми тем, над которыми имел власть с самого начала (их жизни). Невозможно, поистине невозможно, чтобы тот, кто с самого начала был воспитан с великим тщанием и окружен попечениями, сделался злым, потому что грехи не таковы по своей природе, чтобы они могли быть сильнее такого попечения. Если же он считал воспитание детей делом второстепенным, заботясь только об имуществе и не имея о них такого же старания, то и поэтому он недостойн (священного сана). Если там, где побуждала его природа, он имел так мало любви, или был так безрассуден, что больше заботился об имуществе, нежели о детях, то, как он может быть возведен на престол (епископский) и на такую степень власти? Если он не мог (воспитать своих детей), то достоин великого осуждения за леность; а если не старался, то достоин великого осуждения за недостаток любви. Поэтому кто нерадит о своих детях, тот как будет заботиться о чужих? И далее (апостол) сказал не просто: чтобы он не был распутным, но – чтобы не подлежал и **"не укоряемых в распутстве"**, чтобы не было о нем и молвы худой. **"Ибо епископ должен быть"**, – говорит, – **"непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца"** (ст. 7).

2. Кто имеет внешнюю (гражданскую) власть, тот как управляющей силой закона и по необходимости, справедливо не всегда соображается с желаниями подчиненных; но кто должен начальствовать над людьми, подчиняющимися ему добровольно и чувствующими благодарность за его управление, тот, если будет поступать во всем только по своему произволу и никому не давать отчета, сделает свое правление насильственным, а не народным. **"Ибо епископ должен быть"**, – говорит (апостол), – **"непорочен, как Божий домостроитель, не дерзок, не гневлив, не пьяница, не бийца, не корыстолюбец"**. Как может учить других обуздывать эту страсть тот, кто не научил этому самого себя? Власть поставляет человека во многие обстоятельства, которые делают и весьма кроткого тяжелым и суровым, подавая множество поводов к гневу. Потому, если он наперед не позаботился об укрощении этой страсти, то будет (для подчиненных) крайне тяжелым, повредит и погубит многое в делах своего управления. **"Не пьяница, не бийца"**. Здесь он разумеет оскорбителя. Епископу следует делать все увещанием, а не порицанием и оскорблением; да и какая, скажи, необходимость оскорблять? Надобно угрожать геенной, усиливать угрозы, поражать. Оскорбляемый же делается более дерзким и презирает оскорбляющего. Ничто так не возбуждает презрения, как оскорбление, которое наносит более бесчестия самому оскорбляющему, лишая его должного уважения. Слово епископа должно быть исполнено великого благочестия, при обличении грехов напоминать о будущем суде и быть чистым от всякого оскорбления; если же кто-нибудь препятствует ему в исполнении должного, то нужно действовать со всей властью. **"Не бийца"**, – говорит (апостол). Учитель есть врач душ; а врач не наносит ударов, но наносящего удары исправляет и лечит. **"Не корыстолюбец, но страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив, воздержан, держащийся истинного слова, согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здравом учении и противящихся обличать"** (ст. 8, 9). Видишь ли, какой высокой он требует добродетели? **"Не корыстолюбец"**, – говорит, т. е. показывающий великое презрение к деньгам. **"Страннолюбив, любящий добро, целомудрен, справедлив, благочестив"** т. е. раздающий все свое имущество нуждающимся; **"воздержан"** – разуметь здесь не

постника, но воздержанного от страсти и языка, и руки и бесстыдного взора; ведь в том и состоит воздержание, чтобы не поддаваться никакой страсти. **"Держащийся истинного слова, согласного с учением"**. Под **верным** здесь он понимает истинное, или преподаваемое посредством веры, не имеющее нужды в умствованиях или исследованиях. **"Держащийся"**, т. е. тщательно содержащему, поставляющему это своим долгом. Поэтому, что из того, если он будет неискусен во внешнем красноречии? С этой целью сказано: **"согласного с учением, чтобы он был силен и наставлять в здоровом учении и противящихся обличать"**. Таким образом, нужны не красноречивые, но здоровые слова, знание Писаний и сила мыслей.

Разве не видишь, как Павел обратил всю вселенную и сделал больше, чем Платон и все другие? Но, скажешь, он сделал это посредством знамений. Не посредством знамений только; если прочитаешь Деяния Апостольские, то увидишь, что он часто побеждал учением и прежде знамений. **"Чтобы он был силен и наставлять в здоровом учении"**, т. е. для ограждения своих и отражения врагов. **"И противящихся обличать"**, потому что, если этого не будет, то все расстроится. Кто не умеет бороться с врагами, *пленять всяк разум в послушание Христово* и низлагать мудрования (1 Кор.10:5), кто не знает, как нужно учить здоровому учению, тот пусть будет далек от учительского престола. Прочие качества можно находить и в подчиненных, как-то: непорочность, держание детей в послушании, страннолюбие, справедливость, благочестие; но что особенно отличает учителя, это то, чтобы он мог оглашать (народ) учением, о чем нисколько не заботятся ныне. **"Ибо есть много и непокорных, пустословов и обманщиков, особенно из обрезанных, каковым должно заграждать уста** (ст. 10). Видишь ли, как (апостол) объясняет, от чего бывают такие люди? От желания не повиноваться, а господствовать; на это именно он намекает. Следовательно, если ты не можешь убедить их, то не предоставляй им власти, но загради им уста для пользы других. Какая от них польза, если они не убеждаются, или **непокорны**? Для чего нужно заграждать им уста? Для того чтобы другие получили от того пользу. **"Они развращают целые дома, уча, чему не должно, из постыдной корысти"** (ст. 11). Если тот, кто принял на себя обязанность учения, будет неспособен бороться с этими людьми и заграждать им, столь бесстыдным, уста, он будет виновен в погибели каждого из погибающих. Поэтому, если (Премудрый) заповедует: **"не домогайся сделаться судьей, чтобы не оказаться тебе бессильным сокрушить неправду"** (Сир.7:6), то тем более здесь можно сказать: не домогайся сделаться учителем, если ты не имеешь способности к этому делу, но уклоняйся, если бы тебя даже привлекали. Видишь, как всегда сребролюбие, или скверностяжательность, бывает этому причиной? **"Уча"**, – говорит, – **"чему не должно, из постыдной корысти"**.

3. Нет ничего, чему бы не вредили эти страсти. Как бурные ветры, падая на тихое море, возмущают его все с самого дна, так что песок смешивается с волнами, – так и страсти, вторгаясь в душу, превращают в ней все вверх дном и ослепляют ее мыслительную способность, особенно страсть к славе. Презирать богатство не трудно для того, кто захочет; но чтобы презирать честь от людей, для этого нужно много усилия, великое любомуудрие, нужна душа как бы ангельская, достигающая самой высоты небесной, потому что нет, истинно нет другой страсти, столь же сильной и всюду господствующей, в большей, или в меньшей мере, но, во всяком случае – везде. Каким же образом мы можем преодолеть ее, если не вполне, то хотя в малейшей степени? Если мы будем взирать на небо, если будем иметь Бога перед очами своими, если устремим помыслы наши выше всего земного. Когда ты желаешь славы, то представь, что ты уже получил ее, продумай до самого конца, и ты не найдешь там ничего; представь, какой она причиняет вред, каких и скольких лишает благ, – потому что для нее ты подвергнешься трудам и опасностям, а плодов и наград от нее не получишь. Вспомни, что между людьми, (достигшими славы), есть очень много злых, и презирай их славу; поразмысли о каждом

из них, кто он, и увидишь, что эта слава достойна смеха, что она скорее позор, чем слава; и после этого возводи ум свой к горнему зрелищу. Когда ты, делая какое-нибудь доброе дело, думаешь, что нужно показать его и людям, ищешь каких-нибудь зрителей этого дела, и стараешься быть видимым, то вспомни, что тебя видит Бог, – и истребишь в себе всякое такое пожелание; отрешись от земли и устрями взор к зрелищу небесному. Люди, если и похвалят, после будут хулить, будут завидовать, будут вредить; если даже и не сделают этого, то не принесут совершенно никакой пользы тому, кого хвалят. Но не так у Бога; напротив Он радуется, восхваляя наши добрые дела. Ты хорошо сказал и удостоился рукоплесканий! Но что пользы от этого? Если рукоплескавшие получили пользу, изменились, сделались лучшими, отстали от прежних пороков, то поистине нужно радоваться, – не похвалам, а доброй и чудной перемене слушателей. Если же они, постоянно воздавая похвалы, продолжая шуметь и рукоплескать, сами не получают никакого плода от этих рукоплесканий, то скорее следует скорбеть, потому что это послужит к их осуждению. Но ты получаешь прославление за благочестие? Если ты истинно благочестив и не сознаешь за собой ничего худого, то нужно радоваться, не потому, что ты кажешься таким, но потому что ты действительно таков; если же ты, не будучи таким, желаешь славы от людей, то вспомни, что не они будут судить нас в последний день, а Тот, Кто в точности знает наше сокровенное. Если ты, сознавая за собой грехи, всеми считаешься чистым от грехов, то не только не следует радоваться этому, но скорбеть и горько плакать, представляя непрестанно тот день, в который откроется все, в который Бог **"осветит скрытое во мраке"** (1 Кор.4: 5). Тебе воздают честь? Отвергни ее, зная, что она делает тебя должником. Никто не воздает тебе чести? Нужно радоваться этому, потому что Бог поставит тебе на вид, между прочим, и то, что ты пользовался честью. Или ты не знаешь, что между прочими благодеяниями Бог ставит в укор и это, когда говорит через пророка: **"Из сыновей ваших Я избирал в пророки и из юношей ваших - в назореи"** (Амос.2:11)? Таким образом, ты получишь ту пользу, что не будешь предан большому наказанию. Кто не получает чести в настоящей жизни, но терпит презрение, не пользуется никаким уважением, но подвергается оскорблению и унижению, тот, если не приобретает ничего другого, то по крайней мере освободится от ответственности за получение чести от подобных себе рабов. Между прочим, он получает отсюда и другую пользу. Он делается кротким и смиренным и, если будет более внимателен к самому себе, никогда не станет превозноситься, хотя бы и захотел. Напротив, человек, пользующийся великой честью, кроме того, что делается тяжким должником, предается надменности и тщеславию и делается рабом людей; затем, по мере умножения людской власти над ним, бывает принужден делать многое, чего не хочет.

4. Итак, зная, что для нас лучше, не будем искать почестей, и даже предлагаемые будем отвергать, а эту страсть отторгнем от себя и истребим. Говорю это и начальствующим, и подчиненным. Душа, жаждущая чести и прославлений, не увидит царства небесного. Это – не мои слова, не от себя я говорю их, но – Божественного Духа. Не увидит, хотя бы и подвизалась в добродетели: **"уже получают"**, – говорит (Господь), – **"награду свою"**. (Мф. 6:5). А кто не получит mzды, тот как может увидеть царство небесное? Я не запрещаю искать славы, но славы истинной, той, которая от Бога: **"ему и"**, – говорит (апостол), – **"похвала не от людей, но от Бога"** (Рим.2:29). Будем благочестивыми втайне, не прикрывая себя спесью, притворством и лицемерием; снимем с себя овчью кожу, или лучше, будем овцами. Нет ничего ничтожнее славы человеческой. Скажи мне: если бы ты увидел множество малолетних детей, точнее – грудных младенцев, то захотел ли бы себе славы от них? Так смотри и на всех людей в отношении к славе. Вот почему это и называется тщеславием. Видишь, какие маски надеваются играющими на сцене, – как они хороши, как блестящи, как сделаны по самым строгим требованиям внешней красоты? Можешь ли ты указать мне такие лица в действительности? Нет. Что же? Возбуждалась ли в тебе когда-нибудь любовь к ним? Нет. Почему? Потому, что это –

пустая маска; она подражает красоте, а на самом деле не красота. Так и слава (человеческая) пуста; она только подражает славе, а на самом деле не слава. Постоянна только одна слава – естественная, внутренняя; а эта, внешняя, часто прикрывает безобразие; впрочем, прикрывает от людей, и только до вечера, а, по окончании зрелища и снятии маски, каждый является тем, что он есть. Поэтому не будем обращаться с истиной так, как на сцене, и с лицемерием. Скажи мне: что хорошего в том, чтобы быть на виду у толпы? Это – тщеславие, и ничто иное; войди в дом, останься один, – и тотчас исчезает все. Ты пришел на площадь и обратил на себя внимание присутствующих? Что же далее? Ничего. Все исчезло и прошло, как рассеявшийся дым. И мы так пристрастны к вещам ничтожным? Какое безрассудство! Какое безумие! Будем же взирать только на то, как бы похвалил нас Бог; если это мы будем иметь в виду, то никогда не станем искать похвалы от людей, но, если даже это случится, станем презирать, осмеивать, гнушаться, настроим себя так, как бы мы, протягиваясь к золоту, схватились за грязь. Пусть не хвалит тебя такой-то; этим он не принесет тебе никакой пользы; а если он будет порицать, то не причинит никакого вреда, От Бога же то и другое доставляет нам пользу или вред; а от людей – все это тщетно. Таким образом мы уподобимся Богу, который не нуждается в славе человеческой: **"Не принимаю"**, – говорит Он, – **"славы от человеков"** (Ин.5:41). А это, скажи мне, разве маловажно? Когда ты не расположен презирать славу, то скажи самому себе: презрев ее, я сделаюсь подобным Богу, – и тотчас станешь презирать ее. Раб славы не может не быть рабом всех, и даже раболепнее самих рабов. Мы не приказываем того своим рабам, что она – преданным ей; она заставляет нас и говорить и переносить постыдное и бесчестное; и особенно, когда видит нас послушными, тем более увеличивает свои требования. Итак, бежим, увещаю вас, бежим от этого рабства. А как, спросишь, мы можем сделать это? Если мы будем философски рассуждать о здешних благах, если будем сознавать, что все настоящее есть сновидение и тень, а ни что иное, то легко преодолеем эту страсть, и не будем предаваться ей ни в мелочах, ни в главном; если же будем допускать ее в мелких случаях, то легко подпадем под ее власть и в самых важных. Удалим от себя и источники ее, т. е. безумие и низменность душевную. Если таким образом мы будем иметь возвышенные помыслы, то будем в состоянии и презирать честь от людей, и устремить ум свой к небу и достичь небесных благ, которых да сподобимся все мы получить благодатью и человеколюбием Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 3

"Из них же самих один стихотворец сказал: "Критяне всегда лжецы, злые звери, утробы ленивые". Свидетельство это справедливо. По сей причине обличай их строго, дабы они были здравы в вере, не внимая Иудейским басням и постановлениям людей, отвращающихся от истины" (Тит.1:12-14).

1. Здесь представляется много вопросов: во-первых, кто сказал это (о критянах); во-вторых, для чего Павел воспользовался этими словами; в-третьих, почему он приводит такое свидетельство, которое заключает в себе неправильную мысль? Итак, прибавив сюда и еще кое-что другое, сделаем надлежащее разрешение этих вопросов. Когда (Павел) беседовал с афинянами, он в речь свою вставил выражение: **"неведомому Богу"**, и еще: **"как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: "мы Его и род"**. (Деян.17:23,28). Слова эти сказал Эпименид, который сам был критянин; но по какому поводу, это нужно объяснить вам; именно – по следующему: критяне имеют у себя гробницу Зевса с такой надписью: **"здесь лежит Зан, которого называют Зевсом"**. За такую надпись поэт в насмешку и называет критян лжецами, а далее, еще более усиливая насмешку, говорит: **"критяне устроили тебе, царь, гробницу; но ты не умер, потому что существуешь всегда"**. [1] Итак, если это свидетельство истинно, то, смотри, какая здесь опасность. Если

поэт, как говорит апостол, прав, сказав, что (критяне) лгут, называя Зевса умершим, то здесь большая опасность. Слушайте, возлюбленные, с полным вниманием. Поэт сказал, что критяне лгут, называя Зевса умершим; апостол подтвердил его свидетельство. Следовательно, по апостолу, Зевс бессмертен, потому что **"свидетельство это"**, – говорит он, – **"истинно"**. Что же сказать на это? Или лучше, как разрешить это недоумение? Не то сказал апостол, но он просто взял это свидетельство только в отношении к лживому нраву критян; иначе, почему он не прибавил и следующих слов: **"критяне устроили тебе, царь, гробницу"**? Таким образом, апостол говорил не об этом, а о том, что хорошо сказал такой-то, что критяне лжецы. Мы не отсюда только заимствуем доказательство, что Зевс не есть Бог; это подтверждается и многими другими доказательствами, а не одним свидетельством критян доказываемся ясно. Не в этом отношении (апостол) называет их лживыми; или лучше, они были лживы и в этом отношении, так как признавали и других богов. За это апостол и назвал их лживыми.

Но спрашивается: почему он приводит свидетельства языческих писателей? Потому, что язычников мы изобличаем особенно тогда, когда приводим близкие к ним свидетельства и обвинения, когда уважаемых ими авторов представляем их обличителями. Поэтому и в другом месте он воспользовался словами: **"неведомому Богу"**. Афиняне, принявшие не всех богов своих с самого начала, но впоследствии признавшие и несколько других, как например, иперборейских, также Пана и великие и малые мистерии, заключая отсюда, что, вероятно, есть еще иной бог, непознанный ими, и, желая также в отношении к нему быть благоговейными, поставили ему жертвенник с надписью: **"неведомому Богу"**, как бы выразив следующее: если есть еще какой-либо неведомый Бог. Поэтому (апостол) и сказал им: **"Сего-то, Которого вы, не зная, чтите, я проповедую вам"** (Деян.17:23). А слова: **"мы Его и род"** сказаны о Зевсе Аратом, который, сказав сначала: **"Зевсом полны пути, наполнено море"**, потом прибавил: **"мы его и род"**, выражая этим, как думаю, то, что мы произошли от Бога. Для чего же Павел сказанное о Зевсе прилагает к Богу всего? Не о Зевсе сказанное он прилагает к Богу, а приличествующее Богу, но несправедливо и неточно приписанное Зевсу он воздает Богу; и самое имя **Бог** принадлежит только Ему одному, но незаконно прилагается к идолам. Да и откуда ему следовало бы заимствовать доказательства в беседе с такими слушателями? Из пророков? Но они не поверили бы. Потому и иудеям он не говорит ничего из Евангелий, но из пророков: **"для Иудеев я был"**, – говорит он, – **"как Иудей, для подзаконных был как подзаконный, для чуждых закона - как чуждый закона"** (1 Кор.9:20,21).

2. Так поступает и Бог; например, волхвов Он ведет не через ангела, не через пророка, не через апостола, не через евангелиста, – но как? Посредством звезды. В каком искусстве упражнялись они, тем Он и привел их. Также о коровах, которые везли кивот, говорится: **"если он пойдет к пределам своим"**, то это поистине гнев Божий как полагали жрецы (1 Цар.6:9). Итак, (языческие) гадалки говорили истину? Нет, но собственными их устами Бог обличал и укорял их. То же было и с волшебницей (аендорской); так как Саул верил ей, то Бог через нее и открыл ему, что с ним случится в будущем (1 Цар.28). Почему же Павел заградил уста бесу, который говорил: **"сии человеки - рабы Бога Всевышнего, которые возвещают нам путь спасения"** (Деян. 16:17)? Почему и Христос запрещал бесам говорить (Мрк. 25)? Там (при апостоле) это справедливо сделано, потому что бесу удавалось являть и знамения; и здесь (при Христе) не звезда была, но сам Он проповедывал о Себе; да и бесы не поклонялись (Ему). Когда говорящим был не идол, то ему не было возбраняемо; так и Валааму Бог попустил изречь благословения, а не воспретил (Числ.23). Так Он везде оказывает снисхождение. Впрочем, чему ты удивляешься? Бог сам прежде попускал иметь о Нем неточные и недостойные Его понятия, например, будто Он телесен, будто Он видим, – а потом против этого говорит: **"Бог есть дух"** (Ин.4:24); также: будто и радуется жертвоприношениям, – что

несвойственно Ему; изрекал Он и слова, несоответствующие истинному о Нем понятию; и многое тому подобное, так как Он никогда не взирает на Свое достоинство, но всегда на нашу пользу. Если отец не взирает на свое достоинство, когда лепечет вместе с детьми, называя пищу, яства и напитки не настоящими именами, но каким-то детским и варварским наречием, то тем более Бог. Так Он через пророка снисходительно укоряет (иудеев), когда говорит: **"переменил ли какой народ богов [своих]"** (Иерем.2: 11); и везде в Писаниях видно снисхождение Его и в словах, и в действиях. **"По сей причине"**, – говорит (апостол), – **"обличай их строго, дабы они были здоровы в вере"**. Потому, говорит, обличай их, что они имеют нрав дерзкий, коварный и необузданный; они преданы бесчисленным порокам. Если они склонны ко лжи, коварны, чревоугодливы и беспечны, то для них нужно сильное и обличительное слово: кротостью такой человек не может быть тронут. Итак, **"обличай их"**. Здесь он говорит не о чужих, но о своих. **"Строго"**. Глубоко, говорит, поражай их. Ведь нужно не со всеми обращаться одинаковым образом, но различно и разнообразно, смотря по обстоятельствам. В настоящем случае он нигде не прибегает к увещаниям, потому что как, укоряя человека послушного и благородного, можно убить его и погубить, так и лаская человека, имеющего нужду в сильном обличении, можно испортить его и не довести до исправления. **"Дабы они были здоровы"**, – говорит, – **"в вере"**. Итак, здоровье состоит в том, чтобы не вводить ничего ложного, ничего чуждого. Если те, которые соблюдают правила касательно пищи, не здоровы, но больны и немощны, – так как **"Немощного в вере"**, – говорит (апостол), – **"принимайте без споров о мнениях"** (Рим.14: 1), – то, что сказать о тех, которые постятся и соблюдают субботу вместе с иудеями, или ходят на места, почитаемые священными у язычников, – разумею место в Дафне, так называемую пещеру Матроны, место в Киликии, называемое Кроновым? Могут ли они быть здоровыми? Поэтому для них нужно сильнейшее обличение. Но почему (апостол) не делает того же в отношении к римлянам? Потому, что их нравы были не такие, но благороднее. **"Не внимая"**, – говорит, – **"Иудейским басням"**. Иудейские обычаи – вдвойне басни и потому, что они искажены, и потому, что безвременны. Вообще они **"басни"**. Раз они не должны выполняться, а при исполнении наносят вред, то они – басни, вещь бесполезная. Таким образом, не следует слушаться ни язычников, ни иудеев, потому что это значило бы не быть здоровым. Если ты содержишь веру, то для чего вводишь еще нечто другое, как будто не достаточно для оправдания? Для чего поработаешь себя и подчинишься закону? Или ты не осмеливаешься на деле (руководиться одной верой)? Это свойственно слабому и неверующему, – такой человек сомневается, – а душе верующей несвойственно сомневаться. **"Для чистых"**, – говорит (апостол), – **"все чисто"**. Видишь ли, к чему сказано было предыдущее? **"Для оскверненных и неверных"**, – говорит, – **"нет ничего чистого"** (ст. 15).

3. Итак, не по природе своей чисты или нечисты (яства), но по произволению принимающего их. **"Но осквернены"**, – говорит, – **"и ум их и совесть. Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу"** (ст. 16). Следовательно, и свинья – чистое (животное). Почему же было запрещено употреблять ее в пищу, как нечистую (Лев.11:7)? Не по природе она была нечиста, потому что (по природе) все чисто; иначе нет ничего не чище рыбы, которая питается и человеческим телом, а между тем была дозволена для употребления в пищу и считалась чистой. Также не было бы ничего не чище курицы, которая ест червей, равно как и оленя, который, говорят, потому и называется оленем (έλαφος), что ест змей (δφεις); но все это употреблялось в пищу. Почему же свинья и некоторые другие подобные животные были запрещены? Не потому, чтобы они были нечисты, но чтобы более ограничить чревоугодие. Если бы Бог так (прямо) сказал это, иудеи не послушались бы; а теперь страхом нечистоты Он удержал их. Что, скажи мне, не чище вина, если исследовать его? Что не чище воды, которой они преимущественно очищались? Они не прикасались к мертвым, между тем очищали себя (в жертвах) мертвым, так как заколотое

– мертво, а они им очищались. Подлинно, детское было их учение. Посмотри еще: вино не от навоза ли получает состав свой? Ведь виноградник всасывает в себя влагу, как из земли, так и из лежащего на ней навоза. И вообще, если мы захотим подробно разбирать, все нечисто. Но если решим не разбираться, нет ничего нечистого, а все чисто. Бог не сотворил ничего нечистого; и нет ничего нечистого, кроме одного греха, потому что он касается души и ее оскверняет; остальное – человеческий предрассудок. **"А для оскверненных"**, – говорит (апостол), – **"и неверных нет ничего чистого, но осквернены и ум их и совесть"**. В чистых может ли быть что-нибудь нечистое? А кто имеет нездоровую душу, тот оскверняет все. Если им овладеет такое настроение, постоянно разбирающее, что чисто и что нечисто, то он, пожалуй, не прикоснется ни к чему. По понятию таких людей, не будет ничего чистого, ни рыба, ни все прочее, – **осквернены"**, – **говорит**, – **"и ум их и совесть"**, но все нечисто. Впрочем (апостол) не сказал так, – но как? Он приписал все самим людям. Нет ничего, говорит он, нечистого, но нечисты сами они, – их ум и совесть, не чище которых нет ничего. **"Они говорят, что знают Бога, а делами отрекаются, будучи гнусны и непокорны и не способны ни к какому доброму делу. Ты же говори то, что сообразно со здравым учением"** (2:1). Вот где – нечистота; сами они – нечисты. Но ты из-за этого не умолкай; хотя бы они и не принимали (наставлений), ты исполняй свое дело; хотя бы они и не убеждались, ты увещевай и советуй. Здесь он сильнее всего обличает таких людей. Так ведь и помешанные думают, что ничто на своем месте не стоит; но это происходит не в предметах видимых, а в воспринимающих их глазах. Они сами стоят нетвердо и страдают головокружением, потому и думают, что земля вертится вокруг них, между тем как она не вертится, а стоит твердо; такая безумная мысль происходит от их собственной порчи, а не от порчи внешнего мира. Так и здесь: когда душа нечиста, она все считает нечистым. Следовательно, свойство чистоты – не воздержание от всего, но смелое принятие всего; чистый по природе дерзает на все, а оскверненный – ни на что. Это можно сказать и против Маркиона. Видишь ли, как показателем чистоты является то, чтобы быть выше всякого осквернения, а не касаться ничего служит знаком нечистоты? Так и у Бога. Если Он принял плоть, – это показатель Его чистоты; а если бы Он, боясь оскверниться, не принял ее, – это было бы знаком Его нечистоты. Кто не вкушает того, что кажется нечистым, тот нечист и немощен; а кто вкушает, тот не таков. Поэтому не будем называть таких людей чистыми: они нечисты; а кто дерзает на все, тот чист. Эту благочестивую разборчивость нужно выказывать в отношении к тому, что оскверняет душу, – это подлинно нечистота, это скверна, а все прочее – нет. Те, у кого испорчен вкус, думают, что предлагаемое им нечисто; но это происходит от их болезни. Итак, следует основательно знать, что по природе своей чисто и что нечисто.

4. Что же нечисто? Грех, злоба, корыстолюбие, лукавство. **"Омойтесь"**, – говорит (пророк), **"очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих"** (Ис1:16). **"Сердце чистое сотвори во мне, Боже"** (Пс 50:12). **"Идите, идите, выходите оттуда; не касайтесь нечистого"** (Ис 52:11). Те (ветхозаветные) очищения были образами (истинного) очищения. **"К трупам"**, – говорит (Писание), – **"их не прикасайтесь"** (Лев11:8). И грех есть такая же мертвечина смердящая. **"Священник"**, – говорит, – **"увидев живое мясо, объявит его нечистым; живое мясо нечисто: это проказа"** (Лев. 13:15). И грех есть также нечто пестрое и разнообразное. А что на это именно указывается здесь, видно из дальнейшего: если проказа будет постоянно и на всем теле, то человек чист; а если на одной части, то нет. Видишь ли, что нечистым бывает то, что разнообразно и перемененно? И еще: **"имеющий истечение, нечист"** в душе (Лев.15:4); под изливающим семя разумеется извергающий семя. Также **"необрезанный"** – нечист (Быт.17:14). Видишь, что это не иносказания, но образы? Здесь разумеется не истребляющий зла в душе своей. Работающий в субботу побивается камнями, – т. е. тот, кто не постоянно предан Богу, погибает. Видите, сколько родов нечистоты? **"Если женщина родит"**, –

сказано, – **"то она нечиста"** (Лев.12:2). Почему, скажи мне? Не сам ли Бог создал семя и рождение? Почему же такая жена нечиста? Не имелось ли здесь ввиду что-нибудь другое? Что же такое? Через это Бог внедрял в душу целомудрие, отвлекал ее подальше от прелюбодеяния, потому что, если рождающая нечиста, то тем более – прелюбодействующая. Если прикасаться к своей жене не совсем чисто, то тем более – смешиваться с чужой. Участвующий в **"погребении"**, – сказано, – **"не чист"** (Лев.21:1); тем более – участвующий в убийстве и войне. И много можно найти родов нечистоты, если перечислять все. Теперь же требуется от нас не это, но все перенесено в душу. Телесное ближе к нам; поэтому при помощи его Бог прежде и наставлял (людей). А теперь не то, потому что не следовало всегда оставаться при образах и тенях, но принять истину и ее держаться.

Грех есть нечистота; его будем избегать, от него будем воздерживаться. **"Если"**, – говорит (Премудрый), – **"подойдешь к нему, ужалит тебя"** (Сир.21:2). Нет ничего не чище корыстолюбия. Откуда это видно? Из самых его действий, потому что чего не оскверняет оно? Оскверняет руки, душу, самый дом, в котором хранится похищенное. У иудеев же это считается ни за что. Между тем у них Моисей нес кости Иосифа, и Сампсон пил из ослиной челюсти и ел мед из челюстей льва, и Илия питался от воронов и вдовицы. Да что, скажи мне, если бы было нужно разбирать в этом подробно, то кожи самих книг Писания не всего ли они не чище? Ведь и они от мертвых животных. Таким образом, не один только блудник нечист, но и другие еще более; и прелюбодей нечист. Но тот и другой нечист не от самого смешения, – так как иначе, по той же причине, и прикасающийся к собственной жене нечист, – но от нарушения права и от любопытствования, по которому он присвоил у брата самое необходимое. Видишь, что нечист порок? Имевший двух жен не был нечист; и имевший многих жен – Давид не был нечист; но когда он взял одну жену незаконно, тогда стал нечистым. Почему? Потому, что сделал несправедливость, потому что похитил чужое. И блудник нечист не по самому смешению, но по характеру (своего поступка), потому что он оскорбляет женственность; равно как наносят оскорбление друг другу те, которые делают женщину общей, извращая законы природы, так как ей должно быть женой одного. **"Мужчину и женщину"**, – говорит (Писание), – **"сотворил их"** (Быт.1:27), и еще: **"и будут одна плоть"** (Быт.2:24); не многие, но два в плоть одну. Таким образом, здесь происходит несправедливость; и потому это – порочное дело. Также и гнев, когда превзойдет меру, делает человека нечистым, не от самого волнения, но от свойства его; потому и прибавлено: **"гневающийся"** – не просто, но – **"напрасно"** (Мф.5:22). Итак, стремление везде к излишеству – нечисто; от жадности и ненасытности рождается нечистота. Будем же бодрствовать, увещаю вас, будем чисты истинной чистотой, чтобы нам сподобиться узреть Бога, во Христе Иисусе Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] См. Феогонию Епименида. Те же выражения о критянах встречаются у поэтов: Каллимаха в гимне Зевсу (стих 8) и у Гезиода в Феогонии (стих 26).

БЕСЕДА 4

"Чтобы старцы были бдительны, степенны, целомудренны, здравы в вере, в любви, в терпении; чтобы старицы также одевались прилично святым, не были клеветницы, не порабощались пьянству, учили добру; чтобы вразумляли молодых любить мужей, любить

детей, быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми, покорными своим мужьям, да не порицается слово Божие" (Тит.2:2-5).

1.И старость имеет недостатки, которых не имеет юность; она имеет некоторые и из недостатков юности, но, кроме того, ей свойственны лень, медлительность, забывчивость, тупость, раздражительность. Поэтому (апостол) и заповедует: **"Чтобы старцы были бдительны"**. Человека в этом возрасте многое располагает быть нетрезвенным, и, во-первых, то самое, о чем сказал я, т. е. притупление всех чувств, слабая возбудимость и неудобоподвижность. Ради этого и прибавляет (апостол): **"степенны, целомудренны"**. Под целомудренными он понимает здесь рассудительных, потому что целомудрием (σωφροσύνη) называется здоровое состояние ума (τὸν φρενών). Есть, подлинно есть и между старцами люди неистовые и нерассудительные, иные от вина, другие от скорби: старость ведь делает (людей) малодушными. **"Здравы в вере, в любви, в терпении"**. Хорошо сказал он: **"в терпении"**; это особенно прилично старцам. **"Чтобы старицы также одевались прилично святым"**, т. е. самой внешностью и одеждой показывающим скромность. **"Не были клеветницы, не поработались пьянству"**. Этот недостаток особенно свойственен женам старости, так как с годами человек охлаждается, и отсюда происходит сильное расположение к вину. Вот почему (апостол) особенно предостерегает их от этого, повсюду изводя пьянство и желая, чтобы они были свободны от этой болезни и избегали происходящего от нее посрамления. С течением времени легче поднимаются испарения снизу вверх и мозговые перепонки повреждаются от старости; отсюда главным образом и происходит опьянение. Правда, этот возраст имеет особенную нужду в вине, – потому что он слаб, – но не в большом количестве вина, равно как и молодые (девы), правда не по этой причине, но потому, что у них сильно воспламеняется огонь пожелания. **"Учили добру"**. Ведь учить ты запрещаешь женам? Как же ты здесь дозволяешь, сказав в другом месте: **"а учить жене не позволяю"** (1 Тим.2:12)? Но послушай, что он прибавил к этому: **"ни властвовать над мужем"**. Мужам исстари предоставлено учить как мужей, так и жен; а женам он позволяет предлагать увещания дома, а отнюдь не позволяет председательствовать (в церкви), или вести продолжительную речь. Потому и присовокупляет: **"ни властвовать над мужем. Чтобы вразумляли быть целомудренными"**, – говорит, – **"молодых"**.

2.Видишь, как он связывает и сопоставляет людей, как подчиняет младших женщин старшим? Не о дочерях он говорит здесь, но вообще о младших по возрасту. Каждая старшая, говорит, пусть вразумляет младшую. **"Чтобы вразумляли молодых любить мужей"**. Это – важнейшее из домашних благ. **"Жена"**, – говорит (Премудрый), – **"с мужем согласна"** (Сир. 25:2). Когда есть это, тогда не будет ничего неприятного. Когда голова в союзе с телом и нет между ними никакого разделения, то не будет ли и все остальное умиротворенным? Когда главные члены в мире, то кто может нарушить и возмутить этот мир? Напротив, если они находятся в худых между собой отношениях, то в доме не будет ничего порядочного. Нет ничего лучше взаимного их согласия; оно полезнее богатства, благородства, власти и всего другого. Не просто сказал (апостол): должны быть в мире, но: любить мужей, потому что, когда будет между ними любовь, то не проникнет к ним никакое разногласие; от нее рождаются и прочие блага. **"Любить детей"**. Хорошо сказал он. Если кто любит корень, то плоды – тем более. **"Быть целомудренными, чистыми, попечительными о доме, добрыми"**. Все происходит от любви; и добрыми и попечительными о доме жены бывают от любви и привязанности к мужу. **"Покорными своим мужьям, да не порицается слово Божие"**. Напротив, жена, презирающая мужа, не радит и о доме. От любви происходит постоянное целомудрие, от любви уничтожается всякий раздор; если муж будет язычник, то он скоро уверует; если – христианин, то будет лучше. Видишь ли снисхождение Павла? Тот, кто всячески старался отклонить нас от забот житейских, теперь выказывает великое попечение о делах домашних, потому что,

когда эти дела будут хорошо устроены, тогда и духовные найдут себе место, а иначе и они расстроятся. Жена, попечительная о доме, будет и целомудренной, будет и бережливой; она не станет допускать ни роскоши, ни несвоевременных расходов, ни чего-нибудь другого подобного. **"Да не порицается"**, – говорит, – **"слово Божие"**. Видишь ли, что он преимущественно заботится о проповеди, а не о мирских делах? Так и в послании к Тимофею он говорит: **"дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте"** (1 Тим.2:2); и здесь: **"да не порицается слово Божие"**. Если верующая жена, живущая с неверующим мужем, не добродетельна, то обыкновенно происходит хула на Бога; если же она украшена добродетелью, то проповедь приобретает славу от нее и добрых дел ее. Пусть выслушают это жены, живущие со злыми, или неверными мужьями, пусть выслушают и научатся собственным примером привлекать их к благочестию. Если ты и не приобретешь никакой другой пользы, если и не привлечешь мужа к общению в правых догматах, то, по крайней мере, заградишь ему уста и не допустишь хулить христианство. А это не маловажное, но весьма большое дело – чтобы наше учение уважалось за наше поведение. **"Юношей также увещивай быть целомудренными"** (ст. 6). Видишь, как он везде внушает соблюдать должное. Наставление женщин он предоставил преимущественно женщинам, поручив старшим младших; а все дело наставления мужей поручает и предоставляет самому (Титу). Ничто, поистине ничто не бывает так трудно и тяжело для молодого возраста, как преодолевать постыдные удовольствия. Не столько любовь к деньгам, или желание славы, или что-нибудь другое смущает этот возраст, сколько сладострастие. Поэтому (апостол), оставив все другое, и направляет свое увещание против этого недостатка возраста. Впрочем он не оставляет без внимания и других нужд, – но что говорит? **"Во всем показывай в себе образец добрых дел, в учительстве чистоту, степенность, неповрежденность"** (ст. 7). Пусть, говорит, старшие женщины поучают младших, а сам ты поучай молодых людей целомудрию; для всех же пусть будет общим училищем и образцом добродетели твоя светлая жизнь, открытая всем, как бы некоторый первоначальный образ, заключающей в себе все достоинства и без труда дающий примеры добра для желающих в чем-нибудь сообразоваться с ним. **"Слово здоровое, неукоризненное, чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого"** (ст. 8).

3. "Противником" (апостол) называет дьявола и всякого, кто служит ему. Когда и жизнь (учителя) светла, и слово соответствует ей, когда оно скромно, кротко, снисходительно, и не подает противникам никакого повода для придилок, то бывает великая и несказанная польза. Следовательно, весьма нужно служение слова, слова не какого-нибудь, но искусного и безукоризненного, которое не подавало бы ни в чем никакого повода к нареканию желающим этого. **"Рабов [увещивай] повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить"** (ст. 9). А выше что он сказал? **"Чтобы противник был посрамлен, не имея ничего сказать о нас худого"**. Поэтому достоин осуждения тот, кто отлучает жен от мужей под предлогом воздержания, или кто отделяет слуг от господ под тем же предлогом. Такое слово не безукоризненно; оно подает неверующим большое основание к нареканию, и открывает уста всех против нас. **"Рабов [увещивай] повиноваться своим господам, угождать им во всем, не прекословить, не красть, но оказывать всю добрую верность, дабы они во всем были украшением учению Спасителя нашего, Бога"** (ст. 10). Справедливо говорит он и в другом месте: **"служи с усердием, как Господу, а не как человекам"** (Еф.6:7), потому что, хотя ты и с охотой служишь господину, но твое служение имеет свое начало в страхе. Отсюда тот, кто служит (господину) с таким страхом, получит величайшие награды. Если раб не воздерживает своей руки и не обуздывает языка, то с какой стати язычники будут удивляться нашему учению? Если же они увидят раба любомудрствующим во Христе, показывающим большее воздержание, чем их философы, и служащим с великой готовностью и усердием, то, несомненно, будут удивляться силе проповеди. Ведь

язычники судят о догматах не по учению, а по делам и жизни. Пусть же будут для них учителями и жены, и рабы – своим поведением. И у них, и везде признается, что рабы вообще грубы, необразованны, упрямы, очень невосприимчивы к наставлениям в добродетели, – не от природы, нет, но от обращения и нерадения о них господ их, так как везде владеющие ими не заботятся ни о чем другом, как только об их службе, а если иногда заботятся и об их нравах, то делают это также для своего собственного спокойствия, чтобы не вверять дел своих людям распутным, ворам, или пьяницам. Естественно, что они, будучи оставлены без всякого попечения, и не имея никого, кто бы заботился о них, погружаются в самую бездну зла. Ведь, если даже там, где наблюдают и отец, и мать, и приставник, и воспитатель, и учитель, и сверстники, где (возвышает человека) сознание о своем благородном происхождении и многое другое, если и там редко кто избегает сообщества с людьми порочными, – то, что думать о тех, которые лишены всего этого, которые соприкасаются с людьми развратными, без всякой осторожности обращаются с кем захотят, и не имеют никого, кто бы заботился об их знакомствах? Подумай, что будет с такими? Вот отчего трудно рабу быть добродетельным. А с другой стороны они не получают и наставлений ни от посторонних, ни от нас, не обращаются с людьми свободными, хорошими и заботящимися о своей чести. По всем этим причинам трудное и даже удивительное дело, чтобы раб когда-нибудь стал честным. Когда же язычники увидят, что сила проповеди, обуздав этот грубый род людей, сделала их честнейшими и скромнейшими из всех, то, хотя бы господ были самые безрассудные из людей, они получают высокое понятие о наших догматах. Очевидно, что, приняв в свою душу страх воскресения, суда и всего другого, чему мы полагаем быть после смерти, только таким образом они и имели возможность отстать от зла, (т. е.) внедрив в свою душу страх, отвлекающий от наслаждения пороками. Следовательно, не напрасно и не спроста (апостол) так часто говорит об этом, потому что, чем более злы такие люди, тем более будут удивляться силе проповеди. И врачу мы удивляемся тогда, когда человека отчаянного, не принимающего никакой помощи, не имеющего сил удержать себя от непристойных пожеланий и непрестанно предающегося им, он исцелит и исправит. И смотри, чего требует (апостол) от рабов: того, что всего более успокаивает господина. **"Не прекословить, не красть"**, т. е. чтобы они оказывали великое усердие к тому, что им поручается, чтобы в отношении к господам своим были особенно добры и послушны их приказаниям.

4. Не думайте, что я напрасно распространился теперь об этом; я хочу далее обратить речь к слугам. Итак, возлюбленный, не на то смотри, что ты служишь человеку, но на то, что служишь Богу и украшаешь собой учение (Христово), – и ты сможешь исполнить все, повинаясь господину и перенося от него напрасные обиды и неприятности. Помни, что не ему ты угождаешь, но исполняешь повеление Божье, – и ты легко перенесешь все. Как я говорю всегда, так скажу и теперь: если мы будем преуспевать в делах духовных, то и блага настоящей жизни приложатся нам. Такого слугу, столь благонравного и столь послушного, не только примет Бог и удостоит светлых венцов, но и сам господин, удовлетворенный его услугами, хотя бы он был зверем, хотя бы он был каменным, бесчеловечным и жестоким, будет хвалить и уважать, окажет ему предпочтение перед всеми другими и вверит ему власть над остальными, хотя бы этот господин был даже язычником. А что слуге нужно быть таким, хотя бы господа его были язычниками, на это, если хотите, я приведу вам и пример. Иосиф был продан начальнику фараоновой кухни, и был иной веры, не египетской. Что же тот? Видя добродетель юноши, господин не думал о различии веры, но полюбил его, оказывал ему дружбу и уважение, вверил ему полное начальство над другими, и сам при нем не смотрел ни за чем в доме; слуга сделался вторым господином, или лучше, важнее самого господина, так как тот не знал своего дела, а этот знал свои обязанности лучше самого господина. И впоследствии, когда он поверил жене своей, произнесшей на Иосифа преступную клевету, мне кажется, он из уважения к

прежнему почету и достоинству честного слуги ограничил гнев свой только заключением его в темницу. Если бы он не знал хорошо этого человека и не уважал его за прежние заслуги, то немедленно умертвил бы его и пронзил бы тело его мечом. **"Потому что ревность - ярость мужа"**, – говорит (Премудрый), – **"и не пощадит он в день мщения, не примет никакого выкупа и не удовольствуется, сколько бы ты ни умножал даров"** (Притч.6:34,35). Если же такова ревность всякого мужа, то тем более этого, египтянина и варвара, оскорбленного, как он думал, человеком, которого он удостоил чести. Все вы, конечно, знаете, что не все оскорбления одинаково язвят нас, но сильнее других и мучительнее те, которые бывают от людей благорасположенных к нам; зло, причиняемое нам людьми, которым мы верили и которые нам верили и получили от нас множество благодеяний, особенно мучит и огорчает нас. Египтянин не подумал сам в себе и не сказал: неужели этот человек, которого я взял в слуги, вверил ему все в доме, сделал его свободным и чуть не больше себя, отплатил мне таким воздаянием? Ничего такого он не сказал: так связало душу его прежнее уважение к слуге! И что удивительного, если Иосиф пользовался в доме его такой честью, когда и в темнице, посмотри, каким он пользовался уважением? Вы знаете, как привыкают к жестокостям те, которым поручены темницы: они извлекают для себя пользу из чужих несчастий, и кого другие питают в страданиях, тех они грабят, получая выгоды, достойные многих слез, поступая жесточе диких зверей, так как, чем можно было бы облегчить страдания заключенных, то они присваивают себе. И не одно это примем во внимание, но и то, как неодинаково они обращаются со всеми заключенными. Тех, которые подверглись клевете, осуждены и заключены по неважной причине, они, может быть, и милуют; но тем, которые заключены за постыдные, тяжкие и наглые преступления, они наносят тысячи ударов. Таким образом, темничный страж должен был обращаться жестоко не только по своему нраву, но и по той причине, по которой Иосиф был заключен в темницу. Кого не вооружил бы против себя юноша, пользовавшийся такой честью, заподозренный в покушении на честь госпожи и отплативший таким воздаянием своему благодетелю? Так, представляя все это, и (прежнюю) честь заключенного, и дело, за которое он заключен, темничный страж не стал ли бы обходиться с ним свирепее всякого зверя? Но выше всего этого была надежда Иосифа на Бога; так добродетель душевная умеет укрощать и диких зверей. Той же покорностью, которой он расположил к себе господина, он расположил к себе и темничного стража; и опять он сделался начальником, в темнице так же приобрел власть, как и в доме. Готовясь властвовать, он сначала научился как следует сам повиноваться, и, повинувшись, был начальником и правителем дома.

5. Если тому, кто приглашается к власти церковной, Павел говорит: **"ибо, кто не умеет управлять собственным домом, тот будет ли пещись о Церкви Божией"** (1 Тим. 3:5)?, то и всякому, достигающему начальства, нужно прежде хорошо управлять собственным домом. Иосиф начальствовал и в темнице не как в темнице, но как в доме. Всем он облегчал несчастья, и управлял заключенными, как бы своими членами, не только оказывая им участие и помощь в их страданиях, но, если даже видел кого-нибудь задумчивым, подходил к нему и осведомлялся о причине, и не мог видеть никого печальным без того, чтобы не утешить его в скорби, хотя иной не оказал бы такой любви даже к детям. Отсюда и получили начало все благие последствия, так как наперед должно быть то, что зависит от нас, а потом будет и то, что зависит от Бога. А что Иосиф действительно оказывал сострадание и участие, об этом говорит Писание. Видя евнухов, заключенных фараоном, главного виночерпия и главного хлебодача, он спрашивал их: **"отчего у вас сегодня печальные лица"** (Быт. 40:7)? И не из этого только, но и из того, как поступили они, можно видеть добродетель этого мужа. Они, будучи царскими слугами, не презрели его и не оттолкнули его, как раздраженные скорбью, но открыли ему все свои обстоятельства, как родному брату, умеющему соболезновать им. Это все я говорю в доказательство того, что добродетельного человека, хотя бы он находился в

рабстве, хотя бы в плену, хотя бы в темнице, хотя бы под самой землей, ничто сокрушить не может. Говорю это для убеждения рабов, что, хотя бы господа их были такие же звери, как этот египтянин, хотя бы были столь жестоки, как этот темничный страж, хотя бы были язычники, как эти люди, и вообще каковы бы ни были, они смогут расположить их к себе и вскоре смягчить. Нет ничего привлекательнее добрых нравов; нет ничего приятнее и любезнее покорности, кротости и послушания. Такой человек угоден всем. Такой человек не стыдится рабства и не убегает ни от бедного, ни от больного и страждущего, потому что эта добродетель торжествует над всем и преодолевает все. Если же она имеет такую силу в рабах, то насколько более в свободных? Поэтому будем упражняться в этом все мы – и рабы, и свободные, и жены, и мужья; таким образом, мы будем угодны и людям и Богу, и людям не только добрым, но и злым, и особенно последним, потому что они особенно стыдятся и уважают таких людей. Как подчиненные более боятся кротких начальников, так и люди порочные – добродетельных, видя, чего недостает им самим. Таков плод добродетели; поэтому будем стремиться к ней, будем приобретать ее. Если мы будем иметь ее, то не будет для нас ничего тяжелого, но все легко, все удобно. Хотя бы нам предстояло пройти сквозь огонь, или воду, все уступить и преклониться перед добродетелью, даже сама смерть. Итак, будем ревновать по ней, чтобы нам сподобиться и будущих благ, во Христе Иисусе, Господе нашем.

БЕСЕДА 5

"Ибо явилась благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа, Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный, ревностный к добрым делам. Сие говори, увещай и обличай со всякою властью, чтобы никто не пренебрегал тебя" (Тит.2:11-14).

1. Заповедав рабам иметь великую добродетель, – потому что подлинно великая, добродетель – украшать во всем учении Бога и Спасителя нашего и не подавать господам никакого повода к неудовольствию, даже в мелочах, – (апостол) приводит и справедливую причину, почему рабы должны быть такими. Какую же именно? **"Ибо явилась"**, – говорит он, – **"благодать Божья, спасительная"**. Те, которые имеют своим учителем Бога и получили отпущение бесчисленных грехов, как могут не быть такими, какими я только что изобразил их? Вы знаете, что не мало пристыжает и вразумляет душу, между прочим, и то, что она, будучи виновна в бесчисленных грехах, не подверглась наказанию, но получила прощение и множество благ. Если бы кто-нибудь, имея раба, провинившегося множество раз, не наказал его ремнями, но даровал бы ему прощение, потребовал бы от него исправления на будущее время, приказал бы ему остерегаться от тех же проступков и почтил бы его великими дарами, – то, скажи мне, ужели не исправился бы получивший такую милость? Впрочем, не подумай, будто благодать состоит не только в прощении прежних грехов, но ограждает нас и на будущее время, хотя и это зависит от благодати. Если бы она избавляла делающих зло от наказания навсегда, то она была бы не благодатью, а некоторым поводом к развращению и гибели. **"Ибо явилась"**, – говорит (апостол), – **"благодать Божия, спасительная для всех человеков, научающая нас, чтобы мы, отвергнув нечестие и мирские похоти, целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке, ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего Иисуса Христа"**. Видишь, как наряду с наградами он ставит и добродетель? И это дело благодати, чтобы отклонять от забот житейских и возводить к небу. Здесь он указывает на два явления (Христовы); и подлинно их два – первое благодатное, а второе для воздаяния и правосудия. **"Отвергнув"**, – говорит, –

"нечестие и мирские похоти". Вот основание всякой добродетели! Не сказал: чтобы мы избегали, но: **"отвергнув"**; отвержение означает большее удаление, большую ненависть, большее отвращение. С каким расположением, с какой ревностью мы отвергли идолов, с такой же, говорит, отвергнем и нечестие, и мирские похоти. Ведь и это – идола, т. е. мирская похоть и любостяжание; и это он называет идолослужением. А мирские похоти – все то, что приносит нам пользу только для настоящей жизни; все, что исчезает вместе с настоящей жизнью, есть мирская похоть. Поэтому мы не должны иметь к этому никакого отношения. Христос пришел для того, чтобы мы отвернулись **"нечестия"**. Нечестием он называет (нечестивое) учение, а мирскими похотями порочную жизнь. **"Целомудренно, праведно и благочестиво жили в нынешнем веке"**.

2. Видишь, что целомудрие, как всегда я говорю, состоит не только в том, чтобы воздерживаться от прелюбодеяния, но и в том, чтобы быть свободными и от прочих страстей? Следовательно, и любостяжательный – не целомудрен; как тот (прелюбодей) пристрастен к телесному наслаждению, так этот (любостяжательный) к богатству; даже последний невоздержаннее первого тем более, чем менее сильное влечение управляет им. Так и всадник, не тот считается особенно бессильным, который не в состоянии сдержать коня быстрого и неукротимого, а тот, который не может совладать с конем смиренным и послушным. Неужели так? Неужели страсть к богатству слабее, нежели страсть к телесному наслаждению? Это всем известно и открывается из многого. Во-первых, страсть к телесному наслаждению происходит в нас необходимо; как происходящая необходимо, она и обуздывается с великим трудом, потому что она внедрена в нас от природы. Во-вторых, древние мало рассуждали о страсти к богатству, а о страсти к женщинам много, ради сохранения целомудрия. Живущего законным образом с женой даже до старости никто не станет осуждать; а корыстолюбивого (осуждают) все; и даже из внешних (языческих) философов многие презирали богатство, а женщин – никогда. Так эта страсть сильнее той. Но, так как слово наше обращено к Церкви, то будем приводить доказательства не извне, а от Писаний. О любостяжании блаженный (Павел) почти в виде заповеди говорит так: **"Имея пропитание и одежду, будем довольны тем"** (1 Тим.6:8); а о женах так: **"Не уклоняйтесь друг от друга, разве по согласию, на время, для упражнения в посте и молитве, а [потом] опять будьте вместе"** (1 Кор.7:5).

И часто он преподает правила касательно законного сожития. Он позволяет удовлетворять это пожелание и вступать во второй брак, с великим попечением говорит об этом предмете и нигде не подвергает за это наказанию; а преданных корыстолюбию везде осуждает. Также и Христос касательно богатства многократно заповедал, чтобы мы убегали проистекающего от него вреда; а о воздержании от жены (говорил) не так. О богатстве, послушай, что говорит Он: **"кто не отрешится от всего, что имеет"** (Лук.14:33); но нигде не сказал: иже не отречется жены, потому что знал, какое Он этим установил бы насилие. И блаженный Павел говорит: **"Брак у всех [да будет] честен и ложе непорочно"** (Евр.13:4); между тем попечения о богатстве он нигде не называет честным, а напротив. И Тимофею пишет он: **"желающие обогащаться впадают в искушение и в сеть и во многие безрассудные и вредные похоти, которые погружают людей в бедствие и пагубу"** (1 Тим. 6:9). Не сказал: хотящие приобретать, но: **"обогащаться"**. Но чтобы вы убедились в этом и на основании общих суждений, необходимо привести и такие доказательства. Так, кто однажды лишился богатства, тот не будет волноваться страстью к нему, потому что ничто так не возбуждает страсти к богатству, как обладание им. А страсть к телесному наслаждению не такова, но многие, и оскопив себя, не уничтожали мучающего их внутреннего огня, потому что эта страсть, внедренная в нас от природы, остается в прочих членах. К чему же мы сказали все это? К тому, что любостяжательные тем невоздержнее прелюбодеев, чем менее сильной они возмущаются страстью; а, скорее всего это происходит у них не от страсти, а от нерадения

(о благах духовных). Там пожелание так естественно, что, хотя бы иной и не приближался к жене, природа действует и производит свое; а здесь так не бывает. **"И благочестиво жили в нынешнем веке"**. А какая надежда? Какая награда за труды? **"Ожидая"**, – говорит, – **"блаженного упования и явления"**. Поистине, нет ничего блаженнее, нет ничего желаннее такой награды; ее невозможно даже выразить словом, так как будущие блага превышают ум. **"Ожидая блаженного упования и явления славы великого Бога и Спасителя нашего"**. Где те, которые говорят, будто Сын меньше Отца? **"Великого"**, – говорит (апостол), – **"Бога и Спаса нашего"**. Если Он спас врагов, то чего не сделает, приняв благоугождающих Ему? **"Великого Бога"**. Когда он называет Бога великим, то называет великим не по отношению к чему-нибудь, но, безусловно, великим, таким, после которого уже никто не велик, потому что всякий другой велик только относительно; если же – относительно, то велик по сравнению, а не по природе; Он же велик без сравнения. **"Который дал Себя за нас, чтобы избавить нас от всякого беззакония и очистить Себе народ особенный"** т. е. отдельных, не имеющих ничего общего с остальными. **"Ревностный к добрым делам"**. Видишь ли, что и мы должны исполнять должное со своей стороны? Он не просто требует дел, но быть **"ревностными"**, т. е. стремящимися к добродетели с великим рвением и с надлежащим усердием. Избавить обремененных множеством зол и исцелить неизлечимо больных – было делом Его человеколюбия; а дальнейшее есть дело и наше и Его. **"Сие говори, увещевай и обличай со всякою властью"** (ст. 15).

3. **"Сие говори, увещевай"**. Посмотри, как в послании к Тимофею он заповедует: **"обличай, запрещай, увещевай"** (2 Тим.4:2), а здесь говорит: **"Сие говори, увещевай и обличай со всякою властью"**? Нравы этих людей были грубее: потому он и повелевает (Титу) обличать их строго и со всякой властью. Есть грехи, от которых нужно отклонять повелениями, как-то: презирать богатство нужно склонять убеждениями, тоже – быть послушными и т. п.; а исправлять прелюбодея, блудника и корыстолюбца нужно **"с властью"**; чародея же, волшебника и тому подобных людей (нужно обличать) не просто **"с властью"**, но **"со всякою властью"**. Видишь, с какой силой и великой властью советует он действовать Титу? **"Напоминай им повиноваться и покоряться начальству и властям, быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить, быть не сварливыми"** (ст.1, 2).

Как? Неужели не укорять и тех, которые делают зло? **"Быть готовыми на всякое доброе дело, никого не злословить"**. Послушаемся его внушения; **"никого"**, – говорит он, – **"не злословить"**. Уста наши должны быть чисты от укоризн, так как, хотя бы и справедливы были наши укоризны, но не наше дело высказывать их; исследовать – дело судьи; **"ты же"**, – говорит (апостол), – **"что осуждаешь брата твоего"** (Рим.14:10)? Если же твои укоризны несправедливы, то смотри, какой огонь ожидает тебя; послушай разбойника, который говорит другому разбойнику: **"или ты не боишься Бога, когда и сам осужден на то же"**, и то же испытание мы проходим (Лук.23:40)? Если ты поносишь других, то скоро и сам подвергнешься тому же. Поэтому блаженный (Павел) и предлагает такое увещание: **"кто думает, что он стоит, берегись, чтобы не упасть"** (1 Кор.10:12). **"Быть не сварливыми, но тихими, и оказывать всякую кротость ко всем человекам"**, к эллинам и иудеям, порочным и злым. Там (апостол) устрашает будущим: **"кто думает, что он стоит"**, – говорит, – **"берегись, чтобы не упасть"**; здесь же вразумляет не будущим, а прошедшим, продолжая так: **"Ибо и мы были некогда несмысленны"** (ст. 3). То же самое говорит он и в послании к Галатам: **"Так и мы, доколе были в детстве, были поработаны вещественным началам мира"** (Гал.4:3). Итак, никого не порицай, потому что и ты был таким же. **"Ибо и мы были"**, – говорит, – **"некогда несмысленны, непокорны, заблуждшие, были рабы похотей и различных удовольствий, жили в злобе и зависти, были гнусны, ненавидели друг друга"**. Таким образом, со всеми такого

рода людьми мы должны вести себя кротко. Бывший прежде таким и изменившийся не должен укорять подобных людей, но молиться и благодарить Дарующего ему и им освобождение от прежних зол. Никто не должен хвалиться, поскольку все согрешили. Итак, когда ты, будучи сам исправен, хочешь порицать кого-нибудь, то вспомни о своей прежней жизни и неизвестности будущего, и удержи свое негодование. Если бы ты с самого детства жил добродетельно, однако и тогда ты имел бы много грехов; а если не имеешь их, как ты думаешь, то знай, что это зависит не от твоей добродетели, но от благодати Божьей; если бы Он не призвал (к вере) твоих предков, то и ты был бы неверным. Смотри, как (апостол) исчислил все пороки. Не тысячекратно ли Бог и через пророков и всеми мерами делал нам внушения? Слушались ли мы? **"Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога"** (ст. 4). Каким образом? **"Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом"** (ст. 5). Увы, так глубоко были мы погружены во зло, что не могли уже очиститься, но имели нужду в возрождении; ведь это – подлинно новое бытие. Как под сгнивший дом никто не подставляет подпор и не приколачивает ничего к старому зданию, но, разрушив его до основания, снова воздвигает и возобновляет, так поступил и Он: не подправил нас, но переустроил заново. Это означают слова: **"и обновления Святым Духом"**. Он сполна сделал нас новыми. Каким образом? Через Духа (Святого). И далее, выражая то же самое иначе, (апостол) говорит: **"Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего"** (ст. 6). Столь великую мы имеем нужду в благодати! **"Чтобы, оправдавшись Его благодатью"**, – опять благодатью, а не заслугами, – **"мы по упованию соделались наследниками вечной жизни"** (ст. 7). Это вместе и побуждение к смиренномудрию, и надежда на будущее. Если Бог спас нас, бывших в таком отчаянном состоянии, что мы не имели ничего доброго, и потому нам нужно было родиться снова и спастись благодатно, то тем более Он сделает это в будущем.

4. До пришествия Христова было всего хуже человеческое зверство; все были как будто врагами и противниками друг другу; отцы закаляли своих детей, матери бесновались страстью к сыновьям; не было ничего твердого, – ни закона естественного, ни закона писанного, – но все извращено. Постоянные прелюбодеяния, убийства, и что, пожалуй, хуже убийств – кражи. Некто из внешних (язычников) говорит, что все это считалось даже делом добродетельным; и неудивительно, когда они почитали и бога таким; зачастую исходили от оракула повеления убить того или другого.

Сказать ли о чем-нибудь из тогдашнего времени? Некто Андрогей, сын Миноя, придя в Афины и одержав победу в борьбе, был наказан и убит. Аполлон, врачуя зло злом, приказал принести в жертву за него дважды семь отроков. Что может быть жесточе такого насилия? И, однако, это было, и человек, приступивший к исполнению безумного повеления беса, заколол бы детей, – у язычников это заблуждение было сильно, – но так как другие восстали и отомстили за себя, то дело не исполнилось. Если бы это было дело справедливое, то не следовало бы мешать его исполнению; а если – несправедливое, как это и было в действительности, то не нужно было и сначала давать такого повеления. Они поклонялись кулачным бойцам и борцам. У них были постоянные междоусобные войны в городах, в деревнях, в семействах. Они блудодействовали с мальчиками; один философ даже узаконил не позволять рабу блудодействовать с мальчиками и натираться мазью, как будто бы это было делом благородным и заслуживающим особенного уважения. Поэтому в домах они открыто совершали такие дела; и если бы рассказать все, что делалось у них, то всякий ясно увидел бы, что они оскорбляли самую природу, – и никто у них не запрещал этого. Все их драмы полны тем же прелюбодейством, невоздержанием, распутством. Ночные собрания их были развратны, и женщины приглашались для зрелища. О, бесстыдство! На зрелищах проводили всю ночь, и девицы сидели между

страстными юношами и пьяной толпой. Их торжества были тьмой и все совершаемое ими – мерзостью. Поэтому и говорит (апостол): **"Ибо и мы были некогда несмысленны, непокорны, заблуждшие, были рабы похотей и различных удовольствий"**. Один из них, говорят, имел преступную связь с мачехой, а она – с пасынком, и удавилась. О страсти же к мальчикам, которая обыкновенно называлась любовной забавой, и говорить не нужно. Но это что! Хочешь ли видеть браки сыновей с матерями? У них и это бывало и, что особенно ужасно, делалось бессознательно, и боги их не запрещали этого, а напротив снисходительно смотрели на искажение природы, совершаемое при том людьми знатными. А когда те, которым нужно было держаться добродетели, если не для чего иного, то, по крайней мере, для приобретения славы от народа, были так склонны к нечестию, тогда что должно было совершаться в народе, между людьми, живущими в неизвестности? Что может быть гнуснее такого сладострастия? Одна влюбилась в постороннего мужчину, и в угоду прелюбодею убила пришедшего к ней мужа. Может быть, многие из вас знают это происшествие. Сын убитого убил прелюбодея, заколол и изменницу; потом пришел в бешенство, как бы преследуемый фуриями; а впоследствии сам, воспламенившись страстью, убил другого и взял себе жену его. Что может быть хуже таких зол? Привожу эти примеры из внешних (языческих писателей) для того, чтобы показать язычникам, какое зло господствовало тогда во вселенной. Но, если угодно, приведем примеры и из наших (Писаний). **"И приносили"**, – говорит (Псалмопевец), – **"сыновей своих и дочерей своих в жертву бесам"** (Пс.105:37). Также и жители Содомы погибли не за что иное, как за блудодеяние с мальчиками. И в начале земной жизни Христовой дочь царя, проплясав на пиршестве среди упившихся, не потребовала ли убийства, не потребовала ли в награду за пляску головы пророка? **"Кто изречет могущество Господа"** (Пс.105:2)? **"Были гнусны"**, – говорит (апостол), – **"ненавидели друг друга"**, так как неизбежно должна произойти великая ненависть, когда мы допустим к душе все наслаждения. Почему? Потому, что только там никто не обижает другого, где любовь соединена с добродетелью. Смотри, что говорит Павел: **"Не обманывайтесь: ни блудники, ни идолослужители, ни прелюбодеи, ни малакии, ни мужеложники, ни воры, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые, ни хищники - Царства Божия не наследуют. И такими были некоторые из вас"** (1 Кор.6: 9-11). Видишь, как господствовали тогда все виды зла, как велик был мрак, как нарушалась справедливость? Если имевшие у себя пророчества и видевшие столько зол, как у себя, так и у врагов своих не воздерживались, однако, но совершали множество новых злодеяний, то, что сказать о других? У них некто повелел бороться нагим девицам перед глазами мужчин. Да подаст вам Бог великие блага за то, что вы не хотите даже слышать об этом; а у них этого дела не стыдились даже философы. Другой философ, главный между ними (Платон), повелевает женщинам ходить на войну и быть общими, словно какой сводник и развратитель. **"Жили в злобе и зависти"**, – говорит (апостол). Если философы их узаконивали подобные дела, то, что сказать о тех, которые не были философами? Если носившие длинные бороды и одевавшиеся в плащи говорили так, то, что сказать о других? Нет, человек, не для того сотворена жена, чтобы она была общей для всех. О, вы, извращающие все, блудодействующие с мужчинами, как с женщинами, а женщин выводящие на войну, как мужчин! Поистине это дьявольское дело – все перемешивать и извращать, колебать положенные изначала законы и нарушать то, что установил Бог в природе. Жене Бог назначил заботиться только о делах домашних, а мужу – исполнять дела общественные. Ты же ставишь голову на место ног, а ноги на место головы, вооружаешь женщин, и не стыдишься? Но что я говорю об этом? Они вводят к себе какую-нибудь женщину, даже убившую своих детей, и не краснеют и не стыдятся, передавая вслух такие мерзкие рассказы. **Когда же явилась благодать и человеколюбие Спасителя нашего, Бога, Он спас нас не по делам праведности, которые бы мы сотворили, а по Своей милости, банею возрождения и обновления Святым Духом, Которого излил на нас обильно через Иисуса Христа, Спасителя нашего, чтобы, оправдавшись Его благодатью, мы**

по упованию соделались наследниками вечной жизни. Т. е., как надеялись, так и получим, или: вы уже – наследники этого. **"Слово это верно"** (ст. 8). Так как он говорит о будущем, а не о настоящем, то прибавляет и это для удостоверения. Это истинно, говорит, и ясно из предшествующего. Тот, кто избавил нас от такого беззакония и таких зол, без сомнения, подаст нам и будущие блага, если мы пребудем в благодати, потому что все совершается одним и тем же Промыслом.

5. Итак, будем благодарить Бога, и не будем порицать и обвинять других, а лучше убеждать их, молиться за них, советовать, увещать, хотя бы они оскорбляли нас, хотя бы отвергали нас, – потому что таковы бывают больные. Пекущиеся о здоровье больных переносят все, принимают все меры, хотя бы не видели никакого успеха, чтобы после не упрекать самих себя в нерадении. Разве не знаете, как часто, когда врач отчаивается в больном, кто-нибудь из родственников говорит ему: продолжи еще лечение и не упускай ничего, чтобы после мне не жаловаться на себя, не бранить себя, не обвинять. Не видите ли, какое имеют попечение родные о своих близких? Сколько делают для них, и призывая врачей, и постоянно сидя около них? Будем подражать, по крайней мере, им, хотя здесь неодинаковы предметы попечения. Между тем, если дитя заболит телом, то никто не откажется предпринять далекое путешествие, чтобы избавить его от болезни; а когда болит душа, то никто ничего не делает, но все остаемся равнодушными, все – беспечными, все – невнимательными, не заботясь ни о детях, ни о женах, ни о нас самих, одержимых этой тяжкой болезнью; лишь позднее приходим в чувство. Представьте же, как стыдно и крайне смешно говорить после: мы не полагали, мы не ожидали этого; и не только стыдно, но и опасно. Если в настоящей жизни только неразумным свойственно – не предусматривать будущего, то тем более в отношении к жизни будущей, когда многие советуют нам и говорят, что должно делать и чего не должно. Будем же держаться этой надежды, станем заботиться о нашем спасении и во всем обращаться с молитвой к Богу, чтобы Он подал нам руку помощи. Докуда же мы будем беспечны? Докуда нерадивы? Докуда будем оставлять без внимания и самих себя и своих ближних? Он обильно излил на нас благодать Духа. Будем же помнить, какую великую благодать Он явил нам, и постараемся со своей стороны оказать такое же усердие; или, если такое невозможно, то хотя бы меньшее. Коль скоро и после такой благодати мы останемся бесчувственными, то нас постигнет величайшее наказание. **"Если бы Я не пришел и не говорил им",** – говорит (Господь), – **"то не имели бы греха; а теперь не имеют извинения во грехе своем"** (Ин.15:22). Пусть не будет, чтобы это сказано было о нас, но пусть будет, чтобы все мы удостоились благ, обещанных любящим Его, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

БЕСЕДА 6

"И я желаю, чтобы ты подтверждал о сем, дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам: это хорошо и полезно человекам. Глупых же состязаний и родословий, и споров[1] и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны. Еретика, после первого и второго вразумления, отвращайся, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден" (Тит.3:8-11).

1. Сказав о человеколюбии Божьем, о неизреченном Его попечении о нас и о том, каковы мы были и какими Он сделал нас, (апостол) продолжает: "И я желаю, чтобы ты подтверждал о сем, дабы уверовавшие в Бога старались быть прилежными к добрым делам", т. е. об этом беседовать и таким образом располагать к милосердию, потому что вышесказанное может расположить нас не только к смиренномудрию и к тому, чтобы мы не гордились и не порицали других, но и ко всякой другой добродетели. Так он говорит и

в послании к Коринфянам: Ибо "вы знаете благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою" (2 Кор. 8:9). Напомнив о попечении Божьем и необычайном Его человеколюбии, он убеждает их быть милосердными, и притом не просто и не случайно, – но как? "Чтобы старались", – говорит, – "быть прилежными к добрым делам" т. е. и обижаемым помогать, не деньгами только, но и своим заступлением, и вдов и сирот защищать, и всем вообще бедствующим доставлять спокойствие; это и значит "быть прилежными к добрым делам". "Это хорошо", – говорит, – "и полезно человекам. Глупых же состязаний и родословий, и споров и распрей о законе удаляйся, ибо они бесполезны и суетны".

Что значит: "родословий"? В послании к Тимофею он также упоминает о них, когда говорит: "басням и родословием бесконечным" (1 Тим.1:4). И там и здесь он, вероятно, намекает на иудеев, которые, превозносясь праотцом своим Авраамом, о самих себе не радели. Поэтому он и называет такие родословия бесполезными и суетными. Действительно, безумно надеяться на вещи бесполезные. Схваток[2], т. е. споров с еретиками, он велит избегать, чтобы не трудиться напрасно, когда нет никакой пользы, потому что конец их ничтожен. Когда кто-нибудь развратился до такой степени, что ни за что не решается переменить своего мнения, то для чего тебе трудиться напрасно, рассыпая семя на камни, тогда как можно употреблять этот прекрасный труд для своих, беседуя с ними о милосердии и других добродетелях? Далее, почему (апостол) в другом месте говорит: "не даст ли им Бог покаяния" (2 Тим.2:25), а здесь: "Еретика, после первого и второго вразумления, отвращая, зная, что таковой развратился и грешит, будучи самоосужден"? Там он говорит о людях, подающих надежду на исправление и только оказывающих сопротивление; а когда кто-нибудь (держится ереси) явно и открыто перед всеми, то для чего напрасно состязаться с ним, для чего бить воздух? Что значит: "будучи самоосужден"? Он не может сказать, что никто не говорил ему, никто не вразумлял его; и когда после увещания останется таким же, то он – "самоосужден". "Когда пришло к тебе Артему или Тихика, поспеши придти ко мне в Никополь" (ст. 12). Что говоришь ты? Поставив его (Тита) в Крите, ты опять вызываешь к себе? Не с тем, чтобы отвлечь его от должности, но чтобы еще более наставить. А что, действительно, призывал его к себе не с тем, чтобы водить его с собой и иметь его всегдашним своим спутником, о том послушай, как он говорит: "ибо я положил там провести зиму". А Никополь находится во Фракии. "Зину законника и Аполлоса позаботься отправить так, чтобы у них ни в чем не было недостатка" (ст. 13). Им еще не были вверены (области), но они были в числе спутников (Павла). Особенно силен был Аполлос, муж сведущий в Писаниях и красноречивый (Деян.18:24). Но, скажешь, если Зина был законник, то не следовало ему содержаться на счет других. Здесь он называет его законником, как опытного в законах иудейских, и как бы так говорит: доставь им всякое довольство, чтобы ни в чем они не имели недостатка. "Пусть и наши учатся упражняться в добрых делах, [в] [удовлетворении] необходимым нуждам, дабы не были бесплодны. Приветствуют тебя все находящиеся со мною. Приветствуй любящих нас в вере", – говорит или о любящих его, или вообще о верующих, – "Благодать со всеми вами. Аминь" (ст. 14, 15).

2. Для чего же (апостол) велит ему заграждать уста противоречащим (Тит.1:11), если нужно отступить от них, когда они сами делают все на свою погибель? Он велит не стараться особенно делать это именно ради их пользы, так как они не могут получить себе никакой пользы, однажды и навсегда развратившись в мыслях. Но если они станут губить других, то нужно восстать против них, бороться с ними и опровергать их с великим мужеством. Когда ты будешь поставлен в необходимость и увидишь, как развращаются другие, то не молчи, но заграждай уста развратителей, заботясь о тех, которые готовы погибнуть. А вообще человек трудолюбивый и ведущий правильную жизнь не может предаваться спорам. Следовательно, поступай так, как я сказал, потому что от праздности

и излишнего мудрования происходит то, что спорят об одних словах. Подлинно, говорить лишнее – очень вредно, когда нужно или учить, или молиться, или благодарить. Мы не должны беречь больше деньги, чем слова; напротив, (должны беречь) больше слова, чем деньги, и не доверяться всем без разбора.

Что значит: "учатся упражняться в добрых делах"? Пусть не ждут, чтобы нуждающиеся приходили к ним, а пусть сами заботливо отыскивают нуждающихся в их помощи. Так печется тот, кто истинно печется; он особенно и с великим усердием исполняет это дело. Подлинно благодеяния приносят выгоду и пользу не столько принимающими сколько подающим, так как доставляют им дерзновение перед Богом.

А там, в спорах, дело оканчивается ничем. Таким образом (апостол) понимает здесь неискраивимого еретика. Как не заботиться о тех, которые подают надежду на исправление, свойственно беспечности, так и ухаживать за неизлечимо больными свойственно недогадливости и крайнему безумию, потому что этим мы сделаем их только более дерзкими. "Пусть и наши учатся упражняться в добрых делах, [в] [удовлетворении] необходимым нуждам, дабы не были бесплодны". Видишь, как он заботится больше о них, чем о принимающих (благодеяния)? Можно было бы снарядить их и через многих других, но я, говорит, забочусь о наших, так как что пользы, скажи мне, если бы другие, собирающие сокровища, питали учителей? Нашим тогда не было бы никакой пользы; они остались бы бесплодными. Вот что скажи мне: Христос, напивший пятью хлебами пять тысяч, и семью – четыре тысячи, разве не мог пропитать Себя и бывших с Ним? Для чего же Он принимал пищу от жен? "Следовали за Ним" жены, говорит (Писание), "и служили Ему" (Мк.15:41). Он показывает нам этим, что Он заботится о делающих благодеяния. А Павел, помогавший своими руками другим, разве не мог не принимать (пропитания) ни от кого? Но, смотри, как он и принимал, и просил, и вот для чего: "не потому, чтобы я искал даяния", – говорил он, – "но ищу плода, умножающегося в пользу вашу" (Флп.4:17). И вначале, когда верующие, продавая свои имения, полагали деньги к ногам апостолов, не видишь ли, как апостолы заботились больше о них, чем о принимающих (подавание)? Если бы они заботились только о бедных, то не обратили бы никакого внимания на поступок Анании и Сапфиры, когда они утаили деньги (Деян.5:2); и Павел не дал бы такой заповеди: "не с огорчением и не с принуждением" (2 Кор.9:7). Что говоришь ты, Павел? Ты препятствуешь благодетельствовать бедным? Нет, говорит он; я имею в виду благо не только их, но и подающих. Обратите внимание и на пророка: когда он давал Навуходносору свой прекрасный совет, он не о бедных только заботился, потому что не сказал просто: подавай бедным, – но что? "Искупи грехи твои правдою и беззакония твои милосердием к бедным" (Дан.4:24). Истощай, говорит, имение не для того только, чтобы другие имели пропитание, но чтобы и сам ты избавлен был от наказания. И Христос сказал: "продай имение твое и раздай нищим; и приходи и следуй за Мною" (Мф.19:21). Видишь ли, что и здесь это заповедано для последования (Христу)? Так как богатство служит к тому препятствием, то Он и велел раздавать его нищим, научая душу быть милосердной и сострадательной, научая презирать богатство, научая устраняться от любостыжания. Тот, кто научился подавать неимущему, тот научится со временем и не принимать от имеющих. А это уподобляет нас Богу. Хотя труднее этого соблюдать девство, также поститься и повергаться на землю, но ничто не может с такой силой погашать пламень наших грехов, как милостыня. Она выше всех добродетелей; она поставляет любящих ее перед лицом самого Царя; и весьма справедливо. Ведь девство, пост и простертие по земле ограничиваются только подвизающимися в этом, а из других не спасают никого; между тем милостыня распространяется на всех и объединяет все члены Христовы; а добрые дела, распространяющиеся на многих, гораздо больше тех, которые ограничиваются только одним.

3. Милостыня есть мать любви, – любви, отличающей христианство, превосходящей все знамения, служащей признаком учеников Христовых; она – врачество против наших грехов, очищение нечистот нашей души, лестница, ведущая на небо; она служит связью тела Христова. Хотите знать, какое она благо? При апостолах все продавали свои имения и приносили к ним вырученные деньги, которые и раздавались: "и каждому давалось", – говорится, – "в чем кто имел нужду" (Деян. 4:35). Скажи мне без отношения к жизни будущей, – мы не станем говорить теперь о будущем царствии, но взглянем на настоящую жизнь, – кто приобретает больше, принимающие или дающие? Другие роптали и ссорились между собой, а они имели одну душу: у всех их, сказано, "было одно сердце и одна душа; великая благодать была на всех их" и жили они с великой для себя пользой (Деян.4:32,33). Видишь, сколько они приобретали через это? Скажи же, где желал бы ты находиться, – в числе ли покидавших свое имение и ничего не имевших, или в числе принимавших чужое? Таков плод милостыни: через нее упразднились перегородки и препятствия, и души их тотчас соединялись; у всех их "было одно сердце и одна душа". Впрочем, и без милостыни отвержение богатства приносит великую пользу. Все это сказано мной для того, чтобы не получившие наследства от предков не скорбели и не унывали, как имеющие меньше богатых; они будут иметь больше их, если захотят. Подлинно и к милостыне они приступят с большей легкостью, как (упоминаемая в Евангелии) вдовица, и не будут иметь никакого повода к вражде с ближними, и будут свободнее всех. Такому человеку никто не может угрожать отнятием имущества, – он выше всех зол. Как людей нагих, когда они бегут, не скоро может поймать кто-нибудь, а слишком одетых и влекущих за собой множество тяжестей легко может схватить всякий, – так бывает и с богатым и бедным. Последний, хотя и будут его настигать, легко может убежать; а первый, хотя бы и не был настигнут, задерживается своими собственными путями, тысячами забот, скорбей, волнений, раздражений. Все это обрушивается на душу, и не только это, но и многое другое, что богатство навлекает на нас. И соблюдать умеренность гораздо труднее для богатого, чем для бедного; равным образом жить в простоте и быть свободным от гнева гораздо труднее для первого, чем для второго. Следовательно, скажешь, они получают и большую награду? Нисколько. Почему же, если они исполняют труднейшее? Потому, что эти трудности человек создает сам для себя; ему не заповедано собирать богатство, а напротив: он же сам себе prepares множество соблазнов и затруднений. Иные не только отказываются от богатства, но еще изнуряют свое тело, как идущие тесным путем; а ты не только не делаешь этого, но еще воспламеняешь очаг страстей и обременяешь себя многим другим.

Ступай же ты на путь широкий, – он принимает подобных тебе людей; а путь тесный принимает скорбящих, сетующих и не несущих с собой ничего, кроме того бремени, которое можно нести по нему, т. е. милостыни, человеколюбия, честности, кротости. Если ты будешь нести это бремя, то можешь и ты вступить на него; а так как ты несешь с собой безумие, воспаленность душевную, бремя из терний – богатство, то тебе нужен путь широкий. Тебе невозможно замешаться в толпу без того, чтобы не ушибить других заранее взятой на себя ношей, но тебе нужен широкий простор. А кто несет золото и серебро, т. е. подвиги добродетели, от того ближние не только не убегают, но и делаются близкими и соединяются с ним. Далее, если самое богатство есть терние, то, что же любостяжание? Для чего ты несешь его туда? Для того чтобы зажечь сильнейший пламень, подложив ношу под огонь? Неужели мало тебе огня гееннского? Вспомни, как три отрока победили пламень печи; представь, что это геенна. Связанные и скованные, они в скорби были ввержены туда; но внутри нашли совершенный простор, в противоположность тем, которые стояли вне.

4. Подобное тому будет и ныне, если мы захотим твердо и мужественно стоять против постигающих нас искушений. Если мы возложим надежду на Бога, то мы будем в

безопасности и на свободе, а нападающие на нас погибнут, потому что "кто роет яму", – говорит (Премудрый), – "тот сам упадет в нее" (Сир.27:29). Хотя они свяжут нам руки или ноги, скорбь в состоянии будет разрешить нас. Посмотри на это чудо: кого люди связали, тех огонь разрешил. Это то же, как если бы кто-нибудь отдал рабам кого-либо из своих друзей; рабы, уважая дружбу его с господином, не только не станут оскорблять его, но и воздадут ему великую честь; так и огонь, узнав, что эти отроки друзья самого Господа, расторг оковы их, разрешил и избавил их, сделался для них подстилкой и был попираем ими; и справедливо, потому что они были ввергнуты ради славы Божьей. Будем помнить такие примеры все мы, находящиеся в скорбях. Но вот, скажешь, они избавились от скорби, а мы – нет. Так и следует. Они шли в печь не с тем, чтобы избавиться, но, твердо решившись умереть; послушай, что говорят они: "Бог наш, Которому мы служим, силен спасти нас от печи, раскаленной огнем, и от руки твоей, царь, избавит. Если же и не будет того, то да будет известно тебе, царь, что мы богам твоим служить не будем и золотому истукану, которого ты поставил, не поклонимся" (Дан.3:17,18). А мы, как бы подчиняя своим соображениям наказания Божьи, назначаем для них и время и говорим: "если до таких-то пор не помиует нас Бог". Потому мы и не избавляемся. Вот и Авраам шел не с тем, чтобы получить сына живым, но чтобы заколоть его; и сверх чаяния получил его живым. Так и ты, когда подвергнешься скорби, не будь нетерпелив и не спеши освободиться от нее, но расположи душу свою ко всякому терпению, и тогда скоро освободишься от скорби: для того Бог и посылает ее, чтобы вразумить. Таким образом, если мы с самого начала умеем переносить скорби и не ропщем, то Он скоро освобождает нас от них, потому что все уже (с нашей стороны) исполнено. Я хочу рассказать вам один весьма полезный и назидательный пример. Какой же? Когда воздвигнуто было гонение и возгорелась жестокая война против Церкви, были схвачены два человека; один из них был готов переносить все, что угодно, а другой также мужественно готов был перенести отсечение головы, но других мучений боялся и трепетал. Смотри же устройство Божье: когда судья стал судить, то готовому на все велел отсечь голову, а того повесить и терзать, и не раз или два, но проводя по всем городам. Для чего же это было попущено? Для того чтобы слабая душа его укрепилась в страданиях, чтобы он отвергнул всякий страх, чтобы он не боялся, не колебался и не трепетал перед мучениями. И Иосиф, когда особенно усиливался выйти из темницы, тогда и оставался в ней: послушай, что говорит он: "ибо я украден из земли Евреев"; и: "и упомяни обо мне фараону" (Быт.40:15,14). Для того он и оставался там, чтобы научиться, что не должно полагаться и надеяться на людей, но все возлагать на Бога. Итак, зная это, будем благодарить Бога и делать все, ведущее к нашему благу, чтобы нам достичь будущих благ во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Еρις – схватка, ссора, спор, соперничество.

[2] См. прим. 1.

ТОЛКОВАНИЕ НА ПОСЛАНИЕ К ФИЛИМОНУ

Предисловие

Прежде всего, нужно сказать о поводе к написанию этого послания, а потом и о других вопросах. Какой же был повод? Некто Филимон, один из почтенных и благородных

мужей, – а что он был муж почтенный, это видно из того, что весь дом его был верным и настолько верным, что называется даже церковью, как говорит (Павел), когда пишет: **"и домашней твоей церкви!"** (Флм. ст. 2), также свидетельствует о великом его послушании и о том, что им **"успокоены сердца святых"** (ст. 7), и заповедует в том же послании приготовить для себя гостиницу (ст. 22), так как дом его, кажется мне, был пристанищем для всех святых, – этот почтенный муж имел раба Онисима. Онисим, украв что-то у господина своего, убежал; а что он действительно украл, о том, послушай, как говорит (Павел): **"Если же он чем обидел тебя, или должен, я заплачу"** (ст. 18, 19). Потом, придя к Павлу в Рим, найдя его в темнице и будучи оглашен от него учением, он принял там крещение; а что он принял там дар крещения, видно из слов: **"которого родил я в узах моих"** (ст. 10). Поэтому Павел пишет послание, в котором препоручает его господину, чтобы тот во всем простил его и принял, как уже возрожденного.

Некоторые говорят, что не нужно присоединять это послание (к канону священных книг), так как оно касается маловажного дела, только одного человека; но пусть узнают высказывающие такое неодобрение, что сами они достойны многих укоризн. Не только такие малые послания и написанные о таких обыкновенных предметах следовало принять (в канон); но желательно, чтобы кто-нибудь в состоянии был рассказать нам полную историю апостолов, чтобы не только, о том, что они писали и говорили, но и о прочем их образе жизни, что они ели и когда ели, когда сидели и куда ходили, что делали каждый день, в каких странах бывали, в какой дом входили и где плавали, обо всем этом рассказал бы подробно, – такой великой пользы исполнено все, что они делали! Но многие не знают происходящей отсюда пользы, и потому высказывают неодобрение. Если мы, взирая только на места, где они сидели, или были связаны, на места бездушные, часто обращаемся к ним мыслью, представляем их добродетели, пробуждаемся от своей беспечности и становимся более ревностными, то тем более было бы так, если бы мы слышали их слова и другие их деяния. Если о друге всякий спрашивает, где он живет, что делает, куда идет, то неужели, скажи мне, нам не следует знать все это о всеобщих учителях вселенной? Кто живет духовно, того и одежда, и походка, и слова, и дела, вообще все приносит пользу слушающим, и никакого не встречается к тому препятствия и затруднения. Впрочем, вам полезно узнать, что это послание касается предметов необходимых. Смотри же, сколько доброго в нем заключается. Во-первых (мы научаемся), что нужно быть внимательным ко всему, потому что если Павел показывает столько заботливости о беглеце, разбойнике и воре, не отказывается и не стыдится отсылать его с такими похвалами, то тем более нам не следует быть небрежными в подобных случаях. Во-вторых, что не нужно считать сословие рабов отверженным, хотя бы дошли они до крайней степени зла, потому что если вор и беглец сделался настолько добродетельным, что Павел желал иметь с ним общение и писал: **"дабы он вместо тебя послужил мне"** (ст. 13), то тем более не следует отчаиваться в людях свободных. В-третьих, что не нужно рабов отнимать от господ, потому что если Павел, будучи так уверен в благорасположении к нему Филимона, не хотел без воли господина удержать при себе Онисима, который был так нужен и полезен ему, то тем более не должны делать этого мы. Если раб – человек добродетельный, то он тем более должен оставаться в услужении и почитать власть господина, чтобы приносить пользу всем находящимся в доме. Для чего же снимать свечу со светильника «и ставить ее под сосудом (Мф.5:15)? О, если бы и тех, которые находятся вне, можно было ввести внутрь города! Но что, скажешь, если он и тогда окажется негодным? Почему же, скажи мне? Потому ли, что он войдет в город? Но подумай, что, находясь вне, он будет еще хуже; если он, находясь внутри, окажется негодным, то тем более (будет таким), находясь вне; здесь, при попечительном господине, он будет свободен от неизбежных забот, а там эти заботы, может быть, отвлекут его от предметов более необходимых и духовных. Потому блаженный Павел и дает (рабам) такой прекрасный совет: **"Рабом ли"**, – говорит, – **"ты призван, не смущайся; но если и**

можешь сделаться свободным, то лучшим воспользуйся" (1 Кор.7:21), т. е. оставайся в рабстве. А необходимее всего то, чтобы не было хулимо слово Божие, как и сам он говорит в послании: **"Рабы, под игом находящиеся, должны почитать господ своих достойными всякой чести, дабы не было хулы на имя Божие и учение"** (1 Тим.6:1). Даже и язычники скажут, что и раб может угодить Богу; иначе многие были бы поставлены в необходимость хулить и говорить, что христианство ниспровергает весь порядок жизни, отнимая рабов у господ и делая насилие. Сказать ли и еще нечто? (Это послание) научает нас не стыдиться рабов, если они добродетельны; если Павел, превосходнейший из всех людей, так отзывается о нем (Онисиме), то тем более мы должны (так поступать) со своими (рабами). После таких достоинств, хотя мы еще не все сказали, ужели кто-нибудь станет думать, что это послание напрасно включено (в канон)? Не будет ли это крайним безумием? Итакъ, прошу вас, выслушаем со вниманием послание, написанное апостолом; уже получив от него столько пользы, мы получим еще больше при последовательном чтении.

БЕСЕДА 1

"Павел, узник Иисуса Христа, и Тимофей брат, Филимону возлюбленному и сотруднику нашему, и Апфии, (сестре) возлюбленной, и Архиппу, сподвижнику нашему, и домашней твоей церкви: благодать вам и мир от Бога Отца нашего и Господа Иисуса Христа" (Флм. ст. 1-3).

1. Это написано о рабе к господину. С самого начала (апостол) научает его не надмеваться и не стыдиться, укрощает его гнев, называя себя самого узником, смиряет и успокоивает его, внушая, что все настоящее ничтожно. И действительно, если узы за Христа – не стыд, а слава, то тем более не постыдно рабство. Он говорит это не с тем, чтобы превознести себя, но чтобы сделать полезное и внушить доверие к словам своим, – не для себя, но для того, чтобы скорее испросить милость (другому). Он как бы так говорит: для вас я обложен этими узами, подобно как говорит он и в других местах (Ефес.3:1; 2 Тим.2:9), впрочем, там выражая свое попечение, а здесь достоверность. Для него нет выше похвалы, как называться страдальцем Христовым: **"я"**, – говорит, – **"ношу язвы Господа Иисуса"** (Гал.6:17). **"Узник Иисуса Христа"**, потому что он связан был за Него. Слыша об узах Христовых, кто не устыдился бы, кто не преклонился бы, кто не отдал бы самой души своей, а не только одного раба? **"И Тимофей брат"**: присоединяет к себе и другого, чтобы (Филимон), слыша просьбу от многих, скорее склонился и оказал милость. **"Филимону возлюбленному и сотруднику нашему"**. Если он возлюбленный, то надежда на него не есть дерзость или безрассудство, но знак великой дружбы; если он сподвижник, то не только должен принимать такие просьбы, но и благодарить за них, так как чрез это он делает добро и себе самому, устроая одно и то же дело. Таким образом, и без просьбы ты имеешь, говорит, еще другое побуждение оказать милость: если он полезен для евангелия, а ты обнаруживаешь усердие к евангелию, то тебе нужно не ожидать просьбы, а самому просить. **"И Апфии возлюбленной"**. Она, кажется мне, была супругою Филимона. Посмотри на смирение Павла: он и Тимофея в своей просьбе присоединяет к себе, и просит не одного мужа, но и жену, и еще иного, вероятно, друга: **"и Архиппу"**, – говорит, – **"сподвижнику нашему"**. Он не приказанием хочет достигнуть этого и не обнаруживает негодования, если Филимон не тотчас послушается его повеления, но поступает как бы человек неизвестный, располагая и их сделать то же и подкрепить его просьбу, – потому что не только просьба от многих, но и просьба, обращенная ко многим, способствует к получению просимого. **"И Архиппу, сподвижнику нашему"**. Если ты сподвижник, то должен принять участие и здесь. Это тот самый Архипп, о котором в послании к Колоссянам говорит: **"Скажите Архиппу: смотри, чтобы тебе исполнить служение, которое ты принял в Господе"** (Кол.4:17). Мне кажется, что он был в числе клира;

потому (апостол) и к нему обращает просьбу и называешь его сподвижником, чтобы всячески содействовать (достижению). **"И домашней своей церкви"**. Здесь он не опустил из виду и рабов, потому что знал, что часто и речи рабов могут убедить господина, особенно когда просьба касается раба; при том, может быть, они особенно и возбудили гнев господина. Поэтому, не желая, чтобы они впали в зависть, он и их почтил приветствием вместе с господами. Впрочем, не подал и господину повода оскорбляться. Если бы он назвал (рабов) по имени, то, может быть, тот оскорбился бы; а если бы вовсе не упомянул о них, то остался бы недоволен; потому, смотри, как мудро, упомянув (о рабах), и их почтил своим воспоминанием, и его не раздражил. А название **"Церкви"** не допускает господам оскорбляться, когда они поставляются вместе с рабами. Подлинно, Церковь не знает различия между господином и рабом; она различает того и другого по добродетелям и порокам. Итак, если (дом твой) есть Церковь, то не оскорбляйся, что раб поставляется вместе с тобою: **"во Христе Иисусе нет раба, ни свободного"** (Гал.3:28). **"Благодать вам и мир"**. Напомнив о благодати, (апостол) приводит ему на память собственные его грехи. Подумай, говорит, как много грехов простил тебе Бог, как ты спасен благодатью, и подражай Владыке. Испрашивает ему мира; и справедливо, потому что мир бывает тогда, когда мы подражаем Ему, когда благодать пребывает с нами. Так и тот раб, который оказался немилосердным к подобному себе рабу, пока не требовал от него ста динариев, дотоле пользовался милостью господина; а когда стал требовать, тогда был лишен ее и предан мучителям (Мф.18:34).

2. Представляя это, будем и мы милосерды и сострадательны к согрешающим против нас. Сто динариев означают здесь грехи (других) в отношении к нам, а наши грехи в отношении к Богу – тысячи талантов. Вы знаете, что грехи против кого-нибудь судятся и по достоинству лиц. Например: оскорбивший частного человека согрешил, но не так, как оскорбивший начальника; более согрешил оскорбивший высшего начальника, а менее – оскорбивший низшего, но гораздо более оскорбивший царя. Хотя оскорбление одно и то же, но от превосходства лица оно становится больше. Если же оскорбляющий царя получает тяжкое наказание, по достоинству лица оскорбляемого, то сколькими талантами будет должен оскорбляющий Бога? Хотя бы грехи наши против Бога были те же самые, какие и против людей, но они не одинаковы; а сколько различия между Богом и человеком, столько же между теми и другими грехами. Впрочем, я нахожу много и таких грехов, которые бывают великими не только от превосходства лица, но и сами по себе. Страшны слова, которые я намереваюсь сказать, поистине страшны, но сказать их необходимо, чтобы, хотя таким образом тронуть и пробудить нашу душу, показав, что мы гораздо больше боимся людей, нежели Бога, и больше почитаем людей, нежели Бога. Вот смотри: прелюбодей знает, что Бог видит его, – и презирает Бога; а когда смотрит на него человек, то он удерживает свою похоть. Он не только предпочитает людей Богу, не только оскорбляет Бога, но, – что гораздо тяжелее, – боясь людей, презирает Бога, так как, если он видит людей, то удерживает пламень похоти. Впрочем, какой пламень? Это – не пламень, а бесчестие; если бы не было позволено иметь жену, то действительно это был бы пламень, а теперь это – бесчестие и разврат. Таким образом, если он видит людей, то укрощает свое бешенство, а о Божием долготерпении думает меньше всего. Другой, украв, сознает, что он похищает чужое, и старается обмануть людей, оправдывается против обвиняющих его и придает вид (правды) своему оправданию; а о Боге, Которого обмануть невозможно, не беспокоится, не стыдится и не почитает. Когда царь прикажет не брать чужого имущества, или даже отдать свое собственное, то мы все с готовностью приносим; а когда Бог повелевает не похищать и не брать чужого, то мы не повинемся. Видишь, как мы предпочитаем людей Богу? Тяжелы и горьки эти слова; но докажите, что они тяжелы, воздержитесь от самого дела. Если же вы не боитесь самого дела, то как я могу поверить вам, когда вы говорите, что страшитесь наших слов и чувствуете их тяжесть? Вы сами себя обременяете своими делами, и нисколько не заботитесь; а когда я

говорю о тех делах, которые вы делаете, то негодуете. Не безумно ли это? О, если бы ложно было сказанное мною! Я желал бы лучше сам быть обвиненным во лжи в тот (страшный) день, как укорявший вас несправедливо и напрасно, нежели видеть вас осужденными за это. Но вы не только сами предпочитаете людей Богу, а принуждаете к тому и других. Многие делали принуждение многим рабам и детям: одни заставляли их вступать в брак против воли, другие – служить своим постыдным желанием, нечистой любви, хищничеству, любостыжанию, насилиям, так что вдвойне виновны и не могут оправдываться какою-нибудь необходимостью. В самом деле, если ты не можешь представить достаточного оправдания и тогда, когда делаешь зло невольно, по приказанию начальника, то грех бывает гораздо тяжелее, когда ты принуждаешь к тому и других. Какое может быть оправдание для такого человека? Говорю это не для того, чтобы осуждать вас, но чтобы показать, какие мы должники пред Богом. Если, почитая человека наравне с Богом, мы оскорбляем Бога, то гораздо более оскорбляем Его, когда людей предпочитаем Ему. Таким образом, если те же самые грехи, которые делаем мы против людей, бывают гораздо тяжелее, когда они относятся к Богу, то не гораздо ли хуже, когда грех и по свойству своему больше и тяжелее? Пусть испытает каждый самого себя, – и увидит, что для людей он делает все. Мы весьма блаженны были бы, если бы для Бога делали столько же, сколько делаем для людей из тщеславия, страха, или уважения. Итак, если мы сами виновны в столь многих грехах, то должны со всею готовностью прощать оскорбляющих и обманывающих нас, и не помнить зла. Для того, чтобы простить грехи, не нужно ни трудов, ни издержек и ничего другого, а нужно одно только желание; не нужно ни предпринимать путешествия, ни отправляться в чужие страны, ни подвергаться опасностям и трудам, а нужно только захотеть.

3. Какое, скажи мне, мы получим прощение за неисполнение дел, кажущихся трудными, когда не исполняем и дела легкого, столь полезного и плодотворного и не требующего никакого труда? Ты не можешь пренебречь богатства? Не можешь раздать имения нуждающимся? Но разве ты не можешь пожелать ничего доброго? Разве не можешь простить оскорбившему? Если бы ты сам и не был виновен в столь многих (грехах) и только получил бы от Бога повеление – прощать других, то не должен ли ты был бы (исполнять это)? Как же теперь, будучи сам виновен в столь многих (грехах), ты не прощаешь другим, при том зная, что Он требует от тебя того же, что ты получаешь от Него? Когда мы приходим к своему должнику, он, помня свой долг, услужливо и с честью принимает нас и всячески оказывает нам свое радушие, еще не получая от нас прощения долга, а только желая сделать нас снисходительными в требовании: как же ты, будучи столь великим должником пред Богом и получив от Него повеление – прощать, с тем, чтобы и самому получить прощение, не прощаешь? Почему так, спрашиваю тебя? Увы, какое человеколюбие оказывается нам, и какую оказываем мы злобу, какую сонливость, какую беспечность! Как легка и многополезна добродетель, и как тяжело зло! Но мы, оставляя легкое, избираем то, что тяжелее олова. Здесь не нужно ни силы телесной, ни богатства, ни денег, ни власти, ни дружбы и ничего другого, а довольно одного желания, – и все будет сделано. Оскорбил ли тебя кто-нибудь, обидел, осмеял? Вспомни, что и сам ты делаешь много подобного в отношении к другим, даже в отношении к самому Владыке, – и прости и извини его. Вспомни, что ты сам говоришь: **"прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим"** (Мф.6:12); подумай, что, если ты не прощаешь (другим), то не можешь с дерзновением говорить это; а если прощаешь, то как бы требуешь должного, хотя не по существу самого дела, а по человеколюбию Дарующего (нам прощение). Да и как можно равнять прощаемое нами подобным нам рабам с грехами против Владыки, в которых мы получаем от Него прощение? Мы удостоиваемся такого человеколюбия Его потому, что Он богат милостью и щедротами. Впрочем, я докажу тебе, что и без этого, и без прощения грехов твоих, от одного прощения (другим) ты получаешь пользу. Представь, сколько такой человек имеет друзей, как везде и все

превозносят его и говорят: он человек добрый, примирительный; незлопамятный; как скоро получает обиду, тотчас же и забывает ее. Если такой человек подвергнется какому-нибудь несчастью, то кто не пожалеет его? Кто не извинит его, если он погрешит в чем-нибудь? Кто не сделает ему одолжения, если он станет просить о чем-нибудь за других? Кто не захочет быть другом и даже рабом такой доброй души? Так, увещеваю, будем для этого делать все, не только в отношении к друзьям и родным, но и к слугам: **"умеряя"**, – говорит (апостол), – **"строгость, зная, что и над вами самими и над ними есть на небесах Господь"** (Еф.6:9). Если мы будем отпускать ближним согрешения, то отпустится и нам; также – если будем творить милостыню, если будем смиренны, потому что и это служит к отпущению грехов. Мытарь сказал только: **"будь милостив ко мне грешнику"** и вышел оправданным (Лук.18:13); тем более мы можем сподобиться великого человеколюбия (Божия), если будем смиренны и сокрушенны сердцем; и если мы будем исповедовать грехи свои и осуждать самих себя, то очистим множество нечистот, потому что много путей к очищению. Итак, будем всеми средствами бороться с диаволом. Я не сказал ничего трудного, ничего неприятного; прости оскорбившему, подай милостыню нуждающемуся, смири свою душу, – и, хотя бы ты был величайшим грешником, ты можешь достигнуть царствия (небесного), очищая таким образом грехи и омывая нечистоты. Да сподобимся же все мы, очистившись здесь от всякой нечистоты греховной исповеданием, получить там обещанные блага, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу слава, держава (честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь).

БЕСЕДА 2

"Благодарю Бога моего, всегда вспоминая о тебе в молитвах моих, слыша о твоей любви и вере, которую имеешь к Господу Иисусу и ко всем святым, дабы общение веры твоей оказалось деятельным в познании всякого у вас добра во Христе Иисусе" (Флм. ст. 4-6).

1. Не вдруг и не в самом начале послания просит (Филимона) о милости, но сначала, выразив удивление к этому мужу и похвалив его за добродетели, представив немаловажное доказательство и своей любви к нему в том, что всегда вспоминает о нем в молитвах своих, и сказав, что многие находят у него покой и ко всем он оказывает кротость и веру, потом наконец (апостол) и начинает речь, и таким образом с особенною силою убеждает его. Действительно, если другие получают от него то, чего просят, то тем более (должен получить) Павел; если, пришедши прежде других, он достоин был бы получить, то тем более после других, и при том прося не для себя, а для другого. Далее, чтобы не показалось, что он пишет только поэтому, и чтобы кто-нибудь не сказал: если бы не было Онисима, то ты и не написал бы этого послания, – смотри, как он приводит и другие причины к написанию послания: во-первых, указывает на его любовь, а во-вторых, повелевает приготовить для себя гостиницу. **"Слыша"**, – говорит, – **"о любви твоей"**. Это достойно удивления и значит больше, нежели если бы он лично видел (эту любовь). Видно, она была чрезвычайно велика, если сделалась известною и достигла до его слуха, хотя расстояние между Римом и Фригиею было не малое, – а (Филимон) там находился, как я заключаю по имени Архиппа (упоминаемого здесь и в послании к Колоссянам). Колоссяне жили во Фригии, и в послании к ним (Павел) говорил: **"Когда это послание прочитано будет у вас, то распорядитесь, чтобы оно было прочитано и в Лаодикийской церкви; а то, которое из Лаодикии, прочитайте и вы"** (Кол.4:16,17). Лаокидия же – фригийский город. Молюсь, говорит, **"дабы общение веры твоей оказалось деятельным"**. Видишь, как он сам дает раньше, чем получает, и прежде, нежели испрашивает милость, предлагает ему от себя гораздо большее? **"Дабы общение веры твоей"**, – говорит, – **"оказалось деятельным в познании всякого у вас добра во Христе Иисусе"**, т. е., чтобы ты достиг всякой добродетели, чтобы у тебя не было никакого недостатка. Вера бывает действительною тогда, когда сопровождается делами,

потому что **"вера без дел мертва"** (Иак.2:26). Не сказал: вера твоя, но: **"общение веры твоей"**, соединяя его с собою и внушая, что они – одно тело, и тем с особенною силою убеждая его. Если ты, говорит, сообщник мой в вере, то должен быть сообщником и в другом. **"Ибо мы имеем великую радость и утешение в любви твоей, потому что тобою, брат, успокоены сердца святых"** (ст. 7). Ничто так не убеждает, как указание на благодеяния, сделанные другим, особенно если (просящий) почтеннее их. Впрочем, он не сказал: если ты делаешь для других, то тем более – для меня; но, выразив то же самое, употребил другой оборот речи, более кроткий. **"Ибо мы имеем великую радость"**, т. е., ты дал мне дерзновение теми (благодеяниями), какие оказываешь другим. **"И утешение"**, т. е., мы не только радуемся, но и утешаемся, потому что они – наши члены. Если же должно быть такое согласие, что находящиеся в скорбях, хотя бы сами ничего не получали, должны радоваться, видя успокоение других, так как облагодетельствовано одно тело, то тем более (мы будем радоваться), если ты успокоишь и нас. Не сказал: ты кроток, ты уступчив; но говорит сильнее и выразительнее: **"сердца святых"**, как бы обращаясь к сыну, дорогому и возлюбленному для родителей. Такая любовь и привязанность доказывает, что (Филимон) был весьма любим ими. **"Поэтому, имея великое во Христе дерзновение приказывать тебе, что должно"** (ст. 8). Смотри, как он остерегается, чтобы и сказанное от сильной любви не поразило слушателя и не оскорбило его. Потому прежде, нежели сказал: **"приказывать тебе"**, – а такое выражение было резко, хотя, сказанное от любви, весьма легко могло достигнуть цели, – он из осторожности делает оговорку: **"имея дерзновение"**, и этим показывает, что Филимон был муж великий, т. е. (как бы говорит): ты сам дал нам дерзновение; при том прибавляет: **"во Христе"**, и этим показывает, что он говорит так не за его знатность или силу в мире, но за веру во Христа; а потом уже присовокупляет: **"приказывать тебе"**, и не только это, но еще: **"что должно"**, т. е. справедливое дело. Смотри, сколькими доводами он убеждает: ты оказываешь, говорит, благодеяния другим, окажи и мне, притом ради Христа, и потому, что это дело справедливо, и потому, что этого требует любовь. Поэтому и продолжает: **"по любви лучше прошу"** (ст. 9). Он как бы так говорит: из бывших примеров я знаю, что, и повелевая с великою властью, я получу успех; но так как я особенно забочусь об этом деле, то **"молю"**. Здесь он вместе выражает и то и другое: и то, что надеется на него, – почему и **"приказывает"**, – и то, что особенно заботится об этом деле, – почему и **"молит"**. **"Не иной кто"**, – говорит, – **"как я, Павел старец"**.

2. О, сколько убедительных доказательств! **"Павел"**, – это доказательство от достоинства лица; **"старец"**, – от возраста; **"узник Иисуса Христа"**, – от того, что он праведнее всех. Кто не принял бы с распростертыми объятиями работорца, увенчанного за подвиги? Кто, видя связанного за Христа, не оказал бы ему тысячи услуг? Смягчив таким образом душу, (Филимона, апостол) не вдруг объявляет имя раба, но после такой просьбы еще медлит. Вы знаете, как велик бывает гнев господ на убежавших рабов, особенно если это сделано с покражею, как сильно раздражаются они, хотя бы были добрыми господами. Потому старается смягчить его всеми доводами; и когда наперед возбудил в нем готовность сделать все, что бы ни было, и приготовил душу его ко всякому послушанию, тогда уже и высказывает свою просьбу: **"прошу тебя"**, – говорит, и при том с похвалами, – **"о сыне моем, которого родил я в узах моих"** (ст. 10). Опять для убеждения – узы; и, наконец, называет самое имя (Онисима). Таким образом, не только укрощает гнев, но и возбуждает чувство благорасположения: я, говорит, не назвал бы его сыном, если бы он не был весьма благонадежным. Как я назвал Тимофея, так (называю) и его. И часто, для выражения своей любви, он указывает на время рождения: **"которого родил я"**, – говорит, – **"в узах моих"**. Он значит достоин великой чести и потому, что рожден среди самых подвигов, среди искушений за Христа. **"Онисима, он был некогда негоден для тебя"** (ст. 10). Смотри, с каким благоразумием он объявляет грех его, и тем укрощает гнев (господина). Знаю, говорит, что он был непотребен; **"а теперь годен тебе и мне"**. Не сказал: ныне же

будет благопотребен тебе, чтобы он не стал противоречить; но присоединил и свое лицо, чтобы надежды (на слугу) были достовернее. **"А теперь годен тебе"**, – говорит, – **"и мне"**. Если он полезен Павлу, требующему такой великой ревности, то тем более – господину. **"Я возвращаю его"**. И тем еще укрощает гнев, что отдает его. Господа особенно гневаются тогда, когда ходатайство бывает за (рабов) отсутствующих, так что этим самым он еще более успокоил (Филимона). **"Ты же прими его, как мое сердце"** (ст. 12). Опять не просто употребляет его имя, но с прибавлением убедительного выражения, которое нежнее слова – сын. Таким образом, назвал его сыном, сказав: **"которого родил я"**, и внушил, что его надобно любить особенно, потому что он рожден среди искушений. Известно, что мы питаем особенную любовь к детям, рожденным среди опасностей, которых мы избежали, как свидетельствует Писание, когда говорит: **"Ихавод"** (1 Цар.4:21), и когда Рахиль называет Вениамина – **"сын болезни моей"** (Быт.35:18). **"Ты же прими его, как мое сердце"**. Этим он выражает великую любовь свою к нему. Не сказал: возьми, не сказал: не гневайся, но: **"прими"**, т. е. он достоин не только прощения, но и чести. Почему? Потому, что он сделался сыном Павла. **"Я хотел при себе удержать его, дабы он вместо тебя послужил мне в узах [за] благовествование"** (ст. 13). Видишь, сколько он наперед употребляет доводов, чтобы потом внушить к нему уважение господина? Смотри, с какою мудростью он делает и это; смотри, как он обязывает одного и воздаст честь другому. Ты видишь, говорит, что чрез него ты сам оказываешь мне услугу. Потом внушает, что он больше имел в виду его, нежели раба, – потому что оказывает ему великое уважение. **"Но без твоего согласия"**, – говорит, – **"ничего не хотел сделать, чтобы доброе дело твое было не (как бы)[1] вынужденно, а добровольно"** (ст. 14). Человек особенно тогда склоняется на просьбу, когда и самое дело полезно, и устрояется оно согласно с его волею; тогда именно бывают два блага: и дающий получает пользу, и принимающей находится в большей безопасности. Не сказал: было не вынужденно, но: было не как бы вынужденно; хотя я знал, говорит, что ты, если бы и не был уведомлен об этом деле, а получил об нем известие нечаянно, не стал бы сердиться, но (поступил так) по особенной предосторожности, **"не (как бы) вынужденно, а добровольно. Ибо, может быть, он для того на время отлучился, чтобы тебе принять его навсегда, не как уже раба"** (ст.15,16). Хорошо сказал: может быть, чтобы господин оказал снисхожде; а с другой стороны сказал: может быть потому, что бегство было совершено по самоуправству и извращенному рассуждению, а не с добрым намерением. Не сказал: ради сего убежал, но: **"для того отлучился"**, чтобы более приличным выражением скорее склонить (господина) к милости. Также не сказал: сам отлучился, но: разлучился, был разлучен, т. е. не своим умыслом отлучился по той или другой причине. Так и Иосиф, оправдывая братьев, сказал: **"Бог послал меня перед вами"** (Быт.45:5), т. е. злой умысел их обратил в хорошую сторону. **"Для того"**, – говорит, – **"на время отлучился"**. Он и время сокращает и грех исповедует, и все приписывает устроению (Божию). **"Чтобы тебе принять"**, – говорит, – **"его навсегда"**, – не только в настоящее время, но и будущее, чтобы тебе иметь его всегда, уже не как раба, но выше раба; оставаясь рабом, он будет предан тебе более брата, и таким образом ты сделаешь приобретение и по времени и по свойству (отношений его к тебе); он более уже не убежит. **"Чтобы тебе принять его навсегда"**, т. е. удержишь. **"Не как уже раба, но выше раба, брата возлюбленного, особенно мне"**. Ты на короткое время лишился раба, и навсегда приобретаешь брата, не твоего только брата, но и моего. Здесь (указывает Павел) на великие добродетели (Онисима). Если же он мой брат, то не стыдись его и ты. Названием **"сына"** (апостол) выразил любовь к нему, а названием **"брата"** – великое благожелание и равенство.

3. Это написано не напрасно, но для того, чтобы мы – господа – не презирали своих слуг и не были слишком взыскательными к ним, чтобы научились прощать проступки слугам своим и не были всегда жестокими к ним, чтобы мы не стыдились рабов и имели общение

с ними во всем, если они хороши. Если Павел не постыдился назвать раба сыном, утробною своею, братом и возлюбленным, то как будем стыдиться мы? Но что я говорю: Павел? Владыка Павла не стыдится называть рабов наших братьями Своими, – как же будем стыдиться мы? Смотри, какую Он оказывает нам честь: наших рабов Он называет Своими братьями, друзьями и сонаследниками. Вот как Он унижил Себя! Что же делать нам, чтобы вполне достигнуть этого? Никогда мы не можем (достигнуть этого) вполне, но до какой бы степени смирения мы ни дошли, большей части его будет еще недоставать нам. Смотри: что бы ты ни делал, ты делаешь для подобного тебе раба, а Владыка твой сделал это для твоих рабов. Слушай и страшись! Никогда не превозносись своим смирением! Может быть, вам кажутся смешными слова мои, что смирение превозносится; но не удивляйтесь: оно превозносится, когда бывает неискренним. Как и каким образом? Когда оно бывает для того, чтобы показаться пред людьми, а не пред Богом, когда оно имеет в виду свое прославление и тщеславие; и тогда оно – дело диавола. Как многие тщеславятся тем, что они нетщеславны, так превозносятся и смирением по высокомерию. Например, пришел к тебе какой-нибудь брат, или слуга; ты принял его, омыл ему ноги, и тотчас же гордишься этим: я, говоришь ты, сделал то, чего не сделал никто другой, я совершил подвиг смирения. Каким же образом можно остаться смиренномудрым? Если будем помнить заповедь Христа, который говорит: **"когда исполните все повеленное вам, говорите: мы рабы ничего не стоящие"** (Лук.17:10); также слова учителя вселенной, который говорит: **"я не почитаю себя достигшим"** (Флп.3:13). Кто убежден, что он не сделал ничего великого, что бы он ни сделал, кто не считает себя достигшим конца, тот только может быть смиренным. Многие от смирения впали в гордость, – да не будет этого с нами! Совершил ли ты какое-нибудь дело смирения? Не превозносись, иначе погубишь все. Таков был фарисей: он стал превозноситься тем, что отдавал бедным десятину, и погубил все. Но не таков был мытарь. Послушай, что еще говорит Павел: **"ничего не знаю за собою, но тем не оправдываюсь"** (1 Кор.4:4). Видишь ли, как он не превозносился, но всячески унижал и смирял себя, и при том тогда, как достиг самой высоты добродетелей? И три отрока, будучи в огне, среди пламени, что говорили? **"Ибо согрешили мы, и поступили беззаконно, отступив от Тебя, и во всем согрешили"** (Дан.3:29). Это и значит иметь сердце сокрушенное. Поэтому они и могли сказать: **"Но с сокрушенным сердцем и смиренным духом да будем приняты"** (Дан.3:39). Так они были смиренны после ввержения в печь, даже более, нежели до ввержения. Когда они увидели совершившееся чудо, то, считая себя недостойными спасения, пришли в глубокое смирение, – потому что мы тогда особенно сокрушаемся духом, когда убеждаемся, что мы получили великие благодеяния не по заслугам. Между тем какие же они получили благодеяния не по заслугам? Они допустили ввергнуть себя в печь, были отведены в плен еще в своей молодости, тогда как согрешили другие, и не роптали, не досадовали и не говорили: какая нам польза от того, что мы служим Богу? Что приобрели мы, поклоняясь Ему? Человек нечестивый сделался нашим владыкою; с идолослужителями мы терпим мучение от идолослужителя; отведены в плен, лишены отечества, свободы и всего родного, стали пленниками и рабами и служим царю варвару! Ничего такого они не говорили, – но что? **"Ибо согрешили мы, и поступили беззаконно"** (говорили они) и возносили молитву не за себя, а за других: **"И предал нас"**, – говорили они, – **"царю неправосудному и злейшему"** (Дан.3:32). Также Даниил, будучи в другой раз брошен в ров, говорил: **"вспомнил Ты обо мне, Боже"** (Дан.14:38). Почему же (Бог) не помянул тебя, Даниил, когда ты прославил Его пред царем и говорил: **"А мне тайна сия открыта не потому, чтобы я был мудрее всех живущих"** (Дан.2:30)? Почему Он не помянул тебя тогда, когда ты ввержен был в львиный ров за неповиновение нечестивейшему повелению? По той же самой причине. Не за Него ли ты ввержен и теперь? Так, говорит он; это потому, что великий я должник пред Ним. Если же так говорил он при столь великих добродетелях своих, то что скажем мы? Послушай еще, что говорит Давид: **"А если Он скажет так: "нет Моего благоволения к тебе", то вот я; пусть творит со**

мною, что Ему благоугодно" (2 Цар.15:26), – хотя он мог указать на бесчисленные свои добродетели. Также Илий говорит: **"Господь самъ, еже благо пред нимъ, да сотворит"** (1 Цар.3:18).

4. Признательным рабам надлежит не только в благодеяниях, но и в наказаниях и в искушениях все предоставлять Ему. И не безрассудно ли думать, что Бог не пощадит рабов своих в наказаниях, тогда как мы дозволяем господам наказывать рабов своих, зная, что они пощадят их, потому что они – их собственные? Это выражает и Павел, когда говорит: **"живем ли; умираем ли, потому [всегда] Господни"** (Рим.14:8). Он не захочет, чтобы уменьшалось богатство Его; Он знает, как наказывать; Он наказывает собственных рабов. Никто не щадит нас более, чем Он, приведший нас из небытия в бытие, повелевающий восходить солнцу, подающий дожди, вдохнувший душу и предавший за нас Сына Своего. Будем же, – о чем я сказал и для чего все это сказал, – будем смиренномудрствовать, как должно, будем уничижать себя, как должно, чтобы смирение не послужило нам поводом к гордости. Ты смирен и даже смиреннее всех людей? Не превозносись же этим и не порицай других, чтобы не погубить тебе похвалы своей. Ты для того и смиренномудрствуешь, чтобы избежать высокомерия; а если чрез это ты впадаешь в высокомерие, то лучше тебе и не быть смиренным. Послушай, что говорит Павел: **"посредством доброго причиняет мне смерть, так что грех становится крайне грешен посредством заповеди"** (Рим.7:13). Когда придет тебе на мысль удивляться своему смирению, то представь себе Владыку своего, как Он уничижил Себя, – и ты не станешь больше удивляться себе самому, не станешь хвалить себя самого, но посмеешься над собою, как не сделавшим ничего. Признавай себя всегдашним должником и, что бы ты ни сделал, приводи себе на память ту притчу: **"Кто из вас, имея раба по возвращении его, скажет ему: пойдь, садись за стол? Напротив, не скажет ли ему: приготовь мне поужинать и, подпоясавшись, служи мне"** (Лук.17:7,8). Благодарим ли мы рабов своих за то, что они служат нам? Никогда. Бог же воздает благодарностью нам, которые служим не Ему, но делаем полезное для нас. Впрочем, не будем поступать так из-за того, чтобы Он воздал нам благодарностью, чтобы Он узнал об этом, но как исполняющие долг свой. Подлинно, всякое (доброе) дело есть долг наш, и все, что мы ни делаем, есть исполнение долга. Если и мы, купив рабов за деньги, хотим, чтобы они жили всецело для нас, чтобы мы обладали всем, что имеют они, – то не гораздо ли более это следует Тому, Кто привел нас из небытия в бытие и потом искупил нас честною кровью? Он дал за нас цену, которой никто не дал бы за собственного ребенка, – пролил кровь Свою. Потому, если бы мы имели каждый по тысяче душ и пожертвовали бы всеми ими, то воздали ли бы Ему равное воздаяние? Нет. Почему? Потому, что Он сделал это для нас, не будучи обязан, но совершенно по милости Своей; а мы обязаны к тому. Он, будучи Богом, сделался рабом, будучи непричастным смерти, сделался причастным ей по плоти; а мы, если и не положим за Него душ своих, то по закону природы непременно должны будем положить, – спустя немного времени поневоле расстанемся с жизнью. Так и с деньгами: если мы не отдадим их для Него, то по необходимости отдадим при смерти. Так и со смирением: если мы не будем смиренными для Него, то смирят нас скорби, несчастья, притеснения. Видишь ли, как велика благодарность Его? Он не сказал: что важного сделали мученики? если бы они не умерли за Меня, то и без этого непременно умерли бы; но воздает им великою благодарностью, так как они добровольно отдали то, что впоследствии должны были бы отдать невольно, по закону природы. Он не сказал: что важного делают раздающие свое имение? они непременно отдадут и поневоле; но воздает и им великою благодарностью и не стыдится исповедывать пред всеми, что Владыка питаем был рабами. Подлинно, и это – слава Владыки, чтобы иметь признательных рабов, и это – слава Владыки, чтобы так любить рабов Своих, и это – слава Владыки, чтобы принадлежавшее им усвоить самому Себе, и это – слава Владыки, чтобы не стыдиться исповедывать это пред всеми. Устыдимся же такой любви Христовой, и сами воспламенимся любовью. Когда мы

слышим, что кто-нибудь любит нас, то, хотя бы он был незнатен и беден, мы воспламеняемся особенною любовью к нему и оказываем ему великое почтение, любим его сами; а Владыка наш любит нас так много, – и мы остаемся нечувствительными? Нет, увещаю вас, не будем настолько беспечны к спасению наших душ, но возлюбим Его по мере сил своих, отдадим все из любви к Нему – и душу, и имущество и славу, и все прочее с радостью, с готовностью, с усердием, не считая этого полезным для Него, но для нас самих. Таков, действительно, закон любви: любящие считают счастьем для себя, когда страдают за любимых. Будем и мы так же преданы Владыке нашему, чтобы нам достигнуть и будущих благ, во Христе Иисусе, Господе нашем, с Которым Отцу со Святым Духом слава, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.

[1] Такой перевод был бы точнее ("как бы" – ως).

БЕСЕДА 3

"Итак, если ты имеешь общение со мною, то прими его, как меня. Если же он чем обидел тебя, или должен, считай это на мне. Я, Павел, написал моею рукою: я заплачу; не говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен" (Флм.ст.17-19).

1. Ничто так не убеждает (к исполнению просьбы), как то, чтобы не просить всего вдруг. Потому, смотри, после каких похвал, после какого приготовления, (апостол) высказал эту великую просьбу. Назвав (Онисима) сыном своим, участником благовествования, утробою, сказав: ты приобретаешь в нем брата, прими его, как брата, – он потом прибавляет: **"как меня"**. Павел не постыдился сказать это. Если он не стыдился называться рабом верных, но даже сам признавал себя таким, то тем более он не мог чуждаться этого. А смысл слов его следующий: если ты мыслишь одинаково со мною, если ты стремишься к одинаковой цели, если считаешь (Меня) другом, **"то прими его как меня. Если же он чем обидел тебя"**. Смотри, как и когда упомянул он о проступке: на конце, после того как многое сказал о нем. Так как потеря имущества обыкновенно раздражает людей больше всего, то, чтобы (Филимон) не стал жаловаться на это, – а оно, вероятно, было у него похищено, – (апостол) упоминает теперь об этом и говорит: **"Если же он чем обидел тебя"**. Не сказал: если украл что-нибудь, – а как? **"Если же он чем обидел"**. Здесь он и признал проступок, и вместе представил его проступком не раба, но как бы друга в отношении к другу, выразив его названием, означаящим более несправедливость, нежели воровство. **"Считай это"**, – говорит, – **"на мне"**, т. е., считай этот долг за мною; я заплачу. Далее, с душевным радушием (говорит): **"Я, Павел, написал моею рукою"**, – и радушно, и вместе обличительно, если бы тот отказался принять его, тогда как Павел не отказался даже написать о нем письмо. Этим весьма сильно и его тронул, и вместе избавил Онисима от опасения. **"Моею рукою"**, – говорит, – **"я написал"**. Нет ничего пламеннее, ничего ревностнее, ничего деятельнее этой души. Об одном человеке, смотри, как он заботится. **"Не говорю тебе о том, что ты и самим собою мне должен"**. Чтобы не показалось обидным для того, у кого просят, если бы (Павел) не решился просить за вора и не надеялся получить просимое, – он предусматривает и это: **"Не говорю тебе"**, – говорит, – **"что ты и самим собою мне должен"**, т. е. должен не только своею собственностью, но и самим собою. И это (сказал он) по любви, по дружбе и великому дерзновению. Смотри, как он везде заботится о том и другом, – и о том, чтобы просить с полною уверенностью, и о том, чтобы не показаться слишком дерзновенным. **"Так, брат"** (ст. 20). Что значить: **"Так, брат"**? Т. е., прими его. Это нужно подразумевать здесь. Оставив задушевность, он опять обращается к прежнему, к делу, хотя и

предыдущее также относилось к делу, – у святых бывает деловитым и то, чем они выражают свои душевные чувствования. **"Так, брат, дай мне воспользоваться от тебя в Господе; успокой мое сердце в Господе"**, т. е. окажи милость Господу, а не мне. **"Сердце"** т. е. (любовь мою) к тебе. **Надеясь на послушание твое, я написал к тебе"** (ст. 21). Какой камень не смягчился бы от этих (слов)? Какой зверь не укротился бы от них и не оказал бы готовности к точному принятию (прощения)? Приписав ему такие добродетели, (апостол) не перестает еще оправдывать себя; и оправдывается не просто, не повелевая и не требуя со властью, но: **"Надеясь"**, – говорит, – **"на послушание твое"**. Как в начале послания он сказал: **"дерзновение имея"** (ст. 8), так и здесь говорит то же, запечатлевая послание. **"Зная, что ты сделаешь и более, нежели говорю"**. Этими словами он сильно побуждает (Филимона), потому что хотя бы он и не сделал ничего другого, но, по крайней мере, устыдился бы не сделать просимого, заслужив (пред Павлом) такое о себе мнение, что он может сделать и более, нежели сказано. **"А вместе приготовь для меня и помещение; ибо надеюсь, что по молитвам вашим я буду дарован вам"** (ст. 22). И это сказано с великою надеждою, или лучше, и это в пользу Онисима, чтобы те не были беспечными, но, зная, что (Павел) придет и узнает все касательно его, отложили всякое злопамятство и скорее оказали ему милость. Великое ведь было благоговение и почтение к Павлу присутствующему, Павлу старцу, Павлу, претерпевшему узы. С другой стороны, эти слова свидетельствуют о любви их к нему, если он говорит, что они молятся за него, и сам предоставляет им такую честь, чтобы молиться за него: хотя, говорит, я теперь и в опасности, но вы увидите меня, если станете молиться. **"Приветствует тебя Епафрас, узник вместе со мною ради Христа Иисуса"** (ст. 23). Он был прислан колоссянами (Кол.1:7,4:12), так что отсюда видно, что Филимон жил в Колоссах. Павел называет его **"узником вместе со мной"**, выражая, что и он был в великой скорби. Таким образом, если не для самого (апостола), то для этого мужа (просьба) должна быть услышала, – тот, кто находится в скорби и, оставив свои дела, заботится о других, должен быть услышан. С другой стороны (апостол) здесь укоряет (Филимона) на случай, если бы он не оказал милости собственному своему рабу, тогда как согражданин его сделался **"узником вместе со мной"** (Павла) и вместе с ним терпит страдания. И еще прибавляет: **"узник вместе со мною ради Христа Иисуса"**, т. е. за Христа. **"Марк, Аристарх, Димас, Лука, сотрудники мои"** (ст. 24). Почему Луку он ставит последним, между тем как в другом месте говорит: **"Только Лука один со мною"**, а Димас, говорит, был один из тех, которые оставили его и возлюбили нынешний век (2 Тим.4:10)? Об этом, правда, уже сказано было в другом месте, но и здесь не следует ни оставлять без исследования, ни слушать просто и без разбора. Почему же он говорит, что приветствует их оставивший его? **"Ераст"**, – как говорит он, – **"остался в Коринфе"** (2 Тим.4:20). Епафраса приводит он, как известного им и происходившего оттуда, – Марка, как дивного мужа; а почему он причисляет к ним Димаса? Может быть, этот пал духом уже впоследствии, когда увидел многие опасности. А Лука, бывший последним, сделался первым. (Апостол) приветствует (Филимона) и от лица их, чтобы скорее склонить его к послушанию, и называет их споспешниками своими, чтобы таким образом сильнее убедить его к исполнению просьбы. **"Господь Иисус Христос со духом твоим. Благодать с вами. Аминь"** (ст. 25).

2. Он заключил послание молитвою. Молитва есть великое и спасительное благо и ограждение душ наших; но она, бывает великим благом тогда, когда мы совершаем достойное ее, и когда не делаем самих себя недостойными ее. Поэтому, когда ты придешь к священнику и он скажет тебе: да помилует тебя Бог, чадо, – ты не полагайся только на слова, но приложи и дела, совершай то, что достойно милости. Бог благословит тебя, чадо, если ты будешь поступать достойно благословения, благословить, если ты будешь милостив к ближнему, – потому что чего мы хотим получить от Бога, то должны прежде дать ближним; а если мы лишаем этого ближних, то как хотим получить тоже от Бога?

"Блаженны", – говорит Он, – "милостивые, ибо они помилованы будут" (Мф.5:7). Ведь если и люди милуют таких, то тем более – Бог, а немилосердых не помилует: **"Ибо суд без милости не оказавшему милости"** (Иак. 2:13). Милосердие есть доброе дело: почему же ты не оказываешь его другому? Ты хочешь получить прощение в грехах: почему же сам не прощаешь согрешившему? Ты приступаешь к Богу, испрашивая царствия небесного, а сам не подаешь серебра просящему! Потому мы и не получаем милости, что сами не милуем. Как же, скажешь, и это разве не дело милосердия, чтобы миловать немилующих? Но будет ли милосердным тот, кто стал бы миловать человека жестокого, свирепого и причиняющего бесчисленное множество зол ближнему? Как же, скажешь, купель (крещения) разве не спасла нас, соделавших бесчисленное множество зол? Но она избавила нас от них не для того, чтобы мы снова делали их, а для того, чтобы не делали. **Мы умерли для греха: говорит (апостол), как же нам жить в нем? Что же? станем ли грешить, потому что мы не под законом, а под благодатью? Никак"** (Рим.4:2,15). Для того она и избавила тебя от них, чтобы ты уже не возвращался к такому бесчестью. Так и врачи больных горячкою исцеляют от болезни не для того, чтобы они, злоупотребляя здоровьем, вновь заболели и получали расстройство, – лучше ведь оставаться больным, нежели искать исцеления для того, чтобы опять повергнуть себя на одр болезни, – но для того, чтобы они, узнав страдания болезни, не впадали в то же самое, тщательнее берегли свое здоровье и делали все, служащее к его сохранению. Где же, скажешь, человеколюбие Божие, если Он не хочет спасать злых? Часто и от многих я слышу, что (Бог) человеколюбив и непременно спасет всех. Не станем обольщать себя напрасно. Я вспомнил одно обещание (данное вам некогда), – займемся теперь этим предметом. Прежде я беседовал с вами о геенне и отложил речь о человеколюбии Божиим; сегодня хорошо – исполнить это обещание. То, что будет геенна, кажется, мы достаточно доказали, представив потоп и другие прежние бедствия и сказав, что совершивший все это не может оставить ненаказанными и нынешних (грешников). Если Он так наказал тех, которые грешили прежде закона, то, конечно, не оставит без наказания тех, которые при благодати совершали гораздо большие преступления. Итак, предложен был вопрос: как же (Бог) благ, как человеколюбив, если Он наказывает? Мы отложили речь об этом, чтобы не обременить вашего внимания множеством (предметов). Вотъ, теперь отдадим этот додг и покажем, как Бог и наказывая остается благим. Эти слова могут быть у нас направлены и против еретиков, – потому слушайте внимательно. Бог создал нас, не имея в нас никакой нужды. А что Он не имел в нас никакой нужды, видно из того, что Он создал нас впоследствии (не от вечности). Если бы Он имел в нас нужду, то создал бы прежде. Если же Он существовал и без нас, а мы произошли в последующее время, то Он сотворил нас, не имея в нас нужды. Он сотворил небо, землю, море и все существующее для нас. Не есть ли это, скажи мне, дело Его благости? Много можно было бы сказать об этом, но для краткости скажем, что Он **"повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных"** (Мф.5:45). Ужели это не дело благости? Нет, скажешь. Так никогда спросил я одного маркионита: ужели это не дело благости? Он отвечал мне: если бы Бог не требовал отчета за грехи, то это было бы делом благости; а так как Он требует отчета, то – не дело благости. Его уже нет теперь, но мы повторим сказанное тогда, и даже скажем больше того. Я решительно доказываю, что, если бы Бог не требовал отчета, то Он не был бы благ; а так как Он требует отчета, то – благ. В самом деле, скажи мне, если бы Он не требовал от нас отчета, то могла ли бы продолжаться жизнь человеческая? Не обратились ли бы мы в диких зверей? Если и теперь, когда тяготеет над нами страх суда и наказания, мы превзошли рыб, пожирая друг друга, взяли перевес над львами и волками, грабя друг друга, то какого смятения и расстройства не исполнилась бы жизнь наша, если бы Он не требовал от нас отчета и мы были бы убеждены в этом? Что был бы баснословный лабиринт в сравнении с беспорядками в нашем мире? Не увидел ли бы ты бесчисленного множества бесчинств и неурядиц? Кто стал бы, наконец, уважать отца? Кто не оскорблял бы матери? Кто не был

бы предан всяким удовольствиям и всяким порокам? А что это так, я постараюсь убедить тебя, представив в пример один только дом. Каким образом? Вот каким: если бы у кого-нибудь из вас, спрашивающих об этом, были рабы, и я объявил бы им, что, сколько бы они ни противились власти господ, хотя бы наносили им оскорбления действием, хотя бы расхитили все их имущество, хотя бы все поставили вверх дном, и обращались с ними, как враги, (господа) не будут угрожать им, не будут наказывать, не будут мучить и даже не огорчать их неприятным словом, – то, как вы думаете, было ли бы это делом благости? Я, напротив, полагаю, что было бы делом крайней жестокости – предавать на поругание не только жену и детей таким неуместным снисхождением, но еще прежде того допускать до гибели самих виновных. Они ведь сделаются и пьяницами, и развратниками, и бесстыдными, и наглыми, и бессмысленнейшими всех зверей. Это ли, скажи мне, дело благости, чтобы попирать благородство души и губить их и друг друга? Видишь ли, что самое требование отчета есть дело великой благости? Но что я говорю о слугах, которые слишком склонны к этим порокам? Если бы кто, имея сыновей, позволил им делать все и не наказывал их, то, скажи мне, кого они не сделали бы хуже? Итак, если между людьми наказание есть дело благости, а безнаказанность – жестокости, то ужели не так у Бога? Следовательно, потому Он и уготовал геенну, что Он – благ. Хотите ли, я покажу вам благость Божию и с другой стороны? Кроме всего сказанного, (страх наказания) не позволяет и добрым сделаться злыми. Если бы все ожидали одного и того же, то все сделали бы злыми; а теперь добрые и в этом находят немалое утешение. Послушай, что говорит пророк: **"Возрадуется праведник, когда увидит отмщение; омоет стопы свои в крови нечестивого"** (Псал.57:11); не радуясь этому, нет, но, страшась, чтобы самому не потерпеть того же, он будет заботиться о большей чистоте своей жизни. Таким образом, это (требование отчета) есть дело великого попечения. Так, скажешь; но следовало бы только угрожать, а не наказывать. Нет, если и тогда, когда Он полагает наказание, ты говоришь, что это одна угроза, и потому становишься более беспечным, то до какой не дошел бы ты беспечности, если бы это действительно было только угрозою? Если бы ниневитяне знали, что назначенное им наказание было одною угрозою, то не раскаялись бы; но так как они раскаялись, то угроза и осталась только на словах. Хочешь ли и ты, чтобы (назначенные грешникам наказания) были только угрозою? Это зависит от тебя самого; исправься, и они останутся только угрозою. Если же ты станешь презирать угрозу, – чего да не будет! – то испытаешь ее на деле. Жившие пред потопом, если бы побоялись угрозы, то не испытали бы ее на самом деле. Так и мы, если станем бояться угрозы, то не испытаем ее на деле. Да не будет этого с нами, но да подаст человеколюбивый Бог всем нам вразумиться этим и достигнуть неизреченных благ, которых да сподобимся все мы, благодатью и человеколюбием Господа нашего Иисуса Христа, с Которым Отцу со Святым Духом слава, держава, честь, ныне и присно, и во веки веков. Аминь.